

STREET

KNIFE

ПРОТНВОСТОЯНИЕ

AFMATELSON

Из секретной лаборатории министерства обороны США в результате трагической случайности вырвался на свободу опаснейший вирус. Последствия оказались катастрофическими — страна обезлюдела.

Немногие уцелевшие разделились на два лагеря: одни остались верны идеалам прошлого, другие примкнули к загадочному Черному Человеку, который стремится к мировому господству. Так началось противостояние...

- [Стивен Кинг](#)
 - [ПРОЛОГ. КРУГ РАЗМЫКАЕТСЯ](#)
 - [Часть первая. КАПИТАН ШУСТРИК](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)

- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)

- [ЧАСТЬ ВТОРАЯ. НА ГРАНИ](#)

- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)

- [ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. АРМАГЕДДОН](#)

- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)

- [ЭПИЛОГ. КРУГ ЗАМЫКАЕТСЯ](#)

- [notes](#)

- [Note1](#)
 - [Note2](#)
-

Стивен Кинг

Противостояние

Посвящаю Табби это мрачное скопище чудес...

ПРОЛОГ. КРУГ РАЗМЫКАЕТСЯ

Нам нужна помощь, — считал Поэт.

Эдвард Дорн

— Салли.

В ответ неясное бормотание.

— Просыпайся же, Салли.

Бормотание стало громче: «...оставь меня в покое!»

Он потряс ее посильнее.

— Просыпайся. Немедленно просыпайся!

«Чарли.»

«Голос Чарли. Зовет ее. В который раз?»

Салли выплыла из пучины сна.

Первым делом она посмотрела на часы на ночном столике и увидела, что на них было четверть третьего утра. Чарли вообще непонятно откуда взялся: ведь была его смена. Затем она наконец-то внимательно взглянула на него, и что-то встрепенулось в ней, какая-то ужасная догадка.

Ее муж был смертельно бледен. Глаза его вылезли из орбит. В одной руке он держал ключи от машины, а другой все еще тряс ее несмотря на то, что она уже проснулась.

— Чарли, в чем дело? Что случилось?

Он словно бы не знал, что ответить. Его адамово яблоко двигалось, но единственным звуком, раздававшимся в небольшом служебном коттедже, было тиканье часов.

— Пожар? — глупо спросила она.

— В некотором роде, — сказал он. — В некотором роде гораздо хуже. Тебе надо одеться, милая. Буди крошку Ла Вон. Надо убираться отсюда.

— Почему? — спросила она, вставая с постели. Темный ужас охватил ее. Все было не так. Все, как во сне. — Куда? Во двор? — Но она знала, что он не это имел в виду. Никогда еще не видела она Чарли таким испуганным. Она втянула ноздрями воздух, но не почувствовала запаха дыма.

— Салли, милая, не задавай вопросов. Нам надо уезжать. Чем дальше, тем лучше. Буди крошку Ла Вон и одевай ее.

Новая догадка озарила ее. Раз Чарли собирается уехать под покровом ночи, то это значит, что он хочет оставить пост САМОВОЛЬНО.

Она вошла в небольшую комнатку, которая служила детской крошке Ла Вон. Она все еще цеплялась за слабую надежду, что все это — лишь удивительно явственный сон. Он кончится, и она проснется как обычно в семь часов утра, покормит крошку Ла Вон и поест сама, наблюдая за первым часом программы «Сегодня» и варя яйца для Чарли, которого сменят на посту в восемь утра. А через две недели у него будут дневные смены, и когда они будут спать вместе, у нее больше не будет таких кошмарных снов, как сегодня, и...

— БЫСТРЕЕ! — зашипел он, разбивая ее слабую надежду. Он нервно кашлянул и начал вытаскивать вещи из комода и в беспорядке запихивать их в пару старых чемоданов.

Она разбудила крошку Ла Вон. Малышка выглядела раздраженной и удивленной тем, что ее разбудили посреди ночи. Звук ее плача испугал Салли еще сильнее, о испуг медленно перешел в гнев, когда она увидела, как Чарли пронесся, сжимая в руках ее белье. Застежки

лифчика болтались, как серпантин на новогодних хлопушках. Из груди свисала кружевная оборка ее лучшей комбинации, и Салли готова была поклясться, что она порвана.

— В чем все-таки дело? — закричала она. — Ты что, спятил? За нами в погоню отправят солдат, Чарли! Понимаешь, *солдат!*

— Вряд ли это произойдет сегодня ночью, — сказал он, и голос его был таким уверенным, что в нем чувствовалось что-то ужасное. — Пойми, радость моя, если мы сейчас не смогаемся отсюда, нам уже никогда не выбраться с базы. Я вообще не понимаю, как мне удалось выбраться из вышки. Надо полагать, что-то не сработало. Почему бы и нет? Все на свете может сломаться. — И он издал тонкий, птичий смешок, который испугал ее сильнее, чем все остальное. — Крошка одета? Хорошо. Пора убираться. Надеюсь, с нами все в порядке: слава Богу, ветер дует с востока на запад.

Он снова кашлянул.

— Папочка! — потребовала Ла Вон, протягивая вверх руки. — Папочка! Я хочу покататься на лошадке!

— Не сейчас, — ответил Чарли и исчез на кухне. Салли услышала шум: он доставал деньги из голубой супницы на верхней полке. Тридцать или сорок отложенных ею долларов. Деньги, которые она откладывала на покупку дома. И так, все это не было сном. В чем бы ни было дело, все это было явью.

Чарли вернулся в спальню. Он все еще комкал и запихивал одно— и пятидолларовые купюры в карман своих брюк. Салли взяла крошку Ла Вон на руки. К тому моменту крошку уже совсем проснулась и могла бы идти сама, но Салли хотела прижать ее к себе.

— Куда мы едем, папочка? — спросила крошка Ла Вон. — Я спала.

— Ты можешь поспать и в машине, — сказал Чарли, подхватывая чемоданы. Из одного свисало оборванное кружево. Страшная догадка, переходящая в уверенность, зародилась в сознании Салли.

— Произошел несчастный случай? — прошептала она. — О, пресвятая Богородица, ведь так? Несчастный случай. Там.

— Я раскладывал пасьянс, — произнес он. — Я поднял взгляд и увидел, что циферблат из зеленого стал красным. Я включил монитор. Салли, они все были...

Он выдержал паузу и взглянул на крошку Ла Вон.

— Они все были М-Е-Р-Т-В-Ы, — сказал он. — Все, за исключением одного или двух, да и тех, наверное, уже нет в живых.

— Что значит М-И-Р-Т-В-Ы, папочка? — спросила крошка Ла Вон.

— Не обращай внимания, моя радость, — сказала Салли. Ее собственный голос доходил до нее словно из очень длинного ущелья.

— Когда циферблат становится красным, все выходы должны блокироваться. Я посмотрел на монитор и выскочил за дверь. Я думал, эта чертова штука перережет меня пополам. Она должна была закрыться в тот же миг, когда покраснел циферблат. Но я уже был почти рядом со стоянкой, когда услышал позади глухой удар.

— Но что случилось? Что...

— Я не знаю. Я не хочу этого знать. Я знаю только, что это убило их быстро. Мы едем на восток. Пошли.

Все еще чувствуя себя как в кошмарном сне, она пошла за ним к подъездной площадке, где стоял их старенький «Шевроле», тихо ржавея в благоуханной, пустынной тьме калифорнийской ночи.

Чарли положил чемоданы в багажник, а сумку — на заднее сиденье. Салли с малышкой на руках на мгновение помедлила перед машиной, глядя на коттедж, где они провели

последние четыре года. Она подумала, что когда они въехали, крошка Ла Вон сидела у нее в животе и все катанья на лошадке еще только предстояли ей.

— Давай! — сказал он. — Садись скорее!

Она повиновалась. Он подал машину назад, полоснув фарами по дому. Блики в окнах были похожи на глаза какого-то загнанного зверя.

Он напряженно нагнулся над рулем, и лицо его слабо осветилось тусклым светом приборной доски.

— Если ворота базы закрыты, я попробую их протаранить.

Он так и делает. Она может поручиться.

Но не было никакой необходимости в таких отчаянных мерах. Ворота были открыты. Один из сторожей дремал над журналом. Другого она не разглядела. Возможно, он находился во внешней части помещения. Это была граница базы, выглядевший как самый обыкновенный склад военной техники. То, что происходило на самой базе, никак не касалось этих парней.

Я ПОДНЯЛ ВЗГЛЯД И УВИДЕЛ, ЧТО ЦИФЕРБЛАТ ПОКРАСНЕЛ.

Она поежилась и положила руку ему на бедро. Крошка Ла Вон снова спала. Чарли слегка похлопал ее по руке и сказал:

— Все будет в порядке, дорогая.

Когда взошло солнце, они ехали на восток, пересекая Неваду. Чарли непрерывно кашлял.

Часть первая. КАПИТАН ШУСТРИК
16 ИЮНЯ — 4 ИЮЛЯ 1990 ГОДА

*Крошка, поймешь ли ты своего парня?
Он — парень что надо, Он — парень шикарный.
Крошка, поймешь ли ты своего парня?*

Ларри Андервуд

Заправочная станция Хэпскома была расположена на шоссе *N93 на северной границе Арнетта*, захудалого городишки из четырех улиц в ста десяти милях от Хьюстона. В тот вечер завсегдаги собрались у Хэпскома и, усевшись рядом с кассой, принялись пить пиво, лениво болтать и наблюдать за полетом жуков.

Тяжелые времена наступили в Арнетте. В 1980 году в городе было два промышленных предприятия: бумажная фабрика и завод по выпуску калькуляторов. Теперь бумажная фабрика была закрыта, а калькуляторный завод переживал не лучшие времена. Как выяснилось, тайваньские калькуляторы требуют куда меньших затрат на производство.

Норман Брюетт и Томми Уоннамейкер, раньше работавшие на бумажной фабрике, недавно сумели найти себе новую работу. Генри Кармайкл и Стью Редман оба работали на калькуляторном заводе, но у них редко набегало более тридцати рабочих часов в неделю. Виктор Палфри был на пенсии и курил самокрутки из вонючего табака — все, что он мог себе позволить.

Хэп и Вик Палфри спорили о деньгах и об их загадочной способности исчезать куда-то, лишь только они появятся. Слушая их, Стюарт Редман, едва ли не самый тихий человек во всем Арнетте, вспоминал о том, как кровоточили его руки, когда в девятилетнем возрасте он после занятий помогал разгружать грузовики за тридцать пять центов в час. Он знал, что такое нищета. Он пытался спрятать свои руки от матери, но не прошло и недели после того, как он начал работать, и она все поняла. Она поплакала немного, но не упрасивала его оставить работу. Она понимала, в каком положении они находятся. Она была реалистом.

Стью был молчалив — отчасти потому, что у него никогда не было ни друзей, ни времени, чтобы их найти. Сначала школа, потом работа. Его младший брат Дэв умер от пневмонии в тот самый год, когда он начал работать. Стью так и не смог его забыть. Может быть, дело в чувстве вины,

— думал он. Он любил Дэва больше всех на свете... но его смерть означало также и то, что одним ртом стало меньше.

В средней школе он увлекся футболом. Его мать поддержала это увлечение, даже несмотря на то, что оно отнимало время у его работы.

— Играй, — сказала она. — Если ты и сумеешь выбраться отсюда, то только благодаря футболу, Стюарт. Играй. Помни об Эдди Уорфилде.

Эдди Уорфилд был местным героем. Он вырос в очень бедной семье, прославился как защитник районной школьной команды и десять лет играл за «Грин Бэй Пэкерс». В настоящий момент Эдди был владельцем целой сети забегаловок на западе и юго-западе. Когда в Арнетте произносили слово «успех», то имели ввиду Эдди Уорфилда.

Стью не был защитником и не годился на роль Эдди Уорфилда. Но ему казалось, что у него есть хоть какой-то шанс получить спортивную стипендию.

Тогда заболела его мать. Она не могла продолжать работу. Это был рак. За два месяца до того, как он окончил среднюю школу, она умерла, оставив его с братом Брюсом на руках. Стью послал куда подальше спортивную стипендию и пошел работать на калькуляторный завод. И в конце концов именно Брюс, который был на три года его младше, сумел выбраться из этого дерьма. Теперь он работал в Миннесоте системным аналитиком компании IBM. В последний раз он видел Брюса на похоронах своей собственной жены, умершей от той же самой разновидности рака, которая убила его мать. Он размышлял о том, что у Брюса тоже может быть свое чувство вины... и что, возможно, он немного стыдится того, что его брат

превратился в очередного добродушного старожила вымирающего техасского городка, который проводит свои дни за работой на калькуляторном заводе, а вечера — у Хэпа или в баре за пивом.

Семейная жизнь была самым счастливым его временем, но длилась она только восемнадцать месяцев. Утроба его жены породила только одного — темного и зловещего — ребенка. Было это четыре года назад.

В четверти мили от них Стью заметил машину. У Стью было хорошее зрение, и он определил автомобиль как очень старый «Шевроле», возможно, 75-го года выпуска. Фары были выключены, скорость — не более пятнадцати миль в час, машина виляла из стороны в сторону. Вот она пересекла белую линию и подняла пыль на обочине. Потом она свернула в другую сторону и чуть не свалилась в кювет. Затем, словно бы водитель принял освещенное здание заправочной станции за маяк, она двинулась прямо по шоссе, напоминая пулю на излете. Миновав подъездной путь, машина въехала на тротуар. Флуоресцентные лампы над колонками отражались в забрызганном грязью ветровом стекле, так что было трудно разобрать, что там внутри, но Стью разглядел смутные очертания водителя, тело которого мешковато подпрыгнуло на ухабе. Машина шла все с той же скоростью, по-видимому, не собираясь останавливаться.

— Лучше отключить колонки, Хэп, — мягко сказал Стью.

— Колонки? Почему?

Норм Брюетт повернулся и посмотрел в окно.

— Христос на осле, — сказал он.

Стью встал со стула, подался вперед и нажал на восемь пусковых кнопок одновременно. Так что он оказался единственным человеком, который не видел, как «Шевроле» врезался в ряд заправочных колонок, сбивая их одну за другой.

Все они заметили искры, которые вырывались из-под выхлопной трубы, цеплявшейся за бетон, и Хэп, видевший взрыв заправочной станции в Мексике, инстинктивно закрыл глаза в ожидании огненного шара.

«Шевроле» сшиб три заправочных колонки и остановился. Тишина была такой глубокой, что нервы не выдерживали.

— Твою мать, — беззвучно выдохнул Томми Уоннамейкер. — Она взлетит на воздух, Хэп?

— Если б она собиралась, она давно бы уже взорвалась, — сказал Хэп, поднимаясь с места. Хэп был охвачен опасливым ликованием. Колонки были застрахованы, а взнос выплачен.

— Парень, должно быть, чертовски пьян, — сказал Норм.

— Я следил за задними фарами, — сказал Томми возбужденным тоном. — Они ни разу не загорелись. Твою мать! Если бы он ехал со скоростью шестьдесят миль, нас бы уже не было на свете.

Они быстро вышли из помещения, Хэп — впереди, Стью — замыкая шествие. В воздухе пахло бензином. Хэп открыл левую переднюю дверь, и человек, бывший за рулем, выпал оттуда, как мешок с грязным бельем.

— ЧЕРТ ВОЗЬМИ! — завопил Норм Брюетт, срываясь на визг. Он отвернулся, схватился за свой объемистый живот, и его стошнило.

Дело было не в выпавшем человеке (Хэп подхватил его как раз вовремя, чтобы не дать ему удариться о тротуар), дело было в запахе, исходящем из машины, в тошнотворном зловонии, в котором смешались запахи крови, фекалий, рвоты и разлагающегося человеческого тела.

Хэп повернулся и потащил водителя, ухватив его под руки. Томми торопливо схватил волочащиеся ноги, и вместе они понесли его в помещение. На лицах их было написано отвращение. Хэп забыл о страховке.

Вик и Стью заглянули в машину, потом посмотрели друг на друга и снова в машину. Справа от водителя сидела молодая женщина. К ней прислонился ребенок лет трех. Оба были мертвы. Шеи их распухли, а кожа была пурпурно-красной, как один большой синяк. Глаза их были бессмысленно вытаращены. Женщина держала ребенка за руку. Из ноздрей у них вытекала густая слизь, теперь она подсохла и застыла. Вокруг них жужжали мухи, время от времени опускаясь на корку слизи и вползая в их открытые рты. Стью был на войне, но никогда ему не доводилось видеть более жалкого зрелища. Взгляд его постоянно возвращался к этим сцепленным рукам.

Он и Вик одновременно подались назад и тупо посмотрели друг на друга. Затем они повернулись к станции. Им был виден Хэп, который яростно кричал что-то в телефонную трубку. Левая передняя дверь «Шевроле» так и осталась открытой. Пара детских туфель висела с зеркала заднего вида.

Хэп повесил трубку. Водитель «Шевроле» лежал на полу.

— Скорая помощь будет здесь через десять минут. Ты думаешь, они?.. — Он указал пальцем на «Шевроле».

— Абсолютно мертвы, — кивнул Вик. Его морщинистое лицо было изжелта-бледным, и он просыпал табак на пол, пытаясь скрутить одну из своих дерьмовых папиросок.

Человек на полу хрипло застонал, и все посмотрели на него. Спустя мгновение, когда стало ясно, что человек говорит или, по крайней мере, пытается что-то сказать, Хэп наклонился к нему.

Что бы это ни было, но то, что случилось с женщиной и ребенком в машине, происходило и с этим человеком. Из его носа текло, а дыхание сопровождалось странным звуком, исходившим из его груди. Плоть под глазами набухла, но еще не почернела. Она была воспаленно-красного цвета. Шея его казалась слишком толстой. Он был в лихорадке. Находиться рядом с ним было все равно что наклоняться над раскаленными угольями, на которых жарят шашлык.

— Собака, — пробормотал он. — Вы выпустили ее?

— Мистер, — сказал Хэп, слегка встряхнув его. — Я вызвал скорую помощь. С вами все будет в порядке.

— Циферблат покраснел, — прохрюкал человек на полу и закашлялся, извергая изо рта густую слизь, выходящую длинными волокнистыми сгустками. Хэп отодвинулся с безнадежной гримасой.

— Лучше перевернуть его, — сказал Вик. — А не то он задохнется.

Но прежде чем они сделали это, кашель вновь перешел в хриплое, неровное дыхание. Он медленно моргнул и посмотрел на склонившихся над ним мужчин.

— Где... я?

— Ариетт, — ответил Хэп. — Заправочная станция Билла Хэпскома. Вы свернули несколько моих колонок. — А затем торопливо добавил: — Но это не страшно. Они были застрахованы.

Человек на полу пытался сесть, но не смог этого сделать.

— Моя жена... моя малышка...

— С ними все в порядке, — сказал Хэп, глупо улыбаясь.

— Я вроде как сильно болен, — сказал человек. Воздух входил и выходил из его легких с тихим рокотом. — Они тоже заболели. С того самого момента, как мы выехали два дня назад.

Солт Лейк Сити... — Его глаза медленно закрылись. — Заболели... в конце-концов похоже, что мы не успели...

Где-то вдалеке они расслышали приближающуюся сирену арнеттской скорой помощи.

— Господи, — сказал Томми Уоннамейкер. — О, Господи.

Хэп и Хэнк помогли человеку перевернуться набок, и, похоже, ему стало чуть-чуть легче дышать.

— До прошлой ночи я чувствовал себя нормально. Кашлял, но не более. Не успели убраться вовремя. С крошкой Ла Вон все в порядке?

Последние слова перешли в неразличимое бормотание. Сирена завывала все ближе и ближе. Стью отошел к окну, чтобы увидеть, когда подъедет скорая помощь. Остальные сомкнулись вокруг человека на полу.

— Что с ним. Вик, как ты думаешь? — спросил Хэп.

— Не знаю.

— Наверное, съели что-нибудь, — сказал Норм Брюетт. — На машине калифорнийские номера. Им, наверное, пришлось много раз подкрепляться в придорожных забегаловках. Может, они съели отравленный гамбургер. Это бывает.

Скорая помощь обогнула разбитый «Шевроле» и остановилась неподалеку от входа на заправку. Комната запульсировала красным светом. На улице уже совсем стемнело.

— Дай мне руку, и я вытащу тебя отсюда, — внезапно закричал человек на полу.

— Пищевое отравление, — сказал Вик. — Да, возможно. Надеюсь, что это так, иначе...

— Иначе что? — спросил Хэнк.

— Иначе это может быть что-нибудь заразное. — Вик посмотрел на них обеспокоенно. — Я видел холеру в 1958 году, и это выглядело очень похоже.

Три человека вошли с носилками.

— Хэп, — сказал один из них. — Тебе повезло, что твоя тощая задница не взлетела на небо. Вот этот парень, да?

Они подались в сторону, чтобы пропустить их — Билли Верекера, Монти Салливана, Карло са Ортегу — людей, которых все они прекрасно знали.

— Двое людей в машине, — сказал Хэп, отводя Монти в сторону. — Женщина и маленькая девочка. Обе мертвы.

— Ни хрена себе! Ты уверен?

— Да. Этот парень, он еще не знает. Вы отвезете его в Брейнтри?

— Ну да. — Монти посмотрел на него в недоумении. — Что мне делать с этими двумя в машине? Я не знаю, как надо поступать в таких случаях, Хэп.

— Стью вызовет патрульную машину. Ты не против, если я поеду с вами?

— Нет, черт возьми.

Они уложили человека на носилки и понесли его к машине. Хэп повернулся к Стью.

— Я поеду в Брейнтри с этим парнем. Ты не мог бы вызвать патруль?

— Разумеется.

— И позвони Мэри. Расскажи ей, что произошло.

— О'кей.

Хэп заторопился к скорой помощи и влез внутрь. Билли Верекер закрыл за ним двери и позвал своих напарников. Они смотрели в разбитый «Шевроле» как зачарованные.

Через несколько секунд скорая помощь уехала. Стью подошел к телефону и опустил монетку.

Человек из «Шевроле» умер в двадцати милях от госпиталя. Он сделал последний шумный вдох, затем выдохнул, попытался вдохнуть снова и просто замолк. Хэп достал

бумажник из его кармана и заглянул в него. Там было семнадцать долларов наличными. Водительские права были выданы в Калифорнии на имя Чарльза Д.Кэмпсона. Там был еще военный билет и фотографии жены и дочери. Хэпу не хотелось их рассматривать.

Он запихнул бумажник обратно в карман мертвеца и сказал Карлосу выключить сирену. Было десять минут десятого.

С побережья в Атлантический океан уходил длинный каменный пирс, расположенный неподалеку от городка Оганквит, штат Мэн. Сегодня пирс напомнил ей серый укоризненный палец. Когда Фрэнни Голдсмит запарковала машину на стоянке, она наконец увидела Джесса. Он сидел на конце пирса, его силуэт вырисовывался в лучах послеполуденного солнца. Чайки кружились и кричали над ним, и она подумала, что едва ли хоть одна из птиц осмелится осквернить белым пометом его безупречную синюю рубашку.

Гус, лысоватый и толстоватый городской старожил, вышел встретить ее. Плата для приезжих составляла один доллар с машины, но сторож знал, что Фрэнни живет в городе. Фрэн приезжала сюда часто.

Ну разумеется, я часто сюда приезжаю, — думала Фрэн. Собственно говоря, я и забеременела-то прямо здесь, на этом пляже, футах в двенадцати от верхней границы прилива.

Гус вскинул руку в приветственном жесте.

— Ваш парень на самом конце пирса, мисс Голдсмит.

— Спасибо, Гус. Как дела?

Улыбаясь, он махнул рукой в направлении автостоянки. Там стояло не более двух дюжин машин, и большинство из них принадлежало местным жителям.

— Клиентов сегодня не слишком-то много, — сказал он. Было семнадцатое июня. — Подождите недельки две, и мы принесем городу немного денег.

— Не сомневаюсь. Если только вы их все не пропьете.

Гус расхохотался и вернулся в сторожку.

Фрэнни оперлась одной рукой о теплый металл своей машины, сняла теннисные туфли и обула пару вьетнамок. Она была высокой девушкой с каштановыми волосами, хорошей фигурой и длинными ногами, которые часто удостаивались оценивающих взглядов мужчин. Мисс Колледжа, 1990.

Его звали Джесс Райдер. Было ему двадцать лет, на один год меньше, чем Фрэн. Он был студентом и поэтом. Что, впрочем, легко было отгадать по его безупречной синей рубашке.

Она остановилась на песке, чувствуя, как жар обжигает подошвы ее ног даже сквозь резину. Силуэт на дальнем конце пирса все еще был занят тем, что швырял в воду небольшие камушки. Мысль, пришедшая ей в голову, была отчасти забавна, но в целом встревожила ее.

Он знает, как он выглядит со стороны, — подумала она. Лорд Байрон, одинокий, но несломленный. Пребывающий в одиночестве и вззирающий на море, которое ведет обратно, туда, где лежит родная Англия. Но я, изгнанник, быть может, никогда...

Ее расстроила не столько сама мысль, сколько то состояние сознания, о котором она свидетельствовала. Молодой человек, которого она думала, что любит, сидел там, вдалеке, а она стояла здесь и смеялась над ним у него за спиной.

Она пошла вдоль по пирсу, осторожно выбирая путь среди глыб и трещин. Пирс был древним и когда-то составлял часть волнолома. Теперь же большинство лодок было привязано у южной оконечности города, где было три бухточки для стоянки и семь шумных мотелей, которые гудели все лето напролет.

Она шла медленно, изо всех сил стараясь справиться с мыслью о том, что она могла разлюбить его за время тех одиннадцати дней, которые прошли с тех пор, как она узнала, что «слегка беременна», как выражалась Эми Лаудер. Ну что ж, в конце концов ведь он несет за это ответственность, не так ли?

Но не он один — это уж наверняка. Она приняла таблетку. Это было проще всего на свете. Она сходила в поликлинику кампуса, сказала врачу, что у нее болезненно протекают менструации и на коже появилась сыпь. Доктор выписал ей рецепт. В действительности же, он выписал ей месяц сексуальной свободы.

Она вновь остановилась, на этот раз у воды — волны разбивались о побережье справа и слева от нее. Ей пришло с голову, что доктора из поликлиники, возможно, столько же раз слышали о болезненной менструации и прыщах на коже, сколько аптекари слышали о том, как мой брат попросил меня купить эти презервативы — а в последние годы, наверное, еще чаще. Ей ничего не стоило просто пойти к нему и сказать: «Дайте мне таблетки. Я собираюсь трахаться». Она была уже достаточно взрослой. К чему эта стеснительность? Она посмотрела Джессу в спину и вздохнула. Это потому, что стеснительность становится образом жизни.

Но как бы то ни было, таблетка не подействовала. Кто-то в отделе технического контроля на старой доброй Оврилской фабрике заснул не вовремя. Или она забыла принять таблетку, а потом забыла о том, что забыла это сделать.

Она неслышно подошла к нему сзади и положила руки ему на плечи.

Джесс, сжимавший камушки в левой руке, а правой отправляющий их в глубины Атлантики, вскрикнул и вскочил на ноги. Камушки усыпали все вокруг, и он чуть не сшиб Фрэнни в воду. Он и сам чуть не упал вниз головой.

Она начала беспомощно хихикать и подалась назад, прикрывая руками рот. Джесс, хорошо сложенный молодой человек с черными волосами, очками в тонкой золотой оправе и правильными чертами лица, которые к вечному его сожалению не могли выразить всей чуткости его натуры, в ярости обернулся.

— Ты меня *дьявольски испугала!* — прогрохотал он.

— О, Джесс, — захихикала она. — О, Джесс, извини меня, но это было так забавно, действительно забавно.

— Мы чуть не упали в воду, — сказал он, делая негодующий шаг по направлению к ней.

Она отступила назад, чтобы сохранить дистанцию, споткнулась о камень и больно ушиблась. Зубами она прикусила язык — Боже, что за боль! — и перестала смеяться так внезапно, словно звук ее смеха отхватили ножом. Сам факт такого внезапного молчания — я радио, ты выключаешь меня — показался ей еще более забавным, и она вновь начала хихикать, несмотря на то что язык кровоточил и слезы боли хлынули у нее из глаз.

— Ты в порядке, Фрэнни? — Он озабоченно наклонился к ней.

«Я *все—таки люблю его*», — подумала она с некоторым облегчением. Ну что ж, тем лучше для меня.

— Ты ушиблась, Фрэн?

— Ушиблась только моя гордость, — сказала она, позволив ему помочь ей встать. — И еще я прикусила язык. Видишь? — Она показала ему язык, рассчитывая получить в обмен улыбку, но он нахмурился.

— Господи, Фрэн, да ты истекаешь кровью. — Он достал из заднего кармана носовой платок и с сомнением посмотрел на него. Потом положил обратно.

Она представила себе, как они рука об руку возвращаются к стоянке, молодые возлюбленные под ярким солнцем, а во рту у нее — скомканный платок. Она приветствует улыбающегося, снисходительного зрителя и пытается что-то сказать: Гу-гу-гу.

Она снова захихикала, несмотря на то, что язык сильно болел, а во рту чувствовался слегка тошнотворный запах крови.

— Отвернись, — сказала она строго. — Я собираюсь нарушить правила хорошего тона

для молодых леди.

Слегка улыбаясь, он театрально прикрыл глаза. Опираясь на одну руку, она наклонилась над водой и сплюнула — слюна была ярко-красной. Еще. И еще раз. Наконец ее рот вроде бы очистился, она оглянулась и увидела, что он подсматривает сквозь пальцы.

— Извини, — сказала она. — Я такая идиотка.

— Нет, — сказал Джесс, явно имея в виду «да».

— Можем мы найти где-нибудь мороженое? — спросила она. — Ты поведешь машину. Я покупаю.

— Решено. — Он встал сам и помог подняться ей. Она снова сплюнула. Ярко-красная.

С опаской Фрэн спросила его:

— Я ведь не откусила кусок?

— Не знаю, — ответил Джесс весело. — Ты не почувствовала, как ты его проглотила?

— Это не смешно.

— Да. Извини меня. Ты просто прикусила его, Фрэнни.

— В языке проходят какие-нибудь артерии?

Рука об руку они шли обратно по пирсу. Она то и дело останавливалась и сплевывала в сторону. Слюна была ярко-красной. Но больше она не будет глотать эту дрянь, это уж точно.

— Нет.

— Хорошо. — Она сжала его руку и ободряюще улыбнулась. — Я беременна.

— Правда? Это хорошо. Знаешь, что я видел в Порт...

Он остановился и посмотрел на нее, его лицо внезапно стало жестким и очень, очень внимательным. Ее слегка задело его осторожное выражение.

— Что ты сказала?

— Я беременна. — Она широко улыбнулась ему и сплюнула с пирса в воду. Ярко-красная.

— Хорошая шутка, Фрэнни, — сказал он неуверенно.

— Это не шутка.

Он продолжал внимательно изучать ее. Через некоторое время они вновь двинулись. Когда они шли по стоянке, Гус вышел и помахал им. Фрэнни помахала в ответ. Джесс тоже.

Они остановились в Дейри Куин на шоссе N1. Джесс купил кока-колы и глубокомысленно попивал ее за рулем «Вольво». По просьбе Фрэн, он купил ей мороженое. Она сидела, прислонившись к двери, в двух футах от Джесса и ела ложкой орехи, ананасовый джем и местное мороженое плохого качества.

— Ты знаешь, — сказала она, — мороженое в Дейри Куин — это сплошное надувательство. Ты знал об этом? Многие люди даже и не подозревают.

Джесс посмотрел на нее и ничего не ответил.

— Так что, если ты хочешь настоящего мороженого, то тебе надо пойти в какое-нибудь место вроде магазина «Диринг» и там...

Она разрыдалась.

Он придвинулся к ней и обнял ее за шею.

— Фрэнни, не надо. Пожалуйста.

Вновь был извлечен на свет божий платок, и он вытер ее слезы. К тому времени рыдания перешли во вздохи.

— Мороженое с кровью, — сказала она, взглянув на него покрасневшими глазами. — Больше не могу. Извини, Джесс, ты не выбросишь?

— Разумеется, — сказал он холодно.

Он взял мороженое, вышел из машины и выбросил его в урну. У него забавная походка, — подумала Фрэн, — словно его сильно двинули в то место, которое у парней

наиболее чувствительно. В какой-то степени, его действительно ударили именно туда. Но если взглянуть на все это с другой стороны, то именно такая походка была у нее, когда он лишил ее девственности на пляже.

Он вернулся и сел в машину.

— Ты действительно беременна, Фрэн? — спросил он резко.

— Действительно.

— Как это случилось? Я думал, ты приняла таблетку.

— Что ж, одно из трех: или кто-то из отдела технического контроля старой доброй Оврилской фабрики заснул, когда моя пачка таблеток проходила по конвейеру, или в университетской столовой вас кормят чем-то таким, что активизирует сперматозоиды, или я забыла принять таблетку, а потом забыла о том, что забыла это сделать.

Она улыбнулась ему твердой, сдержанной, солнечной улыбкой, которую он вернул ей лишь отчасти.

— Что ты так сходишь с ума, Фрэн? Я ведь только спросил.

— Ну что ж, попробую ответить на твой вопрос иначе: теплой апрельской ночью, должно быть, это было двенадцатое, тринадцатое или четырнадцатое число, ты ввел член в мое влагалище, испытал оргазм и изверг сперму, содержащую миллионы...

— Прекрати, — сказал он резко. — Ты не должна...

— Не должна что? — При всем своем внешнем каменном спокойствии, внутренне она была обескуражена. Представляя в воображении эту сцену, она никогда не думала, что все произойдет именно так.

— Сходить с ума, — сказал он нерешительно. — Я не собираюсь обвинять тебя.

— Хорошо, — сказала она более мягко. В тот момент она могла оторвать его руку от руля, сжать ее и полностью устранить образовавшуюся между ними трещину. Но она не могла заставить себя сделать это. У него не было никакого права рассчитывать на то, что она будет утешать его, каким бы бессознательным и тайным не было это желание.

— И что ты собираешься делать? — спросил Джесс, доставая сигареты.

— Что *ты собираешь делать*?

— О, черт, — сказал он.

— Вот известные мне альтернативы, — сказала она. — Мы можем пожениться и сохранить ребенка. Мы можем пожениться и отказаться от ребенка. Или мы не поженимся, но я сохраню ребенка. Или...

— Фрэнни...

— Или мы не поженимся, и я откажусь от ребенка. Или я сделаю аборт. Это исчерпывает все возможности? Я ничего не пропустила?

— Фрэнни, разве мы не можем просто поговорить.

— Мы и *разговариваем!* — взорвалась она. — Твоя очередь уже была, и ты сказал «О, черт». Вот в точности твои слова. А я просто описала тебе возможные альтернативы. Разумеется, у меня было больше времени, чтобы поработать над повесткой дня.

— Хочешь сигарету?

— Нет. Это вредно для ребенка.

— Черт возьми, Фрэнни.

— Почему ты орешь? — спросила она мягко.

— Потому что ты хочешь довести меня до белого каления, — сказал Джесс гневно. Потом он взял себя в руки. — Извини. Я просто не могу согласиться с тем, что это моя вина.

— Не можешь? — Она посмотрела на него, приподняв бровь.

— Се, Дева во чреве примет.

— Почему ты все время издеваешься? Ты сказала, что приняла таблетку. Я поверил тебе на слово. Я был неправ?

— Нет. Ты не был неправ. Но это не меняет дела.

— Это точно, — сказал он мрачно и выбросил за окно недокуренную сигарету. — Ну и что мы будем делать?

— Ты все спрашиваешь меня, Джесс. Я уже обрисовала вкратце возможные варианты так, как я их вижу.

Я думала, может, у тебя тоже появились какие-нибудь соображения. Есть, правда, еще один выход — самоубийство, но в настоящий момент я исключаю его из рассмотрения. Так что выбирай, что тебе больше понравилось, и давай обсудим.

— Давай поженимся, — сказал он неожиданно решительным голосом. Он выглядел как человек, который окончательно понял, что распутать Гордиев узел можно только разрубив его посередине. Полный вперед, а нытиков загоним в трюм.

— Нет, — сказала она. — Я не хочу выходить за тебя замуж.

Его лицо словно бы держалось на невидимых болтах, и вот внезапно каждый из них отвернули на полтора оборота. Все немедленно провисло. Вид его был так зверски смешон, что ей пришлось потереться израненным кончиком языка о шершавое небо, чтобы не захихикать снова. Ей не хотелось смеяться над Джессом.

— Но почему же нет? — спросил он. — Фрэн...

— Мне надо подумать, почему. Я не дам тебе втянуть меня в обсуждение причин, по которым я говорю тебе «нет», потому что сейчас они мне неизвестны.

— Ты не любишь меня, — сказал он обиженно.

— В большинстве случаев любовь и брак исключают друг друга. Выбери другую альтернативу.

Он долго молчал, вертя в пальцах новую сигарету, но не закуривая. Наконец он сказал:

— Я не могу выбрать другой вариант, Фрэнни, так как ты не хочешь обсуждать этот. Ты хочешь одержать надо мной верх.

Это ее слегка задело. Она кивнула.

— Может быть, ты и прав. Надо мной уже одержали верх за последние две недели. А ты, Джесс, ведешь себя как зануда-отличник. Если на тебя нападет грабитель с ножом, ты захочешь созвать семинар на месте преступления.

— Ради Бога!

— Предложи другой вариант.

— Нет. Ты уже все обдумала. Может быть, и мне надо немного времени на размышления.

— О'кей. Отвезешь нас обратно к стоянке? Я тебя высажу и займусь кое-какими делами.

Он удивленно уставился на нее.

— Фрэнни, я притащился сюда из Портленда на велосипеде. Я снял комнату в загородном мотеле. Я думал, мы проведем уик-энд вместе.

— В номере мотеля. Нет уж, Джесс. Положение изменилось. Ты просто отправишься обратно в Портленд на своем велосипеде и дашь мне знать, когда какие-нибудь мысли придут тебе в голову. Можешь не торопиться.

— Прекрати издеваться надо мной, Фрэнни.

— Нет, Джесс, это ты надо мной издевался, — она презрительно засмеялась во внезапном, яростном приступе гнева.

Он ударил ее по щеке.

Она удивленно уставилась на него.

— Прости меня, Фрэн.

— Прощаю, — холодно сказала она. — Поехали.

Они приехали на стоянку, и Гус помахал им. Они помахали ему в ответ.

— Мне очень стыдно за то, что я ударил тебя, — сказал Джесс глухо. — Я не хотел этого.

— Я знаю. Ты вернешься в Портленд?

— На ночь я останусь здесь и позвоню тебе утром. Принимать решение должна ты,

Фрэн. Знаешь, если ты решишь делать аборт, я наскребу денег.

— Наскребу? Это сознательный каламбур?

— Нет, — сказал он. — Совсем нет. — Он подался к ней и целомудренно поцеловал ее. —

Я люблю тебя, Фрэн.

Я не верю тебе, — подумала она. Я несколько не верю тебе сейчас... но принимаю твои слова благосклонно. Это вполне в моих силах.

— Прекрасно, — сказала она спокойно.

— Я буду в мотеле «Лайтхаус». Позвони, если захочешь.

— О'кей. — Она пересела за руль и внезапно почувствовала, как сильно она устала. Язык сильно болел.

Он подошел к велосипеду, прикованному к железным перилам.

— Мне очень хотелось бы, чтобы ты позвонила.

Она деланно улыбнулась.

— Посмотрим. Пока, Джесс.

Она завела двигатель, развернулась и поехала по стоянке в сторону шоссе, идущего по побережью. Ей был виден Джесс, все еще стоящий рядом с велосипедом на фоне океана, и уже во второй раз за этот день она мысленно обвинила его в том, что он знает, как выглядит со стороны. Но на этот раз она почувствовала себя не раздраженно, а немного грустно. Она ехала, размышляя о том, сможет ли она когда-нибудь воспринимать океан так же, как раньше, до того, как все это произошло. Язык ужасно болел. Она опустила боковое стекло пониже и сплюнула. На этот раз слюна была белой. Она вдыхала соленый запах океана, запах горьких слез.

Норм Брюетт проснулся в четверть десятого утра. Его разбудила ссора детей за окном и музыка кантри, доносившаяся с кухни.

Он подошел к двери и заорал:

— Эй вы, заткнитесь немедленно!

Люк и Бобби обернулись, оторвавшись от старого ржавого грузовичка, из-за которого они и ссорились. Каждый раз, когда Норм смотрел на детей, он чувствовал в себе два противоположных стремления. Сердце его ныло, когда он видел, как его дети носят обноски, полученные в подарок от Армии спасения, наподобие тех, которые носит негритянское отродье на востоке Арнетта. Но в то же самое время ужасный, исступленный гнев захлестывал его и внушал ему выбежать на улицу и избить их до полусмерти.

— Да, папочка, — сказал Люк глухо. Ему было девять.

— Да, папочка, — эхом отозвался Бобби. Ему пошел восьмой.

Норм задержался на мгновение, глядя на них. Потом он захлопнул дверь и нерешительно оглядел сваленную в беспорядке одежду.

Эта грязная сука, — подумал он. Не могла даже убрать мои лохмотья.

— Лила! — завопил он.

Ответа не последовало. Норм чувствовал себя усталым и ощущал тошнотворную, пульсирующую головную боль. Похоже на похмелье, но ведь вчера он выпил только три банки пива у Хэпа. Чертовски неприятный случай. Мертвые женщина и ребенок в машине, и этот парень, Кэмптон, так и не доехал до госпиталя. Вик Палфри дал показания от имени всех пятерых. Коронер отказался делать предположения о том, что могло убить этих людей.

— Во всяком случае, не холера. И не пугайте людей подобными рассказами. Будет вскрытие, и вы обо всем прочтете в газетах.

Он поразмыслил о том, стоит ли заправлять рубашку в штаны, решил, что вряд ли президент заглянет сегодня к ним на огонек, и шаркающей походкой отправился на кухню, даже не надев тапочки. Яркие лучи солнца из восточных окон заставили его поморщиться.

Радио над плитой голосило:

Но, крошка, если не ты, то кто же мне ответит?

Крошка, поймешь ли ты своего парня?

Он — парень что надо.

Он парень шикарный.

Крошка, поймешь ли ты своего парня?

Дела чертовски плохи, если по местной радиостанции передают какой-то паршивый негритянский рок. Норм выключил музыку, опасаясь, что иначе его голова расколется на части. Рядом с радио лежала записка, и он напряг глаза, чтобы прочесть ее.

«Дорогой Норм, Салли Ходжес гаварит что ей нужно чтобы кто нибудь поседел с детми сегодня утром и гаварит что даст за это доллар. Вернусь к лентчу. Хочеш съеш колбасу. Цалую. Лила.»

Норм отложил записку и застыл в неподвижности, пытаясь понять ее смысл. Чертовски трудно думать, когда в голове у тебя гудит мотор. Посидеть с ребенком... доллар. Жена Ральфа Ходжеса.

Три этих обстоятельства постепенно сложились у него в голове в более или менее связную картину. Лила ушла присмотреть за тремя детьми Салли Ходжес, чтобы заработать какой-то вшивый доллар, и оставила его с Люком и Бобби на руках. Ей Богу, трудные времена

наступили, если мужчина должен сидеть дома и утирать носы мальчишкам для того, чтобы его жена могла добыть этот чертов доллар, за которые не купишь даже галлон газа. Чертовски трудные времена.

Он заглянул в холодильник. Колбаски были похожи на отрезанные члены этих поганых пигмеев, которые живут в Африке или в Южной Америке или хер их знает где. Так или иначе ему не хотелось есть. Он чувствовал себя тяжело больным.

Он зажег конфорку и поставил кофе. Потом он присел и стал тупо наблюдать за тем, как оно варится. Перед тем, как оно закипело, ему пришлось срочно выхватить из кармана носовой платок — Норм сочно чихнул. Похоже, простудился, — подумал он. Только этого не хватало. Но ему так и не пришло в голову вспомнить о потоке слизи, хлеставшем из дыхалки этого парня Кэмпиона вчера вечером.

Хэп работал в гараже: он ставил новую выхлопную трубу на «Скаут» Тони Леоминстера. Вик Палфри раскачивался на походном раскладном стульчике, наблюдал за Хэпом и потягивал пиво. В этот момент зазвенел звонок у входа на станцию.

Вик скосил взгляд.

— Это патруль, — сказал он. — Похоже, там твой двоюродный брат.

— О'кей.

Хэп вылез из-под машины. По пути на станцию он глубоко чихнул. Он терпеть не мог летние простуды. Самая поганая вещь на свете.

Джо Боб Брентвуд, ростом почти в шесть с половиной футов, стоял у багажника патрульной машины и заправлял бак. За ним, словно мертвые солдаты, лежали три сбитые Кэмпионом колонки.

— Привет, Джо Боб, — сказал Хэп, подойдя поближе.

— Хэп, сукин ты сын, — сказал Джо Боб, переключая колонку в автоматический режим и перешагивая через шланг. — Повезло же тебе, что ты не взлетел на воздух.

— Да, черт побери. Стью Редман заметил, как этот парень подъезжает, и вырубил колонки. Была целая туча искр.

— Все равно повезло. Слушай, Хэп, я ведь приехал не только для того, чтобы заправиться.

— Да?

Джо Боб перевел глаза на Вика, который стоял в дверях станции.

— Этот чудак был здесь прошлым вечером?

— Кто? Вик? Да, он приходит почти каждый вечер.

— Может он держать язык за зубами?

— Ну да. Ему можно доверять.

Автоматическая подача отключилась. Хэп выдавил из шланга остатки бензина центов на двадцать, затем повесил пистолет на место и выключил колонку.

— Ну? Так в чем же дело?

— Пошли-ка лучше внутрь. Старик тоже может пойти с нами. И если есть возможность, позвони всем остальным, кто был вчера здесь.

Они вошли в помещение.

— С добрым утром, шеф, — сказал Вик.

Джо Боб кивнул.

— Кофе? — спросил Хэп.

— Да нет, пожалуй. — Он оглядел их тяжелым взглядом. — Не знаю, понравится ли моему начальству, что я тут с вами разговариваю. Не думаю, что они будут очень рады этому. Так что, когда эти ребята заявятся сюда, не говорите им, что я был у вас, ладно?

— Какие ребята, шеф?

— Ребята из департамента здравоохранения, — пояснил Джо Боб.

— О, Господи, так это *все—таки холера*. Я так и знал, — сказал Вик.

Хэп перевел глаза с Вика на своего двоюродного брата.

— Джо Боб?

— Я ничего не знаю, — сказал Джо Боб, усаживаясь на один из пластиковых стульев. Его костистые колени доставали чуть ли не до подбородка. Он вытащил пачку «Честерфильда» из кармана куртки и закурил. — Финнеган, коронер, позвал доктора Джеймса, чтобы тот взглянул на Кэмпиона, а потом они вдвоем позвали третьего доктора, которого я не знаю. Потом они позвонили в Хьюстон. Около трех часов ночи эти люди приземлились в маленьком аэропортике неподалеку от Брейнтри.

— Какие люди?

— Патологоанатомы. Трое. Они провозились с трупами до восьми часов. Вскрывали, наверное. Затем они связались по телефону с центром по изучению чумы в Атланте, тамошние ребята приедут сюда сегодня днем. А пока они сказали, что департамент здравоохранения должен прислать сюда людей, чтобы осмотреть тех, кто был на станции прошлым вечером, и тех, кто отвозил Кэмпиона в Брейнтри. Точно не знаю, но мне кажется, что вас хотят посадить на карантин.

— Пресвятая Богородица, — сказал Хэп испуганно.

— Чумной центр в Атланте имеет федеральный статус, — сказал Вик. — Стали бы они присылать целый самолет государственных служащих из-за обычной холеры?

— А что сказали Джеймс и тот, другой доктор? — спросил Хэп.

— Не слишком много. Но выглядели они испуганно. Я никогда не видел докторов такими испуганными.

Наступило тяжелое молчание. Джо Боб подошел к автомату и купил бутылку «Фрески». Слабый шипящий звук пенящейся газировки стал слышен, когда он открыл пробку. Когда Джо Боб вернулся на место, Хэп вытащил бумажную салфетку из ящичка рядом с кассовым автоматом и высморкался.

— А что вы выяснили про Кэмпиона? — спросил Вик. — Кто он такой?

— Все еще выясняем, — сказал Джо Боб важно. — В документах значится, что он из Сан-Диего, но удостоверения, найденные в бумажнике, почти все просрочены на два-три года. Срок действия водительских прав давно истек. Кредитная карточка была выдана ему в 1986 и оказалась недействительной. У него был военный билет, так что мы наводим справки в их ведомстве. Капитан подозревает, что Кэмпион не был в Сан-Диего уже года четыре.

— Дезертир? — спросил Вик. Он вынул из кармана большой цветной платок и, откашлявшись, сплюнул в него.

— Еще не знаем. Но в его военном билете указано, что он находится на действительной службе до 1997 года. А ведь он был в гражданской одежде, да и, к тому же, далековато от Калифорнии.

— Что ж, я свяжусь с остальными и расскажу им обо всем, что ты сообщил, — произнес Хэп. — Спасибо тебе.

Джо Боб поднялся.

— Не за что. Только не упоминай мое имя. Мне что-то не хочется потерять работу. Твоим друзьям ведь не обязательно знать о том, кто рассказал тебе все это?

— Нет, конечно, — сказал Хэп.

В тот момент, когда Джо Боб направился к двери, Хэп сказал слегка извиняющимся тоном:

— С тебя пятерка за бензин, Джо Боб. Я не хотел бы брать с тебя деньги, но раз уж дела обстоят так хреново...

— Все в порядке. — Джо Боб протянул ему кредитную карточку. — Государство платит. Да и будет потом, чем оправдать свой визит к вам.

Заполняя бланк, Хэп чихнул два раза.

— Будь поосторожней, — сказал Джо Боб. — Нет ничего хуже, чем летние простуды.

— Мне ли не знать этого?

Неожиданно Вик, стоявший позади них, сказал:

— Может быть, это и не простуда.

Они повернулись к нему. Вик выглядел испуганно.

— Я проснулся сегодня утром, чихая и кашляя так, словно мне уже шестьдесят, — сказал Вик. — Да и голова сильно болела. Я принял аспирин, и стало немного полегче, но я все еще набит соплями. Может быть, все мы заразились. Той самой болезнью, которая была у Кэмпсона. От которой он умер.

Хэп посмотрел на него долгим взглядом, и в тот самый момент, когда он собирался изложить ему все те причины, по которым этого быть не могло, он снова чихнул.

Джо Боб серьезно посмотрел на них и сказал:

— Знаешь, было бы нелишним закрыть станцию, Хэп. Только на один день.

Хэп взглянул на него испуганно и попытался вспомнить все свои возражения. Но ни одно из них не приходило ему на ум. Он смог вспомнить только то, что сегодня он тоже проснулся с головной болью и насморком. Что ж, просто все одновременно простудились. Но ведь до случая с этим Кэмпсоном он чувствовал себя нормально. Абсолютно нормально.

Шесть лет, четыре года и восемнадцать месяцев — таков был возраст троих маленьких Ходжесов. Двое младших спали, а старший копал яму во дворе. Лила Брюетт сидела в гостиной и смотрела телевизор. Она затянулась сигаретой и закашлялась. Кашель мучил ее сегодня с утра, словно кто-то щекотал гортань перышком.

Лила оторвалась от телевизора и оглядела комнату. Ей захотелось, чтобы ее собственный дом выглядел так же мило. У Салли было увлечение: она рисовала по журнальным заготовкам изображения Христа, и ими была увешана вся гостиная. Больше всего Лиле нравилась большая картина с изображением Тайной Вечери, висевшая над телевизором. Салли сказала ей, что на картину пошло шестьдесят разных масляных красок и работать пришлось почти три месяца. Это было настоящее произведение искусства.

Как раз когда кончилась реклама и на экране появился фильм, крошка Черил начала плакать — прерывистый, безобразный визг, перемежающийся со взрывами кашля.

Лила отложила сигарету и заспешила в спальню. Четырехлетняя Ева продолжала спать, но Черил лежала на спине в своей кровати, и лицо ее приобрело зловещий красный оттенок. Крики стали звучать придушенно.

Лила не боялась крупа с тех пор как им переболели оба ее ребенка. Она перевернула крошку Черил вниз головой и сильно похлопала ее по спине. Черил квакнула, как лягушка, и неожиданно выплюнула на пол сгусток желтой слизи.

— Лучше? — спросила Лила.

— Да-а-а, — протянула крошка Черил. Она уже почти заснула вновь.

Лила вытерла пол бумажной салфеткой. Ей никогда не приходилось видеть такой обильной мокроты у ребенка. Лила закурила новую сигарету, чихнула на первой же затяжке и сама уже зашлась в приступе кашля.

Уже час, как стемнело.

Старки в одиночестве сидел за большим письменным столом, роясь в ворохе телеграмм. Их содержание пугало его. Он служил своей стране уже тридцать шесть лет, начав с роли запуганной шестерки в Вест-Пойнте. Его награждали медалями. Он разговаривал с президентами, давал им советы, и иногда эти советы принимались. Ему и раньше приходилось попадать в трудные ситуации, но эта...

Он был напуган, так сильно напуган, что едва позволял признаться в этом самому себе. Он нажал кнопку под центральным монитором. Изображение появилось с обескураживающей быстротой, свойственной солидному государственному оборудованию. На экране возникла калифорнийская пустыня. Ее безлюдность выглядела жутковато из-за пурпурно-красного оттенка, который придавала изображению инфракрасная съемка.

Вон он там, впереди, — подумал Старки. Проект Блу.

Страх вновь попытался захлестнуть его. Он полез в карман и вытащил синюю таблетку. Дочь называла их «отрубонами». Впрочем, названия не имеют значения, важны результаты. Он проглотил таблетку, не запивая, и поморщился.

Проект Блу.

Он оглядел остальные, выключенные мониторы, а затем нажал кнопку под каждым из них. Четвертый и пятый показывали лаборатории. На четвертом — физическая, на пятом — биологии вирусов. Лаборатория биологи вирусов была вся заставлена клетками животных, в основном — морских свинок и обезьян. Было и несколько собак. В лаборатории физики небольшая центрифуга до сих пор продолжала вращаться. Старки пожалел об этом. Он горько пожалел об этом. Было что-то кошмарное в том, как эта штука весело крутилась, не останавливаясь ни на одну секунду, в то время как доктор Эзвик лежал рядом на полу, неуклюже раскинувшись, словно воронье пугало, не устоявшее под напором сильного ветра.

Они объяснили ему, что центрифуга работает от того же источника, что и освещение, поэтому если они ее выключат, то погаснет и свет. А камеры там внутри не приспособлены для инфракрасной съемки. Старки все понял. Еще какие-нибудь ублюдки могут заявиться из Вашингтона, чтобы посмотреть на труп лауреата Нобелевской премии, лежащий в четырехстах футах под землей, меньше, чем в миле отсюда. Если выключим центрифугу, выключим и профессора. Элементарно. Дочь называла такие ситуации «Уловка-22» [note 1](#).

Он принял еще один «отрубон» и посмотрел на монитор номер два, который ему нравился меньше всего. Ему не нравился человек, упавший лицом в тарелку супа. Представьте, что кто-нибудь подойдет к вам и скажет: «Вы проведете вечность с физиономией, погруженной в миску супа». Это как старый киношный комический трюк, когда тортом попадают кому-нибудь в лицо. Перестает быть смешным, когда этим кем-то становишься ты сам.

На первом мониторе были только электронные часы. До тринадцатого июня все цифры на них были зеленого цвета. Теперь они стали ярко-красными. Часы остановились. Они показывали: 06-13-90 02:37:16.

13 июня 1990 года. Два часа тридцать семь минут утра. И еще шестнадцать секунд.

Позади раздался стук.

Старки выключил мониторы один за другим и обернулся. Он увидел, что одна из телеграмм упала на пол, и поднял ее.

— Войдите.

Это был Крейтон. Он был бледен, как мел. Опять плохие новости, — равнодушно подумал Старки. Еще кто-нибудь совершил затыжной прыжок с вышки в миску холодного супа.

— Привет, Лен, — сказал он спокойно.

Лен Крейтон кивнул в ответ.

— Билли. Эти... Боже, я не знаю, как тебе об этом сказать.

— Чем яснее, тем лучше.

— Эти люди, которые переносили тело Кэмпииона, проходят предварительные исследования в Атланте, и новости не очень утешительны.

— Все заражены?

— По крайней мере, пятеро. Есть там один парень — его зовут Стюарт Редман — так вот, у него пока отрицательная реакция.

— Если бы Кэмпиион не сбежал, — сказал Старки. — Там оказалась хреновая система безопасности. На редкость хреновая.

Крейтон кивнул.

— Продолжай.

— В Арнетте введен карантин. Мы уже выявили шестнадцать случаев гриппа, вызванного постоянно мутирующим вирусом А-Прайм. А ведь это пока только больные в открытой форме.

— Средства массовой информации?

— Пока никаких проблем. Они верят в то, что это сибирская язва.

— Что еще?

— Одна очень серьезная проблема. В Техасе есть патрульный полицейский по имени Джозеф Роберт Брентвуд. Его двоюродному брату принадлежит как раз та самая заправка, где Кэмпиион закончил свое путешествие. Он заехал вчера утром к Хэпскому предупредить о том, что приезжают люди из департамента здравоохранения. Мы задержали его три часа назад, и сейчас он на пути в Атланту. А до этого он объехал на патрульной машине половину Восточного Техаса. Одному Богу известно, со сколькими людьми он вступал в контакт за это время.

— О, черт, — сказал Старки и сам испугался водянистой слабости своего голоса. Вероятность заражения — 99,4%, — вспомнил он строчку из телеграммы. А это, в свою очередь, означало 99,4% смертности, так как человеческий организм не в силах производить антитела, способные уничтожить постоянно мутирующий антигенный вирус. Как только организм вырабатывал нужные антитела, вирус просто мутировал в новую, слегка отличную от предыдущей, форму. По этой же причине создание вакцины представлялось практически невыполнимой задачей.

99,4%.

— Ну же, продолжай. Что там еще?

И тогда Крейтон мягко произнес:

— Хаммер мертв. Билли. Самоубийство. Он выстрелил себе в глаз из табельного оружия. Материалы по Проекту Блу были у него на письменном столе. Мне кажется, он подумал, что они представляют собой вполне исчерпывающую предсмертную записку.

Старки закрыл глаза. Вик Хаммер был его пасынком. Интересно, как он скажет об этом Цинтии? Мне очень жаль, Синди. Вик сегодня нырнул в миску холодного супа. Вот, прими «отрубон». Я хочу сказать тебе, что это была просто цепь досадных случайностей. Ни одна из них не произошла по вине твоего парня. Но он возглавлял проект, и он понял, что ситуация ухудшается, и тогда...

— Спасибо, Лен, — сказал он.

— Билли, не хочешь ли ты...

— Я поднимусь через десять минут. Я хочу назначить заседание общевойскового штаба через пятнадцать минут. Если они в постелях, вышиби их оттуда.

— Да, сэр.

— И, Лен...

— Да?

— Я рад, что именно ты сообщил мне об этом.

— Да, сэр.

Крейтон вышел. Старки посмотрел на часы. Потом он подошел к мониторам, вмонтированным в стену. Он включил монитор номер два и задумчиво уставился на безмолвный кафетерий Проекта Блу.

Ларри Андервуд повернул за угол и нашел место для стоянки, достаточно обширное, чтобы втиснуть свой «Датсун Зед» между пожарным гидрантом и чьим-то мусорным контейнером. Ларри попытался убедить себя в том, что в действительности он не заметил распухший труп кошки, в белый живот которой вгрызалась крыса. Крыса так быстро исчезла в свете его фар, что вполне можно было бы поверить в то, что ее там и не было. Кошка, однако, осталась на месте.

ДОРОГОЙ НЬЮ-ЙОРК, ЭТО ОПЯТЬ Я.

Может быть, «Янки» в городе. Хоть какое-то оправдание для его путешествия. Доехать на метро до стадиона, пить пиво, есть горячие сосиски и наблюдать за тем, как «Янки» вышибают дурь из Кливленда или Бостона...

На фасаде здания с помощью пульверизатора с краской были написаны воззвания загадочного и зловещего содержания: ЧИКО 116, ЗОРРО 93, МАЛЫШ ЭБИ N1! Когда он был еще мальчиком, перед тем, как умер его отец, этот район был вполне приличным. Две каменные собаки охраняли ступени, ведущие к двойным дверям. За год до того, как он уехал на побережье, хулиганы разбили туловище собаки справа. Теперь не было ни той, ни другой, за исключением одной задней лапы собаки слева.

Ларри подумал, что ему надо выйти из машины и убедиться в том, что имя его матери до сих пор значится под почтовым ящиком квартиры номер пятнадцать, но он чувствовал себя слишком усталым для этого. Нет, он будет сидеть здесь и дремать до семи часов утра. В семь он выйдет из машины и посмотрит, здесь ли еще его мать. Может быть, даже лучше, если она умерла. Может быть, тогда он даже забудет про «Янки». Может быть, он просто снимет комнату в отеле, проспит три дня подряд, а потом отправится обратно на Золотой Запад.

Его ум вновь обратился к прошлому, размышляя о прошедших девяти неделях (или около того) и пытаясь объяснить себе, как это можно биться головой о каменные стены в течение шести долгих лет, играть в клубах, записывать демонстрационные кассеты, а потом добиться всего, о чем мечтал, за каких-нибудь девять недель. Он думал о том, что должен же быть какой-то ответ, какое-то объяснение, которое позволило бы ему отвергнуть отвратительную точку зрения, с которой все это выглядело лишь капризом, просто причудой судьбы, как говорил Дилан.

На самом деле, все началось еще полтора года назад. Он выступал с «Тэттерд Ремнантс» в клубе Беркли, и ему позвонил один человек из «Колумбии». Не слишком большая шишка, просто один из тружеников виниловых виноградников. Нейл Дайамонд собирался записать одну из его песен под названием «Крошка, поймешь ли ты своего парня?»

Дайамонд делал альбом. Кроме своих песен, он хотел включить туда «Пегги Сью вышла замуж» Бадди Холли и, возможно, песенку Ларри Андервуда. Вопрос был в том, захочет ли Ларри приехать и принять участие в записи фонограммы. Дайамонд хотел добавить вторую акустическую гитару. Мелодия ему очень нравилась.

Ларри согласился.

Запись продолжалась три дня. Все прошло хорошо. Ларри встретился с Нейлом Дайамондом, Робби Робертсоном и Ричардом Перри. Фамилия Ларри была упомянута на внутренней обложке, да и заплатили ему неплохо. Но «Крошка, поймешь ли ты своего парня?» так и не вошла в альбом. На второй вечер записи Дайамонд пришел с новой мелодией собственного сочинения, и она-то и заменила песенку Ларри.

— Ну что ж, это бывает, — сказал человек из «Колумбии». — Знаешь, что я тебе скажу — почему бы нам все-таки не сделать запись? Посмотрим, может быть, я и смогу что-то предпринять.

Ларри записал фонограмму своей песни и вновь оказался на улице. Дела в Лос-Анджелесе шли плохо.

Наконец он все-таки устроился гитаристом в вечерний клуб. Потом, девять недель назад, позвонил человек из «Колумбии». Они хотят выпустить его сингл. Может ли он приехать и записать песенку для другой стороны? Конечно, — ответил Ларри. Конечно, он сможет приехать. В воскресенье вечером он вошел в студию «Колумбии» в Лос-Анджелесе, за один час продублировал на второй дорожке свой голос в «Крошке» и записал для обратной стороны песню «Карманный Спаситель», которую он сочинил еще для «Тэттерд Ремнантс». Человек из «Колумбии» вручил Ларри чек на пятьсот долларов и вонючий контракт, который связывал Ларри по рукам и ногам.

Семь недель назад человек из «Колумбии» позвонил снова и велел ему пойти купить номер «Биллборда». Ларри ринулся на улицу. «Крошка, поймешь ли ты своего парня?» была признана одной из трех лучших новинок недели. Ларри перезвонил человеку из «Колумбии», и тот спросил его, не хочет ли он позавтракать в обществе настоящих шишек, чтобы обсудить будущий альбом.

На ленче он напился и едва ощутил вкус своей порции семги. Кто-то из шишек сказал, что не удивится, если в следующем году «Крошка, поймешь ли ты своего парня?» получит приз Грэмми. Ларри ощущал себя как во сне, и когда он возвращался в номер, у него появилась странная уверенность, что сейчас его собьет грузовик. Шишки из «Колумбии» вручил ему еще один чек, на этот раз на две с половиной тысячи долларов. Придя к себе, Ларри снял телефонную трубку и сделал несколько звонков. Первым делом он позвонил хозяину ночного клуба, в котором играл на гитаре, и сообщил, что ему придется подыскать другого мудака, который будет исполнять «Желтую птицу», пока посетители будут жевать непрожаренную пиццу. Потом он позвонил всем, о ком только мог вспомнить, в том числе и Барри Григу из «Ремнантс». Потом он вышел и напился, как свинья.

Пять недель назад сингл вошел в Сотню хит-парада «Биллборда». На восемьдесят девятом месте. В ту неделю в Лос-Анджелес по-настоящему пришла весна. В ослепительно сверкающее майское утро, когда дома выглядят такими белоснежными, а океан таким синим, что кажется, будто глаза вышибет из глазниц, он впервые услышал свою запись по радио. С ним было три или четыре приятеля, и среди них — его тогдашняя девушка. Все они были слегка под кокаином.

НООООООВАЯ МУУУУУЗЫКА! — из радиоприемника донеслись традиционные позывные КЛМТ. А затем Ларри замер, услышав звук своего голоса:

Да, я не предупредил тебя, что снова еду домой, Да, я не сказал тебе, что снова буду с тобой, Но, крошка, если ты не ты, то кто же мне ответит?

Крошка, поймешь ли ты своего парня?

Он — парень что надо.

Он парень шикарный Крошка, поймешь ли ты своего парня?

— Господи, это же я, — сказал он.

Четыре недели назад его песня поднялась на семьдесят третье место в хит-параде «Биллборда». У него появилось ощущение что его записали в старый немой фильм, в котором все происходит слишком быстро. «Колумбия» срочно требовала записи альбома, стремясь извлечь выгоду из успеха сингла.

Неожиданно трудно оказалось избавиться от Джулии — девушки, с которой он начал

встречаться в тот период, когда играл на гитаре в ночном клубе. Она знакомила его с самыми разными людьми, из которых лишь очень немногих он действительно хотел видеть. Ее голос стал напоминать ему голоса сладкоречивых агентов, которые звонили ему по телефону. После долгого, шумного и желчного скандала он расстался с ней. Она угрожала покончить жизнь самоубийством. После разрыва Ларри чувствовал себя так, словно принял участие в затяжной битве подушками, каждая из которых была обработана газом, вызывающим легкое отравление.

Они начали записывать альбом три недели назад, и Ларри сумел отвертеться от большинства предложений типа «ради вашего же блага». Он использовал ту относительную свободу действий, которую оставил ему контракт. Он вызвал троицу из «Тэттерд Ремнантс» — Барри Грига, Эла Спеллмана и Джонни МакКолла — и двух других музыкантов, с которыми ему приходилось играть в прошлом — Нейла Гудмана и Уэйна Стаки. Они записали альбом за девять дней. «Колумбия», похоже, хотела, чтобы альбом состоял из тех песен, которым, по их мнению, была обеспечена двадцатинедельная карьера — начиная с «Крошки» и кончая «Держись, Слупи». Ларри хотел большего.

На обложке альбома была фотография Ларри в наполненной пеной антикварной ванне. На кафеле сверху были написаны слова **КАРМАННЫЙ СПАСИТЕЛЬ** и **ЛАРРИ АНДЕРВУД**. «Колумбия» хотела назвать альбом «Крошка, поймешь ли ты своего парня?», но Ларри твердо стоял на своем, и они в конце концов согласились на наклейку **В АЛЬБОМ ВХОДИТ ХИТОВЫЙ СИНГЛ** на полиэтиленовой упаковке.

Две недели назад сингл переместился на сорок седьмую позицию, и праздник начался. Он снял на месяц дом на побережье. События, которые последовали вслед за этим, словно плавали в каком-то тумане. Все больше и больше людей бродило по дому. Некоторых Ларри знал, но большинство из них были ему незнакомы. Он смутно вспоминал, как к нему один за другим приставали агенты, желавшие «продолжить его великую карьеру». Он смутно вспоминал, как нюхал кокаин и запивал его текилой. Он смутно вспоминал, как его разбудили субботним утром, должно быть, неделю или около того назад, чтобы он послушал, как Кейзи Касем прокручивает его запись, занявшую тридцать шестое место в «Америкэн Топ Форти». Он смутно вспоминал, как с полученным по почте чеком на четыре тысячи долларов в кармане он долго и нудно торговался, покупая «Датсун Зед».

А затем, тринадцатого июня, шесть дней назад, Уэйн Стаки попросил Ларри прогуляться вместе с ним к морю. Было еще девять часов утра, но уже врубили магнитофон и два телевизора. Стоял такой грохот, словно на первом этаже шла оргия. Ларри в одних трусах сидел в кресле и осоловело пытался выудить хоть какой-нибудь смысл из комикса «Супербой». Ему казалось, что он очень внимателен, но ни одно из слов не желало означать что-либо. Вагнер грохотал из квадрофонических колонок, и Уэйну пришлось прокричать три или четыре раза, прежде чем Ларри его услышал. Ларри кивнул. Он чувствовал себя способным пройти долгие мили.

Но когда солнечный свет иголками пронзил его глаза, Ларри неожиданно передумал. Никаких прогулок. Ну уж нет. Его глаза превратились в увеличительные стекла, и вскоре солнце, проходящее сквозь них, испепелит его мозги.

Уэйн, твердо взяв его за руку, настаивал.

— Пошли.

У Ларри отвратительно болела голова, а позвоночник онемел. Его глазные яблоки пульсировали, а почки нудно болели. Если принять еще парочку доз амфетамина, то, пожалуй, он вновь почувствует себя нормально. Он полез в карман брюк за амфетамином, и лишь тогда впервые понял, что одет в одних лишь трусах, которые он менял в последний раз три дня

назад.

— Уэйн, я хочу назад.

— Давай пройдем чуть-чуть подальше. — Ему пришло в голову, что Уэйн как-то странно смотрит на него, со смесью раздражения и жалости.

— Нет, дружок. Сам видишь, я в одних трусах. Меня арестуют за появление в непотребном виде в общественном месте.

— На этой части побережья ты можешь повязать свой член цветным шейным платком и сверкать яйцами, не опасаясь ареста за непотребный вид. Пошли, парень.

— Я устал, — раздраженно сказал Ларри. Он начинал злиться на Уэйна. Уэйн ему мстит за то, что Ларри написал хит, а он, Уэйн, был всего лишь клавишником на новом альбоме. Он такая же сука, как Джулия. Теперь все его ненавидят. Все стремятся уколоть его. Глаза его затуманились легкими слезами.

— Пошли, парень, — повторил Уэйн, и они потащились дальше по пляжу.

Они прошли еще около мили, когда мощные мускулы бедер Ларри свело двойной судорогой. Он вскрикнул и рухнул на песок.

— Судороги, — завопил он. — О, Господи, судороги!

Уэйн присел рядом с ним на корточки и выпрямил его ноги. Агония повторилась, и тогда Уэйн принялся за работу, массируя сжавшиеся в узел мускулы. Наконец плоть, долгое время испытывавшая кислородное голодание, расслабилась.

Ларри, у которого сначала перехватило дух, наконец-то начал судорожно ловить воздух ртом.

— О, Господи, — сказал он. — Спасибо. Это было... это было чертовски больно.

— Разумеется, — ответил Уэйн без особого сочувствия в голосе. — Держу пари, что так оно и было. Ларри. Как ты сейчас?

— О'кей. Но давай теперь просто посидим. А потом пойдем назад.

— Я хочу поговорить с тобой. Мне надо было вытащить тебя сюда, чтобы ты понял, что я хочу тебе сообщить.

— В чем дело, Уэйн?

— Праздник подошел к концу, Ларри.

— Чего?

— Праздник. Когда ты вернешься, ты выдернешь все штепсели, выдашь всем ключи от машин, поблагодаришь всех за приятно проведенное время и проводишь их до парадной двери. Избавься от них.

— Но я не могу этого сделать! — изумленно сказал Ларри.

— И все-таки лучше тебе это сделать, — сказал ему Уэйн.

— Но почему? Дружище, праздник только-только набрал ход!

— Сколько «Колумбия» заплатила тебе?

— А почему это тебя интересует? — с хитрой интонацией спросил Ларри.

— Ты что, думаешь, что я хочу поживиться за твой счет? Подумай хорошенько.

Ларри подумал и со все возрастающим удивлением понял, что Уэйну Стаки незачем зариться на его деньги. Отцу Уэйна принадлежала половина третьей в Америке по величине компании по производству электронных игр, и у семьи Стаки был скромный дворец в Бель Эре. С удивлением Ларри осознал, что неожиданно свалившееся на него богатство в глазах Уэйна могло значить не так уж много.

— Нет, разумеется нет, — сказал он грубо. — Извини, конечно. Просто у меня такое впечатление, что каждый вшивый мудака к западу от Лас-Вегаса...

— Так сколько же?

Ларри поразмыслил.

— К этому моменту мне выплатили семь тысяч.

— Раз в четыре месяца тебе выплачивают отчисления за сингл и раз в полгода — за альбом, так?

— Так.

Уэйн кивнул.

— Тянут, пока рак на горе не свистнет, суки. Сигарету?

Ларри взял одну и закурил.

— Знаешь, сколько тебе стоит этот праздник?

— Конечно, — сказал Ларри.

— Дом ты снял не меньше, чем за штуку.

— Да, правда. — На самом деле это стоило ему тысячу двести долларов за аренду плюс пятьсот долларов залога на случай порчи имущества. Он внес залог и уплатил половину арендной платы. Всего — тысячу сто долларов и шестьсот долларов долга.

— Сколько за наркотики?

— Ну, дружище, ты же понимаешь, что без этого нельзя. Это как креветки к пиву. Большая часть уже израсходована, но...

— Была марихуана и был кокаин. Ну так сколько же?

— Пятьсот и пятьсот.

— А на следующий день уже ничего не осталось.

— Да, черт возьми! — сказал Ларри в удивлении. — И сколько же я всего потратил?

— С травкой дела обстоят не так уж плохо. Она дешевая. Двенадцать сотен. Восемь штук за кокаин.

На секунду Ларри подумал, что его стошнит. Он молча вытаращился на Уэйна. Он попытался заговорить, но смог только выдавить из себя:

— ДЕВЯТЬ ШТУК И ДВЕ СОТНИ?

— Инфляция, дружище, — сказал Уэйн. — Перечислить тебе остальное?

Ларри неохотно кивнул.

— Кто-то разбил цветной телевизор наверху. Я думаю, сотни три за ремонт. Деревянные панели внизу превратили черт знает во что. Четыре сотни. Если повезет. Позавчера разбили витраж. Три сотни. Ковер в гостиной прожжен пеплом и залит пивом и виски. Четыре сотни. Я позвонил в винную лавку. Шесть сотен.

— Шесть сотен за выпивку? — прошептал Ларри. Его охватил ужас.

— Скажи еще спасибо, что все пили только пиво и вино. Короче, общая сумма затрат на эту скромную вечеринку превышает двенадцать тысяч долларов, — сказал Уэйн. — Ты купил себе машину... сколько ты за нее отдал?

— Две с половиной, — тупо сказал Ларри. Он готов был расплакаться.

— Ну, что у тебя осталось до следующего чека? Тысячи две?

— Примерно, — сказал Ларри, не в силах признаться Уэйну, что на самом деле у него осталось гораздо меньше: что-то около восьмисот долларов.

— Слушай меня внимательно, Ларри, потому что я не стану повторять. Здесь все только и ждут очередного праздника. В этом мире только две вещи постоянны: постоянный обман и постоянный праздник. Они слетаются, как птички, высматривающие жуков на спине у гиппопотама. Стряхни их с себя, и пусть идут своей дорогой. Ты скажешь им, чтобы они убирались. Ты сделаешь это. Потому что в тебе есть стержень. В тебе есть что-то такое... ты способен грызть жезл. Чего бы тебе не стоил успех, ты достигаешь его. У тебя будет скромная симпатичная карьера. Средненький поп, который через пять лет уже никто не

вспомнит. Любители би-бопа будут собирать твои записи. Ты будешь делать деньги.

Ларри сжал кулаки. Ему хотелось ударить в это спокойное лицо. От слов Уэйна он чувствовал себя как кусок собачьего дерьма на обочине.

— Вернись и выдерни штепсель, — мягко сказал Уэйн. — А потом садись в свою машину и уезжай. Просто уезжай. Просто уезжай, парень. И побудь в сторонке, пока ты не будешь знать, что новый чек ждет тебя.

Ларри поднялся и, сделав над собой усилие, сказал спасибо. Слово вышло у него изо рта, как кирпич.

— Ты просто поедешь куда-нибудь и соберешься с мыслями. Тебе есть, о чем подумать: какой тебе нужен менеджер, какие гастролы, какой контракт после того, как «Карманный Спаситель» станет хитом. А он станет. В нем есть такой аккуратный, ненавязчивый ритм. Если дашь себе передышку, ты все это сообразишь. Такие, как ты, соображают неплохо.

Такие, как ты...

Кто-то постучал пальцем по стеклу.

Ларри дернулся. Оказывается, он не просто дремал, он уснул. Ему снилась Калифорния. Но вокруг него был серый нью-йоркский денек.

Он осторожно повернул голову и увидел свою мать. Мгновение они просто смотрели друг на друга, и Ларри почувствовал себя голым, словно он был животным, которого разглядывают в зоопарке. Он опустил стекло.

— Мама?

— Я так и знала, что это ты, — произнесла она странно бесстрастным тоном. — Выходи-ка оттуда и покажись мне в полный рост.

Обе ноги его онемели. Тысячи иголок вонзились в его ступни, когда он открыл дверь и вылез из машины. Он никогда не думал, что их встреча пройдет именно так, что он окажется таким неподготовленным и уязвимым. Он почувствовал себя как часовой, уснувший на посту и внезапно приведенный в чувство.

Ему стало не по себе. Когда ему было десять лет, она будила его субботними утрами, постучав одним пальцем по закрытой двери спальни. И точно так же она разбудила его четырнадцать лет спустя.

И вот он стоял перед ней, а иголки продолжали вонзаться в ступни, заставляя его переступать с ноги на ногу. Он вспомнил, что когда он так делал, она всегда спрашивала, не надо ли ему в туалет, и немедленно застыл на месте.

— Привет, ма, — сказал он.

Она посмотрела на него молча, и ужас неожиданно опустился на его сердце, как зловещая птица на старое гнездо. Ужас, что она может отвернуться от него, отвергнуть его, показать ему свою спину в дешевом пальто и просто-напросто уйти за угол в метро, оставив его в одиночестве.

— Привет, Ларри, — сказала она и, поманив его за собой, пошла вверх по лестнице.

— Ма?

Она обернулась к нему, стоя между исчезнувшими каменными собаками, и он обнял ее. В первое мгновение страх слегка исказил черты ее лица, словно она ожидала не объятий, а ударов. Потом выражение страха исчезло, и она ответила на его объятия. На мгновение ему показалось, что сейчас он заплачет, и уж во всяком случае, он был уверен, что она-то заплачет точно. Это был Трогательный Момент. Поверх ее склонившегося плеча ему была видна дохлая кошка, наполовину вывалившаяся из мусорного контейнера. Когда она высвободилась из объятий, глаза ее были сухими.

— Пошли, я приготовлю тебе завтрак. Ты ехал на машине всю ночь?

— Да, — ответил он, и голос его слегка дрожал от избытка чувств.

— Ну что ж, пошли. Не забудь вытереть ноги. Если ты наследишь, мистер Фримен просто убьет меня.

Он прошел за ней мимо уничтоженных каменных собак и немного настороженно посмотрел на то место, где они стояли, просто чтобы убедиться в том, что они действительно исчезли, что его рост не стал меньше на два фута и что десятилетие восьмидесятых не вернулось обратно в область будущего. Она распахнула двери, и они вошли.

После завтрака он стал стряхивать пепел в кофейную чашку, но она выхватила ее и поставила перед ним пепельницу. Чашка была полна гущей, и в нее вполне можно было стряхивать пепел. Пепельница была чистой, без единого пятнышка, и он стряхнул в нее пепел с некоторым угрызением совести. Его мать умела расставлять по всему пути небольшие капканы, так что скоро лодыжки начинали кровоточить, а ум заходил за разум.

— Итак, ты вернулся, — сказала Элис. — Что привело тебя сюда?

— Я скучал по тебе, ма.

Она фыркнула.

— Так вот почему ты писал мне так часто?

— Я не очень-то большой мастер по части писем.

— Но ты по-прежнему внимателен к своей матери. Этого у тебя не отнять.

— Извини, — сказал он. — Как тебе жилось, ма?

— Не так плохо. Спина побаливает, но у меня есть лекарства. Я справлюсь.

— А выглядишь ты по-прежнему, как девушка, — сказал он с оттенком своей прежней добродушной лести. Ей всегда это нравилось, но сейчас лишь тень улыбки тронула ее губы. — Новые мужчины в твоей жизни?

— Несколько, — сказала она. — Ну, а как насчет тебя?

— Нет, — сказал он серьезно. — Никаких новых мужчин. Девушки — да, но никаких новых мужчин.

Он надеялся рассмешить ее, но опять вызвал лишь призрачную улыбку. Мое появление беспокоит ее, — подумал он. Она не знает, зачем я здесь. Не для того она ждала меня три года, чтобы я наконец появился. Ей хотелось бы, чтобы я оставался пропавшим без вести.

— Видишься с кем-нибудь постоянно?

— Живу в свое удовольствие.

— Ты всегда так и поступал. Во всяком случае, ты ни разу не пришел домой сказать мне, что поставил какую-нибудь симпатичную девушку-католичку в интересное положение. В этом тебе надо отдать должное. Ты либо был очень осторожен, либо тебе везло, либо ты был очень вежлив.

Он попытался сохранить бесстрастное лицо. В первый раз за всю жизнь она заговорила с ним о сексе.

— Так или иначе, рано или поздно тебе придется это сделать, — сказала Элис. — Говорят, что холостяки живут прекрасно. Это не так. Ты просто становишься старым и безобразным, полным песка, как мистер Фримен.

Ларри фыркнул.

— Я слышала твою песню по радио. Я говорила всем, что это мой сын. Это Ларри. Большинство мне не верило.

— Ты слышала?

— Ну, конечно. Ее постоянно передают по этой рок-н-рольной радиостанции, которую слушают юные девицы.

— Тебе понравилось?

— Не больше, чем вся музыка этого сорта. — Она посмотрела на него твердо. — Думаю, что какие-то места звучат очень впечатляюще. Похотливо.

Он заметил, что переступает с ноги на ногу, и заставил себя остановиться.

— Мне просто хотелось, чтобы это звучало... страстно, ма. Вот и все.

— Лицо его покраснело. Он никогда не думал, что будет сидеть на кухне у матери, обсуждая страсть.

— Страсти место в спальне, — сказала она отрывисто, прекращая искусствоведческий разговор о его хите. — Кроме того, ты что-то сделал со своим голосом. Он звучит так, словно ты черномазый.

— Сейчас? — спросил он удивленно.

— Нет, по радио.

— Вот так? — спросил Ларри с улыбкой, понизив свой голос до уровня Билла Уиверса.

— Вот-вот, — кивнула она. — Когда я была девушкой, нам казалось, что Фрэнк Синатра — это очень смело. А теперь появился этот *рэп*. Рэп — так его называют они. *Вопли* — вот как называю это я. — Она посмотрела на него неодобрительно. — В твоей песне, по крайней мере, нет воплей.

— Мне платят гонорар, — сказал он. — Отчисления с каждой проданной пластинки. В целом это составляет до...

— Ой, прекрати, — сказала она, отмахнувшись от него рукой. — Я всегда заваливала математику. Тебе уже заплатили, или ты купил эту маленькую машину в кредит?

— Мне заплатили не так уж много, — сказал он, совсем близко подойдя к границе лжи, но пока не переступая ее. — Я сделал первый взнос за машину.

— Излишняя уступчивость к тем, кто покупает в кредит, — сказала она зло. — Это и сгубило твоего отца. Доктор сказал, что он умер от сердечного приступа, но дело было не в этом. Его сердце *разбилось*. Твой отец сошел в могилу, отпуская товары в кредит.

Это была старая песня, и Ларри пропускал ее мимо ушей, кивая в нужных местах. У его отца был галантерейный магазинчик. Неподалеку открылся «Роберт Холл», и через год его дело обанкротилось. За утешением он обратился к еде и потолстел за три года на сто десять фунтов. Когда Ларри было девять, он умер в забегаловке на углу, оставив перед собой на тарелке недоеденный сэндвич с фрикадельками. На поминках, когда ее сестра пыталась утешить женщину, у которой был такой вид, словно она абсолютно не нуждается в утешениях, Элис Андервуд сказала, что дело могло обернуться и хуже. Ведь это мог быть не сэндвич, — сказала она, глядя через плечо сестры прямо на ее мужа, — а бутылка.

После смерти мужа Элис воспитывала Ларри сама, давя на него всем весом своих прописных истин и предрассудков до тех пор, пока он не ушел из дома. Напоследок она сказала ему, когда он и Руди Шварц уезжали на старом форде Руди, что в Калифорнии тоже есть приюты для бедных.

— Ты устал, — сказала она. — Пойди умойся. А я пока уберу коробки из задней комнаты, чтобы ты мог поспать.

Она прошла через небольшую прихожую в заднюю комнату, его старую спальню, и Ларри услышал, как она кряхтит, переставляя коробки. В окно доносились звуки уличного движения. Он вспомнил о дохлой кошке. Она была права. Он устал. Никогда в жизни он так не уставал. Он лег спать и проспал около восемнадцати часов подряд.

Дело клонилось к вечеру, когда Фрэнни подошла к тому месту, где ее отец терпеливо полел горох и бобы. Она была поздним ребенком, и сейчас ее отцу пошел уже седьмой десяток. Ее мать уехала в Портленд за белыми перчатками. Лучшая подруга Фрэн, Эми Лаудер, выходила замуж в начале следующего месяца.

Фрэнни откашлялась.

— Нужна помощь?

Он повернулся к ней и усмехнулся.

— Привет, Фрэн. Что, застала меня врасплох?

— Похоже на то.

— Твоя мама уже вернулась? — Он неопределенно нахмурился, но потом его лицо прояснилось. — Да нет, все в порядке, она ведь только недавно уехала, верно? Конечно, помоги немного, если хочешь. Главное, не забудь потом умыться.

— Руки леди выдают ее привычки, — с легкой насмешкой произнесла Фрэн и фыркнула. Питер попытался неодобрительно нахмуриться, но не особо преуспел в этом.

Она опустила на соседней грядке и принялась полоть. Вокруг чирикали воробьи, а с шоссе *N1*, меньше чем в одном квартале отсюда, доносился постоянный гул движения. Он, конечно, еще не достиг той силы, которую приобретет в июле, когда почти ежедневно между ними и Киттери происходит кагастрофа, но с каждым днем он усиливался.

Питер рассказал ей о том, как прошел день, и она задавала ему нужные вопросы и кивала в нужных местах. Погруженный в работу, он не видел, как она кивала, но краешком глаза замечал, как кивает ее *тень*. Он работал слесарем на большой сэнфордской фирме по производству автомобильных запчастей, самой крупной к северу от Бостона. Ему было шестьдесят четыре года, и скоро должен был пойти последний год его работы перед уходом на пенсию.

Питер Голдсмит был недоволен службой социального обеспечения. Он никогда не доверял ей, даже раньше, когда система еще не начала трещать под ударами экономического спада, инфляции и безработицы. Не так уж много демократов было в Мэне в тридцатых и сороковых, — сказал он дочери. Но ее дедушка был демократом и уж точно сделал демократа из ее отца. В лучшие дни Оганквита это превратило их в своего рода парий. Но у его отца была одна поговорка, которую он повторял с упорством, столь же несгибаемым, как и республиканская философия Мэна: Не доверяй сильным мира сего, ибо и сами они, и их правительства вздрючат тебя, и так будет до скончания века.

Фрэнни засмеялась. Ей нравилось, когда отец разговаривал с ней так.

Ты должен доверять самому себе, — продолжал он, — и пусть сильные мира сего катятся своей дорогой вместе с теми людьми, которые их выбрали. В большинстве случаев эта дорога не слишком хороша, но все обстоит нормально: они стоят друг друга.

Он продолжал говорить о том, о сем, и его голос звучал приятно и успокаивающе. Тени их удлинились и двигались по грядкам вперед них. Все это приносило ей облегчение. Она пришла сюда сказать нечто, но с раннего детства она часто приходила сказать и оставалась, чтобы слушать. Ей не было с ним скучно. Насколько она знала, никому не было с ним скучно, разве что ее матери. Он был прирожденным рассказчиком.

Она осознала, что он перестал говорить. Он сидел на камне в конце своей грядки, набивал трубку и смотрел на нее.

— Что у тебя на уме, Фрэнни?

Мгновение она смотрела на него неуверенно, не зная, как начать. Она пришла, чтобы сказать ему, но теперь не была уверена, что сможет сделать это. Молчание повисло между ними, разрастаясь все больше и больше, и наконец расширилось до размеров пропасти, которую она не могла больше выносить. Она прыгнула.

— Я беременна.

Он перестал набивать трубку и просто посмотрел на нее.

— Беременна, — повторил он так, словно никогда не слышал этого слова раньше. Потом он сказал: — Ну, Фрэнни... это шутка? Или такая игра?

— Нет, папочка.

— Подойди-ка ко мне и сядь рядом.

Она послушно повиновалась.

— Это точно? — спросил он ее.

— Точно, — сказала она, а потом — в этом не было и следа наигранности, она просто ничего не могла с собой поделать — она громко разрыдалась. Он обнял ее одной рукой. Когда слезы понемногу начали иссыхать, она задала вопрос, который беспокоил ее больше всего.

— Папочка, ты по-прежнему любишь меня?

— Что? — Он посмотрел на нее удивленно. — Ну да, я по-прежнему очень люблю тебя.

Она снова разрыдалась, но на этот раз он предоставил ее самой себе, а сам принялся раскуривать трубку.

— Ты расстроен? — спросила она.

— Я не знаю. У меня никогда раньше не было беременной дочери, и я толком еще не уверен в том, как это следует воспринимать. Это тот самый Джесс?

Она кивнула.

— Ты сказала ему?

Она снова кивнула.

— Ну и что он говорит?

— Он говорит, что женится на мне. Или заплатит за аборт.

— Женьтьба или аборт, — сказал Питер Голдсмит и затаился трубкой. — Малый не промах.

Она посмотрела на свои руки. Грязь забила в небольшие морщинки на костяшках и под ногти. Руки леди выдают ее привычки, — услышала она внутри себя голос своей матери. Мне придется выйти из церковной общины. Беременная дочь. Руки леди...

Ее отец сказал:

— Я не хотел бы совать нос не в свое дело, но все-таки он... или ты... вы соблюдали какие-нибудь предосторожности?

— Я приняла противозачаточную таблетку, — сказала она. — Но она не подействовала.

— Ну тогда здесь нет ничьей вины, разве что ваша общая, — сказал он.

— И я не могу обвинять тебя в чем-нибудь, Фрэнни. В шестьдесят четыре забываешь, что такое двадцать один. Так что оставим разговоры о вине.

Она почувствовала огромное облегчение. Ощущение было немножко похоже на обморок.

— Твоя мама найдет, что сказать тебе о вине, и я не остановлю ее, но я не буду с ней заодно. Ты понимаешь это?

Она кивнула. Ее отец больше уже не пытался возражать матери. Только не вслух. Все дело было в ее язвительности. Он однажды сказал Фрэнни, что когда ей перечат, то ситуация иногда выходит из-под контроля. А когда ситуация выходит из-под контроля, то она может сказать такое, что зарежет человека без ножа, а пожалеет она об этом только тогда, когда

будет уже слишком поздно залечивать рану. Фрэнни подумала, что, вероятно, много лет назад перед ее отцом стоял выбор: продолжать сопротивление, что неминуемо приведет к разводу, или сдаться. Он предпочел второе — но на своих собственных условиях.

Она спросила спокойно:

— Ты уверен, что в этой ситуации ты сможешь остаться в стороне, папочка?

— Ты просишь меня занять твою сторону?

— Я не знаю.

— Что ты собираешься со всем этим делать?

— С мамой?

— Нет. С собой, Фрэнни.

— Я не знаю.

— Выйдешь за него? Вдвоем можно жить на те деньги, что и в одиночку. Так говорят, во всяком случае.

— Не думаю, что смогу сделать это. Мне кажется, я разлюбила его, если вообще любила когда-нибудь.

— Ребенок? — Трубка его хорошо раскурилась, и в летнем воздухе разлился сладкий запах дыма. В саду сгустились тени и загудели сверчки.

— Нет, дело тут не в ребенке. Это случилось бы и так, и так. Джесс...

— Она задумалась, пытаясь определить, что же все-таки не так в Джессе, что-то, на что сейчас она может не обратить внимания в этом порыве, к которому вынуждал ее будущий ребенок, порыве решать и действовать, стараясь выбраться из-под угрожающей тени ее матери, которая сейчас покупала перчатки на свадьбу лучшей подруги детства Фрэн. Что-то, что сейчас можно похоронить, но что тем не менее будет беспокойно ворочаться под землей шесть месяцев, шестнадцать месяцев или двадцать шесть лишь для того, чтобы в конце концов подняться из могилы и наброситься на них обоих. Жениться в спешке, раскаиваться всю жизнь. Одна из любимых пословиц ее матери.

— Он слабый, — сказала она. — Точнее я не могу объяснить.

— Ты не можешь доверить ему себя, Фрэнни?

— Да, — сказала она, думая о том, что ее отец ближе подобрался к тому, что она хотела выразить. Она не доверяла Джессу, который происходил из богатой семьи и носил синие рубашки. — Джесс хочет, как лучше. Он хочет поступить правильно, это действительно так, но... Два семестра назад мы пошли на вечер поэзии. Его устраивал человек по имени Тед Энслин. Зал был переполнен. Все слушали очень торжественно... очень внимательно... так, чтобы не пропустить ни одного слова. Ну а я... ну ты же меня знаешь...

Он успокаивающе обнял ее одной рукой и сказал:

— Фрэнни попала в рот смешинка.

— Да, так оно и было. Похоже, ты очень хорошо меня знаешь.

— Немного знаю, — сказал он.

— Она — смешинка, я хочу сказать — появилась неизвестно откуда. Я сама не хотела этого. Это никак не относилось к поэзии мистера Энслина, поэзия была в полном порядке. Дело было в том, как *они* смотрели на *него*.

Она посмотрела на отца, чтобы увидеть его реакцию. Он просто кивнул ей, чтобы она продолжала.

— Короче, мне пришлось убраться оттуда. Джесс просто взбесился. И я считаю, у него было право на это... с моей стороны это был такой детский поступок, такой детский способ *восприятия*, все это так... но со мной это часто бывает. Не всегда, конечно. Я могу серьезно заниматься делом...

— Да, ты можешь.

— Но иногда...

— Иногда смешинка залетает тебе в рот, а ты одна из тех, кто не может выплюнуть ее обратно, — сказал Питер.

— Наверное, я такая. Так или иначе, но Джесс не такой. И если мы поженимся... он раз за разом будет обнаруживать дома этого непрошеного гостя, которого я впустила. Не каждый день, но достаточно часто для того, чтобы он вышел из себя. Тогда я попытаюсь... и мне кажется...

— Мне кажется, это сделает тебя несчастной, — сказал Питер, крепче обняв ее.

— Да, это так, — сказала она.

— Тогда не позволяй своей матери себя переубедить.

Она закрыла глаза и почувствовала еще большее облегчение, чем в прошлый раз. Он понял. Каким-то чудом.

— Как бы ты отнесся к тому, чтобы я сделала аборт? — спросила она после паузы.

— У меня такое впечатление, что именно этот вариант ты и хочешь обсудить.

Она посмотрела на него удивленно.

— Может быть, ты и прав, — сказала она медленно.

— Слушай, — сказал он и впал в парадоксальное молчание. Но она *слушала и слышала воробьев, сверчков, гудение самолета высоко в небе, чей-то призыв к Джеки*, чтобы он немедленно шел домой, шум косилки, машину, несущуюся по шоссе N1.

Она как раз хотела спросить, все ли с ним в порядке, когда он взял ее за руку и заговорил.

— Фрэнни, тебе, конечно, нужен бы отец помоложе, но тут я ничем не могу помочь. Я женился только в пятьдесят шестом.

Он задумчиво посмотрел на нее в свете сумерек.

— Карла была не такой в те дни. Она была... черт возьми, она была молода. Она не менялась до тех пор, пока не умер твой брат Фредди. До того момента она была молодой. После того, как Фредди умер, внутри у нее все застыло. И... ты не должна думать, что я хочу сказать о твоей матери что-нибудь плохое, Фрэнни, даже если со стороны это выглядит отчасти и так. Но мне кажется, что Карла... окаменела... после того, как умер Фредди. Она покрыла свои взгляды на мир тройным слоем лака и одним слоем быстро застывающего цемента и объявила, что это хорошо. А сейчас она похожа на зрителя в музее, и если она видит, как кто-то трогает выставленные там экспонаты-идеи, то взирает на это крайне неодобрительно. Но она не всегда была такой. Тебе придется поверить мне на слово, но это действительно так.

— А какой она была, папочка?

— Ну... — Он рассеянно оглядел сад. — Она была во многом такая же, как ты, Фрэнни. В ней была смешинка. Мы часто ездили в Бостон поболеть за «Ред Сокс» и выпить пива.

— Мама... пила пиво?

— Ну да, пила. А потом оставшуюся часть игры проводила в женском туалете и выходила оттуда, проклиная меня за то, что по моей вине она пропустила самую интересную часть матча, хотя на самом-то деле это она постоянно упрашивала меня сходить в буфет за пивом.

Фрэнни попыталась представить себе свою мать с кружкой пива в руке, когда она смотрит на отца и смеется, как девчонка на свидании. Но у нее ничего не получилось.

— Она никогда не скандалила, — сказал он смущенно. — Мы с ней ходили к доктору, чтобы выяснить, кто из нас не в порядке. Доктор сказал, что никаких отклонений нет. Потом, в шестидесятом, появился на свет твой брат Фред. Она любила этого мальчишку до смерти,

Фрэн. Фред — так ведь звали ее отца, ты знаешь. У нее был выкидыш в шестьдесят пятом, и мы оба решили, что с детьми покончено. Потом ты появилась на свет в шестьдесят девятом, на месяц раньше, чем нужно, но, в общем, все было в порядке. И я полюбил тебя до смерти. У каждого из нас было по ребенку, но она своего потеряла.

Он замолчал, погрузившись в размышления. Фред умер в 1973 году. Ему было тринадцать, Фрэнни — четыре. Человек, сбивший Фреда, был пьян. За ним был долгий список дорожных нарушений. Фред прожил семь дней.

— Я думаю, что аборт — слишком мягкое словечко для этой операции, — сказал Питер Голдсмит. Он медленно выговаривал каждое слово, словно оно причиняло ему боль. — Я думаю, что это — детоубийство, простое и откровенное. Прости, что я говорю так, что я так... несгибаем, упрям... Я же говорил тебе, что я уже стар.

— Ты совсем не стар, папочка, — пробормотала она.

— Нет, я стар, я стар! — сказал он резко. Вид его неожиданно стал совсем убитым. — Я старик, который пытается дать совет молодой дочери, и это как если бы обезьяна пыталась научить медведя, как вести себя за столом. Пьяный водитель убил моего сына семнадцать лет назад, и моя жена так от этого никогда и не оправилась. Я всегда рассматриваю вопрос аборта, думая о Фреде. И я не могу смотреть на это с другой точки зрения, точно так же, как ты не могла избавиться от смешинки на поэтическом вечере, Фрэнни. Я просто вижу перед собой Фреда. Он был весь исковеркан внутри. У него не было никакого шанса. Жизнь дешево стоит, а аборт делает ее еще дешевле. То, что мы делаем, и то, что мы думаем... эти вещи так часто основываются на произвольных суждениях. Я просто не могу перешагнуть через себя. У меня словно кирпич застрял в глотке. В истоке любой справедливой логики лежит что-то иррациональное. Вера. Что-то я совсем запутался, да?

— Я не хочу делать аборт, — сказала она спокойно. — По своим собственным причинам.

— Что это за причины?

— Ребенок — это часть меня, — сказала она, слегка подняв подбородок.

— Ты откажешься от него, Фрэнни?

— Я не знаю.

— Но ты хочешь этого?

— Нет, я хочу оставить его с собой.

Он молчал. Ей показалось, что она чувствует его неодобрение.

— Ты думаешь о моем образовании, так? — спросила она.

— Нет, — сказал он, поднимаясь. Он потер руками поясницу и скорчил довольную гримасу, когда затрещал его позвоночник. — Я думаю о том, что мы с тобой уже достаточно поговорили. И что пока тебе не стоит принимать окончательное решение.

— Мама вернулась, — сказала она.

Он повернулся, чтобы проследить ее взгляд. Машина завернула на подъездную дорожку, хромированные поверхности засверкали в свете заходящего солнца. Карла заметила их, посигналила и весело махнула рукой.

— Я должна сказать ей.

— Да, но подожди денек-другой, Фрэнни.

— Ладно.

Она помогла ему собрать садовые инструменты, и они вместе направились к машине.

В мягком свете, который озаряет землю сразу же после захода солнца, но до настоящей темноты, и который киношники называют «режимом». Вик Палфри на короткое время вернулся в сознание.

«Я умираю», — подумал он, и слова странно залягали у него в мозгу, убеждая его в том, что он произнес их в слух, хотя на самом деле это было не так.

Вокруг его шеи был повязан нагрудник, покрытый сгустками слизи. Голова его болела. Странные мысли плясали у него в мозгу. Он знал, что был в бреду... и скоро вернется в прежнее состояние. Он был болен, и выздоровления не предвиделось: это была лишь краткая передышка.

Он поднес руку ко лбу и отдернул ее, как от печки. Весь раскаленный, и к тому же напичкан трубками. Две чистеньких пластиковых трубочки выходили из ноздрей. Еще одна змеилась из-под больничной простыни к бутылки на полу, и он мог точно сказать, к чему *присоединен другой ее конец*. Две капельницы были закреплены в штативе, их трубки соединялись в одну, а та в свою очередь впивалась в его руку чуть пониже локтя.

На мой взгляд, этого вполне достаточно, — подумал он. Но на нем были и провода. Они были укреплены у — него на черепе, на груди, на левой руке. Один из них, похоже, забрался к нему в пупок. И ко всему прочему он был абсолютно уверен, что какая-то штука сжимает его задницу. Что бы это могло быть? Радар для определения дерьма?

— Эй!

Он собирался издать громкий, негодующий вопль. Но изо рта у него вырвался еле слышный шепот смертельно больного человека.

«Мама, Джордж завел лошадь в стойло?»

Опять начинается бред. Иррациональная мысль, пронесшаяся сквозь сознание как метеор. Долго ему не продержаться. Эта штука убьет его. Мысль о том, что он умрет, бормоча всякую чушь, как выживший из ума старик, наполнило его ужасом.

«Джордж уехал на свидание с Нормой Уиллис. Ты заведешь лошадь сам. Вик, и повесишь ей торбу. Будь хорошим мальчиком.»

«Это не моя работа.»

«Виктор, ты ведь любишь свою мать.»

«Люблю. Но это не значит...»

«Ты должен любить свою маму. У мамы грипп.»

Нет, мама, у тебя не грипп. У тебя туберкулез, и он убьет тебя. В девятнадцать сорок семь. А Джордж умрет ровно через шесть дней после того, как попадет в Корею. Этого времени как раз хватит на одно письмо, а потом

— бах-бах-бах.»

«Вик, ты сможешь мне и заведешь эту лошадь сейчас, и это мое последнее слово.»

— Это у меня грипп, а не у нее, — прошептал он, вновь выныривая на поверхность.

Он смотрел на дверь и думал о том, что даже для госпиталя она выглядит чертовски забавно. У нее были закругленные углы, по краям которых шли заклепки, а нижний косяк поднимался над кафельным полом дюймов на шесть.

Даже такой плотник, как Вик Палфри мог бы (дай мне комиксы, Вик, ты уже насмотрелся вдоволь) (мама, он отнял у меня комиксы! Отдай назад! Отдааай, говорю тебе) соорудить дверь и получше. Да она ведь (стальная) Мысль вонзилась ему гвоздем в мозг, и он попытался приподняться, чтобы разглядеть дверь получше. Ну да, так и есть. Именно так и

есть. Стальная дверь. Зачем это в госпитале нужна стальная дверь? Почему его здесь заперли? Что случилось? Действительно ли он смертельно болен? Не пора ли ему подумать о том, как он предстанет перед Господом? Господи, что случилось? Он безуспешно попытался проникнуть сквозь серый туман, но лишь голоса доносились до него, очень далеко, голоса, обладателей которых он не мог вспомнить.

«А я вам говорю, что... им просто надо сказать... на хрен эту инфляцию-мудацию...»

«Лучше отключить колонки, Хэп.»

(Хэп? Билл Хэпском? Кто это такой? Я знаю это имя) «твою мать...»

«абсолютно мертвы...»

«Дай мне руку, и я вытащу тебя отсюда...»

«Дай мне комиксы, Вик, ты уже...»

В комнате Вика зажегся свет. При свете он увидел два ряда лиц, напряженно наблюдавших за ним сквозь двойное стекло, и вскрикнул, сперва подумав, что это те самые люди, которые ведут разговоры у него в мозгу. Один из них, в белом докторском халате, делал энергичные знаки кому-то, кто оставался за пределами поля зрения Вика, но Вик уже преодолел свой страх. Он был слишком слаб, чтобы долго оставаться испуганным. Но внезапное потрясение расчистило часть завалов в его мозгу, и он понял, где находится. Атланта. Атланта, штат Джорджия. Они приехали и забрали его — его и Хэпа, и Норма, и жену Норма, и детей Норма. Они забрали Хэнка Кармайкла. Стью Редмана. И одному Богу известно, сколько еще людей они увезли с собой. Вик был напуган и негодовал. Конечно, у него обычный насморк, конечно, он чихает, но уж наверняка у него нет холеры или какой-нибудь другой заразы, которая была у бедняги Кэмпиона и его семьи. Он вспомнил, как Норм Брюетт споткнулся, поднимаясь на самолет, и ему пришлось оказать помощь. Жена его была напугана и плакала, и маленький Бобби Брюетт тоже плакал — плакал и кашлял. Скрежещущий, крупозный кашель. Самолет поджидал их на небольшой взлетной полосе за пределами Брейнтри, но чтобы выбраться из Арнетта, им пришлось проехать дорожный пост на шоссе N93, и люди там натягивали колючую проволоку... натягивали колючую проволоку прямо в пустыне...

Красная лампочка вспыхнула над странной дверью. Раздался шипящий звук, а потом словно заработал насос. Когда все смолкло, дверь открылась. Вошедший человек был одет в огромный белый скафандр с прозрачным окошком для лица. На спине у него были баллоны с кислородом, и когда он заговорил, то его голос оказался металлическим, лишенным всех человеческих интонаций. Этот голос был похож на тот, что раздается из видеоигр, что-нибудь типа «Попытайся снова. Космический Курсант», когда ты использовал свою последнюю попытку.

Голос проскрежетал:

— Как вы себя чувствуете, мистер Палфри?

Но Вик не смог ничего ответить. Вик погрузился обратно в свои зеленые бездны. За прозрачным окошечком белого костюма он видел свою мать. Мамочка была одета в белом, когда папочка отвез его и Джорджа в санаторий на последнее свидание с ней. Ей пришлось поехать в санаторий, чтобы никто из них не мог заразиться от нее. Туберкулез заразен. От него можно умереть.

Он разговаривал с мамой... сказал, что будет послушным и заведет лошадь в стойло... сказал, что Джордж отнял комиксы... спросил, не лучше ли ей... спросил, скоро ли она сможет приехать домой... и человек в белом костюме сделал ему укол, и он еще глубже погрузился в бездну, а слова его стали бессвязными. Человек в белом костюме оглянулся на лица за стеклом и покачал головой.

Подбородком он включил переговорное устройство и произнес:

— Если это не подействует, к полночи его не будет в живых.

Для Вика Палфри «режим» закончился.

— Просто закатайте рукав, мистер Редман, — сказала ему хорошенькая темноволосая медсестра. — Это не займет и минуты. — Она держала в руках браслет для измерения кровяного давления. Руки были в перчатках. За пластиковой маской лицо ее улыбалось, словно у них был какой-то общий секрет.

— Нет, — сказал Стью.

Улыбка частично сошла с ее лица.

— Нам надо только измерить давление. Это не займет и минуты.

— Нет.

— Распоряжение доктора, — сказала она, переходя на деловой тон. — Прошу.

— Если это распоряжение доктора, то дайте мне поговорить с ним.

— Боюсь, что сейчас он занят. Если б вы только...

— Я подожду, — сказал Стью ровно.

— Это просто моя работа. Вы ведь не хотите, чтобы у меня были неприятности, не правда ли? — Она снова улыбнулась. — Если б вы только позволили мне...

— Не позволю, — сказал Стью. — Идите и скажите им. Пусть они пришлют кого-нибудь.

С обеспокоенным видом сестра подошла к стальной двери и повернула в замочной скважине ключ квадратной формы. Когда дверь снова закрылась, он встал и подошел к окну — но на улице было уже совсем темно. Он был не против того, чтобы его подвергли обследованию. Но он был против того, что его держат в страхе и неведении. Он не чувствовал себя больным, по крайней мере пока, но он был очень напуган.

Они ожидали, что он станет расспрашивать их раньше — он прочитал это у них в глазах. Они умеют скрывать от тебя правду, когда ты в больнице. Четыре года назад его жена умерла от рака в возрасте двадцати семи лет. Он зародился у нее в матке, а потом распространился с быстротой молнии по всему организму. Стью видел, как они обходили ее вопросы, либо меняя тему, либо пускаясь в долгие, пересыпанные терминами объяснения. Поэтому он и не спрашивал ни о чем, отмечая про себя, как это их беспокоит. А сейчас настало время спросить и время получить ответы. Выраженные в односложных словах.

Некоторые пробелы он мог заполнить самостоятельно. У Кэмпиона с женой и ребенком была какая-то чертовски опасная болезнь. Начиналась она как обычный грипп или летняя простуда, но дальше дело шло все хуже и хуже до тех пор, пока, по всей видимости, ты не захлебывался в собственных соплях или тебя не испепеляла лихорадка. Болезнь была чрезвычайно заразной.

Он терпеливо сидел на стуле рядом с больничной койкой и ждал, пока сестра приведет кого-нибудь. Но скорее всего никто не придет. Может быть, к утру они наконец-то пришлют к нему кого-нибудь, кто сможет сообщить ему то, что он должен знать. Он может подождать. Терпение всегда было сильной чертой Стюарта Редмана.

Красная лампочка вспыхнула над дверью. Когда компрессор или насос (или что там у них за штука?) наконец прекратил работать, внутрь шагнул человек в белом скафандре. Доктор Деннинджер. Он был молод. У него были темные волосы, кожа оливкового цвета, резкие черты лица и бледные губы.

— Патти Греер говорит, что вы доставляете ей много хлопот, — донеслось из динамика на груди у Деннинджера. — Она очень расстроена.

— Не из за чего ей расстраиваться, — сказал Стью непринужденно. Трудно было сделать так, чтобы голос звучал непринужденно, но он чувствовал, что очень важно скрыть свой

страх от этого человека.

— Я хотел бы получить кое-какие ответы, — сказал Стью.

— Извините, но...

— Если вы хотите, чтобы я с вами сотрудничал, ответьте мне на мои вопросы.

— Со временем вам...

— Я могу причинить вам много неприятностей.

— Мы знаем это, — сердито произнес Деннинджер. — У меня просто нет возможности сообщить вам что-либо, мистер Редман. Я и сам знаю очень мало.

— Думаю, вы брали на анализ мою кровь. Все эти иголки...

— Это так, — осторожно сказал Деннинджер.

— Для чего?

— Повторяю, мистер Редман, я не могу сказать вам то, чего сам не знаю. — Вновь в его голосе появились сварливые нотки, и Стью склонен был ему поверить. В этой работе его использовали просто как хорошего специалиста, и все это, похоже, ему не слишком-то нравилось.

— Мой город сейчас в карантине.

— Об этом мне также ничего не известно. — Но Деннинджер отвел свой взгляд в сторону, и Стью подумал, что на этот раз он лжет.

— Почему об этом до сих пор ничего не передали? Он указал на привинченный к стене телевизор.

— Прошу прощения?

— Когда блокируют выезды из города и натягивают вокруг колючую проволоку, то это из ряда новостей, — сказал Стью.

— Мистер Редман, если б вы только позволили Патти смерить вам давление...

— Нет. Если вам что-нибудь от меня понадобится, то вам лучше послать ко мне двух здоровых мужиков. Но сколько бы вы их не послали, изо всех сил постараюсь проделать несколько дырок в ваших защитных костюмах. Они не выглядят слишком уж прочными, вы об этом знаете?

Он шутливо протянул руку к костюму Деннинджера. Тот отскочил, чуть не упав.

— Думаю, вы можете подсыпать мне что-нибудь в еду, чтобы я отрубился, но ведь это скажется на результатах анализов, разве нет?

— Мистер Редман, вы ведете себя неблагоразумно! — Деннинджер старался держаться на приличном удалении. — Ваше нежелание сотрудничать с нами может причинить всей стране много вреда. Вы понимаете меня?

— Нет, — сказал Стью. — В настоящий момент похоже на то, что моя страна причиняет мне много вреда. Меня заперли в больничной палате в Джорджии в компании с кретином-доктором, который не может отличить дерьмо от шоколада. Уноси отсюда свою грязную задницу и пришли мне сюда кого-нибудь, кто поговорит со мной, или пришли сюда дюжих молодцов, которые смогут силой добиться того, что вам нужно. Но я буду сопротивляться, это уж точно.

Когда Деннинджер ушел, он продолжал неподвижно сидеть на стуле. Страх внутри него разрастался. Два дня он ждал, что начнет чихать, кашлять и отхаркивать желтую слизь. Он думал и о других — о людях, которых он знал всю свою жизнь. Он думал о том, чувствует ли кто-нибудь из них себя так же плохо, как Кэмптон. Он вспоминал мертвую женщину с ребенком в старом «Шевроле». У женщины было лицо Лилы Брюетт, а у ребенка — Черил Ходжес, какими он запомнил их во время перелета в Атланту.

Он чувствовал, как страх извивается и ворочается под его бесстрастным лицом. Иногда

он был огромным и паническим, сокрушающим все на своем пути, как слон. Иногда он был маленьким и гложащим, с острыми зубками, как крыса.

Только через сорок часов к нему прислали человека, согласного отвечать на вопросы.

Они напали на него через некоторое время после наступления сумерек, когда он шел по обочине шоссе N27. Через одну-две мили он собирался повернуть на запад по N63. Возможно, чувства его были несколько притуплены двумя порциями пива, но он сразу понял, что дело пахнет керосином. Он как раз вышел на шоссе, вспоминая о четырех или пяти здоровяках в дальнем конце бара, когда они оставили свое укрытие и бросились за ним.

Ник дрался изо всех сил, украсив одного из нападавших фингалом, а другому сломав нос. В один из счастливых моментов ему даже показалось, что он сможет победить. То обстоятельство, что он дрался, не издавая ни звука, слегка их встревожило. Они дрались вяло, может быть, потому, что раньше такие победы давались им без труда, и они не ожидали серьезного сопротивления от тощего сосунка с рюкзаком.

Потом один из них сумел ударить его в подбородок, рассекая нижнюю губу чем-то вроде университетского перстня, и теплый вкус крови наполнил его рот. Он оступился, и кто-то схватил его за руки. Он как раз успел освободить одну из них, когда кулак, словно покинувшая свою орбиту луна, врезался ему в лицо. Прежде чем кулак закрыл его правый глаз, он успел заметить все то же кольцо, тускло мерцающее в свете звезд. Из глаз у него посыпались искры, и сознание стало медленно растворяться, уплывая в неизвестном направлении. Испугавшись, он стал драться еще отчаяннее. Человек с кольцом вновь оказался напротив него, и Ник ударил его в живот. У Перстня захватило дух, и он согнулся пополам.

— Держите его, — сказал Перстень, с трудом поднимаясь на ноги. — Держите его за волосы.

Кто-то запустил обе руки в жесткие черные волосы Ника.

— Почему он не орет? — спросил один из них с беспокойной заинтересованностью. — Почему он не орет, Рэй?

— Я же сказал не называть имен, — сказал Перстень. — Мне плевать, почему он не орет. Сейчас я его отхерачу. Сосунок ударил меня. Он за это поплатится.

Кулак понесся на него. Ник отдернул голову в сторону, и кольцо оставило борозду у него на щеке.

— Я же говорю, держите его, — сказал Рэй. — С кем я имею дело? С компанией шлюх?

Кулак опустил. Нос Ника превратился в лопнувший помидор. Кулак опустил снова. Два передних зуба искрошились, приняв на себя таран школьного перстня.

— Рэй, кончай! Ты что, хочешь его убить?

— Держите его. Сосунок ударил меня. Сейчас я его отхерачу.

На шоссе показались огни приближающейся машины.

— О, Господи!

— Швыряй его, швыряй!

Это был голос Рэя, но самого Рэя перед ним не было. Ник был смутно благодарен за это судьбе, но большая часть сохранившегося у него сознания была занята агонией у него во рту. Он ощущал на языке осколки своих зубов.

Чьи-то руки тянули его на середину дороги. Приближающиеся фары осветили его, как актера на сцене. Завизжали тормоза. Он тупо ждал удара. Во всяком случае, это положило бы конец боли во рту.

Он смотрел на шину, остановившуюся меньше чем в футах от его лица. Он видел застрявший в покрышке белый камешек.

— Кусок кварца, — подумал он отрывочно и потерял сознание.

Когда Ник пришел в себя, он обнаружил, что лежит на койке. Койка была жесткой, но за последние три года ему приходилось испробовать и похуже. С огромным усилием ему удалось открыть глаза.

Над ним был серый потрескавшийся цементный потолок. Под потолком шли зигзаги труб, обернутых теплоизоляционным материалом. Его поле зрения пересекала цепь. Он слегка приподнял голову, которую тут же пронзила чудовищная молния боли, и увидел другую цепь, которой койка крепилась к стене.

Он повернул голову налево (еще один приступ боли, но на этот раз не такой убийственный) и увидел шероховатую бетонную стену. Она была густо исписана разными надписями. Там были изображения фаллосов, огромных грудей, грубо нарисованных влагалищ. Ник понял, где он находится. Он был в тюремной камере.

Он осторожно приподнялся на локтях, а потом присел. Переждав новый приступ боли, Ник дотащился до решетчатой двери и выглянул в коридор. На стене выросла чья-то тень, а затем массивный человек в шортах цвета хаки появился в конце коридора. Подойдя к камере Ника, он остановился и молча смотрел на него почти целую минуту. Потом он сказал:

— Когда я был мальчишкой, мы выследили в горах пуму и застрелили ее. На обратном пути в город мы протащили ее двадцать миль по грязи. То, что осталось от зверя, когда мы пришли домой, было самым печальным зрелищем, которое я когда-либо видел в своей жизни. Ты занимаешь второе место после пумы, паренек.

Ник подумал про себя, что это похоже на хорошо подготовленный и заученный монолог, приберегаемый специально для заезжих посетителей тюремных камер.

— Как тебя зовут?

Ник указал пальцем на свои распухшие и разодранные губы и покачал головой.

— Ты что, не можешь говорить?

Ник сделал жест, словно он пишет в воздухе невидимой ручкой.

— Тебе нужен карандаш?

Ник кивнул.

— Если ты немой, то почему у тебя нет специальных карточек?

Ник пожал плечами. Он вывернул свои пустые карманы. Потом сжал кулаки, поднес их к вискам, закатил глаза и прислонился к прутьям решетки. Потом он указал на пустые карманы.

— Тебя ограбили.

Ник кивнул.

Человек в хаки повернулся и отправился с свой кабинет. Через мгновение он вернулся с тупым карандашом и блокнотом. Все это он просунул Нику между прутьями решетки. На каждом листке блокнота вверху было написано: «Канцелярия шерифа Джона Бейкера».

Ник указал карандашом на имя и вопросительно поднял брови.

— Да, это я. А ты кто?

«Ник Андрос», — написал Ник и просунул руку сквозь прутья решетки.

Бейкер покачал головой.

— Я не буду с тобой здороваться за руку. Ты и глухой к тому же? Что случилось с тобой этим вечером? Доктор Сомс с женой чуть не переехали тебя, как полено.

«Избит и ограблен. Рядом с баром Зака».

— В этом притоне такому пареньку, как ты, делать нечего. Тебе и пить-то еще рано.

Ник возмущенно потряс головой. «Мне двадцать два, — написал он. — И я имею право выпить пару кружек пива, не рискуя при этом быть избитым и ограбленным, не так ли?..»

— А что ты вообще делаешь в этих местах, паренек?

Ник вырвал первую страничку блокнота, смял ее в комок и бросил на пол. Прежде чем он

успел начать писать ответ, рука молнией метнулась сквозь прутья и железной хваткой сжала его плечо.

— Эти камеры убирает моя жена, — сказал Бейкер, — и тебе нет никакой необходимости здесь сорить. Пойди и выброси в парашу.

Ник наклонился, поморщившись от боли в спине, и поднял бумажный шарик с пола. Он выбросил его в туалет, а затем вопросительно посмотрел на Бейкера. Бейкер кивнул.

Бейкер подумал, что это, наверное, чертовски трудный трюк — научить глухонемого ребенка читать и писать. Здесь в Шойо, штат Арканзас, были и нормальные парни, которые так и не научились этому, и большинство из них обычно проводило время у Зака.

Ник кончил писать и протянул блокнот Бейкеру.

«Я путешествую, но я не бродяга. Весь день работал на человека по имени Ричард Эллертон, в шести милях к западу отсюда. Вычистил хлев и таскал сено на сеновал. На прошлой неделе я был в Уаттсе, Оклахома, ставил забор. Те, кто избил меня, забрали весь мой недельный заработок.»

— Ты уверен, что работал на Ричарда Эллертона? Я ведь могу и проверить.

Ник кивнул.

— Ты видел его собаку?

Ник кивнул.

— Какой она породы?

Ник протянул руку за блокнотом.

«Большой доберман», — написал он.

Бейкер кивнул, повернулся и пошел обратно в кабинет. Ник обеспокоено смотрел ему вслед, стоя у двери. Через мгновение Бейкер вернулся с большой связкой ключей, отпер камеру и отодвинул в сторону решетку.

— Пошли в кабинет, — сказал Бейкер. — Не хочешь позавтракать?

Ник покачал головой, а затем показал жестами, как наливает и пьет.

— Кофе? Понял. Сливки, сахар?

Ник покачал головой.

— Прими все это как настоящий мужчина, — Бейкер засмеялся. — Пошли.

Бейкер шел по коридору, но хотя он продолжал говорить, Ник не мог разобрать его слов, так как не видел губ.

— Я не против хорошей компании. У меня бессонница. Редкую ночь я сплю больше трех-четырёх часов. Жена хочет, чтобы я съездил к медицинскому светилу в Пайн Блаффе. Если не пройдет, я так и сделаю. Сам видишь — время пять часов утра, еще даже не рассвело, а я уже сижу, ем яйца из столовки для водителей грузовиков.

На последней фразе он обернулся, и Ник успел уловить:

— ...столовки для водителей грузовиков. — В знак непонимания он поднял брови и пожал плечами.

— Не имеет значения, — сказал Бейкер. — Во всяком случае, не для такого молодого парня, как ты.

В кабинете шериф налил ему чашку кофе из огромного термоса. Тарелка с недоеденным завтраком стояла на столе, и он пододвинул ее к себе. Ник глотнул кофе. Кофе обжог ему рот, но был вкусным.

— Я не собираюсь задерживать тебя, — сказал Бейкер. — Но вот что я тебе скажу. Если ты согласен ненадолго остаться, то мы с тобой попробуем поймать тех парней. Ну как, согласен?

Ник кивнул и написал: «Думаете, смогу я получить свои деньги обратно?»

— Ни малейшего шанса, — равнодушно сказал Бейкер. — Я ведь обычный провинциальный шериф, паренек. Для таких штучек тебе понадобился бы Орал Робертс.

Ник кивнул и пожал плечами.

— Сколько их было?

Ник показал четыре пальца, потом пожал плечами и показал пять.

— Ты думаешь, что сможешь опознать кого-нибудь из них?

Ник показал один палец и написал: «Большой, светлые волосы. Как вы, может, чуть-чуть потяжелее. Серая рубашка и брюки. Большой перстень на третьем пальце правой руки. Красный камень. Им-то он и порезал меня.»

Пока Бейкер читал все это, лицо его менялось. Сначала на нем появилось выражение озабоченности, потом гнева. Ник, думая, что гнев направлен против него, снова испугался.

— Господи Боже мой, — сказал Бейкер. — Все совпадает. Ты уверен?

Ник неохотно кивнул.

— Заметил еще какие-нибудь приметы?

Ник задумался, а потом написал: «Небольшой шрам. У него на лбу.»

Бейкер взглянул на надпись.

— Это Рэй Бут, — сказал он. — Мой шурин. Спасибо тебе, малыш. Еще только пять часов утра, а день уже безнадежно испорчен.

Глаза Ника открылись чуть-чуть пошире, и он сделал осторожный жест соболезнования.

— Да ладно, чего уж там, — сказал Бейкер, обращаясь скорее к самому себе, чем к Нику. — Он дрянной человек. Джени знает об этом. Он столько раз бил ее, когда они были еще детьми. Но они все-таки брат и сестра, так что мне придется рассориться со своей благоверной на этой неделе.

Ник посмотрел себе под ноги в смущении. Бейкер потряс его за плечо, чтобы он следил за губами.

— Возможно, ничего у нас и не получится. Рэй со своей оравой просто поручатся друг за друга. Твое слово против их. Ты достал кого-нибудь?

«Двинул Рэю поддых, — написал Ник. — Другому двинул в нос. Похоже, сломал.»

— Рэй обычно шатается с Винсом Хоганом, Билли Уорнером и Майком Чайлдресом, — сказал Бейкер. — Я могу заняться одним Винсом и расколоть его. У него хребет как у медузы. А если я расколю его, то смогу добраться до Майка и Билли. Рэй получил этот перстень в студенческой организации Лос-Анджелесского университета. Вылетел со второго курса. — Он выдержал паузу, барабанил пальцами по краю тарелки. — Мы можем дать этому делу ход, паренек, если ты хочешь. Но заранее тебя предупреждаю: мы можем их упустить. Они злы и трусливы, как собаки, но они местные, а ты — всего лишь глухонемой бродяга. И если они отвернутся, то тебе несдобровать.

«Давай попробуем», — написал Ник.

Бейкер со вздохом кивнул.

— О'кей. Винс Хоган работает на лесопилке. Мы съездим туда часов в девять. Может, нам и удастся запугать его так, что он расколется.

Ник кивнул.

— Как твой рот? Док Сомс оставил какие-то таблетки. Он сказал, что наверное, будет очень больно.

Ник уныло кивнул.

— Сейчас достану. Это... — Он прервался, и в своем бесшумном мире Ник увидел. Как шериф несколько раз чихнул в платок. — Только этого не хватало. Похоже, я сильно простудился. Господи Иисусе, ну разве жизнь не прекрасна и удивительна? Добро пожаловать

в Арканзас, паренек.

Ларри проснулся с ощущением, что маленький дракончик использовал его рот вместо ночного горшка, и что он находился там, где ему не следует быть.

Кровать была одноместной, но на ней лежали две подушки. Он ощутил запах поджаривавшегося бекона. Прошлая ночь постепенно всплывала у него в памяти. Он был в квартире на втором этаже в доме по авеню Трмонт, и его мать весьма заинтересуется тем, где он провел ночь. Позвонил ли он ей, предупредил ли ее?

Девушку звали Мария, и она сказала, что работает... кем? Специалистом по оральной гигиене, так что ли? Ларри не знал, что много ли она смыслит в гигиене, но по оральной части она проявила себя неплохо. Когда она узнала, что это тот самый Ларри Андервуд, она слегка сдвинулась. Разве не искали они вчера открытый магазин пластинок, чтобы купить сингл «Крошка, поймешь ли ты своего парня?»

Он попытался восстановить в памяти весь вчерашний день, начиная с невинной завязки и кончая неистовым финалом.

«Янки» в городе не было, это он помнил. Его мать ушла на работу, оставив ему на столе в кухне расписание игр «Янки» вместе с запиской: «Ларри. Как видишь, „Янки“ не вернутся в город до первого июля. Четвертого они играют двойную игру. Если этот день у тебя ничем не занят, то почему бы тебе не сводить свою маму на стадион? Я куплю сосиски и пиво. Яйца и колбаса в холодильнике. Береги себя, малыш». У записки был характерный для Элис Андервуд постскрипtum: «Большинство ребят, с которыми ты дружил, разъехались, и скатертью дорожка этой банде. Но мне кажется, что Бадди Маркс работает в типографии на Стрикер Авеню».

Одно воспоминание об этой записке заставило его поморщиться. Перед его именем не стояло слово «дорогой». Перед ее подписью не было слов «с любовью». Она не верила в громкие слова. То, во что она верила, лежало в холодильнике. Пока он отсыпался после своего путешествия через всю Америку, она успела сходить в магазин и купить все то, что он любил. Ее память была настолько безупречна, что это пугало. Ветчина в банке. Два фунта настоящего масла — как это она интересно может позволять себе такие вещи на свою зарплату? Две упаковки кока-колы. Колбаски Дели. Ростбиф, замоченный в соусе, состав которого Элис отказывалась назвать даже своему сыну. Галлон мороженого «Персиковый Восторг Баскина-Роббинса» в морозилке. И вдобавок, сырный пирог Сары Ли. Тот, что с земляничкой наверху.

Подчиняясь внезапному импульсу, он прошел в ванную. Новая зубная щетка «Пепсодент», висящая на том же самом месте, что и в детстве. Пачка лезвий. Крем для бритья «Барбазол». Даже одеколон «Олд Спайс». Не Бог вещь что, — сказала бы она, — но пахнет неплохо для своей цены. Ларри почти слышал, как она произносит эти слова.

Специалист по оральной гигиене в розовых нейлоновых трусах — больше на ней ничего не было — вошла в комнату.

— Привет, Ларри, — сказала она. Она была низкого роста, симпатичная, с крепкой грудью.

— Привет, — ответил он и встал с постели.

— У меня есть халат для тебя, если хочешь. На завтрак у нас копченая рыба и бекон. Копченая рыба и бекон? Его желудок съезжился и стал выворачиваться наизнанку.

— Нет, радость, мне надо бежать. Мне надо повидать одного человека.

— Эй, но ты не можешь так вот просто удрать от меня?

— Послушай, это очень важно.

— Что значит, важно? — В кулаке у нее была зажата покрытая жиром металлическая лопаточка, похожая на стальной цветок.

— Послушай, человек, с которым мне надо увидаться, — это моя мама. Я приехал в город всего лишь два дня назад, а вчера вечером не позвонил ей... или позвонил? — добавил он с надеждой.

— Ты никому не звонил, — сказала она угрюмо. — Держу пари, что ты не тот Ларри Андервуд.

— Можешь верить во что хочешь. Мне надо бежать.

— Ах ты, сукин сын! — вспыхнула она. — А что мне делать со всей этой дурацкой едой?

— Может, выбросить в окно? — предложил он.

Она швырнула в него лопаточкой. В любой другой день его жизни лопаточка пролетела бы мимо. В сущности, один из основополагающих законов физики состоит в том, что лопаточка, брошенная рукой разъяренного специалиста по оральной гигиене, не может попасть в цель. Но случилось исключение, которое, как известно, только подтверждает правило. Лопаточка Ларри прямо в лоб. Потом он заметил, как две капли крови упали на коврик, когда он наклонился поднять ее.

Он сделал два шага по направлению к ней.

— Тебя надо бы отшлепать этой штукой! — заорал он на нее.

— Ну, конечно, — сказала она, съезжившись от страха и начиная плакать.

— Почему бы и нет? Ты звезда. Трахнул и убежал. Я думала, ты симпатичный парень. Никакой ты не симпатичный парень. — Слезы побежали у нее по щекам, падая на грудь. Одна из них скатилась по ее правой груди и повисла на соске. Это зрелище заворожило его.

— Я должен идти, — сказал он.

— Никакой ты не симпатичный парень! — крикнула она ему вслед, когда он направился в гостиную. — Я пошла с тобой потому, что думала — ты симпатичный парень!

Вид гостиной заставил его застонать. На кушетке лежало по крайней мере двадцать экземпляров сингла «Крошка, поймешь ли ты своего парня?» Еще три стояли на проигрывателе. На противоположной стене висел огромный плакат с Райаном О'Нилом и Али МакГро.

Она стояла в дверном проеме спальни, все еще плача. Он различал порез от бритвы на одной из ее голеней.

— Послушай, позвони мне, — сказала она. — Не думай, я не сумасшедшая.

Ему надо было бы сказать «Ну, конечно», и все бы кончилось хорошо. Вместо этого он услышал, как изо рта у него вырывается сумасшедший смех, а потом слова: «Твоя рыба горит».

Она закричала на него и пошла к двери, но споткнулась о лежавшую на полу подушку и неуклюже растянулась. Одной рукой она сшибла полупустую бутылку молока и качнула стоявшую рядом пустую бутылку виски. «Боже мой, — подумал Ларри, — неужели мы это смешивали?»

Он быстро вышел и затопал вниз по лестнице. На последних шести ступеньках, ведущих к парадной двери, он услышал, как она кричит вниз с верхней лестничной площадки:

— НИКАКОЙ ТЫ НЕ СИМПАТИЧНЫЙ ПАРЕНЬ! НИКАКОЙ ТЫ НЕ...

Он захлопнул дверь, и туманное, влажное тепло окутало его, неся с собой запахи распускающихся деревьев и автомобильных выхлопов. По сравнению с запахами жарившегося жира и застоявшегося сигаретного дыма, это были духи. Он глубоко вдохнул воздух. Как прекрасно выбраться из этого безумия.

Вверху с треском распахнулось окно, и он догадался, что за этим последует.

— Я надеюсь, что ты сгниешь! — крикнула она ему. — Я надеюсь, ты упадешь на рельсы в метро! Никакой ты не певец! В постели ты просто дерьмо! Эй ты, вшивый мудака! Засунь себе это в жопу! Отнеси это своей мамочке, вшивый мудака!

Бутылка с молоком разбилась об асфальт.

Он ускорил шаги. Сзади донесся финальный протяжный вопль:

— ПОЦЕЛУЙ МЕНЯ В ЖОПУ, УБЛЮУУУУУДОК!

Потом он завернул за угол и оказался над проходившим внизу скоростным шоссе. Наклонившись над перилами, он трясся от истерического смеха, провожая взглядом машины, пронесившиеся внизу.

— Неужели ты не мог вести себя получше? — спросил он себя, не подозревая о том, что говорит вслух. — Слушай, парень, это была отвратительная сцена. Насри на это, парень. — Он осознал, что говорит вслух, и перестал смеяться. Он вдруг почувствовал головокружительную тошноту в желудке и плотно зажмурил глаза. Один из ящичков в департаменте мазохизма открылся, и он услышал слова Уэйна Стаки: «В тебе есть что-то такое... ты способен грызть жесь».

Никакой ты не симпатичный парень.

Неправда. Неправда.

Но когда эти люди воспротивились его намерению выставить их за дверь, он пригрозил позвонить в полицию и вполне был способен привести эту угрозу в исполнение. Способен? Да, способен. Большинство из них он не знал, но несколько человек были его старыми знакомыми. А Уэйн Стаки, этот ублюдок, стоял в дверях со скрещенными руками, как Господь Бог на Страшном суде.

Сэл Дориа, уходя, сказал: «Если успех действует на таких, как ты, подобным образом, Ларри, то я бы предпочел, чтобы ты по-прежнему играл в кабаках.»

Он открыл глаза и отвернулся от перил, высматривая такси. Ну конечно. Оскорбленный друг отомстил ему. Но начнем с того, что если Сэл был ему таким верным другом, то что он делал там, высасывая из него деньги? Я был глуп, а никому не нравится видеть, как глупый умнеет. Вот в чем тут дело.

НИКАКОЙ ТЫ НЕ СИМПАТИЧНЫЙ ПАРЕНЬ.

— Я симпатичный парень, — сказал он мрачно. — И в конце концов, кому до этого есть дело?

Ларри остановил такси. Таксист, казалось, испытал секундное колебание, прежде чем прижаться к обочине, и Ларри вспомнил о крови на лбу. Он открыл заднюю дверь и залез внутрь, пока таксист не успел передумать.

— Манхэттен, Кемикал Бэнк Билдинг, — сказал он.

Такси тронулось.

— Парень, у тебя порез на лбу, — сказал водитель.

— Девушка швырнула в меня лопаточкой, — сказал Ларри с отсутствующим видом.

Таксист одарил его странной, фальшивой улыбкой соболезнования и отвернулся, предоставив Ларри возможность в одиночестве собираться с мыслями и думать о том, как он отчитается за эту ночь перед своей мамой.

В вестибюле Ларри обнаружил усталую негритянку, которая сообщила ему, что, по ее мнению, Элис Андервуд сейчас находится на двадцать четвертом этаже и составляет опись. Он поехал наверх на лифте, ощущая настороженные взгляды других пассажиров, обращенные на его лоб.

Двадцать четвертый этаж был отведен под исполнительные конторы японской компании по производству фотоаппаратов. Ларри чуть ли не двадцать минут бродил из помещения в помещение в поисках матери. Маленькие мужчины и женщины с узкими глазами смотрели на запекшуюся кровь на лбу и на окровавленный рукав пиджака с неприятной восточной вкрадчивостью.

Наконец за огромным папоротником он нашел дверь с надписью ОХРАНА И ХОЗЯЙСТВЕННАЯ СЛУЖБА. Он дернул за ручку. Дверь была не заперта, и он заглянул внутрь. Его мать была там, в своей бесформенной серой униформе, плотных чулках и туфлях на резиновой подошве. Ее волосы были собраны в тугий пучок под черной сеточкой. В руке у нее была папка с бумагами. Похоже, она пересчитывала баллончики с чистящим средством на верхней полке.

Ларри почувствовал внезапное желание просто повернуться и убежать, но вместо этого сказал:

— Привет, ма.

Она слегка вздрогнула, но не повернулась к нему.

— Я хочу попросить у тебя прощения. Я должен был позвонить тебе вчера вечером...

— Да, неплохая мысль.

— Я был у Бадди. Мы... ну... мы прогуливались. Просто ходили по городу.

— Нечто подобное я и предположила. Это все, что ты мне хотел сказать?

— Ну, я хотел извиниться. Я гадко поступил, что не позвонил тебе.

— Да, — сказала она. — Но ведь в твоем характере есть гадкие черты, Ларри. Ты думаешь, я забыла об этом?

Он вспыхнул.

— Ма, послушай...

— У тебя кровь на лбу. Какой-то бандит заехал тебе цепью? — Она повернулась обратно к полке и, пересчитав до конца ряд бутылочек, сделала пометку в своей папке. — Кто-то позаимствовал на прошлой неделе две банки с мастикой, — отметила она.

— Я пришел сказать, что мне очень жаль! — сказал Ларри очень громко.

— Да, ты уже говорил. Мистер Джоган разорвет нас на части, если банки с мастикой не перестанут исчезать.

— Я не ввязывался в пьяную драку и не имел дела с бандитами. Ничего похожего. Просто... — Он запнулся.

Она обернулась, сардонически приподняв брови. — Так что это было?

— Ну... — Он не смог быстро придумать убедительную ложь. — Просто это была... ну... металлическая лопаточка.

— Кто-то принял тебя за яичницу? Хорошенькая же ночь была у вас с Бадди.

— Это была девушка, ма. Она швырнула ее в меня.

— Должно быть, у нее орлиный глаз, — сказала Элис Андервуд и вновь отвернулась.

— Ма, ты очень сердисься на меня?

Руки ее неожиданно опустились, плечи сгорбились.

— Не сердись на меня, — прошептал он. — Пожалуйста, не надо. Хорошо?

Она повернулась к нему, и он заметил у нее в глазах неестественный блеск (впрочем, — подумал он, — может быть, и вполне естественный), но источником его были никак не лампы дневного освещения. Он снова услышал, как специалист по оральной гигиене еще раз, с окончательной решимостью, произносит: «Никакой ты не симпатичный парень».

— Ларри, — сказала она нежно. — Ларри, Ларри, Ларри.

На мгновение ему показалось, что больше она ничего не скажет; он даже позволил себе надеяться на это.

— Неужели это все, что ты можешь сказать? Не сердись, пожалуйста, мама? Я слушаю тебя по радио, и хотя мне не нравится то, что ты поешь, я горжусь, что это поешь ты. Люди спрашивают меня, действительно ли это мой сын, и я отвечаю: да, это Ларри. Я говорю им, что ты всегда хорошо пел, и это правда, верно?

Он с несчастным видом кивнул головой, не доверяя своему голосу.

— Я рассказываю им, как, когда ты учился в младшем классе, ты взял гитару Донни Робертса и полчаса подряд играл лучше, чем он, несмотря на то, что он брал уроки со второго класса. Ты талантлив, Ларри. Для того, чтобы убедиться в этом, мне не нужно ничье подтверждение, и меньше всего — твое собственное. Я думаю, ты и сам это знаешь. Потом ты уехал. Что, я поносила тебя за это на чем свет стоит? Нет. Молодые всегда уезжают. Таков закон природы. Иногда это больно, но это естественно. Потом ты вернулся. Разве кто-нибудь должен отчитываться передо мной, почему это произошло? Нет. Ты вернулся домой, потому что, написал ты хит или нет, но ты попал в какую-то неприятную ситуацию там, на Западном Побережье.

— Нет у меня никаких неприятностей! — возмущенно сказал он.

— Нет, есть. Я знаю симптомы. Я достаточно долго была твоей матерью, и ты не сможешь одурачить меня, Ларри. Ты всегда искал неприятностей, если только они сами не находили тебя. Иногда мне кажется, что ты специально перейдешь улицу, чтобы вляпаться в собачье дерьмо. Бог простит мне мои слова, потому что Бог знает, что я говорю правду. Сержусь ли я на тебя? Нет. Разочарована ли я? Да. Я надеялась, что там ты изменишься. Но ты не изменился. Ты уехал отсюда ребенком в теле взрослого человека и вернулся таким же, разве что взрослый человек сделал себе прическу. Знаешь, что я думаю насчет того, почему ты вернулся домой?

Он посмотрел на нее, желая заговорить, но зная, что единственная вещь, которую он способен сейчас сказать, выведет их обоих из себя: «Не плачь, мамочка, ладно?»

— Я думаю, ты приехал домой, потому что не знал другого места, куда бы ты мог поехать. Ты не знал, кто еще может принять тебя. Никому и никогда я не говорила о тебе ничего плохого, Ларри, даже моей сестре, но раз ты меня вынудил, я скажу тебе все, что думаю. Я думаю, ты создан для того, чтобы брать. Когда Бог создавал тебя у меня внутри, он словно недовложил в тебя какую-то часть. Я вовсе не хочу сказать, что ты *плохой*. Я думаю, что самым плохим твоим поступком, за которым я тебя застала, был тот случай, когда ты написал неприличное слово на нижней лестничной площадке в доме по Карстерс Авеню. Ты помнишь это?

Он помнил. Мелом она написала то же самое слово у него на лбу и заставила его три раза обойти с ней квартал.

— Самое худшее, Ларри, в том, что ты хочешь, как лучше. Иногда мне кажется, что это было бы почти благом, если бы ты стал плохим. А так — ты вроде бы и знаешь, что такое плохо, но не знаешь, как противостоять этому. Да я и сама не знаю. Всеми известными *мне* способами я пыталась сделать это, когда ты был маленьким. Написать это слово у тебя на лбу

— был один из этих способов... а к тому времени я уже начала отчаиваться, иначе я никогда бы не поступила с тобой так зло. Ты создан для того, чтобы брать, и этим все сказано. Ты пришел домой потому, что знал, что я могу тебе что-то дать.

— Я уеду, — сказал он, выплевывая каждое слово, как сухой комок корпии. — Сегодня.

Потом ему пришло в голову, что, возможно, он не сможет *позволить себе уехать*, по крайней мере до тех пор, как Уэйн не вышлет ему его следующий гонорар или, скорее, то, что от него осталось после того, как он перестал кормить свору самых голодных собак Лос-Анджелеса. Наличных денег у него почти не было. Эта мысль вселила в него панику. Если он уедет от матери, то куда он отправится? В отель? Да любой швейцар самого захудалого отеля посмеется над ним и пошлет его к черту. На нем была хорошая одежда, но они знали. Каким-то непонятным способом эти ублюдки все знали. Они *чувствовали* запах пустого бумажника.

— Не уезжай, — сказала она мягко. — Мне хотелось бы, чтобы ты не уезжал, Ларри. Я купила кое-какую еду специально для тебя. Может, ты уже видел. И я надеялась, что, может быть, нам удастся сыграть сегодня вечером партию в джин.

— Ма, ты не умеешь играть в джин, — сказал он, слегка улыбаясь.

— По центу за очко я тебя разделаю в пух и прах.

— Ну, если я дам тебе фору в четыреста очков...

— Послушайте этого сосунка, — мягко усмехнулась она. — Может быть, если я дам тебе фору в четыреста очков? Ну, Ларри. Что ты скажешь?

— Ладно, — сказал он. В первый раз за сегодняшний день он почувствовал себя хорошо, по-настоящему хорошо. — Знаешь, что я тебе скажу? Я заплачу за билеты на игру четвертого июля. На это пойдет небольшая часть моего сегодняшнего выигрыша.

— Внизу, в холле есть уборная. Почему бы тебе не сходить туда и не смыть кровь со лба? Потом возьми у меня из кошелька десять долларов и отправляйся в кино. На Третьей Авеню еще осталось несколько хороших кинотеатров. Но держись подальше от этих гнусных притонов на Сорок Девятой и на Бродвее.

— Скоро я буду давать тебе деньги, — сказал Ларри. — Восемнадцатый номер в хит-параде «Биллборда» на этой неделе. Я проверил у Сэма Гуди по дороге сюда.

— Это замечательно. Если ты такой богатый, почему ж ты только просмотрел журнал вместо того, чтобы купить себе номерок?

Он почувствовал себя так, словно что-то внезапно застряло у него в горле. Он откашлялся, но ощущение не исчезло.

— Ну ладно, не обращай внимания, — сказала она. — У меня язык, что твоя норовистая лошадка. Если уж понесет, то не остановится, пока не устанет. Ты ведь знаешь. Возьми пятнадцать, Ларри. Считай, что берешь займы. Я думаю, что так или иначе они ко мне вернутся.

— Обязательно вернутся, — сказал он. Он подошел к ней и подергал край ее платья, совсем как маленький. Она посмотрела вниз. Он приподнялся на цыпочках и поцеловал ее в щеку. — Я люблю тебя, ма.

Она выглядела удивленной, но не из-за поцелуя, а либо из-за его слов, либо из-за того тона, которым он их произнес.

— Ну, я знаю это, Ларри.

— Теперь о том, что ты говорила. О неприятностях. Я действительно слегка...

Ее ответ прозвучал холодно и неумолимо. Настолько холодно, что это его немного испугало.

— Я ничего не желаю об этом слышать.

— Ладно, — сказал он. — Послушай, ма, какой здесь лучший кинотеатр поблизости?

— Люкс Твин, — сказала она. — Но я не знаю, что там сейчас идет.

— Неважно. Знаешь, что я подумал? Существуют три вещи, которые доступны по всей Америке, но лишь в Нью-Йорке они хорошего качества.

— И что же это за вещи?

— Фильмы, бейсбол и сосиски от Недика.

Ларри взял пятнадцать долларов и отправился в кино на фильм с Фредди Крюгером. Человек, сидевший в следующем за ним ряду, кашлял на протяжении всего сеанса.

В углу гостиной стояли дедушкины часы. Всю свою жизнь Фрэнни Голдсмит слушала их размеренное тиканье. Оно заполняло комнату, которая ей никогда не нравилась, а в такие дни, как этот, была просто ненавистна.

Ее любимым помещением была мастерская отца. Она была в сарайчике, соединявшем дом и амбар. Туда можно было пройти через маленькую дверку, почти спрятавшуюся за кухонной плитой. Это была дверь, похожая на те, которые встречаются в сказках и фантастических историях. Это была дверь из «Алисы в стране чудес», и какое-то время Фрэнни играла в игру, воображая, что однажды, когда она откроет ее, за ней окажется совсем не мастерская отца. Вместо мастерской там будет подземный путь из Страны Чудес в Хоббитанию — низкий, но уютный тоннельчик с закругленными земляными стенками и земляным потолком, оплетенным мощными корнями. Тоннельчик, который кончается где-нибудь в кладовой Бэг Энда, где мистер Бильбо Бэггинс празднует свой семьдесят первый день рождения...

Уютный тоннельчик так ни разу и не появился, но для Фрэнни Голдсмит, выросшей в этом доме, было достаточно и мастерской отца («Грязная дыра, в которую твой папа ходит хлестать пиво», — так называла это место ее мать). Странные инструменты и загадочные механизмы. Огромный шкаф с тысячей ящичков, и каждый забит доверху. Гвозди, шурупы, лезвия, наждачная бумага, рубанки, уровни и много еще разных вещей, названий которых она не знала ни тогда, ни сейчас. В мастерской стояли запахи пыли, масла и табачного дыма, и ей казалось теперь, что должно быть такое правило: каждый отец обязан курить. Что угодно: трубку, сигары, сигареты, марихуану, гашиш, сушеные листья салата-латука. Потому что запах дыма был одной из составных частей ее детства.

«Дай-ка мне тот ключ, Фрэнни. Нет, маленький. Чем ты занималась сегодня в школе?.. Вот как?.. С чего бы это Руфи Сиерс толкать тебя?.. Да, это очень неприятно. Очень неприятная царапина. Но зато подходит по цвету к твоему платью, тебе не кажется? Если б только ты смогла разыскать Руфь Сиерс и заставить ее снова толкнуть тебя, чтобы поцарапать другую ногу. Тогда было бы симметрично. Дай-ка мне большую отвертку... Да нет, другую, с желтой ручкой.»

«Фрэнни Голдсмит! Ты немедленно уберешься из этой отвратительной дыры и переоденешь школьную форму! НЕМЕДЛЕННО! Ты испачкаешься!»

Если мастерская отца была светлым пятном в ее детстве, воплощенном в призрачном запахе дыма из отцовской трубки, то гостиная была связана с такими детскими воспоминаниями, которые хотелось бы забыть. Отвечай, когда с тобой говорят! Ломать — не строить! Немедленно отправляйся наверх и переоденься! Фрэнни, не копайся в одежде, люди подумают, что у тебя вши. Что подумают дядя Эндрю и тетя Карлин? Из-за тебя я смутилась до полусмерти! Гостиная была местом, где надо держать язык за зубами, где нельзя почесаться, если у тебя зуд. Там были жесткие приказы, скучные разговоры, родственники, которые щиплют тебя за щеки, там нельзя было чихать, кашлять и зевать.

В центре гостиной стояли часы. В 1889 году их сделал Тобиас Даунз, дедушка Карлы, и они почти сразу же приобрели статус семейной реликвии. В гостиной они стояли с тех пор, как тридцать шесть лет назад Питер и Карла Голдсмиты въехали в этот дом. Когда-нибудь часы перейдут ко мне, — думала Фрэнни, глядя в бледное, негодующее лицо своей матери. Но я не хочу этого! Они мне не нужны!

В этой комнате под стеклянными колпаками лежали сухие цветы. В этой комнате был

сизо-серый ковер с тусклыми розами. Там был и изящный эркер, выходящий на шоссе *N1*. На обоях был узор из зеленых листьев и розовых цветов почти того же самого оттенка, что и на ковре. Мебель в старом американском стиле и двойные двери из темного красного дерева. Камин, в котором лежало вечное березовое полено и который никто никогда не топил. Фрэнни подумалось, что бревно, наверное, уже так высохло, что вспыхнет, как газета, если его поджечь.

Одно из самых первых ее воспоминаний было связано с тем, как она пописала на сизо-серый ковер с тусклыми розами. Ей было около трех, ее не так давно приучили проситься в туалет, и, по всей вероятности, пускали в гостиную лишь по торжественным случаям, опасаясь возможных инцидентов. Но каким-то непостижимым образом она умудрилась туда пролезть, и появление ее матери, которая не просто побежала, но ринулась, чтобы предотвратить немислимое, привело немислимое в исполнение. Увидев расплывающееся под ней пятно, ее мать заверещала. Пятно в конце сошло, но одному Богу известно, сколько стирок для этого потребовалось.

Именно в гостиной у Фрэнни состоялся с матерью беспощадный, подробный и долгий разговор, после того, как мать застала ее с Норманом Берстейном в амбаре, когда они внимательно изучали друг друга, сложив свою одежду в одну кучу на стоге сена. Как ей понравится, — спросила Карла, — если она проведет Фрэнни в таком виде к шоссе *N1* и обратно? Фрэнни, которой было шесть, зарыдала.

Когда ей было десять, она врезалась в почтовый ящик на велосипеде, обернувшись назад, чтобы что-то крикнуть Джорджетте МакГур. Она поранила голову, разбила до крови нос и содрала обе коленки. На несколько секунд она от шока потеряла сознание. Подойдя к дому, она заковыляла по подъездной дорожке, заплаканная и испуганная тем потоком крови, который хлынул из нее. Она пошла бы к отцу, но так как он был на работе, она дотащилась до гостиной, где ее мать угощала чаем миссис Веннер и миссис Принн. «Убирайся!» — закричала мать. А в следующее мгновение она уже подбежала к Фрэнни, обнимая ее, крича: «Ой, Фрэнни, любимая, что случилось, ой, бедный носик!» Но при этом она уводила Фрэнни на кухню, где пол можно было без последствий закапать кровью, и Фрэнни никогда не забыла, что ее первым возгласом было не «Ой, Фрэнни», а «Убирайся!». Возможно, миссис Принн также этого не забыла, так как даже сквозь слезы Фрэнни увидела ошеломленное выражение ее лица. С того случая миссис Принн стала бывать у них значительно реже.

В младшем классе она получила плохую оценку за поведение и, разумеется, была приглашена в гостиную для того, чтобы обсудить это со своей матерью. В старшем классе ее три раза оставили после уроков за передачу записок, и это также обсуждалось с матерью в гостиной. Именно там они обсуждали амбиции Фрэнни, которые в конце концов оказывались слегка поверхностными; именно там они обсуждали надежды Фрэнни, которые в конце концов начинали выглядеть слегка низменными; они там обсуждали жалобы Фрэнни, которые в конце концов представлялись почти ни на чем не основанными.

Именно в гостиной стоял на козлах гроб ее брата, украшенный розами, хризантемами и ландышами, и их сухой аромат наполнял комнату, в углу которой бесстрастные часы отсчитывали мгновения.

— Ты беременна, — во второй раз повторила Карла Голдсмит.

— Да, мама, — сказала Фрэнни. Ее голос звучал очень сухо, но она никогда не осмелилась бы облизать губы. Вместо этого она сжала их. Она подумала: «В мастерской моего отца есть маленькая девочка в красном платье, и она всегда будет там, смеясь и прячась за столом, на котором укреплены тиски, или сгорбившись за шкафом с тысячами ящичков для инструментов, прижав к груди свои коленки. Эта девочка очень счастлива. Но в

гостиной моей матери есть другая, еще более маленькая девочка, которая не может удержаться от того, чтобы не написать на ковер, как гадкая собачонка. И она всегда будет там, как бы мне ни хотелось, чтобы она ушла.»

— Ой-Фрэнни, — сказала ее мать, очень быстро произнося слова. — Как-это-случилось?

Это был вопрос Джесса. Вот что ее на самом деле оттолкнуло от него. Это был тот же самый вопрос, который он задавал ей.

— Так как у тебя самой было двое детей, мама, то я думаю, ты знаешь, как это случилось.

— Не дерзи! — закричала Карла. Ее глаза широко раскрылись, и из них полыхнуло жаркое пламя, которое так пугало Фрэнни в детстве. Она встала и подошла к каминной доске. На каминной доске, прямо под кремневым ружьем, лежал толстый фолиант для вырезок. У Карлы было хобби — составлять генеалогическое дерево своей семьи. Вся ее семья была записана в этой книге... по крайней мере, вплоть до 1638 года, когда наиболее древний из известных ее предков поднялся над безымянной толпой лондонцев на достаточно долгий срок, чтобы его успели занести в какие-то очень старые церковные книги под именем Мертона Даунза, вольного каменщика.

Теперь она прикасалась пальцами к этой книге с таким трудом собранных имен, к этой обетованной земле, куда не мог вторгнуться ни один враг. Интересно, нет ли там где-нибудь воров? — подумала Фрэнни. Алкоголиков? Матерей, не состоявших в браке?

— Как ты могла так поступить со мной и с отцом? — спросила она наконец. — Это был этот паренек Джесс?

— Это был Джесс. Джесс — отец ребенка.

Карла вздрогнула при слове «отец».

— Как ты могла так поступить? — повторила Карла. — Мы сделали все, чтобы вывести тебя на правильный путь. Это просто... просто...

Она закрыла лицо руками и начала плакать.

— Как ты могла *так* поступить? — закричала она. — После всего того, что мы для тебя сделали? И это твоя благодарность? Уйти из дома и... и... совокупляться с этим мальчишкой, как сука в период течки? Дрянная девчонка! Дрянная девчонка!

Слова растворились в рыданиях. Она оперлась на каминную доску, одной рукой прикрывая глаза, а другой продолжая водить по зеленому коленкоровому переплету. Дедушкины часы продолжали тикать.

— Мама...

— Не говори мне ничего! Ты уже достаточно сказала!

Ноги Фрэнни одеревенели. Слезы начали течь у нее из глаз, ну и пусть текут; она не позволит этой комнате еще раз одержать верх над ней.

— Я пойду.

— Ты ела за нашим столом! — неожиданно крикнула Карла. — Мы любили тебя... и поддерживали тебя... и вот что мы получили в награду! Дрянная девчонка! Дрянная девчонка!

Ослепленная слезами, Фрэнни споткнулась. Правая нога ее зацепилась за левую лодыжку. Она потеряла равновесие и упала, раскинув руки. Головой она ударилась о кофейный столик, а одной рукой сбила вазу с цветами. Ваза не разбилась, но на ковре расплылось темное пятно.

— Смотри, что ты наделала! — закричала Карла почти торжествующе. Слезы проложили дорожки на ее лице, вымазанном косметикой. Она выглядела осунувшейся и полубезумной. — Смотри, что ты наделала, ты испортила ковер, ковер твоей бабушки...

Фрэнни сидела на ковре, изумленно потирая голову, все еще плача и желая сказать своей

матери, что это ведь обычная вода, но нервы совсем изменили ей, и уверенности не было. Обычная вода? Или моча?

— Каков будет ваш следующий шаг, мисс? Собираетесь оставаться здесь? Думаете, мы будем содержать и кормить вас, а вы будете шляться по городу? Так, я полагаю? Ну уж нет! Нет! Я этого не потерплю!

— Я не хочу здесь оставаться, — пробормотала Фрэнни. — Неужели ты думаешь, что я останусь?

— И куда же ты отправишься? К нему? Сомневаюсь.

— К Бобби Ренгартен в Дорчестере или к Дебби Смит в Самерсворте, я думаю. — Фрэнни медленно собралась с силами и встала. Она продолжала плакать, но и сама уже стала выходить из себя. — Впрочем, это не твое дело.

— Не мое дело? — эхом отозвалась Карла, все еще с вазой в руках. Лицо ее было белым, как пергамент. — Не мое дело? То, что ты вытворяешь в моем доме, — не мое дело? Ах ты неблагодарная маленькая сучка!

Она ударила Фрэнни по щеке, и ударила сильно. Голова Фрэнни откинулась назад. Она перестала потирать голову и принялась потирать щеку, недоверчиво глядя на мать.

— Вот твоя благодарность за то, что мы отправили тебя в приличный колледж, — сказала Карла, обнажая зубы в безжалостной и пугающей ухмылке.

— Теперь ты *никогда* его не закончишь. После того, как выйдешь за него замуж...

— Я не собираюсь выходить за него замуж. И я не собираюсь уходить из колледжа.

Глаза Карлы расширились. Она уставилась на Фрэнни, как на сумасшедшую.

— Что ты несешь? Аборт? Ты собираешься сделать аборт? Мало того, что ты шлюха, так ты еще решила стать и убийцей?

— У меня будет ребенок. Мне придется перенести весенний семестр, но я смогу кончить следующим летом.

— А на какие шиши ты думаешь кончать? На *мои* деньги? Если это так, очевидно, ты чего-то не поняла. Такой современной девушке, как ты, едва ли понадобится поддержка ее родителей, не так ли?

— Как-нибудь выкручусь, — мягко сказала Фрэнни.

— В тебе нет ни капли стыда! Ты думаешь только о себе! — закричала Карла. — Боже, что будет со мной и с твоим отцом! Но тебе до этого нет никакого дела! Это разобьет сердце твоего отца и...

— Я не чувствую себя таким уж разбитым. — Спокойный голос Питера Голдсмита доносился из дверного проема, и они обе повернулись туда. Он действительно стоял в дверях, но за пределами комнаты. Носы его рабочих ботинок лишь слегка заступили за ту границу, где потрепанный коридорный коврик переходил в ковер гостиной. Фрэнни неожиданно поняла, что именно на этом месте она видела его много раз. Когда он в последний раз заходил в гостиную? Она не могла вспомнить.

— Что ты там делаешь? — спросила Карла, неожиданно позабыв о возможном ущербе, который могло понести сердце ее мужа. — Я думала, ты работаешь сегодня вечером.

— Меня подменил Гарри Мастерс, — сказал Питер. — Фрэн уже сказала мне, Карла. Скоро мы будем дедушкой и бабушкой.

— Дедушкой и бабушкой! — взвизгнула она. Она захохотала отвратительным, скрежещущим смехом. — Так ты предоставил это мне. Она сказала тебе первому, а ты это от меня скрыл. Ну а теперь я закрою дверь, и мы выясним все вопросы вдвоем.

Она улыбнулась Фрэнни сияющей, язвительной улыбкой.

— Между нами... *девочками*.

Она взялась за ручку двери и стала медленно закрывать ее. Фрэнни наблюдала, все еще удивленная и с трудом понимающая причину внезапной вспышки гнева и сарказма со стороны ее матери.

Питер медленно и неохотно поднял руку и остановил дверь на полпути.

— Питер, я хочу, чтобы ты предоставил это мне.

— Я знаю, что ты хочешь. В прошлом так и было. Но не сейчас, Карла.

— Это не твоя область.

— Моя, — спокойно ответил он.

— Папочка...

Карла повернулась к ней. Пергаментно-белая кожа ее лица теперь покрылась красными пятнами на щеках.

— НЕ СМЕЙ С НИМ ГОВОРИТЬ! — закричала она. — Ты имеешь дело не с ним, а со мной! Я знаю, что ты всегда можешь подольститься к нему с любой сумасшедшей идеей и переманить его на свою сторону, чтобы ты ни натворила, НО СЕГОДНЯ ТЕБЕ НЕ С НИМ ПРИДЕТСЯ ИМЕТЬ ДЕЛО, МИСС!

— Прекрати, Карла.

— УБИРАЙСЯ ОТСЮДА!

— Я сюда и не входил. Можешь убедиться, что...

— Не смей надо мной насмеяться! УБИРАЙСЯ ИЗ МОЕЙ ГОСТИНОЙ!

И с этими словами она принялась толкать дверь, нагнув голову и упершись в нее плечами так, что стала похожа на быка. Сначала он с легкостью удерживал дверь, потом с усилием. Наконец жилы вздулись у него на шее, и это несмотря на то, что она была женщиной и весила на семьдесят фунтов меньше, чем он.

Фрэнни хотела крикнуть им, чтобы они прекратили, и попросить отца уйти, так чтобы им обоим не пришлось видеть Карлу в таком внезапном и безрассудном ожесточении, которое всегда угрожало ей, а сейчас захлестнуло ее с головой. Но слова застряли у нее в горле.

— Убирайся! Убирайся из моей гостиной! Вон! Вон! Вон! ЭЙ ТЫ, УБЛЮДОК, ОТПУСТИ ЭТУ ЧЕРТОВУ ДВЕРЬ И УБИРАЙСЯ ВОН!

И в этот момент он дал ей пощечину. Раздался глухой, незначительный звук. Дедушкины часы не рассыпались от ярости в пыль. Мебель не застонала. Но яростные крики Карлы прекратились, словно их отрезало скальпелем. Она упала на колени, и дверь настезь распахнулась, слегка ударившись о викторианский стул с высокой спинкой и с вышитой салфеткой на сиденье.

— Нет, не надо, — тихо сказала Фрэнни.

Карла прижала ладонь к щеке и уставилась на мужа.

— Ты добивалась этого десять лет, — сказал Питер. Голос его слегка дрожал. — Я всегда убеждал себя не делать этого, потому что бить женщин не в моих правилах. Я и сейчас так думаю. Но когда человек — мужчина или женщина — превращается в собаку и начинает кусаться, кому-то надо поставить его на место. Мне только жаль, Карла, что я не сделал этого раньше.

— Папочка...

— Помолчи, Фрэнни, — сказал он с безразличной суровостью, и она умолкла.

— Ты говоришь, что она эгоистка, — сказал Питер, продолжая смотреть прямо в окаменевшее, изумленное лицо жены. — На самом деле *ты эгоистка*. Ты перестала любить Фрэнни, когда умер Фред. Именно тогда ты решила, что любовь может принести слишком много страданий и что жить для себя — гораздо безопаснее. И тогда ты посвятила себя этой

комнате. Ты обожала умерших членов своей семьи и совсем забыла о живых. Боль — причина перемен, но вся боль мира не способна изменить фактов. Ты была эгоистична.

Он подошел и помог ей встать. Выражение ее лица не изменилось. Глаза по-прежнему были широко раскрыты, и в них застыло выражение недоверия.

— Я виноват в том, что не остановил тебя. Чтобы не доставлять лишних хлопот. Чтобы не раскачивать лодку. Видишь, я тоже был эгоистом. И когда Фрэн поступила в колледж, я подумал: Ну что ж, Карла теперь может жить как хочет, и от этого никому не будет плохо, кроме нее самой, а если человек не знает, что ему плохо, то, возможно, с ним все в порядке. Я ошибся. Я и раньше ошибался, но никогда моя ошибка не была такой непростительной. — Мягко, но с силой он взял ее за плечи. — А теперь, я скажу тебе как муж. Если Фрэнни нужно пристанище, то она найдет его здесь — как и было всегда. Если ей нужны деньги, она сможет найти их в моем кошельке — как и было всегда. И если она захочет оставить ребенка, она так и сделает. Более того, я скажу тебе одну вещь. Если она захочет покрестить ребенка, обряд будет совершен прямо здесь. Прямо здесь, в этой чертовой гостиной.

Рот Карлы широко раскрылся, и теперь из него стали доноситься звуки. Сначала они звучали странно, как свисток закипающего чайника. Потом они перешли в пронзительный вопль.

— ПИТЕР, ТВОЙ СОБСТВЕННЫЙ СЫН ЛЕЖАЛ В ГРОБУ В ЭТОЙ КОМНАТЕ!

— Да. И именно поэтому я считаю, что не найти лучше места для того, чтобы покрестить новую жизнь, — сказал он. — Кровь Фреда. *Живая кровь*. А сам Фред, он уже много лет как мертв. Карла. Его давно уже съели черви.

Она вскрикнула и закрыла уши руками. Он наклонился и отвел их.

— Но червям не досталась твоя дочь вместе со своим ребенком. Неважно, откуда он взялся, но он *живой*. Ты, похоже, собралась ее прогнать, Карла. Что у тебя останется, если ты это сделаешь? Ничего, кроме этой комнаты и мужа, который будет ненавидеть тебя за то, что ты сделала. Если ты это сделаешь, то это будет все равно как если бы в тот день мы оказались втроем — я и Фрэнни вместе с Фредом.

— Я хочу подняться наверх и прилечь, — сказала Карла. — Меня тошнит. Думаю, мне лучше прилечь.

— Я тебе помогу, — сказала Фрэнни.

— Не смей ко мне прикасаться. Оставайся со своим отцом. Похоже, вы вместе с ним все продумали. Как вы расправитесь со мной. Почему бы тебе просто не поселиться в моей гостиной, Фрэнни? Не запачкать ковер? Не швырнуть угли из печи в мои часы? Почему бы и нет?

Она захохотала и протиснулась в коридор мимо Питера. Она шаталась, как пьяная. Питер попытался взять ее одной рукой за плечи. Она оскалилась и зашипела на него, как кошка.

Пока она медленно поднималась по лестнице, опираясь на перила красного дерева, ее смех перешел в рыдания. Они были такими безутешными и отчаянными, что Фрэнни чуть не закричала, одновременно почувствовав, что ее сейчас вырвет. Лицо ее отца было цвета грязного белья. Наверху Карла обернулась и пошатнулась так сильно, что Фрэнни подумала, что сейчас она скатится вниз. Она посмотрела на них, как будто собиралась что-то сказать, но потом снова отвернулась. Мгновение спустя дверь ее спальни приглушила бурные звуки горя и боли.

Фрэнни и Питер потрясение усталились друг на друга. Дедушкины часы продолжали тикать.

— Это подействует, — сказал Питер. — Скоро она придет в себя.

— Ты уверен? — спросила Фрэнни. Она медленно подошла к отцу, прислонилась к нему,

и он обняв ее одной рукой. — Мне так не кажется.

— Это неважно. Сейчас мы не будем об этом думать.

— Я должна уйти. Она не хочет видеть меня здесь.

— Ты должна остаться. Ты должна быть здесь в тот момент, когда — если, конечно, это случится — она придет в себя и поймет, что ты по-прежнему *нужна* ей. — Он выдержал паузу. — Что касается меня, то я давно это понял, Фрэн.

— Папочка, — сказала она и положила голову ему на грудь. — Папочка, мне так жаль, я чувствую себя такой виноватой, такой виноватой...

— Тсс, — сказал он и погладил ее по волосам. Ее волосы были освещены мягким вечерним светом, золотым и спокойным, таким, какой обычно освещает музеи. — Тсс, Фрэнни, я люблю тебя. Я люблю тебя.

Снова зажглась красная лампочка. Насос зашипел. Дверь открылась. На вошедшем человеке не было белого скафандра, но в нос ему был вставлен блестящий фильтр, немного похожий на серебряную вилку с двумя зубцами.

— Привет, мистер Редман, — произнес он, пересекая комнату. Он протянул руку в прозрачной резиновой перчатке, и Стью удивленно пожал ее.

— Меня зовут Дик Дитц. Деннинджер сказал, что вы не будете играть в футбол, пока не узнаете, какой счет.

Стью кивнул.

— Хорошо. — Дитц присел на краешек кровати. Он был большим смуглым человечком, немного похожим на гнома из диснеевского мультфильма. — Так что вы хотите знать?

— Во-первых, я хочу знать, почему на вас нет скафандра?

— Потому что Джеральдс утверждает, что вы не заразны. — Дитц указал на морскую свинку за двойным стеклом. Морская свинка сидела в клетке, а за ней стоял сам Деннинджер с бесстрастным лицом.

— Джеральдс?

— Джеральдс последние три дня дышал одним с вами воздухом, который поступал к нему через конвектор. Болезнь, которой заразились ваши друзья, легко передается от людей морским свинкам и наоборот. Если б вы были заразны, Джеральдс давно бы сдох.

— Что у меня?

— Черные волосы, голубые глаза, смуглая кожа, — стал плавно перечислять Дитц, но, прервавшись, повнимательнее посмотрел на Стью. — Не смешно, да?

Стью ничего не ответил.

— Хотите ударить меня?

— Не думаю, что в этом будет толк.

Дитц вздохнул и потер переносицу.

— Послушайте, — сказал он. — Когда дела плохи, я начинаю шутить. Кто-то курит, кто-то жует жвачку. Это помогает мне держать себя в руках, вот и все. А что до болезни, которой вы больны, то, насколько смогли установить Деннинджер и его коллеги, вы абсолютно здоровы.

Стью невозмутимо кивнул. Но ему показалось, что этот маленький гном сумел угадать под его бесстрастным лицом то внезапное и глубокое облегчение, которое он испытал.

— Что у других?

— Извините, это секретная информация.

— Как заразился Кэмптон?

— Это тоже засекречено.

— Я думаю, он был военным. И где-то там произошел несчастный случай. Типа того, что был с этими олухами из Уты тридцать лет назад, только посерьезнее.

— Мистер Редман, меня могут посадить в тюрьму только за то, что я буду говорить вам «горячо» или «холодно».

Стью задумчиво почесал покрывшийся щетиной подбородок.

— Вам надо радоваться, что мы вам ничего не говорим, — сказал Дитц. — Вы ведь не понимаете это?

— Чтобы я мог лучше служить своей стране, — сухо произнес Стью.

— Нет, это дело исключительно Деннинджера, — сказал Дитц. — В общей системе ни я,

ни Деннинджер не являемся шишками, но Деннинджер стоит даже ниже, чем я. Он всего лишь сервопривод, не более того. У вас есть более прагматическая причина радоваться. Вы ведь тоже засекречены. Вы исчезли с лица земли. Если б вы знали достаточно много, то большие шишки наверху могли бы решить, что надежнее всего вам исчезнуть окончательно.

Стью ничего не сказал. Он был потрясен.

— Но я пришел сюда не для того, чтобы угрожать вам, мистер Редман. Нам очень необходимо ваше сотрудничество. Мы в нем нуждаемся.

— Где находятся остальные люди, с которыми я прибыл?

Дитц вытащил из кармана лист бумаги.

— Виктор Палфри, скончался. Норман Брюетт, Роберт Брюетт, скончались. Томас Уоннамейкер, скончался. Ральф Ходжес, Берт Ходжес, Черил Ходжес, скончались. Кристиан Ортега, скончался. Энтони Леоминстер, скончался.

— ВСЕ? — услышал он звук своего собственного голоса. — Вся семья Ральфа?

Дитц перевернул бумагу.

— Нет, осталась маленькая девочка, Ева. Четырех лет. Она жива.

— Ну, и как она?

— Извините, но эта информация засекречена.

Его охватил внезапный приступ ярости. Он вскочил, схватил Дитца за лацканы пиджака и начал трясти его из стороны в сторону. Боковым зрением он уловил смятенное движение за двойным стеклом. Он услышал, как в отдалении завывала сирена.

— Что же вы, черти, вытворяете? — закричал он. — Что же вы делаете? Что вы *делаете*, сукины дети?

— Мистер Редман...

— Что? Что же вы, сволочи, *вытворяете*?

Дверь с шипением распахнулась. Трое мощных людей в оливкового цвета форме вошли внутрь. У всех были носовые фильтры.

Дитц увидел их и резко крикнул:

— Убирайтесь отсюда к чертовой матери!

Троица выглядела нерешительно.

— Нам приказали...

— Убирайтесь отсюда — *вот* ваш приказ!

Они ретировались. Дитц спокойно сел на кровать.

— Послушайте меня, — сказал он. — Не я виноват в том, что вы здесь. Ни я, ни Деннинджер, ни медсестры, которые приходят измерить вам кровяное давление. Если кто и виноват, так это Кэмптон, а с него вам вряд ли удастся спросить. Он сбежал, но в таких обстоятельствах вы или я также могли сбежать. Техническая неполадка позволила ему сбежать. Такова ситуация. Мы пытаемся исправить ее, все мы. Но это не значит, что мы в чем-то виноваты.

— Тогда кто виноват?

— Никто, — ответил Дитц и улыбнулся. — Ответственность лежит на стольких людях, что ее как бы и не существует. Это был несчастный случай.

— Несчастный случай, — повторил Стью почти шепотом. — А что с остальными? Хэп и Хэнк Кармайкл и Лила Брюетт? Их парень Люк? Монти Салливан...

— Засекречено, — сказал Дитц. — Еще хочешь потрепать меня? Если тебе от этого станет легче, то давай.

Стью ничего не сказал, но то, как он посмотрел на Дитца, заставило его опустить глаза и заняться складками своих брюк.

— Они живы, — сказал он. — Может быть, со временем вы их увидите.

— Что с Арнеттом?

— Карантин.

— Сколько там умерло?

— Нисколько.

— Вы лжете.

— Мне жаль, что вы так думаете.

— Когда я смогу уйти отсюда?

— Я не знаю.

— Засекречено? — горько спросил Стью.

— Нет, просто неизвестно. Вы, похоже, не заразились. Мы хотим узнать, почему это так.

После этого мы свободны.

— Могу я побриться?

Дитц улыбнулся.

— Если вы позволите Деннинджеру начать обследование, я отдам распоряжение побрить вас прямо сейчас.

— Я и сам умею держать бритву в руках. Я занимаюсь этим с пятнадцати лет.

Дитц твердо покачал головой.

— Боюсь, это невозможно.

Стью сухо улыбнулся.

— Опасаетесь, что я перережу себе глотку?

— Давайте просто назовем это...

Стью прервал его речь приступом сухого кашля. Кашель был таким сильным, что Стью согнуло пополам.

Это оказало на Дитца гальваническое действие. Он вскочил с кровати и пулей понесся к двери, казалось, не касаясь ногами пола.

— Не бойтесь, — мягко сказал Стью. — Я просто пошутил.

Дитц медленно повернулся к нему. Лицо его изменилось. Губы сжались от гнева, глаза горели.

— *Что ты сказал?*

— Пошутил, — сказал Стью. Улыбка его стала еще шире.

Дитц сделал по направлению к нему два нерешительных шага.

— Но почему? Почему ты сделал это?

— Прошу прощения, — ответил Стью с улыбкой. — Эта информация засекречена.

— Ах ты, сукин сын, — проговорил Дитц слегка изумленно.

— Иди. Или и скажи им, что они могут приступать к своим анализам.

Было четверть двенадцатого. Дитц в одиночестве сидел в кабинете. В руках он держал микрофон.

— Говорит полковник Дитц, — сказал он. — Место нахождения — Атланта. Код — ПиБи-2. Сообщение N16. Файл «Проект Блу». Подфайл «Принцесса/Принц». Сообщение, файл и подфайл совершенно секретны. Если у вас нет допуска к этому материалу, то пошел в жопу, парень.

Он прервался и секунду закрыл глаза. Магнитофон плавно работал.

— Принц меня чертовски напугал, — сказал он наконец. — Не стану вдаваться в это, пусть Деннинджер докладывает. До сих пор тесты не показали наличия вируса.

Он вновь прервался, борясь со сном. За последние трое суток ему удалось поспать только четыре часа.

— Генри Кармайкл умер, пока я разговаривал с Принцем. Полицейский, Джозеф Роберт Брентвуд, умер полчаса назад. У Брентвуда неожиданно наблюдался положительный результат на вакцину типа... как ее там... — Он зашуршал бумагами. — Ага, вот она. 63-A-3. Лихорадка спала. Характерная припухлость гландов прошла. Он сказал, что голоден, и съел вареное яйцо с жареным хлебом. Разговаривал вполне осмысленно, хотел узнать, где находится. Потом лихорадка внезапно возобновилась. Начался бред. Он сорвался с кровати и бегал по комнате, крича, кашляя и выплевывая слизь. Потом он упал и умер.

Он сделал паузу.

— Худшее я приберег под конец. Мы можем рассекретить Принцессу обратно в Еву Ходжес. Ее карета с четверней сегодня превратилась в тыкву, запряженную мышами. А посмотреть на нее, скажешь, что у нее все в порядке, даже насморка нет. Конечно, она переживает — скучает по маме. В остальном с ней с виду все в порядке. И однако, она больна. После завтрака измерение артериального давления показало сначала спад, а потом подъем. В настоящее время это единственный способ диагностирования, которым располагает Деннинджер. Перед ужином Деннинджер показал мне слайды ее мокроты — как способ похудеть, слайды мокроты просто восхитительны, поверьте мне — и они кишат этими круглыми микробами, которые, по его словам, совсем не микробы, а инкубаторы. Не понимаю, как он может знать, как эта штука выглядит и где она находится, и не уметь ее остановить. Он сыплет терминами, но мне кажется, что он сам их не понимает.

Дитц закурил.

— Ну и к чему мы пришли на сегодняшний день? Есть болезнь, у которой есть несколько ярко выраженных стадий... но некоторые люди минуют одну из стадий. Некоторые могут вернуться на одну стадию назад. С некоторыми случается и то, и то. Некоторые задерживаются на одной стадии в течение сравнительно долгого промежутка времени, другие же проносятся через все четыре, словно на реактивных санях. Один из наших «чистых» объектов уже больше не является «чистым». Другой же представляет собой тридцатилетнего грубияна, который здоров, как я. Деннинджер сделал ему миллионов тридцать анализов и определил только четыре отклонения от нормы: у Редмана очень много родинок на теле. У него легкая склонность к гипертонии, настолько легкая, что нет смысла лечить ее сейчас. Когда он нервничает, у него появляется небольшой тик под левым глазом. И Деннинджер утверждает, что он видит сны гораздо чаще среднестатистической нормы — почти всю ночь подряд, каждую ночь. Они выяснили это из электроэнцефалограмм, которые они успели снять, прежде чем он забастовал. Вот такие дела. Я ничего не могу из этого

извлечь. В том же положении и доктор Деннинджер, и люди, которые проверяют его работу. Все это пугает меня. Старки. Это пугает меня потому, что никто, за исключением очень классного врача, посвященного во все факты, не определит ничего, кроме обыкновенной простуды, у людей, зараженных этой штукой. И, Бог мой, ведь никто не пойдет к врачу, если только у него не воспаление легких, или подозрительная опухоль на груди, или тяжелый случай крапивницы. Слишком дорого обходится визит. Вот они и останутся дома, будут пить побольше жидкости и соблюдать постельный режим. А потом они умрут. Но перед тем, как умереть, они загрязнят каждого, кто заглянет к ним в комнату. Все мы по-прежнему ждем, что Принц — мне кажется, я где-то использовал его настоящее имя, но сейчас мне на это глубоко плевать — свалится сегодня ночью, или завтра, или — самое позднее — послезавтра. А вплоть до настоящего момента никто из заболевших не проявил никаких признаков улучшения. На мой взгляд, эти сукины дети из Калифорнии слегка перестарались».

Дитц, Атланта, ПиБи-2, конец сообщения.

Он выключил магнитофон и долго-долго смотрел на него. Потом он снова закурил.

Было без двух минут полночь.

Патти Гриер, медсестра, пытавшаяся смирить Стью давление, когда он объявил забастовку, пролистывала свежий выпуск «МакКолл» и ожидала того момента, когда надо будет идти и проверить мистера Салливана и мистера Хэпскома. Хэп будет сидеть и смотреть телевизор, и с ним не возникнет никаких проблем. Ему нравилось подшучивать над ней, интересуясь, насколько сильно надо ущипнуть ее задницу, чтобы она почувствовала это сквозь свой белый скафандр. Мистер Салливан будет спать, и ей предстоит отвратительная процедура. Ведь не она виновата в том, что ей приходится его будить, и ей казалось, что мистер Салливан должен бы отдавать себе в этом отчет. Ему надо бы гордиться тем, что правительство так о нем заботится, и тем более бесплатно. И она ему так и скажет, если он опять будет выражать недовольство. Стрелка указывала на двенадцать — пора идти.

Она оставила пост медсестры и пошла по коридору к белой комнате, где ее сначала обрызгают из пульверизатора, а потом помогут ей надеть белый костюм. На полпути туда в носу у нее защекотало. Она вынула из кармана носовой платок и три раза несильно чихнула.

Поглощенная предстоящей встречей с капризным мистером Салливаном, она не придала этому никакого значения. Возможно, это был легкий приступ сенной лихорадки. На посту медсестры висел плакат, на котором большими красными буквами было написано: **НЕМЕДЛЕННО ДОЛОЖИТЕ ВЫШЕСТОЯЩЕМУ ЛИЦУ О ЛЮБЫХ ПРОСТУДНЫХ СИМПТОМАХ, КАКИМИ БЫ НЕЗНАЧИТЕЛЬНЫМИ ОНИ НИ БЫЛИ.** Но мысль об этой надписи не пришла ей в голову. Она твердо знала, что даже мельчайший вирус не может проникнуть сквозь замкнутую оболочку белого костюма.

И тем не менее, по пути в белую комнату она заразила санитаря, доктора, который собирался уходить, и другую медсестру как раз в преддверии ее полночного путешествия по городу.

Начинался новый день.

Днем позже, двадцать третьего июня, большой белый «Конни» несся на север по шоссе N180. Скорость была где-то между девяносто и сто.

Путь, который проделал «Конни» с тех пор, как Поук и Ллойд убили его владельца к югу от Хачиты, был петляющим и лишенным всякого смысла. За последние шесть дней они убили шесть человек, в том числе владельца «Континентала», его жену и дочку. Но не из-за этого они нервничали на заставе между штатами. Дело было в наркотиках и оружии. Пять граммов гашиша, жестяная баночка с кокаином и шестнадцать фунтов марихуаны. Два пистолета тридцать восьмого калибра, три — сорок пятого и один «Магнум-.357».

Они свернули на север у Деминга, проехали Херли и Байард, а также несколько больший по размеру Сильвер Сити, где Ллойд купил пакет гамбургеров и восемь молочных коктейлей. После Сильвер Сити дорога стала уклоняться на запад, как раз в том направлении, куда ехать им не хотелось.

— У нас осталось мало бензина, — сказал Поук.

— Осталось бы больше, если б ты не гнал с такой скоростью, — сказал Ллойд.

— Но! Но! — закричал Поук и нажал на газ.

— Вперед, ковбой, — завопил Ллойд.

— Но! Но!

— Хочешь покурить?

Между ногами у Ллойда лежал большой зеленый пакет. В нем было шестнадцать фунтов марихуаны. Ллойд дотянулся до пакета, вытащил горсть и стал сворачивать самокрутку.

— Нннноооо! — Машину болтало из стороны в сторону.

— Кончай это дерьмо! — крикнул Ллойд. — Повсюду сыплется эта дрянь.

— Ннннооо!

— Давай, нам надо сбуть с рук эту штуку, иначе нас поймают и запихнут в багажник.

— О'кей, парень. — Поук выровнял машину, но выражение лица у него было обиженным. — Это была твоя мысль, твоя идиотская мысль.

— Раньше тебе казалось, что это хорошая мысль.

— Да, но я не знал, что дело кончится тем, что мы будем колесить по этой чертовой Аризоне. Как мы вообще доберемся до Нью-Йорка этой дорогой?

— Мы сбиваем погоню со следа, парень, — сказал Ллойд.

— Чертовская удача, — сказал Поук, все еще дуюсь. — Адская же у нас работенка. Знаешь, что у нас есть, кроме зелья и пушек? У нас шестнадцать долларов и три сотни кредитных карточек, которые мы никогда не посмеем использовать. Черт, у нас даже нет денег, чтобы наполнить бак этого борова.

— Бог пошлет, — сказал Ллойд и закурил самокрутку.

— А если ты собираешься продать ее, то какого черта мы ее курим? — продолжал Поук, не слишком-то успокоенный мыслью о божественном милосердии.

— Ну, продадим несколькими унциями меньше — какая разница? Давай, Поук. Затянись.

Это был верный способ развеселить Поука. Он гоготнул и взял косяк. Между ними на подставке стоял «шмайсер», заряженный до отказа. «Конни» несся по дороге. Индикатор бензина показывал, что осталось восемь литров.

Эндрю Фримен, по кличке Поук, осужденный за обычную драку, освобожден в апреле 1989 года. Его койка была рядом с койкой Ллойда Хенрида. Он сказал Хенриду, что если его интересует крупное дело, то у него есть на примете кое-что интересное в Лас-Вегасе. Ллойд

согласился.

Ллойд освободился первого июня. Он был осужден за попытку изнасилования. Он отсидел только два года из четырех и был досрочно освобожден за примерное поведение.

На автобусе он доехал до Лас Вегаса, и Поук встретил его на остановке.

— Один парень на побегушках у людей с итальянскими именами, — сказал Поук, — назвал мне время, когда он будет вести в Лос Анджелес крупную партию наркотиков и оружия. — Поук и Ллойд должны были напасть на него, связать и вставить кляп, потом забрать у него все и двинуть его пару раз для пущего правдоподобия. «Бить надо сильно», — предупредил парень. Людей с итальянскими именами не так-то легко одурачить. За все это он просил четверть от суммы, полученной от продажи товара.

— Ну что ж, — сказал Ллойд. — Звучит неплохо.

На следующий день Поук и Ллойд пошли на встречу с Джорджем (так звали парня) — шестифунтовой дубиной с маленькой головой, сидевшей на несуществующей шее. Джордж сказал им прийти к нему домой вечером в следующую пятницу около шести часов.

— Ради Бога, наденьте маски, — сказал он. — Вы расквасите мне нос и поставите фингал под глазом. Господи, и зачем только я в это ввязался.

Великий вечер наступил. Дверь в дом Джорджа оказалась заперта, но как он и сообщал, заперта не слишком крепко. На первом этаже была игровая комната. Там и стоял Джордж рядом с полным пакетом травы. На столе для пинг-понга лежало оружие. Джордж был испуган до смерти.

— Господи, Боже ты мой, и зачем только я в это ввязался, — повторял он Ллойд и Поуку, пока они его связывали.

Потом Ллойд двинул Джорджа в нос, расквасив его до крови, а Поук поставил ему синяк под глазом, в соответствии с высказанной просьбой.

— Господи! — завопил Джордж. — Зачем же так сильно?

— Ты сам этого хотел, — заметил Ллойд.

Поук скотчем закрепил Джорджу рот. Потом они стали собирать добычу.

— Хочу спросить у тебя одну вещь, дружок? — сказал Поук.

— О чем? — спросил Ллойд, нервно хихикнув.

— Как ты думаешь, сможет ли старина Джордж не выдать наш секрет?

Ллойд оказался не готов к такому вопросу. В течение томительно долгой минуты он смотрел на Джорджа, глаза которого выкатились от внезапного ужаса.

Потом Ллойд сказал:

— Конечно. Он ведь тоже в этом замешан. — Но голос его звучал неубедительно. Если семена посадить в землю, они почти всегда прорастают.

Поук улыбнулся.

— Ну, он может просто сказать им: Привет, ребята. Я встретил старого приятеля с дружком. Мы поболтали, выпили несколько бутылочек пива, и что же вы думаете, эти сукины дети заявили ко мне домой и ограбили меня. Уверен, что вы их поймаете. Давайте, я вам опишу, как они выглядят.

Джордж бешено тряс головой, а его глаза превратились в заглавные «О» ужаса.

К тому времени они сложили оружие в полотняную сумку для белья, найденную в ванной. Ллойд нервно подергал сумку и сказал:

— Ну, и что же, ты думаешь, мы должны делать?

— Я думаю, старичок, мы должны его кончить, — сказал Поук с сожалением. — Это единственный возможный выход.

— Это чертовски тяжело сделать после того, как он навел нас на это дело, — сказал

Ллойд.

— Тяжело жить в этом мире, дружок.

— Да уж, — вздохнул Ллойд, и они подошли к Джорджу.

— Ммммф, — сказал Джордж, бешено трясая головой. — Мммм! Ммммммммпф!

— Я знаю, — утешил его Поук. — Хреново вышло, да? Мне очень жаль, без обмана. У меня к тебе нет никакой личной неприязни. Хочу, чтобы ты запомнил это. Держи его голову, Ллойд.

Легче было сказать, чем сделать. Джордж бешено мотал головой из стороны в сторону. Стены его игровой комнаты были из шлакоблоков, и он бился о них головой, но, похоже, не чувствовал никакой боли.

— Держи его, — безмятежно сказал Поук и оторвал очередной кусок скотча.

Ллойд наконец-то ухватил его за волосы и держал его достаточно долго, для того чтобы Поук успел прилепить кусок скотча прямо на ноздри Джорджа, тем самым запечатав все его дыхательные пути. Агония продолжалась почти пять минут.

Поук присел на корточки рядом с трупом и пощупал пульс.

— Ну? — спросил Ллойд.

— Ничего не слышно, кроме часов, старина, — сказал Поук. — Да, кстати, о часах... — Он поднял мясистую руку Джорджа и посмотрел на его запястье. — Нет, обычный «Таймекс». Я-то думал, «Касио» или что-нибудь в этом роде.

Ключи от машины Джорджа лежали в переднем кармане его брюк. А в буфете наверху они нашли банку из-под арахисового масла, доверху набитую десятицентовиками. В общей сложности было двадцать долларов и шестьдесят центов.

Они выехали из Вегаса по *N93* и поехали на юго-восток в Аризону. Вчера около девяти они остановились у магазинчика в двух милях от Шелдона по шоссе *N75*. Они вошли внутрь и убили хозяина — пожилого джентльмена со вставными зубами. Им достались шестьдесят три доллара и старый грузовик.

Сегодня утром у грузовика лопнули две шины. Две шины одновременно, и ни один из них не обнаружил на шоссе ни одного гвоздя, хотя почти полчаса они провели в поисках. В конце концов Поук сказал, что, должно быть, это было совпадение. Ллойд сказал, что ему приходилось слышать и о более удивительных вещах. Потом появился белый «Конни», словно в ответ на их молитвы.

Водитель «Конни» высунулся из окна и спросил:

— Нужна ли помощь?

— Конечно, нужна, — сказал Поук и всадил ему между глаз пулю из «Магнума-.357». Несчастный мурак так, наверное, никогда и не узнал, что его ударило.

— Почему бы тебе не повернуть здесь? — спросил Ллойд, указывая на приближающийся перекресток. Он был одурманен.

— И поверну, — весело сказал Поук.

Примерно час спустя справа показался дорожный знак: БАРРЕК 6.

— Давай остановимся там. Я голоден, — попросил Ллойд.

— Ты всегда голоден.

— Иди в жопу. Когда я накурюсь, всегда хочу жрать.

— О'кей. Да и денег надо раздобыть. Добудем денег и поедем на север. Эта мурацкая пустыня меня достала.

— О'кей, — сказал Ллойд.

Они проехали Баррек и на выезде обнаружили помещавшиеся в одном здании кафе, магазинчик и заправочную станцию. На площадке перед зданием стояли фордовский фургон,

пыльный «Олдсмобиль» и телега. Лошадь внимательно изучала их, пока они ставили «Конни» на стоянку.

Поук взял .357 и проверил патроны.

— Готов?

— Думаю, да, — отозвался Ллойд и взялся за шмайсер.

Заправка была на самообслуживании. Дежурный должен был только включить насос. Они поднялись по ступенькам и вошли внутрь. За прилавком человек в ковбойской одежде расплачивался за пачку сигарет. Утомленная женщина с жесткими черными волосами пыталась сделать выбор между двумя видами соуса для спагетти. За прилавком стоял хозяин — веснушчатый человек в серой рубашке. Он поднял взгляд, когда хлопнула входная дверь, и глаза его расширились от ужаса.

Ллойд дал очередь в потолок. Два стеклянных колпака разбились вдребезги. Человек в ковбойской одежде сделал движение, чтобы обернуться.

— Стойте на месте, и мы никого не тронем! — закричал Ллойд. Поук немедленно превратил его в лжеца, проделав дырку в женщине, разглядывавшей соус.

— Боже мой, Поук! — закричал Ллойд. — Ты не должен...

— Кончил ее, старичок! — завопил Поук. — Ей больше не придется смотреть телек! Ннннооо! Ннннооо!

Человек в ковбойской одежде медленно обернулся. В левой руке он держал пачку сигарет. За поясом у него был револьвер сорок пятого калибра. Пока Ллойд и Поук таранились на мертвую женщину, он неторопливо взял в руки револьвер, прицелился, выстрелил, и левая половина лица Поука неожиданно превратилась в месиво из крови, мяса и зубов.

— Меня ранили! — завопил Поук, роняя свой .357. — Меня ранили, Ллойд! Ранили! Ранили! — Он ударился о входную дверь, и она распахнулась. Поук тяжело опустился на крыльцо.

Ошеломленный Ллойд выстрелил скорее инстинктивно, чем в целях самозащиты. Грохот «шмайсера» заполнил комнату. Бутылки и консервные банки взорвались на своих полках. Человек в ковбойской одежде, равнодушный, спокойный и собранный, снова выстрелил. Ллойд скорее почувствовал, чем услышал, как пуля пролетела у него над головой. Он дал еще одну очередь.

Человек за прилавком упал с такой внезапностью, что можно было подумать, будто он провалился в люк. Автомат с жвачкой разлетелся вдребезги. Повсюду рассыпались красные, синие и зеленые шарики. Шмайсер проделал три дырки в ковбое, и большая часть его внутренностей оказалась на пакетиках с сухой картошкой. Ковбой осел, все еще сжимая в одной руке .45, а в другой — пачку «Лаки».

Ллойд, обезумев от страха, продолжал палить. Автомат нагревался у него в руках. Коробка с бутылками соды зазвенела и упала. Девушка на календаре, одетая в соблазнительные шорты, получила пулю в бедро волшебного персикового цвета. Рухнула стопка книжек. Потом патроны кончились, и наступила оглушающая тишина. В комнате стоял тяжелый и отвратительный запах пороха.

— Боже мой, — выдохнул Ллойд. Он опасливо посмотрел на ковбоя. Было непохоже, что ковбой причинит ему какие-нибудь неприятности в ближайшем или отдаленном будущем.

— Меня ранили! — промычал Поук, вваливаясь обратно внутрь.

— Я кончил его, Поук, — утешил Ллойд, но Поук, похоже, ничего не слышал. Его правый глаз сиял, как сапфир. Левого глаза не было.левой щеки тоже не наблюдалось: можно было видеть, как движется его челюсть, когда он говорит. Рубашка пропиталась кровью.

— Чертов мудака достал меня! — закричал Поук. Он наклонился и поднял свой «Магнум». — Я покажу тебе, сучье отродье, как стрелять в меня!

Он двинулся к ковбою, поставил ногу ему на голову, как охотник, позирующий для фотографии, и приготовился опорожнить свой .357. Ллойд стоял и смотрел на это с раскрытым ртом, с дымящимся автоматом в руке, все еще пытаюсь понять, как же все это могло случиться.

В этот момент человек, упавший за прилавок, появился оттуда, как тещин язык. Его лицо выражало отчаянную решимость, а в руках у него была зажата двустволка.

— Что? — сказал Поук и поднял взгляд как раз вовремя, чтобы встретиться с обоими зарядами. Лицо его превратилось в еще большую кашу, чем раньше, и он упал.

Ллойд решил, что самое время сматывать. Черт с ними, с деньгами. В конце концов, деньги можно найти в любом другом месте. Похоже, что пришло время опять сбивать погоню со следа. Он выбежал из магазинчика.

Он уже наполовину слетел со ступенек, когда подъехала патрульная машина аризонской полиции. Из правой двери вылез полицейский и вытащил пистолет.

— Стой на месте! Что происходит внутри?

— Трое убитых! — закричал Ллойд. — Ну и заваруха! Парень, который сделал это, сбежал через заднюю дверь! Я уношу ноги!

Он подбежал к «Конни», скользнул за руль и как раз успел вспомнить, что ключи остались у Поука в кармане, когда полицейский завопил:

— Стой! Стой, стрелять буду!

— Боже мой, — сказал Ллойд, когда второй полицейский приставил ему к голове здоровенный ковбойский пистолет, а первый надел на него наручники.

— Отправляйся в багажник, красавчик.

Владелец вышел из магазинчика, все еще сжимая в руках двустволку.

— Он застрелил Билла Марксона. Другой прикончил миссис Сторм! Я застрелил одного! Он мертв, как собачье дерьмо! Отойдите, мальчики, я с удовольствием кончу и этого!

— Успокойся, Поп, — сказал один из полицейских. — Веселье кончилось.

— Эй, ребята, держите меня подальше от этого парня, — попросил Ллойд.

— Такое впечатление, что он сдвинулся.

— А это ты получил, когда выходил из магазина, красавчик, — сказал первый полицейский. Его пистолет поднялся, блеснув в солнечных лучах, и опустился на голову Ллойда Хенрида. Очнулся он только в тюрьме Арапахоу.

Старки внимательно посмотрел на монитор 2. Специалист второго класса Фрэнк Д. Брюс по-прежнему сидел, уткнувшись лицом в миску супа. Ситуация не изменилась. Задумчиво Старки перешел к монитору 4, на котором положение изменилось к лучшему. Доктор Эммануэль Эзвик по-прежнему неподвижно лежал на полу, но центрифуга остановилась. В 19:40 часов (прошедших с момента несчастного случая) из центрифуги начали появляться тонкие струйки дыма. В 21:07 часов внутри центрифуги в последний раз что-то звякнуло, и она медленно перешла в состояние покоя. Кажется, Ньютон сказал, что где-то далеко, за самой дальней звездой, может находиться тело в абсолютном состоянии покоя. Ньютон оказался прав во всем, кроме расстояния, — подумал Старки. Совсем не надо углубляться в такую даль. Проект Блу — вот воплощение абсолютной неподвижности.

В кабинете раздался сигнал вызова. Старки подошел к переговорному устройству и нажал на кнопку:

— Слушаю, Лен.

— Билли, у меня срочное сообщение от одного из наших подразделений из Сайп Спрингса, штат Техас. Почти в четырехстах милях от Арнетта. Они утверждают, что им надо поговорить с тобой.

— В чем там дело, Лен? — спросил он спокойно. За последние десять часов он принял шестнадцать «отрубонов» и чувствовал себя сравнительно неплохо.

— Пресса.

— О, Господи, — сказал Старки. — Соедини меня с ними.

— Подожди минутку, — сказал Лен.

Атмосферные помехи постепенно исчезли.

— ...Лайон, подразделение Лайон, как слышите, база Блу? Как слышите нас? Раз... два... три... четыре... говорит подразделение Лайон.

— Слышу вас, подразделение Лайон, — сказал Старки. — Говорит база Блу один.

— Кодовое обозначение проблемы — Цветочный Горшок, — произнес металлический голос. — Повторите, Цветочный Горшок.

— Я прекрасно знаю, что такое Цветочный Горшок, — сказал Старки. — В чем там дело?

Металлический голос из Сайп Спрингса говорил почти пять минут подряд. Сама по себе ситуация его не слишком-то интересовала, потому что уже два дня назад компьютер проинформировал его, что это произойдет до конца июня с вероятностью 88%. Специфика же несущественна. Если у вещи есть две штанины и место, куда вдеть ремень, то это брюки. Цвет не имеет значения.

Доктор из Сайп Спрингса сделал несколько остроумных предположений, и репортеры ежедневной газеты из Хьюстона связали происходящее в Сайп Спрингс с тем, что уже произошло в Арнетте, Вероне, Коммерс Сити и городке Поллистон, штат Канзас. В этих городах процесс развивался так стремительно и так неблагоприятно, что военным был отдан приказ ввести карантин. В компьютере был заложен список других двадцати пяти городов десяти штатов, в которых начали обнаруживаться следы Проекта Блу.

Старки принял решение. Он отпер ключом нижний ящик своего письменного стола и вытащил оттуда синий сверток, запечатанный красной бумажной лентой. Надпись на нем гласила: ЕСЛИ ЛЕНТА ОКАЖЕТСЯ СОРВАННОЙ, НЕМЕДЛЕННО ИЗВЕСТИТЕ ВСЕ ОТДЕЛЫ БЕЗОПАСНОСТИ. Старки сорвал ленту.

— Вы на связи, база Блу? — спрашивал голос. — Мы вас не слышим.

— Я здесь, Лайон, — ответил Старки. Он открыл последнюю страницу книги из свертка и провел пальцем по колонке, озаглавленной ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНЫЕ КОНТРАМЕРЫ.

— Вы слышите меня, Лайон?

— Слышим, база Блу.

— Троя, — сказал Старки решительно. — Повторите, Лайон: Троя.

Молчание. Отдаленный треск помех. Старки вспомнил о тех телефонах, которые они делали в детстве: две консервных банки и двадцать ярдов воценой бечевки.

— Повторяю...

— О Господи! — раздалось из Сайп Спрингса.

— Повтори, сынок, — сказал Старки.

— Т-т-троя, — сказал голос. Потом, более уверенно: — Троя.

— Очень хорошо, — сказал Старки. — Благослови тебя Бог, сынок. Отбой.

— И вас, сэр. Отбой.

За щелчком последовали сильные помехи, потом снова щелчок, молчание, и голос Лена Крейтона.

— Билли?

— Да, Лен.

— Я слышал весь разговор.

— Прекрасно, Лен, — сказал устало Старки. — Ты можешь доложить об этом в какой угодно форме.

— Ты не понял. Билли, — сказал Лен. — Ты поступил правильно. Думаешь, я не понимаю этого?

Старки позволил глазам закрыться. На мгновение все замечательные «отрубоны» перестали действовать.

— Благослови и тебя Бог, Лен, — сказал он еле слышно. Он отключил переговорное устройство и занял свою привычную позицию перед монитором 2. Через некоторое время он вновь почувствовал себя вполне сносно.

Если поехать на юг от Сайп Спрингса по шоссе N36, то за день можно добраться до Хьюстона. По дороге неслась машина — старый «Понтиак», выжимавший восемьдесят миль в час. Машина поднялась на холм. Внизу дорогу перегораживал «Форд», что чуть не привело к катастрофе.

Водитель, тридцатишестилетний репортер хьюстонской ежедневной газеты, нажал на тормоза.

— Боже мой! — завопил фотограф, сидевший рядом с водителем. Он уронил фотоаппарат на пол и ухватился за ремень безопасности.

Голубой дымок вырвался из-под шин. Радио продолжало орать:

Крошка, поймешь ли ты своего парня?

Он — парень что надо.

Он парень шикарный.

Крошка, поймешь ли ты своего парня?

«Понтиак» наконец-то остановился. Водитель облегченно вздохнул и разразился приступом кашля. Им начал овладевал гнев. Он вышел из машины и, сжав кулаки, направился к двум молодым людям, стоявшим за «Фордом».

— Ага, раздолбай! — закричал он. — Вы нас чуть на хрен не угроби, и я хочу...

Четыре года он прослужил в армии. Добровольцем. Ему как раз хватило времени на то, чтобы определить тип винтовок, которые они доставали из багажника «Форда». Он

ошеломленно остановился под палящим техасским солнцем и намочил свои штаны.

Он начал кричать и мысленно повернулся и побежал обратно к «Понтиаку», но ноги его не сдвинулись с места. Пули вырвали бесформенные куски мяса у него из груди и мошонки. Он упал на колени, немо протягивая руки в жесте пощады. Следующая пуля попала ему в лоб над правым глазом и снесла ему полголовы.

Фотограф, сползший с сиденья, был не в состоянии понять, что же происходит, до тех пор, пока двое молодых людей не переступили через тело репортера и не направились к нему с винтовками наперевес. Он успел завести мотор и тронуться, прежде чем они начали стрелять. Прострелив обе задние шины, молодые люди бросились к своему «Форду», номер которого числился в списке военных средств передвижения Пентагона, и, развернувшись, ринулись за «Понтиаком». «Форд» резко подскочил, когда они переезжали тело репортера. Сержант, сидевший рядом с водителем, испуганно чихнул, брызнув слюной на ветровое стекло.

Фотограф начал плакать, заметив в зеркале заднего вида увеличивающийся силуэт «Форда». Он утопил педаль газа до предела, но «Понтиак» с пробитыми шинами не выжимал больше сорока. По радио Ларри Андервуда сменила Мадонна. Мадонна утверждала, что она девчонка что надо.

«Форд» обогнал «Понтиак» и притормозил. Раздался визг раздираемого металла. Фотограф ударился о рулевую колонку, и кровь хлынула у него из носа. Он соскользнул с сиденья и, извернувшись, выскочил из правой двери. Он выбежал на обочину и спрыгнул с откоса. Перед ним оказалось ограждение из колючей проволоки, и он попытался его перепрыгнуть. «Я смогу убежать, — подумал он. — Я могу бежать вечно».

Он приземлился на другой стороне с ногой, запутавшейся в проволоке. Он все еще пытался отцепить брюки, когда двое молодых людей сошли с обочины с винтовками наперевес.

— За что? — попытался он спросить у них, но из его горла раздался лишь тихий и беспомощный птичий вскрик.

По официальным сообщениям, ничего тревожного в Сайп Спрингсе, штат Техас, в тот день не произошло.

Не успел Ник открыть дверь, отделявшую кабинет шерифа Бейкера от тюремных камер, как на него посыпался град угроз и насмешек. Винсент Хоган и Билли Уорнер сидели в двух камерах слева, Майк Чайлдрес занимал одну из камер справа. Еще одна камера пустовала, а пустовала она потому, что Рэю Буту, человеку с рубиновым перстнем, удалось сбежать.

— Эй, мудозвон! — позвал Чайлдрес. — Чертов мудозвон! Что с тобой будет, когда мы выйдем отсюда? А? Ты подумал об этом?

— Я лично отрежу ему яйца и засуну их в глотку так, чтобы он задохнулся, — сказал Билли Уорнер.

Только Винс Хоган не участвовал в этих упражнениях в красноречии. Утром шериф Бейкер насел на него, и он раскололся. Теперь все они сидели в камерах в ожидании суда. Бейкер сказал Нику, что он сможет получить обвинительный акт на этих ребят, но когда дело дойдет до суда присяжных, то показаниям Ника будут противостоять показаниям всех троих — или четверых, если они поймают Рэя Бута.

За последнее время Ник проникся к Бейкеру глубоким уважением. И не потому, что шериф арестовал людей, избивших и ограбивших Ника. Упрятав троицу за решетку, шериф, похоже, подхвативший сильную простуду, был вынужден уйти домой и оставил заключенных на попечение Ника. Через полчаса в тюрьме появился любопытный прыщавый мальчишка с тремя подносами, на которых стоял обед для арестованных. Ник жестом показал ему поставить подносы на койку и, взяв листок бумаги, написал: «Это оплачено?»

Мальчишка изучил записку со вниманием новичка-студента, взявшегося за «Моби Дика».

— Конечно, — сказал он. — У шерифа есть свой счет. Скажи, ты действительно не можешь говорить?

Ник кивнул.

— Хреновое дело, — сказал мальчишка и быстро ретировался, словно боялся, что немота заразна.

Ник отнес подносы к камерам и пропихнул их арестованным с помощью щетки. Вернувшись в кабинет, он вспомнил о том, что Бейкер попросил его вкратце изложить свою биографию. Он сел за письменный стол, положил в центре его блокнот, помедлил секунду и вывел наверху страницы:

Ник Андрос История Жизни

Он прервался, слегка улыбаясь. После небольшой паузы он снова начал писать:

«Я родился в Каслине, штат Небраска, 14 ноября 1968 года. Мой отец был фермером. Он и моя мама всегда жили на краю разорения. Они были должны трем разным банкам. Моя мать была уже шесть месяцев беременная мной, и отец решил отвезти ее к городскому доктору. Грузовик потерял управление и они заехали в кювет. У моего отца случился сердечный приступ, и он умер.

Тем не менее, спустя три месяца мать родила меня таким, какой я есть. Для нее это был тяжелый удар, особенно после потери мужа.

Она маялась с фермой до 1973 года, после чего ферма была конфискована в счет уплаты долгов. Родственников у нее не было, но она написала друзьям в Биг Спрингс, и кто-то из них нашел ей работу в булочной. Мы прожили там до 1977 года, когда она погибла в результате несчастного случая. Человек на мотоцикле сбил ее, когда она возвращалась домой после работы. В этом даже не было его вины, только невезение — у него отказали тормоза. Он даже не превысил скорость. Баптистская церковь похоронила мою маму за свой счет. Та же самая

церковь послала меня в приют для сирот в Де Муан. Церкви всех вероисповеданий перечисляют средства в фонд этого приюта. Там я научился читать и писать...»

Здесь он остановился. Рука его заболела от долгого писания, но прервался он не по этой причине. Ему было трудно снова воскрешать все эти события в памяти. Он перечел последнюю строчку. «Там я научился читать и писать». Но это было не так-то просто. Он жил в безмолвном мире. Речь была для него танцем губ, зубов, языка. Только в четыре года он понял, что такое слово. Только в шесть лет он понял, что высокие зеленые штуки называются *деревьями*. Он хотел знать имена вещей, но не мог о них спросить.

В приюте он потерял *желание* овладеть механизмами обозначения, и когда это случилось, его мыслительный механизм заржавел и стал распадаться. Он стал тупо бродить с места на место, созерцая безымянные предметы в безымянном мире. Потом появился Руди. Массивный человек со шрамами на лице и с лысой головой. Шесть футов пять дюймов роста. Низкорослому Нику он казался почти великаном. В первый раз они встретились в игровой комнате в подвале. Руди наклонился к нему, так что их глаза оказались примерно на одном уровне. Потом он поднял свои огромные, покрытые шрамами руки и прижал их сначала ко рту, а потом к ушам.

«Я глухонемой».

Ник хмуро отвернулся: «Меня это не ебет».

Руди ударил его по щеке.

Ник упал. Рот его открылся, и безмолвные слезы потекли из глаз. Он не хотел больше видеть это лысое чудище. Он не глухонемой, он просто издевается.

Руди бережно помог ему подняться и повел его к столу. Там лежал чистый лист бумаги. Руди указал на лист, а потом на Ника. Ник покачал головой. Руди протянул ему карандаш. Ник отдернул руку, словно карандаш был раскален докрасна. Руди указал на карандаш, потом на Ника и снова на бумагу. Ник покачал головой. Руди снова ударил его.

Вновь безмолвные слезы. Покрытое шрамами лицо не выражало ничего, кроме бесконечного терпения. Руди вновь указал на бумагу. На карандаш. На Ника.

Ник зажал карандаш в кулаке. Он написал пять известных ему слов:

НИКОЛАС АНДРОС ПОШЕЛ В ЖОПУ

Потом он разломал карандаш пополам и хмуро и непокорно посмотрел на Руди. Но Руди улыбался. Неожиданно он наклонился над столом и обхватил голову Ника своими мозолистыми ладонями. Руки его были теплыми и нежными. Ник не мог вспомнить, когда в последний раз к нему прикасались с такой любовью. Так его трогала только мать.

Руди убрал руки. Он поднял половинку карандаша с грифелем. Перевернул лист бумаги. Постучал по пустому белому пространству кончиком карандаша, а потом указал на Ника. Он сделал это снова. И еще раз. И еще раз. И в конце концов Ник понял.

«Ты — это пустая страница».

Ник заплакал.

Руди остался с ним на шесть лет.

«...читать и писать. Человек по имени Руди Спаркмен помог мне. Мне очень повезло, что я его встретил. В 1984 году мне сказали, что меня отдадут в семью, а государство будет выплачивать деньги за мое содержание. Я хотел бы быть с Руди, но Руди служил в Африке в войсках ООН.

Тогда я убежал. Мне было шестнадцать, и не думаю, что они искали меня слишком усердно. Я решил освоить программу средней школы, так как Руди всегда говорил, что самое главное — это образование. Я собираюсь сдать экзамены экстерном. Мне нравится учиться. Может быть, когда-нибудь я поступлю в колледж. Это звучит невероятно, но по-моему, это

возможно. В любом случае, вот моя история.»

Наутро шериф пришел в семь тридцать, в тот момент, когда Ник выносил мусорные корзины. Шериф выглядел значительно лучше.

«Как вы себя чувствуете?» — написал Ник.

— Неплохо. Я чуть не сгорел к полуночи. Аспирин не помогал. Джени хотела позвать доктора, но в полпервого лихорадка спала. Потом я уснул и спал как бревно. Как у тебя дела?

Ник показал большой палец.

— Как наши гости?

Ник сделал злобное лицо. Несколько раз открыл и закрыл рот. Потряс невидимые прутья решетки.

Бейкер расхохотался, а потом несколько раз чихнул.

— Тебе надо выступать по телевизору, — сказал он. — Ты написал свою биографию, как я тебя просил?

Ник кивнул и протянул два исписанных листа бумаги. Шериф сел и внимательно прочитал их. Когда он кончил читать, он посмотрел на Ника так долго и так пристально, что Ник в смущении и недоумении опустил глаза.

Когда он снова поднял взгляд, Бейкер спросил:

— Ты жил сам по себе с шестнадцати лет? В течение шести лет?

Ник кивнул.

Ник написал: «Мне было трудно, так как я поздно начал читать и писать. В приюте я сдал по почте шесть зачетов. Еще шесть я сдал, когда жил в Чикаго. Чтобы закончить среднюю школу, мне нужно еще четыре зачета».

— Какие зачеты ты пока не сдал? — спросил Бейкер, а затем повернулся и заорал: — Эй вы там, заткнитесь! Вы получите свой кофе с булочками не раньше, чем я освобожусь.

Ник написал: «Геометрия. Математика. Двухгодичный курс языка. Все это необходимо для того, чтобы поступить в колледж».

— Язык? Ты имеешь в виду иностранный?

Ник кивнул.

Бейкер рассмеялся и покачал головой.

— Ну и ну! Глухонемой учится говорить на иностранном языке. Не обижайся, малыш. Ты ведь понимаешь, что я не над тобой смеюсь.

Ник улыбнулся и кивнул.

— Так почему же ты столько скитался?

«Пока я был несовершеннолетним, я не осмеливался оставаться на одном месте слишком долго, — написал Ник. — Боялся, что меня засадят в другой приют или что-нибудь в этом роде. Когда же я стал достаточно взрослым, чтобы найти себе постоянную работу, наступили тяжелые времена. Говорят, биржевой рынок лопнул, но так как я глухой, то я этого не слышал (ха-ха)».

— Как твои зубы?

Ник пожал плечами.

— Принимал обезболивающие таблетки?

Ник показал два пальца.

— Ну ладно, у меня есть кое-какая бумажная работа по поводу этих парней. А ты продолжай уборку. Поговорим попозже.

Доктор Сомс, тот самый, который чуть не переехал Ника на своей машине, зашел к шерифу в половину десятого тем же утром. Это был человек лет шестидесяти с поредевшими седыми волосами, тощей цыплячьей шеей и очень острыми голубыми глазами.

— Шеф сказал мне, что ты умеешь читать по губам, — обратился он к Нику. — А еще он сказал мне, что собирается поручить тебе кое-какую работу, так что мне лучше удостовериться, что ты не умрешь у него на руках. Снимай рубашку.

Ник расстегнул свою голубую рубашку и снял ее.

— Боже мой, — сказал Бейкер. — Только посмотри на это.

— Да уж, они постарались как следует, — сказал Сомс.

Живот и ребра Ника по цветовой гамме напоминали восход в Канаде. Сомс ощупал его и внимательно изучил зрачки его глаз. Под конец он осмотрел остатки передних зубов Ника.

— Они, должно быть, болят, как сукины дети, — сказал он, и Ник горестно кивнул. — Ты их потеряешь, — продолжил Сомс. — Ты... — Он чихнул три раза подряд. — Извините.

Сомс достал из черной сумки стетоскоп.

— А теперь, Джон, твоя очередь. Снимай рубашку.

— Снимать рубашку? Это еще зачем?

— Потому что твоя жена попросила меня тебя осмотреть, вот зачем. Она думает, что ты болен, и не хочет, чтобы ты заболел еще сильнее. Бог ее знает, почему. Ну не говорил ли я ей, что когда ты наконец будешь гнить в могиле, нам с ней не надо будет больше таиться? Ну давай, Джонни. Покажись нам.

— Это была обычная простуда, — сказал Бейкер, неохотно расстегивая рубашку. — Сегодня утром я уже чувствую себя отлично. Честное слово, парень, у меня такое чувство, что ты болен сильнее, чем я.

— Не ты будешь указывать доктору, а доктор — тебе. — Пока Бейкер снимал рубашку. Сомс повернулся к Нику и сказал: — Забавно, похоже, все в округе свалилось от простуды. Миссис Лэтроп заболела, и вся семья Ричи, и даже Билли Уорнер кашляет в своей камере.

Бейкер вынырнул из своей майки. Когда стетоскоп прикоснулся к его груди, у него перехватило дыхание.

— Господи, какой холодный! Ты что, держишь его в морозилке?

— Вдохни, — сказал Сомс, нахмурившись. — Теперь выдохни.

Сомс возился с шерифом очень долго. Прослушивал грудь и спину. Наконец он отложил стетоскоп и осмотрел ему горло.

— Ну? — спросил Бейкер.

Сомс надавил пальцами на подчелюстные железы Бейкера. Бейкер дернулся.

— Мне даже не надо спрашивать, больно ли здесь, — сказал Сомс. — Джон, сейчас ты отправишься домой и ляжешь в постель. Это не совет, это распоряжение врача.

— Амброз, — ответил шериф спокойно. — Ведь ты же знаешь, что я не могу. У меня на руках трое заключенных, и сегодня их надо отправить в Кэмден. Прошлой ночью я оставил с ними этого паренька, но больше я так не поступлю.

— Забудь о них, Джон. Тебе надо подумать о самом себе. Это какая-то дыхательная инфекция, довольно сильная, судя по звуку, и к тому же сопровождаемая лихорадкой. Твои дыхательные пути воспалены, Джон, и, говоря откровенно, это вовсе не шуточки для такого тучного человека, как ты. Иди и ложись. Если завтра будешь чувствовать себя нормально, отвезешь их в Кэмден, но лучше бы тебе вызвать патрульную машину, чтобы она забрала их.

Бейкер виновато посмотрел на Ника.

— Знаешь, — сказал он, — я действительно немного не в своей тарелке. Может быть, если я немного отдохну...

«Идите домой и ложитесь, — написал Ник. — Я буду осторожен».

— Похоже, лихорадка опять возвращается, — сказал Бейкер, надевая рубашку. — А я-то думал, что избавился от нее.

— Прими аспирин, — сказал Сомс, запирая на замок врачебную сумку. — Отвратительная вещь эти инфекции в гландах.

— В нижнем ящике стола лежит коробка из-под сигар, — сказал Бейкер. — Там деньги на служебные расходы. Можешь пойти в кафе и купить по дороге обезболивающее лекарство. Только укажи в расписке, сколько денег ты взял. Я свяжусь с полицией штата, и к концу дня тебя от них избавят.

Ник показал большой палец.

— Я во многом доверился тебе, хоть мы и знакомы совсем недавно, — сказал Бейкер серьезно. — Но я надеюсь, что ты этого заслуживаешь.

Ник кивнул.

Жена шерифа Джейн Бейкер пришла около шести часов с накрытой тарелкой в руках и пакетом молока.

«Большое спасибо, — написал Ник. — Как чувствует себя ваш муж?»

Маленькая женщина с каштановыми волосами рассмеялась.

— Он хотел прийти сам, но я отговорила его. После полудня лихорадка так усилилась, что я испугалась, но к вечеру температура снизилась. Думаю, что это из-за патрульной полиции штата.

Ник посмотрел на нее вопросительно.

— Они сказали ему, что не могут никого прислать за арестованными до девяти часов завтрашнего утра. У них был тяжелый день, двадцать или больше полицейских больны. А те, кто был на службе, транспортировали людей в госпиталь в Кэмдене и даже в Пайн Блафф. Все вокруг болеют. У меня такое чувство, что Эм Сомс обеспокоен куда сильнее, чем он хочет это показать.

Она и сама выглядела обеспокоенной.

— Я хочу извиниться перед тобой за моего брата, — сказала она.

Ник смущенно пожал плечами.

— Я надеюсь, что ты останешься в Шойо. Ты нравишься моему мужу и мне тоже. Будь осторожен с этими людьми.

«Буду, — написал Ник. — Скажите шерифу, что я желаю ему поскорее поправиться».

— Обязательно скажу.

Потом она ушла, и Ник провел ночь, время от времени просыпаясь, чтобы проверить своих трех подопечных. Двое местных парней зашли посмотреть, все ли у него в порядке, и Нику показалось, что оба больны простудой.

Ему снился странный сон. Когда он проснулся, он вспомнил только, как он шел во сне вдоль нескончаемых рядов зеленой кукурузы, что-то ища и чего-то опасаясь — чего-то ужасного, что следовало за ним по пятам.

Утром он поднялся рано и начал тщательно подметать дальний конец тюрьмы, не обращая внимания на Билли Уорнера и Майка Чайлдреса. Когда он проходил мимо, Билли крикнул ему:

— Рэй вернется, помни об этом. А когда он схватит тебя, то тебе захочется быть не только глухим и немым, но и *слепым!*

Ник стоял к нему спиной и пропустил большую часть фразы.

В кабинете он взял в руки старый номер журнала «Тайм» и принялся читать. Он подумал о том, не положить ли ему ноги на письменный стол, но решил, что это лучший способ нажать неприятности в том случае, если шериф застанет его в этой позе.

В восемь часов утра он с тревогой стал думать о том, не случился ли у шерифа повторный приступ лихорадки прошедшей ночью. К четверти девятого он почувствовал себя

очень беспокоило. Он подошел к двери, за которой были камеры, и заглянул внутрь.

Билли и Майк стояли у дверей своих камер и колотили по прутьям своими туфлями. Винс Хоган лежал на койке. Он лишь повернул голову и посмотрел в сторону двери, когда Ник заглянул. Лицо Хогана было смертельно бледным, лишь на щеках проступал чахоточный румянец. Под глазами образовались темные мешки. Крупные бисерины пота выступили у него на лбу. Ник встретился с его безразличным, блуждающим взглядом и понял, что он сильно болен. Его беспокойство усилилось.

— Эй, чушка, как насчет жратвы? — позвал его Майк. — Старине Винсу, похоже, нужен доктор.

Ник кивнул и вышел, пытаясь сообразить, что же ему теперь делать. Он склонился над письменным столом и написал записку: «Шериф Бейкер! Я ушел за завтраком для заключенных и за доктором Сомсом для Винсента Хогана. Похоже, он действительно сильно болен, а не притворяется. Ник Андрос».

Он оставил записку в центре письменного стола. Потом, засунув блокнот в карман, вышел на улицу.

Главная улица Шойо выглядела странно безлюдной, словно это было воскресное утро. На стоянках перед магазинами почти не было машин. Скобяная лавка вроде бы работала, но окна банка по-прежнему были закрыты жалюзи, хотя пошел уже десятый час.

Ник повернул направо и отправился к стоянке грузовиков, которая находилась в пяти кварталах от тюрьмы. На углу третьего квартала он заметил, что навстречу ему едет, медленно виляя из стороны в сторону, машина доктора Сомса. Ник энергично замахал, не будучи уверенным, что Сомс остановится, но машина прижалась к обочине. Вид доктора, который даже не вышел из машины, потряс Ника. С того времени, как Ник видел его в последний раз добродушно подшучивающим над шерифом, доктор постарел лет на двадцать. Одной из причин этого была крайняя усталость, но усталость не могла быть единственной причиной — даже Нику это было ясно. Как бы в подтверждение его мысли, доктор извлек из кармана носовой платок и несколько раз чихнул. Кожа его так блестела и была такой желтой, что он был похож на труп.

Потом Сомс сказал:

— Шериф Бейкер мертв. Если ты за этим останавливал меня, то забудь о нем. Он умер в начале третьего утра. А теперь заболела Джени.

Глаза Ника расширились. Шериф Бейкер мертв? Но ведь вечером приходила его жена и сказала, что ему лучше. И она... она прекрасно выглядела. Нет, это просто невозможно.

— Мертв, как бревно, — сказал Сомс, словно услышав мысли Ника. — И не он один. За последние двенадцать часов я подписал двенадцать свидетельств о смерти. И у меня есть список из двадцати человек, которые умрут к полудню, если Бог не проявит свою милость.

Ник вынул блокнот из кармана и написал: «Что с ними со всеми?»

— Я не знаю, — сказал Сомс, медленно комкая листок. — Но, похоже, все в городе болевают этой штукой, и никогда в жизни я не был так испуган. Я и сам заразился, но сейчас я больше всего страдаю от усталости. Я уже не молод. Я не могу безнаказанно работать много часов подряд. — Нотка усталого, тревожного раздражения появилась в его голосе, но Ник, к счастью, не мог ее слышать.

Сомс вышел из машины, опираясь на руку Ника.

— Пошли вон на ту скамейку, Ник. С тобой хорошо разговаривать. Я думаю, ты и сам знаешь об этом.

Ник указал в сторону тюрьмы.

— Никуда они не денутся, — сказал Сомс. — А если они больны, то их можно смело

занести в мой список.

Они сели на ярко-зеленую скамейку.

— Простуда и жар, — сказал Сомс. — С десяти часов прошлого вечера. Раньше была только простуда. Слава Богу, что хоть поноса нет.

«Вам надо идти домой и прилечь», — написал Ник.

— Так я и сделаю. Я просто хотел сначала отдохнуть несколько минут...

— Его глаза сомкнулись, и Ник подумал, что он заснул. Ник поразмыслил о том, стоит ли ему теперь идти на стоянку грузовиков за завтраком для Билли и Майка.

Затем доктор Сомс вновь заговорил, но на этот раз с закрытыми глазами. Ник внимательно наблюдал за его губами.

— Симптомы у всех очень похожи. Все они совпадают с симптомами обычной простуды, гриппа или пневмонии. Все это мы умеем лечить. Если только пациент не слишком молод, или не слишком стар, или не ослаблен предшествовавшей болезнью, антибиотики действуют безотказно. Но не на эту штуку. Течение болезни может быть быстрым или медленным. Похоже, это не имеет значения. Ничего не помогает. Кто-то крупно ошибся. А теперь они пытаются это скрыть.

Ник с сомнением посмотрел на доктора, не уверенный в том, что правильно угадал его слова, и подумал о том, не бредит ли Сомс.

— Звучит немного как бред параноика, правда? — спросил Сомс, глядя на него с усталой улыбкой. — Я всегда боялся случаев паранойи у молодых. Все эти мысли о том, что кто-то подслушивает их телефонные разговоры... идет за ними по улицам... устраивает компьютерную слежку... а теперь я понимаю, что они были правы, а я не прав. Жизнь — прекрасная штука, Ник, но я нахожу, что возраст взимает слишком большую дань с лелеемых нами предрассудков.

«Что вы хотите этим сказать?» — написал Ник.

— Ни один телефон в Шойо не работает, — сказал Сомс. Ник не мог понять, то ли это был ответ на его вопрос, то ли доктор переключился на какую-то новую мысль.

Доктор посмотрел на озадаченное лицо Ника, и, похоже, решил, что глухонемой ему просто не поверил.

— Истинная правда, — сказал он. — Если набрать номер абонента за пределами этого городка, услышишь записанное на пленку сообщение. Кроме того, оба выезда из Шойо по главному шоссе перегорожены барьерами, на которых написано РЕМОНТ ДОРОГИ. Но там не идет никакого ремонта. Одни барьеры. Я был там. Наверное, можно отодвинуть эти барьеры, но что-то этим утром через заставу проезжает слишком мало машин. И большинство из них — это армейские грузовики и джипы.

«А другие дороги?» — написал Ник.

— Шоссе №63 было взорвано для того, чтобы заменить водопроводную трубу, — сказал Сомс. — В восточной части города, похоже, произошла серьезная катастрофа. Две машины посреди дороги, и объехать их невозможно. Выставлены предупредительные знаки, но ни следа полицейских или работников ремонтной службы.

Он сделал паузу, достал платок и высморкался.

— По словам Джо Рекмена, который живет неподалеку, работа у водопроводчиков продвигается очень медленно. Я был у Рекмена около двух часов назад и осматривал его маленького сына, который находится в очень тяжелом состоянии. Джо считает, что люди, занятые заменой трубы, на самом деле солдаты, хотя они и одеты в форму дорожных рабочих.

«Почему он так думает?» — написал Ник.

Вставая, Сомс сказал:

— Рабочие редко отдают друг другу честь.

Ник поднялся вслед за ним.

— Обходные пути? — нацарапал он.

— Возможно, — кивнул Сомс. — Но я доктор, а не герой. Джо говорит, он видел винтовки в кабине грузовика дорожной службы. Карабины армейского образца. И если кто-то попытается уйти из Шойо обходными путями и его заметят, то кто знает... да и потом, что нас ждет за пределами Шойо? Повторяю: кто-то совершил ошибку. И теперь они пытаются это скрыть. Безумие. Разумеется, известия обо всем этом скоро распространятся, и много времени на это не потребуется. Сколько людей умрет за это время?

Ник испуганно посмотрел на доктора Сомса, направившегося к своей машине.

— А ты, Ник? — спросил Сомс, медленно залезая внутрь. — Как ты себя чувствуешь? Простуда? Чихаешь? Кашляешь?

Ник покачал головой.

— Попытаешься уйти из города?

Ник снова покачал головой и написал: «Эти люди заперты в камерах. Я не могу их так оставить. Винсент Хоган болен, но двое других, похоже, в норме. Я отнесу им завтрак и пойду проведу миссис Бейкер».

— Ты умный мальчик, — сказал Сомс. — Это редко встречается. А человек, который обладает в наш век упадка чувством ответственности, встречается еще реже. Мистер Брейсмен; методистский священник, тоже говорил, что зайдет к миссис Бейкер. Боюсь, ему сегодня придется посетить не один дом. Ты позаботишься об этих троих, хорошо?

Ник серьезно кивнул.

— Отлично. Я постараюсь заехать к тебе после полудня.

Он завел машину и уехал. Ник посмотрел ему вслед и вновь пошел по направлению к стоянке грузовиков. Столовая была открыта, но одного из двух поваров не было на месте, и трое из четырех подавальщиц не пришли на утреннюю смену. Нику пришлось долго ждать, чтобы получить свой заказ. Когда он вернулся в тюрьму, Билли и Майк выглядели чертовски испуганными. Винс Хоган бредил. К шести часам вечера он скончался.

В то утро его мать не пошла на работу. Последние два дня она боролась с простудой, а этим утром поднялась с жаром. Из своей комнаты он слышал, как она расхаживала по кухне, чихала и звенела посудой, готовя завтрак. Раздался звук включаемого телевизора, в программе «Сегодня» передавали новости. Попытка переворота в Индии. Взрыв электростанции в Вайоминге. Ожидается, что Верховный Суд примет историческое решение о правах гомосексуалистов.

— Глазунью или болтуню? — спросила Элис Андервуд. На ней был надет халат для ванной.

— Болтуню, — сказал Ларри, прекрасно понимая, что нет смысла протестовать против яиц. С точки зрения Элис, завтрак без яиц не имел права на существование. В них был белок и питательные вещества. Ее представления о питательных веществах были довольно смутными, но всеобъемлющими.

Элис вытащила из кармана платок и чихнула в него.

— Не пошла сегодня на работу?

— Позвонила, что заболела. Проклятая простуда. А теперь еще и жар, да и гланды распухли.

— Ты позвонила доктору?

— Когда я была хорошенькой молодой девушкой, доктора имели обыкновение приходить на дом, — сказала она. — Теперь если ты заболеешь, придется тащиться в кабинет скорой помощи при больнице или целый день дожидаться, чтобы тебя посмотрел какой-нибудь шарлатан. Останусь дома и приму аспирин, а к завтрашнему дню я уже начну выздоравливать.

Почти все утро он пробыл дома, пытаясь помочь. Он перетащил в спальню телевизор, принес ей сока и сбегал в магазин за парой романов в бумажной обложке. После этого им ничего не оставалось, кроме как начать играть на нервах друг друга. Она удивилась, насколько хуже показывает телевизор в спальне, а ему пришлось ответить едким комментарием на тему о том, что плохое изображение все-таки лучше, чем никакого изображения вообще. Наконец он сказал, что пойдет и побродит немного по городу.

— Хорошая мысль, — сказала она с явным облегчением. — А я вздремну. Ты хороший мальчик, Ларри.

Он спустился по узкой лестнице (лифт все еще был сломан) и вышел на улицу, чувствуя виноватое облегчение. День принадлежал ему, и у него все еще оставалось в кармане немного денег.

Но на Таймс Сквер он уже не чувствовал себя таким радостным. Когда он проходил мимо магазина грампластинок, его остановил звук собственного голоса, доносившийся из выставленных на улицу динамиков.

Я пришел не за тем, чтобы вместе встретить рассвет, И не узнать у тебя, видела ли ты свет, И не для того, чтобы лезть на стенку и грызть паркет, Я просто пришел спросить, можешь ли ты или нет Понять своего парня?

Пойми его, крошка...

Крошка, поймешь ли ты своего парня?

Это я, — подумал он, тупо разглядывая обложки альбомов, но сегодня звук собственного голоса расстроил его. Даже хуже — его стало тошнить от родного города. Ему не хотелось больше оставаться под этим серым, цвета грязного белья небом, вдыхать нью-йоркский смог

и одной рукой все время дотрагиваться до бумажника, проверяя, на месте ли он. О, Нью-Йорк, имя тебе — паранойя. Неожиданно ему захотелось оказаться в студии на Восточном Побережье, записывать новый альбом.

Он подошел к киоску и разменял десять долларов на четвертаки. Неподалеку был телефон, и он по памяти набрал номер покерного клуба, в котором часто бывал Уэйн Стаки. В трех тысячах милях от него раздался телефонный звонок.

Женский голос произнес:

— Это клуб. Мы уже работаем.

— Работаете над чем? — спросил он низким и сексуальным голосом.

— Послушай-ка, умник, это тебе не... эй, это не Ларри случайно?

— Да, это я. Привет Арлен.

— Где ты? Мы тебя так давно не видели.

— Ну, я на Восточном Побережье, — ответил он неопределенно. — Кое-кто сказал мне, что ко мне присосались пиявки и надо выбраться из лужи, чтобы они отстали.

— Это насчет большого праздника?

— Да.

— Я слышала об этом, — сказала она. — Кучу денег потратил.

— Уэйн там, Арлен?

— Ты имеешь в виду Уэйна Стаки?

— Ну ведь не Джона Уэйна — он же умер.

— Ты хочешь сказать, что ты ни о чем не знаешь?

— Что я должен знать? Я на другом конце Америки. Эй, с ним все в порядке?

— Он в больнице с этим гриппозным вирусом. У нас его тут называют капитаном Шустриком. И нечего тут смеяться. Говорят, многие от него умерли. Люди боятся выходить на улицы. У нас сейчас шесть свободных столиков, а ты ведь знаешь, что у нас *никогда* не было свободных столиков.

— Как он себя чувствует?

— Кто же знает? Там целые палаты забиты людьми, и к ним не пускают посетителей. Дело плохо, Ларри. А вокруг полным-полно солдат.

— В увольнении?

— Солдаты в увольнении не носят с собой оружие и не разъезжают в конвойных грузовиках. Многие люди очень напуганы. Тебе повезло, что ты далеко отсюда.

— В новостях ничего об этом не было.

— У нас в газетах тут несколько раз писали о каком-то новом вирусе гриппа, и все. Но кое-кто говорит, что военные не уследили за одной из своих чумных пробирок. Не жуть?

— Просто слухи.

— А там, где ты сейчас, нет ничего похожего?

— Нет, — сказал он, а потом подумал о простуде своей матери. И не слишком ли многие чихали и кашляли в метро?

— Три минуты подошли к концу, — вмешалась телефонистка.

Ларри сказал:

— Ладно, я вернусь примерно через неделю, Арлен. Увидимся.

— Я счастлива. Всегда мечтала пройтись рядом со звездой.

— Отлично. Ну, счастливо.

— Ой, — вдруг вскрикнула она неожиданно. — Постой, Ларри, не вешай трубку!

— Что такое?

— Как хорошо, что я вспомнила! Я ведь видела Уэйна, как раз дня за два до того, как он

попал в больницу.

— И о чем вы говорили?

— Он оставил тебе конверт и сказал, чтобы я недельку подержала его в ящике для выручки или отдала тебе, если встречу.

— Что в конверте? — Он переложил трубку из одной руки в другую.

— Подожди минутку. Я посмотрю. — После секундной тишины раздался звук разрываемой бумаги. — Это чековая книжка. Первый Коммерческий Калифорнийский банк. На счету... ой! Больше тринадцати тысяч долларов. Если при встрече заплатишь только за себя, я разможу тебе голову.

— В этом нет нужды, — сказал он, улыбаясь. — Сохрани это до моего приезда.

— Нет, я выброшу это в унитаз. Или нет, лучше я положу чековую книжку в конверт с нашими именами на нем. Тогда тебе не удастся одурачить меня и забрать все в одиночку.

— Я не собираюсь делать этого, радость моя.

Он повесил трубку и посмотрел на мелочь, рассыпанную на полочке под телефоном. Потом он взял четвертак и опустил его в прорезь. Спустя мгновение зазвонил телефон в квартире его матери. Наш первый импульс — поделиться хорошими новостями, второй — досадить ими другому человеку. Он думал — нет, не так: он верил — что подчиняется исключительно первому. Ему хотелось успокоить ее, сообщив, что он снова разбогател.

Улыбка постепенно сошла с его губ. К телефону никто не подходил. Может быть, в конце концов она решила пойти на работу. Он вспомнил о ее покрасневшем от жара лице, о том, как она чихала и кашляла. Нет, вряд ли она пошла бы, — подумал он. А в глубине души он подумал, что вряд ли у ней хватило бы сил пойти.

Он повесил трубку и машинально вынул четвертак из окошечка для возврата монет. Мелочь позванивала у него в руке, пока он шел. Потом он заметил такси и остановил его. Когда такси тронулось, закапал мелкий дождь.

Дверь была заперта, и постучав два или три раза, он убедил себя в том, что квартира пуста. У него не было ключа, и он уже собирался спуститься вниз к мистеру Фримену, но в этот момент он услышал за дверью тихий стон.

На двери квартиры его матери было три замка, но она никогда не запирала их все, и это несмотря на ее маниакальный страх перед пуэрториканцами. Ларри сильно толкнул дверь плечом, и она затрещала. Он толкнул снова, и замок подался. Дверь распахнулась и стукнулась о стену.

— Ма?

Опять этот стон.

В квартире стоял полумрак. На улице внезапно потемнело, и теперь раздавались мощные удары грома, звук дождя усилился. Окно в гостиной было наполовину открыто. Занавеска развевалась от ветра. Дождь проникал в окно, и на полу образовалась небольшая блестящая лужица.

— Ма, где ты?

Стон погромче. Он пошел на кухню, вновь загрохотал гром. Он чуть не споткнулся об нее. Она лежала на полу, наполовину вывалившись из двери спальни.

— Ма! Господи! Ма!

В горле ее клокотала слезь. Но самым ужасным — он никогда этого не забудет — было то, как двинулся ее глаз, чтобы взглянуть на него. словно глаз борова на бойне. Лицо ее пылало от жара.

— Ларри?

— Сейчас положу тебя на кровать, ма.

Он наклонился, невероятным усилием подавил дрожь в коленях и поднял ее на руки. У нее был ужасный жар. Это напугало его. Нельзя долго иметь такую температуру — и оставаться в живых. Должно быть, мозги жарятся у нее в голове.

Как бы в подтверждение его мысли, она ворчливо произнесла:

— Ларри, сходи за своим отцом. Он в баре.

— Успокойся, — сказал он ей в отчаянии. — Просто успокойся и спи, ма.

— Он в баре с этим фотографом! — резко выкрикнула она в сгустившиеся сумерки. Снаружи злобно ударил гром. Прохладный сквозняк из полуоткрытого окна в гостиной прошел по квартире. словно в ответ на него, Элис начала дрожать, а руки ее покрылись гусиной кожей. Зубы ее застучали. В полутьме спальни ее лицо напоминало полную луну. Ларри уложил ее на кровать и накрыл одеялами, но она продолжала трястись в ознобе. Кожа лица была сухой.

— Иди и скажи, что я велела ему убираться оттуда! — закричала она, а потом затихла. В комнате был слышен лишь тяжелый шум ее дыхания.

Он пошел в гостиную, закрыл окно и приблизился к телефону. Справочные книги лежали на полочке внизу. Он нашел номер центральной больницы и набрал его. Вновь раздался удар грома. Блеск молнии превратил только что закрытое им окно в бело-голубой рентгеновский снимок. В спальне на последнем дыхании закричала его мать.

Раздался один гудок, потом жужжание, а потом щелчок. Механически отчетливый голос произнес:

— Вы позвонили в Главный Госпиталь. В настоящий момент все линии заняты. Не вешайте трубку, вам скоро ответят. Спасибо. Вы позвонили в Главный Госпиталь. В настоящий момент все линии заняты. Не вешайте трубку...

— МЫ ВЫСТАВИЛИ ЭТИХ УБЛЮДКОВ НА ЛЕСТНИЦУ! — выкрикнула его мать. Прогредел раскат грома. — ЭТИ ПУЭРТОРИКАНЦЫ — СУЩИЕ СВИНЬИ!

— ...вам скоро ответят...

Он повесил трубку. На лбу у него выступил пот. Что же это за хренов госпиталь, в котором вам дают прослушать записанное на пленку сообщение в тот момент, когда ваша мать умирает? Что там происходит?

Ларри решил спуститься и попросить мистера Фримена посидеть с ней, пока он доберется до больницы. Или вызвать частную скорую помощь? Господи, почему никто не знает самых необходимых вещей? Почему этому не учат в школе?

Из спальни продолжало слышаться затрудненное дыхание его матери.

— Я вернусь, — пробормотал он и направился к двери. Он был испуган, он боялся за нее, но в глубине его души другой голос твердил нечто подобное: «Как всегда, мне не везет». И: «Надо же было этому случиться как раз тогда, когда я получил хорошие новости». И самое мерзкое: «Насколько сильно это помешает моим планам? Что изменится в моей жизни?»

Он ненавидел этот голос и желал ему быстрой и ужасной смерти, но тот все говорил и говорил.

Он бросился вниз к квартире мистера Фримена. Вновь загредел гром. Когда он добежал до площадки первого этажа, дверь распахнулась, и дождь ворвался внутрь.

«Харборсайд» был самым старым отелем в Оганквите. Вид из окна стал не таким живописным с тех пор, как построили новый яхт-клуб, но в такие дни, как этот, когда по небу то и дело проносились грозовые тучи, вид был достаточно эффектным.

Фрэнни сидела у окна на протяжении почти трех часов, пытаясь написать письмо школьной подружке Грейс Дагген. Она не собиралась писать исповедальное письмо о своей беременности и о сцене с матерью — это только вновь расстроило бы ее, да и кроме того, Грейс сама скоро все узнает из своих источников в городе. Она пыталась написать обычное дружеское письмо. Поездка на велосипедах в Рэйнджи, которую мы с Джессом предприняли в мае совместно с Сэмом Лэтропом и Салли Венселас. Экзамен по биологии, на котором мне крупно повезло. Пегги Тейт (другая школьная подружка, общая знакомая) поступила на работу служителем в сенат. Близится свадьба Эми Лаудер.

Письмо просто не желало писаться. Небесная пиротехника сыграла в этом свою роль: как можно писать, когда то и дело над водой разражается гроза? И кроме того, ни одна из новостей в письме не была изложена абсолютно честно. Оно слегка уходило в сторону, словно нож в руке, которым ты наносишь себе порез вместо того, чтобы просто очистить картошку. Поездка на велосипедах была восхитительной, но она с Джессом уже далеко не в таких восхитительных отношениях. Ей действительно повезло на выпускном экзамене по биологии, но в самом факте его сдачи она не видела никакого везения. Ни она, ни Грейс никогда всерьез не интересовались судьбой Пегги Тейт, а сообщение о предстоящей свадьбе Эми Лаудер, учитывая теперешнюю ситуацию Фрэн, скорее выглядело как одна из этих отвратительно тупых шуток, а не как повод для радости. Эми выходит замуж, а у меня будет ребенок, ха-ха-ха.

Чувствуя, что пора заканчивать, она написала:

«У меня у самой появились проблемы, но рука не поднимается о них написать. Даже подумать о них — и то страшно! Но к четвертому я рассчитываю тебя увидеть, если только ты не изменила свои планы со времени последнего письма. (Только одно письмо за шесть недель? Я уж начала думать, что кто-то отрезал тебе пальчики и ты не можешь писать, крошка!) Когда увидимся, я тебе все расскажу. Мне может понадобиться твой совет.

Верь в меня, а я буду верить в тебя, Фрэн.»

Готово. Что теперь?

Небо снова начало темнеть. Она встала и заходила по комнате, думая о том, что надо уйти до того, как снова пойдет дождь. Но куда? В кино? Единственный фильм, который шел в городе, она уже видела. С Джессом. В Портленд посмотреть на одежду? Нет смысла. Единственная одежда, на которую ей имело смысл смотреть в ближайшее время, должна обладать эластичной безразмерной талией. Чтобы хватило места на двоих.

Первой ей позвонила Дебби Смит из Самерсворта. Мы очень ждем тебя, — сказала Дебби теплым голосом. Действительно, так оно и было. Одна из девушек, втроем снимавших одну квартиру, съехала в мае, устроившись работать секретарем в оптовую фирму. Дебби и Роде трудно было платить за квартиру вдвоем.

— И мы обе воспитывались в больших семьях, — сказала Дебби. — Так что плачущие дети нам не в новинку.

Фрэн сказала, что будет готова к переезду к первому июля. Когда она повесила трубку, она обнаружила, что по щекам у нее текут теплые слезы. Слезы облегчения. Если она сможет уехать из этого города, где она выросла, то с ней будет все в порядке. Подальше от матери и

даже от отца.

Второй звонок был от Джесса. Он звонил из Портленда и сначала набрал ее домашний номер. К счастью, он попал на Питера, который дал ее номер в «Харборсайте» без какого бы то ни было комментария.

И тем не менее, первое, что он сказал, было:

— Похоже, у тебя дома напряженная атмосфера, а?

— Ну, слегка, — ответила она неопределенно, не желая посвящать его в подробности. Это сделало бы их своего рода сообщниками.

— Твоя мать?

— Почему ты так думаешь?

— У нее вид женщины, которая может выйти из себя. Что-то у нее такое в глазах, Фрэнни. Ее взгляд говорит, что если ты пристрелишь моих священных коров, то я пристрелю твоих.

Она ничего не ответила.

— Извини, я не хотел тебя обидеть.

— Ты и не обидел, — сказала она. Его определение было, впрочем, очень точным — поверхностно точным, во всяком случае, но она все еще пыталась преодолеть удивление, вызванное этим глаголом — *обижать*. Странно было слышать от него это слово. Наверное, существует такое правило, — подумала она. Когда твой любовник начинает говорить о том, что «обидел» тебя, он больше уже не твой любовник.

— Фрэнни, предложение по-прежнему остается в силе. Если ты скажешь да, я смогу достать пару колец и быть здесь после полудня.

«На своем велике», — подумала она и чуть не захихикала.

— Нет, Джесс, — сказала она, преодолев внезапный приступ веселости.

— Я хочу этого! — сказал он со странным неистовством, словно увидел, как она борется со смехом.

— Я знаю, — сказала она. — Но я не готова к замужеству. Дело во мне, Джесс, дело не в тебе.

— Что ты решила насчет ребенка?

— Буду рожать.

— И откажешься от него?

— Пока не решила.

— Ну и что мы будем делать? — просил он резко. — Не можешь же ты оставаться в «Харборсайте» все лето. Если тебе нужно жилье, я могу поискать в Портленде.

— Я нашла себе жилье.

— Где? Или я не должен об этом спрашивать?

— Не должен, — сказала она, не в силах придумать более дипломатичный ответ.

— Ты свяжешься со мной, когда устроишься на новом месте?

— Да, наверное.

— Если я буду тебе нужен, Фрэнни, ты знаешь, где меня найти.

— Хорошо, Джесс.

— Если тебе понадобятся деньги...

— Да.

— Свяжись со мной. Я не настаиваю, но... Я хочу тебя видеть.

— Хорошо, Джесс.

— До свидания, Фрэн.

— До свидания.

Когда она повесила трубку, у нее возникло ощущение, что осталась какая-то недоговоренность. Она задумалась. В конце разговора они впервые не сказали друг другу «Я люблю тебя». Это расстроило ее, и хотя она и велела себе не обращать внимания, но это не помогло.

Последним, около полудня, позвонил ее отец. Позавчера они вместе позавтракали, и он сказал ей, что беспокоится о Карле. Всю ночь она провела в гостиной, сосредоточенно изучая старые генеалогические записи. Около половины двенадцатого он зашел к ней и спросил, когда она поднимется наверх. Она ответила, что ей не спится. Она простудилась, — сказал Питер Фрэнни. У нее насморк. Когда он спросил ее, не выпьет ли она стакан горячего молока, она вообще ничего не ответила. На следующее утро он обнаружил ее спящей в кресле с книгой на коленях.

Когда она проснулась, то выглядела лучше и, похоже, немного пришла в себя, но простуда усилилась. Она воспротивилась его предложению вызвать доктора Эдмонта. Потом она поставила себе горчичники на грудь и сказала, что чувствует улучшение.

Он позвонил как раз в тот момент, когда началась первая гроза. Пока она разговаривали, ей было видно, как время от времени молния вонзалась в воду. Каждый раз в трубке при этом раздавался легкий треск, словно иголка проигрывателя подскакивала на царапине.

— Сегодня она осталась в постели, — сказал Питер. — В конце концов она согласилась, чтобы Том Эдмонтон осмотрел ее.

— Он уже приходил?

— Только что ушел. Он думает, что у нее грипп.

— О Боже, — сказала Фрэнни, прикрыв глаза. — Это не шутки для женщины ее возраста.

— Это точно. Он выдержал паузу. — Я рассказал ему все, Фрэнни. О ребенке, о ссоре с Карлой. Том лечил тебя с младенчества, и он будет держать язык за зубами. Я хотел знать, могло ли все это стать причиной болезни Карлы. Он ответил нет. Грипп есть грипп.

— Что еще он говорит?

— Он сказал, что многие в округе больны. Какой-то особенно мерзкий вирус. Похоже, он пришел с юга. Им уже охвачен весь Нью-Йорк.

— Как она сейчас, папочка?

— Она в кровати, пьет сок и принимает таблетки, которые прописал Том. Я взял отгул, а завтра с ней придет посидеть миссис Холлидей. Ей хотелось, чтобы это была именно миссис Холлидей, потому что она собирается поработать вместе с ней над повесткой июльского собрания Исторического Общества. Я иногда думаю, что ей хочется умереть в упряжке.

— Как ты думаешь, не будет ли она возражать, если...

— В данный момент будет. Но дай ей время, Фрэн. Все образуется.

Теперь, четыре часа позже, Фрэнни усомнилась в этом. Может быть, если она откажется от ребенка, никто в городе никогда не разнюхает об этом. Впрочем, маловероятно. В маленьких городах у людей обычно бывает удивительно острое обоняние.

Накидывая на себя легкое пальто, она чувствовала, как в ней начинает зарождаться чувство вины. В последние дни перед ссорой ее мать выглядела очень измотанной. У нее были мешки под глазами, кожа выглядела слишком желтой, а седина в волосах стала еще более заметной, несмотря на то, что она регулярно красилась в парикмахерской. И все же...

Она была истеричкой, абсолютной истеричкой. Фрэнни спросила себя, какова же будет мера ее ответственности, если грипп матери перейдет в пневмонию. Или если она умрет. Господи, какая ужасная мысль. Это невозможно. Это невозможно, прошу тебя. Господи, разумеется, нет.

Мгновение она смотрела на него с отсутствующим видом, и в этот момент еще одна

молния сверкнула за окном. Почти немедленно раздался зловещий раскат грома, заставивший ее подскочить на месте.

Дзынь, дзынь, дзынь.

Подходя к телефону, она была уверена, что звонит ее отец.

Вряд ли он сможет сообщить ей что-нибудь обнадеживающее. Это как пирог, — подумала она. Ответственность — это пирог. Своими добрыми делами ты можешь избавиться от части ответственности, но ты просто дурачишь себя, если думаешь, что тебе не достанется под конец твоего собственного сочного и горького куска. И тебе придется съесть его до последней крошки.

— Алло?

На мгновение в трубке воцарилось молчание, и ей пришлось снова сказать «алло».

Тогда ее отец ответил: «Фрэн?» и его голос странно прервался. «Фрэнни?» Со все возрастающим ужасом она поняла, что он борется со слезами.

— Папочка? Что случилось? Что-то с мамой?

— Фрэнни, я сейчас заеду за тобой. Я... просто заеду за тобой и заберу тебя. Вот и все.

— С мамой все в порядке? — закричала она в трубку. Над «Харборсайдом» снова прогрехотал гром. Она начала плакать. — Ответь мне, папочка!

— Ей стало хуже — вот все, что я знаю, — сказал Питер. — Через час после нашего с тобой разговора ей стало хуже. Поднялась температура. Она начала бредить. Я попытался поговорить с Томом... Рэйчел сказал мне, что его нет, что многие люди очень сильно больны... тогда я позвонил в Сэнфордский госпиталь, а они сказали, что обе скорые на вызовах, но они занесут Карлу в список. *Список*, Фрэнни, откуда, черт возьми, вдруг взялся *список*? — Он почти кричал.

— Успокойся, папочка. Успокойся. Успокойся. — Она снова разрыдалась.

— Может, ты ее сам отвезешь?

— Нет... нет, они забрали ее пятнадцать минут назад. Боже мой, Фрэнни, там сзади было *шесть человек*. Одним из них оказался Уилл Ронсон, владелец аптеки. А Карла, твоя мать, повторяла без конца: «Я не могу дышать, Питер, я не могу дышать, почему я не могу дышать?» О Боже мой, — закончил он ломающимся, почти детским голосом, который испугал Фрэнни.

— Ты можешь приехать, папочка? Ты можешь приехать сюда?

— Да, — ответил он. — Конечно.

— Я буду у парадного подъезда.

Она повесила трубку и сбежала вниз. Ешь свой кусок пирога, — сказала она себе. Вкус ужасный, так что давай, ешь. Возьми еще один кусок. И еще. Ешь пирог, Фрэнни, до последней крошки.

Стью Редман был напуган.

Он смотрел в зарешеченное окно своего нового жилища в Стовингтоне, штат Вермонт. Перед ним открылся вид на небольшой городок далеко внизу; миниатюрные указатели бензозаправки, нечто вроде мельницы, главная улица, река, застава и, за пределами заставы, гранитная задница Зеленых гор.

Он был напуган, так как его новое жилище скорее походило на тюремную камеру, а не на больничную палату. Он был напуган, потому что Деннинджер исчез. Он не видел Деннинджера с тех пор, как весь этот сумасшедший цирк переехал из Атланты сюда. Дитц исчез вместе с ним. Стью подумал, что Деннинджер и Дитц больны, а возможно, уже и мертвы.

Кто-то сбежал. А может быть, болезнь, которую принес в Арнетт Чарльз Д.Кэмпбелл, оказалась значительно более заразной, чем кто бы то ни было мог предположить. Так или иначе, центр в Атланте был расформирован, и Стью подумал о том, что те, кто в нем работал, теперь имеют возможность изучить на себе действие той штуки, которую они называли А-Прайм или супергриппом.

Ему все еще делали анализы, но как-то бессистемно. Расписание не соблюдалось. Результаты заносились на бланки, и у Стью было подозрение, что после беглого просмотра их отправляют в ближайшую мусорную корзину.

Но не в этом заключалось самое худшее. Самым худшим было оружие. Вместе с медсестрами, приходившими взять у него анализ крови, слюну или мочу, каждый раз появлялся солдат в белом скафандре с оружием в руках. У Стью не было никакого сомнения, что если он станет вести себя здесь так, как с Дитцем, то оружие непременно будет пущено в ход.

Каждый вечер он внимательно смотрел шестичасовые новости. Люди, совершившие попытку государственного переворота в Индии, были объявлены иностранными шпионами и расстреляны. Полиция все еще разыскивала виновников вчерашнего взрыва электростанции в Ларами, штат Вайоминг. Верховный Суд принял решение шестью голосами против трех, что открытые гомосексуалисты не могут быть уволены с гражданской службы. Сегодня впервые просочилась информация и кое о чем другом.

Официальные представители Комитета по атомной энергетике из Миллер Каунти, штат Арканзас, отрицали возможность утечки топлива из ядерного реактора. На атомной электростанции в небольшом городке Фуке, примерно в тридцати милях от границы Техаса, произошли незначительные неполадки в системе охлаждения, которые не дают никаких поводов для беспокойства. Армейские подразделения размещены в этом районе исключительно в целях предосторожности. Стью удивился, какие меры предосторожности сможет предпринять армия в том случае, если реактор в Фуке действительно даст течь. Он подумал, что, возможно, армия находится в юго-восточном Арканзасе по совсем другой причине. Фуке расположен не так далеко от Арнетта.

Еще в одном сообщении говорилось о том, что эпидемия гриппа на Восточном Побережье находится на самом раннем этапе развития. Штамм русского происхождения, беспокоится не стоит, разве что очень старым и очень молодым. В холле Бруклинского госпиталя брали интервью у какого-то усталого доктора. Он призывал зрителей принимать антибиотики. Вновь показали ведущего в студии, который сказал:

— Поступило несколько сообщений о летальных исходах в Нью-Йорке в результате

недавней эпидемии гриппа, но во многих смертельных случаях сыграли роль такие сопутствующие факторы, как промышленное загрязнение и даже, возможно, вирус СПИДа. Правительственные официальные лица подчеркивают, что это — так называемый «русский» грипп, а не более опасная свинка. Доктора советуют соблюдать постельный режим, отдыхать, пить побольше жидкости и принимать аспирин, чтобы сбить температуру.

Ведущий успокоительно улыбнулся... за пределами кадра кто-то чихнул.

Солнце подошло к горизонту, и небо стало золотым. Хуже всего были ночи. Его перевезли в незнакомую ему часть страны, и по ночам она казалась ему более чужой. У него не осталось друзей — насколько он знал, все те люди, которые вместе с ним летели на самолете из Брейнтри в Атланту, уже умерли. Он был окружен роботами, которые брали у него кровь на анализ под дулом пистолета. Он боялся за свою жизнь, хотя по-прежнему чувствовал себя хорошо и начал верить в то, что уже не заразится Этим.

Он глубоко задумался над тем, нельзя ли убежать отсюда.

Придя двадцать четвертого июня на работу, Крейтон застал Старки уставившимся на мониторы. Руки его были убраны за спину, и Крейтон заметил на правой блеск вест-пойнтового перстня и почувствовал прилив жалости. Старки сидел на таблетках в течение десяти дней, и скоро ножка у стула должна была подломиться. Но, — подумал Крейтон, — если он прав в своих подозрениях насчет телефонного звонка, то это уже произошло.

— Лен, — сказал Старки таким тоном, будто был удивлен его проявлению.

— Хорошо, что ты зашел.

Крейтон слегка улыбнулся.

— Знаешь, кто звонил?

— Так это был действительно он?

— Да, сам президент. Меня уволили, Лен. Конечно, я знал, что это может случиться. Но все равно это неприятно. Чертовски неприятно. Неприятно услышать это из уст ухмыляющегося мешка с дерьмом.

Лен Крейтон кивнул.

— Ну, — сказал Старки, — ничего не поделаешь. Ты теперь исполняешь обязанности. Он хочет, чтобы ты немедленно прибыл в Вашингтон. Он вызовет тебя на ковер и до крови искусает тебе задницу, но ты будешь просто стоять там, поддакивать и принимать все как должное. Мы сделали все, что могли. Этого достаточно. Я убежден, что этого достаточно.

— Эта страна должна встать перед тобой на колени.

— Руль жег мне руки, но я... я держал его, пока мог, Лен. Я держал его. — Он говорил это со спокойной яростью, но глаза его вновь обратились к монитору, и на секунду его рот дернулся.

— Ты очень помог мне.

— Да, кое-что мы все-таки сумели сделать.

— Теперь слушай. Самое важное. Тебе надо связаться с Джеком Кливлендом. Он знает, кто у нас есть за двумя занавесами — железным и бамбуковым. Он знает, как вступить с ними в контакт, и не будет медлить. Он поймет, что надо действовать быстро.

— Не понимаю. Билли.

— Мы должны предполагать худшее. Эта штука вышла из-под контроля. Она появилась в Орегоне, Небраске, Луизиане, Флориде. Поступила предварительная информация из Мексики и Чили. Потеряв Атланту, мы потеряли трех человек, способных разрешить эту проблему. С мистером Стюартом «Принцем» Редманом мы зашли в полный тупик. Тебе известно о том, что ему впрыснули вирус Блу? Он думал, что это успокоительное. Вирус был уничтожен у него в крови, и никто теперь не может ничего понять. Будь у нас шесть недель, возможно, мы смогли бы совершить чудо. Но у нас их нет. Легенда о гриппе прекрасна, но необходимо — абсолютно необходимо, — чтобы противнику никогда не пришло в голову, что у истоков этой ситуации стоит Америка. Иначе у них могут возникнуть подозрения.

— У Кливленда есть от восьми до двадцати мужчин и женщин в СССР и от пяти до десяти в каждой из стран восточного блока. Даже мне известно, сколько их у него в Красном Китае. — Губы Старки снова задрожали. — Когда ты встретишься сегодня с Кливлендом, просто скажи ему, что *Римпал*. Не забудешь?

— Нет, — сказал Лен. Губы его похолодели. — Но уверен ли ты, что они действительно сделают это? Эти мужчины и женщины?

— Они получили ампулы неделю назад. Они считают, что там находятся радиоактивные

вещества, местоположение которых будет фиксироваться с космических спутников. Больше им знать не следует, не так ли, Лен?

— Да, Билли.

— И если положение дел изменится от плохого к худшему, никто никогда не поймет, в чем дело. Мы уверены, что сведения о Проекте Блу не просочились на другую сторону до самого конца. Новый вирус, мутация... наши противники могут подозревать, но времени у них будет не так много.

— Да.

Старки вновь смотрел на мониторы.

— Моя дочь несколько лет назад подарила мне книгу стихотворений человека по имени Ййтс. Она сказала, что каждый военный должен читать Ййтса. Думаю, это была шутка. Ты когда-нибудь слышал о таком, Лен?

— По-моему, да, — сказал Крейтон, рассмотрев и отвергнув мысль о том, чтобы сказать Старки, что правильно произносить надо Йейтс.

— Я прочитал каждую строчку, — сказал Старки, уставившись в вечную тишину кафетерия. — В основном потому, что она была уверена, будто я не прочту. Понял я не слишком много — такое чувство, что чудак был немного того, — но прочитал все. Забавная поэзия. Не всегда есть рифмы. Но было в книжке одно стихотворение, которое крепко засело у меня в голове. Словно этот человек описал все то, чему я посветил свою жизнь. Он сказал, что вещи отпадают. Что центр их уже не держит. Я думаю, что имел в виду, что вещи изнашиваются. Ййтс знал, что со временем вещи станут изнашиваться по краям.

— Да, сэр, — спокойно сказал Крейтон.

— Когда я впервые прочитал конец этих стихов, у меня пошли по коже мурашки. И так повторяется каждый раз, когда я его перечитываю. Этот кусок я помню наизусть. «Что за косматый зверь, чей час наконец пришел, плетется в Вифлеем, чтобы родиться там?»

Крейтон стоял в молчании. Ему нечего было сказать.

— Зверь вышел на дорогу, — сказал Старки, обернувшись.

Он плакал и улыбался одновременно.

— Он идет своим путем, и он гораздо опаснее, чем этот парень Ййтс мог предположить. Вещи отпадают. Мы должны постараться удержаться их так долго, насколько это возможно.

— Да, сэр, — сказал Крейтон и впервые почувствовал, что слезы наворачиваются ему на глаза. — Да, Билли.

Старки протянул руку, и Крейтон сжал ее. Рука была старой и холодной. Слезы переполняли уголки глаз Старки и стекали по его тщательно выбритым щекам.

— У меня к тебе есть одно дело, — сказал Старки.

— Да, сэр.

Старки снял с правой руки свой вест-пойнтовский перстень, а с левой — обручальное кольцо.

— Это для Синди, — сказал он. — Для моей дочери. Передай их ей.

— Передам.

Старки пошел к двери.

— Билли? — сказал Крейтон ему вслед.

Старки обернулся.

Крейтон стоял по стойке смирно, и слезы все еще текли у него по щекам. Он отдал честь.

Старки возвратил приветствие и вышел за дверь.

Сработал сигнал тревоги. Старки представил себе, как Лен Крейтон наблюдает за ним по многочисленным мониторам. Герметичность была нарушена, и компьютеры переключили

лифты в обычный режим.

Спустившись на нижний этаж. Старки, стараясь не смотреть по сторонам, пошел по коридору в направлении кафетерия. Двери кафетерия оказались открытыми. Он медленно подошел к тому месту, где сидел Фрэнк Д.Брюс, уткнувшись лицом в миску супа. Несколько мгновений он неподвижно смотрел на него. Потом он потянул его вверх за волосы. Миска с застывшим супом прилипла к лицу, и ее пришлось отдиравать. Большая часть супа, напоминающего теперь рыхлое желе, осталось на лице у Фрэнка Д.Брюса. Старки достал из кармана платок и постарался привести лицо в порядок. Глаза Фрэнка Д.Брюса были залеплены супом, но их Старки вытереть не решился. Он боялся, что они могут открыться. Меньше всего на свете ему хотелось бы с ними встретиться.

Он прикрыл лицо Фрэнка Д.Брюса платком. Потом он повернулся и вышел из кафетерия четкой, медленной походкой, как на параде.

На полпути к лифту он вынул из кобуры пистолет и вставил дуло себе в рот. Звук выстрела был приглушенным и совсем не драматичным. Никто из лежавших вокруг людей не обратил ни малейшего внимания. Очистители воздуха быстро позаботились о маленьком облачке дыма. В кафетерии платок слетел с лица Фрэнка Д.Брюса и медленно опустился на пол. Фрэнку Д.Брюсу, похоже, было все равно, но Лен Крейтон все чаще и чаще стал смотреть на монитор и размышлять о том, какого черта Билли не вытер суп с бровей бедняги, раз уж взялся за это дело. Скоро, очень скоро, ему предстояло встретиться лицом к лицу с президентом Соединенных Штатов, но суп, застывший на бровях у Фрэнка Д.Брюса, беспокоил его больше. Куда больше.

Чернокожий Рэнделл Флегг шагал на юг шоссе N51, прислушиваясь к ночным звукам, обступившим эту узкую дорогу, которая рано или поздно должна была вывести его из Айдахо в Неваду. Из Невады он может отправиться куда угодно. Это была его страна, и никто не знал и не любил ее больше, чем он. Он знал, что за час до восхода солнца он был где-то между Грасмером и Ридлом, к Западу от Твин Фоле, но все еще к северу от резервации Дак Вэли, расположенной на территории двух штатов.

Если вдали показывались огни приближающейся машины, он сходил с обочины в высокую траву, во владения ночных жуков... и машина проезжала мимо, и водитель, возможно, чувствовал легкий озноб, словно он попал в воздушную яму, а его спящие жена и дети тревожно ворочались во сне, словно всем им одновременно приснился один и тот же кошмар.

Он шел дальше, на юг по N51, и стоптанные каблуки его остроносых ковбойских ботинок цокали по покрытию — высокий человек неопределенного возраста в вылинявших, дырявых джинсах и грубом пиджаке. Его карманы были набиты до отказа разного рода сомнительной литературой. Темы были самыми разнообразными: опасность от ядерных электростанций, роль международной еврейской мафии в свержении дружественных правительств, совместная контрабанда кокаина, осуществляемая ЦРУ и контраст, фермерские профсоюзы. Свидетели Иеговы (Если ты можешь ответить «да» на все эти десять вопросов, то ты СПАСЕН!), чернокожие за равенство армии, устав ку-клукс-клана. Все это было распихано у него по карманам. На груди слева и справа на его пиджаке было две больших пуговицы. На правой было изображено улыбающееся желтое лицо, а на левой — свинья в полицейской шапочке. Пониже была надпись, выполненная красными буквами, по которым стекали капли крови: «Как вам нравится свинина?»

Лицо, а, возможно, и сердце его были исполнены зловещей веселости. Это было лицо, излучающее ужасное притягательное тепло, лицо, при виде которого усталые официантки в дорожных столовых вдребезги разбивали стаканы, лицо, при виде которого маленькие дети врезались на своих трехколесных велосипедах в дощатые заборы, а потом, рыдая, бежали к своим мамам с острыми щепками, торчащими из коленей.

Вскоре он остановится на привал и проспит весь день, проснувшись с наступлением вечера. Пока его ужин будет готовиться на небольшом бездымном примусе, он будет читать — неважно, что. Возможно, слова из какого-нибудь романа, а возможно — «Майн Кампф», комиксы или газетку общества «Сыны Патриотов».

После ужина он вновь отправился в путь, наблюдая, обоняя и слушая, как климат становится более засушливым, уничтожая все, вплоть до полыни и перекасти-поля, глядя на то, как горы начинают вылезать из земли, словно шипы динозавра. Он был тромбом в поисках места, где бы застрять, осколком кости, стремящимся пронзить нежный орган, одинокой обезумевшей клеткой, подыскивающей себе дружка — они будут вместе вести домашнее хозяйство и выстроят для себя небольшую, но уютную злокачественную опухоль.

Он продолжал свой путь, размахивая руками. Его знали, очень хорошо знали на тех потайных дорогах, по которым путешествуют бедняки и безумцы, профессиональные революционеры и те, кто так хорошо научился ненавидеть, что их ненависть также ясно видна на их лице, как заячья губа, и кто отвергаем всеми, кроме таких же, как они, людей, которые приглашают их в дешевые комнаты, увешанные лозунгами и плакатами, в подвалы, в которых храниться взрывчатка, в задние комнаты, где разрабатываются безумные планы:

убить министра, похитить ребенка прибывающего высокопоставленного лица или с гранатами и автоматами ворваться на заседание правления «Стандарт Ойл» и начать убивать во имя народа. Его знали там, но даже самые безумные из них были вынуждены смотреть на его темное, усмехающееся лицо только искося.

В Маунтин Сити его будет ждать человек по имени Кристофер Брейдентон, который позаботится о том, чтобы добыть ему «чистую» машину и «чистые» документы. Кристофер Брейдентон был одним из кондукторов в той подземной транспортной системе, которой пользуются беглецы. Он знал Рэнделла Флегга под именем Ричарда Фрая. Полдюжины разных организаций заботились о том, чтобы у Брейдентона не переводились деньги. Он был поэтом, который иногда преподавал в Свободном Университете или путешествовал в западные штаты — Уту, Неваду, Аризону, удивляя школьников и школьниц (он надеялся) новостью о том, что поэзия до сих пор существует, хоть и вдохновенная наркотиками — в этом нет сомнения, но все же не лишенная своеобразной отвратительной живучести.

Темный человек шел и улыбался. Брейдентон был лишь одним звеном цепи, а ведь их были тысячи трубочек, по которым двигались сумасшедшие со своими книжками и бомбами. Трубочки соединялись между собой, дорожные указатели были закамуфлированы, но понятны для посвященного.

В Нью-Йорке его знали как Роберта Фрэнка. Его утверждение, что он — чернокожий, никогда не подвергалось сомнению несмотря на то, что кожа его была довольно светлой. В компании с чернокожим ветераном Вьетнама — у него была более чем достаточная причина для ненависти после того, как он потерял левую ногу — они прикончили шесть полицейских в Нью-Йорке и Нью-Джерси.

В Джорджии он был Рэмзеем Форестом, отдаленным потомком Натана Бедфорда Фореста. В своем белом воплощении он участвовал в двух изнасилованиях, кастрации и поджоге жалкого негритянского городишки. Но это было очень давно, в начале шестидесятых, во время первой вспышки борьбы за гражданские права. Иногда ему казалось, что он был рожден во время этого раздора.

Из предшествующего периода своей жизни он почти ничего не мог вспомнить кроме того, что родиной его была Небраска и что когда-то он ходил в среднюю школу в компании с рыжеволосым и кривоногим мальчишкой по имени Чарльз Старкуевер. Он припоминал марши гражданских прав в 1960 году. Лучше он помнил 1961 — драки, ночные рейды, церкви, которые взрывались так, словно внутри них произошло настолько большое чудо, что они не могли его в себя вместить. Он вспомнил, как перебрался в Новый Орлеан и встретил там умственно отсталого молодого человека, продающего брошюры, в которых содержался призыв к Америке оставить Кубу в покое. Он взял у него несколько брошюр, и штуки две из них до сих пор лежали в одном из многочисленных его карманов. Он заседал в сотне разных Отечественных Комитетов. Он участвовал в демонстрациях в сотне разных университетских кампусов против одних и тех же двенадцати компаний. Когда сильные мира сего приходили на публичные выступления, он писал им записки с наиболее обескураживающими вопросами, но никогда не задавал их вслух, так как увидев его усмехающееся, горящее лицо, человек мог ощутить опасность и скрыться с эстрады. По той же причине он никогда не выступал на митингах, так как микрофоны взвыли бы, а электрические цепи вышли бы из строя. Но он писал речи для тех, кто выступал, и в нескольких случаях результатом этих речей стали восстания, перевернутые машины, студенческие забастовки и яростные демонстрации.

В начале семидесятых он познакомился с человеком по имени Дональд Дефриз и предложил ему заняться семьей Синков. Он помог составить план, в результате реализации которого была похищена наследница, и именно он предложил не просто выдать ее за выкуп,

но и свести ее с ума. Через двадцать минут после того, как он ушел из маленького лос-анджелесского домика, где Дефриз оставался со своими друзьями, туда нагрянула полиция. Они смогли лишь выяснить, что был кто-то еще, связанный с бандой, — может быть, важная фигура, может быть, шестерка, человек без возраста по прозвищу Ходячий Хлыщ или Бука.

Он широко шагал, пожирая километры. Два дня назад он был в Ларами, штат Вайоминг, где участвовал во взрыве электростанции. Сегодня он был на N51, между Грасмером и Ридлом, по пути в Маунтин Сити. Завтра он будет где-нибудь еще. И он почувствовал себя счастливее, чем когда бы то ни было, потому что...

Он остановился.

ПОТОМУ ЧТО ЧТО-ТО НАДВИГАЛОСЬ. Он чувствовал это, он почти ощущал аромат в ночном воздухе. Горячий запах копоти. Словно Бог задумал приготовить шашлык, а в роли мяса должна была выступить вся цивилизация. Угли уже готовы. Колоссальная вещь, великая вещь.

Близилось время его перевоплощения. Он собирался родиться вторично, собирался выдавиться из напряженного влагища какого-то огромного, песочного цвета зверя, который уже сейчас корчился в родовых схватках, медленно двигая ногами, истекая родильной кровью и уставившись ослепительно пылающими глазами в пустоту.

Он был рожден, когда времена изменились, а теперь времена собирались измениться снова. Это чувствовалось в ветре, в ветре этого мягкого вечера в штате Айдахо.

Почти уже наступило время родиться вторично. Он знал это. А иначе почему бы он внезапно получил способность творить чудеса?

Он закрыл глаза, слегка подняв лицо навстречу темному небу, которое уже готово было принять восходящее солнце. Он сосредоточился. Улыбнулся. Пыльные, стоптанные каблуки его ботинок начали подниматься над дорогой. Дюйм. Два. Три. Улыбка превратилась в оскаленную ухмылку. Он поднялся уже на фут. В двух футах над дорогой он неподвижно повис, и ветер под ним нес облачка пыли.

Потом он почувствовал, что первые дюймы зари занялись на горизонте, и вновь снизился. Время еще не наступило.

Но скоро оно наступит.

Он снова пошел по дороге, усмехаясь и высматривая место, где он мог бы поспать в течение дня. Скоро оно наступит. Он знал это и был счастлив.

Ллойда Хенрида, которого газеты Феникса окрестили «нераскаившимся убийцей с лицом грудного младенца», вели по городской тюрьме двое охранников. У одного из них текло из носа, и оба выглядели кисло. Другие обитатели крыла усиленного режима приветствовали его. Он был местной знаменитостью.

— Хеээээй, Хенрид!

— Давай, парень!

— Держись, Хенрид!

— Молодец, браток!

— Ублюдки с дырявым ртом, — пробормотал охранник с насморком, а затем чихнул.

Ллойд счастливо усмехнулся. Он был поражен своей новой славой. Здесь было намного лучше, чем в его первой тюрьме. Даже еда была вкуснее. Когда ты крупная птица, к тебе поневоле появляется уважение. Он подумал о том, что Том Круз чувствует себя, наверное, примерно так же во время мировой премьеры.

На выходе из крыла особого режима его провели через металлический детектор.

— Все в порядке, — сказал охранник с насморком, и другой охранник, сидевший в будке из пуленепробиваемого стекла, махнул им рукой. Они прошли в другой коридор. Здесь было очень тихо. Единственными звуками были щелканье каблуков охранников (Ллойд был обут в мягкие тапочки) и астматическое придыхание, раздававшееся сперва от Ллойда. В конце коридора еще один охранник поджидал их у закрытой двери. В двери было крохотное зарешеченное окошечко.

— Почему в тюрьмах всегда такая гнусная вонь? — спросил Ллойд просто для того, чтобы поддержать разговор. — Даже в тех местах, где нет камер. Может, вы, ребята, ссыте здесь по углам?

— Заткнись, убийца, — сказал охранник с насморком.

— Ты плоховато выглядишь, — сказал Ллойд. — Тебе надо бы домой, в постель.

— Заткнись, — сказал другой.

Ллойд заткнулся.

— Привет, мешок с дерьмом, — сказал охранник у двери.

— Как поживаешь, чертов хер? — нашелся Ллойд. Ничто не освежает так, как небольшая перебранка. Два дня в тюрьме — и он уже начал ощущать, что впадает в прежнее состояние ступора.

— За это ты лишишься зуба, — сказал охранник у двери. — Ровно одного, можешь сосчитать.

— Эй, послушай, ты не можешь...

— Могу. Там во дворе есть парни, которые убьют своих дорогих мамочек за две пачки «Честерфильда», мешок с дерьмом. Хочешь недосчитаться двух зубов, парень?

Ллойд ничего не ответил.

— Ну, тогда все в порядке, — сказал охранник. — Ровно один зуб. Ведите его, парни.

Слегка улыбаясь, охранник с насморком открыл дверь, а другой ввел Ллойда внутрь, туда, где за металлическим столом сидел, просматривая бумаги, назначенный судом адвокат Ллойда.

— Вот ваш человек, шеф.

Адвокат поднял голову. Он еще и бриться-то не начал, — подумал Ллойд,

— но что ж поделывать? У нищих нет выбора.

— Спасибо вам...

— Этот тип, — сказал Ллойд, указывая на дверного охранника. — Он обозвал меня мешком с дерьмом. А когда я что-то ему ответил, он сказал, что поручит какому-то парню выбить один из моих зубов! Как насчет жестокого обращения с заключенными?

— Это правда? — спросил адвокат у охранника.

Дверной охранник закатил глаза, словно желая сказать «Боже мой, как вы могли в это поверить?»

— Эти ребята, шеф. Им надо писать сценарии для телека. Я сказал «привет», он сказал «привет», вот и все.

— Это дьявольская ложь! — с выражением воскликнул Ллойд.

— У меня на этот счет свое мнение, — сказал охранник и холодно посмотрел на Ллойда.

— Я в этом уверен, — сказал адвокат. — Но я уверен также и в том, что перед тем, как уйти, я пересчитаю зубы мистера Хенрида.

«А парень-то не слаб, — подумал Ллойд. Может, он и сумеет добиться для него десятки — вооруженное ограбление. В конце концов, он кончил только одного человека — жену владельца „Конни“, и вполне возможно, что ему удастся спихнуть это на Поука. Поук не будет возражать».

Оторвавшись от своих мыслей, Ллойд обнаружил, что охранники удалились, оставив его наедине с адвокатом — его зовут Энди Девинз, вспомнил Ллойд, — который как-то странно смотрел на него. Так смотрят на гремучую змею, которой перебили хребет, но чей яд, возможно, продолжает действовать.

— Ты в полном дерьме, Сильвестр! — неожиданно воскликнул Девинз.

Ллойд подскочил.

— Что? Что вы хотите этим сказать? Кстати, вы классно отшили этого толстяка. У него был такой вид, словно он готов сгрызть все свои ногти.

— Слушай меня, Сильвестр, и слушай очень внимательно.

— Меня зовут не...

— Ты даже не можешь себе представить, в какое дерьмо ты влип, Сильвестр, — сказал Девинз, не отрывая от Ллойда пристального взгляда. Голос его был мягким и энергичным. — Тебе вынесут приговор всего за девять дней, Сильвестр, в соответствии с решением Верховного Суда, принятым четыре года назад.

— Каким таким решением? — спросил Ллойд, чувствуя себя не в своей тарелке.

Это было «Дело Маркхема против Южной Каролины». И на нем были определены условия, когда отдельный штат может самостоятельно совершить правосудие в случае, если выдвинуто требование смертной казни.

— СМЕРТНАЯ КАЗНЬ! — завопил Ллойд в ужасе. — Электрический стул? Эй, парень, я клянусь, я никогда никого не убивал!

— С точки зрения закона это не имеет значения, — сказал Девинз. — Раз ты был там, стало быть, ты принимал в этом участие.

— Как так, не имеет значения? — Ллойд почти кричал. — Это должно иметь значение! Не я прикончил все этих людей. Это Поук их убил! Он был чокнутый! Он был...

— Не могли бы вы заткнуться, Сильвестр? — спросил Девинз своим мягким, энергичным голосом, и Ллойд замолчал. Внезапно он представил себе, как птичка Твити преследует кота Сильвестра. Но в его воображении она не долбила это тупое создание колотушкой по голове и не подставляла ему под лапу мышеловку. Ллойд увидел, как стянутый ремнями Сильвестр сидит на электрическом стуле, а длиннохвостый попугай уселся на жердочке рядом с большим рубильником. Он даже смог различить шапочку охранника на маленькой желтой

головке Твити.

Зрелище показалось ему не особенно забавным.

— Не существует отдельной статьи о соучастии, когда речь идет о тяжких уголовных преступлениях, — сказал Девинз. — У штата есть три свидетеля, которые подтвердят, что вы с Эндрю Фрименом были вместе. Этого вполне достаточно, чтобы твоя жесткая задница хорошенько прожарилась. Понимаешь?

— Я...

— Ладно. Теперь вернемся к делу «Маркхем против Южной Каролины». В двух словах я объясню, как этот вердикт может быть применен к твоему делу. Но сначала я напому тебе о факте, который ты без сомнения должен был усвоить в девятом классе: Конституция Соединенных Штатов запрещает жестокие и необычные способы наказания.

— Вроде этого чертового электрического стула, — воскликнул Ллойд в приступе справедливого негодования.

Девинз покачал головой.

— В этом месте закон не дает определенного толкования, — сказал он, — и вплоть до того дела четырехлетней давности суды так и сяк переворачивали эту статью, пытаясь определить, являются ли электрический стул и газовая камера «жестокими или необычными способами наказания». И не относится ли эта формулировка к тому периоду *ожидания*, который выпадает на долю заключенного между приговором и приведением его в исполнение. Но так или иначе — в деле «Маркхем против Южной Каролины» человека приговорили к электрическому стулу за изнасилование и убийство трех студенток. Обдуманность преступления была доказана с помощью дневника Йона Маркхема. Суд присяжных приговорил его к смерти.

— Хреновое дело, — прошептал Ллойд.

Девинз кивнул и одарил Ллойда кислой улыбкой.

— Дело было передано в Верховный Суд, который подтвердил, что в ряде случаев смертная казнь не является жестоким или необычным способом наказания. Суд высказал мнение, что чем быстрее приговор приводится в исполнение, тем лучше... с точки зрения закона. Начинаешь усекать, Сильвестр? Понял, в чем дело?

Ллойд не понял.

— Знаешь, почему тебя судят в Аризоне, а не в Нью-Мексико или в Неваде?

Ллойд покачал головой.

— Потому что Аризона является одним из четырех штатов, где заседает выездная сессия суда по особо тяжким преступлениям. Сессию созывают только в тех случаях, когда выдвинуто и удовлетворено требование смертной казни.

— Ничего не понимаю.

— Через четыре дня начнется суд, — сказал Девинз. — Я буду тянуть, сколько могу, но уже в первый день будут созваны присяжные. На второй день штат доложит дело. Я постараюсь затянуть разбирательство на три дня и буду разводить треп во вступительном и заключительном слове до тех пор, пока меня не прервет судья. Но три дня — это максимум, чего мы можем достигнуть, если повезет. Присяжные удалятся и — если не произойдет чуда

— признают тебя виновным через три минуты. Через девять дней, начиная с сегодняшнего, тебе вынесут смертный приговор, а неделей позже ты будешь мертв, как кусок собачьего дерьма. Аризонцам это понравится. Понравится это и Верховному Суду. Потому что чем быстрее, тем лучше для всех.

— Боже мой, но ведь это несправедливо! — закричал Ллойд.

— Тяжело жить в этом мире, Ллойд, — сказал Девинз. — Особенно для «бешеной

собаки» — так тебя называют журналисты и телекомментаторы. Ну и натворил ты дел. Из-за тебя даже сообщения об эпидемии передвинулись на вторую полосу.

— Я никого не убивал, — хмуро сказал Ллойд. — Поук во всем виноват.

— Это никого не волнует, — сказал Девинз. — Вот что я тебе пытаюсь вбить в твою тупую башку, Сильвестр. Я, конечно, подам протест, но, по новым правилам, он должен быть подан не позднее, чем через неделю. Если выездная сессия отклонит протест, то у меня будет еще одна неделя на то, чтобы направить ходатайство в Верховный Суд. Но выездная сессия скорее всего примет протест к рассмотрению — это новая структура, и они хотят, чтобы в их адрес раздавалось как можно меньше критики. Они примут к рассмотрению даже протест Джека Потрошителя.

— Сколько им понадобится времени? — пробормотал Ллойд.

— Они будут действовать быстро, — ответил Девинз, и его улыбка приобрела слегка кровожадный оттенок. — Видишь ли, в состав выездной сессии входят пять отставных аризонских судей. Им только и остается, что ловить рыбу, играть в покер, пить бурбон и дожидаться, пока какой-нибудь кусок дерьма, вроде тебя, не приплывет в их зал заседаний. Их средний возраст составляет семьдесят два года...

Ллойд вздрогнул.

— ...и все они верят в Кодекс Запада — быстрый суд и веревку на шею. Так здесь рассматривались дела примерно до 1950 года. Когда дело доходило до виновных в нескольких убийствах, исход мог быть только *один*.

— Господь Всемогущий, зачем вы мне все это рассказываете?

— Ты должен знать, в какую ситуацию мы попали, — сказал Девинз. — Им надо только убедиться в том, что к тебе не будет применено жестокое необычное наказание, Ллойд. Тебе надо бы сказать им спасибо.

— Им — *спасибо*? Да я бы скорее...

— Кончил их? — спокойно спросил Девинз.

— Нет, конечно, — сказал Ллойд не очень уверенно.

— Наше ходатайство о пересмотре дела будет отклонено, и все мои отводы будут моментально сняты. Если повезет, суд пригласит свидетелей. Если мне дадут такую возможность, я постараюсь, чтобы они повторили все свои показания на первом суде, и спрошу их обо всем, что смогу придумать. После этого пора будет вызывать твоих школьных дружков, чтобы они рассказали нам о твоём характере. После того, как выездная сессия отвергнет ходатайство, я обращусь в Верховный Суд. Полагаю, что они отклонят мое обращение в тот же день.

Девинз сделал паузу и закурил.

— А потом что? — спросил Ллойд.

— Потом? — спросил Девинз, выглядя слегка удивленным и раздраженным безысходной тупостью Ллойда. — Потом ты отправишься в камеру смертников в тюрьме штата и будешь наслаждаться прекрасной едой до тех пор, пока не настанет время прокатиться на молнии. Все произойдет очень быстро.

— Они не могут так поступить, — сказал Ллойд. — Вы просто хотите запугать меня.

— Ллойд, четыре штата, в которых существуют выездные сессии судов по особо тяжким преступлениям, поступали так всегда. К настоящему моменту сорок мужчин и женщин были казнены в соответствии с вердиктом, вынесенным по делу Маркхема. Лишний суд обходится налогоплательщиками в некоторую сумму, но она не слишком велика, так как выездная сессия рассматривает лишь крохотный процент от общего числа убийств. Кроме того, налогоплательщики ничего не имеют против того, чтобы раскошелиться на смертную

казнь. Она им *нравится*.

Не прошло и четверти часа, с тех пор как Ллойд купался в лучах славы, проходя по крылу строгого режима. Теперь, вслед за пустяковыми двумя или тремя неделями, перед ним неумолимо раскрывалась черная дыра.

— Испугался, Сильвестр? — спросил его Девинз почти дружелюбно.

Ллойд пришлось облизать губы, прежде чем он смог ответить.

— Испугаешься тут. По-вашему выходит, что я уже вроде как мертвец.

— Я не хочу, чтобы ты умер, — сказал Девинз. — Но мне надо было тебя напугать. Если ты войдешь в зал суда с глупой и самодовольной ухмылкой на роже, тебя немедленно прикрутят ремнями и врубят ток. Будешь сорок первым. Но если будешь слушать меня, то, может быть, мы прорвемся. Я ничего не гарантирую, но слабая надежда есть.

— Ну?

— Нам надо рассчитывать на присяжных, — сказал Девинз. — Двенадцать болванов с улицы. Я был бы рад, если бы присяжными оказались сорокадвухлетние престарелые леди, которые до сих пор помнят «Винни Пуха» наизусть и в детстве устраивали похороны птичкам на заднем дворе. Когда набирают состав присяжных, их очень хорошо информируют о вердикте по делу Маркхема. Они не выносят смертный приговор, который может быть приведен в исполнение через шесть месяцев или через шесть лет после его вынесения, когда они уже давно про него забудут. Парень, которого они приговорят к смерти, отправится на небеса через одну-две недели. В некоторых случаях само знание об этом заставляло присяжных вынести вердикт о невиновности. В некоторых случаях они оправдывали явных убийц только потому, что не хотели, чтобы кровь у них на руках была *такой* свежей. Хотя сорок человек и казнили в соответствии с вердиктом по делу Маркхема, но требование смертной казни по таким делам выдвигалось целых семьдесят раз. Из тридцати избежавших смерти двадцать шесть были признаны невиновными судом присяжных, и лишь четыре раза приговор был отменен выездной сессией суда по особо тяжким преступлениям — один раз в Южной Каролине, два раза во Флориде и один раз в Алабаме.

— А в Аризоне?

— Ни разу. Я же тебе говорил. Кодекс Запада. Эти пятеро старичков хотят посадить тебя на сковородку. Если мы не отстоим тебя перед присяжными, тебе крышка. Могу дать девяносто против одного.

— Сколько человек было признано невиновными постоянным составом присяжных в Аризоне?

— Двое из четырнадцати.

— Шансы не из лучших.

Девинз обнажил зубы в своей кровожадной улыбке.

— Следует отметить, — сказал он. — Что один из этих двух находился под защитой вашего покорного слуги. Он был виновен, как смертный грех, Ллойд. Совсем как ты.

— Если меня признают невиновным, они ведь не могут привлечь меня снова, а?

— Ни в коем случае.

— Так что либо все, либо ничего.

— Да.

— Черт, — сказал Ллойд, вытирая лоб.

— Раз ты понял ситуацию, — сказал Девинз, — и понял, на чем будет основано наше сопротивление, то перейдем к делу. Ты сказал мне и полиции, что ты... эээ... — Он достал из портфеля бумаги, посмотрел их и выудил нужный лист. — Ага, вот оно: «Я никого не убивал. Всех убил Поук. Это была его идея, а не моя. Поук был чокнутый, и по-моему, это большая

удача, что он подох».

— Да, так оно и есть. Ну и что? — сказал Ллойд опасливо.

— А то, — сказал Девинз, — что ты боялся Поука Фримена. Ты боялся его?

— Ну, не совсем так...

— Ты боялся, что он тебя убьет.

— Да, но...

— Боялся до ужаса. Поверь в это, Сильвестр.

Ллойд нахмурился. Он выглядел как старательный студент, который никак не может ухватить смысл услышанного.

— Не позволяй мне вести тебя, Ллойд, — сказал Девинз. — Я не хочу этого. Тебе может показаться, что я хочу представить дело так, будто Поук все время был под действием наркотиков...

— Но он действительно был под кайфом! Мы оба были!

— Нет. Ты не был, а он был. А когда он нахмурился, он совсем сдвинулся...

— Парень, да ты, пожалуй, прав. — В памяти Ллойда возник призрак Поука Фримена, который весело завопил «Ннннооо!» и выстрелил в женщину, стоящую у прилавка.

— И он несколько раз угрожал тебе оружием, когда...

— Нет, он никогда...

— Угрожал. Он сказал, что убьет тебя, если ты не будешь ему помогать.

— Ну, у меня был автомат...

— Я уверен, — сказал Девинз, пристально глядя на Ллойда, — что если ты хорошенько пороешься в памяти, то вспомнишь, как Поук сказал тебе, что автомат заряжен холостыми. Вспоминаешь?

— Ну, когда вы мне об этом напомнили...

— И именно ты был удивлен больше всех на свете, когда из него стали вылетать настоящие пули, верно?

— Точно, — сказал Ллойд и энергично кивнул. — Меня чуть удар не хватил.

— И ты уже собирался направить автомат на Поука Фримена, когда его пристрелили, избавив тебя от этой необходимости.

Ллойд посмотрел на адвоката с зарождающейся надеждой во взгляде.

— Мистер Девинз, — сказал он чрезвычайно искренне, — именно так и было дело.

Ник Андрос отдернул одну из занавесок и выглянул на улицу. Отсюда, со второго этажа дома, который раньше принадлежал Джону Бейкеру, просматривался почти весь город. На главной улице никого не было видно. Жалюзи на окнах всех основных учреждений были опущены. Посреди дороги сидела собака. Бока ее раздувались, а изо рта выходила белая пена. В восточной канаве лежал труп еще одной собаки.

Он задернул занавеску и подошел к проснувшейся женщине. Джейн Бейкер была вся обложена одеялами, так как пару часов назад у нее начался приступ озноба. Теперь с ее лица струился пот, и Ник с удивлением заметил, что в некоторых местах ее тонкая ночная рубашка пропотела насквозь и стала прозрачной. Но она его не видела, и он подумал, что в данной ситуации ее частичная нагота едва ли имеет значение. Она умирала.

— Джонни, принеси таз. По-моему, меня сейчас вырвет! — закричала она.

Он вынул таз из-под кровати и поставил перед ней, но она дернулась, и он упал на пол с глухим грохотом, который Ник не услышал. Он подобрал таз и держал его в руках, наблюдая за ней.

— Джонни! — вскрикнула она. — Не могу найти коробку с иголками и нитками! Ее нет в шкафу!

Никогда еще ему не приходилось так горько сожалеть о своей немоте, так как в последние два дня. Брейсмен, методистский священник, был с ней двадцать третьего числа, когда пришел Ник. Он читал ей библию в гостиной, но было видно, что он нервничает и ему не терпится уйти. Легко было понять, почему. Жар придавал ее внешности какое-то розовое, девичье свечение, которое никак не вязалось с ее горем. Возможно, священник боялся, что она заразит его. Но скорее всего, он просто стремился поскорее забрать семью и уйти через поля. Новости быстро передаются по маленькому городку, и многие уже решили уйти из Шойо.

После того, как около двух суток назад Брейсмен ушел, все превратилось в какой-то кошмар наяву. Миссис Бейкер стало хуже, настолько хуже, что Ник боялся, как бы она не умерла до захода солнца.

К тому же, он не мог быть с ней постоянно. Он принес заключенным ленч, но Винс Хоган был не в состоянии есть. Он бредил. Майк Чайлдрес и Билли Уорнер хотели, чтобы он их выпустил, но Ник не мог заставить себя сделать это. И дело было не в страхе — вряд ли они стали бы терять время, мстя ему за свои обиды. Они поспешили бы сбежать из Шойо вместе с остальными. Но у него было чувство ответственности. Он дал обещание человеку, который уже умер. Наверняка рано или поздно патрульная служба штата возьмет дело в свои руки и заберет их отсюда.

В нижнем ящике письменного стола Бейкера он нашел кобуру с револьвером сорок пятого калибра и после некоторого колебания надел ее себе на пояс.

После полудня двадцать третьего числа он открыл камеру Винса и положил ему на лоб, грудь и шею по пакету со льдом. Винс открыл глаза и посмотрел на Ника с такой молчаливой и отчаянной просьбой о помощи, что Нику внезапно захотелось что-то сказать ему — что-то, что могло бы принести ему хотя бы секундное облегчение. Пока он заботился о Винсе, Билли и Майк не переставали кричать. Когда он поднимал голову, он мог прочесть у них на губах различные фразы, сводившиеся к одной единственной просьбе: «Пожалуйста, выпусти нас». Ник старался держаться подальше от них. Он уже знал о том, что паника делает людей опасными.

В этот день он мотался взад и вперед по почти пустым улицам, каждый раз ожидая найти труп Винса Хогана или Джейн Бейкер. Он искал взглядом машину доктора Сомса, но так ни разу и не увидел ее. В тот день несколько магазинов по-прежнему оставались открытыми, но Ник все более убеждался в том, что город постепенно пустеет. Люди покидали город, уходя по лесным тропинкам и просекам, а, возможно, даже пересекая вброд реку Шойо.

Сразу же после захода солнца он оказался в доме Бейкеров и увидел, что Джейн, неуклюже передвигаясь по кухне в своем халате для ванной, заваривает чай. Когда Ник вошел, она посмотрела на него с благодарностью, и он заметил, что жар у нее спал.

— Я хочу поблагодарить тебя за то, что ты ухаживал за мной, — сказала она спокойно. — Я чувствую себя гораздо лучше. Не хочешь ли чашку чая? — В этот момент она расплакалась.

Он подошел к ней, опасаясь, что она может потерять сознание и упасть на раскаленную плиту.

Она взяла его за руку, чтобы устоять на ногах, и положила голову ему на грудь.

— Джонни, — сказала она в сгустившихся сумерках. — Бедный мой Джонни.

Если б он только мог говорить, — подумал Ник мрачно. Но он мог только покрепче обнять ее и подвести к стулу.

— Чай...

Он указал на себя и усадил ее на стул.

— Ладно, — сказала она. — Мне действительно лучше. Просто удивительно. Это просто... просто... — Она закрыла лицо руками.

Он налил горячего чая и поставил чашки на стол. Некоторое время они пили чай в молчание. Она держала чашку двумя руками, словно маленький ребенок. Наконец она поставила чашку на стол и спросила:

— Сколько людей в городе больны, Ник?

«Точно не знаю, — написал Ник. — Но дела чертовски плохи».

— Ты видел доктора?

«Последний раз — утром».

— Эм может заразиться, если не будет осторожен, — сказала она. — Но ведь он будет осторожен, правда, Ник?

Ник кивнул и попытался улыбнуться.

— А что с арестованными? Патруль их забрал?

«Нет, — написал Ник. — Хоган очень болен. Я делаю, что могу. Другие хотят, чтобы я их отпустил, пока Хоган не заразит их».

— Но ты же не станешь их выпускать?

«Нет, — написал Ник, а мгновение спустя добавил: — Вам надо снова лечь в постель. Вам нужен отдых».

Она улыбнулась ему. Ник заметил у нее на шее темные припухлости и усомнился в том, что кризис для нее уже миновал.

— Да. Я, наверное, просплю двенадцать часов подряд. Странно как-то: я сплю, а Джон мертв... Знаешь, в это очень трудно поверить. — Он сжал ее руку. Она болезненно улыбнулась. — Со временем, может быть, появится кто-то другой, ради кого стоит жить. Ты отнес арестованным ужин, Ник?

Ник покачал головой.

— Обязательно надо это сделать. Почему бы тебе не взять машину Джона?

«Я не умею водить, — написал Ник. — Спасибо. Я пройду до стоянки грузовиков. Это недалеко. Зайду к вам утром».

— Да, — сказала она. — Прекрасно.

Он поднялся и сурово указал на чашку с чаем.

— До капли, — пообещала она.

От нее он отправился прямо на стоянку грузовиков. На окне висела табличка ЗАКРЫТО. Никто не откликнулся на стук. Он подумал, что в таких обстоятельствах у него есть право войти в помещение силой — в копилке шерифа хватит денег, чтобы оплатить ущерб.

Он разбил дверное стекло над замком и отпер входную дверь. Помещение казалось призрачным даже со включенным светом: музыкальный автомат был темен и мертв, никого не было перед столом с видеоиграми, гриль был закрыт.

Ник зажарил несколько гамбургеров на газовой плите и положил их в мешок. К этому он добавил бутылку молока и половину яблочного пирога. Потом он пошел обратно в тюрьму, оставив на прилавке записку о том, кто вторгся в помещение и с какой целью это было сделано.

Винс Хоган был мертв. Он лежал на полу своей камеры в окружении тающего льда и сырых полотенец. Перед смертью он расцарапал себе шею, словно сопротивляясь какому-то невидимому душителю. Кончики пальцев его были окровавлены. Над ним кружились мухи.

— Ну, а теперь ты нас выпустишь? — спросил Майк Чайлдрес. — Он умер. Ну что, чушка херова, ты доволен? Наслаждался мстью? Теперь и он заболел. — Он указал на Билли Уорнера.

Билли был в ужасе. На шее и на щеках у него выступили чахоточные красные пятна. Рукав его рубашки, которым он постоянно утирал нос, был весь в соплях.

— Это неправда! — истерично закричал он. — Неправда, неправда, гнусная ложь! Это не... — Неожиданно начал чихать, согнувшись пополам и исторгая из себя слюну и слизь.

— Видишь? — спросил Майк. — Ну что? Доволен, херова полоумная чушка? Выпусти меня! Можешь оставить его, если тебе так хочется, но выпусти меня. Это же убийство, настоящее хладнокровное убийство — вот что это такое!

Ник подождал, пока он не устанет, а потом пропихнул еду в щели под дверями камер с помощью щетки. Билли Уорнер кинул на него тупой взгляд и начал есть.

Майк разбил свой стакан молока о решетку. Два своих гамбургера он расплющил о покрытую надписями с рисунками заднюю стену камеры. Один из них прилип к стене в окружении брызг горчицы, кетчупа и приправы, гротескно напоминая картину Джексона Поллока. Он растоптал свой кусок яблочного пирога. Во все стороны полетели кусочки яблока. Пластиковая тарелочка треснула.

— У меня голодовка! — завопил он. — Я отказываюсь от еды! Скорее ты съешь мой член, чем я съем что-нибудь из твоих подачек, понял, глухонемая жопа? Ты у меня...

Ник отвернулся, и немедленно воцарилась тишина. Он вернулся в кабинет, чувствуя себя испуганным и не зная, что делать. Если бы он умел водить, он бы их сам отвез в Кэмден. Но водить он не умеет. А надо ведь еще подумать и о Винсе. Нельзя же оставить его лежать на полу на поживу мухам.

В кабинете было еще две двери. За одной оказался встроенный шкаф для одежды, а за другой — ведущая вниз лестница. Внизу оказалась что-то среднее между подвалом и складом. Там было прохладно. Этого достаточно — по крайней мере, на какое-то время.

Он попытался поднять тело. Исходивший от трупа тошнотворный запах чуть не вывернул его желудок наизнанку. Винс оказался для него слишком тяжел. Тогда он взял его под руки и вытащил из камеры. Голова Винса запрокинулась и словно бы просила Ника о том, чтобы он был поосторожнее.

На то, чтобы оттащить тяжелое тело Винса в подвал, потребовалось десять минут. Ник

уложил его на бетонный пол и накрыл взятым из камеры армейским одеялом.

Потом он попытался уснуть, но удалось ему это лишь под утро, когда двадцать третье июня уже сменилось двадцать четвертым. Сны его были очень явственными и иногда пугали его. Все чаще и чаще последнее время содержание их оказывалось зловещим и имевшим какой-то тайный, скрытый смысл. Во сне у него возникало ощущение, что нормальный мир потихоньку превращается в то место, где грудных детей приносят в жертву за закрытыми ставнями, и огромные черные механизмы с грохотом работают в запертых подвальных помещениях.

И, разумеется, был еще и личный страх — страх того, что однажды и сам он проснется больным.

Спал он мало. Последний приснившийся ему сон он уже видел недавно: поле кукурузы, теплый запах растений, ощущение того, что что-то — или кто-то — очень доброе и надежное уже близко. Ощущение *дома*. И это ощущение уступает место ледяному ужасу, когда он понимает, что кто-то следит за ним из кукурузных зарослей. Он проснулся в поту. Он поставил кофе и пошел проверить двух своих подопечных.

Майк Чайлдрес был в слезах. За спиной у него гамбургер по-прежнему висел, прилипнув к стене.

— Теперь-то ты доволен? Я тоже заразился. Разве ты не этого хотел? Разве это не месть? Послушай, я дышу, как паровоз на подъеме!

Но Ника в первую очередь интересовал Билли Уорнер, в бессознательном состоянии лежавший на своей койке. Шея его распухла и почернела. Грудь его судорожно вздымалась.

Ник выбежал из тюрьмы и заспешил к дому Бейкеров. Он нажал кнопку звонка. Через краткий промежуток времени, который, казалось ему, длился целый час, Джейн открыла дверь. Лицо ее вновь было покрыто лихорадочным потом. Она не бредила, но говорила медленно и нечетко. Губы ее распухли.

— Ник. Входи. Что случилось?

«В.Хоган умер прошлым вечером. Кажется, Уорнер умирает. Он очень сильно болен. Видели ли вы доктора Сомса?»

Она покачала головой, чихнула и пошатнулась. Ник обнял ее за плечи и подвел к стулу. Он написал: «Не могли бы вы позвонить ему от моего имени?»

— Да, конечно. Принеси мне телефон, Ник. Кажется... ночью у меня начался повторный приступ.

Он принес телефон, и она набрала номер Сомса. После того, как она более полминуты неподвижно держала трубку, он понял, что ответа не будет.

Она попыталась позвонить ему домой, потом-домой его медсестре. Ответа не было.

— Попробую позвонить в патрульную службу штата, — сказала она, но ей пришлось положить трубку уже после первой цифры. — Похоже, за пределы города до сих пор нельзя дозвониться. После единицы сразу же начинаются гудки. — Она слабо улыбнулась ему, и слезы беспомощно потекли у нее по щекам. — Бедный Ник, — сказала она. — Бедная я. Бедные все. Помоги мне подняться наверх, пожалуйста. Я очень ослабела и задыхаюсь. Похоже, скоро мы с Джоном будем опять вместе. — Он посмотрел на нее и вновь с горечью подумал о своей немоте. — Если ты сможешь мне, то я, пожалуй, прилягу.

Он довел ее до спальни, а потом написал: «Я вернусь».

— Спасибо, Ник. Ты хороший мальчик... — Она уже начала погружаться в сон.

Ник вышел из дома и остановился на дорожке, не зная, что же ему делать дальше. Если бы он мог водить машину, возможно, он сумел бы что-нибудь сделать. Но...

На лужайке перед домом на противоположной стороне улицы он увидел детский

велосипед. Он подошел к дому, окна которого были зашторены, и постучал в дверь. Никто не отозвался несмотря на то, что он постучал несколько раз.

Он подошел к велосипеду. Велосипед был небольшим, но не настолько, чтобы он не смог с ним управиться. Конечно, выглядеть он будет очень нелепо, но едва ли в Шойо остался кто-нибудь, склонный к насмешкам.

Он сел на велосипед и неуклюже поехал вверх по главной улице, мимо тюрьмы, потом на восток по шоссе №63, в том направлении, где Джо Редман видел солдат, замаскированных под дорожную бригаду. Если они по-прежнему там и если они действительно солдаты, то Ник препоручит им охрану Билли Уорнера и Майка Чайлдреса. Разумеется, речь может идти о двоих только в том случае, если Билли все еще жив. Раз уж эти люди ввели в Шойо карантин, то местные заключенные — на их ответственности.

Путь занял у него около часа. Но когда он добрался, ни солдат, ни дорожной бригады на месте не оказалось. Дорога была взорвана, но Нику показалось, что по ней вполне можно проехать, если не слишком беречь автомобильные рессоры.

Черное облачко привлекло его внимание, и в тот же миг ветер донес до него густой, тошнотворный запах разложения. Облачко оказалось роем мух. Он наклонился над ямой посередине дороги. В яме, рядом с новенькой и блестящей водопроводной трубой, лежали тела четырех человек. Их шеи и распухшие лица были черного цвета. Ник не знал, были ли это солдаты, и не стал подходить ближе. Он сказал себе, что надо вернуться назад к велосипеду, что здесь нечего бояться, что они мертвы, а мертвые, как известно, не кусаются. Однако, им овладела паника. На обратном пути он налетел на камень и разбил велосипед. Сам он перелетел через руль, ушиб голову и содрал в кровь руки. Лишь мгновение он помедлил посреди дороги. Его била дрожь.

Весь следующий час он провел, пытаясь достучаться и дозвониться до кого-нибудь из оставшихся в живых обитателей Шойо. Сам он был в полном порядке, и наверняка должен же быть еще кто-нибудь, кто не заразился этой штукой. Кто-нибудь обязательно найдется — мужчина, женщина, подросток — и скажет ему: «О, да, да. Давай отвезем их в Кэмден.» Или что-нибудь в этом роде.

Но на его стуки и звонки ответили меньше двенадцати раз. Дверь открывалась на длину цепочки, и больное, но исполненное надежды лицо смотрело на Ника. Потом надежда умирала, человек за дверью отрицательно качал головой, и дверь закрывалась. Если б Ник мог говорить, то он сказал бы им, что раз они могут ходить, то смогут и повести машину. А если они отвезут арестованных в Кэмден, то и сами смогут попасть в госпиталь. А тогда их вылечат. Но говорить он не мог.

Но в большинстве домов вообще никто не откликнулся. В конце концов он изнемог. Им овладевало зловещее ощущение из сна, и уже невозможно было бороться с мыслью о том, что он стучит в двери гробниц, стучит, чтобы разбудить мертвых, и рано или поздно трупы станут отвечать ему. Ему не слишком помогло даже соображение о том, что большинство домов просто остались пустыми после того, как их обитатели уехали в Кэмден, Эльдорадо или Тексаркану.

Он вернулся в дом Бейкеров. Джейн Бейкер глубоко спала. Лоб ее был прохладным, но на этот раз его это не так обнадежило.

Наступил полдень. Ник снова пошел на стоянку. В столовой он разогрел две банки супа и перелил их в термос. Молоко в холодильнике, похоже, еще не успело испортиться, так что он захватил одну бутылку.

Билли Уорнер был уже мертв. Увидев Ника, Майк начал истерически хихикать.

— Двоим — хана, а третий на подходе! Двоим — хана, а третий на подходе! Месть

свершается! Так? Так?

Ник осторожно пропихнул под дверь Термос с супом и большой стакан молока. Мелкими глотками Майк стал пить суп прямо из термоса.

— Хочешь знать, как я себя чувствую? — спросил Майк.

Ник кивнул.

— Точно так же, как утром, когда ты ушел. Я выхаркал целый фунт соплей. — Он с надеждой посмотрел на Ника. — Моя мама всегда говорила, что если мокрота отходит, то ты идешь на поправку. Может, у меня легкий случай, а? Как ты думаешь, это возможно?

Ник пожал плечами.

— Послушай, парень, выпусти меня. Я умоляю тебя.

Ник задумался.

— Черт, у тебя же есть пушка. Но ты мне все равно не нужен. Я просто хочу выбраться из этого города. Дай мне шанс. Не оставляй меня в этой крысоловке.

Ник вернулся в кабинет и открыл ящик стола. Логика Майка была безупречной: бессмысленно было думать, что кто-нибудь наконец сюда заявится, чтобы забрать арестованных. Он взял ключи и пошел обратно. Он нашел в связке нужный ключ с белой биркой и просунул его сквозь решетку.

— Спасибо, — забормотал Майк. — Спасибо. Прости, что избili тебя. Честное слово, это все Рэй придумал. Мы с Винсом пытались его отговорить, но когда он напьется, он как безумный... — Ключ повернулся в замке. Ник отступил и положил руку на рукоять револьвера.

Дверь камеры распахнулась, и Майк вышел.

— Я не отказываюсь от своих слов, — сказал он. — Все что мне нужно, это выбраться из города.

Когда Ник вышел на улицу, он увидел, что Майк стоит на обочине и смотрит на пустынный город.

— Боже мой, — прошептал он и обернулся к Нику. — Все они? Все они?

Ник кивнул, все еще держа руку на рукоятке.

Майк начал говорить что-то еще, но фраза была прервана припадком кашля. Он прикрыл рот рукой, а потом утерся.

— Пойду-ка я поскорей отсюда, — сказал он. — Ты неплохо соображаешь, парень, и сделаешь то же самое. Это что-то вроде чумы.

Ник пожал плечами, и Майк пошел по дороге. Он шел все быстрее и быстрее, а в конце концов пустился бежать. Ник смотрел ему вслед, пока тот не скрылся из вида, а потом вернулся в помещение. Больше он Майка не видел. На сердце у него полегчало, и появилась внезапная уверенность, что он поступил правильно. Он лег на койку и почти сразу же погрузился в сон.

Проснулся он только под вечер. Над холмами бушевала гроза. Он не мог слышать удары грома, но видел бело-голубые вспышки молнии. До Шойо гроза так и не дошла.

Ник побывал в столовой на стоянке грузовиков и приготовил супа и сэндвичей на двух человек. Ему показалось, что было что-то жуткое в том, что уличные фонари по-прежнему горели. Он положил еду в пакет, и по пути к дому Бейкеров за ним следовало несколько изголодавшихся собак, по-видимому, привлеченных запахом пищи. Ник вытащил револьвер, но не отважился пустить его в ход до тех пор, пока одна из собак чуть не укусила его. Тогда он нажал на курок, и пуля прочертила на асфальте серебристую борозду в пяти футах от него. Звука он, естественно, не услышал, но почувствовал отдачу. Собаки разбежались. Джейн спала. Лоб и щеки ее были горячими, дыхание было медленным и затрудненным. Выглядела

она ужасно измученной и осунувшейся. Ник смочил салфетку в холодной воде и вытер ей лицо. Он оставил еду на ночном столике, спустился в гостиную и включил телевизор.

СиБиЭс не работало весь вечер. ЭнБиСи придерживалось установленной ранее программы, но изображение на ЭйБиСи то и дело пропадало в тумане. Ник ждал новостей.

Когда начали передавать новости, Ник был ошеломлен. «Эпидемия супергриппа» была, конечно, центральным сообщением, но диктор сказал, что ситуация взята под контроль. В Атланте разработана вакцина, и в начале следующей недели вы уже сможете прийти к своему доктору на прививку. Серьезные вспышки в Нью-Йорке, Сан-Франциско, Лос-Анджелесе и Лондоне. В некоторых районах временно запрещены публичные митинги.

В Шойо, — подумал Ник, — запретили целый город. Кто кого пытается обмануть?

В заключение диктор сообщил, что поездки в районы большинства крупных городов по-прежнему запрещены, но ограничения будут сняты, как только вакцина будет повсеместно распространена. Затем он перешел к сообщениям об авиационной катастрофе в Мичигане и о реакции Конгресса на последнее постановление Верховного Суда по правам гомосексуалистов.

Так как телевидение было для Ника исключительно визуальным источником информации, то он заметил во время передачи последних известий такие детали, на которые другие люди вполне могли бы не обратить внимание. В программе совсем не было рекламных клипов. Не было сообщений о результатах бейсбольных матчей, возможно, потому что ни одного матча так и не состоялось. Расплывчатая сводка погоды без карты смотрелась так, словно Метеорологическое бюро Соединенных Штатов закрывает лавочку.

Диктор выглядел очень нервно и расстроено. Глаза его постоянно дергались вправо и влево от камеры... словно кто-то был в студии, кто-то, в чьи обязанности входило проследить за тем, чтобы в передаче не было ничего лишнего.

Эту ночь Ник провел в доме Бейкеров. На следующий день ему пришлось присутствовать при медленном умирании Джейн Бейкер, этой прекрасной женщины... И ОН НЕ МОГ СКАЗАТЬ НИ СЛОВА УТЕШЕНИЯ.

Она держала его за руку. Ник посмотрел на ее бледное, искаженное лицо. Теперь кожа ее была сухой, весь пот испарился. Но это его нисколько не обнадежило. Она была при смерти. Он уже научился различать это состояние.

— Ник, — сказала она и улыбнулась. — Хочу снова поблагодарить тебя. Никому не хочется умереть в одиночку, так ведь?

Он яростно потряс головой.

— Я умираю, — сказала она спокойно. — Но это неважно. В том шкафу висит платье, Ник. Белое. Ты узнаешь его по... — Ее слова были прерваны припадком кашля. Потом она продолжила: — ...по кружевам. В нем я была, когда мы отправились в свадебное путешествие. Наверное, теперь оно будет мне слегка велико — я немного похудела, — но это не имеет значения. Мы с Джоном ездили на озеро Понтчартин. Это были две самых счастливых недели в моей жизни. С Джоном мне всегда было хорошо. Ты запомнишь про платье, Ник? Я хочу, чтобы меня похоронили в нем. Тебя не очень смутит... переодеть меня, а?

Он покачал головой. Должно быть, она почувствовала его неловкость, так как больше она о платье не заговаривала. Легко, почти кокетливо она заговорила с ним о других вещах. Как она победила на конкурсе чтецов в школе и поехала на финальный этап в Арканзас, и как ее нижняя юбка упала к ее ногам как раз в тот момент, когда она достигла кульминационного пункта в «Демоне-Любовнике» Ширли Джексон. Как ее сестра поехала во Вьетнам в составе баптистской церковной миссии и вернулась с тремя приемными детьми. Как три года назад

они отправились с Джоном в поход, и как лось с дурным характером загнал их на дерево, где они провели целый день.

Наконец она заснула, но не надолго. У нее вновь начался бред.

— ДЖОН! — закричала она, и голос ее звучал придушенно. — ОЙ, ДЖОН, МНЕ НИКОГДА НЕ СНЯТЬ ЭТО ЧЕРТОВО ПЛАТЬЕ! ТЫ ДОЛЖЕН ПОМОЧЬ МНЕ, ДЖОН! ТЫ ДОЛЖЕН ПОМОЧЬ МНЕ...

Слова ее утонули в очередном приступе кашля. Из носа потекла тоненькая струйка темной крови. Потом она упала на подушку и несколько раз дернула головой из стороны в сторону, словно принимала какое-то жизненно важное решение, и оно оказалось отрицательным.

Потом она затихла.

Ник робко прижал руку к ее шее, потом пощупал внутреннюю сторону ее запястья и приложил руку к груди. Сердце не билось. Она была мертва. Часы с важным видом тикали на ночном столике, но никто их уже не слышал.

Он заставил себя встать и подойти к шкафу, все еще надеясь на то, что белое платье может оказаться всего лишь часть ее бреда. Но оно было там. Немного пожелтевшее от времени, но он узнал его, тем не менее. По кружевам.

Через силу он подошел к кровати и стал снимать с нее халат. Но когда перед ним оказалось ее обнаженное тело, ужас исчез, и осталась только жалость. Обмывая ее тело, он заплакал. Когда она была одета точно так же, как в тот день, когда они с Джоном отправились на Понтчартин, он поднял ее на руки и понес, словно жених, переносящий свою возлюбленную через бесконечный порог.

В ночь с двадцать пятого на двадцать шестое июня одна из студенческих группировок, то ли «Студенты за демократию», то ли «Юные Маоисты», трудилась над копировальной установкой. Утром плакатики были расклеены по всему Кентуккийскому университету в Луисвилле:

ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ!

ВАС ОБМАНЫВАЮТ!

ПРАВИТЕЛЬСТВО ЛЖЕТ ВАМ!

ПРЕССА, ВЗЯТАЯ ПОД КОНТРОЛЬ СВИНЬЯМИ В МУНДИРАХ, ЛЖЕТ ВАМ!

АДМИНИСТРАЦИЯ УНИВЕРСИТЕТА ЛЖЕТ ВАМ!

ПО ЕЕ ПРИКАЗУ ЛГУТ И ВРАЧИ!

1. НЕ СУЩЕСТВУЕТ НИКАКОЙ ВАКЦИНЫ ПРОТИВ СУПЕРГРИППА.

2. СУПЕРГРИПП — ЭТО НЕ СЕРЬЕЗНАЯ БОЛЕЗНЬ, ЭТО — СМЕРТЕЛЬНАЯ БОЛЕЗНЬ.

3. СМЕРТНОСТЬ МОЖЕТ ДОСТИЧЬ 75% 4. ВИРУС СУПЕРГРИППА БЫЛ СОЗДАН СВИНЬЯМИ В МУНДИРАХ АМЕРИКАНСКОЙ АРМИИ И СЛУЧАЙНО ВЫПУЩЕН НА СВОБОДУ.

5. СВИНЬИ В МУНДИРАХ ТЕПЕРЬ ХОТЯТ СКРЫТЬ СВОЙ СМЕРТЕЛЬНО ОПАСНЫЙ ПРОМАХ ДАЖЕ ЦЕНОЙ ГИБЕЛИ 75% НАСЕЛЕНИЯ!

ПРИВЕТ ВСЕМ РЕВОЛЮЦИОННО НАСТРОЕННЫМ ЛЮДЯМ!

ПРИШЛО ВРЕМЯ ПОДНИМАТЬСЯ НА БОРЬБУ!

ОБЪЕДИНИМСЯ, БУДЕМ БОРОТЬСЯ И ПОБЕДИМ!

В 19:00 В СПОРТИВНОМ ЗАЛЕ СОСТОИТСЯ МИТИНГ!

ЗАБАСТОВКА! ЗАБАСТОВКА! ЗАБАСТОВКА!

Случившееся на ДаблЮБиЗед-ТиВи в Бостоне было подготовлено вчерашним вечером тремя дикторами новостей и шестью техническими работниками Студии 6. Пятеро из этих людей регулярно играли вместе в покер, а шестеро из девяти были уже больны. Им было нечего терять. Они добыли почти дюжину единиц оружия. Боб Палмер, передававший утренние новости, внес оружие в студию в небольшом пакете, в котором он обычно держал свои тексты, карандаши и несколько блокнотов.

Весь эфир шел под контролем людей, которых им представили, как национальных гвардейцев, но, как Палмер сказал вчерашним вечером Джорджу Дикерсону, это первые национальные гвардейцы в возрасте за пятьдесят, которых он видит в своей жизни.

В 9:01, сразу же после того, как Палмер начал читать успокоительный текст, врученный ему сержантом, произошел переворот. Вдевятером они успешно захватили телевизионную станцию. Солдаты, не ожидавшие каких-либо решительных действий от жалкой группы штатских, привыкших сообщать о трагедиях, которые происходят где-то далеко от них, были захвачены врасплох и разоружены. Другие работники станции присоединились к восстанию и, быстро очистив шестой этаж, заперли все двери. Лифты были вызваны на шестой этаж, прежде чем солдаты в вестибюле сообразили, что происходит. Трое солдат попробовали подняться по восточной пожарной лестнице, и уборщик по имени Чарльз Йоркин произвел предупредительный выстрел. Этот выстрел оказался единственным.

Телезрители, наблюдавшие за программой ДаблЮБиЗед-ТиВи, увидели, как Боб Палмер прервал чтение на полуслове и сказал:

— О'кей, поехали!

За кадром раздался шум борьбы. Когда наступила тишина, тысячи пораженных зрителей увидели Боба Палмера с короткоствольным пистолетом в руках.

Чей-то хриплый голос ликующе завопил:

— Они попались, Боб! Ублюдки попались! Они в наших руках!

— О'кей, чистая работа, — сказал Палмер. Потом он вновь повернулся к камере. — Жители Бостона и все граждане Америки, принимающие нашу передачу. В этой студии только что произошло нечто очень серьезное и очень важное, и я счастлив, что впервые это событие случилось у нас, в Бостоне — колыбели американской независимости. Последние семь дней эфир находился под контролем людей, которые называют себя национальными гвардейцами. Вооруженные люди в хаки стояли рядом с нашими операторами, в комнатах контроля, около телетайпов. Диктовали ли они текст новостей? С сожалением я вынужден дать положительный ответ на этот вопрос. Мне вручали текст и заставляли читать его перед камерой, буквально с пистолетом у виска. Тексты, которые я читал, имели отношение к так называемой «эпидемии супергриппа» и содержали заведомо ложную информацию.

Наши операторы сняли фильм, который был частично конфискован, а частично намеренно засвечен. Сообщения наших корреспондентов исчезали. И все-таки, леди и джентльмены, у нас есть, что вам показать, и корреспонденты находятся прямо в этой студии — это не профессиональные репортеры, но это свидетели того, что может оказаться величайшим бедствием для нашей страны за всю ее историю. Сейчас мы покажем вам некоторые фрагменты нашего фильма. Все съемки велись тайно, поэтому качество не очень хорошее. И однако, мы, люди, только что освободившие телестанцию, надеемся, что того, что вы увидите, будет достаточно. Возможно, даже в большей степени, чем вам этого хотелось бы.

Он поднял взгляд, вынул из кармана платок и высморкался. Те, у кого дома были хорошие цветные телевизоры, могли заметить, что лицо его было красным и распухшим.

— Если все готово, Джордж, то давай.

На экране появились кадры Главного Госпиталя Бостона. Палаты были переполнены. Больные лежали на полу. Переполнены были и коридоры. Медсестры, многие из которых сами выглядели явно больными, нетвердой походкой ходили по госпиталю. Некоторые истерически плакали. Другие были ошарашены настолько, что почти впали в кому.

Кадры часовых на углах улиц с винтовками в руках. Кадры зданий со взломанными дверьми.

Снова появился Боб Палмер.

— Леди и джентльмены, если у вас есть дети, — сказал он спокойно, — мы посоветовали бы вам попросить их уйти из комнаты.

Зернистый кадр военного грузовика, выезжавшего на пирс Бостонской гавани. Внизу — баржа, укрытая брезентом. Двое солдат в противогазах выпрыгнули из кабины грузовика. Изображение дернулось, а потом снова стало неподвижным. Солдаты залезли в кузов, и оттуда на баржу посыпались тела: женщины, старики, дети, полицейские, медсестры. В какой-то момент стало понятно, что солдаты поддевают тела вилами.

Палмер вел передачу около двух часов до тех пор, пока кто-то на первом этаже не сообразил, что вовсе не обязательно отвоевывать шестой этаж. В 11:16 передатчик ДаблЮБиЗед-ТиВи был отключен.

Палмер с сообщниками были казнены по обвинению в измене родине — Соединенным Штатам Америки.

Было отпечатано 26000 экземпляров экстренного одностраничного выпуска «Лос-Анджелес Таймс», прежде чем ответственные офицеры обнаружили, что это был отнюдь не рекламный проспект. Возмездие было быстрым и кровавым. Официальная версия ФБР гласила, что «радикальные революционеры» подложили динамит в типографию «Таймс», что привело к смерти двадцати восьми работников ФБР не пришлось объяснять, каким образом взрыв привел к тому, что в каждой из двадцати восьми голов оказалось по пуле, так как трупы смешались с тысячами тел жертв эпидемии, которые хоронили у моря.

Тем не менее 10000 экземпляров успело разойтись, и этого оказалось достаточно. Заголовок, набранный тридцать шестым кеглем, кричал:

ЗАПАДНОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ В КОГТЯХ ЭПИДЕМИИ Тысячи спасаются Бегством от Смертельного Супергриппа Правительство Пытается Скрыть Свою Вину ЛОС-АНДЖЕЛЕС — Солдаты, называющие себя национальными гвардейцами, на самом деле являются профессиональными военными. На рукавах у них по четыре звездочки, каждая из которых дается за десять лет службы. Одна из их целей

— уверить напуганных жителей Лос-Анджелеса в том, что вирус супергриппа, который молодежь называет Капитаном Шустриком, «лишь в незначительной степени более опасен», чем лондонский или гонконговский штаммы... но эти уверения звучат сквозь мембраны противогазов. Сегодня вечером в шесть часов планируется выступление президента. Пресс-секретарь Хуберт Росс назвал сообщения о том, что президент будет выступать в помещении, выглядящем как Овальный зал, но в действительности находящемся глубоко под землей в бункере Белого Дома, «истеричными, злобными и полностью безосновательными». Попавший нам в руки предварительный текст речи президента указывает на то, что он собирается «отшлепать» американский народ за паникерство и сравнивает теперешнее состояние людей с реакцией на радиопередачу Орсона Уэллса по «Войне миров» в начале тридцатых.

У «Таймс» есть пять вопросов, на которые мы хотели бы поручить от президента ответ.

1. Почему, в прямое нарушение конституционных прав, головорезы в военной форме запрещали «Таймс» печатание новостей?

2. Почему шоссе NN 5, 10 и 15 заблокированы военным транспортом?

3. Если это действительно только «небольшая вспышка гриппа», то почему в Лос-Анджелесе и на прилегающих территориях было объявлено военное положение?

4. Если это действительно только «небольшая вспышка гриппа», то почему в Тихий океан были выведены караваны барж и затоплены там? Что находилось на этих баржах? Не были ли это, как мы опасаемся, трупы жертв эпидемии?

5. И наконец, если действительно докторам и больницам будет выдана вакцина в начале следующей недели, то почему он до сих пор ни один из сорока шести опрошенных нами врачей ничего не знает о конкретных планах доставки? Почему ни одна из клиник не делает прививок против супергриппа? Почему ни один из десяти фармацевтических складов не получил извещений о скорых поставках вакцины?

Мы призываем президента ответить в своей речи на все эти вопросы, но прежде всего мы призываем его отказаться от репрессивных методов управления и от нездоровых попыток скрыть правду...

В Дулуте человек в шортах цвета хаки и сандалиях разгуливал по Авеню Пьемонт со следами пепла на лбу и от руки написанным сэндвичем на тощих плечах.

Спереди на сэндвиче было написано:

ВРЕМЯ ИСЧЕЗНОВЕНИЯ ПРИШЛО ГОСПОДЬ НАШ ХРИСТОС СКОРО ВЕРНЕТСЯ

ГОТОВЬТЕСЬ К ВСТРЕЧЕ С БОГОМ!

Сзади:

СМОТРИ! СЕРДЦА ГРЕШНИКОВ РАЗБИТЫ ВЕЛИКИЕ БУДУТ УНИЖЕНЫ, А УНИЖЕННЫЕ — ВОЗВЕЛИЧЕНЫ ЧЕРНЫЕ ДНИ НАСТУПАЮТ ГОРЕ ТЕБЕ, О СИОН

Четверо молодых людей в мотоциклетных куртках, все с сильным кашлем и насморком, напали на человека в шортах и избili его до потери сознания. Потом они убежали, а один из них все кричал через плечо:

— Я тебя научу, как пугать людей! Я тебя научу, как пугать людей, полоумный мудака!

Самой популярной программой в Спрингфилде, штат Миссури, была передача КЛФТ «Говорите, вы в прямом эфире», которую вел Рэй Флауэрс. Флауэрс был напуган. Похоже, все, кого он знал, были больны. Сам он чувствовал себя прекрасно.

Военных пока в Спрингфилде не было, но Рэй слышал, что Национальная Гвардия была направлена в Канзас-Сити и Сент-Луис «для предотвращения паники и мародерства».

Рэй закурил, подошел к двери студии и запер ее. Потом он забрался в свою кабинку, включил позывные и устроился перед микрофоном.

— Всем привет, — сказал он. — Говорит Рэй Флауэрс, ведущий передачи «Говорите, вы в прямом эфире», а сегодня, как мне кажется, есть только одна тема для разговора, не так ли? Как бы вы ее ни назвали — супергриппом или Капитаном Шустриком — речь идет об одном и том же. Я слышал разные жуткие истории о том, как армия все подмяла под себя, и если вы хотите рассказать об этом, то я готов вас послушать, хорошо? Наши телефоны: 555-8600 и 555-8601. Если будет занято, потерпите немного. Сегодня я в студии один.

В Картхейдже, в пятидесяти милях от Спрингфилда, находилось военное подразделение, и отряд из двадцати человек получил приказ разобраться с Рэем Флауэрсом. Два человека отказались выполнять приказ. Они были расстреляны на месте.

За этот час, который заняла у них дорога до Спрингфилда, Рэй Флауэрс принял звонки от доктора, который сказал, что люди мрут, как мухи, и что, по его мнению, правительство лжет насчет вакцины, от медсестры, которая подтвердила, что тела увозят из больниц Канзас-Сити на грузовиках, от женщины в состоянии бреда, которая заявила, что во всем виноваты летающие тарелки из космоса, от фермера, который сказал, что только что армейский взвод выкопал на поле рядом с шоссе *N71 к югу от Канзас-Сити чертовски длинный ров*, и от полдюжины других людей.

Затем дверь студии затрещала.

— Откройте! — закричал чей-то приглушенный голос. — Откройте именем Соединенных Штатов!

Рэй посмотрел на часы. Четверть двенадцатого.

— Что ж, — сказал он. — Похоже, молодчики заявили ко мне. Но мы просто будем продолжать наш разговор, хор...

Раздался треск автоматной очереди. Дверь была взломана, и человек шесть солдат в противогазах и в полном вооружении ворвались в помещение.

— Только что несколько солдат вломились в студию, — сказал Рэй. — Они вооружены... и выглядят так, словно готовы повторить военную операцию по очистке территории от противника, проведенную во Франции пятьдесят лет назад. Единственное отличие в том, что теперь на них противогазы...

— Прекращай передачу! — завопил массивный человек с сержантскими нашивками. Он стоял перед прозрачной стенкой кабинки и угрожающе жестикулировал винтовкой.

— Я этого не сделаю! — отозвался Рэй. — У станции есть лицензия ЭфСиСи, и я...

— Я отменяю твою херову лицензию! А теперь прекращай передачу!

— Я этого не сделаю, — повторил Рэй и снова повернулся к микрофону. — Леди и джентльмены, только что я получил приказ прекратить вещание КЛФТ и отказался выполнить его. Как мне кажется, я поступил совершенно правильно. Эти люди ведут себя как нацисты, а не как американские солдаты. Я не собираюсь...

— Последний шанс! — Сержант вскинул винтовку.

— Сержант, — сказал один из солдат у дверей. — Не думаю, что у вас есть право...

— Если этот парень еще что-нибудь вякнет, пристрелите его, — сказал сержант.

— Похоже, они собираются убить меня, — сказал Рэй Флауэрс, и в следующую секунду стекло кабинки разлетелось вдребезги, а Флауэрс упал на пульт.

— О'кей, — сказал сержант и обернулся. — Я хочу вернуться в Картхейдж к часу дня и я не...

Трое из его подчиненных выстрелили в него одновременно. Сержант исполнил судорожный танец смерти и упал.

СООБЩЕНИЕ 234 ЗОНА 2 СЕКРЕТНО ОТ: ЛЭНДОН ЗОНА 2 НЬЮ-ЙОРК
КОМУ: КОМАНДУЮЩИЙ КРЕЙТОН ОПЕРАЦИЯ «КАРНАВАЛ»

КОРДОНЫ ВОКРУГ НЬЮ-ЙОРКА ПО-ПРЕЖНЕМУ ФУНКЦИОНИРУЮТ
ПРОДОЛЖАЕТСЯ УБОРКА ТЕЛ В ГОРОДЕ ОТНОСИТЕЛЬНО СПОКОЙНО
ОФИЦИАЛЬНАЯ ВЕРСИЯ ЛОПНУЛА БЫСТРЕЕ ЧЕМ ОЖИДАЛОСЬ 50%
ВОЕННЫХ НА КОНТРОЛЬНО-ПРОПУСКНЫХ ПУНКТАХ БОЛЬНЫ НО
БОЛЬШИНСТВО ВОЙСК СПОСОБНО УСПЕШНО ПРОДОЛЖАТЬ СЛУЖБУ ТРИ
НЕКОНТРОЛИРУЕМЫХ ПОЖАРА ГАРЛЕМ СЕДЬМАЯ АВЕНЮ СТАДИОН ШЕА
ДЕЗЕРТИРСТВО СТАНОВИТСЯ ВСЕ БОЛЕЕ СЕРЬЕЗНОЙ ПРОБЛЕМОЙ ОТДАН
ПРИКАЗ О РАССТРЕЛЕ НА МЕСТЕ ЛИЧНОЕ МНЕНИЕ СИТУАЦИЯ ПО-ПРЕЖНЕМУ
ПОД КОНТРОЛЕМ НО МЕДЛЕННО УХУДШАЕТСЯ КОНЕЦ СООБЩЕНИЯ

ЛЭНДОН ЗОНА 2 НЬЮ-ЙОРК СООБЩЕНИЕ 771 ЗОНА 6 СЕКРЕТНО ОТ:
ГАРЕТ ЗОНА 6 ЛИТТЛ РОК КОМУ: КОМАНДУЮЩИЙ КРЕЙТОН ОПЕРАЦИЯ
«КАРНАВАЛ»

БРОДСКИЙ НЕЙТРАЛИЗОВАН БРОДСКИЙ НЕЙТРАЛИЗОВАН ЕГО
АРЕСТОВАЛИ В КЛИНИКЕ ПРЕДЪЯВИЛИ ЕМУ ОБВИНЕНИЕ И РАССТРЕЛЯЛИ
БЕЗ СУДА ЗА ИЗМЕНУ РОДИНЕ НЕКОТОРЫЕ ИЗ ЕГО ПАЦИЕНТОВ
ПОПЫТАЛИСЬ ВМЕШАТЬСЯ 14 ГРАЖДАНСКИХ РАНЕНО, 6 УБИТО 3 МОИХ
ЛЮДЕЙ РАНЕНО, ВСЕ ЛЕГКО СИЛЫ ЗОНЫ 6 СОХРАНЯЮТ 40%
ТРУДОСПОСОБНОСТЬ ОКОЛО 25% ВСЕ ЕЩЕ НАХОДЯЩИХСЯ НА СЛУЖБЕ
БОЛЬНЫ 15% ДЕЗЕРТИРОВАЛО СЕРЖАНТ ТЛ.ПЕТЕРС ПРОХОДИВШИЙ
СЛУЖБУ В КАРТХЕЙДЖЕ УБИТ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ СЛУЖЕБНОГО ДОЛГА
СВОИМИ ЖЕ СОЛДАТАМИ ПОСТУПИЛИ НЕПОДТВЕРЖДЕННЫЕ ПОКА
СООБЩЕНИЯ ОБ АНАЛОГИЧНЫХ СЛУЧАЯХ СИТУАЦИЯ БЫСТРО
УХУДШАЕТСЯ КОНЕЦ СООБЩЕНИЯ ГАРФИЛД ЗОНА 6 ЛИТТЛ РОК

— Мессинджил, Зона 10. Слышите нас, База Блу? Это сообщение закодировано как Энни Оукли, неотложность-плюс-десять. Отвечайте, если вы на связи. Прием.

— Это Лен, Дэвид. По-моему, можно послать к черту этот жаргон. Подслушивать нас некому.

— Все вышло из-под контроля, Лен. Буквально все. Лос-Анджелес в огне. Все мои люди либо больны, либо не подчиняются приказам, либо дезертировали, либо мародерствуют в компании с местным населением. Я нахожусь в зале Скайлайт «Бэнк оф Америка», главное здание. Около шестисот людей пытаются вломиться сюда и добраться до меня. Большинство из них — военные.

— Вещи отпадают. Центр не держит.

— Повтори, я не понял.

— Неважно. Ты можешь выбраться?

— Нет, черт возьми. Но первым мерзавцам из этой банды будет, о чем задуматься. У меня тут винтовка. Мерзавцы. Сукины дети!

— Удачи тебе, Дэвид.

— Тебе тоже. Держи все под контролем, сколько сможешь.

— Постараюсь.

— Я не уверен...

На этом связь прервалась.

— Солдаты и братья! Мы захватили радиостанцию и генеральный штаб! Ваши угнетатели мертвы! Я, брат Зено, еще несколько минут назад бывший сержантом первого класса Роландом Гиббсом, провозглашаю себя первым президентом республики Северная Калифорния! Ситуация находится под нашим контролем! Под нашим контролем! Если ваши офицеры попытаются отменить мои приказы, пристрелите их, как уличных собак! Как собак! Как сук, к животам которых пристало засохшее дерьмо! Записывайте имена, звания и порядковые номера дезертиров! Составляйте списки тех, кто ведет подрывную агитацию и призывает к измене республике Северной Калифорнии! Начинается новый день! Дни угнетателей кончились! Мы...

Треск автоматных очередей. Крики. Звуки глухих ударов. Пистолетные выстрелы, снова крики, непрекращающийся грохот автомата. Протяжный, умирающий стон. Три секунды мертвой тишины.

— Говорит майор Альфред Наин, армия Соединенных Штатов. Я беру войска Соединенных Штатов в районе Сан-Франциско под свое временное командование. Куча предателей, захвативших штаб, уничтожена. Я принимаю на себя командование, повторяю, командование. Дезертиры и членовредители будут расстреливаться на месте. Сейчас я...

Снова автоматные очереди. Чей-то крик.

Отдаленный вопль:

— ...всех! Держи их всех! Смерть свиньям в мундирах...

Громкий треск автоматных очередей. Потом тишина.

В 21:16 те люди, которые были еще в состоянии смотреть телевизор и настроились на ДаблЮСиЭсЭйч-ТиВи, онемев от ужаса, наблюдали за тем, как огромный чернокожий, на котором не было ничего, кроме набедренной повязки из розовой кожи и берета морской пехоты, публично приводил в исполнение шестьдесят два смертных приговора.

Его сообщники, также чернокожие и также почти обнаженные, были вооружены автоматическим и полуавтоматическим оружием. Другие члены «черной хунты» держали под прицелом своих винтовок и ручных автоматов сотни две одетых в хаки солдат, сидевших на тех самых местах, где когда-то приглашенные в студию зрители наблюдали за местными политическими дискуссиями и телеигрой «Набери номер — получишь доллар».

У огромного негра, который часто ухмылялся, обнажая удивительно ровные и белые

зубы, в руках был автоматический револьвер сорок пятого калибра. Он стоял рядом с большим стеклянным барабаном, который когда-то — казалось, что это было очень давно — служил для определения победителей среди позвонивших в студию телезрителей.

Негр крутанул барабан, вытащил из него водительское удостоверение и провозгласил: — Рядовой первого класса Франклин Стерн, вперед и на середину, ПРОШУУУ.

Вооруженные люди, окружавшие зрителей со всех сторон, наклонились, чтобы разглядеть ярлыки с именами, а оператор, явно лишь недавно ознакомившийся с этой профессией, панорамировал зрителей резкими рывками камеры.

Наконец молодой человек со светлыми волосами, не старше девятнадцати, был поднят на ноги и, несмотря на вопли протеста, выведен на эстраду. Двое негров заставили его встать на колени.

Негр ухмыльнулся, чихнул, выплюнул комок слизи и приставил револьвер к виску рядового первого класса Стерна.

— Нет! — истерически воскликнул Стерн. — Я пойду с вами, клянусь Богом, я пойду! Я...

— Воимяотцаисынаисвятогодуха, — произнес негр нараспев и спустил курок. Позади того места, где стоял на коленях рядовой первого класса Стерн, была большая лужа крови и мозгов — теперь он внес в нее свой вклад.

ЧПОК.

Негр снова чихнул и чуть не упал. Другой негр, сидевший за пультом, нажал кнопку АПЛОДИСМЕНТЫ. Перед зрителями вспыхнул сигнал. Негры, охранявшие зрителей-пленников, угрожающе вскинули оружие. Белые солдаты бешено зааплодировали.

— Следующий! — провозгласил негр в набедренной повязке и снова запустил руку в барабан. Он посмотрел на удостоверение и провозгласил: — Сержант Роджер Петерсен, вперед и на середину, ПРОШУУУ!

Один из зрителей взвыл и рванулся к задним дверям. Через несколько мгновений он уже был на сцене. Под шумок один из солдат в третьем ряду попытался оторвать ярлык с именем, приколотый к его гимнастерке. Прозвучал выстрел, и он обмяк на своем стуле, а глаза его затуманились, словно это несколько безвкусное шоу вогнало его в легкую дремоту, напоминающую смерть.

Спектакль продолжался до тех пор, пока четыре взвода военных в противогазах и с автоматами в руках не ворвались в студию. Ряды зрителей немедленно поднялись на борьбу.

Негр в набедренной повязке упал почти сразу же, продырявленный пулями. Ренегат, стоявший за камерой N2, получил очередь в живот. Попытавшись поймать свои внутренности, он наклонился вперед и задел камеру, которая начала медленно вращаться, воспроизводя на экранах телезрителей неторопливо снятую панораму ада.

Оператор упал на ручку управления камерой, и во время продолжающейся перестрелки телезрителям милосердно демонстрировался потолок студии. Через пять минут автоматный огонь стих до уровня, отдельных выстрелов, а спустя некоторое время и вовсе прекратился. Остались только крики.

В пять минут двенадцатого вместо потолка студии на экранах появился нарисованный человечек, хмуро уставившийся на нарисованный телевизор. На экране нарисованного телевизора была видна надпись: «ИЗВИНИТЕ, У НАС ПРОБЛЕМЫ!»

Надпись эта была справедлива по отношению почти ко всем.

Из речи президента, начавшейся в девять часов вечера и не принимавшейся многими районами страны.

— ...такая великая нация, как наша, должна справиться со всеми трудностями. Мы не можем позволить себе пугаться теней в темной комнате, как маленькие дети, но не можем мы и легкомысленно относиться к этой серьезной эпидемии гриппа. Сограждане-американцы, я призываю вас оставаться дома. Если вы почувствуете, что заболели, ложитесь в постель, примите аспирин и пейте побольше жидкости. Будьте уверены, что скоро — *самое позднее*, через неделю — вам станет лучше. Позвольте мне повторить то, что я сказал в начале своего разговора с вами этим вечером: Не доверяйте — *не доверяйте* — слухам о том, что эта разновидность гриппа смертельна. В абсолютном большинстве случаев больной может рассчитывать на выздоровление в течение недели. Далее...

(Припадок кашля).

— Далее, радикальные антиправительственные группировки распространяют злобный слух о том, что этот вирус был создан правительством в военных целях. Сограждане американцы, это откровенная ложь. Наша страна подписала пересмотренные Женевские соглашения по отравляющему газу, нервно-паралитическому газу и бактериологическому оружию с чистой совестью. Ни сейчас, ни когда-либо ранее...

(чихание)

— ...мы не занимались тайным производством веществ, запрещенных Женевской Конвенцией. Это просто серьезная вспышка гриппа, ни больше, ни меньше. Этим вечером мы получили сообщения об аналогичных вспышках в ряде других стран, включая Россию и Красный Китай. Следовательно, мы...

(кашель и чихание)

— ...мы призываем вас сохранять спокойствие в ожидании того момента, когда в конце этой недели или в начале следующей те, кто еще не успел выздороветь сам, получат вакцину против гриппа. В некоторые районы были посланы национальные гвардейцы, призванные защитить население от хулиганов, вандалов и паникеров, но абсолютно лживы слухи о том, будто некоторые города были «оккупированы» войсками и будто новости фабрикуются. Сограждане-американцы, это явная ложь, и я хочу заклеить тех, кто...

На фасаде Первой Баптистской Церкви Атланты баллончиком с красной краской было написано:

«Дорогой Иисус. Скоро встретимся. Твоя подружка, Америка.

P.S. Надеюсь, у тебя еще останутся свободные места к концу недели.»

Сидя на скамейке в Центральном Парке 27 июня, Ларри Андервуд вспоминал о чемпионате США по бейсболу пять лет назад. Вспоминать о нем было приятно, потому что, как казалось теперь Ларри, именно тогда он был в последний раз совершенно счастлив, в отличном физическом состоянии и с ясной головой.

Это было как раз после ссоры с Руди. Чертовски неприятная вышла ситуация, и если он когда-нибудь снова встретит Руди (никогда, — подумал он со вздохом), то обязательно извинится. Он опустится на землю и поцелует башмаки Руди, если только тому станет от этого легче.

Они отправились через всю страну на страдающем одышкой старом «Меркури», у которого в Омахе полетела коробка передач. С тех пор им пришлось работать недельки две, потом автостопом пробираться какое-то время дальше на запад, потом снова работать и снова ехать автостопом. Как-то они нанялись на ферму в западной Небраске, и однажды вечером Ларри проиграл в покер шестьдесят долларов. На следующий день ему пришлось попросить у Руди займы. Через месяц они оказались в Лос-Анджелесе, и Ларри первым нашел работу — если только можно назвать работой мытье тарелок за мизерную плату. Однажды вечером, недели через три, Руди напомнил о долге. Он сказал, что встретил парня, который порекомендовал ему действительно хорошее бюро по трудоустройству. Работа гарантируется, но плата составляет двадцать пять долларов. Именно столько Руди одолжил Ларри после его проигрыша.

— В обычной ситуации, — сказал Руди, — я не стал бы напоминать, но...

Ларри запротестовал и сказал, что уже вернул долг. Они квиты. Если Руди нужен четвертной — о'кей, но он надеется, что Руди не заставит его дважды уплачивать один и тот же долг.

Руди сказал, что ему не нужны *подарки*, он хочет получить назад *свои деньги*, и рассказы Ларри его не слишком-то интересуют. Боже мой, — воскликнул Ларри, пытаюсь добродушно рассмеяться. Никогда не думал, что надо требовать от тебя расписку. Теперь я вижу, что ошибался.

Дело чуть не дошло до драки. В конце концов лицо Руди налилось кровью. В этом весь ты, Ларри, — закричал он. Вся твоя сущность. Я получил хороший урок. Пошел на хер, Ларри.

Руди пошел к выходу. Ларри последовал за ним на лестницу, доставая бумажник из заднего кармана. В секретном отделении за фотографиями лежали аккуратно сложенные три десятки. Он швырнул их вслед Руди. «Давай, лживый сукин сын! Бери! Бери эти чертовы деньги!»

Руди хлопнул дверью и ушел в ночь, так ни разу и не оглянувшись. Тяжело дыша, Ларри стоял на лестнице. Примерно через минуту он огляделся в поисках своих десятков, подобрал их и положил обратно в бумажник.

Время от времени вспоминая об этом случае, Ларри все больше и больше убеждался в том, что Руди прав. Когда Руди напомнил ему о четвертном, все внутри Ларри сжалось. Его мозг вычел двадцать пять из тридцати и сделал вывод: «Останется только пять долларов. Стало быть, ты уже заплатил ему. Не помню точно, когда это было, но это было. И больше обсуждать тут нечего.»

Ларри остался один в городе. У него не было друзей, и он не пытался даже познакомиться с теми, кто работал вместе с ним в кафе. Дело было в том, что он был абсолютно уверен: никто, начиная с шефа-повара с плохим характером и кончая

официантками, виляющими задницами и жующими жвачку, не мог сравниться с ним — Ларри Андервудом, которого вскоре ждет успех. Страдая от одиночества в мире сплошных болванов, он чувствовал себя, как побитая собака. Он уже начал подумывать о том, чтобы вернуться в Нью-Йорк, так и поступил бы... если бы не Ивонна.

Он познакомился с Ивонной Ветерлен в кинотеатре, расположенном в двух кварталах от клуба, в котором она работала танцовщицей. После фильма она начала плакать, так как обнаружила, что пропала ее сумочка с деньгами и документами. Хотя Ларри был уверен, что сумочку стащили, он, тем не менее, помог ей в поисках. И чудо свершилось: он нашел сумочку в трех рядах от ее места в тот момент, когда они уже почти отчаялись. Она обняла его со слезами благодарности на глазах.

Они стали встречаться. Меньше, чем через две недели, встречи стали постоянными. Ларри нашел себе работу получше — клерком в книжном магазине. Потом они переехали в одну квартиру, и для Ларри все изменилось. Отчасти из-за того, что наконец-то у него появился свой дом, настоящий дом, за который он вносил половину квартирной платы. Ему нравилось просыпаться иногда ночью, ощущать рядом тело Ивонны и вновь соскальзывать в глубокий, праведный сон. О Руди Марксе не вспоминал.

Они прожили вместе четырнадцать месяцев. Это было прекрасное время, за исключением последних шести недель или около того, когда Ивонна показала себя редкостной сучкой. Завершающим событием этого этапа жизни оказался для Ларри чемпионат США по бейсболу. В те дни после работы в книжном магазине он отправлялся домой к Джонни МакКоллу и двум его друзьям. По вечерам они пытались сочинять свою музыку и играть старые вещи типа «Никто, кроме меня».

Потом он шел домой, к себе домой, и обед у Ивонны был уже готов. Не какая-то дрянь, сваренная по телевизионным рецептам, а настоящая домашняя еда. Ивонна в этом знала толк. А потом они отправлялись в гостиную, включали телевизор и смотрели чемпионат США по бейсболу. А после занимались любовью. С тех пор ему никогда не было так хорошо. Никогда.

Его мать умерла три дня назад. Она умерла на койке в коридоре больницы, забитом тысячами других умирающих. Склоняясь над ней, он думал, что сойдет с ума от поднимающейся вокруг вони мочи и экскрементов, от бормотания людей, впавших в состояние бреда, от хриплого дыхания и от криков боли и страдания. Перед смертью мать не узнавала его. Не было никакого предсмертного просветления. Просто ее грудь поднялась и опустилась очень медленно, словно проколота шина. Он просидел рядом с ней около десяти минут, смутно предполагая, что надо дожидаться, пока выпишут свидетельство о смерти или пока кто-нибудь не спросит его о том, что произошло. Не спрашивать об этом не было никакой нужды — смерть была повсюду. И никакой серьезный молодой доктор не собирался подходить, выражать симпатию и запускать в ход механику смерти. Он взял ее сумочку, достал оттуда ручку, булавку и листок бумаги. На листке он написал ее имя, адрес и, после кратких вычислений, возраст. Он приколот листок к карману ее блузки и заплакал. Поцеловав ее в щеку, он направился к выходу, чувствуя себя дезертиром. На улице ему стало намного лучше, хотя вокруг него сновали безумевшие, больные люди и военные патрули. А теперь он сидел на скамейке в Центральном Парке и грустил о более абстрактных вещах

— о крахе своей карьеры, о том времени в Лос-Анджелесе, когда они вместе с Ивонной смотрели чемпионат по бейсболу, зная, что за этим последует любовь, и о Руди. Больше всего он грустил о Руди и жалея, что не может вернуть назад шесть потерянных лет и протянуть Руди двадцать пять долларов, слегка улыбнувшись и пожав плечами.

Направляясь к открытой эстраде, он увидел, что на одной из скамеек сидит женщина. Ей, наверное, было около пятидесяти, но она изо всех сил старалась выглядеть моложе. Она была

одета в дорогие серо-зеленые слаксы и шелковую блузку.

Услышав звук шагов, женщина обернулась. В одной руке у нее была таблетка, и она небрежно швырнула ее в рот, как зернышко жареного арахиса.

— Привет, — сказал Ларри. У нее были голубые глаза, в которых светился острый ум. Она носила очки в тонкой золотой оправе, а ее сумочка была оторочена мехом, который выглядел, как настоящая норка. На пальцах у нее было четыре кольца — одно обручальное, два перстня с бриллиантами и один с изумрудом.

— Эй, я не опасен, — сказал он. Фраза получилась глупая, но на пальцах у нее было, по крайней мере, тысяч двадцать долларов.

— Да, — сказала она. — Вы не выглядите опасным. Как, впрочем, и больным. — Произнося последнее слово, она слегка повысила интонацию, превращая свою фразу в вежливый полувопрос. Но выглядела она не очень спокойно: левая сторона ее шеи дергалась в небольшом тике, а за пронизательностью голубых глаз скрывался тот же самый тупой шок, который Ларри увидел сегодня утром в своих глазах, когда брился.

— Нет, я, похоже, здоров. А вы?

— Не вполне. Вы знаете, что у вас к ботинку прилипла обертка от мороженого?

Он посмотрел вниз и убедился, что так оно и было. Это заставило его покраснеть, так как он подозревал, что тем же тоном она могла бы сообщить ему о том, что у него расстегнута ширинка. Стоя на одной ноге, он попытался содрать обертку.

— Вы похожи на аиста, — сказала она. — Сядьте и попытайтесь еще раз. Меня зовут Рита Блэкмор.

— Приятно познакомиться. Я — Ларри Андервуд.

Рита Блэкмор улыбнулась ему, и он вновь был поражен ее небрежной, но элегантной красотой. Она была похожа на женщину из романа Ирвина Шоу.

— Когда я услышала ваши шаги, я чуть не спряталась, — сказала она. — Я подумала, что это идет человек в разбитых очках, который постоянно вопит о том, что чудовища приближаются. Он напоминает мне безумного Диогена.

— Ну да, ищет честное чудовище, — сказал Ларри и засмеялся.

Она достала из отороченной норкой (?) сумочки пачку ментоловых сигарет и закурила, выдохнув облачко дыма.

— Тем не менее, он не болен, — сказал Ларри. — В отличие от большинства других.

— Швейцар в моем доме выглядит очень хорошо, — сказала Рита. — Он по-прежнему стоит на посту. Когда я выходила сегодня из дома, я дала ему на чай целых пять долларов. Интересно, за что? За то, что он не болен или за то, что стоит на посту? Как выдумаете?

— Я слишком мало знаю вас, чтобы ответить.

— Конечно, вы меня не знаете. — Она убрала сигареты обратно в сумочку. Внутри он заметил револьвер. Проследив направление его взгляда, она сказала: — Это револьвер моего мужа. Он был чиновником крупного нью-йоркского банка и умер два года назад от удара.

Между ними на дорожку приземлился зяблик и принялся клевать землю.

— Он жутко боялся воров и купил себе этот револьвер. Ларри, правда, что когда из револьвера стреляют, то бывает очень сильная отдача и страшный гром?

Ларри, никогда в своей жизни не стрелявший из револьвера, сказал:

— Не думаю, что от такого маленького будет сильная отдача. Это .38?

— По-моему, .32. — Она вытащила револьвер из сумки, и Ларри заметил, что в ней также было много пузырьков с таблетками. На этот раз она не следила за его взглядом, она смотрела на большую китайскую вишню шагах в пятнадцати от скамейки. — Надо испытать его. Как вы думаете, я попаду вон в то дерево?

— Не знаю, — сказал он опасливо. — Мне кажется, что...

Она спустила курок и раздался впечатляющий гром выстрела. В вишне появилась большая дырка.

— Точно в цель, — сказала она и подула в ствол, как заправский стрелок.

— Очень неплохо, — сказал Ларри.

— В человека я бы не смогла выстрелить. Я совершенно в этом уверена. Да и скоро не в кого будет стрелять, верно?

— Ну, я не знаю.

— Вы смотрели на мои кольца. Хотите одно?

— Что? Нет! — Он снова покраснел.

— Как банкир, мой муж верил в бриллианты. Он верил в них так же, как баптисты верят в конец света. У меня очень много бриллиантов, и все они застрахованы. Но если кто-нибудь попросит у меня их, я тут же отдам. В конце концов, это ведь просто камни?

— Мне кажется, вы правы.

— Конечно, — сказала она, и левая сторона ее шеи вновь содрогнулась в тике.

— Что вы собираетесь сейчас делать? — спросила Ларри.

— Что бы вы предложили?

— Я не знаю, — сказал Ларри и вздохнул.

— То же самое и я вам собираюсь сказать.

Она вздохнула, и вздох перешел в дрожь. Она открыла сумочку, достала пузырек и положила себе в рот капсулу.

— Что это?

— Витамин Е, — сказала она с яркой, фальшивой улыбкой. Шея еще раз дернулась от тика. Потом она вновь обрела безмятежность.

— В барах никого нет, — неожиданно произнес Ларри. — Я зашел к Пэту на Сорок Третью, и там было абсолютно пусто. Я налил себе, и я ушел, оставив стакан на стойке.

Они хором вздохнули.

— С вами очень приятно общаться, — сказала она. — Вы мне очень нравитесь. И как это прекрасно, что вы не сумасшедший.

— Спасибо, миссис Блэкмор. — Он был удивлен и обрадован.

— Рита. Меня зовут Рита.

— О'кей.

— Ты голоден, Ларри?

— Да, пожалуй.

— Может, пригласишь леди на ленч?

— С удовольствием.

Предложив ей руку, ой уловил аромат ее пудры. Этот запах подействовал на него одновременно и успокаивающе, и тревожно. Когда они ходили с матерью в кино, она всегда брала с собой косметику.

По дороге она бесконечно болтала, и потом он ничего не мог вспомнить из ее слов (нет, впрочем, одну вещь он вспомнил: она всегда мечтала, — сказала она, — прогуливаться по Пятой Авеню под руку с молодым человеком, который годился бы ей в сыновья, но все же не был ее сыном).

После смерти матери и отца Фрэнни потеряла способность к умственной концентрации. Она забывала о том, что делала, и ее ум уносился по какой-то неясной кривой, или она просто сидела, ни о чем не думая и заботясь о мире не больше, чем о кочане капусты.

Ее мать умерла в Сэнфордском госпитале. Отец умер в своей постели вчера вечером в половине девятого. Она долго сидела рядом с кроватью, потом спустилась вниз и включила телевизор. Работала только одна станция — ДаблЮСиЭсЭйч, филиал ЭнБиСи в Портленде. Негр, словно появившийся из самого страшного ночного кошмара ку-клукс-клановца, делал вид, что убивает из пистолета белых людей под аплодисменты зрителей. Разумеется, он просто делал вид — если такие вещи происходят на самом деле, их не показывают по телевизору, — но выглядело это вполне реально. Это ей напоминало «Алису в Зазеркалье», только на этот раз не Королева кричала «Отрубите им головы!», а... что? Кто? Черный король, — предположила она. Хотя этот кусок мяса в набедренной повязке вовсе не был похож на короля.

Позже какие-то другие люди ворвались в студию, и завязалась перестрелка, поставленная даже еще более реалистично, чем сцена казней. Она смотрела на людей, которым пули большого калибра чуть не отрывали головы и у которых из раздробленных шей вызывались пышные фонтаны артериальной крови. Она подумала, что у ДаблЮСиЭсЭйч могут отобрать лицензию на вещание — слишком уж кровавая передача.

Когда камера уперлась в потолок, она выключила телевизор и легла на кушетку, уставившись в свой собственный потолок. Там она и уснула, а сегодня утром она почти уже уверилась в том, что вся передача ей просто приснилась. Похоже, в этом и было все дело: все вокруг, начиная со смерти ее матери, превращалось в непрерывный кошмарный сон. Как в «Алисе»: становилось все страньше и страньше.

Несмотря на то, что он был уже болен, ее отец ходил на экстренное городское собрание. Фрэнни, чувствуя себя как во сне, отправилась вместе с ним.

Зал собраний был переполнен. Многие чихали, кашляли и сморкались. В результате было принято решение о закрытии города. Никто не сможет в него попасть. Если кто-то захочет уехать — пожалуйста, разумеется, если он понимает, что обратно ему уже не вернуться. Дороги, ведущие из города, в особенности — шоссе *N1*, должны быть забаррикадированы грузовиками, и вооруженные добровольцы будут стоять на посту. Если кто-то все-таки попытается пробраться в город, он будет застрелен.

Небольшая группа человек из двадцати требовала, чтобы больные немедленно были выдворены за пределы города. Их предложение было отвергнуто подавляющим большинством голосов, так как к вечеру двадцать четвертого почти у каждого жителя города, даже если сам он был пока здоров, были больные родственники или близкие друзья. Многие из них верили сообщениям о том, что скоро появится вакцина. «Как мы потом посмотрим в глаза друг ДРУГУ, — восклицали они, — если, повинувшись беспричинной панике, мы поступим со своими земляками, как с париями?»

Тогда поступило предложение выдворить из города всех дачников.

Дачники мрачно заявили, что за счет налогов, которые они платят за свои коттеджи, существуют городские школы, дороги, пляжи. Если их выдворят, жители Оганквита могут быть уверены, что больше сюда они не вернуться. И тогда местные жители могут вновь заняться промыслом омаров, съедобных моллюсков и морских ежей. Предложение о выдворении дачников было провалено солидным большинством голосов.

К полуночи баррикады были построены, а к утру двадцать пятого числа три или четыре человека были убиты. Это были люди, в панике покинувшие Бостон и устремившиеся на север.

К вечеру большинство добровольцев на баррикадах заболели сами, покраснели от жары и постоянно опускали оружие, чтобы высморкаться.

К утру вчерашнего дня отец Фрэнни, возражавший против самой идеи баррикад, слег в постель, и Фрэнни стала при нем сиделкой. Он не разрешил ей отвезти его в больницу. Если ему суждено умереть, — сказал он, — то он хочет умереть у себя дома.

После полудня движение на дорогах совсем прекратилось. Гус Динсмор, сторож пляжной автостоянки, сказал ей, что на дороге скопилось столько машин, что даже те водители, которые еще способны были вести свои автомобили, не имели возможности проехать. У Гуса, до вчерашнего дня чувствовавшего себя превосходно, начался насморк. Собственно говоря, единственным здоровым человеком в городе, кроме Фрэн, был шестнадцатилетний брат Эми Лаудер по имени Гарольд. Сама Эми умерла как раз перед первым городским собранием, и ее ненадеванное свадебное платье так и осталось висеть в шкафу.

Сегодня Фрэн не выходила. Она никого не видела с тех пор, как вчера заходил Гус. Несколько раз за это утро она слышала шум мотора, один раз до нее донесся звук двойного выстрела из двустволки. Это были единственные звуки, нарушившие воцарившуюся в городе гробовую, ирреальную тишину.

Почти уже час Фрэнни сидела на кухне перед тарелкой с куском земляничного пирога. Тупое, полувопросительное выражение застыло на ее лице. В холодильник было встроено автоматическое устройство для изготовления льда, и время от времени изнутри раздавался холодный стук — еще один кубик был готов. Две мысли, вроде бы не имевшие между собой никакой связи, стали зарождаться в ее мозгу. Прислушиваясь к постукиваниям кубиков в холодильнике, она сосредоточилась на них. Первая мысль сводилась к тому, что ее отец мертв: он умер у себя дома, и, возможно, ему это было по душе.

Вторая мысль имела отношение к погоде. Стоял прекрасный, безупречный летний день. Ярко светило солнце, и Фрэнни видела, что термометр за кухонным окном показывает почти восемьдесят градусов по Фаренгейту. Прекрасный денек, и ее отец мертв. Существует ли между двумя этими мыслями какая-то связь?

Она задумалась. Взгляд ее стал смутным и апатичным. Ее мысль кружила вокруг проблемы, а потом отвлекалась на другие предметы. Но рано или поздно она снова возвращалась назад.

Стоял прекрасный теплый денек, и ее отец был мертв.

Это немедленно привело ее в чувство, и она зажмурила глаза, как от удара.

В тот же самый момент ее руки инстинктивно схватились за скатерть, и тарелка полетела на пол. Она лопнула словно бомба, и Фрэнни закричала, впившись ногтями себе в щеки. Блуждающая, апатичная неопределенность исчезла из ее глаз, которые внезапно стали смотреть остро и прямо. Словно ей закатили сильную пощечину или поднесли к носу пузырек с нашатырем.

Нельзя оставлять труп в доме. Только не в разгар лета.

К ней вновь стала возвращаться апатия, затуманивая очертания мысли. Она снова стала прислушиваться к звукам падающих ледяных кубиков.

Она встала, подошла к раковине, открыла на полную мощь кран с холодной водой и стала плескать ее себе на лицо. Она может раздумывать о чем угодно, но одну проблему она должна решить. Должна. Она не может оставить его в постели в дни, когда июнь

превращается в июль. Это будет слишком похоже на рассказ Фолкнера «Роза для Эмили», который включают во все институтские антологии. «Роза для Эмили». Отцы города не знали, откуда исходил этот ужасный запах, но, спустя немного времени, он исчез. Он... Он...

— Нет! — вскрикнула она громко в залитой солнцем кухне.

Она начала быстро ходить из стороны в сторону. Ее первая мысль была о городском морге, но кто... кто...

— Не пытайся уйти от этого! — закричала она яростно. — Кто похоронит его?

Вместе со звуком ее голоса пришел и ответ. Он был абсолютно ясен. Она, конечно. Кто же еще? Только она.

В половину третьего днем она услышала, как к дому подъезжает машина. Она положила лопату на край ямы — она копала яму в саду, между помидорами и салатом-латуком — и обернулась, слегка испуганно.

Это была новая модель «Кадиллака» бутылочного цвета, и из открывшейся двери выходил толстый шестнадцатилетний Гарольд Лаудер. Фрэнни почувствовала внезапный приступ неприязни. Гарольд ей не нравился, и она не знала ни одного человека, который бы относился к нему иначе — это относилось и к его покойной сестре Эми.

Гарольд издавал литературный журнал средней школы Оганквита и писал странные рассказы в настоящем времени или от второго лица, а иногда и то, и другое вместе. Ты проходишь по бредовому коридору, прокладываешь путь сквозь расщепленную дверь и смотришь вверх на гончие звезды — таков был стиль Гарольда.

Волосы Гарольда были черными и жирными. Он был довольно высоким и весил почти двести сорок фунтов. Он предпочитал ковбойские ботинки с острыми носами, широкие кожаные ремни, которые ему приходилось постоянно подтягивать, так как его живот был значительно толще задницы, и цветастые рубашки, которые развевались на нем, как паруса.

Он ее не заметил, так как смотрел на дом.

— Есть кто-нибудь дома? — закричал он, а потом просунул руку в окно «Кадиллака» и просигналил. Звук ударил Фрэнни по нервам. Она не отозвалась бы, если бы не была уверена, что когда Гарольд будет садиться обратно в машину, он обязательно увидит ее на краю выкопанной ямы. На мгновение ей захотелось лечь на землю, уползти поглубже в сад и затаиться среди гороха и бобов до тех пор, пока он не уедет.

Прекрати, — приказала она самой себе, — немедленно прекрати. В любом случае, он живой человек.

— Я здесь, Гарольд, — позвала она.

— Привет, Фрэн, — сказал он радостно, и глаза его с жадностью скользнули по ее фигуре.

— Привет, Гарольд.

— Я слышал, что ты делаешь успехи в сопротивлении смертельной болезни, поэтому я и заехал к тебе. Я объезжаю город. — Он улыбнулся ей, обнажая зубы, которые, в лучшем случае, лишь шапочно были знакомы с зубной щеткой.

— Я очень расстроилась, когда услышала об Эми, Гарольд. Твой отец и мать?..

— Боюсь, что так, — сказал Гарольд. — Но ведь жизнь продолжается, правда?

— Наверное, — вымученно произнесла Фрэнни. Его взгляд снова остановился на груди, и она пожалела, что на ней не одет свитер.

— Как тебе моя машина?

— Она ведь принадлежит мистеру Брэннигану? — Мистер Брэнниган был местным агентом по продаже недвижимости.

— Принадлежала, — сказал Гарольд равнодушно.

— А теперь извини меня, Гарольд...

— Но чем ты можешь быть занята, детка?

Ощущение ирреальности происходящего вновь попыталось вползти в нее, и она задумалась о том, сколько же человеческий мозг может вынести перед тем, как лопнуть, словно старая изношенная резинка. Мои родители умерли, но я могу примириться с этим. Какая-то жуткая болезнь охватила всю страну, может быть, весь мир, пожиная праведных и неправедных — и я могу примириться с этим. Я копаю яму в саду, который мой отец пропалывал еще только неделю назад, и когда яма будет достаточно глубокой, я похороню его в ней — и я думаю, что смогу примириться с этим. Но Гарольд Лаудер в «Кадиллаке» Роя Брэннигана, пожирающий меня глазами и называющий меня «деткой»? Я не знаю. Господи. Я просто не знаю.

— Гарольд, — сказала она терпеливо. — Я тебе никакая не детка. Я на пять лет старше тебя. Физически невозможно, чтобы я была твоей деткой.

— Просто такое выражение, — сказал он, слегка зажмурившись от ее спокойной ярости. — В любом случае, что это там такое? Вон та яма?

— Могила. Для моего отца.

— Ааа, — протянул Гарольд тихим, встревоженным голосом.

— Хочу пойти попить воды. Честно говоря, Гарольд, я дожидаюсь того момента, когда ты уйдешь. Я не в духе.

— Понимаю, — сказал он напряженно. — Но Фрэн... в саду?

Она уже пошла к дому, но, услышав его слова, яростно обернулась.

— Ну, и что ты предлагаешь? Положить его в гроб и дотащить до кладбища? Но зачем все это? Он *любил* этот сад! Но в любом случае, тебе-то какое до этого дело?

Она расплакалась. Повернувшись, она побежала на кухню, зная, что Гарольд будет смотреть на ее покачивающиеся ягодицы, накапливая материал для порнофильма, постоянно прокручивающегося у него в голове.

Она закрыла за собой дверь, подошла к раковине и быстро выпила три стакана холодной воды подряд.

— Фрэн? — донесся до нее неуверенный, тихий голос.

Она обернулась и сквозь стекло двери увидела Гарольда. Он выглядел озабоченно и несчастно, и Фрэн внезапно почувствовала к нему жалость. Гарольд Лаудер, разъезжающий по этому печальному, опустевшему городу в «Кадиллаке» Роя Брэннигана, Гарольд Лаудер, у которого, возможно, в жизни не было ни одного свидания, одержимый чувством, которое он, наверное, сам определял, как презрение к миру. К свиданиям, девушкам, друзьям — ко всему. В том числе, и это уж наверняка, к самому себе.

— Извини, Гарольд.

— Нет, я сам виноват. Послушай, если ты не против, я могу помочь.

— Спасибо, но лучше мне сделать это одной. Это...

— Это личное. Конечно, я понимаю.

Она могла достать свитер из шкафа на кухне, но, разумеется, он понял бы, зачем она это сделала, а ей не хотелось снова смущать его. Гарольд изо всех сил пытался держаться, как хороший мальчик, что несколько напоминало попытки говорить на иностранном языке. Она вышла из дома, и мгновение они стояли вместе и смотрели на сад и на яму с разбросанной вокруг земель.

— Что ты собираешься делать? — спросила она Гарольда.

— Не знаю, — сказал он. — Знаешь... — Он запнулся.

— Что?

— Ну, мне трудно об этом говорить. Я не самый любимый человек на этом кусочке Новой Англии. Сомневаюсь, что мне поставят в этих краях памятник, даже если я когда-нибудь стану знаменитым писателем, как когда-то мечтал.

Она ничего не ответила, только продолжала смотреть на него.

— Вот! — воскликнул Гарольд, и тело его дернулось, словно слово вылетело из него, как пробка. — Вот я и удивляюсь этой несправедливости. Эта несправедливость выглядит — для меня, по крайней мере — такой чудовищной, что мне легче поверить, будто неотесанным грубиянам, которые посещают нашу местную цитадель знаний, удалось-таки наконец свести меня с ума.

Он поправил очки на носу, и она сочувственно заметила, насколько его мучают прыщи. Говорил ли ему кто-нибудь, — подумала она, — что мыло и теплая вода могут немного помочь? Или все они были слишком увлечены, наблюдая за тем, как их хорошенькая малышка Эми на крыльях неслась сквозь Мэнский университет, имея средний балл 3,8 и закончив двадцать третьей на курсе, где было более тысячи человек?

— Свести с ума, — тихо повторил Гарольд. — Я разъезжал по городу на «Кадиллаке». И посмотри на эти ботинки. — Он слегка приподнял штанины джинсов, приоткрывая сияющие ковбойские ботинки с изощренными украшениями.

— Восемьдесят шесть долларов. Я просто зашел в обувной магазин и подобрал мой размер. Я чувствовал себя самозванцем. Актером в пьесе. Сегодня были такие моменты, когда я был уверен, что сошел с ума.

— Нет, — сказала Фрэнни. От него пахло так, словно он не принимал ванну три или четыре дня, но это больше не вызывало у нее отвращения. — Откуда эта сорочка? Я приснюсь тебе, если ты приснишься мне? Мы не сумасшедшие, Гарольд.

— Может быть, было бы лучше, если бы мы действительно оказались сумасшедшими.

— Кто-то появится, — сказала Фрэнни. — Через некоторое время. Когда эта болезнь, наконец, кончится.

— Кто?

— Кто-то сильный, — сказала она неуверенно. — Кто-то, кто сможет... ну... привести все в порядок.

Он горько засмеялся.

— Милая ты моя детка... извини, Фрэн. Фрэн, все это сделали сильные люди у власти. Они здорово умеют приводить все в порядок. Одним махом они разрешили все проблемы — экономическую депрессию, загрязнение окружающей среды, нехватку топлива, холодную войну. Да, они все привели в полный порядок. Они разрешили проблемы тем же способом, которым Александр распутал Гордиев узел — просто разрубив его пополам.

— Но ведь это просто новый вирус *grippe*, Гарольд. Я слышала по радио.

— Мать-Природа не работает такими методами, Фрэн. Это у твоих сильных людей у власти есть свора бактериологов, вирусологов и эпидемиологов, засевавших в каком-нибудь правительственном учреждении и занятых изобретением всяких новых зверюшек. А потом какая-нибудь хорошо оплачиваемая жаба говорит: «Смотрите, что я придумал. Убивает почти всех». Ну разве это не прекрасно? Ему дают медаль и увеличивают зарплату. А потом кто-нибудь разбивает пробирку.

— Что ты будешь делать, Фрэн?

— Хоронить отца, — ответила она мягко.

— Ой... ну конечно. — Он быстро посмотрел на нее и сказал: — Послушай, я собираюсь уехать отсюда. Из Оганквита. Если я останусь здесь еще на какое-то время, то действительно сойду с ума. Фрэн, почему бы тебе не поехать со мной?

— Куда?

— Пока не знаю.

— Ну, когда будешь знать, приди и спроси меня еще раз.

Гарольд просиял.

— Хорошо. Так я и сделаю. Видишь ли, дело в том... — Он запнулся и сошел с крыльца, словно в каком-то полусне. Его новые ковбойские ботинки сверкали на солнце. Фрэн наблюдала за ним с грустным недоумением.

Он помахал ей перед тем, как сесть за руль «Кадиллака». Фрэн подняла руку в ответ. Он неумело дал задний ход. Машина дернулась влево и раздавила некоторые из цветов Карлы. Наконец, он вырулил на дорогу и чуть не попал в канаву. Потом он просигналил два раза и укатил. Фрэн смотрела ему вслед, пока он не скрылся из виду, а потом вернулась в сад своего отца.

После четырех часов дня, пересиливая себя, она поднялась вверх шаркающей походкой. В висках у нее стучала тупая головная боль, вызванная жарой и переутомлением. Она решила было отложить это на один день, но ведь будет только хуже. В руках она несла лучшую дамасскую скатерть своей матери, предназначенную исключительно для гостей.

Все было не так хорошо, как она надеялась, но и не так плохо, как она страшилась. На лице у него были мухи, и кожа потемнела, но у него был такой сильный загар от работы в саду, что это едва было заметно. Запаха не чувствовалось, а запаха-то она и боялась сильнее всего.

Он умер на двуспальной кровати, которую годами разделял с Карлой. Фрэнни положила скатерть на половину матери и, сглотив слюну, приготовилась перекачать отца на его саван.

На Питере Голдсмите была надета полосатая пижама, и она была поражена легкомысленным несоответствием этого одеяния данному случаю, но придется обойтись тем, что есть. Она не могла даже подумать о том, чтобы переодеть его.

Напрягшись, она ухватила его за левую руку — она была твердой, как мебель — и перекачала его на скатерть. Отвратительный, протяжный звук раздался из его рта, словно туда забралась цикада и завела там свою нескончаемую песню.

Она взвизгнула, отшатнулась и сшибла прикроватный столик. Его расчески, щетки, будильник, небольшая кучка мелочи, несколько булавок для галстука и запонок со звяканьем упали на пол. *Теперь она почувствовала запах*, омерзительный запах разложения, и последняя защитная дымка вокруг нее рассеялась. Теперь она знала правду. Она упала на колени, обхватила руками голову и зарыдала. Она хоронит не какую-нибудь куклу ростом с человека, она хоронит своего *отца*, и последнее — самое последнее — человеческое свойство, которое от него осталось, это крепкий, ядовитый запах, распространившийся теперь по комнате. А скоро и он исчезнет.

Постепенно она пришла в себя, и к ней вернулось сознание предстоящей работы. Она подошла к нему и перевернула его на спину. Он издал еще один рыгающий звук, на этот раз тихий и угасающий. Она поцеловала его в лоб.

— Я люблю тебя, папочка, — сказала она. — Я люблю тебя, Фрэнни любит тебя. — Ее слезы капали на его лицо. Она сняла с него пижаму и одела его в лучший костюм. В нижнем ящике, под носками, она нашла его военные награды и приколотла их к пиджаку. В ванной комнате она нашла детскую пудру «Джонсон» и напудрила его лицо, шею и руки. Сладкий, ностальгический запах пудры вновь заставил ее заплакать.

Она завернула в скатерть, достала швейный набор матери и зашила саван. С трудом ей удалось медленно опустить его тело на пол. Приподняв верхнюю часть тела, она очень осторожно опустила его по лестнице. Потом она остановилась передохнуть. Воздух выходил

у нее из легких с короткими, жалобными стонами. Головная боль стала еще сильнее.

Она протащила тело по прихожей и через кухню, а потом вытащила его на крыльцо. Вниз по ступенькам. Теперь снова надо отдохнуть. Земля была освещена золотыми лучами заходящего солнца. Она села рядом с телом отца, положила голову на колени и снова дала волю слезам. Щебетали птицы. Наконец она смогла вытащить его в сад.

К четверти девятого все было кончено. Она изнемогала от утомления. Волосы повисли спутанными крысиными хвостами.

— Покойся в мире, папочка, — пробормотала она. — Пожалуйста.

Она оттащила лопату обратно в мастерскую отца. Пока она поднималась по шести ступенькам крыльца, ей пришлось отдохнуть два раза. Не включая света она прошла через кухню и сбросила свои теннисные туфли, прежде чем войти в гостиную. Она рухнула на кушетку и немедленно уснула.

Во сне она вновь поднималась по лестнице, направляясь к отцу, чтобы исполнить свой долг и похоронить его надлежащим образом. Но когда она вошла в комнату, то скатерть уже была на нем, и ее горе уступило место какому-то другому чувству... очень похожему на страх. Она пересекла погруженную во мрак комнату, не желая этого делать, с одной лишь мыслью о том, что надо бежать отсюда, но не в силах остановиться. Скатерть призрачно светилась в сумерках, и внезапно она поняла: «То, что там лежит,

— это не ее отец. И то, что там лежит, вовсе не мертво.»

Что-то — кто-то, исполненное омерзительного веселья, было под скатертью, и лучше ей расстаться с жизнью, чем сдвинуть ее, но она... не могла... остановиться.

Ее рука вытянулась, замерла над скатертью и резко отдернула ее.

Он усмеялся, но она не могла разглядеть его лица. От этой ужасной усмешки ее захлестнула волна ледяного холода. Да, она не могла разглядеть его лица, но чувствовала, какой подарок преподнесло это кошмарное видение ее неродившемуся ребенку — перекрученную пуповину.

Она спасалась бегством, из комнаты, из сна, просыпаясь, ненадолго выныривая на поверхность...

В три часа ночи она ненадолго очнулась от сна — ее тело, плавало в пене ужаса, а сон уже распадался и терял связность, оставляя после себя лишь чувство обреченности, напоминавшее прогорклый привкус во рту, который остается после какого-нибудь протухшего блюда. В промежутке между сном и бодрствованием она подумала: «Он, это он, Ходячий Хлыщ, человек, у которого нет лица.»

Потом она снова заснула, на этот раз без снов, и когда она проснулась на следующее утро, ночной кошмар не всплыл у нее в памяти. Но когда она подумала о ребенке у себя в животе, ее немедленно захлестнуло яростное желание встать на его защиту. Глубина и сила этого чувства смутили ее и немного испугали.

Вечером, накануне той самой ночи, когда Ларри Андервуд спал с Ритой Блэкмор, а Фрэнни Голдсмит спала одна и видела во сне свой загадочный, зловещий кошмар, Стюарт Редман ожидал Элдера. Он ждал его уже три дня, и на этот раз Элдер его не разочаровал.

После полудня двадцать четвертого Элдер приходил с двумя медбратьями и забрал телевизор. Но Стью телевизор был уже не нужен — все равно по нему передавали всякую запутанную чушь. Все, что Стью было нужно, — это стоять у зарешеченного окна и смотреть на город у реки.

Дым больше не поднимался над трубами текстильной фабрики. Цветастые пятна краски на реке исчезли, и вода очистилась. Большинство машин, выглядевших сверху как игрушечные модельки, разъехались со стоянки у фабрики и не вернулись обратно. За вчерашний день, двадцать шестое июня, из города выехало всего лишь несколько машин, да и тем пришлось пробираться между брошенными автомобилями, как горнолыжникам на слаломной трассе.

Город расстилался под ним как рельефная карта. Он выглядел абсолютно опустевшим. Сегодня в девять часов утра городские часы, отсчитавшие время от его заточения, пробили в последний раз. Весь день сегодня горело какое-то здание — то ли придорожное кафе, то ли универсальный магазин на выезде из города. Ни одна пожарная машина не появилась. К вечеру руины еще дымились, несмотря на прошедший днем небольшой дождик.

Стью предполагал, что Элдер отдал приказ убить его — почему бы и нет? Ну, будет одним трупом больше. Он знал их маленький секрет. Они не сумели найти лекарство и не смогли понять, чем его тело отличается от тех людей, которые умерли от этой штуки. А мысль о том, что вряд ли он найдет кого-нибудь, кому он сможет рассказать их маленький секрет, вряд ли придет им в голову.

Стью знал наверняка, что герой романа или телевизионной передачи обязательно нашел бы способ убежать отсюда. Черт, да и в жизни такие люди встречаются, но он к их числу не принадлежит. В конце концов он решил, что ему остается только одно — ждать Элдера и постараться быть готовым ко всему.

Медсестры называли Элдера доктором, но он им не был. Он был на середине пятого десятка, обладал тяжелым взглядом и не имел чувства юмора. Ни один из докторов до Элдера, не нуждался в том, чтобы держать Стью под прицелом. Стью испугался Элдера, так как понял, что не имеет смысла что-то обсуждать с этим человеком или умолять его о чем-нибудь. Элдер ждал приказов. Как только они поступали, он их выполнял. И ему никогда не пришло бы в голову усомниться в их разумности в свете свершающихся событий.

Красная лампочка вспыхнула над дверью ровно в десять часов вечера, и Стью почувствовал, как на ладонях и на лице у него выступает пот. Так было каждый раз, когда зажигался красный свет. Потому что когда-нибудь Элдер придет один. Он придет один, так как ему не нужны свидетели. Где-нибудь здесь, наверное, есть печь, в которой сжигают жертв эпидемии.

Элдер запихнет его туда. И никаких следов.

Элдер вошел внутрь. Один.

Стью сидел на больничной койке, положив руку на спинку стула. При виде Элдера он почувствовал знакомую пустоту в желудке. Все вокруг стало очень отчетливым, ярким, неторопливым. Ствол револьвера показался ему размером с туннель.

— Как вы себя чувствуете? — спросил Элдер, и даже сквозь переговорное устройство

Стью различал гнусавый оттенок его голоса. Эддер был болен.

— По-прежнему, — ответил Стью, удивившись спокойствию своего голоса.

— Скажите, когда я смогу выйти отсюда?

— Теперь уже очень скоро, — сказал Эддер. Револьвер его был направлен в сторону Стью, не точно в него, но и не в сторону. Раздалось приглушенное чихание. — Вы не слишком-то разговорчивы, а?

Стью пожал плечами.

— Мне это нравится, — сказал Эддер. — Минут двадцать назад ко мне поступил приказ насчет вас, мистер Редман.

— Какой приказ?

— Ну, мне приказали...

Глаза Стью устремились поверх плеча Эддера.

— Боже мой, — воскликнул он. — Там крыса! Ну и дыра у вас тут!

Эддер обернулся, и на мгновение Стью едва не впал в оцепенение от неожиданного успеха своей хитрости. В тот момент, когда Эддер вновь стал оборачиваться к нему, он уже соскользнул с кровати и ухватил стул за спинку. Глаза Эддера тревожно расширились. Стью сделал шаг вперед и поднял стул.

— Назад, — закричал Эддер. — Не смей...

Стул опустился на правую руку Эддера, и револьвер полетел вниз. Пуля визгнула по полу.

Стью подумал, что ему вряд ли придется рассчитывать больше, чем на один удар до того, как Эддер оправится. Он вложил в замах всю свою силу. Эддер попытался защититься сломанной правой рукой, но не смог этого сделать. Ножки стула опустились на шлем белого скафандра. Пластмассовое окошко для лица разлетелось вдребезги, и осколки брызнули Эддеру в лицо. Он вскрикнул и упал на спину.

Потом он встал на четвереньки и попытался дотянуться до револьвера на ковре. Стью в последний раз занес стул и ударил им Эддера по затылку. Эддер рухнул. Тяжело дыша, Стью наклонился и поднял револьвер. Он отступил назад, держа под прицелом распростертое тело Эддера, но тот не двигался.

На мгновение его посетила кошмарная мысль: Что если Эддеру поступил приказ освободить его?

Нет — Эддера послали сюда, чтобы убить его.

Стью оглядел распростертое тело, дрожа с головы до ног. Если Эддер сейчас встанет, — подумал Стью, — то он промахнется всеми пятью пулями. Но вряд ли Эддер собирается подняться. И вряд ли когда-нибудь соберется.

Стью зашел в воздушную камеру между двумя дверьми и нажал кнопку с надписью ЦИКЛ. Насос заработал. Открылась внешняя дверь. За ней оказалась небольшая комнатка с одним только письменным столом. На нем лежала тонкая стопка медицинских карт... и его одежда. Все это предназначалось к отправке в крематорий вместе с ним, сомнений нет. Его карты, его одежда. Итак, Стюарт Редман должен был превратиться в несуществующее лицо. В сущности...

Позади него раздался негромкий шум, и Стью быстро обернулся. Эддер ковылял по направлению к нему. Из вытекшего глаза торчал осколок пластмассы. Эддер улыбался.

— Не двигаться, — произнес Стью. Он поднял пистолет и сжал его двумя руками, но ствол все дрожал.

Эддер словно не слышал. Он продолжал идти.

Содрогнувшись, Стью спустил курок. Револьвер дернулся у него в руках, и Эддер остановится. Улыбка превратилась в гримасу, словно в лицо ему брызнули из газового

баллончика. В белом костюме появилась небольшая дырка. Мгновение Элдер стоял, покачиваясь, а потом рухнул навзничь.

Стью открыл дверь в дальнем конце комнатки, в которой лежала его одежда. За дверью оказался коридор, освещенный лампами дневного света. Он услышал отдаленный стон, за которым последовал долгий припадок кашля.

Потом Стью вернулся обратно в комнатку и забрал свою одежду. С одеждой под мышкой он пошел по коридору по направлению к лифтам. Он снова услышал стон, на этот раз он был громче. За лифтами оказался еще один коридор, под прямым углом смыкавшийся с тем, по которому шел Стью. В этом коридоре, прислонившись к стене, стоял человек, в котором Стью узнал одного из медбратьев. Лицо его распухло и почернело, грудь вздымалась и опадала резкими рывками. Позади него, свернувшись калачиком, лежал труп. Дальше по коридору было еще три тела, одно из них — женское. Медбрат — Стью вспомнил, что его зовут Вик — снова начал кашлять.

— Боже мой, — сказал Вик. — Боже мой, что вы здесь делаете? Вам не полагается быть здесь.

— Элдер пришел позаботиться обо мне, а вместо этого я позаботился о нем, — сказал Стью. — Мне повезло, что он был болен.

— Господи Боже мой, тебе действительно повезло, — сказал Вик и снова зашелся в припадке кашля. — Если бы ты знал, парень, как это больно. Как нас всех выдрючили. Боже ты мой.

— Слушай, могу я чем-нибудь помочь? — спросил Стью.

— Если ты серьезно, то приставь эту пушку мне к уху и спусти курок. Меня внутри раздирает на кусочки. — Он снова начал кашлять, а потом беспомощно застонал.

Но Стью не мог выполнить этой просьбы. Глухие стоны Вика продолжались, и нервы у Стью не выдержали.

Двери лифта закрылись, а машина отправилась вниз. Лишь после этого Стью пришло в голову, что лифт может оказаться ловушкой. Это вполне в их духе. Может быть, отравляющий газ, или сработает рубильник, отсоединив тросы и отправив лифт в недолгое путешествие на дно шахты. Он нервно огляделся, пытаясь найти какие-нибудь лазейки или потайные выходы. Клаустрофобия погладила его своей шершавой рукой, и неожиданно лифт стал казаться не больше телефонной будки, не больше гроба. Преждевременные похороны.

Он уже собрался нажать кнопку СТОП, но подумал, что в этом нет никакого смысла — все равно он окажется между этажами. В этот момент лифт замедлил ход и остановился самостоятельно.

ЧТО ЕСЛИ ЗА ДВЕРЬМИ ОКАЖУТСЯ ВООРУЖЕННЫЕ ЛЮДИ?

Но единственным часовым, который подждал его перед лифтом, оказались мертвая женщина в форме медсестры. Перед смертью она также свернулась калачиком.

Обходя медсестру стороной, Стью пошел по коридору. Позади него раздался шум, и он резко повернулся, вскинув револьвер. Но это оказались всего лишь закрывающиеся двери лифта. Он пошел дальше. Вновь его поглаживала шершавая рука, наигрывая мелодии на его позвоночнике и убеждая его пуститься бегом, прежде чем кто-нибудь... что—нибудь... сумеет до него добраться. Он добрался до того места, где коридор, по которому он шел, смыкался под прямым углом с еще одним коридором. Там бил небольшой фонтанчик с питьевой водой, но теплый привкус хлорки чуть не вывернул его желудок наизнанку.

Слева выхода не было. На кафельной стенке был нарисован оранжевый указатель с надписью БИБЛИОТЕКА. Казалось, коридор простирается в том направлении на многие мили. В пятидесяти ярдах валялось тело человека в белом скафандре.

Он начал терять самообладание. Здание было огромным, куда больше, чем он подумал сначала. Он может часами бродить здесь, оглашая помещения звуками своих шагов и то и дело натываясь на трупы. Они были натканы повсюду, словно призы в какой-нибудь омерзительной игре «Охота за сокровищами».

Он повернул направо, прошел мимо каких-то кабинетов, свернул в другой коридор. Он начал часто оглядываться, убеждаясь в том, что никто — Эдлер, например — не следует за ним по пятам. В конце этого коридора оказалась закрытая дверь с надписью РАДИОЛОГИЯ. На ручке висела от руки написанная табличка: ЗАКРЫТО ВПЛОТЬ ДО ДАЛЬНЕЙШИХ РАСПОРЯЖЕНИЙ РЭНДЕЛЛ.

Стью вернулся к развилке и пошел в другую сторону. На этот раз коридор закончился лабораторией микробиологии. В одном из боксов лаборатории на своем письменном столе лежал молодой человек в коматозном состоянии. Кровь шла у него изо рта и из носа. Дыхание вырвалось у него изо рта с таким звуком, будто осенний ветер гонял по полю высохшие обертки кукурузных початков.

И тогда Стью все-таки побежал, из коридора в коридор, все более и более убеждаясь в том, что выхода нет, во всяком случае, на этом этаже. Эхо его шагов следовало за ним по пятам, словно Вик или Эдлер прожили достаточно долго для того, чтобы успеть направить за ним в погоню взвод военной полиции. Потом им овладело другое наваждение, каким-то образом связанное с теми снами, которые он видел в последнее время — что-то насчет бесконечных рядов кукурузы, среди которых скрывается какая-то опасность. И он уже не мог оборачиваться, опасаясь, что увидит позади себя фигуру в белом скафандре, у которой за плексигласовым окошком для лица нет ничего, кроме черной пустоты.

Тяжело дыша, Стью завернул за угол, пробежал десять футов и налетел на дверь с табличкой. На табличке было написано ВЫХОД.

Он взялся за ручку, не сомневаясь, что дверь не откроется, но она поддалась неожиданно легко. По ступенькам он спустился на площадку перед следующей дверью. Еще один пролет вел с площадки вниз, в густую темноту. Верхняя часть двери была стеклянной. За стеклом была восхитительная летняя ночь и вся свобода, о которой человек мог мечтать.

Стью все еще неподвижно смотрел сквозь стекло, когда из темноты ведущего вниз крутого лестничного пролета высунулась рука и ухватила его за лодыжку. Сдавленный крик вырвался у Стью из горла. Он обернулся, чувствуя, что его живот превратился в глыбу льда, и увидел в темноте окровавленное, ухмыляющееся лицо.

— Спускайся ко мне и поешь со мной цыпленка, радость моя, — прошептала тварь надтреснутым, умирающим голосом. — Здесь так ТЕМНОООООО...

Стью закричал и попытался освободить ногу. Ухмыляющаяся тварь не отпускала. Кровь или желчь капала у нее из уголков рта. Стью ударил ногой по руке, ухватившей его за лодыжку, а потом наступил на нее. Лицо скрылось в темноте. Послышалась серия глухих ударов... а потом раздались крики. Боли или гнева — Стью точно определить не мог. Он ударил дверь плечом, и она с шумом распахнулась. Он выскочил наружу, размахивая руками, чтобы не потерять равновесие. Так или иначе, он его потерял и упал на асфальтовую дорожку.

Медленно и осторожно он приподнялся и сел. Крики позади него прекратились. Прохладный вечерний ветерок коснулся его лица и осушил пот. С удивлением он заметил, что вокруг него трава и цветочные клумбы. Ночь никогда не пахла так сладко и нежно, как сейчас. Месяц парил в небе. Стью благодарно посмотрел ввысь и пошел через лужайку в направлении дороги, ведущей в Стовингтон. Трава была покрыта росой. Он слышал, как ветер шумит в соснах.

— Я жив, — сказал Стю Редман, обращаясь к ночи. Потом он заплакал. — Я жив, слава тебе. Господи, я жив. Слава тебе. Господи, слава тебе. Господи, слава тебе...

Слегка пошатываясь, он пошел по дороге в сторону города.

Кристофер Брейдентон выбрался из бреда, который засосал его, словно зыбучий песок. Все тело его болело. Лицо было чужим, словно кто-то сделал ему дюжину инъекций силикона, и распухло, как дирижабль. Воздух со свистом вырывался у него из легких. Но хуже всего был жар. Он вспомнил, как меньше двух лет назад он испытал нечто подобное, когда вез двух политических заложников, захваченных в Техасе к западу от Лос-Анджелеса. Их древний «Понтиак» умер на шоссе *N190 в Долине Смерти*, и тогда-то его и охватил жар. Но на этот раз дела обстояли хуже. Это был внутренний жар, словно он проглотил солнце.

Он застонал и попытался сбросить с себя одеяла, но не хватило сил. Он сам лег в постель? Вряд ли. Кто-то или что-то было в доме вместе с ним. Кто-то или что-то... он никак не мог вспомнить. Все, что Брейдентон мог вспомнить, сводилось к тому, что ужас овладел им еще до того, как он заболел. Он знал, что кто-то (или что-то) приближается, и он должен... должен что?

Он снова застонал и помотал головой. В памяти возникали только картины бреда. Призраки с тупыми глазами. Его мать, умершая в 1969 году, вошла в спальню с бревенчатыми стенами и сказала ему: «Кит, ой, Кит, я же тебе говорила, не связывайся ты с этими людьми, говорила я тебе. Мне нет дела до политики, говорила я, но эти люди, с которыми ты ошиваешься, они сумасшедшие, как бешеные собаки, а девушки — просто шлюхи. Я ведь говорила тебе. Кит...» А потом лицо ее распалось, и сквозь трещины полезли могильные черви. И тогда он закричал и продолжал кричать до тех пор, пока вокруг вновь не сгустилась темнота. Из темноты слышались неясные крики, топот ног... потом появились огни, вспышки, запах газа, и он вновь оказался в Чикаго в 1968 году. У входа в парк в водосточной канаве лежала девушка в джинсах, и в ее волосах застряли сверкающие осколки стекла, а лицо ее было окровавлено и напоминало мордочку раздавленного насекомого. Он помог ей встать на ноги, и она вскрикнула и прижалась к нему, так как из облака газа выходило космическое чудовище в сверкающих черных ботинках, военной куртке и противогазе. В руке оно держало дубинку. А когда космическое чудовище сняло маску, обнажив свою пылающую ухмылку, то они оба вскрикнули, так это был кто-то или что-то, кого он ждал, человек, которого Кит Брейдентон всегда боялся. Это был Ходячий Хлыщ.

Крики Брейдентона разорвали ткань этого сна, и он оказался в Боулдере, штат Колорадо, в квартире на бульваре Кэнион. Разгар лета, и так жарко, что даже в шортах твое тело изнемогает от пота, а рядом стоит самый красивый парень в мире в лимонно-желтых плавках, которые любовно обрисовывают каждую выпуклость и впадинку его драгоценных ягодичек, и ты знаешь, что если он повернется, то лицо у него будет как у рафаэлевского ангела. Где ты его подцепил? На университетской сходке, посвященной обсуждению проблемы расизма? Или в кафетерии? Или во время автостопа? Какая разница? Ой, как жарко, но ведь есть вода, кувшин с водой, ваза с водой на которой вырезаны странные фигуры, а рядом лежит таблетка, нет — ! ТАБЛЕТКА! Которая поможет ему попасть в то место, которое этот загорелый ангел в желтых плавках называет Хакслилендом, где цветы растут на мертвых дубах, ой, парень, что за эрекция разрывает изнутри твои плавки! Был ли когда-нибудь Кит Брейдентон настолько возбужден, настолько готов к любви? «Пойдем в постель», — говоришь ты этой гладкой коричневой спине, — «пойдем в постель, и ты трахнешь меня, а потом я трахну тебя. Так, как ты захочешь». «Сначала прими таблетку», — говорит он, не оборачиваясь. «А потом посмотрим». Ты принимаешь таблетку, и постепенно все вокруг начинает принимать причудливые очертания и каждый уголок в помещении становится либо

успев со мной поговорить.

— ...слезь... слезь... слезь с меня...

— Нам надо поговорить о документах, которые ты должен был для меня приготовить, и о машине, и о ключах от машины. Пока в твоём гараже стоит только «Шевроле»-пикап, а насколько я знаю, киска, это твоя машина, так как же насчет всего этого?

— ...они... бумаги... не могу... не могу говорить... — Он попытался вдохнуть. Зубы его щелкнули, как птички на дереве.

— Лучше бы тебе заговорить, — сказал Фрай. — Скажи мне все, и я оставлю тебе таблетки. Я даже поддержу тебя, чтобы ты мог проглотить их. Тебе будет хорошо, парень. Таблетки решают все проблемы.

Брейдентон, трясущийся и от холода, и от страха, выдавил из себя несколько слов:

— Документы... на имя Рэнделла Флегга. Валлийский туалетный столик внизу.

— Машина?

Брейдентон попытался сосредоточиться. Достал ли он этому человеку машину? Все это было так давно, его отделял от того времени пожар бреда, похоже, спаливший всю его память.

Фрай мягко положил одну руку Брейдентону на рот, а другой зажал ноздри. Брейдентон забился. Из под руки Фрая раздались приглушенные стоны. Фрай отнял руки и сказал:

— Помогает вспомнить?

Как ни странно, это действительно помогло.

— Машина... — сказал он, и судорожно стал хватать ртом воздух. Потом он отдышался и смог продолжать. — Машина стоит... за заправкой Коноко... сразу за городом. Шоссе N51.

— На север или на юг от города?

— Ю... ю...

— Ю! Я понял. Продолжай.

— Накрыта брезентом... «Бьюик». Права в бардачке. На имя... Рэнделла Флегга.

— Ключи?

— Под ковриком...

Фрай лишил Брейдентона дальнейшей возможности говорить, усевшись поплотнее к нему на грудь. Последнего дыхания Брейдентона хватило только на одно слово:

— ...пожалуйста...

— И спасибо, — сказал ему Ричард Фрай — Рэнделл Флегг с суровой усмешкой. — Скажи «спокойной ночи», Кит.

Кит Брейдентон мог лишь вращать глазами.

— Не думай обо мне плохо, — мягко сказал темнокожий человек, глядя на Брейдентона. — Просто нам надо торопиться. Начинается карнавал. И это моя счастливая ночь, Кит. Я чувствую это. Я не могу ошибиться. Так что надо торопиться.

До заправки Коноко было около полутора миль, и он добрался туда к четверти четвертого. По дороге он повстречал четыре трупа — трех собак и одного мужчину. Брезент, укрывавший «Бьюик», был туго укреплен вбитыми в землю колышками. Когда Флегг выдернул колышки, брезент был унесен ветром, словно огромное серое привидение, движущееся на восток. Вопрос состоял в том, в каком направлении двигаться ему?

Он постоял рядом с «Бьюиком», вдыхая летний ночной воздух, словно койот. Прошло время. Он усмехнулся. Теперь он знал.

Он скользнул за руль «Бьюика» и пару раз нажал на педаль газа, чтобы подготовить карбюратор. Мотор заурчал, и стрелка индикатора бензина качнулась до отказа вправо. Он тронулся с места и объехал заправку. В свете фар сверкнули два изумруда — глаза кошки,

зажавшей в зубах маленькое безвольное мышинное тельце. При виде его ухмыляющегося, луноподобного лица, кошка выронила свою добычу и убежала. Флегг громко расхохотался — это был искренний смех человека, у которого на уме только хорошее. Выехав с заправки, он повернул направо и отправился на юг.

— Мама, — донесся хриплый, протяжный крик. — Мама!

Скрестив ноги, Ллойд сидел на полу своей камеры. Обе его руки были в крови, словно он надел красные перчатки. Легкая голубая рубашка также была испачкана кровью, так как он вытирал об нее руки. Было десять часов утра двадцать девятого июня. Сегодня в семь часов утра Ллойд заметил, что правая передняя ножка его койки шатается. С тех пор он пытался отвернуть болты, которые крепили ее к полу и к кроватной раме. Роль инструментов исполняли его пальцы. Ему удалось выковырять пять из шести болтов. В результате руки его стали похожи на раскрошившиеся сырые гамбургеры. Шестой болт оказался упрямой штучкой, но он начинал думать, что в конце концов ему удастся его вытащить. О том, что будет дальше, он не позволял себе думать. Единственный способ избежать паники — это поменьше думать.

— Мамаааа...

Он вскочил на ноги, роняя на пол капли крови со своих израненных, дрожащих пальцев, и высунул голову в коридор так далеко, как только мог, схватившись руками за решетку и яростно выкатив глаза.

— Заткнись, мудила! — закричал он. — Заткнись, ты меня достал!

В воздухе повисла долгая пауза. Ллойд наслаждался тишиной. Молчание — золото. Эта поговорка всегда казалась ему глупой, но теперь он готов был признать, что в ней есть доля правды.

— МАААААААМААААААА... — донесся снизу протяжный вопль.

— Господи, — пробормотал Ллойд. — Господи Боже. ЗАТКНИСЬ! ЗАТКНИСЬ! ЗАТКНИСЬ, ЧЕРТОВ МУДАК!

— МААААААААААМАААААААААААААААААА...

Ллойд с яростью принялся за ножку своей койки, пытаясь не обращать внимания на дрожь в пальцах и панику в голове. Он попытался точно вспомнить, когда он в последний раз видел своего адвоката — подобные факты быстро тускнели в памяти Ллойда, которая удерживала хронологию прошедших событий не лучше, чем решето — воду. Три дня назад. Да. Когда его вели мимо дверного охранника, тот чихнул Ллойдю прямо в лицо, забрызгав его слюной. Я тут припас для тебя несколько вирусов, пидор ты гнойный; все, начиная с директора, у нас больны, а я верю в то, что богатство надо делить поровну. В Америке даже такие подонки, как ты, имеют право заболеть гриппом. Его ввели к Девинзу. У Девинза были хорошие новости. Судья, который должен был председательствовать на слушании дела Ллойда, был скошен гриппом. Двое других судей также были больны. Может быть, они добьются отсрочки. Постучи по дереву, — сказал ему адвокат. Когда это будет точно известно? — спросил Ллойд. Все может выясниться только в последнюю минуту, — ответил Девинз. Я дам тебе знать, не беспокойся. Но с тех пор Ллойд его не видел, и сейчас, думая об их последней встрече, Ллойд вспомнил, что у адвоката был насморк и...

— ОооооууууааааГосподи!

Он засунул пальцы правой руки себе в рот и ощутил вкус крови. Но этот задроченный болт немного подался, а это значило, что он обязательно его отвернет. Даже крикун снизу теперь не выведет его из себя. Сейчас он открутит болт. А потом просто подождет и посмотрит, что у него получилось. Он посасывал пальцы во рту, давая им отдохнуть. Когда все будет кончено, он разорвет свою рубашку на полосы и забинтует их.

— Мама?

— Имел я твою маму в рот, — пробормотал Ллойд.

Вечером того дня, когда он в последний раз виделся с Девинзом, из камер стали выносить тяжело больных заключенных. Человек в камере справа от Ллойда — его звали Траск — обратил внимание на то, что и сами охранники набиты соплями. Может, нам обломится с этого какая-нибудь выгода? — сказал Траск. Какая? — спросил Ллойд. Не знаю, — сказал Траск, отсрочка, скажем.

Под матрацем у Траска было спрятано шесть косяков. Четыре из них он отдал одному из охранников, который был еще в состоянии рассказать им о том, что происходит снаружи. Охранник сказал, что люди бегут из Феникса. Многие больны, и люди погибают с бешеной скоростью. Правительство говорит, что скоро будет вакцина, но большинство думает, что это наколка. Многие калифорнийские радиостанции передают всякие ужасы о военном положении, армейских блокадах, обезумевших дезертирах с оружием в руках и о десятках тысяч умерших. Охранник сказал, что не удивится, если узнает, что какой-нибудь длинноволосый коммунист подмешал чего-нибудь в водопровод.

Охранник сказал, что сам он чувствует себя прекрасно, но собирается убраться куда подальше, как только окончится его смена. Он слышал, что с завтрашнего утра армия собирается заблокировать выезды из города, так что он забирает жену с ребенком и как можно больше еды и отсидится в горах, пока все это не кончится. Охранник сказал, что у него там есть домик, и если кто-нибудь попытается приблизиться к нему на расстояние тридцати ярдов, он всадит ему пулю в лоб.

На следующее утро у Траска потекло из носа, и он сказал, что чувствует жар. Он чуть не помешался от страха — Ллойд помнил, как он сосал свои пальцы. Каждому проходившему мимо охраннику Траск кричал, что его надо скорее выпустить отсюда до тех пор, пока он действительно не заболел. Охранники не обращали никакого внимания ни на него, ни на других заключенных, которые бродили по камерам, как львы из зоопарка, не получившие вовремя еду. Тогда Ллойд впервые по-настоящему испугался. Обычно на этаже бывало двадцать охранников, так почему же теперь он видел сквозь решетку лишь около пяти различных лиц?

В тот день, двадцать седьмого, Ллойд стал съедать только половину полагавшейся ему еды. Вторую половину он прятал под матрацем.

Вчера Траск неожиданно упал в конвульсиях. Его лицо стало черным, как туз пик, и он умер. Ллойд жадно посмотрел на недоеденный ленч Траска, но достать его он не мог. Вчера на этаже еще было несколько охранников, но они уже никого не переносили в лазарет. За Траском никто так и не пришел.

Вчера во второй половине дня Ллойд задремал. Когда он проснулся, коридоры крыла особого режима были пусты. Ужин не принесли. Позже, когда автоматически включилось освещение, Ллойд поел немного бобов, сэкономленных два дня назад. Вкус был ужасный, но он все равно съел их. Но запасы его были ограничены. Если бы он знал, что все это действительно произойдет, он откладывал бы больше. В глубине его сознания пряталось нечто, что ему не хотелось видеть. Какой-то отдаленный уголок был словно завешан драпировками, а за ними что-то скрывалось. Виднелись только костлявые, скелетоподобные ноги. Лучше не заглядывать. Потому что там, за драпировками, стоял исхудалый труп по имени ГОЛОД.

— О нет, — сказал Ллойд. — Кто-нибудь придет сюда. Разумеется придет. Это так же верно, как и то, что дерьмо прилипает к одеялу.

Но он все вспоминал о своем кролике. Он ничего не мог с собой поделат. Он выиграл кролика с клеткой в школьной лотерее. Отец был против, но Ллойд как-то удалось убедить

его, что он будет ухаживать за кроликом и кормить его из своих денег. Он любил кролика и заботился о нем. Сначала. Но увы, он быстро обо всем забывал. И однажды, раскачиваясь на шине, подвешенной на заднем дворе их маленького домика в Марафоне, штат Пенсильвания, он внезапно подскочил на месте, вспомнив о кролике. Он не вспоминал о нем за последние... ну, недели две или немного больше. Просто это как-то выскочило у него из головы.

Он побежал в небольшой сарайчик, пристроенный к амбару. Стояла жара, совсем как сейчас, и когда он шагнул внутрь, вкрадчивый запах наполнил его ноздри. мех, который он так любил гладить, сваялся и почернел. Белые личинки деловито копошились в глазницах, где когда-то были хорошенькие розовые глазки. Лапы кролика были изранены и окровавлены. Он попытался убедить себя в том, что лапы были покрыты кровью из-за того, что кролик царапал ими по стенкам клетки, и несомненно так оно и было, но какая-то болезненная, темная часть его сознания шептала ему, что, может быть, кролик, доведенный голодом до последней степени отчаяния, попытался съесть самого себя.

Спустя некоторое время после полуночи он заснул, а этим утром он стал трудиться над ножкой своей койки. Теперь, посмотрев на свои окровавленные пальцы, он с новым ужасом подумал о том давнишнем кролике, которому он не хотел принести никакого вреда.

К часу дня двадцать девятого июня он открутил ножку койки. В конце концов болт стал выкручиваться с глупой легкостью, ножка звякнула о пол камеры, и он посмотрел на нее, удивляясь, зачем же она ему понадобилась. Ножка была длиной около трех футов.

Он взял ее в руки и принялся колотить по стальной решетке.

— Эй! — завопил он. — Эй, выпустите меня отсюда! Я хочу выбраться отсюда, вы поняли? Эй, черт вас побери, эй!

Он замолчал и прислушался. На мгновение воцарилась полная тишина, а потом с нижнего этажа донесся хриплый, восторженный отклик:

— Мама! Я здесь, внизу, мама! Я внизу!

— Господи! — завопил Ллойд и швырнул ножку в угол. В течение долгих часов он трудился, практически искалечил свои пальцы, — и все это для того, чтобы разбудить этого мудака.

Он сел на койку, приподнял матрац и вынул оттуда кусок черствого хлеба. Он подумал, не добавить ли к этому горсть фиников, решил их пока оставить и все равно вынул их из-под матраца. Он съел их один за другим, оставив хлеб напоследок, для того чтобы перебить этот вязкий, фруктовый вкус.

Когда он покончил со своей жалкой трапезой, он бесцельно подошел к правой стенке своей камеры. Взглянув вниз, он издал крик отвращения. Траск наполовину сполз со своей койки, и его брюки слегка задралась. Лодыжки обнажились. Большая лоснящаяся крыса обедала ногой Траска. Отвратительный розовый хвост был аккуратно изогнут вокруг ее серого тела.

Ллойд пошел в другой угол своей камеры и подобрал ножку. Он вернулся и какое-то время стоял неподвижно, думая, не решит ли крыса, заметив его, отправиться в менее людные места. Но, похоже, крыса его не замечала. Ллойд глазом смерил расстояние и решил, что длины ножки как раз хватит.

Ллойд крякнул и с силой опустил ножку. Она придавила крысу к ноге Траска, и тот упал со своей койки с глухим звуком. Крыса с удивленным видом лежала на боку и слабо дышала. На усах у нее были крошечные капельки крови. Задние ноги ее двигались, словно маленький крысиный мозг приказывал ей убежать куда-нибудь, но, проходя по позвоночнику, сигналы безнадежно путались. Ллойд стукнул ее снова и убил ее.

— Вот тыи попалась, дура, — сказал Ллойд. Он положил ножку и вернулся к своей

койке. Он был разгорячен, напуган и чуть не плакал. Он обернулся через плечо и закричал: — Как тебе нравится крысиный яд, грязная шлюшка?

— Мама! — радостно отозвался голос. — Маааааа!

— Заткнись! — взвизгнул Ллойд. — Я не твоя мама! Твоя мама сосет член в борделе города Задница, штат Индиана!

— Мама? — отозвался голос, на этот раз исполненный сомнения. Потом все затихло.

Ллойд заплакал. Плача, он тер глаза кулаками, совсем как маленький. Он хотел сэндвич с ветчиной, хотел поговорить со своим адвокатом, хотел выбраться отсюда.

Наконец он лег на койку, прикрыл глаза одной рукой и занялся мастурбацией. Во всяком случае, это был неплохой способ уснуть.

Проснувшись в пять часов утра, Ллойд снова принялся барабанить ножкой по решетке.

— Эй, есть кто-нибудь? — закричал Ллойд срывающимся голосом.

Ответа не последовало. Не было даже крика «Мама!» Теперь он был бы рад и этому. Общество сумасшедшего лучше общества мертвеца.

Ллойд вернулся к койке, поднял матрас и произвел опись оставшейся еды. Два куска хлеба, две горсти фиников, наполовину обглоданная свиная косточка, один кусок болонской колбасы. Он разделил кусок колбасы и съел большую часть, но это лишь разожгло его аппетит.

— Больше не буду, — прошептал он и доел остатки свинины. Обозвав себя разными нехорошими словами, он еще немного поплакал. Он умрет здесь, как кролик в клетке, как Траск в своей камере.

Траск.

Он посмотрел в камеру Траска долгим и задумчивым взглядом. На лице старины Траска был настоящий международный Лос-Анджелесский аэропорт для мух. Спустя долгий промежуток времени Ллойд взял ножку, подошел к решетке и просунул ее между прутьев. Встав на цыпочки, он как раз сумел дотянуться до крысы, зацепить ее и подтащить к своей камере.

Когда крыса оказалась достаточно близко, Ллойд встал на колени и перетащил крысу на свою сторону. Он взял ее за хвост и долгое время держал у себя перед глазами ее раскачивающееся тело. Потом он положил крысу под матрас, чтобы мухи не могли до нее добраться. Бездольное тельце он разместил отдельно от еды. Он долго-долго смотрел на крысу и лишь потом опустил матрац, милостиво скрывший ее от глаз Ллойда.

— Просто на всякий случай, — прошептал Ллойд Хенрид окружавшей его тишине.

Потом он забрался на другой конец койки, подтянул колени к подбородку и застыл в неподвижности.

В двадцать две минуты девятого по часам, висевшим над дверью в кабинете шерифа, свет погас.

Ник Андрос читал книжку в бумажной обложке, которую он взял с полки в аптеке. Готический роман об испуганной гувернантке, которая подозревала, что в уединенном поместье, где она должна была учить сыновей красивого хозяина, завелось привидение. Хотя он не дочитал еще и до середины, Ник уже знал, что привидение было на самом деле женой красивого хозяина, запертой где-нибудь на чердаке и сумасшедшей, как мартовский заяц.

Когда свет погас, он почувствовал, как сердце затрепетало у него в груди, и услышал исходящий из глубины сознания шепот. Шепот раздавался из того самого места, где прятались в ожидании своего часа посещавшие его по ночам кошмары: Он пришел за тобой... сейчас он на улице, на ночных дорогах... на тайных путях... темнокожий человек...

Он выронил из рук книжку и вышел на улицу. Остаток дня еще догорал на горизонте, но ночь уже почти наступила. Все фонари погасли. Лампы дневного света в аптеке, которые горели днем и ночью, также потухли.

В кабинете была целая коробка свечей, но мысль об этом не слишком-то успокоила Ника. Он стоял и смотрел на запад, немо умоляя свет не оставлять его одного на этом темном кладбище.

Но свет не зажигался. Ник вернулся в кабинет и как раз обшаривал одну из полок в поисках нужной коробки, когда дверь позади него с шумом распахнулась, и внутрь ввалился Рэй Бут с почерневшим и распухшим лицом и с перстнем, сверкающим у него на пальце. С ночи двадцать второго июня он прятался в лесах недалеко от города. К утру двадцать четвертого он почувствовал себя больным. И наконец, этим вечером голод и боязнь за свою жизнь погнали его обратно в город, где он не нашел никого, кроме этого чертового немого, из-за которого все и произошло. Рэй увидел его, когда тот шел через городскую площадь с таким видом, будто город, в котором Рэй прожил большую часть своей жизни, принадлежит ему одному.

Ник стоял спиной к двери и не подозревал о том, что кто-то еще появился в кабинете шерифа Бейкера до тех пор, пока руки не сомкнулись у него на шее. Коробка, которую он только что нашел, выпала у него из рук, и свечи рассыпались по полу. Когда он сумел преодолеть первый приступ ужаса, он уже был наполовину задушен. Он почувствовал внезапную уверенность, что черная тварь из его снов ожила: какой-то бес из адских подвалов преследовал его и схватил за горло сразу же после того, как отключилась электроэнергия.

Инстинктивно он попытался оторвать чужие руки от шеи. Он сумел поймать немного воздуха, прежде чем руки снова сомкнулись. Оба они раскачивались в темноте, как танцоры. Рэй Бут чувствовал, как силы его убывают. Если он не кончит немого быстро, то он не кончит его уже никогда. Он сжал тощую шею мальчишки со всей силой, на которую был способен.

Ник почувствовал, как мир куда-то проваливается. Боль в горле, которая вначале была очень сильной, теперь стала какой-то отдаленной и почти приятной. Он с силой наступил каблуком на ногу Рэю Буту и одновременно толкнул его весом своего тела. Бут был вынужден сделать шаг назад. Одной ногой он наступил на свечку. Она покатилась под ним, и он рухнул на пол, увлекая за собою Ника. В конце концов его руки разжались.

Ник откатился в сторону, судорожно ловя ртом воздух. Все вокруг казалось каким-то отдаленным и призрачным, за исключением боли в горле, которая возвращалась медленными,

тупыми толчками. Глубоко в горле он чувствовал вкус крови.

Чей-то массивный силуэт поднимался на ноги. Ник вспомнил о револьвере и схватился за него. Он оказался на месте, но вытащить Ник его не смог. Каким-то образом револьвер застрял в кобуре. Обезумев от страха, Ник дернул за рукоятку изо всех сил. Револьвер подался. Пуля чиркнула ему по бедру и застряла в полу.

Силуэт надвигался на него, как смертельный рок.

Белые руки нашарили его лицо и надавили большими пальцами ему на глаза. В тусклом свете луны Ник заметил на одном из пальцев пурпурный блеск. Правой рукой он продолжал тащить револьвер из кобуры. Он почти не чувствовал обжигающей боли в бедре.

Большой палец Рэя Бута уперся в правый глаз Ника. В голове у него вспыхнула и рассыпалась искрами чудовищная боль. Наконец-то он вытащил револьвер. Мозолистый большой палец Бута резко повернулся по часовой стрелке, а потом в обратном направлении.

Ник дико вскрикнул и, прижав револьвер к дряблему боку Рэя Бута, спустил курок. Ник увидел вспышку и мгновение спустя почувствовал запах пороха. Рэй Бут напрягся, а потом обмяк.

Ник выбрался из-под тела Бута, зажимая одной рукой изуродованный глаз. Долгое время он лежал на полу, и его горло горело огнем. Казалось, голова его приобрела гигантские размеры, а в виски вкручивались безжалостные шурупы.

Наконец он нашарил свечу и зажег ее зажигалкой с письменного стола. В ее слабом желтом свете он увидел распростертое на полу тело Бута, лицом вниз. Он был похож на мертвого кита, выбросившегося на берег. Пуля проделала в его рубашке отверстие размером с небольшой блин. Вокруг натекло много крови.

Мыча от боли, Ник проковылял в маленькую ванную, все еще зажимая рукой глаз, и посмотрел на себя в зеркало. Он увидел, как кровь сочится у него между пальцев, и неохотно отвел руку. Он не был уверен, но, похоже, теперь он стал не только глухонемым, но и одноглазым.

Он вернулся в кабинет и пнул ногой безвольное тело Рэя Бута.

Ты меня изувечил, — сказал он мертвецу. Сначала мои зубы, а теперь и мой глаз. Ты доволен? Ты бы и два глаза мне выдавил, если б смог, так ведь? И оставил бы меня глухим, немым и слепым в мире мертвых.

Он снова пнул Бута ногой и ощутил, как его ботинок тонет в груди мертвого мяса. Ощущение было омерзительным. Потом он подошел к койке, сел на нее и обхватил голову руками. Снаружи по-прежнему было темно. Все огни мира погасли.

Долгое время, в течение многих дней (сколько дней? кто знает? во всяком случае, не Мусорный Бак, это уж точно) Дональд Мервин Элберт, известный своим школьным друзьям под кличкой Мусорный Бак, бродил по улицам Поутенвилля, штат Индиана, пугаясь голосов в своей голове, уворачиваясь и заслоняя себя руками от камней, которые бросали в него привидения.

Эй, Мусорный Бак!

Эй, Мусорный Бак, черт тебя побери! Поджег что-нибудь крупное на этой неделе?

Что сказала старая леди Симпл, когда ты сжег ее пенсионный чек?

Эй, Ведрышко, не хочешь ли прикупить керосина?

Как тебе понравилась шокотерапия в Терр От, Мусор?

Мусор...

Эй, Мусорный Бак...

Иногда он понимал, что эти голоса звучат в его воображении, но иногда он громко кричал им, чтобы они перестали, в конце концов осознавая, что единственный существующий голос принадлежит ему, и этот голос возвращался к нему эхом, отразившись от домов и фасадов магазинов, отскакивая от шлакоблочной стены мойки машин «Скрубба-Дубба», где он когда-то работал и где сегодня, тридцатого июня, он сидел, поедая большой неряшливый сэндвич с арахисовым маслом, студнем, помидорами и горчицей. Только его голос, отражающийся от домов и магазинов и, словно незваный гость, возвращающийся к нему в уши. Потому что по непонятной причине Поутенвилль опустел. Все куда-то ушли... но ушли ли они на самом деле? Они всегда утверждали, что он сумасшедший, а это как раз подходящая мысль для сумасшедшего — о том, что все ушли из города и он остается один. Но его взгляд возвращался к нефтяным резервуарам на горизонте, огромным, белым и круглым, словно низкие облака. Они были расположены между Поутенвиллем и дорогой на Гэри и Чикаго, и он знал, что он хочет сделать и что это — отнюдь не сон. Это было ужасно, но это не было сном, и он ничего не мог с собой поделать.

Обжег пальцы. Мусор?

Эй, Мусорный Бак, разве ты не знаешь, что из-за игр с огнем ты мочишься в постель?

Были ли это сны? Когда-то был жив его отец, и шериф убил его на улице прямо перед Методистской церковью, и с этим он должен прожить всю свою жизнь.

Эй, Мусорный Бак, шериф Грили пристрелил твоего старика, как бешеную собаку, ты знаешь об этом, чертов мудак?

Его отец был у О'Тула, и там произошла какая-то ссора. Тогда Уэнделл Элберт выхватил револьвер и убил бармена, а потом пришел домой и убил двух старших братьев Мусорного Ведро, а заодно и сестру — да, Уэнделл Элберт был странным парнем с неважным характером, и ум у него поизносился задолго до того вечера, это вам любой поутенвиллец скажет, а еще он скажет вам, что яблоко от яблони недалеко падает — он убил бы и мать, но Салли Элберт с криком выбежала на улицу с пятилетним Дональдом (впоследствии известным под именем Мусорного Бака) на руках. Уэнделл Элберт стоял на ступеньках парадного крыльца и стрелял им вслед. Пули визжали и отскакивали от дороги. Во время последнего выстрела дешевый револьвер, купленный им у негра в баре на улице Штата Чикаго, взорвался у него в руках. Осколки стерли большую часть его лица. Он побрел по улице, истекая кровью, крича и размахивая остатками дешевого пистолета. В тот самый момент, когда он подошел к Методистской церкви, подъехал шериф Грили на единственной в

городе полицейской машине. Он приказал ему немедленно остановиться и бросить оружие. Вместо этого Уэнделл Элберт навел на шерифа остатки своего револьвера, и Грили то ли действительно не заметил, что ствол расщеплен, то ли сделал вид, что не заметил, но так или иначе результат был один. Он разрядил в Уэнделла Элберта оба ствола своей двустволки.

Эй, Мусор, твой ЧЛЕН еще не сгорел?

Он огляделся вокруг в поисках того, кто прокричал эти слова — похоже на Карли Йейтса или какого-нибудь мальчишку из его компании — правда, Карли не был больше мальчишкой, как и он сам.

Может быть, теперь он станет просто Доном Элбертом, а не Мусорным Баком. Ведь стал же Карли Йейтс Карлом Йейтсом, торгующим машинами в фирменном магазине «Крайслер-Плимут». Правда, Карл Йейтс куда-то делся, все куда-то делись, и, возможно, теперь для него уже поздно становиться кем-либо.

Он уже больше не сидел у стены «Скруббы-Дуббы» — он уже прошел мило или даже больше по шоссе *N130 на северо-запад*. Поутенвилль теперь расстилался под ним внизу, словно масштабная модель для детской железной дороги. Нефтяные резервуары были теперь всего лишь в полумиле от него. В одной руке он нес набор инструментов, а в другой — канистру с пятью галлонами бензина.

Это было ужасно, но...

После смерти Уэнделла Элберта Салли Элберт нашла работу в поутенвилльском кафе, и время от времени, в первом или втором классе, ее единственный оставшийся в живых ребенок, Дональд Мервин Элберт, стал поджигать чужие мусорные баки, а потом убегать.

Смотрите, девочки, вот идет Мусорное Ведро, он подожжет ваши платья!

Только когда он перешел в третий класс, взрослые обнаружили, кто это делает, и тогда появился шериф, старина Грили, и, наверное, так и получилось, что человек, пристреливший его отца у Методистской церкви, стал его отчимом.

Эй, Карли, хочешь загадку: Как может твой отец убить твоего отца?

Не знаю. Пяти, а как?

Я и сам не знаю, но если ты — Мусорный Бак, то это очень просто!

Хи-хи-ха-ха-ха-хо-хо-хо!

Теперь он стоял в самом начале посыпанной гравием подъездной дороги, и плечи его болели от тяжести набора инструментов и бензина. На воротах была надпись: **НЕФТЯНАЯ КОМПАНИЯ ЧИРИ ИНКОРПОРЕЙТЕД. ВСЕ ПОСЕТИТЕЛИ ДОЛЖНЫ ОТМЕТИТЬСЯ В КОНТОРЕ! СПАСИБО!**

Мусорный Бак проскользнул в полуоткрытые ворота. Его голубые глаза не отрывались от тонкой лесенки, обвивающей спиралью ближайший резервуар. В самом низу лесенка была перегорожена цепью, и на цепи висела табличка: **ПРОХОДА НЕТ! НАСОСНАЯ СТАНЦИЯ ЗАКРЫТА.** Он перешагнул через цепь и пошел вверх.

Его мать не должна была выходить замуж за шерифа Грили. В четвертом классе он стал поджигать почтовые ящики. Именно тогда он сжег пенсионный чек старой миссис Симпл и снова попался. Салли Элберт Грили впала в истерику при первых же словах ее мужа о том, что мальчика надо послать лечиться в Терр От (Ты думаешь, он сумасшедший? Как может десятилетний мальчик сойти с ума? Мне кажется, ты просто хочешь избавиться от него! Ты избавился от его отца, а теперь хочешь избавиться от него!) Единственное, что оставалось сделать Грили, — это взять мальчика на поруки, потому что вы не можете послать десятилетнего ребенка в исправительную школу, если, конечно, вы не хотите, чтобы у него существенно увеличился диаметр заднего прохода или чтобы ваша новая жена с вами развелась.

Вверх по лестнице. Сталь слегка позванивала у него под ногами. Голоса остались далеко внизу, и никто не мог бросить камень так высоко. Машины на стоянке выглядели как сверкающие детские модельки. Наверху звучал только голос ветра, да еще далекий щебет птиц. Вокруг простирались поля и рощи — все было зеленым, за исключением голубоватого утреннего тумана. Поднимаясь по стальной спирали, он улыбался и чувствовал себя счастливым.

Когда он поднялся на плоскую и круглую крышу резервуара, ему показалось, что он добрался до самого неба, и если протянуть руку, то можно ногтями соскрести с небесного свода голубой мел. Он поставил канистру и положил набор инструментов. Теперь отсюда был виден Гэри, так как из его труб не шел больше дым и воздух очистился. Чикаго был миражом в летней дымке, а далеко на севере виднелся слабый голубой отблеск, который мог оказаться озером Мичиган ли плодом разыгравшейся фантазии.

Взяв набор инструментов, он подошел к насосному оборудованию и стал приводить его в рабочее состояние. У него было интуитивное понимание техники. Он обращался с ней примерно тем же способом, которым некоторые ученые идиоты умножали и делили в уме семизначные числа. В этом не было ничего глубокомысленного или познавательного — он просто позволял глазам блуждать тут и там в течение нескольких секунд, а потом его руки начали двигаться с быстрой и легкой уверенностью.

Эй, Мусорный Бак, с чего ты решил сжечь церковь? Почему ты не спалил ШКОЛУ?

В пятом классе он устроил пожар в гостиной пустого дома в соседнем городке Седли, и дом выгорел дотла. Его отчим шериф Грили был вынужден посадить его в арестантскую камеру, потому что после того, как его побила банда мальчишек, свою руку хотели приложить и взрослые (Что за черт, если бы не было дождя, мы лишились бы половины города из-за этого огненного жучка!). Грили сказал Салли, что Дональду придется отправиться в Терр От и пройти обследование. Салли сказала, что уйдет от него, если он так поступит с ее единственным сыном, но Грили стоял на своем. Судья подписал ордер, и Мусорный Бак ненадолго уехал из Поутенвилля, года на два, а его мать развелась с шерифом, а спустя некоторое время в том же году его не переизбрали, и в конце концов Грили стал работать в Гэри на автоконвейере. Салли навещала Мусора каждую неделю и всегда при этом плакала.

Среди механизмов возвышалась широкая труба, диаметром более двух футов. Она предназначалась исключительно для отвода паров, но так как резервуар был до предела заполнен неочищенным бензином, через край перелилось немного горючей жидкости. Глаза у Мусорного Бака заблестели. Ему даже не понадобится принесенный с собой бензин. С воплем «Сбросить бомбы!» он швырнул канистру вниз.

Потом он опять повернулся к трубе и посмотрел на сверкающие лужицы вокруг. Из кармана он вынул коробок спичек. На коробке была реклама, сообщавшая, что вы можете изучить любой предмет в заочной школе Ля Саль в Чикаго. Я стою на огромной бомбе, — подумал он. Дрожа от страха и возбуждения, он закрыл глаза.

Из Терр От он вышел, когда ему исполнилось тринадцать. Они не знали, вылезил он или нет, но сказали, что вылезил. Им понадобилась его палата, чтобы засадить туда на два года другого чокнутого мальчишку. Мусорный Бак отправился домой. Он сильно отстал в школе и, похоже, не мог наверстать упущенное. В Терр От его лечили шоковой терапией, и когда он вернулся в Поутенвилль, память у него почти совсем пропала.

Но во всяком случае в течение какого-то времени он больше не устраивал пожаров. Казалось бы, все стало как раньше. Убийца-шериф приделывал фары к «Доджам» в Гэри. Мать вернулась на работу в поутенвилльское кафе. Все было в порядке. За исключением нефтяной

компании «Чири». Он часто думал о том, как будут гореть ее резервуары. Три отдельных взрыва, способных разодрать в клочья твои барабанные перепонки и изжарить глаза в глазницах? Три столба огня (отец, сын и святой убийца-шериф), которые будут пылать день и ночь в течение долгих месяцев? А может, они вообще не загорятся?

Он это выяснит. Легкий летний ветерок задул две первые спички. Справа в луже бензина он увидел перебирающего лапками жука. Я как этот жук, — подумал он обиженно и удивился, что же это за мир такой, где Бог не только запикивает тебя в липкую гадость, как жука в лужу неочищенного бензина, но и оставляет тебя в живых, чтобы ты боролся за свою жизнь в течение долгих часов, а возможно, дней... или, в его случае, лет. Это был мир, заслуживший, чтобы его сожгли. Он стоял с опущенной головой и ждал, пока ветер утихнет, чтобы зажечь третью спичку.

Когда ему исполнилось шестнадцать, он, с разрешения матери, бросил школу (А что вы от них ждали? Они его искалечили там, в Терр От. Если б у меня были деньги, я бы подала на них в суд. Они называют это шоковой терапией. Проклятый электрический стул — вот как называю это я!) и стал работать на мойке машин «Скрубба-Дубба». И какое-то время все шло своим чередом. Люди громкими криками подзывали его с углов улиц или из останавливавшихся машин, интересуясь, что сказала миссис Симпл (уже четыре года, как в могиле), когда он сжег ее пенсионный чек, и намочил ли он постель после того, как сжег тот дом в Седли. Голоса постепенно стали призрачными, но камни, вылетающие из темных аллей и из-за углов улиц, оставались реальными. Однажды кто-то запустил в него полупустой банкой пива из проезжавшей машины. Банка попала ему в лоб, и он упал на колени.

Такова была его жизнь: голоса, время от времени пролетающие камни, «Скрубба-Дубба». А во время обеденного перерыва он обычно сидел на том же самом месте, что и сегодня, ел сэндвич и наблюдал за нефтяными резервуарами «Чири», размышляя, как же это все-таки произойдет.

Так продолжалось до тех пор, пока однажды он не оказался в вестибюле Методистской церкви с пятигаллонной канистрой бензина, разливая его повсюду, а в особенности на груди старых сборников церковных гимнов в углу

— и тогда он остановился и подумал: Это плохо, и, наверное, не просто плохо, а еще и ГЛУПО, они поймут, кто это сделал, они поймут, кто это сделал, даже если это сделал бы кто-нибудь другой. Так он думал, вдыхая запах бензина, и голоса трепыхались и кружились в его голове, словно летучие мыши в башне с привидениями. Потом медленная улыбка появилась на его лице, и он перевернул канистру и побежал с ней в центральный неф, повсюду разливая бензин. Он пробежал весь путь от вестибюля к алтарю, словно жених, опоздавший на свою собственную свадьбу и настолько нетерпеливый, что начал уже разбрызгивать горячую жидкость, которую стоило бы сохранить для первой брачной ночи.

На следующий день его отправили в Исправительный центр для мальчиков в Северной Индиане. Уезжая, он заметил черные тлеющие развалины Методистской церкви. И Карли Йейтс проорал ему вслед свою эпитафию:

— Эй, Мусорный Бак, с чего ты решил сжечь церковь? Почему ты не спалил ШКОЛУ?

В семнадцать лет его отправили в тюрьму для несовершеннолетних, а в восемнадцать он попал в тюрьму штата. Сколько он там пробыл? Кто знает? Во всяком случае, не Мусорный Бак, это уж точно. Никому в тюрьме не было дела до спаленной им Методистской церкви. Там были люди, совершившие куда более серьезные преступления. Убийство. Изнасилование. Пролом черепа старой библиотекарши. Кое-кто из сокамерников хотел кое-что сделать с ним, а кое-кто — чтобы он с ними кое-что сделал. Он не возражал. Один мужчина с лысой головой сказал, что любит его. — Я люблю тебя, Дональд! — и это во всяком случае было лучше, чем

увертываться от камней. Иногда он думал, что хорошо бы остаться здесь навсегда. Но иногда ночью ему снилась нефтяная компания «Чири», и во сне это всегда был один оглушительный взрыв, за которым следовали два других.

Со временем ему стали доверять, и когда появилась странная болезнь, его послали помогать в лазарете. Но через несколько дней больных там уже не осталось, потому что все, кто был болен, умерли.

Ветерок погладил его по щеке и замер.

Он зажег спичку и уронил ее. Она упала в лужицу бензина. Появились языки голубого пламени. Они образовали вокруг обгоревшей спички расширяющуюся корону. Мгновение Мусорный Бак зачарованно наблюдал за ними, а потом, оглядываясь через плечо, побежал к лестнице. Голубые языки, не более двух дюймов в высоту, устремились к насосной станции и возвращающейся посреди нее трубе. Борьба жука подошла к концу. Теперь он превратился в обыкновенную почерневшую головешку.

Это может произойти и со мной.

Но, похоже, ему этого не хотелось. У него появилась смутная мысль, что теперь в его жизни может возникнуть новая цель, что-нибудь очень великое и возвышенное. Он испугался и побежал вниз по лестнице.

Все дальше и дальше вниз, вокруг резервуара, с мыслями о том, когда же наконец воспламятся пары над трубой и как скоро температура станет достаточно высокой для того, чтобы огонь ринулся вниз.

Земля становилась все ближе и ближе. Машины на стоянке приобрели свой нормальный размер. Но ему все казалось, что он движется очень медленно, как во сне, что он будет бежать и бежать, но никогда не добежит до конца. Он был рядом с бомбой, и запал был уже подожжен.

Наверху раздался внезапный треск, похожий на взрыв пятидюймового фейерверка четвертого июля. Потом он услышал приглушенный ляг, и что-то просвистело мимо него. Это был кусок трубы, абсолютно черный и переплавленный жаром в какую-то новую и бессмысленную форму.

Когда до земли оставалось футов двадцать пять, он не выдержал и, перескочив через перила, спрыгнул вниз. Он содрал с ладоней всю кожу, но едва ли почувствовал это. Он был до краев наполнен стонущим, ухмыляющимся ужасом.

Он кое-как поднялся и посмотрел наверх. На среднем резервуаре появилась большая шапка желтых волос, и росли они с удивительной скоростью. Взрыв мог произойти в любую секунду.

Он побежал. Сломанная кисть правой руки безвольно болталась. Он пересек стоянку, одолел посыпанную гравием широкую подъездную дорогу, пронесся сквозь открытые ворота и выбежал на шоссе *N130*. Он перебежал через шоссе и прыгнул в придорожную канаву, приземлившись на мягкое ложе из мертвых листьев и влажного мха.

Раздался взрыв. Звук был таким сильным, что он почувствовал, как его перепонки вдавились внутрь, а глаза вылезли из орбит. Раздался второй взрыв, а за ним и третий. Мусорный Бак приподнял голову и увидел огромное огненное дерево. Над ним возвышался удивительно высокий столб черного дыма. На шоссе и рядом с ним стали падать куски обгорелого железа. Нахлынула волна нестерпимого жара.

Он с трудом поднялся на ноги и побежал по шоссе в направлении Гэри. Воздух становился все горячее и горячее и приобрел металлический привкус. Он чувствовал себя как жук, пытающийся сбежать из включенной микроволновой печи.

БА-БАААААХХХ!

Взорвался еще один резервуар, и сопротивление воздуха перед ним словно бы исчезло. Огромная теплая рука подтолкнула его сзади и понесла вперед. Его ноги лишь слегка касались асфальта.

Сопротивление воздуха постепенно вернулось, и Мусор рискнул бросить взгляд через плечо. Возвышение, на котором стояли резервуары, было все объято огнем. Похоже, горела даже дорога, а деревья пылали, как факелы.

Он пробежал еще четверть мили и, задыхаясь, перешел на шаг. Пройдя еще милю, он остановился отдохнуть, и ноздри его втянули радостный запах огня. Без пожарных машин и самих пожарных он будет распространяться по ветру. Возможно, он будет пылать несколько месяцев. Сгорит Поутенвилль, и огонь пойдет дальше на юг, уничтожая дома, деревни, фермы, поля, пастбища, леса. Может быть даже, огонь доберется и до Терр От и спалит тамошнюю больницу. А может быть, и дальше!

Он посмотрел на север в направлении Гэри. Теперь он мог видеть город и возвышающиеся над ним огромные трубы, спокойные и безмятежные, словно штрихи мела на светло-голубой доске. А за всем этим был Чикаго. Сколько там нефтяных резервуаров? Заправочных станций? Остановившихся поездов с цистернами сжиженного газа и горючими удобрениями? Сколько еще городов за Гэри и Чикаго?

Перед ним простиралась вся страна, созревшая для огня.

Ухмыляясь, Мусорный Бак встал на ноги и отправился в путь. Кожа его уже покраснела, как у омара. Он не чувствовал боли, хотя из-за этого и не спал всю ночь, никак не в силах успокоиться. Впереди его ждали еще более обширные и величественные пожары. Взгляд его глаз был нежным, радостным и абсолютно сумасшедшим. Это были глаза человека, нашедшего наконец-то смысл своей жизни, с которым он уже не расстанется никогда.

— Я хочу выбраться из города, — сказала Рита, не оборачиваясь. Она стояла на балконе небольшой квартирке, и утренний ветерок теребил ее прозрачную ночную рубашку.

— Хорошо, — сказал Ларри. Он сидел на столе и ел сэндвич с яичницей.

Она повернулась к нему, и лицо ее было осунувшимся. Если в парке в день их встречи она тянула на элегантные сорок, то теперь она выглядела, как женщина, балансирующая на опасной грани, которая отделяет начало шестого десятка от полной старости. Между пальцами она держала сигарету, и кончик ее дрожал. Она вдохнула дым, не затягиваясь.

— Я серьезно говорю.

— Я знаю, — сказал он. — И могу тебя понять. Нам действительно надо уйти.

Мышцы ее лица облегченно расслабились, и с почти (но все же не совсем) бессознательным отвращением Ларри подумал, что так она выглядит даже старше.

— Когда?

— Почему бы не сегодня? — спросил он.

— Ты хороший мальчик, — сказала она. — Хочешь еще немного кофе?

— Я и сам могу налить.

— Глупости. Сиди, где сидишь. Я всегда наливала мужу вторую чашку кофе, он настаивал на этом. Впрочем, от него за завтраком я видела только пробор. Остальное было скрыто за «Уолл Стрит Джорнел» или какой-нибудь чертовски солидной книжкой. Не просто что-нибудь значительное или глубокое, но обязательно чреватое значением. Белль, Камю, Мильтон, Боже ты мой. Ты — неплохая замена. — Она обернулась с игривым выражением лица. — Тебе должно быть стыдно, если ты будешь прятать свое лицо за газетой.

Он вяло улыбнулся. Ее шутки сегодня утром, как впрочем, и весь вчерашний день, казались слегка натянутыми. Он вспомнил их встречу в парке и как ее речь показалась ему небрежной россыпью бриллиантов на бильярдном сукне. Со вчерашнего дня бриллианты стали больше похожи на фальшивки.

— Ну вот. — Она подошла, держа чашку во все еще дрожавшей руке, и когда она стала ставить ее на стол, кофе выплеснулся ему на руку. Он отдернул руку, зашипев от боли, как кошка.

— Ой, извини... — На ее лице отразился не только испуг, но и нечто, очень похожее на ужас.

— Все в порядке...

— Нет, я просто... не надо... сиди на месте... безрукая идиотка...

Она разразилась такими оглушительными рыданиями, словно ей только что довелось присутствовать при смерти лучшего друга.

Он встал и обнял ее, не очень-то обрадовавшись ее конвульсивным ответным объятиям. Это были даже не объятия, а скорее захват. Космический захват, новый альбом Ларри Андервуда, — подумал он тоскливо. О, черт. Никакой ты не симпатичный парень. Приехали, опять начинается.

— Прости меня. Не знаю, что это со мной стряслось. Никогда такого не было. Прости меня...

— Все в порядке, это ерунда. — Он продолжал автоматически утешать ее, глядя ее по седеющим волосам, которые станут выглядеть гораздо лучше (да и вся она, собственно говоря, станет выглядеть гораздо лучше) после того, как она проведет долгое время в ванной.

Разумеется, он понимал, что с ней стряслось. То, что произошло, имело одновременно и личный, и безличный характер. Это повлияло и на него, но не так резко и глубоко. В ней же словно разбился какой-то внутренний кристалл.

Безличным фактором был, очевидно, запах. Сквозь балконную дверь его приносил прохладный утренний ветерок, который вскоре превратится в неподвижную, влажную жару, если, конечно, это день будет таким же, как и предыдущие три или четыре. Что-то вроде гнилых апельсинов, или тухлой рыбы, или запаха, который иногда бывает в подzemке, когда в поезде открыты окна. Это был запах разлагающихся трупов.

В Манхэттене по-прежнему было электричество, но вряд ли это будет продолжаться долго. Почти во всех других районах свет уже погас. Прошлой ночью, когда Рита уснула, он стоял на балконе и мог видеть, что в большей части Бруклина и Куинз царит полная темнота. Черный карман шел от Сто Десятой до самого Манхэттена. Если посмотреть в другом направлении, то можно было заметить россыпь ярких огней над Юнион Сити и, возможно, Байонной, но в остальном Нью-Йорк был погружен в черноту.

Чернота же эта означала не только отсутствие света. Она означала также и отключение воздушных кондиционеров, этого современного удобства, благодаря которому можно было спокойно существовать в городе с наступлением середины июня. Это означало, что люди, спокойно умершие в своих квартирах, теперь тухли в раскаленных печах. Когда он об этом думал, то его ум постоянно возвращался к той картине, которую он застал в зале ожидания. Он вспоминал об этом, и черное, сладкое видение вставало перед ним и манило его.

Что касается личного фактора, то, по-видимому, она была встревожена тем, что они обнаружили вчера по пути в парк. Когда они выходили, она смеялась, болтала и веселилась. После возвращения она начала стареть.

Человек, предвещавший появление чудовищ, лежал на тропинке парка в огромной луже собственной крови. Рядом с его застывшей вытянутой левой рукой лежали разбитые очки. Одно из чудовищ, очевидно, все же появилось. Его несколько раз ударили ножом. Ларри показалось, что он стал похож на огромную подушечку для иголок.

Она кричала и не могла остановиться. Когда истерика, наконец, прошла, она стала настаивать на том, чтобы похоронить его. Так они и сделали. И на обратном пути она стала той женщиной, которой она была сегодня.

— Все в порядке, — сказал он. — Совсем небольшой ожог. Кожа почти не покраснела.

— Я принесу мазь. Там есть в аптечке.

Она сделала шаг по направлению к двери, но он крепко взял ее за плечи и усадил на стул. Она посмотрела на него своими запавшими глазами, окруженными черными кольцами.

— Что тебе надо сделать, так это поесть, — сказал он. — Яичница, жаренный хлеб, кофе. Потом мы пойдем за какими-нибудь картами и посмотрим, как нам лучше всего выбраться из Манхэттена. Нам ведь придется идти пешком.

Он подошел к холодильнику и достал оттуда два последних яйца. Он разбил их над миской и стал сбивать.

— Куда ты хочешь уйти?

— Что? Я не...

— В каком направлении? — сказал он с легким нетерпением. Он долил молока и поставил сковородку на плиту. — На север? Там Новая Англия. На юг? Смысла нет. Мы можем отправиться...

Приглушенное рыдание. Он обернулся и увидел, что она смотрит на него, пытаясь овладеть собой, но ей не слишком это удается.

— В чем дело? — спросил он, подходя к ней. — Что такое?

— Боюсь, я не смогу есть, — вздохнула она. — Я знаю, что ты хочешь накормить меня... Я попытаюсь, конечно... Но запах...

Он подошел к балконной двери и плотно закрыл ее.

— Ну вот, — сказал он, надеясь, что его раздражение осталось ею незамеченным. — Так лучше?

— Да, — сказала она горячо. — Так гораздо лучше. Теперь я могу есть.

Он подошел к плите и потыкал яичницу, которая уже начинала пузыриться. Он слышал, как она двигалась у него за спиной. Раздались звуки Дебюсси, слишком легкие и слащавые на вкус Ларри. Он не терпел легкой классической музыки. Если уж нужна настоящая классическая музыка, то надо послушать Бетховена или Вагнера. Зачем заниматься ерундой?

Она спросила его, как он зарабатывал себе на жизнь. С некоторым негодованием Ларри подумал, что та легкость, с которой она задала этот вопрос, выдает человека, никогда не нуждавшегося в деньгах. Я был рок-н-рольным певцом, — ответил он ей, удивляясь, насколько легко он привык к прошедшему времени.

Он положил яичницу на тарелку и поставил рядом чашку растворимого кофе с большим количеством сливок и сахара, как ей это нравилось (сам Ларри был солидарен с мнением водителей грузовиков: «Если тебе нужна чашка сливок с сахаром, то на хрен тебе кофе?»). Она сидела на пуфике перед проигрывателем. Дебюсси тек из колонок, как растаявшее масло.

— Кушать подано, — позвал он.

Она подошла к столу с вымученной улыбкой и начала есть.

— Вкусно, — сказала она. — Ты был прав. Спасибо.

— На здоровье, — ответил он. — А теперь слушай. Я хочу предложить тебе следующее. По Пятой мы дойдем до Тридцать Девятой и повернем на запад. Доберемся до Нью-Джерси по туннелю Линкольна. Потом мы можем отправиться по *N495 на северо-запад до Пассаика и...* яичница нормальная? Яйца не тухлые случайно?

Она улыбнулась.

— Прекрасная яичница. — Она подцепила на вилку еще один кусок и отправила его себе в рот, запив глотком кофе. — Как раз то, что мне было необходимо. Продолжай, я слушаю.

— От Пассаика мы просто пойдем пешком на запад, пока на дорогах не будет поменьше машин и мы не сможем ехать. Потом, по-моему, можно повернуть на северо-восток и направиться в Новую Англию. Сделаем такой крюк, понимаешь? Так кажется длиннее, но, по-моему, это избавит нас от многих проблем. Найдем дом где-нибудь на побережье в Мэне. Киттери, Йорк, Уэллс, Оганквит, а может быть, Скарборо или Бутбей Харбор. Как тебе такой план?

Пока он говорил, он смотрел в окно. Когда он обернулся и посмотрел на нее, ее вид на мгновение вогнал его в ужас. Она словно сошла с ума. На лице у нее по-прежнему была улыбка, но теперь она застыла в маску боли и страха. На лице у нее выступили крупные капли пота.

— Рита? Господи, Рита, что...

— ...извини... — Она вскочила, перевернув стул на пол, и побежала к двери. По дороге она споткнулась о пуфик, на котором она слушала Дебюсси, и чуть не упала.

— Рита?

Пока она была в ванной, он мог слышать мощные звуки ее рвоты. Он раздраженно хлопнул рукой по столу и пошел за ней. Боже, как он ненавидел, когда людей рвет. Всегда возникает ощущение, что рвет тебя самого. От запаха, стоявшего в ванной, его чуть не вывернуло наизнанку. Рита стояла на коленях, держа голову над унитазом.

Она вытерла рот обрывком туалетной бумаги и с мольбой посмотрела на него. Лицо ее

было белей бумаги.

— Извини меня, Ларри. Я просто не могу ничего есть. Действительно. Извини меня.

— Господи, но если ты знала, что тебя вырвет, то зачем же ты пыталась?

— Потому что ты этого хотел. А мне не хотелось, чтобы ты на меня сердился. Но ты ведь рассердился, правда? Ты сердишься на меня.

Он мысленно вспомнил прошлую ночь. Она занималась с ним любовью с такой неистовой энергией, что он впервые подумал о ее возрасте и почувствовал легкое отвращение. Он кончил быстро, чуть ли не в порядке самозащиты, и лишь значительно позже она оставила его в покое, тяжело дыша и так и не кончив. Потом, когда он уже почти погрузился в сон, она пододвинулась к нему поближе, и снова он ощутил запах ее пудры — несколько более дорогостоящую версию того запаха, который исходил от его матери, когда они вместе ходили в кино. Она прошептала ему на ухо слова, которые выдернули его из сна на два последующих часа: Ты ведь не оставишь меня, правда? Ты не оставишь меня одну?

До этого она была очень хороша в постели, настолько хороша, что он даже удивился. Она привела его сюда после ленча в тот день, когда они встретились, и то, что случилось, случилось совершенно естественно. Он помнил мгновенный приступ отвращения, когда он увидел, как обвисли ее груди и как выпирают ее голубые вены (это заставило его вспомнить о варикозных венах его матери), но он совсем забыл об этом, когда она обхватила его ногами с удивительной силой.

Когда он уже почти взобрался на вершину, она оттолкнула его и взяла пачку сигарет.

Какого черта? — спросил он удивленно, в то время как его вождь краснокожих негодующе раскачивался в воздухе.

Она улыбнулась:

— У тебя ведь одна рука не занята, а? У меня тоже.

Они гладили друг друга и курили, и она весело болтала обо всякой всячине.

А теперь, — сказала она, вынимая сигарету у него изо рта. Давай-ка посмотрим, сможешь ли ты закончить то, что начал. И если не сможешь, то очень может быть, что я разорву тебя на части.

Он закончил к их обоюдному удовлетворению, и они уснули. Он проснулся после четырех, думая о том, что произошло. Он много трахался за последние десять лет, но то, что случилось сегодня, не было траханьем. Это было гораздо лучше, хотя и имело несколько декадентский оттенок.

Ну, конечно, у нее было много любовников.

Эта мысль снова возбудила его и он заставил ее проснуться.

Так все и продолжалось до тех пор, пока они не нашли труп в парке. Но и раньше его кое-что беспокоило. Две ночи назад он проснулся после двух и услышал, как она наливает в ванной стакан воды. Он подумал, что, наверное, она принимает еще одну снотворную таблетку. Скорее всего, она начала принимать их задолго до эпидемии супергриппа.

А потом эта манера ходить за ним по пятам по квартире. Даже когда он принимал душ или облегался, она стояла за дверью и что-то говорила ему.

И вот теперь...

Что ж ему — нести ее на своем горбу? Господи, ну уж нет. А ведь раньше она казалась ему вполне выносливой. Так вот почему она так прицепилась к нему в парке. Нет правды в рекламе, — подумал он горько. Как теперь он будет заботиться о ней, если и с собой он не может управиться?

— Нет, — сказал он ей. — Я не сержусь. Просто... понимаешь, я ведь не твой начальник. Не хочешь есть, так и скажи.

— Так я ведь и сказала.

— Хрена лысого ты сказала! — отрезал он гневно.

Она опустила голову и стала смотреть себе на руки, и он понял, что она старается не разрыдаться, потому что ему это не понравится. На мгновение это разозлило его больше, чем все остальное, и он чуть не в полный голос заорал: Я тебе не отец родной и не муженек! Я не собираюсь о тебе заботиться! Господи Боже мой, ты ведь на тридцать лет меня старше! Потом он почувствовал знакомую волну презрения к себе и удивился этому.

— Прости меня, — сказал он. — Я бесчувственный ублюдок.

— Нет, это не так, — сказала она и шмыгнула носом. — Просто... все это как-то одновременно свалилось на меня. Это... этот человек вчера в парке... я подумала: ведь никто уже не поймает тех людей, которые так поступили с ним, и не посадят их в тюрьму. А они просто будут ходить по свету и делать это снова и снова. Как звери в джунглях. Ты понимаешь, Ларри?

— Да, — ответил он, все еще чувствуя раздражение, смешанное с совсем небольшой толикой презрения. Такова была ситуация, а иначе и быть не могло. Они ведь были посреди всего этого и видели все своими глазами. Умерла его мать, и он присутствовал при этом. Что она, хочет сказать, что у нее более чувствительная натура, чем у него? Все это притворство. Сплошное притворство.

— Попытайся не сердиться на меня, — сказала она. — Я исправлюсь.

Надеюсь на это. Очень надеюсь.

— Все в порядке, — сказал он и помог ей подняться на ноги. — Пошли, прямо сейчас. Что скажешь? Нам надо многое сделать. Ты готова к этому?

— Да, — сказала она, но выражение на лице у нее было такое же, как в тот момент, когда он предложил ей яичницу.

— Когда мы выберемся из города, тебе станет лучше.

— Ты думаешь?

— Конечно, — сказал Ларри искренне.

Спортивный магазин был заперт, но Ларри нашел железный прут и разбил витрину. Завывание сирены бессмысленно огласило улицу. Он выбрал большой рюкзак для себя и несколько меньший — для Риты. Она упаковала туда по две смены одежды на каждого — больше он не позволил. Нет смысла, — объяснил Ларри, — особенно нагружаться. Все можно найти и на другом берегу реки. Она покорно согласилась, и ее равнодушие вновь разозлило его.

После недолгих внутренних колебаний он также взял с собой двустволку тридцатого калибра. Пушка была очень красивой, а на ярлыке, который он сорвал с предохранителя и равнодушно бросил на пол, была проставлена цена в четыреста пятьдесят долларов.

— Ты уверен, что нам это нужно? — спросила она опасливо. Ее револьвер по-прежнему лежал у нее в сумочке.

— Не помешает, — сказал он и ничего не добавил к этому, хотя и подумал про себя о жалкой смерти человека из парка.

— Ах, — сказала она тихо, и по ее глазам он угадал, что она подумала о том же.

— Рюкзак не слишком тяжел?

— Нет, нет. Действительно.

— Да, но у них есть обыкновение становиться тяжелее, когда ты идешь. Когда устанешь, скажи мне, и я понесу.

— Со мной все будет в порядке, — сказала она и улыбнулась. Когда они вновь вышли на улицу, она огляделась по сторонам и сказала: — Мы покидаем Нью-Йорк.

— Да.

Она повернулась к нему.

— Я рада. Я чувствую себя, как будто... я снова маленькая. И мой отец говорит мне, что сегодня мы снова пойдем в поход. Помнишь такие моменты?

Ларри слегка улыбнулся в ответ, вспоминая вечера, когда его мама говорила:

— Тот вестерн, который ты хотел посмотреть, идет сейчас в «Кресте», Ларри. С Клинтом Иствудом. Что ты скажешь?

— Помню, наверное, — сказал он.

Она поправила рюкзак на плечах.

— Путешествие начинается, — сказала она. — Нас ждут приключения.

— Чем меньше приключений, тем лучше, — ответил Ларри.

— Я была на Бермудах и в Англии, на Ямайке и в Монреале, в Сайгоне и в Москве. Но я никогда не ходила пешком, с тех пор как была маленькой девочкой, и папа водил меня и мою сестру Бесе в зоопарк. Пошли, Ларри.

Это была прогулка, которую Ларри Андервуд запомнил на всю жизнь. На перекрестке Пятой и Пятьдесят Четвертой человек висел на фонарном столбе. На шее у него была табличка с одним словом: МАРОДЕР. На мусорном баке (на боках были наклеены свежие афиши бродвейского шоу), нежась на утреннем солнышке, лежала кошка и кормила молоком своих котят. Молодой человек с широкой ухмылкой и чемоданом в руках подошел к Ларри и сказал, что даст ему миллион долларов за право попользоваться женщиной в течение пятнадцати минут. Миллион, по всей видимости, был в чемодане. Ларри снял с плеча винтовку и сказал, чтобы тот отнес свой миллион куда-нибудь еще.

— Разумеется, парень. Не держи на меня зла, договорились? Я ведь только предложил, а за это нельзя обвинить. Удачи тебе.

Они дошли до угла Пятой и Тридцать Девятой вскоре после встречи с этим человеком (Рита с несколько истерическим юмором упорно называла его Джоном Берсфордом Типтоном — Ларри это имя ничего не говорило). Был уже почти полдень, и Ларри предложил перекусить. На углу была колбасная, но когда он открыл дверь, запах гнилого мяса заставил его попятиться.

— Пожалуй, чтобы сохранить тот скромный аппетит, который у меня остался, мне не стоит туда заходить, — сказала она извиняющимся тоном.

Ларри подумал, что внутри можно, наверное, найти какие-нибудь готовые продукты — салями, пепперони, что-нибудь в этом роде — но, натолкнувшись в четырех кварталах отсюда на «Джона Берсфорда Типтона», он не хотел оставлять ее одну на улице даже на короткое время. Так что они нашли скамейку в полуквартале западней от колбасной и съели сушеные фрукты и ломтики бекона. Закончили они трапезу крекерами с сыром и термосом с охлажденным кофе.

— На этот раз мне действительно хотелось есть, — сказала она гордо.

Он улыбнулся ей, чувствуя себя лучше. Просто двигаться, предпринимать любые конкретные действия — это было неплохо. Он сказал ей, что когда они выберутся из Нью-Йорка, она окончательно придет в норму. Находиться в Нью-Йорке — это было все равно что быть на кладбище, мертвецы которого еще не совсем успокоились. Чем раньше они уйдут отсюда, тем лучше. Возможно она снова станет такой же, как в тот первый день в парке. Они дойдут до Мэна по второстепенным дорогам и поселятся в богатом летнем коттедже. Сейчас на север, и обратно на юг в сентябре или октябре. Бутбей Харбор летом, Кей Бискейн зимой. Симпатичный маршрут. Занятый своими мыслями, он не заметил на ее лице гримасу боли, появившуюся в тот момент, когда он встал и повесил на плечо двустволку.

Теперь они шли на запад. Они прошли по Авеню Америк, Седьмой Авеню, Восьмой, Девятой, Десятой. Улицы представляли собой замерзшие реки автомобилей всех расцветок, среди которых доминировал желтый цвет машин такси. Ларри подумал о том, что на выходе из города им стоит раздобыть пару мотоциклов. Это даст им обоим мобильность и возможность преодолеть пробки мертвых машин, которыми, должно быть, забиты все дороги.

А я-то думал, что она сможет ехать на велосипеде, — подумал Ларри. Но, похоже, ей это не удастся. Жизнь с Ритой превращалась в непрестанную головную боль, во всяком случае, в некоторых аспектах. Но уж ехать на заднем сиденье мотоцикла она, наверное, сможет.

На пересечении Тридцать Девятой и Седьмой они увидели молодого человека в коротких хлопчатобумажных шортах, лежащего на крыше такси.

— Он мертв? — спросила Рита, и при звуке ее голоса молодой человек сел, оглянулся, заметил их и помахал рукой. Они махнули ему в ответ. Молодой человек безмятежно лег на прежнее место.

Было начало третьего, когда они пересекли Одиннадцатую Авеню. Ларри услышал позади приглушенный вскрик боли и понял, что Рита уже не идет слева от него.

Она опустилась на одно колено и держалась за ногу. С чувством, похожим на страх, Ларри впервые заметил, что на ногах у нее — дорогие открытые сандалии, пригодные разве что для короткой прогулки вдоль витрин по Пятой Авеню.

Кожаные ремешки натерли ей ноги. Кровь струилась у нее по лодыжкам.

— Ларри, из...

Он резко поднял ее на ноги.

— О чем ты думала? — закричал он ей прямо в лицо. Увидев, как униженно она отпрянула, он почувствовал мгновенный стыд, но в то же время и злобное удовольствие. — Ты что, думала, что сможешь доехать до дома на такси, если ножки устанут?

— Я не ду...

— Боже мой! Он взерошил волосы. — Конечно, ты не думала. Ты истекаешь кровью, Рита. Давно это у тебя?

Голос ее был таким тихим и хриплым, что ему с трудом удалось расслышать ее слова даже в том сверхъестественном молчании, которое царило вокруг.

— С тех пор как... ну, примерно с перекрестка Пятой и Сорок Девятой, кажется.

— Ты натерла себе ноги двадцать кварталов назад и ничего мне об этом не сказала?

— Я думала... может быть... это пройдет... не будет больше болеть... я не хотела... мы так хорошо шли... выбирались из города... я просто подумала...

— Ты вообще не думала, — сказал он рассерженно. — Как мы теперь с тобой пойдём? Твои чертовы ноги выглядят так, словно тебя распяли.

— Не ругай меня, Ларри, — сказала она, начиная плакать. — Пожалуйста, не надо... мне становится так плохо, когда ты... пожалуйста, не ругай меня.

Ярость охватила его. Он крикнул ей прямо в лицо:

— Сука! Сука! Сука!

Слово вернулось тусклым и неясным эхом, отразившись от высоких жилых домов.

Она закрыла лицо руками и, плача, опустила голову. Это его рассердило еще больше, и он предположил, что отчасти этот жест действительно объясняется нежеланием видеть. Как просто: закрыть глаза руками, а он поведет ее, почему бы и нет? Всегда ведь рядом был кто-то, кто брал на себя заботу о нашей Маленькой Героине, крошке Рите. Кто-то, кто водил машину, ходил в магазины, мыл унитаз, платил налоги. Так что надо завести слащавого Дебюсси, закрыть глаза своими хорошо наманикюренными руками и предоставить все Ларри.

Позаботься обо мне, Ларри. Увидев, что случилось с человеком в парке, я не хочу больше видеть. Все это слишком низко для человека моего воспитания и происхождения.

Он оторвал руки от ее лица. Она съежилась от страха и попыталась снова закрыться.

— Посмотри мне в глаза.

Она потрясла головой.

— Черт тебя побери, немедленно посмотри на меня, Рита.

Она посмотрела на него как-то странно и косо, словно думая, что теперь он пустит в ход не только язык, но и кулаки.

— Я хочу тебе изложить реальные факты, потому что ты, похоже, ничего не понимаешь. А факты заключаются в том, что нам надо пройти еще двадцать или тридцать миль. И в том, что если в твои раны попадет инфекция, у тебя может начаться заражение крови, и ты умрешь. И в том, что тебе наконец-то надо вынуть палец из задницы и начать помогать мне.

Он говорил, сжимая ее плечи, и заметил теперь, что пальцы его почти погрузились в ее плоть. Гнев оставил его, когда, отпустив ее, он увидел на ее предплечьях красные пятна. Он отступил шаг назад, вновь чувствуя неуверенно и сознавая с болезненной ясностью, что он переборщил. Ларри Андервуд наносит следующий удар. Ну а если он такой крутой, то почему же он не проверил, в чем она обута, прежде чем отправиться в путь?

«Потому что это ее проблемы», — сказал внутри него угрюмый голос.

Нет, это неправда. Это его проблема. Потому что она не знала. Раз уж он решил взять ее с собой (и только сегодня он стал думать о том, насколько проще было бы, если бы он этого не сделал), то он должен нести за нее ответственность.

Черт меня побери, если я возьму на себя ответственность, — сказал внутри него угрюмый голос.

Голос его матери: Ты создан для того, чтобы брать, Ларри.

Специалист по оральной гигиене закричала ему вслед из окна: Я думала, что ты симпатичный парень! Никакой ты не симпатичный парень!

Это неправда! Черт возьми, это НЕПРАВДА!

— Рита, — сказал он. — Извини меня.

Она села на тротуар и опустила голову. На него она не смотрела.

— Извини меня, — повторил он. — Я... знаешь, у меня не было права говорить все это. — Он-таки сказал все это, но ничего страшного. Если извинишься, все пойдет на лад. Так устроен мир.

— Продолжай, Ларри, — сказала она. — С чего это ты вдруг остановился?

— Я же сказал, что извиняюсь, — сказал он слегка нетерпеливо. — Мы найдем тебе новые туфли и белые носки. Мы...

— Ничего мы не сделаем. Продолжай.

— Рита, извини меня...

— Если ты повторишь это еще раз, я закричу. Ты — дерьмо, и твои извинения не принимаются. А теперь продолжай.

— Я же сказал, что...

Она вскинула голову и закричала. Он сделал шаг назад и огляделся, чтобы посмотреть, не слышал ли кто-нибудь ее крика. Не бежит ли полисмен, чтобы выяснить, что за ужасные вещи творит этот молодой человек с сидевшей на тротуаре разутой пожилой леди.

— Лучше тебе перестать орать, — сказал он ей. — А то я действительно тебя брошу.

Она ничего не сказала и только посмотрела на него. Он не смог вынести ее взгляд и опустил глаза, ненавидя ее за то, что она вынудила его это сделать.

— Ладно, — сказал он. — Желаю приятного изнасилования и насильственной смерти.

Через минуту он обернулся, уверенный в том, что она идет за ним, но Риты не было.

— Черт возьми, — сказал он обиженно. — Я же пытался извиниться.

Прежде чем продолжить путь, он мгновение помедлил. Он чувствовал, как его пожирают сотни мертвых злобных глаз, уставившихся на него из всех этих машин.

Он видел, как впереди четырехполосное шоссе исчезает в черной арке туннеля, и с ужасом он заметил, что света внутри нет. Путешествие в автомобильное кладбище. Они подождут, пока он дойдет до половины, а потом начнут шевелиться... оживать... он услышит, как с тихим щелчком откроются двери их машин... их шаркающие шаги...

Его прошибло легким потом. У него над головой хрипло каркнула какая-то птица, и он вздрогнул. Идиот, — сказал он самому себе. Испугался детских сказок. Тебе надо просто идти по пешеходной дорожке и очень скоро ты...

...будешь удушен восставшими мертвецами.

Он облилиз губы и попробовал рассмеяться. Ничего не вышло. Он сделал пять шагов по направлению к тоннелю и снова остановился. Слева от него стоял кадиллак «Эльдорадо», из которого на него уставилась женщина с черным, чудовищным лицом. Нос ее был прижат к стеклу. Стекло было забрызгано слезью и кровью. Человек, который сидел за рулем, обмяк словно искал что-то на полу. Все стекла были подняты. Там, наверное, сейчас как в оранжерее. Если он откроет дверь, то женщина вывалится на мостовую, как мешок гнилых дынь, а запах будет теплым и плотным, влажным и гниющим.

Такой же запах будет и в тоннеле.

Ларри резко повернулся и пошел назад, чувствуя, как ветерок осушает пот у него на лбу.

— Рита! Рита, послушай! Я хочу...

Риты нигде не было.

Он приложил руки ко рту и закричал:

— Рита! Рита!

Единственным ответом ему было мертвое эхо: «Рита... ита... ита... ита...»

К четырем часам над Манхэттеном сгустились черные тучи и загрохотал гром. В небоскребы ударила молния. Словно Бог пытался выгнать немногих оставшихся в живых людей из их убежищ. Свет стал желтым и странным, и Ларри это не понравилось. Ему свело живот, и когда он закурил сигарету, она задрожала у него в руке так же, как чашка в руках Риты этим утром.

Он сидел на улице, прислонившись к железному ограждению. Рюкзак он положил себе на колени, а двустволку прислонил к ограждению рядом с собой. Он подумал, что она испугается и вернется сама, но она не возвращалась. Пятнадцать минут назад он перестал выкрикивать ее имя.

Снова ударил гром, на этот раз поближе. Прохладный ветерок прикоснулся к его спине сквозь пропитанную потом прилипшую рубашку. Пора было или укрыться где-нибудь или перестать валять дурака и отправиться через тоннель. Если он осмелится пройти через тоннель, то он переночует еще одну ночь в городе, а утром перейдет через мост Джорджа Вашингтона, в ста сорока кварталах отсюда на север.

Он попытался спокойно подумать о тоннеле. Он забыл добыть себе хороший фонарь — Господи, всегда о чем-нибудь забываешь — но между дорогой и пешеходным проходом есть перила. Что касается остального... мыслей о том, что все эти мертвецы в машинах могут, к примеру... это просто какая-то глупая паника, история из комикса. Это все равно, что бояться Буки в шкафу. Если ты будешь думать только об этом, Ларри (поучал он себя), то тебе вряд ли удастся преуспеть в этом дивном новом мире. Ты...

Удар молнии расколол небо пополам почти у него над головой, заставив его

содрогнуться. Последовал мощный раскат грома. На лице он ощутил первую холодную каплю дождя. Вторая капля упала ему сзади на шею и стекла за воротник рубашки. Он встал, надел рюкзак и взял винтовку. Он все еще не знал куда направиться — назад на Тридцать Девятую или в тоннель Линкольна. Но надо было где-то укрыться, так как дождь становился все сильнее.

С невероятным грохотом над ним разразился удар грома, заставив его взвизгнуть от ужаса — наверное, тот же самый звук вырывался из уст кроманьонцев два миллиона лет назад.

«Глупый трус», — сказал он себе и направился к пасти тоннеля. Он прошел мимо женщины, прижавшейся к стеклу «Эльдорадо», стараясь не смотреть в ее сторону, но все же краем глаза замечая ее. Дождь превратился в ливень.

На мгновение перед входом в тоннель Ларри остановился в нерешительности, снова ощутив страх. В этот момент с неба посыпался град, и он решился. Градины были большими и больно жалили его тело. Вновь прогремел гром.

«О'кей, — подумал он. — О'кей, о'кей, о'кей, я иду». Он шагнул в тоннель Линкольна.

Внутри оказалось гораздо темнее, чем он надеялся. Поначалу сквозь вход в тоннель, оставшийся позади него, еще проникал тусклый белесый свет, и он мог видеть ряды стоявших друг за другом машин и зеленоватые плитки, которыми были выложены стены. Справа от себя он видел перила, отгораживавшие пешеходный проход и уходившие далеко вперед. Слева через каждые тридцать или сорок футов, возвышались опорные столбы. Вверху виднелись темные лампы дневного света. Но после того, как тоннель слегка повернул, свет, казалось, вообще перестал существовать.

Скользя рукой по перилам, он шел вперед. В тоннеле также было эхо, и это ему не понравилось. Эхо звучало так, словно кто-то шел за ним... крался за ним. Несколько раз он останавливался и смотрел назад своими слепыми глазами. Когда эхо замирало, он вновь отправлялся в путь. Потом он стал идти шаркающей походкой, не отрывая подошвы от бетона, чтобы не слышать эха своих шагов.

Интересно, какой длины тоннель Линкольна? Миля? Две? Разумеется, под Гудзоном не может быть двух миль. Стало быть, около мили. Но если бы это было так, то он давно бы уже добрался до другого конца. Если в среднем человек идет со скоростью четыре мили в час, то одну милю можно пройти за пятнадцать минут. А он шел уже минут двадцать.

— Я просто иду медленнее, — сказал он и подскочил от звука своего собственного голоса. Эхо отозвалось голосом приближающегося лунатика:

«...леннее... енее... нее... ее...»

— Господи, — пробормотал Ларри, и эхо прошептало в ответ:

«спади... спади... спади...»

Он вытер пот с лица, борясь с паникой и желанием забыть о разуме и слепо ринуться вперед. Но он постепенно совладал с собой и вновь двинулся в путь. Он уже почти совсем успокоился, когда нога его натолкнулась на что-то твердое. Он издал придушенный вскрик и отступил два шага назад. С трудом он заставил себя вытащить из кармана зажигалку. Пламя бешено металось от его судорожного дыхания.

Он наступил на руку солдата. Солдат сидел, прислонившись спиной к стене тоннеля, вытянув вперед ноги. Его остекленевшие глаза уставились на Ларри. Губы его отвисли, и Ларри показалось, что он ухмыляется. Из глотки его с небрежным изяществом торчал выкидной нож.

Зажигалка в его руке нагревалась, и он потушил пламя. Облизав губы и мертвой хваткой вцепившись в перила, Ларри медленно двинулся вперед, пока носок его ботинка вновь не

натолкнулся на руку солдата. Тогда он перешагнул через него, и им овладела кошмарная уверенность, что сейчас солдат мягко схватит его за ногу своими прохладными руками.

Ларри пробежал десять шагов и заставил себя остановиться, зная, что если он не сделает этого, то его захлестнет паника и он ринется вперед, преследуемый тысячеголосым эхом.

Когда он вновь овладел собой, он двинулся вперед. Но теперь ситуация стала еще хуже. Пальцы его ног сжимались в ботинках, страхась соприкоснуться с другим телом, распростертым на пешеходной дорожке... довольно скоро это произошло.

Он застонал и снова вытащил зажигалку. На этот раз все было еще ужаснее. Тело, на которое он наткнулся, принадлежало пожилому человеку в синем костюме. Черная шелковая шапочка упала ему на колена, обнажив его лысую голову. На лацкане у него была шестиконечная серебряная звезда. За ним лежало еще трупов шесть: две женщины, человек средних лет, старуха лет восьмидесяти и двое тинэйджеров.

Зажигалка стала слишком горячей, и он не мог уже держать ее в руках. Он погасил пламя и отправил ее обратно в карман, где она, словно тлеющий уголь, некоторое время согревала его бедро. Этих людей, как и того солдата, убил не Капитан Шустрик. Ларри заметил кровь, осколки плиток, дырки от пуль. Их застрелили. Ларри вспомнил слухи о том, что солдаты блокировали выходы из Манхэттена. Теперь он не знал, верить им или нет — слишком много слухов пришлось ему услышать за последнее время.

Ситуацию легко можно было воссоздать. Их машины были заперты в тоннеле, но они могли идти. Они вышли из машин и отправились по направлению к Джерси. А здесь был контрольный пост, огневая точка или что-нибудь в этом роде.

Был? А может быть, и до сих пор есть?

Ларри стоял весь в поту, пытаясь собраться с силами. Абсолютная темнота представляла собой идеальный киноэкран, на который его сознание могло проецировать свои фантазии. Он увидел: солдаты с беспощадными глазами, одетые в защитные костюмы, скорчившиеся за пулеметными гнездами с приборами ночного видения. У них задание — не пропустить никого сквозь тоннель. Один солдат медленно подползает к нему, зажав нож в зубах, а двое других бесшумно заряжают миномет зарядом с отравляющим газом.

Но и назад пойти он не мог. Он был уверен, что все эти картины — лишь плод его воображения. Разумеется, никаких солдат здесь давно уже нет. Но...

Но больше всего его тревожат не солдаты, а распростертые перед ним тела. Они лежали на протяжении восьми или девяти футов. Через них он не мог перешагнуть, как через солдата. А если он попытается прыгнуть вниз с пешеходного прохода, то он может сломать себе ногу. Стало быть, ему придется... ну... придется идти по ним.

Позади него, в темноте, раздался какой-то шум.

Ларри немедленно обернулся. Им овладел ужас, так как звук, который он услышал, очень напоминал чьи-то шаги.

— Кто там? — закричал он, снимая с плеча винтовку.

Ему отозвалось только эхо. Когда эхо затихло, он услышал — или подумал, что услышал — тихий звук дыхания. Он стоял, уставившись в темноту, и уже начал было думать, что ему показалось, когда звук раздался снова — тихий, скользящий шаг.

Он судорожно полез в карман за зажигалкой. Мысль о том, что зажигалка превратит его в великолепную мишень, не пришла ему в голову. Когда он попытался высечь искру, зажигалка выпала из его дрожащих рук. Он услышал звяканье о металлические перила, а потом легкий звон удара о капот или крышу одной из машин внизу.

Скользкий шаг снова раздался в темноте, на этот раз ближе, но неизвестно насколько. Кто-то приближался, чтобы убить его, и объятый ужасом ум нарисовал ему картину солдата с

выкидным ножом в горле, который подкрадывается к нему все ближе и ближе.

Снова мягкий, скользящий звук.

Ларри вспомнил о винтовке. Он прижал приклад к плечу и начал стрелять. Звук выстрелов оказался настолько оглушительным в замкнутом пространстве, что он вскрикнул, но его крик потерялся в грохоте. Все еще сжимая в руках винтовку, он обернулся, но теперь в своем внутреннем кинотеатре он увидел перед собой не солдат в защитных противовирусных костюмах, а морлоков из комиксной версии «Машины времени» Герберта Уэллса, слепых горбатых созданий, выбирающихся из своих нор, где глубоко под землей безостановочно работают их адские механизмы.

Задыхаясь, он стал преодолевать баррикаду трупов. Его нога провалилась во что-то омерзительно мягкое. Вокруг стоял ядовитый, вонючий запах, но он едва замечал его.

Потом, позади него в темноте, раздался крик, заставивший его замереть на месте. Отчаянный, пронзительный, почти безумный крик:

— Ларри! Ой, Ларри, ради Бога...

Это была Рита Блэкмор.

Он обернулся. Теперь до него доносились дикие рыдания, заполнившие все вокруг своим эхом. В течение одной сумасшедшей секунды он был уверен, что уйдет, оставив ее там. Она и сама сможет выбраться, зачем же опять взваливать на себя эту ношу? Потом он вновь овладел собой и закричал:

— Рита! Оставайся на месте! Ты слышишь меня?

Рыдания продолжались.

Он пошел по трупам обратно, стараясь не дышать и сморщившись от отвращения. Потом он побежал к ней, не зная, как далеко она находится, из-за искажающего действия эха. В конце концов он чуть не упал на нее.

— Ларри... — Она бросилась к нему в объятия и обхватила его шею так, словно собиралась задушить его. Он чувствовал, как бешено стучит ее сердце. — Ларри, Ларри не оставляй меня одну здесь не оставляй меня одну в темноте...

— Нет. Он крепко сжал ее. — Я... не ранил тебя?

— Нет... я почувствовала ветерок... одна из пуль пролетела так близко, что я почувствовала ветерок... и осколки... осколки плиток, кажется... лицо... они поранили мне лицо...

— О, Господи, Рита, я же не знал. Я тут в темноте вообразил Бог знает что. И я потерял зажигалку... тебе надо было крикнуть... я же мог убить тебя. — Внезапно он осознал ситуацию. — Я же мог убить тебя, — повторил он потрясение.

— Я была не уверена, что это ты. Когда ты пошел к тоннелю, я зашла в дом. А потом ты вернулся и звал меня, и я почти... но я не могла... а потом, когда начался дождь, появились двое мужчин... думаю, они искали нас... или меня. Так что я оставалась там, и они ушли, но я подумала, что они ведь могли спрятаться, поджидая меня, и не осмелилась выйти до тех пор, пока не вспомнила, что может быть, ты уже на другой стороне, и я никогда не увижу тебя снова... и я... я... Ларри, ты ведь не бросишь меня, правда? Ты ведь не уйдешь?

— Нет, — сказал он.

— Я была не права, а ты был прав. Я должна была сказать тебе, я имею ввиду туфли, я буду есть, когда ты мне скажешь... я... я...

— Тише, — сказал он, крепко обнимая ее. — Все в порядке теперь. Все в порядке. — Но мысленно он представил себе, как в панике он стрелял по ней, и подумал о том, с какой легкостью одна из пуль могла раздробить ей руку или разворотить живот. — Мы отправимся в путь, когда ты сможешь идти. А пока приди в себя.

— Там был мужчина... я думаю, это был мужчина... я наступила на него, Ларри. — Она сглотнула слюну. — А когда ты позвал... то эхо... я была не уверена, что это ты...

— Там впереди много трупов. Ты сможешь это вынести?

— Если ты будешь со мной. Пожалуйста... если ты будешь со мной.

— Я буду с тобой.

— Тогда пошли. Я хочу поскорее выбраться отсюда. — Она судорожно прижалась к нему.

Он нащупал ее лицо и поцеловал ее, сначала в нос, потом в глаза, потом в губы.

— Спасибо, — сказал он робко, понятия не имея о том, что же он хочет этим сказать. — Спасибо. Спасибо.

— Спасибо, — повторила она. — Ой, милый мой Ларри. Ты ведь не бросишь меня, правда?

— Нет, — сказал он. — Я не брошу тебя. Просто скажи, когда ты сможешь идти, и мы пойдем.

Когда она смогла идти, они пошли.

Они перебрались через трупы, идя в обнимку, словно двое пьяных дружков, возвращающихся домой из расположенного по соседству кабака. Потом они наткнулись на какое-то препятствие. Ничего не было видно, но ощупав предмет руками, Рита сказала, что, должно быть, это поставленная на-попа кровать. Вдвоем им удалось сбросить ее вниз через перила. Она врезалась в стоявшую внизу машину с таким громким звуком, что оба они подскочили от испуга и сжали друг друга в объятиях. За кроватью оказалось три трупа, и Ларри подумал, что это — солдаты, расстрелявшие еврейскую семью. Они перелезли через них и пошли дальше, взявшись за руки.

Через некоторое время Рита остановилась.

— В чем дело? — спросил Ларри. — Какое-то препятствие?

— Нет. Я вижу, Ларри! Там конец тоннеля!

Он пригляделся и понял, что и сам может теперь видеть. Свет был таким тусклым, что он не замечал его до тех пор, пока Рита не заговорила об этом. Он различал в темноте призрачные отсветы на плитках и смутное пятно лица Риты невдалеке. Взглянув налево, он увидел мертвую реку автомобилей.

— Пошли, — сказал он в ликованиях.

В шестидесяти шагах лежали новые трупы — все солдаты. Они переступили через них.

— Почему они решили закрыть Нью-Йорк? — спросила она. — Разве что, может быть... Ларри, может быть, все это случилось только в Нью-Йорке?

— Не думаю, — сказал он, но ощутил смутную, иррациональную надежду.

Они пошли быстрее. Выход из тоннеля был теперь прямо перед ними. Он был заблокирован двумя огромными армейскими грузовиками, поставленными нос к носу. Грузовики заслоняли дневной свет. Если бы их там не было, Ларри и Рита давно бы уже шли при свете.

Они протиснулись между грузовиками, вскарабкавшись на бамперы. Рита не смотрела по сторонам, но Ларри заглянул в кабину. Там был наполовину собранный автомат, коробки с патронами и баллоны с чем-то вроде слезоточивого газа. Также внутри было три трупа.

Когда они вышли из тоннеля, навстречу им подул влажный ветер, и его восхитительно чистый запах сделал оправданным все их кошмарное путешествие. Он сказал об этом Рите, и она кивнула в ответ и на мгновение положила голову ему на плечо.

— Но пройти снова я не согласилась бы и за миллион долларов, — сказала она.

— Через несколько лет ты будешь использовать деньги вместо туалетной бумаги, — сказал он.

— Но ты уверен...

— Что это было не только в Нью-Йорке? — Он сделал жест рукой. — Посмотри.

На посту, где взималась пошлина, никого не было. За шлагбаумом ведущая на запад половина шоссе была абсолютно пуста, насколько они могли видеть, но полосы движения, ведущие на восток, в тоннель, из которого они только что вышли, были забиты мертвыми автомобилями. На разделительной линии возвышалась беспорядочная гора трупов, за которой молчаливо наблюдала стайка чаек.

— О Господи, — сказала она ослабевшим голосом.

— Столько же людей пыталось попасть в Нью-Йорк, сколько и выбраться из него. Я вообще не знаю, с чего это им вздумалось блокировать тоннель со стороны Джерси. Думаю, они и сами не знали. Просто чья-то великолепная идея, чтобы создать видимость деятельности...

Рита сидела на дороге и плакала.

— Не плачь, — сказал он, опускаясь рядом с ней на колени. Впечатление от тоннеля было еще слишком свежим, чтобы вновь начать сердиться на нее. — Все в порядке, Рита.

— Что все? — всхлипнула она. — Скажи мне только одно: что все?

— Так или иначе мы выбрались. Это уже что-то. И здесь свежий воздух. Честно говоря, в Нью-Джерси никогда раньше не было такого свежего воздуха.

Он заработал вымученную улыбку. Ларри посмотрел на царапины у нее на щеке и около виска — следы осколков плитки.

— Нам надо найти аптеку и смочить твои раны перексидом, — сказал он.

— Ты можешь идти?

— Да. — Она посмотрела на него с немой благодарностью, и он почувствовал себя неловко. — И я раздобуду себе новые туфли. Что-нибудь вроде спортивных тапочек. Я сделаю все, что ты мне скажешь, Ларри.

— Я накричал на тебя, потому что был не в себе, — сказал он спокойно. Он откинул назад ее волосы и поцеловал одну из царапин над правым глазом.

— Я вовсе уж не такой плохой парень, — добавил он тихо.

— Просто не оставляй меня.

Он помог ей подняться на ноги и обнял за талию. Потом они пошли к заставе, оставив позади себя Нью-Йорк.

В центре Оганквита был небольшой парк с пушкой времен Гражданской войны и памятником погибшим. После того как умер Гус Динсмор, Фрэнни Голдсмит пошла в этот парк и, сидя на берегу пруда с утками, лениво стала бросать в него камни, наблюдая за расходящимися по воде кругами.

Позавчера она проводила Гуса в дом Хэнсона, стоявший на побережье, опасаясь того, что ему придется «уйти из жизни» (именно таким гнусным эвфемизмом обозначали смерть ее предки) в раскаленной крошечной будке на пляжной автомобильной стоянке.

Она думала, что Гус умрет тем же вечером. У него был очень сильный жар, и он бредил. Дважды он падал с кровати и даже принимался расхаживать по спальне старого мистера Хэнсона, сшибая вещи, падая на колени и снова вставая. Он кричал, обращаясь к людям, которых не было в комнате, отвечал им и наблюдал за ними с чувствами, воплощавшими собой всю гамму от радостного ликования до ужаса, до тех пор, пока Фрэнни не ощутила, что его невидимые собеседники реальны, а она сама превратилась в призрак. Она умоляла Гуса снова лечь в постель, но для Гуса она не существовала. Ей приходилось уступать ему дорогу, потому что если бы она этого не сделала, то он бы просто сшиб ее на пол и прошелся бы по ней.

Наконец он рухнул на кровать и перешел от энергичного бреда к бессознательному состоянию, которое показалось Фрэн предсмертной комой. Но на следующее утро она увидела, что он сидит в постели и читает вестерн в бумажной обложке, найденный им на одной из полок. Он поблагодарил ее за то, что она о нем позаботилась, и выразил надежду, что прошлой ночью ему не довелось сказать или сделать что-нибудь неподобающее. Когда она стала утверждать, что ничего подобного не было, Гус с сомнением оглядел окружающий хаос. Она приготовила немного супа, и он съел его с аппетитом.

Фрэнни накрыла тело Гуса чистой простыней и оставила его на кровати старого Джека Хэнсона, перед окном с видом на океан. Потом она пришла в парк и стала швырять камешки в пруд, ни о чем не думая. Но подсознательно она поняла, что это уже не была та странная апатия, которая охватила ее после смерти отца. С тех пор она постепенно все больше приходила в себя. Она взяла розовый куст в цветочном магазине Натана и аккуратно посадила его на могиле Питера. Она понадеялась, что куст хорошо приживется. Ее теперешнее бездумное состояние было чем-то вроде отдыха после смерти Гуса. Оно ничем не напоминало то преддверие безумия, в котором она находилась раньше.

Но вскоре ей надо будет подумать о том, что делать дальше, и, по-видимому, в этих мыслях будет присутствовать Гарольд Лаудер. Но не только потому, что она и Гарольд были единственными оставшимися в живых людьми в этом районе, но и потому, что она просто не могла себе представить, что случится с Гарольдом, если некому будет за ним присмотреть. Он ей по-прежнему не слишком-то нравился, но, во всяком случае, он попытался быть тактичным, и оказалось, что у него есть хоть какие-то представления о приличиях.

Гарольд оставил ее в покое с момента их встречи, состоявшейся четыре дня назад, возможно, проявив уважение к ее желанию остаться один на один со своим горем. Но время от времени она замечала «Кадиллак» Роя Брэннигана, бесцельно круживший по городским улицам. И дважды, при соответствующем направлении ветра, до окна ее спальни донеслось постукивание пишущей машинки. Сам факт того, что она могла услышать этот звук, несмотря на то, что дом Лаудеров находился почти в миле от нее, подчеркивал реальность случившегося. Она немного удивилась, что, хотя Гарольд и позаимствовал чужой

«Кадиллак», он не заменил свою механическую пишущую машинку на одну из этих гудящих электрических торпед.

«Но теперь, когда электричество в городе погасло, — подумала она, вставая и оправляя шорты, — ему уже не удастся это сделать».

Где-то *должны быть другие люди*, что бы Гарольд не говорил. Если иерархия власти распалась, им просто надо найти других людей и вновь сформировать ее. Она не задумывалась над тем, почему «власть» представлялась ей такой необходимой вещью, но еще меньше беспокоил ее вопрос о том, почему она должна заботиться о Гарольде. Просто так было надо.

Она вышла из парка и медленно отправилась вниз по Главной улице в направлении дома Лаудеров. Становилось уже довольно жарко, но морской ветерок освежал воздух. Ей неожиданно захотелось пойти на пляж, найти бурую водоросль и съесть кусочек.

— Боже, как ты отвратительна, — сказала она вслух. Но, разумеется, она не была отвратительна; просто она была беременна. Вот в чем было дело. А на следующей неделе ей захочется луковых бермудских сэндвичей. С хреном.

Она остановилась на углу, в квартале от дома Лаудеров, удивляясь тому, как долго не приходила ей в голову мысль о собственном «интересном положении». Может быть, она уже просто привыкла к этому? В конце концов прошло уже почти три месяца.

В первый раз она подумала с некоторой тревогой о том, кто будет помогать ей при родах.

С задней лужайки дома Лаудеров раздавался стрекот ручной косилки. Когда Фрэн обошла дом, только абсолютное удивление помешало ей громко расхохотаться.

Гарольд в одних плавках стриг лужайку. Его белая кожа лоснилась от пота, а длинные волосы развевались (к чести Гарольда следует отметить, что они были вымыты в не слишком отдаленном прошлом). Жировые складки на талии бешено тряслись. По лодыжку его ноги позеленели от травы. Спина его покраснела — то ли от усилий, то ли от солнца.

Она слышала его тяжелое дыхание. Лезвия стрекотали. Трава летела зеленым водопадом Гарольду под ноги. Он подстриг уже почти половину лужайки. Остался только все уменьшающийся квадрат с летним домиком в центре, в котором когда-то Фрэнни и Эми устраивали свои летние «чаепития». Он повернул у подножия холма и застрекотал в обратном направлении, на мгновение скрывшись за летним домиком, а потом вновь вынырнув, склонившись над своим механизмом, как гонщик Формулы-1. Потом он заметил ее, как раз в тот самый момент, когда Фрэнни робко произнесла: «Гарольд?» Она заметила, что он был в слезах.

— Ой! — сказал — почти взвизнул — Гарольд. Она вырвала его из какого-то индивидуального мира, и на мгновение ей показалось, что у него сейчас будет сердечный приступ.

Потом он побежал к дому, прорываясь сквозь завалы срезанной травы, и она смутно ощутила в воздухе ее сладкий запах.

Она пошла за ним.

— Гарольд, что случилось?

Он взбежал по ступенькам крыльца. Дверь открылась, Гарольд вбежал в дом и захлопнул ее за собой. Фрэнни некоторое время помедлила, а потом подошла к двери и постучала. Ответа не последовало, но она услышала, как Гарольд плачет где-то внутри.

— Гарольд?

Плач продолжался.

Она вошла в дом.

— Гарольд?

Она пересекла прихожую и вошла в кухню. Гарольд сидел за столом, вцепившись руками в волосы.

— Гарольд, что случилось?

— Убирайся! — закричал он сквозь слезы. — Убирайся, я тебе не нравлюсь!

— Неправда, ты мне нравишься. Ты нормальный парень, Гарольд. Может быть, не самый крутой, но вполне нормальный. — Она сделала паузу. — Собственно говоря, принимая во внимание ситуацию, мне следовало бы сказать, что в целом мире ты мне нравишься больше всех.

Гарольд заплакал еще сильнее.

— У тебя есть что-нибудь попить?

— Кул-Эйд, — сказал Гарольд, шмыгнув носом, и, все еще глядя в стол, добавил: — Он теплый.

— Ну конечно, он теплый. Ты не принес себе воды из городской колонки?

— Как и во многих других маленьких городках, в Оганквите за ратушей была своя колонка, правда, за последние сорок лет она была скорее предметом старины, а не источником воды. Туристы иногда ее фотографировали. Вот колонка маленького городка на побережье, где мы провели свой летний отпуск. Разве она выглядит не забавно?

— Принес.

Она налила по стакану себе и Гарольду и присела.

— Гарольд, что случилось?

Гарольд издал странный, истерический смешок и начал пить. Осушив стакан, он поставил его на стол.

— Случилось? А что могло случиться?

— Я хочу сказать, случилось ли что-нибудь конкретное? — Она попробовала свой Кул-Эйд и поборола гримасу. Он был не такой уж теплый. Должно быть, Гарольд ходил за водой не так давно, но он забыл положить сахар. Он наконец-то поднял голову и посмотрел на нее.

— Я хочу к маме, — сказал он просто.

— Ну, Гарольд...

— Когда это случилось, когда она умерла, я подумал, что это не так уж плохо. — Сжимая в руке свой стакан, он смотрел на нее напряженным, измученным взглядом, и это слегка пугало ее. — Я знаю, что для тебя это звучит ужасно. Но я никогда не знал, как я восприму их уход. У меня очень чувствительная душа. Вот почему меня так ненавидели эти кретины из дома ужасов, который отцы города считали нужным именовать средней школой. Я думал, что это может свести меня с ума от горя или, по меньшей мере, ввергнуть меня в протрацию на год... мое внутреннее солнце, так сказать... так сказать... а когда это случилось, моя мама... Эми... мой папа... я сказал себе, что это не так уж плохо. Я... они... — Он стукнул кулаком по столу, заставив ее содрогнуться. — Почему я не могу найти нужных слов? — закричал он. — Я ВСЕГДА мог выразить то, что хотел сказать! Это ведь дело писателя — уметь пользоваться языком, ТАК ПОЧЕМУ ЖЕ Я НЕ МОГУ ВЫРАЗИТЬ СВОИ ЧУВСТВА?

— Не пытайся, Гарольд. Я знаю, что ты чувствовал.

Он удивленно уставился на нее.

— Ты знаешь?.. — Он покачал головой. — Нет. Ты не можешь этого знать.

— Помнишь, как ты пришел ко мне домой? И я копала могилу? Я была не в себе. Иногда я даже не могла вспомнить, чем это я занимаюсь. Так что если ты чувствуешь себя лучше, когда подстригаешь лужайку, что ж, прекрасно. Но если ты будешь заниматься этим в плавках, ты можешь получить солнечный ожог. Да ты уже получил его, — добавила она,

критически оглядев его плечи. Чтобы не оказаться невежливой, она отхлебнула еще немного омерзительного Кул-Эйда.

Он утер рот.

— Я никогда их особенно уж не любил, — сказал он, — но я думал, что все равно почувствуешь горе. Ну, как если мочевого пузыря полон, то чувствуешь желание помочиться. А если умирают близкие родственники, то надо испытывать скорбь.

Она кивнула.

— Моя мать всегда была занята Эми. Эми была ее другом, — повысил он голос, впадая в бессознательную и почти жалкую детскость, — а я шокировал своего отца.

Фрэн вполне могла этому поверить. Бред Лаудер был огромным, мускулистым человеком. Он работал десятником на ткацкой фабрике в Кеннебанке. Вряд ли он толком представлял себе, что ему делать с жирным, странным сыном, которого произвели на свет его чресла.

— Однажды он отвел меня в сторону, — продолжил Гарольд, — и спросил, не педик ли я. Прямо так и сказал. Я испугался и заплакал, а он ударил меня по щеке и сказал, что если я всегда буду таким неженкой, то мне лучше убраться из города. А Эми... думаю, ей было на меня наплевать. Для нее я был просто неудобством, когда она приводила домой подруг. Она относилась ко мне так, словно я был неубранной комнатой.

С усилием Фрэн допила свой Кул-Эйд.

— Поэтому когда они умерли и я ничего не почувствовал, я подумал, что ошибался. Горе — это не подергивание коленного сустава, когда по нему бьют молоточком, — сказал я себе. Но я снова был одурачен. С каждым днем мне стало не хватать их все больше и больше. В особенности мамы. Если бы я мог хотя бы взглянуть на нее... столько раз ее не оказывалось рядом, когда я хотел ее видеть... когда я нуждался в ней... она была слишком занята Эми, но никогда она не относилась ко мне плохо. Этим утром, когда я проснулся, я сказал себе: надо подстричь лужайку, и тогда ты не будешь думать об этом. Но это не помогло. И тогда я стал стричь все быстрее и быстрее... словно стремился обогнать мои мысли... наверное, тогда ты и подошла. Я выглядел сумасшедшим, а? Фрэн?

Она наклонилась над столом и прикоснулась к его руке.

— С тобой все в порядке, Гарольд. Все это совершенно естественно.

— Ты в этом уверена? — Он вновь уставился на нее широко раскрытыми, совсем детскими глазами.

— Да.

— Ты будешь со мной дружить?

— Да.

— Слава Богу, — сказал Гарольд. — Спасибо Ему за это. Не хочешь ли ты еще Кул-Эйда? — спросил он робко.

Она постаралась улыбнуться как можно приветливее.

— Может быть, чуть-чуть позже, — сказала она.

В парке они устроили пикник: арахисовое масло и сэндвичи со студнем. Каждый выпил по большой бутылке Кока-Колы, охлажденной в пруду с утками.

— Я думаю о том, что теперь делать, — сказал Гарольд. — Ты будешь доедать свой сэндвич?

— Нет, я наелась.

За один присест Гарольд проглотил ее сэндвич. Его запоздалая скорбь не повлияла на аппетит, — отметила про себя Фрэнни, но тут же решила, что думать так нехорошо.

— Что? — спросила она.

— Я думаю, что надо поехать в Вермонт, — сказал он неуверенно. — Ты не против поехать со мной?

— Почему в Вермонт?

— Там, в городке под названием Стюдингтон, есть государственный центр по изучению чумы и других заразных заболеваний. Он, конечно, не такой большой, как в Атланте, но уж наверняка поближе к нам. Я подумал, что если остались еще в живых люди, работающие над этим гриппом, то многие из них должны оказаться там.

— Почему ты думаешь, что они могут остаться в живых?

— Конечно, может быть, они и мертвы, — сказал Гарольд довольно сухо.

— Но в местах вроде Стюдингтона, где приходится иметь дело с заразными заболеваниями, умеют принимать меры предосторожности. И если они еще работают, то, я думаю, они ищут таких людей, как мы. У кого есть иммунитет.

— Как ты до всего этого додумался, Гарольд? — Она смотрела на него с открытым восхищением, и он покраснел от удовольствия.

— Я много читал. Ни одно из этих мест не засекречено. Ну, так что ты думаешь, Фрэн?

Она думала, что это прекрасная идея. Эта идея отвечала ее потребности в порядке и власти. Конечно, люди из Стюдингтона не могли умереть. Они доберутся туда, их примут, обследуют и установят ту разницу, то несоответствие, которое существует между ними и другими людьми, которые заболели и умерли. Ей не пришло в голову подумать о том, кому может понадобиться в настоящий момент вакцина.

— Я думаю, нам надо найти дорожный атлас и посмотреть, как мы можем туда добраться, — сказала она.

Лицо его вспыхнуло от радости. На мгновение ей показалось, что сейчас он поцелует ее, и в ту единственную ослепительную секунду она бы не стала возражать, но эта секунда прошла. Задним числом она была рада, что этого не произошло.

По дорожному атласу, в котором расстояния измерялись в сантиметрах, все выглядело достаточно просто.

— Сколько миль нам придется проехать? — спросила Фрэн.

Гарольд взял линейку, измерил расстояние и сверился с масштабной шкалой.

— Ты не поверишь, — сказал он угрюмо.

— Что такое? Сто миль?

— Больше трехсот.

— О Боже, — сказала Фрэнни. — Это разрушает мои представления о мире. Я где-то читала, что большинство штатов Новой Англии можно обойти за один день.

— Это просто такой трюк, — сказал Гарольд ученым тоном. — Действительно, можно побывать в четырех штатах — Коннектикуте, Род-Айленде, Массачусетсе и Вермонте — за двадцать четыре часа, если идти правильным маршрутом, но нам это ни к чему.

— Откуда ты все это знаешь? — спросила она удивленно.

— Книга рекордов Гиннеса, — сказал он пренебрежительно. — Собственно говоря, я подумывал о велосипедах. Или... не знаю... мотороллерах, что ли.

— Гарольд, — сказала она проникновенно, — ты гений.

Гарольд кашлянул и покраснел. Он снова выглядел польщенным.

— Завтра утром мы можем на велосипедах доехать до Уэллса. Там есть фирменный магазин фирмы «Хонда»... ты умеешь водить «Хонду», Фрэн?

— Я смогу научиться, если какое-то время мы поедем помедленнее.

— О, я думаю, было бы очень неблагоприятно ехать быстро, — сказал Гарольд очень серьезно. — Никогда не знаешь, в какой момент завернешь за поворот и наткнешься там на

три разбитых машины, перегородивших дорогу.

— Но мы и не будем спешить, так ведь? Но зачем нужно ждать до завтра? Почему бы не поехать сегодня?

— Ну, сейчас уже пошел третий час, — сказал он. — Дальше Уэллса мы не доедем, а нам ведь нужно еще экипироваться. Это будет легче сделать здесь, в Оганквите, так как тут мы знаем, где что найти. Кроме того, нам понадобится оружие.

Странно. Как только он произнес это слово, она сразу же подумала о ребенке.

— Зачем нам оружие?

Он посмотрел на нее мгновение, а потом опустил глаза. Краска заливала его шею.

— Потому что больше нет полиции и судов, а ты — женщина, к тому же — хорошенькая, и некоторые люди... некоторые мужчины... могут... повести себя не поджентльменски. Вот зачем.

Кожа его стала почти пурпурной.

Он говорит об изнасиловании, — подумала она. ИЗНАСИЛОВАНИЕ. Но каким образом может кто-то захотеть изнасиловать меня. Ведь я беременна. Но ведь об этом никто не знает, даже Гарольд. И даже если ты скажешь насильнику: «Пожалуйста, не делайте этого, потому что я беременна», то стоит ли ожидать, что он ответит: «Господи, леди, извините меня, пойду изнасилую кого-нибудь другого?»

— Хорошо, — сказала она. — Оружие. Но все равно мы можем добраться до Уэллса уже сегодня.

— У меня здесь есть еще одно дело, — сказал Гарольд.

Под крышей амбара Мозеса Ричардсона было ужасно жарко. Струйки пота стекали по ее телу, когда они добрались до сеновала, а когда они взобрались по шаткой лесенке на крышу, струйки превратились в реку, от которой потемнела ее блузка.

— Ты думаешь, это необходимо, Гарольд?

— Я не знаю. — Он нес ведро белой краски и здоровую кисть. — Но амбар видно с шоссе N1, а по нему могут проехать люди.

— Но ты ведь можешь упасть и сломать себе шею. — От жары у нее разболелась голова, и Кока-Кола тошнотворно плескалась у нее в животе.

— Я не упаду, — сказал Гарольд нервно. Он взглянул на нее. — Фрэн, ты выглядишь больной.

— Это от жары, — пробормотала она.

— Ради Бога, спускайся вниз. Полежи под деревом. И посмотри на муху, которая бросит вызов смерти на отвесном десятиградусном скате крыши амбара Мозеса Ричардсона.

— Не шути. Я по-прежнему думаю, что это глупая и опасная затея.

— Возможно, но я буду чувствовать себя спокойнее, если сделаю это.

«Он делает это для меня», — подумала она.

Она привстала на цыпочках и легко поцеловала его в губы.

— Будь осторожен, — сказала она и быстро сбежала вниз, так что Кока-Кола заплескалась у нее в животе. Быстро, но не настолько, чтобы не успеть заметить, как в глазах у него появилось удивленное, счастливое выражение. Еще быстрее она спустилась с сеновала, так как чувствовала, что сейчас ее вырвет. Она-то знала, что дело в Кока-Коле, жаре и ребенке, но что подумает Гарольд, если услышит? Поэтому-то она и торопилась выбраться поскорее из амбара, чтобы он не услышал. И она успела. Как раз.

Гарольд спустился без четверти четыре. Теперь кожа его была ярко-красной, а руки забрызгались белой краской. Пока он работал, Фрэн дремала под вязом во дворе Ричардсона, в любой момент готовая проснуться, услышав треск дранок и отчаянный крик бедного

толстого Гарольда, падающего с высоты девяноста футов навстречу жесткой земле. Но он так и не раздался

— слава Богу, и теперь Гарольд стоял гордо перед ней — зеленые ноги, белые руки и красные плечи.

— Зачем ты принес назад краску? — спросила она с любопытством.

— Я не хотел оставлять ее там. Это могло бы привести к самовозгоранию, и наша надпись пропала бы.

Вдвоем они посмотрели на крышу хлева. Свежая краска ярко сияла на фоне тускло-зеленой дранки:

УЕХАЛИ В СТОВИНГТОН, В ЦЕНТР ПО ИЗУЧЕНИЮ ЧУМЫ ПО ШОССЕ N 1 ДО УЭЛЛСА ПО МЕСТНОМУ ШОССЕ N 95 ДО ПОРТЛЕНДА ПО ШОССЕ N 302 ДО БАРРА ПО МЕСТНОМУ ШОССЕ N 89 ДО СТОВИНГТОНА ВЫЕХАЛИ ИЗ ОГАНКВИТА 2 ИЮЛЯ 1990 ГОДА ГАРОЛЬД ЭМЕРИ ЛАУДЕР ФРЭНСИС ГОЛДСМИТ

— Я не знал твоего второго имени, — сказал Гарольд извиняющимся тоном.

— Все в порядке, — сказала Фрэнни, по-прежнему глядя на надпись. Первая строчка была написана прямо под чердачным оконцем, а последняя — ее имя — прямо над дождевым желобом. — Как ты умудрился написать последнюю строчку? — спросила она.

— Это было нетрудно, — сказал он застенчиво. — Пришлось немного поболтать ногами, вот и все.

— Ой, Гарольд. Ну почему ты не мог поставить только свою подпись?

— Потому что мы с тобой в одной упряжке, — сказал он и посмотрел на нее с некоторым опасением. — Так ведь?

— Конечно, да... до тех пор, пока ты не свернешь себе шею. Голоден?

Он просиял.

— Голоден, как медведь.

— Тогда пошли поедим. И я помажу твою обгорелую кожу детским кремом. Тебе надо надеть рубашку, Гарольд. Ты сегодня ночью не заснешь.

— Я буду спать крепко, — сказал он и улыбнулся ей. Фрэнни улыбнулась в ответ. На ужин они ели консервы и пили Кул-Эйд (на этот раз его делала Фрэнни и не забыла добавить сахар). Позже, когда начало темнеть, Гарольд пришел в дом Фрэнни, что-то таща под мышкой.

— Это принадлежало Эми, — сказал он. — Я нашел на чердаке. Думаю, мама и папа подарили ей эту штуку, когда она закончила восьмой класс. Я даже не знаю, работает ли она, но я захватил несколько батареек из магазина.

Это был переносной проигрыватель с пластмассовой крышкой, созданный специально для того, чтобы девочки-подростки тринадцати или четырнадцати лет брали его с собой на пляж или на пикник.

— Что ж, — сказала она. — Давай посмотрим, работает эта штука или нет.

Проигрыватель работал. Почти четыре часа сидели они на разных концах кушетки, а переносной проигрыватель стоял между ними на кофейном столике. С зачарованной и тихой грустью они слушали музыку мертвого мира, звучащую в летней ночи.

Поначалу звук не вызвал у Стью никакого недоумения. Обычная составляющая часть яркого летнего утра. Он только что миновал город Саут Райгейт, штат Нью-Хемпшир, и теперь дорога вела его по очаровательной местности, поросшей вязами, нависшими над дорогой и испещрившими асфальт движущимися солнечными бликами. Снова раздался этот звук — лай собаки, самая естественная вещь на свете.

Он прошел почти милю, когда ему пришло в голову, что в этой собаке есть что-то необычное. Покинув Стовингтон, он видел много мертвых собак, но ни одной живой. Ну что ж, — предположил он, — многие, но не все люди умерли от гриппа. Ясно, что также случилось и с собаками. Возможно, теперь собака очень боится людей. Когда она учуяла его, она залезла в кусты и начала лаять, и будет лаять до тех пор, пока он не покинет ее территорию.

Он поправил рюкзак и заново свернул подложенные под ляжки носовые платки. На ногах у него были Великаны Джорджии, и три дня ходьбы почти лишили их изначального лоска. На голове у него была изящная красная фетровая шляпа с широкими полями, а на плече болтался армейский карабин. Он не думал, что наткнется на мародеров, но что-то внутри подсказывало ему, что неплохо иметь при себе ружье. Может быть, пригодится для охоты. Правда, вчера он видел большую самку оленя, но не выстрелил в нее, приятно пораженный ее красотой.

Дорога шла вверх. Лай собаки становился все громче и громче. В конце концов, может быть, я ее увижу, — подумал Стью.

Он шел по *N302 на восток*, предполагая, что рано или поздно шоссе выведет его к океану. Он заключил с собой нечто вроде договора: «Когда я доберусь до океана, я решу, что делать дальше». До тех пор я вообще не буду об этом думать. Он подумывал о том, чтобы раздобыть гоночный велосипед или мотоцикл, на котором он смог бы объезжать время от времени перегораживавшие дорогу разбитые машины, но потом решил идти пешком. Ходьба была для него чем-то вроде процесса выздоровления. Пошел уже четвертый день его путешествия. Он всегда любил ходить, и его тело жаждало активности. До побега из Стовингтона он просидел взаперти почти две недели, и поначалу чувствовал себя не совсем в форме. Он предполагал, что рано или поздно медлительность продвижения ему надоест, и он раздобудет себе велосипед или мотоцикл, но пока ему нравилось идти пешком на восток, глядя по сторонам и отдыхая, когда захочется. Мало-помалу безумные блуждания в поисках выхода тускнели в его памяти. Первые две ночи ему снилась последняя встреча с Элдером, который пришел привести в исполнение полученный приказ. В снах Стью всегда слишком долго медлил со стулом в руках. Элдер уклонялся от удара, нажимал на курок, и Стью чувствовал, как тяжелая, но не причиняющая боли свинцовая боксерская перчатка бьет его в грудь. Сон снился ему снова и снова, пока он не просыпался утром, не отдохнув, но безумно радуясь тому, что он жив. В последнюю ночь сон не повторился. Он не был уверен, что кошмары окончательно прекратились, но подумал о том, что постепенно яд в его организме рассасывается.

Он завернул за поворот и увидел собаку — ирландского сеттера шоколадного цвета. Он радостно залаял при виде Стью и побежал ему навстречу, бешено махая хвостом. Сеттер подпрыгнул и положил передние лапы Стью на живот. Стью пошатнулся.

— Осторожней, парень, — сказал он, усмехаясь.

Собака радостно залаяла, услышав звук его голоса, и снова прыгнула на Стью.

— Коджак! — раздался строгий голос, и Стью подскочил на месте и огляделся. — Иди сюда! Оставь человека в покое, а то ты порвешь ему всю рубашку! Глупый пес!

Коджак опустил передние лапы на дорогу и стал расхаживать вокруг Стью. Теперь Стью заметил обладателя голоса — и, по-видимому, Коджака. Человек лет шестидесяти, в рваном свитере, изношенных серых брюках... и берете. Он сидел на вращающемся стульчике и держал в руках палитру. Мольберт с холстом стоял перед ним.

Потом он встал, положил мольберт на стульчик и направился к Стью, протягивая ему руку. Выбившиеся из-под берета седые волосы развевались на небольшом ветру.

— Я надеюсь, вы не собираетесь пускать в ход свою винтовку, сэр. Глен Бэйтмен, к вашим услугам.

Стью сделал шаг вперед и пожал протянутую руку.

— Стюарт Редман. Не обращайтесь внимания на винтовку. Не так уж много людей мне довелось видеть за последнее время, чтобы начать палить по ним. Собственно говоря, вы первый.

— Вы любите икру?

— Никогда не пробовал.

— Тогда самое время сделать это. А если не понравится икра, найдется много другой еды. Коджак, перестань прыгать!

Коджак тяжело задышал, и на морде у него появилась широкая ухмылка. По собственному опыту Стью знал, что собака, способная улыбаться, либо кусается, либо принадлежит к числу лучших собак на свете. А Коджак, похоже, не кусался.

— Приглашаю вас на ленч, — сказал Бэйтмен. — Вы первый встретившийся мне живой человек, во всяком случае, за последнюю неделю. Остановитесь у меня?

— С удовольствием.

— Вы южанин?

— Из Восточного Техаса.

— Стало быть, восточник, — сказал Бэйтмен и сам засмеялся над своей шуткой. Пройдя мимо картины, самого обычного пейзажа с изображением лесов за дорогой, он направился к оранжевому с белым переносному холодильнику на обочине. На холодильнике лежала свернутая белая скатерть для пикников.

— Когда-то она принадлежала общине баптистов в Вудсвилле, — сказал Бэйтмен, разворачивая скатерть. — Теперь она моя. Не думаю, что баптисты очень без нее страдают. Теперь они все дома, у Христа за пазухой. Во всяком случае, баптисты Вудсвилля. Коджак, не наступай на скатерть. Контролируй свое поведение — никогда не забывай об этом, Коджак. Не хотите ли перейти через дорогу и умыться, мистер Редман?

— Зовите меня просто Стью.

— О'кей.

Они спустились с обочины и умылись холодной, чистой водой. Вниз по течению от них лакал воду Коджак. Во встрече с этим человеком было что-то приятное и правильное.

Весело лая, Коджак побежал по направлению к лесу. Он спугнул лесного фазана, и Стью видел, как тот с шумом вылетел из кустов. С некоторым удивлением Стью подумал, что, возможно, так или иначе, все будет хорошо. Так или иначе.

Икра ему не очень понравилась — вкус как у холодной заливной рыбы. Но у Бэйтмена оказались также пепперони, салями, две банки сардин, несколько слегка лежалых яблок и большая коробка прессованных плиток инжира. Прессованный инжир прекрасно действует на кишечник, — сказал Бэйтмен. Кишечник Стью не доставлял ему никаких проблем с тех пор, как он выбрался из Стовингтона и отправился в путь пешком, но прессованный инжир все

равно ему понравился.

Во время еды Бэйтмен сказал Стью, что он был доцентом социологии в Вудсвилльском колледже.

— Вудсвилль, — сказал он Стью, — это небольшой городок в шести милях по дороге отсюда.

Жена Бэйтмена умерла шесть лет назад. Детей у них не было. Большинство коллег не желали иметь с ним дело, и желание это он искренне разделял.

— Они думали, что я чокнутый, — сказал он. — Высокая вероятность их правоты тем не менее не могла улучшить наши отношения.

Эпидемию супергриппа он воспринял с подобающим хладнокровием, так как наконец-то у него появилась возможность оставить работу и рисовать целыми днями, как он всегда мечтал.

Деля десерт (торт Сары Ли) на две части и вручая Стью его половину на бумажной тарелочке, он сказал:

— Я ужасный художник, ужасный. Но я просто сказал самому себе, что никто сейчас на всей земле не рисует пейзажи лучше Глендона Пеквода Бэйтмена. Дешевый эгоистический трюк, но я сам его придумал.

— Коджак и раньше был вашей собакой?

— Нет — это было бы уж слишком удивительное совпадение, не правда ли? Я думаю, Коджак принадлежал кому-то из городских жителей. Я встретил его случайно, но так как я не знал его клички, то мне пришлось окрестить его снова. Он, похоже, не возражает. Извините меня, Стью, я на минутку.

Он перебежал трусцой через дорогу, и Стью услышал плеск воды. Вскоре он появился снова, и его брючины были закатаны до колен. В каждой руке он держал по мокрой упаковке из шести банок нарангансеттского пива.

— Надо было выпить за едой. Как глупо, что я забыл.

— Сейчас тоже неплохо, — сказал Стью, вытаскивая банку из упаковки. — Спасибо.

Они открыли пиво, и Бэйтмен поднял свою банку.

— За нас, Стью. Пусть дни наши будут счастливыми, пусть все желания наши будут удовлетворены, и пусть наши задницы не болят или болят не сильно.

— Аминь. — Они чокнулись банками и начали пить. Глотнув, Стью подумал, что никогда до этого момента вкус пива не казался ему таким приятным, и что, возможно, никогда в будущем это ощущение не повторится.

— Вы не слишком-то многословны, — сказал Бэйтмен. — Я надеюсь, что вы не думаете, будто я, так сказать, пускаюсь в пляс на могиле мира?

— Нет, — сказал Стью.

— Я был предубежден против мира, — сказал Бэйтмен. — Я свободно это признаю. Мир в последней четверти двадцатого столетия обладал для меня по крайней мере всем очарованием восьмидесятилетнего старика, умирающего от рака толстой кишки. Говорят, что болезнь поражает все народы запада, когда столетие — каждое столетие — подходит к концу. Мы всегда заворачиваемся в саван и начинаем расхаживать, возвещая скорый конец Иерусалима... или Кливленда, в нашем случае. Пляска святого Витта поразила Европу во второй половине пятнадцатого века. Бубонная чума — черная смерть — косила людей в конце четырнадцатого. Мы так привыкли к гриппу, — для нас ведь это обычная простуда, не так ли? — что никто уже, кроме историков, не подозревает о том, что СТО ЛЕТ НАЗАД ОН ЕЩЕ НЕ СУЩЕСТВОВАЛ.

На протяжении трех последних десятилетий каждого столетия появляются религиозные

маньяки, которые с цифрами в руках начинают доказывать, что близится очередная Армагеддон. Такие люди, разумеется, существуют всегда, но к концу столетия их ряды начинают расти... и очень многие начинают принимать их всерьез. Появляются монстры. Гун Аттила, Чингиз Хан, Джек Потрошитель, Лиззи Борден. В наше время, если угодно, это были Чарльз Мэнсон, Ричард Спек, Тед Банди. Коллеги с еще большим воображением, чем у меня, предположили, что в конце каждого столетия Западному Человеку необходимо слабительное, так чтобы он мог предстать перед следующим столетием очищенным и исполненным нового оптимизма. В данном же случае нам поставили суперклизму, и если подумать, то это выглядит совершенно разумно. В конце концов, мы приближаемся не только к концу века, но и к концу тысячелетия.

Бэйтмен выдержал паузу.

— Похоже, я все-таки пустился в пляс на могиле мира. Еще пива?

Стью взял еще одну банку и подумал о том, что сказал Бэйтмен.

— Это еще не конец, — сказал он после паузы. — Во всяком случае, мне так не кажется.

Просто... перемена между уроками.

— Довольно точно. Хорошо сказано. Если вы не возражаете, я, пожалуй, вернусь к своей картине.

— Валяйте.

— Вы видели других собак? — спросил Бэйтмен в тот момент, когда на дороге возник радостно скачущий Коджак.

— Нет.

— И я не видел. Одного человека я все-таки увидел, но Коджак, похоже, единственный представитель своего вида.

— Раз жив он, то должны быть и другие.

— Не очень-то научное утверждение, — добродушно сказал Бэйтмен. — Покажите мне вторую собаку, предпочтительнее суку, и я поверю, что где-то бегают еще и третья. Но выводиться из факта существования одной собаки тот факт, что существует вторая, едва ли справедливо.

— Я видел коров, — произнес Стью задумчиво.

— Коровы — да, и еще олени. Но лошади все подошли.

— Это правда, — согласился Стью. По пути он видел несколько лошадиных трупов. — Но почему это так?

— Ни малейшего представления. Все мы дышим примерно одинаковым способом. А это, похоже, прежде всего заболевание дыхательных путей. Но нет ли здесь какого-нибудь другого фактора? Люди, собаки и лошади заболевают. Коровы и олени — нет. Крысы, похоже, исчезли ненадолго, но сейчас появились снова. — Бэйтмен яростно смешивал краски на палитре. — Повсюду кошки, прямо чума, и насколько я могу видеть, жизнь насекомых ни в чем не изменилась. Конечно, небольшие промахи человечества редко оказывают на них влияние, да и комар, заболевший гриппом, — слишком уж нелепо звучит Ни в чем не просматривается явной закономерности. Это какое-то безумие.

— Разумеется, — сказал Стью, открывая следующую банку. Голова его приятно гудела.

— Мы наблюдаем интересные сдвиги в экологии, — сказал Бэйтмен. Он совершал ужасную ошибку, пытаясь вписать Коджака в картину. — Остатки человечества, возможно, и сумеют наладить процесс воспроизведения, но найдет ли Коджак себе подругу? Станет ли он когда-нибудь гордым папашей?

— Бог мой, может быть, и нет.

Бэйтмен встал, положил палитру на стул и взял новую банку пива.

— Может быть, вы и правы, — сказал он. — Наверное, где-то остались другие люди, другие собаки, другие лошади. Может быть, среди этих уцелевших особей есть и беременные. Возможно, в Соединенных Штатах найдутся дюжины женщин, которые прямо сейчас занимаются любовью. Но некоторые животные вполне могут окончательно исчезнуть. Если вычесть из равенства собак, олени — похоже, не обладающие восприимчивостью к болезни

— одичают. Разумеется, не хватит людей для того, чтобы истреблять лишнее поголовье. На несколько лет охотничий сезон будет отменен.

— Ну, лишнее поголовье просто будет голодать, — сказал Стью.

— Нет, не будет. Не все, далеко не все. Во всяком случае, не здесь. Не знаю уж, что произойдет в Восточном Техасе, но в Новой Англии много садов и огородов. В течение лет семи здесь не будет ни одного голодающего оленя. Если через несколько лет вы окажетесь в этих местах, Стью, то для того чтобы пробраться к дороге, вам придется отпихивать оленей локтями.

Стью поразмыслил и, наконец, спросил:

— А вы не преувеличиваете?

— Не думаю. Конечно, может быть, я забыл какой-то самый существенный фактор, но, честно говоря, мне так не кажется. Так что давайте возьмем мою гипотезу о влиянии полного или почти полного уничтожения собак на популяцию оленей и распространим ее на взаимоотношения других видов. Огромное число кошек. Что это значит? Ну, я уже говорил, что на какое-то время крысы исчезли, но сейчас они вернулись. Но если число кошек будет неконтролируемо возрастать, ситуация может снова измениться. Мир без кошек

— звучит поначалу неплохо, но кто знает.

— Как вы думаете, сможет ли человечество выжить?

— Существует две возможности, — сказал Бэйтмен, — способные ему в этом воспрепятствовать. Во всяком случае, в настоящий момент я вижу только две. Первая заключается в том, что у детей может не быть иммунитета.

— Вы хотите сказать, что они умрут, как только родятся на свет?

— Да, а может быть, даже раньше. Менее вероятно, но все же возможно, что супергрипп подействовал на оставшихся в живых стерилизующим образом.

— Но это безумно, — сказал Стью.

— Как свинка, — сухо ответил Глен Бэйтмен.

— Но если женщины, ожидающие ребенка, обладают иммунитетом...

— Да, в некоторых случаях иммунитет, как, впрочем, и заразное заболевание, может передаваться от матери к ребенку. Но не во всех. На это нельзя рассчитывать. Будущее этих детей очень неопределенно. Конечно, их матери обладают иммунитетом, но статистическая вероятность говорит в пользу того, что их отцы заболели и умерли.

— Какова другая возможность?

— Мы можем сами завершить дело уничтожения человеческого рода, — спокойно сказал Бэйтмен. — Я действительно думаю, что это *очень вероятный вариант*. Не сейчас, разумеется, потому что мы слишком рассеяны по поверхности земли. Но человек — это стадное, социальное животное, и в конце концов мы соберемся вместе. Когда мы соберемся вместе, мы сможем рассказывать друг другу истории о том, как мы пережили великую эпидемию 1990 года. Большинство сформировавшихся обществ будут представлять собой примитивные диктатуры, возглавляемые маленькими Цезарями. Несколько будут представлять собой просвещенные, демократические общества, и я могу сказать точно, что будет необходимым условием возникновения таких обществ и девяностых годах и в самом

начале двадцать первого века: это будут общества технически грамотных людей, способных снова включить свет. Это вполне возможно, и без особых проблем. Это ведь не ядерная война, в которой все уничтожается. Вся техника до сих пор стоит на своих местах и ждет людей — нужных людей — которые знают, как зачистить контакты и заменить несколько перегоревших предохранителей. Вопрос в том, какой процент оставшихся в живых понимают, как устроена техника, которую остальные могут только потреблять.

Стью отхлебнул еще пива.

— Вы так думаете?

— Разумеется. — Бэйтмен в свою очередь сделал глоток из банки, а потом подался вперед и мрачно улыбнулся Стью. — А теперь, мистер Стюарт Редман из Восточного Техаса, позвольте вам вкратце обрисовать такую гипотетическую ситуацию. Предположим, существуют Сообщество А в Бостоне и Сообщество Б в Утике. Они знают о существовании друг друга и об условиях жизни в чужом сообществе. Сообщество А процветает, так как в числе его членов оказался электрик. Этот парень знал ровно столько, сколько необходимо для того, чтобы снова запустить местную электростанцию. Надо только представлять себе, на какие кнопки нужно нажать, чтобы вывести станцию из режима автоматического отключения. После того, как станция снова заработает, она будет продолжать действовать также почти в автоматическом режиме. Электрик сможет научить других членов Сообщества А, за какие рычаги дергать и на какие стрелки смотреть. Станция работает на нефти, а ее вокруг предостаточно. Так что в Бостоне полный рай. Есть отопление, чтобы бороться с холодом, есть свет, чтобы читать по вечерам, есть холодильник, чтобы пить свой скотч со льдом, как цивилизованный человек. Жизнь почти идиллическая. Нет загрязнения окружающей среды. Нет проблемы наркотиков. Нет расовой проблемы. Нет ни в чем недостатка. Не существует проблемы денег или бартера, потому что вокруг достаточно любых товаров, чтобы их хватило резко уменьшившемуся обществу на три столетия вперед. Здесь не будет диктатуры. Такие условия диктатуры, как нужда, нехватка, неуверенность, просто не будут существовать. Возможно, Бостоном снова будет управлять городское собрание.

Но вспомним о Сообществе Б в Утике. Там нет никого, кто мог бы запустить электростанцию. Все технари умерли. И им понадобится слишком много времени, чтобы самим во всем разобраться. А пока они мерзнут по ночам (а впереди — зима), они едят консервы, они несчастны. К власти приходит сильная личность. Они рады приветствовать его, потому что они сбиты с толку, замерзли и больны. Пусть он принимает решение. Разумеется, он так и делает. Он посылает кого-нибудь в Бостон с просьбой. Не пришлют ли они кого-нибудь в Утику, кто мог бы запустить электростанцию? Другой вариант для них — долгое и опасное путешествие на юг. Ну и что предпринимает Сообщество А, получив такое послание?

— Посылают своего парня? — спросил Стью.

— Клянусь мошонкой Иисуса Христа, *нет!* Возможно, и даже весьма вероятно, что его удержат против воли. В мире после эпидемии технические знания заменят золото в роли идеального обменного эквивалента. Ну и что предпринимает Сообщество Б?

— Думаю, они пойдут на юг, — сказал Стью и затем усмехнулся. — Может быть. А может быть, они будут угрожать бостонцам ядерной боеголовкой.

— Правильно, — сказал Стью. — Запустить электростанцию они не смогут, но смогут запустить ядерную ракету.

— На их месте, — сказал Бэйтмен, — я бы даже не стал возиться с ракетой, а просто попробовал бы отсоединить боеголовку и привезти ее в Бостон на автофургоне. Как вы

думаете, получилось бы?

— Черт меня побери, если я знаю.

— Ну а если даже и не получилось бы, то ведь вокруг — горы обычного оружия, которое ждет, чтобы его подобрали и пустили в дело. А если специалисты окажутся в обоих сообществах, то они могут затеять ядерный конфликт из-за религии, территориальных претензий или какого-нибудь ничтожного идеологического расхождения. Вы только подумайте, вместо шести или семи ядерных держав мира у нас может появиться шестьдесят или семьдесят прямо здесь, в центральных районах США. Если бы ситуация была иной, то могла бы начаться война с использованием камней и палиц. Но ситуация такова, что армия исчезла и оставила на земле все свои игрушки. Тяжело об этом думать, особенно после всего того, что уже успело произойти... но я боюсь, что в этом нет ничего невозможного.

Воцарилось молчание. Далеко в лесах лаял Коджак. День начинал клониться к вечеру.

— Знаете что, — сказал наконец Бэйтмен, — по основе я оптимист. Может быть потому, что у меня низкий порог удовлетворяемости. По этой причине меня здесь терпеть не могли. У меня есть свои недостатки: я слишком много говорю, я — ужасный художник и ужасно легко транжирю деньги. Мне часто приходилось за три дня до зарплаты переходить на диету из сэндвичей с арахисовым маслом, и я приобрел печальную славу в Вудсвилле благодаря тому, что через неделю закрывал открытые мною в банке счета для сбережений. Но я никогда не позволял себе падать духом из-за этого, Стью. Эксцентричный оптимист — это обо мне. Единственное проклятие моей жизни — это сны. С детства меня осаждают удивительно явственные сны. Многие из них были кошмарными. Когда я был мальчиком, это были спрятавшиеся под мостами тролли, которые выскакивали и хватали меня за ногу, или ведьма, превращавшая меня в птицу... я открывал рот, чтобы закричать, но оттуда вырывалось только карканье. Вам когда-нибудь снились кошмары, Стью?

— Иногда, — сказал Стью, вспоминая о том, как Элдер, пошатываясь, идет за ним в его снах, и о коридорах, которые никогда не кончаются, но лишь замыкаются сами на себя.

— Тогда вы поймете меня. Когда я был тинэйджером, мне снился определенный процент эротических сновидений, как «мокрых», так и «сухих», но иногда среди них попадались сны, в которых девушка, с которой я был, превращалась в жабу, змею или даже разлагающийся труп. Когда я стал старше, мне начали сниться сны о неудачах, распаде, самоубийстве, сны о кошмарных несчастных случаях, приводивших к смерти. Чаще всего мне снилось, как меня медленно раздавливает в лепешку подъемник на заправочной станции. Все это, наверное, лишь вариации на тему сна о тролле. Но я верю в то, что такие сны играют роль обычного психологического рвотного, и люди, которым они снятся, скорее благословенны, чем прокляты.

— Когда это снится, то не накапливается внутри.

— Совершенно верно. Существует столько гипотез о роли снов, и гипотеза Фрейда пользуется наибольшей, но несколько скандальной известностью, но я всегда считал, что они выполняют обычную гигиеническую функцию, и не более того. Сны отражают потребность души в регулярной разгрузке. И люди, которые не видят снов — или не могут вспомнить их, когда проснутся — страдают своего рода умственным запором. В конце концов единственная практическая компенсация за приснившийся кошмар — это то чувство, которое мы испытываем, когда просыпаемся и понимаем, что это был только сон.

Стью улыбнулся.

— Но недавно мне стал сниться чрезвычайно отвратительной сон. Он не похож ни на один из прежде виденных мною снов, но каким-то непостижимым образом он напоминает их все. Как будто... Как будто это сумма всех кошмарных снов. Когда я просыпаюсь, у меня

появляется нехорошее чувство, что это был вовсе не сон, а скорее видение. Я знаю, что звучит это все, наверное, как бред сумасшедшего.

— О чем он?

— О человеке, — тихо сказал Бэйтмен. — Во всяком случае, я думаю, что это человек. Он стоит то ли на крыше небоскреба, то ли на утесе. Но чем бы ни была эта штука, она такая высокая, что подножье ее тонет в тумане. Близится закат, но он смотрит в другую сторону — на восток. Иногда на нем надеты синие джинсы и куртка из грубой хлопчатобумажной ткани, но чаще на нем бывает ряса с капюшоном. Мне никогда не удастся увидеть его лицо, но я вижу его глаза. Они красного цвета. И у меня такое чувство, что он ищет *меня* — и что рано или поздно он меня найдет или я сам буду вынужден пойти к нему... и это будет моя смерть. Тогда я пытаюсь закричать и... — Он запнулся, недоуменно пожав плечами.

— И в этот момент вы просыпаетесь?

— Да. — Они посмотрели на бегущего назад Коджака.

— Ну, наверное, это просто сон, — сказал Бэйтмен. — Если меня подвергнуть психоанализу, то в результатах, думаю, будет записано, что этот сон является выражением моего подсознательного страха перед лидером или лидерами, которые придут и попытаются начать все с начала. А может быть, страх перед техникой вообще. Потому что я верю, что во главу угла всех новых обществ, во всяком случае, западных, будет поставлена техника. Жаль, конечно, и лучше бы этого не было, но так *будет*, потому что мы

— на крючке. Они не вспомнят — или не захотят вспомнить — о загрязненных реках, дыре в озоновом слое, атомной бомбе, испорченной атмосфере. Они смогут вспомнить только то, что когда-то без особых усилий с их стороны они могли проводить ночи в тепле. Вы видите, что в довершение всего я еще и луддит. Но этот сон... он преследует меня, Стью.

Стью ничего не ответил.

— Ну ладно, пора домой, — отрывисто произнес Бэйтмен. Он отошел за кусты и вернулся с тележкой.

— Вы прикатали ее сюда из дома? — спросил Стью.

— Я качу ее до тех пор, пока не увижу что-нибудь, достойное моей кисти. В разные дни я выбираю разные маршруты. Это хорошее физическое упражнение. Если вы идете на восток, то почему бы вам не прогуляться со мной до Вудсвилля и провести ночь у меня дома? Мы можем катить тележку по очереди, а в реке у меня осталась еще одна упаковка пива. Так будет веселее идти.

— Предложение принимается, — сказал Стью.

— Отлично. Возможно, всю дорогу я буду болтать. Когда я вам надоем, просто скажите мне, чтобы я заткнулся. Я не обижусь.

— Мне нравится слушать, — сказал Стью.

— Тогда вы — один из Божьих избранников. Пошли.

Они отправились по шоссе N302. Пока один из них катил тележку, другой попивал пиво. Бэйтмен говорил безостановочно, перескакивая с одной темы на другую и почти не делая при этом пауз. Коджак трусил рядом. Какое-то время Стью слушал, потом его ум отдавался своим собственным мыслям, а потом снова сосредоточивался на словах Бэйтмена. Его беспокоила нарисованная Бэйтменом картина сотен крошечных колоний, возникших в стране, где смертоносные вооружения рассыпаны повсюду, как детали от детского конструктора. Но странным образом ум его постоянно возвращался к сну Глена Бэйтмена — к человеку без лица на вершине высокого здания или утеса, к человеку с красными глазами, повернувшегося спиной к заходящему солнцу и без усталости глядящему на восток.

Он проснулся незадолго до полуночи, весь в поту, опасаясь, что мог кричать во сне. Но

дыхание Глена Бэйтмена в соседней комнате было медленным и спокойным, и Стью мог видеть Коджака в прихожей, спящего, положив голову на лапы. Луна светила сюрреалистически ярко.

Проснувшись, Стью приподнялся на локтях, а теперь он вновь опустился на влажную простыню, не желая вспоминать свой сон, но не в силах этого избежать.

Он снова был в Стовингтоне. Элдер был мертв. Все были мертвы. Это была гулкая могила. Он был единственным оставшимся в живых и не мог найти выход. Сначала он попытался обуздать овладевшую им панику. «Надо идти, нельзя бежать», — повторял он себе снова и снова, но вскоре он вынужден был пуститься бегом. Он бежал все быстрее и быстрее, и им овладевало непреодолимое желание оглянуться и убедиться в том, что его преследует одно лишь эхо.

Мимо него мелькали оранжевые надписи: РАДИОЛОГИЯ, КОРИДОР Б К ЛАБОРАТОРИЯМ и ВХОД РАЗРЕШЕН ТОЛЬКО ДЛЯ ИМЕЮЩИХ СПЕЦИАЛЬНОЕ РАЗРЕШЕНИЕ. Потом он оказался в другой части здания, где он никогда не был. Краска на стенах отслаивалась. Некоторые лампы перегорели, а другие гудели, как застрявшие в сетке мухи. Некоторые матовые дверные стекла были разбиты, и сквозь звездообразные дыры он мог видеть тела, искореженные от боли. Там была кровь. Эти люди умерли не то гриппа, они были убиты. На их телах были колотые и огнестрельные раны, нанесенные тупыми предметами. Глаза их вылезли из орбит и смотрели на Стью.

По неподвижному эскалатору он сбежал вниз и оказался в длинном и темном выложенном плиткой коридоре. В конце его снова стали попадаться двери, но теперь они были выкрашены в черный цвет. Стрелки были ярко-красными. Надписи гласили: ПРОХОД К ХРАНИЛИЩУ КОБАЛЬГА, ЛАЗЕРНЫЙ АРСЕНАЛ, РАКЕТЫ БОКОВОГО УДАРА, ЧУМНАЯ КОМНАТА. Потом, всхлипнув от облегчения, Стью увидел стрелку с единственным благословенным словом над ней: ВЫХОД.

Он завернул за угол и оказался перед открытой дверью. За ней была сладкая, нежная ночь. Он бросился к двери, но путь ему преградил человек в джинсах и грубой хлопчатобумажной куртке. Стью замер и крик застрял у него в глотке, словно кусок ржавого железа. Когда на человека упал отсвет мигающих ламп, Стью увидел, что вместо лица у него — только холодная черная пустота, пронзенная взглядом бездушных красных глаз. Бездушных, но насмешливых. В них было какое-то пляшущее безумное ликование.

Человек вытянул руки, и Стью увидел, что с них капает кровь.

— Небо и земля, — раздалось из той черной дыры, где должен был быть его рот. — Все небо и вся земля.

Стью проснулся.

Коджак постанывал и тихо скулил в прихожей. Лапы его подергивались, и Стью пришло в голову, что даже собаки могут видеть сны. Такая естественная вещь — сон, пусть даже иногда и кошмарный.

Заснуть ему удалось не скоро.

Ллойд Хенрид стоял на коленях. Он хихикал и напевал песенку. То и дело он забывал, что он напевает, усмешка таяла на его лице, и он начинал плакать, но потом он забывал о том, что плачет, и снова начинал напевать. Он напевал песенку под названием «Загородные скачки». То и дело, вместо песенки и плача, он тихо шептал: «Ду-ба, ду-ба». Единственным звуком в камере, помимо песенки, плача и «ду-бы, ду-бы», было позвякивание ножки от койки в руках у Ллойда. Он пытался развернуть тело Траска, чтобы добраться до ноги. Пожалуйста, официант, принесите мне еще капустного салата и еще одну ногу.

Ллойд выглядел как человек, севший на самую суровую диету. Его арестантская одежда болталась на нем, как обвисший парус. Последний раз ему принесли ленч восемь дней назад. Кожа Ллойда прочно прилипла к черепу, обрисовав каждый изгиб и выступ. Глаза его сверкали. Губы обвисли и обнажили ряды зубов. Волосы его стали вылезать целыми прядями. Вид у него был абсолютно сумасшедший.

— Ду-ба, ду-ба, — прошептал Ллойд, орудуя ножкой от койки. Когда-то он не знал, зачем ему понадобилось калечить пальцы, чтобы отвернуть эту проклятую штуку. Когда-то он думал, что знает, что такое настоящий голод. Но тот голод в сравнении с этим оказался всего лишь легким позывом к еде.

— Скачи всю ночь... Скачи весь день... ду-ба...

Ножка зацепилась за штанину Траска, но ненадолго. Ллойд положил голову на пол и заплакал, как ребенок. Позади него в углу лежал скелет крысы, которую он убил в камере Траска пять дней назад, двадцать девятого июня. Длинный розовый хвост по-прежнему остался на том же месте. Ллойд несколько раз пытался съесть его, но это оказалось ему не под силу. Почти вся вода в унитазе была выпита. В камере воняло мочой, так как Траск мочился в коридор, не желая расходовать небольшой запас воды. Облегчать свой кишечник — и это было вполне понятно исходя из его теперешней диеты — ему не приходилось.

Он съел весь свой запас еды. Слишком быстро. Теперь он это понимал. Он ведь думал, что кто-то придет. Он не мог поверить.

Ему не хотелось есть Траска. Сама мысль об этом была ужасна. Прошлым вечером ему удалось поймать таракана и съесть его живьем. Прежде чем он перекусил его пополам, он успел почувствовать, как таракан заметался у него во рту. В сущности, это было не так уж плохо, куда вкуснее, чем есть крысу. Нет, Траска ему есть не хотелось. Он не хотел превращаться в каннибала. Это было вроде крысы. Он подтащит Траска поближе... но просто на всякий случай. На всякий случай. Он слышал о том, что человек долгое время может обходиться без еды, если у него есть вода.

(воды не так уж и много, но я не буду об этом думать, не сейчас, только не сейчас) Он не хотел умирать. Он не хотел голодать. Он был исполнен ярости.

Ярость его росла наравне с чувством голода. Он подумал, что если бы его кролик был способен мыслить, он точно также возненавидел бы его (он много спал теперь, и во сне его всегда преследовал кролик, с распухшим тельцем, с побитым мехом, с личинками в пустых глазницах и, самое ужасное, с окровавленными лапками: просыпаясь, он заворуженно смотрел на свои собственные пальцы). Ненависть Ллойда концентрировалась вокруг одного простого образа, и этим образом был КЛЮЧ.

Он был заперт. Когда-то ему казалось, что это справедливо. Он был одним из несимпатичных парней. Не совсем уж несимпатичный, конечно, в отличие от Поука. Без Поука он оказался бы способен разве что на мелкое хулиганство. Но все-таки и на нем лежала

частичная ответственность. Ему казалось, что он действительно заслужил небольшой срок. Нельзя сказать, что он сам просился в тюрьму, некогда тебя берут на месте преступления, то приходится смириться. Он сказал адвокату, что заслужил двадцать лет за соучастие в убийстве. Но уж никак не электрический стул, это уж точно. Мысль о том, что Ллойда Хенрида можно усадить верхом на молнию была... просто безумной.

Но у них был КЛЮЧ, вот в чем все дело. Они могли запереть тебя и делать с тобой все, что им заблагорассудится.

За последние три дня Ллойд стал смутно понимать символическую, волшебную силу КЛЮЧА. КЛЮЧ был наградой за то, что ты играешь по правилам. Если ты нарушаешь правила, то тебя могут запереть. КЛЮЧ означал обладание некоторыми правами. Они могут отнять у тебя десять лет жизни, или двадцать, или сорок. Они даже могут усадить тебя на электрический стул.

Но даже КЛЮЧ не давал им права уйти и обречь тебя на голод. Он не давал им права заставлять тебя естьдохлую крысу и паклю из матраса. Он не давал им права оставлять тебя в таком месте, где, для того чтобы выжить, тебе вполне возможно придется съесть человека из соседней камеры (если, конечно, тебе удастся до него дотянуться, вот какая штука — дуба, ду-ба).

Есть какие-то вещи, которые просто нельзя делать. Есть какая-то граница тех прав, которые дает вам КЛЮЧ. Они обрекли его на ужасную смерть, хотя вполне могли выпустить его. Он не был бешеной собакой, готовой прикончить первого же встречного, чтобы о нем ни писали газеты. До встречи с Поуком он был способен разве что на мелкое хулиганство.

Он ненавидел, и ненависть приказывала ему бороться за жизнь. Какое-то время ему казалось, что ненависть и борьба за жизнь бессмысленны, так как все те, у кого был КЛЮЧ, умерли от гриппа. Он уже не мог им отомстить. Потом понемногу, по мере того, как рос его голод, он начал понимать, что их грипп убить не мог. Он мог убить неудачников, вроде него, но не охранников, у которых был КЛЮЧ. Охранник, который сказал, что начальник тюрьмы болен, был отъявленным лжецом. Грипп не может убить офицеров, заседающих в комиссиях по досрочному освобождению, шерифов или агентов ФБР. Грипп не причинит вреда тем, у кого есть КЛЮЧ. Он просто не осмелится. Осмелится Ллойд. Если он проживет достаточно долго, чтобы выбраться отсюда, он им всем покажет.

Ножка снова зацепилась за штанину Траска.

— Ну же, — прошептал Ллойд. — Давай. Иди сюда...

Тело Траска медленно скользило по полу камеры. Ни один рыбак никогда не подсекал рыбу с такой осторожностью, с которой Ллойд тащил Траска. Вскоре его нога оказалась в пределах досягаемости Ллойда... если, конечно, Ллойд захочет ее достичь.

— У меня нет к тебе личной неприязни, — прошептал он Траску. Он дотронулся до его ноги. Он погладил ее. — Никакой личной неприязни. Я не собираюсь есть тебя, старина. Разве что мне придется это сделать.

Он не подозревал о том, что во рту у него выделилась обильная слюна.

В пепельном свете сумерек Ллойд расслышал какой-то звук, но сначала он был таким тихим и странным — позвякивание металла о металл — что он посчитал его плодом своего воображения.

Но потом раздался голос, и он подскочил на своей койке. Глаза на его истощенном лице широко раскрылись и заблестели. Голос плыл по коридорам административного крыла, потом по лестничным пролетам в коридоры, соединяющие помещения для свиданий с центральным отделением, где находился Ллойд, и наконец достигал ушей Ллойда:

— Ээээээээээээй! Есть кто-нибудь дома?

Как ни странно, первой в голову Ллойда пришла следующая мысль: Не отвечал Может быть, он уйдет.

— Есть кто-нибудь дома? Считаю до трех: раз, два?.. О'кей, я пойду дальше, отрясая пыль Феникса с моих ног...

В этот момент Ллойд очнулся. Он вскочил с койки, схватил ножку и принялся лупить ей по решетке камеры.

— Нет! — закричал он. — Нет! Не уходите! Пожалуйста, не уходите!

Голос, раздававшийся теперь значительно ближе, с лестницы, соединявшей административное крыло с камерами, прокомментировал:

— Мы готовы тебя скушать, мы тебя так любим... ой-ой-ой... похоже, кто-то ОЧЕНЬ... ПРОГОЛОДАЛСЯ. — Последовало ленивое хихиканье.

Ллойд бросил на пол ножку от койки и схватился обеими руками за прутья решетки. Теперь он мог слышать шаги. Ему хотелось расплакаться от облегчения... в конце концов, он спасен... но в сердце у него вместо радости был страх, растущий ужас, заставивший его пожалеть о том, что он не промолчал. Промолчать? Господи! Что может быть хуже голода?

Мысль о голоде заставила его вспомнить о Траске. Траск раскинулся на спине, и одна из его ног торчала сквозь решетку камеры Ллойда. Область голени — ее самая *мясистая часть* — *претерпела значительные изменения*. На ней были следы зубов. Ллойд знал, кому принадлежали эти зубы, но почти не помнил о том, как это произошло. Чувства отвращения, вины и ужаса преисполнили его. Бросившись к Траску, он быстро спустил штанину на полусъеденной ноге и выпихнул ее за пределы своей камеры, опасаясь, как бы обладатель голоса не застал его за этим.

Разумеется, торопиться не было причин, потому что решетчатые ворота у входа в арестантское отделение были закрыты, а так как электричество вырублено, кнопка не работает. Его освободителю придется вернуться и отыскать КЛЮЧ. Ему придется...

Ллойд вздрогнул, услышав, как заработал электромотор, приводящий в движение ворота.

Разобравшись с Траском, Ллойд вернулся к двери своей камеры. Услышав приближающиеся шаги, он невольно сделал два шага назад. Он бросил взгляд на пол коридора и увидел пару ковбойских остроносых ботинок с заостренными носами и сбитыми каблуками. Первая его мысль была о том, что у Поука были такие же ботинки.

Ботинки остановились напротив камеры.

Взгляд Ллойда медленно пополз вверх, скользя по потертым джинсам, кожаному ремню с медной пряжкой (на ней были выбиты различные астрологические знаки в паре концентрических кругов), джинсовой куртке с двумя большими пуговицами на нагрудных карманах — на одной было изображено улыбающееся лицо, на другой — труп свиньи и слова: КАК ВАМ ПРАВИТСЯ СВИНИНА?

В тот самый момент, когда взгляд Ллойда неохотно поднялся до темного лица Рэнделла Флегга, тот закричал: «Ууу!» Звук разнесся по мертвому арестантскому отделению и вернулся вместе с эхом. Ллойд взвизгнул, отшатнулся, упал и заплакал.

— Все в порядке, — утешил его Флегг. — Все в порядке, парень. В полном порядке.

— Не могли бы вы меня выпустить? — всхлипнул Ллойд. — Пожалуйста, выпустите меня. Я не хочу, чтобы со мной случилось то же, что и с кроликом, я не хочу этого, это несправедливо, если бы не Поук, я не смог бы натворить ничего, кроме мелкого хулиганства, пожалуйста, выпустите меня, мистер, я сделаю все, что угодно.

— Бедный парень. Ты похож на рекламный плакат летнего отдыха в Дахау.

Несмотря на сочувственный тон Флегга, Ллойд не мог решиться снова поднять глаза.

Если он снова посмотрит ему в лицо, он умрет. Это лицо дьявола.

— Пожалуйста, — канючил Ллойд. — Пожалуйста, выпустите меня, я голодаю.

— Как давно тебя заперли в этой консервной банке, паренек?

— Не знаю, — ответил Ллойд, утирая слезы. — Давно.

— Почему же ты до сих пор не умер?

— Я понял, что происходит, — сказал Ллойд, обращаясь к ногам в потертых джинсах. —

Я сэкономил еду и сделал себе небольшой запас.

— Случайно не откусил кусочек от этого славного парня в соседней камере, а?

— ЧТО? — возопил Ллойд. — Что? Нет! Клянусь Христом Богом! За кого вы меня

принимаете? Мистер, мистер, пожалуйста...

— Его левая нога немного тоньше, чем правая. Вот я и спросил, дружок.

— Я ничего не знаю об этом, — прошептал Ллойд. Он весь дрожал.

— Ну, а что ты скажешь насчет крысы? Какой у нее был вкус?

Ллойд закрыл лицо руками и ничего не ответил.

— Как тебя зовут?

Ллойд попытался ответить, но из глотки его вырвался только жалобный стон.

— Как тебя зовут, солдат?

— Ллойд Хенрид. — Он попытался придумать, что бы еще сказать, но в голове была какая-то каша. Он испугался, когда адвокат сказал ему, что он может попасть на электрический стул, но не *так*, как сейчас. Никогда за всю свою жизнь он не был *так* испуган. — Это все Поук! — закричал он. — Это ему надо было здесь сидеть, а не мне!

— Посмотри на меня, Ллойд.

— Нет, — прошептал Ллойд.

— Почему нет?

— Потому что...

— Продолжай.

— Потому что я не верю, что вы существуете, — прошептал Ллойд. — А если вы существуете... мистер, если вы существуете, то вы — дьявол.

— Посмотри на меня, Ллойд.

Ллойд беспомощно поднял взгляд на темное, усмехающееся лицо, парившее в пролете между прутьями. Флегг что-то держал в поднятой правой руке. Это было что-то вроде черного камня, в центре которого пролегла ярко-красная щель. Ллойд у него показалась ужасным глазом, приоткрытым и кровавым, пристально уставившимся на него. Потом Флегг слегка повернул камень, и красная щель в нем стала похожа... на ключ. Флегг вертел его в пальцах так и сяк. То это был глаз, то ключ.

Глаз, ключ.

Он пропел:

— Она принесла мне кофе... она принесла мне чай... кроме самого главного... кроме ключа. Так, Ллойд?

— Так, — ответил Ллойд хрипло, не отрывая глаз от черного камешка.

— Теперь-то ты можешь оценить, какую ценность представляет собой нужный ключ, — сказал человек. — Я абсолютно в этом уверен. Потому что ключ нужен для того, чтобы открывать им двери. Существует ли что-нибудь важнее этого, Ллойд?

— Мистер, я ужасно голоден...

— Конечно, ты голоден, — сказал человек. На лице его появилось выражение сочувствия — настолько всеобъемлющее, что оно стало гротескным.

— Боже мой, крыса создана не для того, чтобы ее есть! Знаешь, что у меня было сегодня

на ленч? Симпатичный ростбиф на венской булке, посыпанный кольцами лука и обильно политый горчицей. Звучит неплохо?

Ллойд кивнул.

— Немного копченой рыбы, какао, а на десерт... Господи, да я ведь *мучаю тебя*, правда? За это меня следовало бы выпороть. Извини. Сейчас я тебя выпущу и мы пойдем что-нибудь поедим, о'кей?

Ллойд даже не в силах был кивнуть. Черный камень в очередной раз исчез в кулаке незнакомца, а когда Ллойд вновь посмотрел ему на руку, то увидел у него на ладони блестящий плоский ключ.

— БОЖЕ МОЙ! — возопил Ллойд.

— Нравится? — спросил темный человек довольным голосом. — Я научился этому трюку у одной крошки из массажного кабинета в Сикокусе, штат Нью-Джерси, Ллойд. Сикокус — родина величайших свиноферм.

Он наклонился и вставил ключ в замочную скважину камеры Ллойда. И в этом была какая-то странность, так как, насколько Ллойд помнил, у этих камер не было замочных скважин, потому что они закрывались и открывались с помощью электричества. Но в том, что серебряный ключ откроет камеру, он не сомневался.

Вставив ключ, Флегг остановился и, слегка усмехаясь, посмотрел на Ллойда. Ллойд почувствовал, как им снова овладевает отчаяние. Над ним просто издеваются.

— Я до сих пор не представился? Меня зовут Флегг, с двумя «г». Рад с вами познакомиться.

— Взаимно, — прокаркал Ллойд.

— И мне кажется, что перед тем, как я открою камеру и мы пойдем обедать, нам надо кое о чем договориться.

— Ясное дело, — сказал Ллойд и снова начал плакать.

— Я сделаю тебя своей правой рукой, Ллойд. Поставлю тебя на место святого Петра. Когда я открою эту дверь, то сразу же вручу тебе ключи от царства. Важная штука, не правда ли?

— Да, — прошептал Ллойд, снова испугавшись. В камере было уже совсем темно. Флегг превратился в черный силуэт, но глаза его были видны очень ясно. Они светились в темноте, как у рыси. Ллойдом овладел ужас, но и какое-то другое чувство, нечто вроде религиозного экстаза. Радость. Радость того, что ты *избран*.

— Ты хотел бы свести счеты с теми, кто запер тебя здесь, так ведь?

— Это уж точно, — отозвался Ллойд, немедленно позабыв про свой ужас.

— Может быть, и не только с ними, но и со всеми людьми, способными на подобную пакость, — предположил Флегг. — Это ведь особый тип человека, так ведь? Для таких людей такой человек, как ты, — это просто груда мусора. Потому что они забрались наверх. Они считают, что такой человек, как ты, не имеет права на жизнь.

— Правильно, — сказал Ллойд. Его физический голод внезапно превратился в какой-то другой вид голода. Подобно тому, как черный камень превратился в блестящий ключ. Этот человек выразил все обуревавшие его сложные чувства всего в нескольких предложениях. Он хотел расправиться не только с охранниками. У них был КЛЮЧ, это верно, но не они его сделали. Кто-то дал его им. Начальник тюрьмы, — предположил Ллойд, но ведь и не он сделал КЛЮЧ. Ллойд хотел добраться до изготовителей. Они не умерли от гриппа, и у него будет о чем с ними поговорить. Это будет *подходящее* для него дело.

— Знаешь, что говорит Библия о таких людях? — спокойно спросил Флегг.

— Она говорит, что возвысившиеся будут унижены, и могущественные будут

низвергнуты, и у людей с поднятой головой будет сломана шея. А знаешь, что там говорится о таких людях, как ты, Ллойд? Там говорится, что блаженны кроткие, ибо они наследуют землю. И там говорится, что блаженны нищие духом, ибо они узрят Бога.

Ллойд согласно кивал. Кивал и плакал. На мгновение ему показалось, что вокруг головы Флегга засияла ослепительная корона. Свет ее был так ярк, что если бы Ллойд не отвел глаза, она спалила бы их дотла.

— Ты не слишком умен, — сказал Флегг. — Но ты — первый. И у меня такое чувство, что ты будешь мне очень предан. Вместе, ты и я, мы далеко пойдём. Для таких, как мы, настало хорошее время. Мне нужно лишь твое слово.

— С-слово?

— Что мы будем всегда держаться вместе, ты и я. Водой не разольешь. Никто из нас не уснет на посту. Вскоре появятся другие — они уже идут на запад — но пока мы с тобой одни. Я дам тебе ключ, а ты дашь мне обещание.

— Я... обещаю, — сказал Ллойд, и ему показалось, что слова повисли в воздухе, странно вибрируя. Склонив голову, он прислушался к этой вибрации, и почти различил в воздухе два этих слова, распространяющих вокруг себя такое же темное свечение, как северное сияние, отраженное в глазу у мертвеца.

Дверь распахнулась.

— Ты свободен, Ллойд. Выходи.

Сделав шаг вперед, Ллойд замер, уставившись на своего спасителя. Что-то положили ему в руку. Ключ.

— Теперь он твой, Ллойд.

— Мой?

Флегг протянул руку и сжал пальцы Ллойда в кулак. Ллойд почувствовал, как ключ движется у него в руке, как он *меняется*. Он хрипло закричал и посмотрел на ладонь. Там лежал черный камень с красной щелью.

— Не пообедать ли нам? — спросил Флегг. — Этой ночью нам предстоит много проехать.

— Обед, — сказал Ллойд. — Хорошо.

— У нас с тобой столько дел, — радостно сказал Флегг. — И нам надо спешить. — Мимо мертвецов в камерах они прошли на лестницу. Когда Ллойд от слабости споткнулся, Флегг ухватил его за локоть и поддержал. Ллойд обернулся и посмотрел в это усмехающееся лицо с чувством, превышающим благодарность. Он посмотрел на Флегга с чувством, очень похожим на любовь.

Беспокойно ворочаясь, Ник Андрос спал на койке в кабинете шерифа Бейкера. На нем были только шорты, и его обнаженное тело было покрыто потом. Засыпая, он подумал о том, что умрет к утру. Черный человек, постоянно преследовавший его в лихорадочных снах, прорвется сквозь последнюю тонкую преграду и покончит с ним.

Это было странно. Глаз, который покалечил Рэй Бут, болел два дня. На третий день чувство, что в голову ему вонзают гигантский циркуль, перешло в тупую боль. Глаз не видел ничего, кроме серого марева, в котором иногда передвигались неясные очертания. Но Ника убивал не глаз, его убивала царапина от пули у него на ноге.

Он не продезинфицировал рану. Боль в глазу была такой сильной, что он едва ощущал ее. Неглубокая царапина шла по правому бедру и заканчивалась у колена. На следующий день он с удивлением обнаружил дыру, сделанную в его брюках случайно вылетевшей пулей. А еще через день, тридцатого июня, вокруг раны появилась сильная краснота, и заболели все ножные мускулы.

Хромая, он дошел до конторы доктора Сомса и раздобыл бутылку перекиси водорода. Он вылил всю бутылку на рану, длина которой достигала десяти дюймов. Это было попыткой запереть дверь конюшни после того, как лошадь украли. К вечеру вся его правая нога болела, как гнилой зуб.

Первого июля он снова пошел в контору к Сомсу и перерыл его аптечку в поисках пенициллина. Обнаружив пенициллин, он, после некоторого колебания, проглотил две таблетки. Он прекрасно понимал, что умрет, если у него окажется аллергия на пенициллин, но в качестве альтернативы выступала еще более неприятная смерть. Заражение прогрессировало. От пенициллина он не умер, но и значительного улучшения не последовало.

К полудню вчерашнего дня у него начался сильный жар, и, похоже, большую часть времени он бредил. Еды у него было предостаточно, но есть не хотелось. Он лишь пил чашку за чашкой холодную кипяченую воду из холодильника, стоявшего в кабинете Бейкера. Вода уже почти кончилась, когда он заснул (или забылся) прошлой ночью, и Ник не представлял себе, как он сможет достать себе еще. Впрочем, в таком лихорадочном состоянии его это не слишком беспокоило. Скоро он умрет, и больше не о чем будет беспокоиться. Мысль о скором прекращении боли была для него большим облегчением. Нога его болела, чесалась и горела.

После убийства Рэя Бута сон его перестал быть сном. Он стал похож на непрерывный поток. словно все, кого он знал, возвращались на сцену после спектакля, чтобы поклониться рукоплещущей публике. Руди Спаркмен, указывающий на листок бумаги: «Ты — это белая страница». Его мать, постукивавшая пальцем по линиям и окружностям на другом листке бумаги: «Здесь написано Ник Андрос, радость моя. Это ты.» Джейн Бейкер, отвернувшись в сторону на подушке: «Джонни, бедный мой Джонни». В его снах доктор Сомс снова и снова просил Джона Бейкера снять рубашку, и снова и снова Рэй Бут говорил: «Держите его... сейчас я его вздую... сосунок ударил меня... держите его...» В отличие от всех предыдущих снов в своей жизни, Нику не нужно было читать по губам. Он слышал, как люди говорят. Сны были удивительно явственными. Они бледнели по мере того, как боль в ноге подталкивала его к пробуждению. Когда он снова засыпал, он оказывался на возвышении. Под ним простиралась земля, как рельефная карта. Вокруг была пустыня, и звезды над головой сверкали с сумасшедшей яркостью. Рядом с ним был человек... нет, не человек, а лишь оболочка человека. словно его очертания были изъяты из ткани реальности, и перед Ником стоял негатив человека, черная дыра в форме фигуры. И голос этой пустоты говорил: «Все

вокруг будет твоим, если ты падешь на колени и поклонись мне». Ник тряс головой и хотел отступить от обрыва, опасаясь, что пустота протянет руки и столкнет его вниз.

«Почему ты не говоришь? Почему ты только качаешь головой?»

Во сне Ник делал жест, который ему столько раз приходилось делать наяву: прикладывал палец к губам и ладонь к горлу... а потом слышал свой собственный абсолютно ясный и довольно красивый голос:

— Я не могу говорить. Я немой.

«Но ты можешь. Можешь, если захочешь».

Страх Ника моментально сменялся удивлением и ликованием, и он протягивал руку, чтобы прикоснуться к человеку. Но дотронувшись до его плеча, рука леденела. Он отдергивал руку, замечая ледяные кристаллы на костяшках. И это приходило к нему. Он мог слышать. Голос темного человека, далекий крик вылетевшей на охоту ночной птицы, бесконечный стон ветра. Он вновь становился немой — от удивления. У мира появлялось новое измерение, о котором он никогда не подозревал. Он начинал слышать звуки. Он различал любой из них без чужих пояснений. Они были красивыми. Красивыми звуками. Он пробежал пальцами вверх и вниз по своей рубашке и удивился быстрому шепоту ногтей, прикасавшихся к хлопку.

Потом темный человек поворачивался к нему, и Ником овладевал ужас. Это создание, кем бы оно ни было, не совершало бесплатных чудес.

«...если ты падешь на колени и поклонись мне».

И Ник закрывал лицо руками, потому что он страстно желал все то, что темный человек показал ему с возвышения: города, женщин, сокровища, власть. Но больше всего ему хотелось слышать завораживающий звук прикосновения ногтей к рубашке, тиканье часов в пустом доме после полуночи и загадочный шум дождя.

Но он произносил слово *Нет*, и тогда им снова овладевал леденящий холод, и его толкали, и он падал вниз головой, беззвучно крича, низвергаясь в туманные глубины, в запах — кукурузы?

Да, кукурузы. Это был другой его сон, и оба сна соединялись в один, не образуя швов. Он был на кукурузном поле, на поле зеленой кукурузы. Пахло теплой землей, коровьим навозом и растущей зеленью. Он поднимался на ноги, и начинал идти вдоль ряда и немедленно останавливался, понимая, что может слышать мягкий шорох ветра в зеленых листьях, похожих на лезвия мечей... и что-то еще.

Музыку?

Да, какую-то музыку. И во сне он думал: «Так вот что они имели в виду». Она раздавалась прямо перед ним, и он шел навстречу, желая узнать, откуда исходит последовательность этих прекрасных звуков — из того, что они называют «фортепьяно», или «трубой», или «виолончелью», или из какого-нибудь другого инструмента.

Горячий запах лета в ноздрях, нависающий синий свод над головой, прекрасные звуки. Никогда Ник не чувствовал себя счастливее, чем в этом сне. По мере того, как он приближался к источнику звуков, к музыке присоединялся голос — старческий, слегка невнятно произносящий слова, словно песня была жестковатым куском мяса. Словно под гипнозом, Ник шел ему навстречу.

Я пришел в этот сад в одиночку И на розах сияла роса И услышал слова, что полны торжества Нам послали Его небеса В этой дивной стране Он подходит ко мне Говорит мне, что я его сын И тот рай, что найду я в волшебном саду Не знал... никогда... ни один.

Когда куплет кончался, Ник протискивался к началу ряда, и там, на небольшой лужайке, оказывалась хижина. Слева от нее стояла ржавая бочка для мусора, а справа висела старая

шина, служившая качелями. Шина была подвешена к яблоне, искривленной, но покрытой зеленой листвой. Окна были распахнуты, и летний ветерок раздувал оборванные белые занавески. Со всех сторон домик был окружен кукурузой, ряды которой тянулись, на сколько хватало глаз. Только на север сквозь нее пролегла грязная дорога, уходившая к далекому горизонту. И тогда Ник понимал, где он находится — округ Полк, штат Небраска, к западу от Омахи и немного к северу от Оцеолы.

На крыльце сидела самая старая женщина Америки, негритянка с пушистыми белыми волосами. Она была очень худа, на ней было домашнее платье и очки. Она выглядела такой тонкой, что, казалось, летний ветерок мог подхватить ее и унести в высокое синее небо. А инструмент, на котором она играет (возможно, именно он-то и удерживает ее на земле), называется «гитара». «Так вот как звучит гитара, неплохо», — думает Ник в своем сне. Он мог бы так простоять до конца дня, наблюдая за старой женщиной среди кукурузных полей и слушая. Ее лицо испещрено миллионами морщинок, словно подробная географическая карта — по ее впалым щекам пролегают реки и каньоны, под подбородком идут горные кряжи, глубоко запали пещеры глаз.

Она снова начинает петь, сопровождая себя на старой гитаре:

Ии-сус: придешь ли ты сюда?

Ооо, Ии-сус, придешь ли ты сюда?

Иисус, придешь ли ты сюда?

Ибо... есть в тебе нужда Ооооо, в мире есть в тебе нужда В наши дни...

Скажи, мальчик, что ты здесь делаешь?

Она кладет гитару себе на колени, как грудного ребенка, и жестом подзывает его к себе.

Ник подходит. Он говорит, что просто хотел послушать ее песню, что ее песня очень красива.

«Ты разобрался с этим черным человеком?»

«Он пугает меня. Я боюсь...»

«Мальчик, ты должен бояться. Все мы смертны.»

«Но как мне сказать ему нет? Как мне...»

«Как ты дышишь? Как ты видишь сны? Никто не знает. Но приходи ко мне. В любое время. Меня называют матерью Абагейл. Думаю, я самая старая женщина в этих местах, и я до сих пор сама готовлю себе печенье. Приходи ко мне в любое время, мальчик, и приводи своих друзей.»

«Но как мне со всем этим справиться?»

«Господь благословит тебя, мальчик, никто другой тебе не поможет. Просто надейся на лучшее и приходи к матери Абагейл, когда захочешь. Думаю, я по-прежнему буду здесь, искать меня тебе не придется. Так что приходи повидать меня, Я по-прежнему...»

«...здесь, прямо здесь...»

Он просыпался, и Небраска, запах кукурузы и темное, морщинистое лицо матери Абагейл постепенно растворялись в небытии. В сознание просачивался реальный мир, но не столько вытесняя сон, сколько заслоняя его.

Он снова был в Шойо, штат Арканзас, его звали Ником Андросом, и он никогда не мог ни говорить, ни слышать звуки «гитары»... но он по-прежнему был жив.

Он сел на койке, опустил ноги на пол и поглядел на рану. Опухоль немного спала. Боль уменьшилась. Я выздоравливаю, — подумал он с огромным облегчением. Скоро я буду в полном порядке.

Он поднялся с койки и захромал к окну, нога онемела, но чувствовалось, что это пройдет после небольшой физической нагрузки. Он посмотрел на пустынный город, который был уже не Шойо, а трупом Шойо, и понял, что сегодня уедет отсюда. Далеко он не уйдет, но начать

путешествие надо.

Куда отправиться? Ну, это он вроде бы знал. Сны — это всего лишь сны, но для начала можно пойти и на северо-запад. В Небраску.

Ник выехал из города на велосипеде примерно в четверть второго третьего июля. Утром он собрал себе рюкзак, положив туда на всякий случай несколько упаковок пенициллина и кое-какие консервы. Он также захватил несколько коробок с патронами и флягу.

Он шел по улице, заглядывая в гаражи, и наконец нашел то, что ему было нужно: гоночный велосипед, который как раз подходил к его росту. Он медленно поехал вниз по Главной улице, и его раненая нога начала медленно разогреваться от работы. Он ехал на запад, и его тень следовала за ним. Он миновал изящные, прохладные коттеджи в предместьях города, занавески которых были задернуты на вечные времена.

Эту ночь он провел на ферме в десяти милях к западу от Шойо. К вечеру четвертого июля он был почти уже в Оклахоме. В тот вечер, перед тем как лечь спать, он стоял во дворе другой фермы и смотрел на метеоритный дождь, царапавший черное небо холодным, белым огнем. Он подумал, что никогда не видел такой красоты. Что бы ни ждало его впереди, он был рад тому, что остался в живых.

Ларри проснулся в половину девятого от яркого солнечного света и пения птиц. Он лежал в одном из отделений двойного спального мешка под низкой холщовой крышей двухместной палатки, которую они добавили к своему дорожному багажу в Пассаике утром второго июля.

Это утро в Беннингтоне, штат Вермонт, было особенным. Четвертое июля. День Независимости.

Он сел в своем мешке и посмотрел на Риту. Она по-прежнему спала: ему были видны лишь очертания ее тела под стеганой материей мешка и пух ее волос. Что ж, этим утром он разбудит ее красиво.

Ларри расстегнул молнию и вылез из мешка, сверкая голый задницей. В первый момент по коже пошли мурашки, но вскоре он ощутил тепло летнего утра — было уже около семидесяти по Фаренгейту. Жаркий будет денек. Он выполз из палатки, встал и огляделся.

Рядом с палаткой стоял «Харли-Дэвидсон» с объемом двигателя 1200 см³. Вместе с мешком и палаткой они раздобыли его в Пассаике. Рите он не нравился — во время езды она отчаянно обхватывала Ларри — но она согласилась с тем, что это самой удобное транспортное средство на дорогах, забитых брошенными и потерпевшими аварию машинами.

Помочившись, Ларри прочистил горло, сплюнул и, настраиваясь, пропел несколько нот. Потом он наорал в легкие побольше воздуха и, чувствуя, как легкий утренний ветерок обвеивает его грудь и ягодицы, громко запел:

Эй, дружок, посмотри, Что осталось при свете зари
От того, чему был ты так рад В час, когда догорает закат...

Он пропел всю песню до конца, обратившись лицом к простирившемуся Беннингтону, комически подвывая на последнем куплете, так как Рита уже, наверное, откинула тент и смотрела на него с улыбкой.

Кончив петь, он обернулся, размышляя о том, что лучший способ начать новый год независимости в добрых старых Соединенных Штатах Америки — это устроить добрый старый американский трах.

Но перед палаткой никого не было, и он вновь почувствовал мгновенное раздражение, но тут же решительно подавил его в себе. Надо просто поставить себя на ее место, вот и все. Надо помнить о том, что она гораздо старше тебя, привыкла к другой жизни, и ей гораздо труднее, чем тебе, приспособиться к миру, перевернувшемуся с ног на голову. К примеру, эти таблетки. Он не очень-то обрадовался, когда узнал, что она взяла с собой всю свою чертову аптечку. С чего бы это ей нервничать? Почему это ей не спится по ночам? Разве он не заботится о ней?

Он подошел к палатке и на мгновение заколебался. Может быть, дать ей еще поспать? Может быть, она вымоталась? Но...

Он посмотрел вниз на своего вождя краснокожих и убедился в том, что вождь краснокожих вовсе не хочет, чтобы она спала. Исполнение «Звездного банана» привело его в состояние полной боевой готовности. Ларри откинул тент и заполз внутрь.

— Рита?

После свежести раннего утра запах внутри палатки ошеломил его. Он был не таким уж сильным, потому что палатка достаточно хорошо вентилировалась, но все же достаточно сильным, чтобы желудок его завязался узлом. Это был сладко-кислый запах рвоты.

— Рита? — Она лежала неподвижно, и лишь пух ее волос торчал из мешка. Его тревога нарастала. Он пополз к ней на четвереньках, и запах стал еще сильнее. — Рита, с тобой все в порядке? Проснись, Рита!

Рита не шелохнулась.

Он потянул на себя ее тело, оно перекатилось на спину, и из ее руки выпал один из ее пузырьков с таблетками. Ее глаза под полуприкрытыми веками были словно высечены из тусклого мрамора. Рот ее был полон зелеными рвотными массами, в которых она задохнулась.

Он смотрел на ее мертвое лицо, как ему показалось, очень долго. Казалось, голова его распухла. Ее рот был полон этого дерьма. Он не мог отвести глаза. В его мозгу, как заводной заяц на игрушечной железной дороге, крутился один и тот же вопрос: «Сколько я проспал после того, как она умерла?» Ой как гнусно, парень. Как гнууууусно.

Наконец он вышел из оцепенения и выполз из палатки, оцарапав о землю обе коленки. Он подумал, что сейчас его вырвет, и попытался подавить в себе этот позыв. Больше всего на свете он ненавидел рвоту. Потом подумал: «Ведь ты лез туда, чтобы трахнуть ее, парень!», и содержимое его желудка свободным потоком хлынуло наружу. Он отполз от дымящейся кучи, плача и испытывая омерзение от отвратительного привкуса во рту и в ноздрах.

Он думал о ней все утро. Он чувствовал большое облегчение от того, что она умерла. Он никому об этом не скажет, конечно. Но это подтверждало все слова о нем его матери, Уэйна Стаки и даже специалиста по оральной гигиене.

— Никакой я не симпатичный парень, — сказал он громко и после этого почувствовал себя лучше. Говорить правду было легко.

Ларри сидел на мощеной живописной площадке рядом с шоссе. Оттуда открывался захватывающий вид на Вермонт, тянувшийся к Нью-Йорку в золотом свете утра. На табличке было написано, что расстояние до Нью-Йорка составляет двадцать миль. Дальний конец площадки был огорожен стеной из цементированных камней. Рядом лежало несколько разбитых бутылок. И использованный презерватив. Он предположил, что сюда приходили учащиеся средней школы и в сумерках наблюдали, как внизу один за другим загораются огни. Сначала они приходили в возбуждение, а потом ложились вместе. БГТ — вот как они это называли. Большой групповой трах.

Так почему же ему так хреново? Он ведь сказал себе правду, так ведь? Да. А ведь самое трудное было признать, что ты чувствуешь облегчение, разве нет? Что у тебя наконец сняли камень с шеи?

«Нет, самое трудное — это примириться с тем, что ты один. Что ты одинок.»

Ларри положил голову на колени и закрыл глаза. Он велел себе не плакать. Он ненавидел плач почти так же сильно, как рвоту.

Ларри вернулся к палатке и откинул полог. Неподалеку он отыскал длинную палку. Он глубоко вдохнул, задержал дыхание и с помощью палки вытащил свою одежду наружу. Потом он отошел и оделся. Вдохнув еще раз, он выудил свои ботинки. Присев на ствол упавшего дерева, он обулся.

Его одежда источала запах.

— Проклятье, — прошептал он.

Отыскав в Беннингтоне магазин мужской одежды, он разделся и надел на себя все новое. Выйдя из магазина, он завел «Харли». Он подумал, что стоит остановиться у магазина туристского снаряжения и посмотреть, нет ли у них палатки и спального мешка, но больше всего ему хотелось поскорее выбраться из Беннингтона.

Выезжая из города, он оглянулся назад. Все, что случилось, — к лучшему, это

действительно...

Ларри вновь взглянул на дорогу, и ужас сжал ему горло. Прямо перед ним возник перевернутый пикап с прицепом. Он резко повернул направо и почти объехал его, но левый ботинок зацепился за задний бампер, и мотоцикл вырвался из-под Ларри.

— С тобой все в порядке? — спросил он вслух. Слава Богу, что скорость была не больше двадцати. Слава Богу, что с ним не было Риты. Она наверняка бы впала в истерику. Хотя, конечно, если бы Рита была с ним, он не стал бы оглядываться.

— Со мной все в порядке, — ответил он самому себе, но без особой уверенности. Он сел. Тишина вокруг сдавила его. Было так тихо, что если думать об этом, то можно сойти с ума. В настоящий момент он был бы рад даже нитью Риты. Вокруг заплясали блестящие точки, и со внезапным ужасом он подумал, что сейчас потеряет сознание. «Я сильно ранен, через минуту, когда пройдет шок, я почувствую это, у меня глубокий порез или что-нибудь в этом роде, и кто, интересно, наложит мне жгут?»

Но когда угроза обморока миновала, он оглядел себя и решил, что с ним, пожалуй, действительно все в порядке. Он содрал ладони и правое колено, но это были обычные царапины, и нечего о них беспокоиться, всякий может свалиться с мотоцикла, с кем не бывает?

Но он знал, что могло быть и хуже. Он мог удариться головой и проломить себе череп, а теперь он лежал бы под горячим солнцем в ожидании неминуемой смерти. Или он мог бы захлебнуться в собственной рвоте, как одна из недавно почивших его знакомых.

Неверной походкой он подошел к «Харли» и поднял его. Он, похоже, никак не пострадал, но выглядеть стал иначе. Раньше это была просто машина, довольно симпатичная машина, которая могла выполнять две функции — перевозить его с места на место и давать ему возможность ощущать себя Джеймсом Дином или Джеком Николсоном в «Ангелах Ада на колесах». Но теперь его хромированные детали словно бы усмехались над Ларри, как балаганный зазывала, и приглашали его сесть и проверить, способен ли он укротить двухколесное чудовище.

С третьего раза мотоцикл завелся, и Ларри поехал со скоростью не более четырех миль в час. На руках у него были надеты браслеты холодного пота, и никогда, никогда за всю его жизнь, ему не хотелось так сильно увидеть другое человеческое лицо.

В тот день он никого не встретил.

После полудня он позволил себе немного увеличить скорость, но когда стрелка спидометра дошла до двадцати, он не мог заставить себя сильнее надавить на газ, даже если дорога впереди была свободна. На окраине Уилмингтона был магазин спортивных товаров, и он нашел там спальный мешок, мотоциклетные перчатки и шлем. Но даже со шлемом он не мог заставить себя двигаться быстрее двадцати пяти. Перед слепыми поворотами он сбрасывал скорость, слезал с мотоцикла и вел его по обочине. Его не оставляли видения, в которых он, лежа на дороге, терял всю свою кровь, и никто не мог ему помочь.

В пять часов вечера перед Брэттлборо на мотоцикле зажглась лампочка перегрева. Он оставил мотоцикл на дороге и пошел в город, не уверенный, что вернется за ним.

Этой ночью он спал в здании местной ратуши. В сон он погрузился немедленно. Через некоторое время его разбудил какой-то звук. Он посмотрел на часы. Было одиннадцать двадцать. Он приподнялся на одном локте и уставился в темноту. Если и был какой-то звук, то теперь он исчез. Замолкли даже сверчки.

— Есть здесь кто-нибудь? — позвал Ларри, и звук собственного голоса испугал его. Он пошарил в поисках двустволки и в течение долгой и все более тревожной секунды не мог ее найти. Потом он наконец нашел ее и, ни о чем не думая, нажал на курок. Если бы двустволка

не была на предохранителе, она бы выстрелила. Возможно, в него самого.

В тишине кто-то прятался, он был в этом уверен. Возможно, человек, возможно, какое-то крупное и опасное животное. Разумеется, человек тоже может оказаться опасным. Как, например, тот, кто несколько раз пронзил ножом человека из парка, или как Джон Берсфорд Типтон, который предложил ему миллион наличными за право попользоваться женщиной.

— Кто там?

В рюкзаке у него был фонарь, но для того, чтобы найти его, ему пришлось бы отложить лежавшую у него на коленях винтовку. И кроме того... так ли уж он хочет увидеть незнакомца?

Он сидел неподвижно, ожидая повторения звука, который разбудил его, и постепенно задремал.

Неожиданно голова его вскинулась, глаза широко раскрылись, а кожа прилипла к костям. *Теперь он был уверен, что слышал звук, и если бы ночь не была такой облачной, свет почти полной луны осветил бы ему...*

Но он не хотел видеть. И тем не менее он подался вперед, склонив голову на бок, прислушиваясь к тому, как пыльные каблуки стучат по тротуару Главной улицы Брэттлборо, штат Вермонт, двигаясь на запад, постепенно удаляясь до тех пор, пока звук их не растворился в общем гудении жизни.

Стюарт Редман сидел на обочине дороги и ел свой ленч. До него доносился нарастающий шум моторов. Он допил последний глоток пива и аккуратно завернул пачку с оставшимися крекерами. Он взял свою винтовку, снял ее с предохранителя и положил рядом. Судя по звуку, приближались небольшие мотоциклы. В этой всеобъемлющей тишине было невозможно определить, как далеко они находятся. Может быть, милях в десяти. Времени достаточно, чтобы поесть еще, но ему не хотелось есть. Солнце ярко светило, и мысль о встрече с живыми существами была приятной. Он не видел ни одного человека с тех пор, как покинул дом Глена Бэйтмена в Вудсвилле. Он снова бросил взгляд на винтовку. Снять ее с предохранителя было необходимо, так как живые существа могли оказаться кем-то вроде Элдера. Но он не взял винтовку в руки, так как надеялся, что они окажутся кем-то вроде Бэйтмена — разве что не с таким мрачным взглядом на будущее.

Он подобрался, когда мотоциклы наконец-то вынырнули из-за поворота. Это были две «Хонды» с объемом двигателей 250 см³, управляемые мальчиком лет восемнадцати и девушкой, которая, возможно, была старше, чем ее спутник. На девушке были светло-голубые «Левис» и желтая блузка.

Они заметили его, и оба мотоцикла слегка отклонились от курса, так как их обладатели с трудом справились с удивлением. Рот мальчика открылся. На мгновение стало неясно, остановятся ли они или проедут мимо, направляясь на запад.

Стью поднял руку и приветливо сказал им:

— Хелло! Сердце его исступленно билось. Ему очень хотелось, чтобы они остановились. Так и произошло.

На мгновение он был поражен напряженностью их поз. В особенности, это относилось к мальчику: он выглядел так, словно ему в кровь вогнали галлон адреналина. Конечно, у Стью была винтовка, но она лежала рядом, а они сами были вооружены. У мальчика был револьвер, а у девушки за спиной болталось небольшое охотничье ружье.

— По-моему, он нормальный парень, Гарольд, — сказала девушка, но мальчик, которого она назвала Гарольдом, напряженно застыл верхом на своем мотоцикле и смотрел на Стью с удивлением, прикидывая в уме течение возможного конфликта.

— Я сказала, что по-моему...

— Как мы можем в этом убедиться? — отрезал Гарольд, не спуская со Стью глаз.

— Ну, я очень рад вас видеть, если это способно вас убедить, — сказал Стью.

— А что если я вам не поверю? — с вызовом сказал Гарольд, и Стью заметил, что мальчиком снова овладел страх. Страх перед ним и перед ответственностью за девушку.

— Ну, тогда я не знаю. — Стью поднялся. Рука Гарольда дернулась к кобуре.

— Гарольд, оставь, — сказала девушка. Она умолкла, и какое-то время все они не знали, что делать дальше — совокупность трех точек, которые могут сформировать треугольник, форму которого пока невозможно предугадать.

— Уууууу, — сказала Фрэнни, усаживаясь на островок моха у подножия придорожного вяза. — Похоже, мозоли на заднице у меня никогда не пройдут, Гарольд.

Гарольд сердито хихикнул.

Она повернулась к Стью.

— Вы когда-нибудь пробовали проехать сто семьдесят миль на «Хонде», мистер Редман? Не рекомендую.

Стью улыбнулся.

— Куда вы направляетесь?.

— Какое вам до этого дело? — грубо спросил Гарольд.

— Что это за отношение к людям? — спросила Фрэн. — Мистер Редман — первый человек, которого мы видели со дня смерти Гуса Динсмора! Я хочу сказать, что если мы отправились в путь не для того, чтобы найти других людей, то для чего же тогда?

— Он просто заботится о твоей безопасности, — спокойно сказал Стью. Он сорвал травинку и стал жевать ее.

— Правильно, забочусь, — сказал Гарольд, не смягчив тона.

— Я думаю, мы искали друг друга, — сказала она, и лицо Гарольда потемнело.

— Да что ты говоришь, — пробормотал Гарольд. Он посмотрел на Стью исподлобья и вытащил пачку «Мальборо» из кармана куртки. Потом он вытащил одну сигарету и закурил ее как человек, лишь недавно пристрастившийся к этой привычке. Примерно позавчера.

— Мы едем в Стювингтон, штат Вермонт, — сказала Фрэнни. — В центр по изучению чумы. Мы... что случилось, мистер Редман? — Стью побледнел. Травинка выпала у него изо рта на колени.

— Почему туда? — спросил Стью.

— Потому что там находится центр по изучению заразных болезней, — сказал Гарольд высокомерно. — Мне пришло в голову, что если в Америке еще остались какие-нибудь важные лица, пережившие катастрофу, то весьма вероятно, что они окажутся в Стювингтоне или Атланте, где находится подобный центр.

— Это правильно, — сказала Фрэнни.

— Вы теряете время зря, — сказал Стью.

Фрэнни выглядела удивленной. Гарольд негодовал. Краска вновь начала подниматься у него по шее.

— Вряд ли вы способны об этом судить, милостивый государь.

— Вполне способен. Я пришел оттуда.

Теперь оба они выглядели удивленными.

— Вы знали об этих местах? — потрясение спросила Фрэнни. — Вы проверяли их?

— Не совсем так. Я...

— Ты лжешь! — вскричал Гарольд птичьим, пронзительным голосом.

Фрэн заметила тревожную холодную вспышку гнева в глазах Редмана, потом они вновь смягчились.

— Нет, я не лгу.

— А я тебе говорю, что ты лжешь! Ты просто...

— ГАРОЛЬД, НЕМЕДЛЕННО ЗАТКНИСЬ!

Гарольд посмотрел на нее с болью.

— Но Фрэнни, как ты можешь верить...

— А как ты можешь быть таким грубым и невыносимым? — горячо спросила она. — Ты можешь для начала хотя бы выслушать, что он нам скажет?

— Я не доверяю ему.

— Как можно судить о человеке, которого только что встретил? Гарольд, ты ведешь себя просто отвратительно!

— Позвольте, я вас все объясню, — сказал Стью спокойно. Он рассказал краткую версию истории, начавшейся с того, как Кэмпбелл врезался в колонки Хэпа. Вкратце он рассказал о своем побеге из Стювингтона неделю назад. Гарольд тупо смотрел на свои руки, выдирая ими куски моха и разрывая их на части. Но лицо девушки было похоже на развернутую карту несчастной страны, и Стью стало ее очень жалко. Она отправилась с этим мальчишкой (у

которого, надо отдать ему должное, возникла отличная идея), надеясь вопреки очевидности, что в мире остались еще какие-то островки раз и навсегда заведенного порядка. Что ж, ее постигло сильное разочарование. Это было видно по ее глазам.

— И Атланта тоже? Оба уничтожены эпидемией? — спросила она.

— Да, — сказал он, и она разрыдалась.

Он хотел бы успокоить ее, но мальчишка бы этого не позволил. Гарольд с сомнением взглянул на Фрэн, а потом на крошки моха у себя на рукавах. Стью протянул Фрэн платок. Она рассеянно поблагодарила его, даже не подняв глаза. Гарольд вновь сумрачно уставился на Стью глазами жадного мальчика, который сам хочет съесть коробку печенья. Как он будет удивлен, подумал Стью, — когда узнает, что девушка — это не коробка печенья.

Когда ее рыдания перешли в прерывистые вздохи, она сказала:

— Думаю, мне и Гарольду надо вас поблагодарить. По крайней мере, вы избавили нас от долгого путешествия с разочарованием в конце.

— Ты хочешь сказать, что веришь ему? Просто так, на слово? Он тебе вешает лапшу на уши, а ты... ты просто принимаешь это с благодарностью?

— Гарольд, с чего бы ему врать? Какая ему от этого выгода?

— Как я могу знать, что у него на уме? — спросил Гарольд свирепо. — Может быть, убийство. Или изнасилование.

— Гарольд, попытайся не быть таким ужасным, — попросила Фрэн.

— УЖАСНЫМ? — заорал Гарольд. — Я забочусь о тебе — о нас — разве это так УЖАСНО?

— Смотри, — сказал Стью, закатывая рукав. На руке у него было несколько заживающих следов уколов и след от кровоподтека. — Они кололи меня всякими лекарствами.

— Может быть, ты наркоман, — сказал Гарольд.

Не ответив, Стью опустил рукав. Разумеется, дело было в девушке. Он привык к мысли о том, что она его собственность. Ну что ж, некоторыми девушками можно владеть, а некоторыми — нет. Эта, скорее всего, относилась к последнему типу. Она была высокого роста и выглядела хорошенькой и очень свежей. Ее темные глаза и волосы придавали ей вид, который ошибочно можно было принять за нежную беспомощность. Легко можно было не увидеть ту еле заметную морщинку между бровями, которая делалась такой отчетливой, когда она сердилась.

— Ну и что же нам теперь делать? — спросила она, полностью проигнорировав последнюю реплику Гарольда.

— Все равно надо ехать, — сказал Гарольд, и когда она посмотрела на него, он добавил поспешно: — Ну, надо же нам ехать КУДА-НИБУДЬ. Конечно, может быть, он и говорит правду, но нам надо проверить второй раз. А потом мы решим, что делать дальше.

Фрэн взглянула на Стью с выражением я-не-хотела-бы-вас-обижать-но. Стью пожал плечами.

— Согласна? — настаивал Гарольд.

— По-моему, это не имеет значения, — сказала Фрэнни. Она сорвала пушистый одуванчик и сдула с него семена.

— Вам кто-нибудь встретился на дороге? — спросил Стью.

— Попалась одна собака, похоже, здоровая. Людей мы не видели.

— Я тоже видел собаку. — Он рассказал им о Бэйтмене и Коджаке. После этого он произнес: — Я направлялся в сторону побережья, но раз вы говорите, что там никого нет, то мое желание угасло.

— Очень жаль, — сказал Гарольд голосом, в котором можно было слышать что

угодно, кроме жалости. Он поднялся. — Готова, Фрэн?

Она неуверенно посмотрела на Стью, а потом встала.

— Спасибо вам за то, что вы рассказали нам, пусть даже новости и оказались не слишком веселыми.

— Секунду, — сказал Стью, также поднимаясь на ноги.

Он снова засомневался, думая о том, стоит ли с ними связываться. С девушкой все было в порядке, но мальчишке явно было лет семнадцать, и он был поражен тяжелым случаем ненависти ко всему человечеству. Но так ли много осталось людей, чтобы можно было позволить себе выбирать? Стью думал, что нет.

— Мне кажется, мы оба ищем людей, — сказал он. — Если вы примите меня, мне хотелось бы стать вашим попутчиком.

— Нет, — немедленно откликнулся Гарольд.

Фрэн обеспокоено перевела взгляд с Гарольда на Стью.

— Может быть, мы...

— Не возражай. Я сказал нет.

— У меня что, нет права голоса?

— Да что с тобой? Разве ты не видишь, что ему надо только одного? Боже мой, Фрэн!

— Трое лучше, чем двое, если случится беда, — сказал Стью, — и я-то уж точно знаю, что это лучше, чем один.

— Нет, — повторил Гарольд. Руку он опустил на рукоять револьвера.

— Да, — сказала Фрэн. — Мы рады принять вас, мистер Редман.

Гарольд резко обернулся, посмотрел на нее с болью и обитой. Стью на секунду напрягся, опасаясь, что Гарольд ударит ее, но потом снова расслабился.

— Так вот ты как? Ты просто ждала удобного момента, чтобы избавиться от меня, теперь я понимаю. — Он так рассердился, что на глаза ему навернулись слезы, и от этого он стал сердиться еще сильнее. — Раз ты так хочешь, пожалуйста. Ты поедешь с ним. А мне с тобой делать нечего. — И он пошел к тому месту, где стояли «Хонды».

Фрэнни посмотрела на Стью с убитым видом, а потом повернулась к Гарольду.

— Минуточку, — сказал Стью. — Пойдите здесь, пожалуйста.

— Пожалуйста, не обижайте его, — сказала Фрэн.

Стью побежал к Гарольду, который уже успел оседлать свою «Хонду» и пытался ее завести.

— Держись подальше! — гневно крикнул Гарольд и снова взялся за рукоять револьвера. Глаза расширились, и Стью подумал о том, что еще чуть-чуть — и он может стать опасным. Он не просто ревновал девушку — это было неоправданное упрощение со стороны Стью. В этом было замешано его чувство собственного достоинства, его новый имидж защитника.

— Гарольд, — сказал Стью ему почти что в самое ухо, положив руку на его плечо.

— ПУСТИТЕ МЕНЯ.

— Гарольд, ты спишь с ней?

Гарольд вздрогнул, и Стью понял, что нет.

— Не твое дело!

— Нет, не мое. Но нам надо разобраться в ситуации. Она не принадлежит мне, Гарольд. Она принадлежит самой себе. Я не собираюсь пытаться отбить ее у тебя. Извини, что приходится говорить так грубо, но так надо для того, чтобы понять, в каком положении мы находимся. Сейчас вас двое, а я один. Если ты уедешь, то нас будет двое, а ты один. Какой смысл?

Гарольд ничего не ответил.

— Я буду откровенен, — продолжал Стью, по-прежнему говоря Гарольду в самое ухо (забитое коричневой серой) и стараясь, чтобы голос его звучал как можно спокойнее. — Мы с тобой знаем, что мужчине незачем насиловать женщин. Если, конечно, он умеет управляться со своей рукой.

— Это... — Гарольд облизал губы и посмотрел через дорогу туда, где стояла Фрэн, скрестив руки и беспокойно глядя на них. — Это звучит отвратительно.

— Может быть, так, а может быть, и нет, но когда мужчина находится рядом с женщиной, которая не пускает его в постель, то у него нет выбора. Я часто прибегаю к ручному способу. Я думаю, и ты тоже. Я хочу быть откровенным, один на один. Я здесь не для того, чтобы выставлять тебя, как какого-нибудь хулигана с деревенских ярмарочных танцулек.

Гарольд снял руку с кобуры и посмотрел на Стью.

— Вы хотите сказать? Я... вы обещаете, что ничего не скажете?

Стью кивнул.

— Я люблю ее, — сказал Гарольд хрипло. — Она не любит меня, я знаю это, но говорю откровенно, как и вы.

— Так-то лучше. Я не собираюсь вступать между вами. Я просто хочу идти рядом.

— Вы обещаете? — настойчиво повторил Гарольд.

— Да, обещаю.

— Хорошо.

Он медленно слез с «Хонды». Вдвоем они вернулись к Фрэн.

— Он может ехать с нами, — сказал Гарольд. — А я... — Он посмотрел на Стью и сказал с усилием: — Я приношу свои извинения, за то что вел себя, как кретин.

— Ура! — закричала Фрэн и захлопала в ладоши. — Ну а теперь, когда все улажено, куда же мы поедем?

В конце концов они решили отправиться в том направлении, куда двигались Гарольд и Фрэн, на запад. Стью сказал, что, по его мнению, Глен Бэйтмен будет рад, если они переночуют у него. Стью поехал на «Хонде» Фрэн, а она устроилась позади Гарольда. В Твин Маунтин они остановились на ленч и приступили к трудному и осторожному делу — знакомству друг с другом.

Они поели в пустынном кафе, и Стью заметил, что его взгляд снова и снова останавливается на лице Фрэн — на ее живых глазах, на маленьком, но твердом подбородке, на морщинке между бровей, служившей показателем ее эмоций. Ему нравилось как она смотрела и как разговаривала. Ему нравилось даже то, как ее темные волосы убраны за уши. И в тот момент он начал понимать, что хочет ее, несмотря ни на что.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. НА ГРАНИ

5 ИЮЛЯ — 6 СЕНТЯБРЯ 1990 ГОДА

На Главной улице городка Мэй, штат Оклахома, лежал мертвый человек. Ника это не удивило. С того момента, как он оставил Шойо, ему пришлось повидать немало трупов. Одним трупом больше, одним меньше — какая разница?

Но когда труп сел на мостовой, Ником овладел такой ужас, что он не справился с велосипедом и упал. Он содрал ладони и поранил лоб.

— Господи, мистер, ну и грохнулись же вы, — сказал труп, приближаясь к Нику походкой, которую точнее всего можно определить, как благодушное пошатывание.

Ник не уловил ни одного слова. Он смотрел на мостовую в то место, куда капала кровь из его рассеченного лба, и думал о том, насколько серьезна рана. Когда рука дотронулась до его плеча, он вспомнил про труп и вскочил на ноги.

— Не принимайте близко к сердцу, — сказал труп, и Ник заметил, что это вовсе не труп, а молодой человек, весело глядящий на него, В одной руке у него была початая бутылка виски, и Ник все понял. Не труп, а пьяный человек, который так напился, что вырубился посреди дороги.

Ник кивнул и показал кружок из большого и указательного пальца — о'кей. Капля крови скатилась у него со лба и попала в глаз, над которым поработал Рэй Бут. Он приподнял повязку и вытер глаз тыльной стороной кисти. Сегодня глаз видел немного лучше.

Человек с бутылкой виски наблюдал за Ником безо всякого выражения. Когда Ник сел на бордюр и стал выковыривать крошки гравия из ладони, все признаки оживления исчезли с его лица. Оно стало пустым и плоским. На человеке был надет чистый, но поношенный комбинезон и тяжелые, грубые ботинки. Рост его был около шести футов, а волосы были такими светлыми, что казались почти белыми. Глаза его были ярко-голубыми и абсолютно пустыми. Вкупе с шелковистыми волосами они безошибочно указывали на его шведское или норвежское происхождение. Выглядел он не больше, чем на двадцать три, но как Ник обнаружил позднее, ему должно было быть около сорока пяти, так как он помнил окончание войны в Корее и возвращение своего папочки в военной форме месяц спустя. Его нельзя было заподозрить в том, что он мог это придумать. Вымысел не был коньком Тома Каллена.

Он стоял над Ником с пустым лицом, словно отключенный робот. Потом постепенно его лицо вновь оживилось. Покрасневшие от виски глаза заморгали. Он заулыбался. Он вновь вспомнил ситуацию.

— Господи, мистер, ну и грохнулись же вы. Разве не так? Ей-Богу! — Он отвел глаза от раны на лбу у Ника.

В кармане у Ника был блокнот и ручка. Он написал:

«Вы меня немного испугали. Думал, что вы труп, пока вы не сели. Со мной все в порядке. Есть ли в городе аптека?»

Он вручил блокнот человеку в комбинезоне. Человек взял блокнот. Посмотрел на то, что там было написано. Вернул его обратно. Улыбаясь, он сказал:

— Меня зовут Том Каллен. Но читать я не умею. Я добрался только до третьего класса, но к тому времени мне уже исполнилось шестнадцать, и папочка заставил меня уйти из школы. Он сказал, что я уже слишком велик.

Умственно отсталый, — подумал Ник. Я не могу говорить, а он не умеет читать. На мгновение он почувствовал себя в абсолютном тупике.

— Господи, мистер, но и грохнулись же вы! — воскликнул Том Каллен, и в каком-то смысле эта фраза прозвучала впервые для них обоих. — Ей-Богу, разве не так?

Ник кивнул. Потом убрал блокнот и ручку. Приложил ладонь ко рту и покачал головой. Приложил руки к ушам и снова покачал головой. Левую руку положил на горло, и еще раз покачал головой.

Каллен удивленно ухмыльнулся.

— Болят зубы? У меня как-то раз тоже болели. Господи, как больно. Разве не так? Ей-Богу!

Ник покачал головой и вновь проделал свою пантомиму. На этот раз Каллен решил, что у Ника болят уши. Ник вскинул руки вверх и пошел к своему велосипеду. Краска кое-где была содрана, но в целом велосипед был, похоже, цел. Он сел на него и поехал по улице. Да, все в порядке. Каллен бежал за ним, радостно улыбаясь. Он не отрывал глаз от Ника. Почти неделю он никого не видел.

— Не хочешь поговорить? — спросил он, но Ник не оглянулся и ничем не показал, что слышал вопрос. Тогда Том потянул его за рукав и спросил снова.

Человек на велосипеде приложил руку ко рту и покачал головой. Том нахмурился. Теперь человек поставил велосипед на подножку и стал оглядывать витрину магазинов. Похоже, он нашел то, что ему было нужно, так как он ступил на тротуар и направился к аптеке мистера Нортон. Если он собирается попасть туда, то ему чертовски не повезло, так как аптека заперта. Мистер Нортон уехал из города. Похоже, почти все заперли свои жилища и уехали из города, кроме его мамочки и ее подруги миссис Блэкли, а они были мертвы.

Теперь молчаливый человек дергал за дверь. Том мог бы объяснить ему, что это бессмысленно, несмотря на табличку ОТКРЫТО на двери. Табличка врал. Чертовски не повезло, так как Том с удовольствием выпил бы газировки. Газировка была лучше виски, от которого ему сначала делалось хорошо, потом хотелось спать, а потом его голова начинала раскалываться от боли. Чтобы избавиться от головной боли, он ложился спать, но ему снилось много всяких идиотских снов о человеке в черном одеянии типа того, которое всегда носил преподобный отец Дейфенбейкер. Черный человек преследовал его во сне. Похоже, он очень плохо относился к Тому.

Но чем там теперь занимается молчаливый человек? Взял урну с тротуара и собирается... что? Разбить окно мистера Нортон? Ей-Богу, он так и сделал! А теперь он лезет внутрь, отпирает дверь...

— Эй, мистер, так нельзя! — закричал Том голосом, дрожащим от волнения и негодования. — Это незаконно. Незакон-но, с двумя «н». Разве вы не знаете...

Но человек был уже внутри и ни разу не обернулся.

— Вы что, глухой? — возмущенно вскричал Том. — Ей-Богу, вы что...

Он запнулся. Волнение и оживание сползли с его лица. Он снова превратился в выключенного робота. Для жителей Мэя это зрелище было привычным. Большинство из них думало, что эти внезапные приступы являются признаками прогрессирующего слабоумия Тома, но на самом деле они представляли собой мгновения почти нормального мышления. Процесс мышления основывается (во всяком случае, так утверждают психологи) на дедукции и индукции, а умственно отсталый человек не может совершить этих дедуктивных или индуктивных скачков. Где-то внутри порваны провода, произошли короткие замыкания и неправильно работают переключатели. Том Каллен страдал не самым тяжелым случаем слабоумия и мог делать простые умозаключения. Он чувствовал возможность такого умозаключения подобно тому, как человек чувствует, что имя вертится у него «на самом кончике языка». Когда же это происходило. Том выпадал из реального мира и погружался внутрь себя. Он становился чем-то похож на человека в темной незнакомой комнате, который со штепселем от лампы в руке и, натываясь на разные предметы, другой рукой нашаривает

розетку. А если он найдет ее (это случилось не всегда), то вспыхнет яркий свет, и он увидит комнату (мысль), как на ладони. Но на этот раз свет не вспыхнул.

Он сказал:

— Ты что, глухой что ли?

Человек вел себя так, как будто он не слышал слов Тома, за исключением случаев, когда смотрел прямо на него. И этот человек не произнес ни слова. Даже не сказал привет.

Положил руки на уши и покачал головой.

Положил руки на рот и сделал то же самое.

Положил руки на шею и сделал то же самое опять.

Комната осветилась: умозаключение было сделано.

— Ей-Богу! — воскликнул Том, и лицо его вновь оживилось. Глаза его засияли. Он ринулся в аптеку Нортон, забыв о том, что это незаконно. Молчаливый человек тер мокрой ваткой по лбу.

— Эй, мистер! — закричал Том, подбегая к нему. Молчаливый человек не обернулся. Том на мгновение был озадачен, но потом вспомнил. Он постучал Ника по плечу, и тот обернулся. — Вы глухонемой, так? Не слышите! Не разговариваете! Так?

Ник кивнул. Реакция Тома его удивила. Том подскочил в воздух и бешено захлопал в ладони.

— Я так и подумал! Ура мне! Я подумал об этом сам! Ура Тому Каллену!

Ник был вынужден усмехнуться. Он не мог припомнить, когда его глухонемота доставляла кому-нибудь столько удовольствия.

Том и Ник завтракали на лужайке перед зданием городского суда. Том не закрывал рот ни на секунду. Ник уже прослушал рассказ о том, как папочка Тома убежал пару лет назад с официанткой, и о том, как Том работал подручным на ферме у мистера Норбатта, и как два года назад мистер Норбатт решил, что он «достаточно хорошо справляется», чтобы ему можно было доверить топор, и о том, как однажды ночью на Тома набросились «большие мальчишки», и как Том «сражался с ними, пока они все не оказались на волосок от смерти, а один из них попал в больницу с переломом костей, вот что сделал Том Каллен». Услышал он и о том, как Том обнаружил свою мать дома у миссис Блэкли, и они лежали мертвыми в гостиной, и Том решил убраться подальше. Том сказал, что Иисус не придет забрать мертвецов на небо, если кто-нибудь будет подглядывать (Ник подумал, что в представлении Тома Иисус является кем-то вроде Санта-Клауса наоборот: он уносит трупы через каминную трубу, вместо того, чтобы опускать туда подарки). Но он ничего не сказал о том, что Мэй абсолютно опустел и что движение на шоссе полностью прекратилось.

Ник положил руку Тому на грудь, останавливая поток слов.

— Что? — спросил Том.

Ник широким жестом обвел пространство вокруг себя. Потом он придал своему лицу бурлескное выражение удивления, нахмурил брови, склонил голову набок и почесал затылок. Потом он прошел двумя пальцами по траве и вопросительно поднял глаза на Тома.

То, что он увидел, его сильно встревожило. Глаза Тома, секунду назад сверкавшие от переполнявших его известий, теперь казались высеченными из тусклого синего мрамора. Рот его раскрылся, так что Ник мог заметить размокшие крошки картофельных чипсов, прилипшие к его языку. Руки Тома безвольно лежали на коленях.

Ник обеспокоено протянул руку, чтобы коснуться его. Но прежде чем он успел это сделать, тело Тома дернулось. Глаза его широко раскрылись, и оживление вновь наполнило его взгляд, словно вода — ведро.

— Вы хотите знать, куда все ушли! — воскликнул Том.

Ник энергично кивнул.

— Ну, я думаю, они отправились в Канзас Сити, — сказал Том. — Ей-Богу, так оно и есть. Они все время говорят о том, какой это маленький город. Ничего не происходит. Никаких развлечений. Даже роликовый каток закрыли. Моя мамочка всегда говорит, что люди уезжают и никогда не возвращаются. Совсем как мой папочка, который убежал с официанткой по имени Ди-Ди Пакалотт. Так что я думаю, что всем надоела эта жизнь, и они уехали. В Канзас Сити, должно быть, ей-Богу, разве не так? Туда-то они все и отправились. Кроме миссис Блэкли и моей мамочки. Иисус заберет их с собой на небо.

Том вновь углубился в свой монолог.

Ник откинулся на спину, и веки его стали слипаться, так что слова Тома превратились в визуальный эквивалент современного стихотворения, в котором каждая новая строчка начинается с маленькой буквы, в чем-то похожий на произведение е.е.каммингса:

мама сказала нет никакого но я сказал им я сказал шли бы вы не связываться с Прошлой ночью ему снились плохие сны, и теперь, после того как он наелся, его единственным желанием было...

ей-Богу с двумя «н»

конечно хочу Ник заснул. Проснувшись, он смутно удивился тому, что он весь в поту. Поднявшись с лужайки, он все понял. Было четверть пятого дня, он проспал больше двух с половиной часов, и теперь на него ярко светило солнце. Но не только в этом было дело. Том Каллен, в пароксизме заботливости, укрыл его двумя одеялами и стеганым покрывалом, чтобы он не простудился.

Он огляделся вокруг. Тома рядом не было. Ник медленно направился через площадь, размышляя о том, как ему быть с Томом. Том питался консервами из магазина на противоположном конце площади. Заходя туда и подбирая себе консервные банки исходя из картинок на этикетках, он не чувствовал никаких угрызений совести, так как — объяснил он Нику — дверь была открыта.

Ник лениво подумал, что было бы, если бы дверь оказалась заперта. Возможно, когда Том проголодался бы, он забыл бы о своих строгих правилах или временно отменил бы их. Но что будет с ним, когда еда кончится?

Но не это беспокоило его больше всего в связи с Томом. Больше всего он обратил внимание на то возвышенное рвение, с которым его приветствовал этот человек. Возможно, он и умственно отсталый, — подумал Ник, — но не настолько, чтобы не чувствовать одиночества. И мать, и женщина, бывшая ему вместо тетки, были мертвы. Папочка сбежал давным-давно. Мистер Норбатт и другие жители Мая однажды ночью убрались в Канзас Сити, пока он спал, оставив его бродить взад и вперед по Главной улице, как слегка сумасшедшее привидение. И ему в руки попадали такие вещи, с которыми ему не следовало бы иметь дело — виски, например. Если он снова напьется. Он может как-нибудь пораниться. А если он поранится, и рядом некому будет о нем позаботиться, то ему может наступить конец.

Но... глухонемой и умственно отсталый? Как они могут помочь друг другу? Ник остановился на тротуаре прямо перед входом в парк. Ну что ж, — решил он, — одну ночь я могу переночевать здесь. Одна ночь ничего не меняет. По крайней мере, хоть приготовлю ему нормальный ужин.

Слегка подбодренный этой мыслью, он отправился на поиски Тома.

Эту ночь Ник провел в парке. Когда он вышел на городскую площадь, он увидел Тома,

склонившегося над набором игрушечных моделей машин и большой пластмассовой заправочной станцией «Тексако».

Том, по-видимому, решил, что раз можно взломать аптеку Нортона, то можно взломать и другие места. Он сидел на бордюре спиной к Нику. Перед ним стояли примерно сорок машинок. Том заводил их в гараж и выводил обратно, заправляя их у игрушечной колонки. Один из подъемников рядом с ремонтной мастерской функционировал, и Ник заметил, как время от времени Том поднимает на нем одну из машин и делает вид, что что-то чинит внизу. Если бы Ник мог слышать, то он бы различил в почти абсолютной тишине звук работающего воображения Тома Каллена. «Бррррр» — когда машины подъезжали к заправке, «чк-чк-чк-дзынь!» — когда работала заправочная колонка, «сссшшшшшшшшшш» — когда опускался или поднимался подъемник. Но Ник сумел лишь частично уловить разговор между владельцем заправки и маленькими фигурками в машинах: «Полный бак, сэр? Все в порядке? А как же! Позвольте мне протереть ваше ветровое стекло, мадам. Думаю, это ваш карбюратор. Давайте-ка поднимем ее и посмотрим на эту негодницу. Комнаты отдыха? А как же! Вон там за углом!»

Я не могу оставить его, — подумал Ник.

Я не могу так поступить. И совершенно неожиданно его захлестнула горькая грусть, настолько сильная, что на секунду он был готов заплакать.

«Они ушли в Канзас Сити, — подумал он. Вот в чем все дело. Все они ушли в Канзас Сити.»

Ник перешел через улицу и похлопал Тома по руке. Том подпрыгнул и оглянулся через плечо. Его губы раздвинулись в широкой виноватой улыбке, и краска показалась над воротником его рубашки.

— Я знаю, что это для детей, а не для взрослых, — сказал он. — Ей-Богу, я знаю это. Папочка мне говорил.

Ник пожал плечами, улыбнулся и развел руками. На лице у Тома появилось облегчение.

— Теперь это мое. Мое, раз я хочу. Если ты мог пойти в аптеку и взять там кое-что, то и я могу пойти в магазин и взять там кое-что. Ей-Богу, разве это не так? Я ведь не должен положить это на место, правда?

Ник покачал головой.

— Мое, — радостно сказал Том и вновь занялся гаражом. Ник снова похлопал его по плечу, и Том обернулся назад: — Что?

Ник потянул его за рукав, и Том охотно поднялся. Ник провел его по улице к тому месту, где на подножке стоял его велосипед. Он указал на себя. Потом на велосипед. Том кивнул.

— Конечно. Велик ваш. Гараж мой. Я не трону ваш велик, а вы не тронете мой гараж. Ей-Богу так!

Ник покачал головой. Он указал на себя. Потом на велосипед. Потом на Главную улицу. Помахал рукой: пока-пока.

Том замер. Ник ждал.

— Вы уезжаете, мистер? — сказал Том неуверенно.

Ник кивнул.

— Я не хочу, чтобы вы уезжали! — крикнул Том. Глаза его расширились и стали еще синее, чем обычно. На них засверкали слезы. — Вы мне нравитесь! Я не хочу, чтобы вы тоже уехали в Канзас Сити!

Ник притянул Тома к себе и положил руку ему на плечо. Указал на себя. На Тома. На велосипед. За пределы города.

— Не понимаю, — сказал Том.

Ник терпеливо повторил эту процедуру. На этот раз он добавил прощальный жест пока-пока и, подчиняясь внезапному вдохновенному озарению, поднял руку Тома и тоже махнул ей.

— Хотите, чтобы я поехал с вами? — спросил Том. На лице у него заиграла улыбка недоверчивого восторга.

Ник с облегчением кивнул.

— Ура! — закричал Том. — Том Каллен уезжает! Том... Он запнулся, и радостное выражение частично сползло с его лица.

Он посмотрел на Ника настороженно.

— Могу я взять свой гараж?

Ник на мгновение задумался, а потом кивнул.

— О'кей! — Улыбка вновь заиграла на лице Тома, словно солнце выглянувшее из-за тучи. — Том Каллен уезжает!

Ник подвел его к велосипеду. Указал на Тома, потом на велосипед.

— Я на таком никогда не ездил, — сказал Том с сомнением, глядя на гоночный привод и высоко поднятое, узкое седло.

— По-моему, лучше мне и не пробовать. С такого странного велосипеда Том Каллен обязательно свалится.

Но Ник не был обескуражен. «Я на таком никогда не ездил» означало, что он ездил на каком-то другом. Надо просто найти велосипед попроще. Конечно, с Томом ему придется двигаться медленнее, но, возможно, и не настолько. Да и куда спешить? Сны это только сны. Но он чувствовал внутреннее побуждение двигаться как можно быстрее. Оно было таким сильным и в то же время таким неопределенным, что в основе его, по-видимому, лежал подсознательный импульс.

Он подвел Тома обратно к его заправке. Он указал на игрушку, а потом улыбнулся и кивнул. Том вождественно присел на корточки, но руки его застыли, не успев ухватить пару машинок. Он поднял на Ника подозрительный и тревожный взгляд.

— Вы ведь не уедете без Тома Каллена, правда?

Ник твердо покачал головой.

— О'кей, — сказал Том и уверенно повернулся к своим игрушкам. Ник не удержался и погладил его по голове. Том поднял взгляд и робко улыбнулся. Ник улыбнулся в ответ. Нет, он не может оставить его. В этом нет сомнений.

Велосипед, который, по его мнению, мог подойти Тому, он отыскал только к полудню. Он нашел его в маленьком гараже на южном конце города. Накачав шины, он сел на велосипед и убедился в том, что он исправен.

По дороге на площадь он заехал в универсальный магазин и отыскал там проволочную корзинку приличных размеров. Он уже собирался уходить, когда кое-что еще привлекло его внимание: клаксон с хромированным звонком и большой резиновой грушей. Усмехаясь, Ник положил клаксон в корзинку и отправился в скобяную секцию за отверткой и разводным гаечным ключом.

Потом он пошел в продовольственный магазин и набил объемистую сумку консервами. Когда он вышел из супермаркета, перед ним открылось величественное зрелище. Том гордо ехал по Главной улице, изо всех сил сжимая грушу клаксона. На лице его была широкая, ликующая улыбка. В проволочной корзинке лежала коробка с гаражным набором. Его карманы распухли от моделей машин. С некоторой тоской Ник подумал о том, что не плохо было бы услышать звук клаксона, хотя бы для того, чтобы проверить, доставит ли он ему

такое же удовольствие, как Тому.

Том подкатил к Нику и остановился. Крупные капли пота выступили у него на лице. Том тяжело дышал и улыбался.

Ник указал на город и помахал рукой.

— Я по-прежнему могу взять гараж?

Ник кивнул и повесил сумку с консервами на бычью шею Тома.

— Мы уезжаем прямо сейчас?

Ник снова кивнул и сделал кружок из большого и указательного пальцев.

— В Канзас Сити?

Ник покачал головой.

— Куда захотим?

Ник кивнул. Да. Куда они захотят, — подумал он — но скорее всего это место окажется где-нибудь в Небраске.

— Ура! — радостно воскликнул Том. — О'кей! Да! Ура!

Они поехали на север по шоссе N283, но через два с половиной часа впереди начали собираться грозные тучи. Скоро разразилась гроза. Ник не слышал ударов грома, но он видел ударяющие в землю молнии. Когда они достигли предместий Росстона, где Ник собирался повернуть на восток по шоссе N64, пелена дождя под облаками исчезла, и все небо приобрело зловещий желтоватый оттенок. Ветер замер. Он ощутил острую тревогу и какую-то странную неловкость во всем теле. Никто никогда не говорил ему, что один из инстинктов, который человек разделяет с другими животными, заключается как раз в такой реакции на внезапное и сильное падение атмосферного давления.

Потом он почувствовал, как Том неистово дергает его за рукав. Ник посмотрел на него и был поражен бледностью его лица. Глаза его превратились в огромные блуждающие блюдца.

— СМЕРЧ! — закричал Том. — СМЕРЧ ПРИБЛИЖАЕТСЯ!

Ник поискал глазами воронку смерча, но ничего не увидел. Он снова повернулся к Тому, думая о том, как бы успокоить его. Но Тома рядом не было. Он свернул с дороги направо и ехал по полю, оставляя извилистый примятый след в высокой траве.

Чертов болван, — подумал Ник сердито. Сейчас ты сломаешь свою чертову ось.

Том ехал по направлению к амбару с пристроенной к нему силосной башней, который стоял в конце покрытой грязью дороги длиной примерно в четверть мили. По-прежнему ощущая тревогу, Ник поехал к амбару. Велосипед Тома валялся в грязи. Он даже не поставил его на подножку. Ник приписал бы это простой забывчивости, если бы не видел, как несколько раз до этого случая Том подножкой воспользовался. Страх выбил из него последний запас мозгов, — подумал Ник.

Повинуясь своей собственной тревоге, он оглянулся через плечо, и то, что он увидел, заставило его съежиться от ужаса.

С запада надвигалась ужасная чернота. Это даже не было облаком, просто какое-то полное отсутствие света. Чернота имела форму воронки и, на первый взгляд, была высотой в тысячу футов. Воронка расширялась кверху. Узкий низ ее немного не доставал до земли. Казалось, что облака разбегаются при ее приближении, словно одержимые какой-то таинственной силой отторжения.

Ник увидел, как в трех четвертях мили от него воронка коснулась земли, и продолговатое синее здание с крышей из проржавевшего железа — возможно, это был склад автомобильных запчастей или дровяной сарай — разлетелось на куски с громким взрывом. Он, конечно, не мог слышать этого, но он почувствовал такое сильное сотрясение почвы, что

покачулся. И здание, похоже, взорвалось *вовнутрь*, как будто воронка высосала из него весь воздух. В следующую секунду металлическая крыша разломилась пополам. Половинки понеслись вверх, бешено вращаясь, словно сумасшедший волчок. Ник зачарованно задрал голову, чтобы проследить их полет.

«Я смотрю на нечто из моих худших снов, — подумал Ник, — и это совсем не человек, хотя иногда он и может выглядеть как человек. Но в действительности это смерч. Один всемогущий огромный черный ураган, несущийся с запада и поглощающий все, что на свое несчастье окажется у него на пути. Это...»

И тут его охватили две руки и в буквальном смысле слова сбили его с ног, увлекая в амбар. Он оглянулся на Тома Каллена и в первую секунду удивился его присутствию. Зачарованный штормом, он совершенно забыл о существовании Тома.

— Вниз! — задыхаясь, проговорил Том. — Быстрее! Быстрее! Ой, ей-Богу, да! Смерч! СМЕРЧ!

Наконец-то Ник по-настоящему, сознательно испугался. Он выпал из того полуобморочного состояния, в котором он находился, и вновь вспомнил о том, где и с кем он находится. Пока Том вел его к лестнице в подвал, Ник ощутил странную звенящую вибрацию. Из всех ощущений, которые он когда-либо испытывал, это больше всего было похоже на звук. Что-то вроде ноющей боли в центре мозга. Спускаясь по лестнице вслед за Томом, он увидел зрелище, которое запомнил навсегда: обшивочные доски хлева отрывались одна за другой и уносились в облачное небо, подобно гнилым коричневым зубам, которые выдирают невидимые щипцы. Рассыпанное по полу сено закружилось в дюжине миниатюрных смерчевых воронок. Вибрация стала еще более настойчивой.

Потом Том открыл тяжелую дверь и втолкнул его внутрь. Ник ощутил запах влажной плесени и разложения. В последнюю секунду перед полной темнотой он успел заметить, что они делят этот подвал с целой семьей изъеденных крысами трупов. Потом Том захлопнул дверь, и они погрузились в абсолютную черноту. Вибрация стала слабее, но даже тогда не прекратилась полностью.

Паника окутала его своим плащом. Чернота ограничила его восприятие до осязания и обоняния, и ни то ни другое чувство не посылало ему утешительных известий. Он чувствовал, как доски непрерывно вибрируют у него под ногами, а пахло вокруг смертью.

Том слепо ухватился за его руку, и Ник притянул слабоумного поближе к себе. Он чувствовал, как Том дрожит, и подумал о том, не плачет ли он или не пытается ли сказать ему что-нибудь. Эта мысль избавила его от части собственного страха, и он положил руку Тому на плечи. Том ответил ему тем же. Вытянувшись в струнку, они стояли в темноте, прижимаясь друг к другу.

Вибрация под ногами у Ника стала еще сильнее. Казалось, даже воздух слегка трепещет вокруг его лица. Том сжал его еще крепче. Слепой и глухой, Ник ждал, что же произойдет, и размышлял о том, что если бы Рэй Бут дотянулся бы и до второго глаза, то вся жизнь была бы такой же, как сейчас. Если бы это случилось, он, наверное, давным-давно бы выстрелил себе в голову и покончил бы с этим.

Позже он был почти не в состоянии поверить своим часам, которые настаивали на том, что они провели в темноте подвала только пятнадцать минут, хотя логика и убеждала его в том, что раз часы идут, то это действительно так. Никогда за всю свою жизнь он не понимал, насколько субъективно, насколько растяжимо на самом деле время. Казалось, что они провели там по крайней мере час, а, возможно, два или три. По мере того, как время шло, он все более уверялся в том, что он с Томом в подвале не одни. Конечно. Там были тела — какой-то бедолага перед концом притащил сюда всю свою семью, очевидно, исходя из

рожденного бредом предположения, что раз они пережидали в этом убежище все природные катаклизмы, то и этот они могут переждать здесь же — но не их он имел ввиду. С точки зрения Ника, труп был обычной вещью, ничем не отличающейся от стула, пишущей машинки или коврика. Труп был обычной неодушевленной вещью, заполняющей пространство. Но он чувствовал присутствие другого существа, и он становился все более уверенным в том, кто — или что — это.

Это был темный человек, человек, который оживал в его снах, существо, чей дух он учуял в черном сердце циклона.

Где-то... в углу или возможно, позади них... *он наблюдал за ними*. И ждал. В подходящий момент он дотронется до них, и оба они... что? Сойдут с ума от страха, конечно. Именно так. Он может видеть их. Ник был уверен в том, что он может видеть их. У него были глаза, способные видеть в темноте, как глаза кошки или какой-нибудь жуткой твари. Как в том фильме, «Хищник». Темный человек мог видеть тона спектра, недоступные человеческому глазу, и для него все выглядело медленным и красным, словно весь мир был опущен в красильный чан с кровью.

Поначалу Ник был в состоянии отделять фантазию от реальности, но со временем он все более и более убеждался в том, что фантазия и *есть* реальность. Он вообразил, что ощущает дыхание черного человека у себя на затылке.

Он уже был готов подскочить к двери, открыть ее и взлететь вверх по лестнице, что бы ни ожидало его наверху, но Том опередил его. Его рука на плече у Ника неожиданно исчезла. В следующее мгновение дверь подвала со стуком открылась, пропустив поток ослепительно белого света, который заставил Ника заслонить рукой свой здоровый глаз. Он успел различить лишь призрачный, извивающийся силуэт Тома Каллена, который шатаясь и спотыкаясь, ринулся вверх по лестнице. Ник последовал за ним, нащупывая свой путь в ослепительной белизне. Когда он поднялся наверх, глаза уже привыкли.

Он подумал о том, что в амбаре не было так светло, когда они опускались вниз, и немедленно понял почему. С амбара снесло крышу. Казалось, она была удалена почти что хирургическим способом. Работа была проделана так чисто, что на полу, который она когда-то покрывала, не было ни щепок, ни другого мусора. С сеновала свисали три балки, а со стен сорвало почти все обшивочные доски. Находиться в этом амбаре это было все равно что стоять внутри собранного скелета доисторического чудовища.

Том не остановился для того, чтобы осмотреть разрушения. Он носился по амбару так, словно сам дьявол гнался за ним по пятам. Один раз он глянул вниз своими широко раскрытыми и почти комически испуганными глазами. Ник не смог побороть соблазн посмотреть через плечо в подвал. Внизу на полу он различил разбросанную солому и две пары протянувшихся из темноты рук. Пальцы были обгрызены крысами до костей.

Если там и был кто-то еще, то Ник его не заметил.

И нельзя сказать, чтобы он хотел этого.

Вслед за Томом он вышел наружу.

Поеживаясь, Том стоял рядом со своим велосипедом. Ник на мгновение удивился капризной избирательности смерча, который унес с собой большую часть амбара, но пренебрег их велосипедами, но тут он заметил, что Том плачет. Ник подошел и положил руку ему на плечи. Широко раскрытыми глазами Том уставился на покосившиеся двери амбара. Ник сделал кружок из большого и указательного пальца. Том скользнул по нему взглядом, но улыбка, которую Ник надеялся вызвать, не появилась на его лице. Он просто снова уставился на амбар. Взгляд его был пустым и оцепеневшим, что Нику совсем не понравилось.

— Кто-то был там, — внезапно сказал Том.

Ник улыбнулся, но улыбка вышла вымученной. Он не представлял себе, как она выглядела со стороны, чувство было препаршивое. Он указал на Тома, на себя, а потом резко разрубил воздух ребром ладони.

— Нет, — сказал Том. — *Не только мы.* Кто-то еще. Кто-то вышедший из смерча.

Ник пожал плечами.

— Мы можем отправиться прямо сейчас? Пожалуйста?

Ник кивнул.

Они повели велосипеды обратно на шоссе Этот парень спас мою жизнь, — подумал Ник, глядя на Тома. До сегодняшнего дня я никогда не видел смерч. Если бы я оставил его в Мэе, как я собирался сделать, то теперь я был бы мертв, как дверной гвоздь.

Он похлопал Тома по спине и улыбнулся ему. «Нам надо найти кого-нибудь еще, — подумал Ник. *Мы должны это сделать,* хотя бы для того, чтобы я мог сказать ему спасибо. И как меня зовут. Он ведь даже не знает моего имени, так как не умеет читать.»

Он остановился на мгновение, удивленный этой мыслью, а потом они оседлали свои велосипеды и отправились в путь.

В тот вечер они разбили лагерь на левой половине футбольного поля в Росстоне. Небо было безоблачным и звездным. Ник уснул быстро и спал без сновидений. Он проснулся на заре следующим утром, думая о том, как хорошо снова быть с кем-то, как это все меняет.

В Небраске действительно был округ Полк. Сначала это ошеломило его, но ведь он путешествовал последние несколько лет. Наверное, кто-нибудь в разговоре с ним упомянул округ Полк, а он просто забыл об этом. Но во что он не мог поверить, во всяком случае, при ярком солнечном свете утра, так это в то, что они действительно найдут посреди кукурузного поля старую негритянку, сидящую на крыльце и поющую гимны под аккомпанемент гитары. Он не верил в предчувствия и видения. Но было необходимо двигаться куда-то, искать людей. В каком-то смысле он разделял стремление Фрэн Голдсмит и Стью Редмана к образованию новых групп людей. Пока этого не произойдет, все вокруг будет оставаться чуждым и вывихнутым. Повсюду была опасность. Ее нельзя было увидеть, но ее можно было почувствовать, тем же способом, которым он почувствовал вчера присутствие темного человека в подвале. Вы ощущали опасность повсюду: в домах, за следующим поворотом дороги, может быть, даже под легковыми автомобилями и грузовиками, сгрудившимися на всех крупных дорогах. А если там ее не было, то она гнездилась в отрывном календаре, через один или два листочка. Опасность, — казалось, шептала ему каждая частичка его организма.

Ник склонился над атласом. Если они продолжают путь, то может быть, со временем их станет больше. По пути к Небраске они обязательно подберут с собой несколько человек (или подберут их самих, если они встретят группу большей численности). После Небраски они отправятся куда-нибудь еще. Это были поиски неизвестно чего — в конце не было ни святого Грааля, ни меча на наковальне.

Мы срежем путь в северо-восточном направлении, — подумал он, — поднимемся в Канзас. Шоссе *N35 выведет их к N81, а N81 приведет их в Сведехольм,* штат Небраска, к тому месту, где оно пересекается с шоссе штата *N92 под абсолютно прямым углом.* Еще одно шоссе, *N30,* соединяло их между собой, являясь гипотенузой прямоугольного треугольника. И где-то в этом треугольнике лежала страна его сна.

Мысль об этом вселила в него странное предвкушающее волнение.

Движение в верхнем поле его зрения заставило его поднять глаза. Том сидел, потирая

кулаками глаза. Казалось, зияющий зевок уничтожил всю нижнюю половину его лица. Ник улыбнулся ему, и Том улыбнулся в ответ.

— Мы сегодня поедem дальше? — спросил Том, и Ник кивнул. — Господи, это хорошо. Мне нравится ехать на своем велосипеде. Ей-Богу, да. Надеюсь, мы никогда не остановимся! Убирая атлас, Ник подумал: «Кто знает? Может быть, твое желание и исполнится.»

Этим утром они повернули на восток, и ленч они съели не очень далеко от границы между Оклахомой и Канзасом. Это было седьмого июля. Стояла жаркая погода.

Незадолго до того, как они остановились поесть. Том в очередной раз резко затормозил. Он уставился на табличку, стойка которой была утоплена в цементном фундаменте, наполовину погружившемся в мягкий грунт на обочине дороги. Табличка гласила: **ВЫ ВЫЕЗЖАЕТЕ ИЗ ОКРУГА ХАРПЕР, ШТАТ ОКЛАХОМА — ВЫ ВЪЕЗЖАЕТЕ В ОКРУГ ВУДС, ШТАТ ОКЛАХОМА.**

— Я могу прочесть это, — сказал Том, и если бы Ник мог слышать, он был бы отчасти позабавлен, а отчасти тронут тем, как голос Тома переключился на громкую и пронзительную декламацию: — «Сейчас вы уезжаете из округа Харпер. Сейчас вы въезжаете в округ Вудс.» — Он обернулся к Нику. — Знаете что, мистер?

Ник покачал головой.

— Ни разу за всю свою жизнь я не выезжал из округа Харпер, ей-Богу, нет, но однажды папочка привез меня сюда и показал мне эту табличку. Он сказал мне, что если когда-нибудь поймает меня по другую сторону, то покажет мне, где раки зимуют. Я надеюсь, он не поймет нас в округе Вудс. Как вы думаете?

Ник усиленно затряс головой.

— Канзас Сити случайно не в округе Вудс?

Ник снова сделал отрицательный жест.

— Но первым делом мы едем в округ Вудс, так ведь?

Ник кивнул.

Глаза Тома засияли:

— Это мир?

Ник не понял. Он нахмурился... приподнял брови... пожал плечами.

— МИР — я имею ввиду такое место, — сказал Том. — Мы едем в МИР, мистер? — Том помедлил, а потом спросил торжественно: — Можно ли Вудс назвать миром?

Ник медленно кивнул.

— О'кей, — сказал Том. Он посмотрел еще немного на табличку, утер правый глаз, из которого выкатилась одна единственная слеза, и вскочил на свой велосипед, — О'кей, поехали. — Он переехал границу между округами, не произнес больше ни одного слова, и Ник последовал за ним.

Они въехали в Канзас перед самым наступлением темноты. После ужина Том выглядел надутым и усталым. Он хотел поиграть в гараж. Он хотел посмотреть телевизор. Он не хотел больше ездить, так как седло натерло ему задницу. У него не было ни малейшего представления о границах между штатами, и поэтому он не почувствовал и доли того подъема, который ощутил Ник, когда они проехали мимо еще одной таблички, на этот раз с надписью **ВЫ ВЪЕЗЖАЕТЕ В КАНЗАС.**

Они разбили лагерь в четверти мили от границы под водонапорной башней, стоявшей на высоких стальных ногах, как марсианин Г.Дж.Уэллса. Том заснул сразу же, как только заполз в свой спальный мешок. Ник немного посидел, наблюдая за появлением звезд.

Ночью ему снился человек без лица, стоявший на высокой крыше, с руками, протянутыми на восток. А потом ему снилась кукуруза, которая была выше его роста, и звуки музыки. Но на этот раз он знал, что это *музыка*, и знал, что это *гитара*. Он проснулся незадолго до восхода с болезненно переполненным мочевым пузырем и звоном ее слов в ушах: «Они называют меня матерью Абагейл... приходи повидать меня в любое время.»

В тот день после полудня, двигаясь на восток сквозь округ Команчи по шоссе N160, они в изумлении застыли на своих велосипедах, наблюдая за небольшим стадом бизонов — возможно, около дюжины — спокойно переходивших с одной стороны дороги на другую в поисках более сочной травы. К северу от дороги виднелась изгородь из колючей проволоки, но похоже, бизоны повалили ее.

— Кто это такие? — спросил Том испуганно. — Это не коровы!

Но так как Ник не мог говорить, а Том не умел читать, Ник не смог ему объяснить. Это было восьмого июля 1990 года, и в ту ночь они спали прямо на земле в сорока милях к западу от Дирхеда.

Девятого июля они поглощали свой ленч в тени старого, изысканного вяза на внешнем дворе фермерского дома, который наполовину сгорел. Том одной рукой ел сосиски из консервной банки, а второй заводил машину на станцию техобслуживания и выводил ее обратно. Снова и снова он напевал припев какой-то популярной песенки. Ник уже выучил наизусть меняющиеся очертания губ Тома: «Крошка, поймешь ли ты своего парня — он парень что надо — он парень шикаааарный — крошка, поймешь ли ты своего парня?»

Ник был расстроен и немного испуган размерами простиравшейся вокруг них страны. Никогда раньше он не задумывался о том, как, оказывается, легко было выставить большой палец, зная, что рано или поздно закон статистической вероятности сработает на тебя. Останавливалась машина, за рулем которой оказывался обычно мужчина. Частенько между колен у него удобно размещалась баночка пива. Он спрашивал, куда ты едешь, а ты протягивал ему клочок бумаги, который был всегда под рукой в нагрудном кармане. На нем было написано: «Здравствуйте, меня зовут Ник Андрос. Я глухонемой. Извините. Я направляюсь в... Спасибо большое за то, что подобрали меня. Я могу читать по губам». И все шло, как по маслу. Если парень не имел ничего против глухонемых (а были и такие, хотя они и составляли меньшинство), ты запрыгивал в машину, и она везла тебя туда, куда тебе было надо, или по крайней мере в этом направлении на приличное расстояние. Машина пожирала дорогу и извергала мили из выхлопной трубы. Это была форма телепортации. Машина побеждала карту. Но теперь машина не появлялась, хотя на многих дорогах вполне можно было проехать семьдесят или восемьдесят миль, соблюдая осторожность. А когда путь окажется окончательно заблокированным, ты просто оставишь свою машину, пройдешь немного вперед и сядешь в следующую. Без машины они были похожи на Муравьев, ползущих по груди упавшего великана. И Ник мечтал наяву, что когда они все-таки встретят кого-нибудь (он не сомневался, что это произойдет), встреча произойдет так же, как и в самые беззаботные дни автостопа: на вершине ближайшего холм появится это знакомое сияние, одновременно ослепляющее глаза и доставляющее им радость. Это будет какая-нибудь самая обычная американская машина — «Шевроле Бискейн» или «Понтиак Темпест», старое доброе детройтское железо на колесах. В своих мечтах он никогда не думал ни о «Хонде», ни о «Мазде», ни о «Юго». И вот эта американская красавица перевалит через холм, и он увидит за рулем человека, дерзко выставившего наружу свой загорелый локоть. Человек будет улыбаться и скажет: «Святой Иосиф, пареньки! Ну не рад ли я вас встретить! Прыгайте

сюда! Прыгайте, давайте и разберемся, куда мы едем!»

Но в тот день они никого не встретили, а на следующий день им встретилась Джули Лори.

День снова выдался жарким. Они ехали почти весь день, но продвигались вперед не очень быстро из-за зеленых яблок.

Яблоки они отыскивали на старой яблоне во дворе фермы. Они были зелеными, маленькими и кислыми, но и Ник и Том долгое время не ели свежих фруктов, и вкус яблок показался им божественным. Ник заставил себя остановиться после второго, но Том съел шесть, несмотря на протестующие жесты Ника. Когда Том Каллен вбивал себе что-нибудь в голову, он приобретал все очарование четырехлетнего капризного ребенка.

С одиннадцати утра и до наступления вечера Тома мучил понос. Пот стекал с него небольшими ручейками. Он стонал. Ему приходилось слезать с велосипеда, чтобы ввезти его на низкие пологие горки. Несмотря на раздражение из-за того, что они так медленно двигаются, Ник не мог удержаться от печальной улыбки.

Когда около четырех часов пополудни они доехали до Прагга, Ник решил, что на сегодня хватит. Том благодарно рухнул на скамейку в тени на автобусной остановке и сразу же задремал. Ник оставил его там и пошел по торговому кварталу в поисках аптеки. Он раздобудет «Пепто-Бисмол» и заставит Тома принять лекарство, захочет он этого или нет. Если для того, чтобы закупорить Тома понадобится целая бутылка, то ему придется ее выпить. Завтра Ник хотел хотя бы частично наверстать упущенное время.

Он обнаружил аптеку неподалеку от местного театра. Проскользнув внутрь сквозь открытую дверь, он на мгновение остановился вдыхая знакомый жаркий, застоявшийся запах. К нему примешивались и другие сильные, насыщенные запахи. Самым сильным из них был запах духов. Возможно, от жару несколько пузырьков взорвалось.

Ник огляделся в поисках желудочных лекарств, пытаясь вспомнить, сохраняется ли «Пепто-Бисмол» в жару. Ладно, на этикетке будет указано. Глаза его скользнули по манекену, и через два ряда он увидел то, что искал. Он сделал два шага вперед и лишь тогда понял, что никогда раньше не видел манекенов в аптеке.

Он посмотрел обратно и увидел Джули Лори.

Она стояла в полной неподвижности. В одной руке у нее был пузырек с духами, в другой — стеклянная палочка, с помощью которой наносят их на кожу. Ее фарфорово-голубые глаза раскрылись в ошеломленном, недоверчивом удивлении. Ее коричневые волосы были стянуты назад и перехвачены блестящим шелковым шарфом. Она была одета в розовый свитер и джинсовые шорты, которые были укорочены до такой степени, что их скорее можно было принять за трусики. На лбу у нее была целая россыпь прыщей, а прямо в центре подбородка вскочил гигантский чирей.

Застыв от удивления, они смотрели друг на друга. Потом пузырек духов выскользнул у нее из рук и разлетелся на мелкие кусочки, наполнив всю аптеку острым зловонием.

— Боже мой, ты и вправду существуешь? — спросила она дрожащим голосом.

Сердце Ника бешено забило, и он почувствовал, как кровь пульсирует у него в висках.

Он кивнул.

— Ты не привидение?

Он покачал головой.

— Тогда скажи что-нибудь. Скажи что-нибудь, если ты не привидение.

Ник положил руку на рот, а потом на горло.

— Что *это* должно означать? — В ее голосе появились истерические нотки. Ник не мог

их слышать... но он ощущал это, видел это у нее на лице. Он боялся сделать шаг по направлению к ней, так как если бы он все-таки шагнул, она бросилась бы бежать. Он подумал, что она боится не встречи с другим человеком. В действительности она боится того, что она увидела галлюцинацию и начинает сходить с ума. Снова он почувствовал волну досады и неудовлетворенности. Если б он только мог *говорить*...

Ник проделал пантомиму сначала. В сущности, это было единственное, что ему оставалось. На этот раз забрезжило понимание.

— ТЫ НЕ МОЖЕШЬ ГОВОРИТЬ? ТЫ НЕМОЙ?

Ник кивнул.

Она резко рассмеялась.

— Ты хочешь сказать, что наконец-то я встретила живого человека, и он оказался *немым*?

Ник пожал плечами и неуверенно улыбнулся.

— Ну что ж, — сказала она, направляясь к нему, — во всяком случае у тебя приличный вид. Это уже кое-что. — Она положила руку ему на плечо, почти коснувшись его грудью. Он мог различить запах по крайней мере трех разных духов, а сквозь них пробивался неприятный аромат ее пота.

— Меня зовут Джули, — сказала она. — Джули Лори. А тебя как? — Она хихикнула. — Не можешь сказать, так? Бедняга ты. — Она пододвинулась немного ближе и слегка потерлась о него грудью. Он почувствовал жар. Какого черта, — подумал он досадливо, — она ведь совсем еще ребенок.

Он отодвинулся от нее, достал блокнот из кармана и начал писать. После первой же строчки она наклонилась и заглянула ему через плечо, чтобы посмотреть, что он пишет. Лифчика на ней не было. Господи. Да уж, быстро она преодолела свой испуг. Почерк его стал слегка неровным.

— Ну и ну, — сказала она, увидев, как он пишет. Словно он был обезьяной, выполняющей какой-нибудь особенно сложный фокус.

«Я Ник Андрос. Я глухонемой. Я путешествую вместе с человеком по имени Том Каллен, немного умственно отсталым. Он не умеет читать и не понимает моих жестов, кроме самых простых случаев. Мы направляемся в Небраску, так как мне кажется, что там могут быть другие люди. Отправляйся с нами, если захочешь».

— Конечно, — сказала она немедленно, а потом, вспомнив о его глухоте и очень тщательно произнося слова, спросила: — Ты можешь читать по губам?

Ник кивнул.

— О'кей, — сказала она. — Я рада встретить других людей, и кому какое дело до того, что это глухонемой и умственно отсталый. Мрачное здесь место. Я почти не сплю по ночам с тех пор, как вырубилось электричество. — На лице ее появилась мученическая маска горя, более подходящая для героини мыльной оперы, чем для нормального человека. — Видишь ли, мои мама и папа умерли две недели назад. Умерли все, кроме меня. Мне было так одиноко. — С рыданием она упала в объятия Ника и начала тереться об него в непристойной пародии на приступ скорби.

Когда она отстранилась от него, глаза ее оказались сухими и блестящими.

— Эй, давай-ка займемся этим, — сказала она. — Ты мне нравишься.

Ник вытаращил на нее глаза. Это невозможно, — подумал он.

Но это оказалось вполне возможно. Она подергала его ремень.

— Давай. Я принимаю таблетки. Это безопасно. — Она помедлила. — Ты ведь можешь, правда? Я хочу сказать, ведь то, что ты не можешь говорить, не означает, что ты не

можешь...

Он протянул вперед руки, возможно, для того, чтобы взять ее за плечи, но они наткнулись на ее груди. Это положило конец его возможным колебаниям. Он утратил способность размышлять. Они опустились на пол, и он овладел ей.

Когда все кончилось, он подошел к двери и, застегивая ремень, проверил, на месте ли Том. Том по-прежнему лежал на скамейке и спал. Джули, вертя в руках новый пузырек духов, присоединилась к нему.

— Это умственно отсталый? — спросила она.

Ник кивнул. Она начала рассказывать о себе, и Ник с облегчением выяснил, что ей было семнадцать лет, не намного меньше, чем ему самому. Ее мама и друзья всегда называли ее Ангельское Личико или просто Ангел, — сказала она, — потому что она выглядит значительно моложе своих лет. В течение следующего часа она рассказала ему еще много всякой всячины, и Ник в конце концов понял, что не может отличить правду от лжи... или от выдавания желаемого за действительное. Наверное, она всегда ждала человека вроде него, который никогда не сможет прервать ее бесконечный монолог. Глаза Ника устали смотреть на то, как ее розовые губы складываются в слова. Но как только глаза его уходили в сторону, для того чтобы проверить Тома или вдумчиво взглянуть на разбитую витрину магазина одежды через дорогу, ее рука дотрагивалась до его щеки, заставляя его снова смотреть на ее рот. Она хотела, чтобы он «услышал» все до последнего. Сначала она раздражала его, потом ему стало с ней скучно. Невероятно, но через час он уже поймал себя на мысли, что лучше бы ему вообще не встречать ее и хорошо бы, чтобы она передумала и не поехала бы с ними.

Она увлекалась рок-музыкой и марихуаной и была склонна к тому, что она называла колумбийскими скачками. У нее был мальчик, но его так невзлюбила администрация местной школы, что ему пришлось в прошлом апреле перейти в мореходное училище. С тех пор она его не видела, но каждую неделю писала ему по письму. С двумя своими подружками — Руфью Хонингер и Мери Бет Гуч — она ездила на все рок-концерты в Вичите, в прошлом сентябре она столбом добралась до Канзас Сити, чтобы увидеть Ван Халена и Монстров Тяжелого Металла. Она утверждала, что занималась «этим» с басистом группы «Доккен», и сказала что «так меня не дрючили за всю мою жизнь». Когда за двадцать четыре часа умерли ее мать и отец, она «плакала и плакала», хотя мама и была «сучьей ханжой», а папа «точил зуб» на Ронни, ее дружка, уехавшего из города и поступившего в мореходное училище. После школы у нее были планы либо стать косметологом в Вичите, либо «добраться на попутках до Голливуда и найти работу в одной из фирм, которые создают интерьеры в домах звезд, а я ведь классно разбираюсь в дизайне, да и Мери Бет сказала, что поедет со мной».

В этот момент она внезапно вспомнила о том, что Мери Бет Гуч мертва, и что у нее теперь едва ли есть возможность стать косметологом или дизайнером для звезд. Эта мысль причинила ей несколько более неподдельное горе. Однако, это был не шторм, а всего лишь быстро схлынувший шквал.

Когда поток слов стал понемногу пересыхать, она захотела «сделать это» снова, Ник покачал головой, и она надулась.

— Может, я с тобой и не поеду никуда, — сказала она.

Ник пожал плечами.

— Болван-болван-болван, — быстро проговорила она с неожиданной злобой. В глазах у нее засияла ненависть. Потом она улыбнулась. — Я не хотела тебя обижать. Я просто шутила.

Ник безразлично посмотрел на нее. Его обзывали и похуже, но в ней было что-то такое, что ему очень не нравилось. Какая-то неугомонная вертлявость. Если она рассердится, то она

не закричит и не ударит вас по лицу, а просто вопьется в вас когтями. Со внезапной уверенностью он почувствовал, что она солгала про свой возраст. Ей было не семнадцать, и не четырнадцать, и не двадцать один. Ей было столько, сколько вам требовалось... когда вы нуждались в ней сильнее, чем она в вас. Она была сексуальной, но Ник подумал, что ее похотливость является лишь внешним проявлением какого-то другого свойства ее личности... лишь симптомом. *Симптом*. Это слово употребляют, когда говорят о больном человеке, так ведь? Больна ли она. В каком-то смысле да, и он внезапно испугался, что это может плохо повлиять на Тома.

— Эй, твой друг просыпается! — сказала Джули.

Ник оглянулся. Действительно, Том сидел на скамейке и недоуменно озирался по сторонам. Ник внезапно вспомнил о «Пепто-Бисмоле».

— Привет! — завопила Джули и побежала вниз по улице к Тому. Груды ее упруго подпрыгивали под свитером. Том приобрел еще более изумленный вид.

— Привет? — вопросительно проговорил он и поднял глаза на Ника, ожидая подтверждения и/или объяснения.

Скрывая свое беспокойство, Ник пожал плечами и кивнул.

— Меня зовут Джули, — сказала она. — Как твои дела, красавчик?

Глубоко задумавшись и ощущая неясную тревогу, Ник вернулся в аптеку за лекарством для Тома.

— Ой-ой, — сказал Том, трясая головой и отступая назад. — Ой-ой, я не хочу. Том Каллен не любит лекарства, ей-Богу, нет, очень горько.

Держа в одной руке трехгранный пузырек с «Пепто-Бисмолем», Ник посмотрел на Тома с досадой и неприязнью. Он взглянул на Джули, и она перехватила его взгляд, но в глазах у нее он увидел тот же дразнящий отсвет, что и когда она назвала его болваном. Такие глаза бывают у не обладающего чувством юмора человека, когда он собирается дразнить кого-нибудь.

— Правильно, Том, — сказала она. — Не пей, это яд.

Ник изумленно посмотрел на нее. Она усмехнулась в ответ, словно предлагая ему попробовать убедить Тома в обратном. Возможно, это была ее маленькая месть за то, что ее второе предложение заняться сексом было отклонено.

Он снова посмотрел на Тома и сам отхлебнул из бутылочки. Он чувствовал тупое давление гнева в висках. Он протянул бутылочку Тому, но Том не выглядел убежденным.

— Нет, ой-ой. Том Каллен не пьет яд, — сказал он, и с растущей яростью Ник увидел, что Том испугался. — Папочка говорил мне: нельзя. Папочка сказал, что раз он убивает крыс в амбаре, то он убьет и Тома! Никакого яда!

Не в силах больше выносить ее самодовольную усмешку, Ник внезапно полуобернулся к Джули. Он ударил ее ладонью и ударил сильно. Том испуганно наблюдал за всем этим широко распахнутыми глазами.

— Ты... — начала она и на мгновение не могла найти нужных слов. Кровь прилила к ее лицу. — Ах ты чертов мудака! Это была просто шутка, дерьмо! Ты не смеешь бить меня! Ты не смеешь бить меня, болван!

Она набросилась на него, и он оттолкнул ее. Она упала на задницу и оскалилась.

— Я оторву тебе яйца, — выдохнула она. — Ты не смеешь так поступать.

Дрожащими руками Ник вытащил ручку и большими неровными буквами нацарапал несколько слов. Он вырвал страничку из блокнота и протянул ей. Она выбила записку у него из руки.

Он подобрал листок, схватил ее за шкуру и ткнул записку ей в лицо. Том захныкал и отпрянул от них.

Она закричала:

— Хорошо! Я прочту! Я прочту твою сраную записку!

Записка состояла из четырех слов: «Ты нам не нужна».

— Пошел ты! — закричала она, вырываясь из его рук. Глаза ее стали такими же огромными и синими, какими они были, когда он наткнулся на нее в аптеке. Но теперь из них лучилась ненависть. Ник почувствовал себя усталым. Почему из всех людей им попалась именно она?

— Я здесь не останусь, — сказала Джули Лори. — Я пойду. И ты не можешь остановить меня.

Но он мог. Неужели она до сих пор этого не поняла? Наверное, нет, — подумал Ник. Для нее все это было чем-то вроде голливудского сценария, настоящий фильм-катастрофа, в котором она играет главную роль. Это был фильм, в котором Джули Лори, также известная под прозвищем Ангельское Личико, всегда получала все, что хотела.

Он вытащил из кобуры револьвер и направил его ей на ноги. Она замерла, и краска испарилась с ее лица. Выражение глаз изменилось, и вся она стала выглядеть совершенно иначе, впервые — как живой человек. В ее мир вторглось нечто такое, что она не могла использовать в своих интересах. Оружие. Ник неожиданно почувствовал не только усталость, но и тошноту.

— Я пошутила, — сказала она быстро. — Я сделаю все, что ты хочешь. Честное слово.

Он помахал рукой с револьвером, показывая ей, чтобы она уходила.

Она повернулась и пошла по улице, оглядываясь через плечо. Она шла все быстрее и быстрее и наконец бросилась бежать. Завернув за угол квартала, она исчезла. Ник убрал револьвер обратно в кобуру. Он дрожал. Он чувствовал себя испачкавшимся и вымотанным, словно Джули Лори была похожа не на человека, а на одного из тех жучков с холодной кровью, которых находишь под мертвыми деревьями.

Он обернулся в поисках Тома, но того нигде не было видно. Он пошел по солнечной улице. В голове у него гудел мотор, а в больном глазу чувствовалась острая, пульсирующая боль. Тома он нашел только через двадцать минут. Он сидел на крыльце дома, находившегося в двух улицах от торгового квартала, прижимая к груди коробку с гаражом. Увидев Ника, он заплакал.

— Пожалуйста, не заставляйте меня пить это, пожалуйста, не заставляйте Тома Каллена пить яд, ей-Богу, нет. Папочка говорил, что раз он убивает крыс, то убьет и меня... ПОЖАААЛУЙСТА!

Ник заметил, что до сих пор держит в руках бутылочку «Пепто-Бисмола». Он отбросил ее в сторону и показал Тому свои пустые ладони. Понос будет просто идти своим чередом. Спасибо тебе, Джули.

Громко плача. Том сошел по ступенькам с крыльца.

— Простите меня, — повторял он снова и снова. — Простите меня. Том Каллен просит прощения.

Вдвоем они вернулись на Главную улицу... и застыли от удивления. Оба велосипеда были перевернуты. Шины были изрезаны. Содержимое их рюкзаков было разбросано от одной стороны улицы до другой.

И в тот момент что-то на огромной скорости пронеслось мимо лица Ника. Том взвизгнул и пустился в бегство. На мгновение Ник был озадачен. Он стал оглядываться и случайно посмотрел как раз в том направлении, где сверкнула вспышка второго выстрела. Стреляли из

окна второго этажа местного отеля. Нечто похожее на быструю швейную иглу, дернуло ткань воротника его рубашки.

Он повернулся и побежал вслед за Томом.

Он не мог знать, стреляла ли Джули еще. Но он точно знал, что когда он догнал Тома, никто из них не был ранен. По крайней мере, мы отделались от этого бесенка, — подумал он, но это оказалось верно лишь отчасти.

Ночь они провели в амбаре в трех милях к северу от Прагга. Том постоянно просыпался от кошмарных снов, а потом будил Ника, чтобы тот успокоил его. Около одиннадцати часов следующего утра они добрались до Юки, и раздобыли два хороших велосипеда в магазине под названием «Спортивный и велосипедный мир».

Ник, наконец-то начавший оправляться от встречи с Джули, подумал, что они могут закончить свою экипировку в Грейт Бенде, где они должны оказаться никак не позднее четырнадцатого.

Но в четверть третьего дня, двенадцатого июля, в зеркале заднего обзора, укрепленном на левой стороне руля, он заметил какое-то сверкание. Он остановился (Том, который ехал вслед за ним, считая ворон, врезался ему в ногу, но Ник едва ли почувствовал это) и оглянулся через плечо.

Сверкание, которое появилось над холмом прямо у них за спиной, словно дневная звезда, ослепило и обрадовало его глаз — он с трудом верил себе. Это был «Шевроле»-пикап древней модели, старое доброе детройтское железо на колесах. Он медленно ехал, закладывая виражи с одной линии шоссе *N281 на другую*, пробираясь сквозь россыпь неподвижных автомобилей.

«Шевроле» выехал на обочину (Том бешено махал руками, в то время как Ник замер на велосипеде, уперев ноги в землю) и остановился рядом с ними. Последнее, что успел подумать Ник перед тем, как появилась голова водителя, была мысль о том, что за рулем окажется Джули Лори, улыбающаяся своей злобной, ликующей улыбкой. В руке у нее будет оружие, из которого она уже пыталась убить их раньше, и нет никаких шансов, что она промахнется с такого близкого расстояния. Вся злоба ада не сравнится с ненавистью женщины.

Но появившееся лицо принадлежало человеку лет сорока, на котором была надета соломенная шляпа с лихо воткнутым за бархатную синюю ленту пером. Когда он улыбнулся, лицо его покрылось сетью добродушных морщинок.

А сказал он следующее:

— Иисус Христос на пирушке, рад ли я встретить вас, ребята? Думаю, что рад. Залезайте сюда, и давайте разберемся, куда мы направляемся.

Так Ник и Том повстречались с Ральфом Brentnerом.

Он упал и ударился головой.

Мир нырнул в черноту и появился вновь, разбитый на яркие фрагменты. Он ощупал висок, и рука оказалась покрыта тонкой пленкой крови. Не имеет значения. Что такое упасть и удариться головой, когда последнюю неделю ни одна ночь не прошла без кошмаров, и удачными ночами можно было считать те, когда крик застревал у него посередине глотки? Если в голос закричишь во сне и проснешься от *этого*, то испугаешь себя еще сильнее.

Ему снилось, что он опять в туннеле Линкольна. Кто-то шел позади него, но во сне это была не Рита. Это был дьявол, и он подкрадывался к Ларри с застывшей на лице темной усмешкой. Черный человек не был ожившим мертвецом; он был хуже, чем оживший мертвец. Ларри бежал, объятый медленной, тинистой паникой, свойственной кошмарам. Он спотыкался о невидимые трупы, смотревшие на него стеклянными глазами чучел из склепов своих машин. Он бежал, но какой был в этом толк, когда черный человек мог видеть в темноте? А спустя какое-то время темный человек начинал напевать: «Пошли, Ларри, пошли, мы будем вмеээээээсте, Ларри...»

Он начинал ощущать дыхание черного человека у себя на плече, и в этот момент он с усилием выбирался из сна, а крик либо застревал у него в глотке, как горячая кость, либо вырывался у него изо рта так, что можно было разбудить мертвых.

В дневное время видение темного человека исчезало. Он работал исключительно в ночную смену. А днями над ним приходило работать Одиночество, вгрызаясь в его мозг острыми зубами какого-то неутомимого грызуна — крысы, а может быть, ласки. Днями он думал о Рите. Снова и снова в своем сознании он снова и снова переворачивал ее и видел эти глаза-щелки, похожие на глаза животного, умершего от удивления и боли, и этот рот, который он когда-то целовал, забитый теперь застоявшейся зеленой рвотой. Она умерла с такой легкостью, ночью, В ТОМ ЖЕ САМОМ ПОГАНОМ СПАЛЬНОМ МЕШКЕ, а теперь он...

Ну что сказать, сходил с ума. Именно так и было, разве не так? Именно это с ним и происходило. Он сходил с ума.

— Сумасшедший, — простонал он. — Господи, я становлюсь сумасшедшим.

Уцелевшая рациональная часть его сознания подтверждала, что, возможно, это так и есть, но в данный момент страдал он не от этого, а от теплового удара. После того, что произошло с Ритой, он уже был не в состоянии ехать на мотоцикле. Перед ним постоянно маячило видение собственной плоти, размазанной по всему шоссе. В конце концов он отправил мотоцикл в канаву. С тех пор он шел пешком — как долго? четыре дня? восемь? девять? Он не знал. После десяти часов утра температура поднялась выше девяносто градусов по Фаренгейту, сейчас было почти четыре, солнце било ему прямо в спину, а шляпы на нем не было.

Ларри потерял много веса и сейчас балансировал на тонкой метафорической (или метаболической?) грани между худобой и истощением. У него отросла борода. Глаза его глубоко запали и сверкали в глазницах, словно маленькие затравленные зверьки, попавшиеся в рядом расставленные ловушки.

— Сумасшедший, — простонал он снова. Безнадежное отчаяние своего собственного скулящего стона испугало его. Неужели дела зашли так далеко? Когда-то существовал Ларри Андервуд, записавший пластинку, имевшую неплохой успех, человек, у которого были фантазии о том, что он станет Элтоном Джоном своего времени... а теперь этот парень превратился в разбитое создание, ползущее по черному покрытию шоссе №9 где-то на юго-

востоке Нью-Хемпшира. Тот другой Ларри Андервуд не мог иметь никакого отношения к этому ползучему скату... к этому...

Он попытался подняться и не смог.

— Ой, это так смешно, — сказал он вслух, наполовину смеясь, наполовину плача.

Через дорогу на холме в двух сотнях ярдов, сверкая словно прекрасный мираж, стояла на отшибе белая новоанглийская ферма. Ее обшивка и отделка были зеленого цвета, крыша была покрыта зеленой дранкой. С холма сбегала зеленая лужайка, которая только-только начала зарастать травой. У подножия холма тек небольшой ручей. Ларри мог слышать завораживающий звук его веселого журчания. Вдоль него извивалась каменная стена, возможно, служившая границей частного владения, а над ней на приличном расстоянии друг от друга нависали огромные, тенистые вязы. Он доползет дотуда и просто посидит немного в тени — вот что он сделает. А когда он более спокойно сможет взглянуть на... на положение дел вообще... он встанет на ноги, спустится к ручью, попьет воды и умоется. Может быть, от него плохо пахнет. Однако, кому какое дело? Кто будет нюхать его теперь, когда Риты нет на свете?

Интересно, она до сих пор лежит в палатке? Тело ее распухает? Привлекает мух? Ну а где ей еще быть? Играть в гольф в Палм Спрингс вместе с Бобом Хоупом?

Боже мой, это ужасно, — прошептал он и пополз через дорогу.

В тени было градусов на пятнадцать прохладнее, и Ларри испустил длинный вздох удовольствия и облегчения. Он потрогал рукой обожженный солнцем затылок и отдернул ее, зашипев от боли.

— Парень, ты болен, — сказал он себе и прислонился головой к шероховатому стволу вяза. Он закрыл глаза. Испещренная солнечными бликами тень образовала на внутренней стороне его век движущиеся красно-черные узоры. Веселое журчание воды было приятным и успокаивающим. Через минутку он пойдет к ручью, попьет воды и умоется. Через одну минутку.

Он задремал.

Густые кусты, растущие вдоль ручья, зашуршали. Из листвы вынырнул мальчик. Ему было лет тринадцать, а возможно, и десять. Для своего возраста он был довольно высоким. На нем были только шорты. Тело его было очень загорелым, почти черным, и лишь повыше талии шла странная белая полоска. В правой руке он держал нож для разделки мяса. Лезвие было длиною в фут, и кончик его был зазубрен. Оно жарко сияло на солнце.

Мягко, слегка пригнувшись, он подкрался к Ларри. Глаза его были зеленовато-голубого цвета, цвета морской воды. Уголки их слегка поднимались вверх, придавая ему что-то китайское. Смотрели они свирепо, безо всякого выражения. Он поднял нож.

Мягкий, но твердый женский голос сказал:

— Нет.

Он обернулся, склонив голову набок и прислушиваясь. Во взгляде его одновременно сквозили вопрос и разочарование.

— Мы будем наблюдать за ним, — сказал женский голос.

Мальчик помедлил переводя взгляд с ножа на Ларри и опять на нож с откровенно кровожадным выражением, а потом вернулся тем же путем, что и пришел.

Ларри продолжал спать.

Когда он проснулся, первое, что он ощутил, было хорошее самочувствие. Вторым его ощущением был голод. Третьим стало впечатление, что с солнцем что-то неладно — оно продвинулось по небу в обратном направлении. Четвертым было желание, простите за

выражение, поссать, как скаковая лошадь.

Вставая и прислушиваясь к восхитительному потрескиванию сухожилий, он понял, что не просто вздремнул, а проспал целую ночь. Он взглянул на часы и понял причину солнечной аномалии. Было двадцать минут десятого утра. Голоден. В большом белом доме наверняка окажется какая-нибудь еда. Консервированный суп, а может быть, солонина. В животе у него заурчало.

Прежде чем отправиться в дом, он разделся, встал на колени перед ручьем и стал брызгать на себя водой. Он заметил, насколько костлявым стало его тело. Потом он встал, вытерся рубашкой и снова натянул брюки. Пара камней поднимала свои влажные черные спины над ручьем, и он перешел по ним на другой берег.

На полпути к дому в голове у него всплыла мысль, словно пузырь, который поднялся на поверхность и лопнул. Произошло это непреднамеренно, но следствия этой мысли заставили его замереть на месте.

А мысль была следующая: «Почему ты не ехал на велосипеде?»

Он стоял посередине лужайки, пораженный ее простотой. Он шел пешком с тех пор, как отправил «Харли» в канаву. А ведь он мог крутить педали и, возможно, уже оказаться на побережье, выбирая себе подходящий коттедж и заготавливая запасы продовольствия.

Он засмеялся.

Позади, там где кусты были гуще всего, за ним наблюдали зеленовато-голубые глаза. Они видели, как он поднялся по крыльцу и открыл парадную дверь. Они видели, как он вошел в дом. Потом кусты зашуршали. Сквозь них продирался мальчик с зажатым в руке ножом.

Рука погладила его по плечу. Мальчик немедленно остановился. Появилась женщина. Фигура ее была высокой и крупной, но казалось, что кусты вокруг нее даже не шелохнулись. У нее были густые, роскошные черные волосы, в которых попадались отдельные пряди чистейшего белого цвета. Они были заплетены в косу, перекинутую вперед и доходившую ей до груди. Когда вы смотрели на эту женщину, вы сначала замечали, насколько она высокая, а потом ваш взгляд привлекали ее волосы, и вы почти осязали глазами их грубоватую, но словно смазанную маслом фактуру. И если вы были мужчиной, то вы начинали думать о том, как она будет выглядеть с распущенными волосами, когда они разметаются по подушке при свете луны. Вы начинали думать о том, какой она будет в постели. Но она еще не знала мужчин. Она была девственницей. Она ждала. У нее были сны. И снова она задумалась о том, не будет ли этот мужчина первым.

— Подожди, — сказала она мальчику.

Она повернула к себе его искаженное лицо. Она знала, в чем было дело.

— С домом будет все в порядке. Он не станет вредить дому, Джо.

Он отвернулся от нее и посмотрел на дом обеспокоенным, страстным взглядом.

— Когда он выйдет, мы последуем за ним.

Он злобно затряс головой.

— Да, мы должны так поступить. Я должна. Она ощутила это с необычайной силой. Возможно, он не окажется тем самым, но он будет звеном в той цепи, за которую она держалась все эти годы. Цепи, которая в настоящий момент приближалась к концу.

Джо — это было его ненастоящее имя — яростно вскинул нож, словно желая пронзить ее. Она не стала ни защищаться, ни спасаться бегством, и он медленно опустил его. Потом он повернулся к дому и ткнул ножом в его направлении.

— Нет, ты этого не сделаешь, — сказала она. — Потому что он живой человек, и он приведет нас к... — Она замолчала. «К другим живым людям, — хотела она сказать. Он живой человек, и он приведет нас к другим живым людям.» Но она не была уверена, что

хотела сказать именно это, но даже если и так — то это было *все*, что она хотела сказать. Два противоположных желания уже начали разрывать ее на части и она пожалела о том, что они встретили Ларри. Она снова попыталась погладить мальчика, но он злобно отскочил в сторону и уставился на дом горящими, исполненными ревности глазами. Через какое-то время он снова скользнул в кусты и метнул в нее обиженный взгляд. Она последовала за ним, чтобы убедиться, что с ним все будет в порядке. Он лег и свернулся калачиком, прижав нож к груди. Он вложил большой палец в рот и закрыл глаза.

Надин вернулась к тому месту, где ручей образовывал небольшое озерцо, и опустилась на колени. Зачерпнув воду руками, она утолила жажду и устроилась наблюдать за домом. В глазах ее светился покой, а лицо ее очень напоминало Мадонну Рафаэля.

Позже в тот день Ларри ехал на велосипеде по трехрядной полосе шоссе №9. Впереди возник зеленый люминесцентный дорожный знак, и Ларри остановился, чтобы рассмотреть его. С некоторым удивлением он прочел: МЭН, ЗОНА ОТДЫХА. Он не верил своим глазам: сколько же он прошел пешком, обезумев от страха? Он уже собирался вновь отправиться в путь, но в этот момент нечто — какой-то звук, раздавшийся в лесу или у него в голове — заставило его резко оглянуться. За спиной у него не оказалось ничего, кроме уходящего назад в Нью-Хемпшир шоссе №9.

С тех пор, как он оставил большой белый дом, позавтракав там только сушеными отрубями и консервированным сыром, который он намазал на слегка лежалые крекеры, у него несколько раз возникало чувство, что за ним кто-то следит. Он *слышал нечто*, а возможно, даже *видел* нечто краем глаза. Но это не пугало его. Чувство того, что за ним наблюдают, не было связано ни с галлюцинациями, ни с бредом. Если кто-то наблюдает за ним, но предпочитает держаться подальше, то, может быть, его просто боятся. А если они боятся бедного исхудалого старину Ларри Андервуда, который настолько перетрусил, что даже не может ехать на мотоцикле со скоростью двадцать пять миль в час, то, по всей видимости, их нечего опасаться.

Привстав на велосипеде, который он раздобыл в спортивном магазине в четырех милях к востоку от большого белого дома, он громко крикнул:

— Эй, если вы там, то почему бы вам не показаться? Я не причиню вам никакого вреда.

Ответа не последовало. Птица щебетала, а потом пронеслась у него над головой. Все остальное пребывало в полном покое. Спустя некоторое время он снова отправится в путь.

К шести часам вечера он доехал до маленького городка под названием Норт Бервик, стоявшего на пересечении шоссе №9 и шоссе №4. Здесь он решил остановиться на ночь, чтобы с утра отправиться в сторону побережья.

В небольшом магазинчике на перекрестке он взял из мертвого холодильника упаковку с шестью банками пива. Сорт назывался «Блек Лейбл» — такой он никогда не пробовал. Также он захватил с собой большой пакет картофельных чипсов и две банки тушенки. Все это он положил в рюкзак и вышел из магазина.

На другой стороне улицы был ресторан, и на секунду ему показалось, что он видел, как две тени скрылись за ним. Может быть, это и была игра воображения, но он так не думал. Он поразмыслил о том, не стоит ли перебежать через дорогу и одержать победу в этой игре в прятки. В конце концов он решил, что не стоит. Он знал, что такое страх.

Вместо этого он прошел еще немного по шоссе, толкая вперед велосипед с висевшим на руле отяжелевшим рюкзаком. Он заметил большое кирпичное здание школы, за которым была небольшая рощица. Он набрал достаточно довольно больших веток для костра и развел его в самом центре заасфальтированной игровой площадки. Рядом протекал небольшой ручеек. Он

охладил пиво в воде и разогрел на огне одну из банок тушенки.

После еды он задумался о том, почему он почти не боится следующих за ним людей — так как теперь он был уверен, что за ним на самом деле следуют люди, по крайней мере двое, а может быть, и больше. Как следствие, он подумал о том, почему ему было так хорошо весь день, словно какой-то черный яд вытек из него во время вчерашнего долгого сна. Только ли в отдыхе было дело? Такой ответ казался слишком простым.

Смотря на дело логически, он предположил, что если бы его преследователи собирались причинить ему какой-нибудь вред, то они уже попытались бы это сделать. Да и что им могло от него понадобиться? Зачем нападать на кого-то, рискуя своей жизнью, если все, о чем ты когда-либо мечтал, сидя на унитазе с каталогом «Сиерс» на коленях, ты мог получить за витриной любого американского магазина? Просто разбей стекло, войди и возьми все, что угодно.

Все, что угодно, за исключением общества друзей. А *это* было самым главным, и Ларри прекрасно об этом знал. И подлинной причиной того, что он не чувствовал страха, как раз и была уверенность в том, что именно это и нужно незнакомцам. Рано или поздно их желание одолеет страх. Он подождет, пока это случится. Он не собирался спугнуть их, как стаю перепелов. Это могло только ухудшить ситуацию. Два дня назад он и сам, возможно, хлопнулся бы в обморок при виде другого человека. Так что он может подождать. Но ей-Богу, ему действительно хотелось снова увидеть кого-нибудь. Очень хотелось.

Он снова подошел к ручью и помыл посуду. Потом он выудил из воды упаковку пива и вернулся к костру. Он вскрыл первую банку и протянул ее в сторону ресторана, где он заметил две тени.

— За ваше здоровье, — сказал Ларри и одним глотком осушил полбанки.

Когда он выпил все шесть банок, шел уже восьмой час вечера, и солнце клонилось к закату. Он расшвырял последние тлеющие угли и собрал все свое снаряжение. Потом в полупьяном и очень приятном состоянии он проехал четверть мили по шоссе *N9* и *наткнулся на дом с застекленной верандой*. Он поставил велосипед на лужайке, взял с собой свой спальник и взломал дверь с помощью отвертки.

В последний раз он оглянулся, надеясь увидеть его, ее или их — они следовали за ним, он чувствовал это, — но улица оказалась пустынной. Пожав плечами, он вошел внутрь.

Через пятнадцать минут он уже спал. Дыхание его было ровным и размеренным. Винтовка лежала рядом с его правой рукой.

Надин чувствовала себя очень усталой. Похоже, это был самый длинный день в ее жизни. Дважды она была уверена, что он их заметил: один раз под Стаффордом, а второй раз на границе между Нью-Хемпширом и Мэнном, когда он обернулся и позвал их. Лично ее это не беспокоило. Этот человек не был сумасшедшим, как тот, кто проходил мимо большого белого дома десять дней назад. Это был солдат, сгибавшийся под тяжестью пулеметов и гранат и лент с патронами. Он смеялся, плакал и угрожал оторвать яйца человеку по имени лейтенант Мортон. Лейтенанта Мортоня поблизости видно не было, за что он мог благодарить Бога, если, конечно, еще был к тому времени в живых.

— Джо?

Она огляделась.

Джо рядом не было.

Она откинула одеяла и встала, морщась от тысячи маленьких болей, пронзивших ее тело. Когда она в последний раз столько времени проводила верхом на велосипеде? Возможно, никогда. А потом эти постоянные, выматывающие усилия сохранить золотую середину. Если

они подъедут к нему слишком близко, то он заметит их, и это плохо повлияет на Джо. А если они отстанут слишком далеко, он может свернуть с шоссе *N9 на другую дорогу*, и они потеряют его. А это плохо повлияет на нее.

Она повторяла себе, что рано или поздно Джо привыкнет к мысли о том, что они нуждаются в нем... и не только в нем. Они не могут жить одни. В одиночку они умрут. Постепенно Джо поймет это. Общество людей сделается у него привычкой.

— Джо, — снова позвала она мягко.

Пробираясь сквозь кусты, он мог двигаться тихо, как вьетконговский партизан, но за последние три недели она научилась улавливать издаваемые им звуки. А этой ночью к тому же светила луна. Она услышала слабый шорох и скрип гравия и поняла, куда он идет. Не обращая внимания на ломоту в теле, она последовала за ним. Было четверть одиннадцатого.

Они разбили лагерь (если только можно назвать два одеяла на траве «лагерем») и спрятали свои велосипеды в сарайчике позади ресторана. Человек, за которым они следовали, поужинал на игровой площадке перед школой через дорогу, а потом пошел по направлению к дому с верандой. Ей показалось, что он был немного пьян. Теперь он спал на веранде избранного им дома.

Она пошла быстрее, морщась от впивавшихся в ступни острых камешков. На левой стороне улицы стояли дома, и она пошла по парадным лужайкам, которые теперь превращались в поля. Отяжелевшая от росы и сладко пахнувшая трава доходила ей до обнаженных голеней. Это навело на мысли о том времени, когда она бежала вместе с мальчиком по такой же траве при свете полной луны. В нижней части ее живота перекатывался тяжелый шар возбуждения. Она чувствовала, как становились упругими ее груди. Она знала, что если мальчик схватит ее, то она позволит ему лишиться себя девственности. Лунный свет и влажная трава пьянили ее. Она бежала, как индеец по зарослям кукурузы. Схватил ли он ее? Какое это теперь имело значение?

Она побежала еще быстрее. Джо стоял перед верандой, на которой спал человек. Его белые трусы выделялись из темноты. В сущности, у мальчика была такая темная кожа, что на первый взгляд могло показаться, что трусы просто висели в пространстве или были надеты на невидимку из романа Г.Дж.Уэллса.

Она знала, что Джо был родом из Эпсоста, потому что именно там она его и нашла. Сама Надин была из Саут Барнстеда, городка в пятнадцати милях к северу от Эпсоста. Она методично искала других оставшихся в живых, но не хотела при этом покидать свой дом. Она вела поиски по все более расширяющимся концентрическим кругам. Нашла она только Джо, у которого был жар и бред после укуса какого-то животного... судя по размеру, крысы или белки. Он сидел на лужайке перед домом в Эпсосте в одних трусах, сжимая в руке нож для разделки мяса, словно дикарь из каменного века или умирающий, но по-прежнему злобный пигмей. У нее был опыт лечения инфекций. Она внесла его в дом. Был ли это его собственный дом? Похоже на то, но пока Джо ей не скажет, она не будет в этом уверена. В доме было много трупов; мать, отец, трое других детей, самому старшему из которых было около пятнадцати. Она нашла кабинет местного доктора, где были дезинфицирующие средства, антибиотики и бинты. Она не знала точно, какой из антибиотиков нужно применить, и ей было известно, что в случае ошибки он может умереть, но если она будет бездействовать, то он умрет так и так. Укус был на лодыжке, которая распухла до размеров автомобильной шины. Удача не оставила ее. Через три дня лодыжка приобрела прежние размеры, а температура спала. Мальчик стал доверять ей. Когда она просыпалась по утрам, то обнаруживала его рядом с собой. Они поселились в большом белом доме. Она стала называть его Джо. Это не было его настоящим именем, но в те времена, когда она работала

учительницей, любая девочка, имени которой она не знала, была для нее Джейн, а любой мальчик — Джо. Мимо прошел солдат, смеясь, плача и проклиная лейтенанта Мортонна. Джо хотел броситься на него из засады и заколоть ножом. А теперь этот человек. Она боялась отобрать у Джо нож, так как это был его талисман. Если она попытается это сделать, он может броситься на нее. Он спал, зажав нож в руке, и когда однажды она попыталась разжать его пальцы не столько для того, чтобы действительно отнять нож, сколько для того, чтобы посмотреть, возможно ли это в принципе, он мгновенно проснулся. Секунду назад он крепко спал. И вот эти жесткие серо-голубые китайские глаза уже уставились на нее со сдержанной свирепостью. Он прижал к себе нож с тихим рычанием. Слов он не произносил.

Он заносил нож, потом опускал его и снова заносил. Потом тихонько рычал и тыкал ножом в направлении веранды. Возможно, подогревал себя для решающей атаки.

Она приблизилась к нему сзади, не таясь, но он не услышал ее. Джо был затерян в своем собственном мире. Подчиняясь внезапному импульсу, она схватила его за кисть и резко повернула ее против часовой стрелки.

Джо зашипел, и Ларри Андервуд слегка шевельнулся во сне, перевернулся на другой бок и вновь затих. Нож упал на траву между ними, и серебряные лунные блики засверкали на его зазубренном лезвии. Они напоминали светящиеся снежинки.

Он уставился на нее с выражением злобы, упрека и недоверия. Надин смело встретила его взгляд. Она указала рукой в том направлении, откуда они пришли. Джо злобно потряс головой. Он указал на веранду и сделал ужасающе откровенный жест, проведя большим пальцем себе по горлу на уровне адамова яблока. Потом он усмехнулся. Надин никогда раньше не видела, как он улыбается, и мороз пошел у нее по коже. Даже если бы его сияющие белые зубы превратились в остро отточенные клыки, улыбка не стала бы более свирепой.

— Нет, — сказала она мягко. — Или я разбужу его прямо сейчас.

Джо встревожился. Он быстро покачал головой.

— Тогда пошли назад. Спать.

Он бросил взгляд вниз на нож, а потом снова посмотрел на нее. Свирепое выражение исчезло с его лица. Он был теперь всего лишь потерявшимся маленьким мальчиком, который требовал своего мишку и хотел укрыться колючим одеялом, сопровождавшим его всю жизнь, начиная с колыбели. Надин смутно почувствовала, что, возможно, наступило время отобрать у него нож, просто твердо покачать головой. Но что тогда? Закричит ли он? Он кричал после того, как безумный солдат исчез из виду. Кричал не переставая, исторгая из себя оглушительные и невнятные звуки ужаса и ярости. Хотелось ли ей встретиться со спящим человеком ночью, когда эти крики будут звенеть у них в ушах?

— Ты идешь?

Джо кивнул.

— Хорошо, — сказала она спокойно. Он быстро нагнулся и поднял нож.

Вдвоем они пошли обратно, и он доверчиво жался к ней, забыв, по крайней мере, на время, о человеке, невольно вторгшемся в их жизнь. Он обнял ее и заснул. Она почувствовала старую знакомую боль в животе, гораздо более острую и всеобъемлющую, чем боли, вызванные усталостью. Причиной ее была женская болезнь, и здесь нельзя было ничем помочь. Вскоре она уснула.

Она проснулась ранним утром — часов у нее не было. Тело ее замерзло и застыло. Она почувствовала внезапный страх, подумав о том, что Джо хитро дождался того момента, когда она уснет, снова подкрался к дому и перерезал глотку спящему. Руки Джо уже не обвивали ее. Она чувствовала себя ответственной за детей, которых не спросили, прежде чем

произвести их на свет, но если он сделал это, то она прогонит его. Отнимать чью-то жизнь, когда и так столько жизней было отнято, — это непростительный грех. И кроме того без чьей-нибудь помощи ей не продержаться наедине с Джо. Это все равно что быть в одной клетке с легко возбудимым львом. Как и лев, Джо не мог (или не хотел) говорить. Он лишь рычал своим голосом потерявшегося маленького мальчика.

Она села и увидела, что мальчик по-прежнему рядом с ней. Во сне он просто слегка отодвинулся от нее. Он лежал, свернувшись калачиком, как зародыш, с большим пальцем во рту, с ножом в руке.

Снова одолеваемая сном, она пошла к траве, помочилась и вернулась обратно к своему одеялу. На следующее утро она уже не знала, действительно ли она просыпалась ночью, или это был только сон.

Если мне и снились сны, — подумал Ларри, — должно быть, хорошие. Но ни один из них не всплывал у него в памяти. Он чувствовал себя, как в прежние времена, и подумал, что сегодня будет хороший денек. Сегодня он увидит океан. Он скатал свой спальный мешок, укрепил его на багажнике, пошел обратно за своим рюкзаком... и остановился.

Справа от цементной дорожки, неподалеку от крыльца, росистая трава была прибита. Когда роса испарится, трава снова поднимется, но сейчас она удерживала следы ног. Он был городским мальчиком и уж никак не следопытом, но надо быть слепцом, — подумал он, — чтобы не увидеть на лужайке два типа следов: большие и маленькие. В какой-то момент ночью они подходили к веранде и смотрели на него. Мороз пошел у него по коже. Такая скрытность ему не понравилась, а первый укол возвращающегося страха понравился ему еще меньше.

Если они не объявятся сами в ближайшее время, — подумал он, — я попытаюсь застигнуть их врасплох. Одна мысль о том, что он может сделать это, вернула ему большую часть уверенности. Он надел рюкзак и отправился в путь.

К полудню он добрался до Уэллса, где проходило шоссе *N1*. Он подкинул монетку, и она упала решеткой кверху. Он повернул на юг по шоссе *N1*, оставив монетку равнодушно блестеть в пыли. Двадцать минут спустя ее нашел Джо и уставился на нее так, словно это был кристалл гипнотизера. Он положил монетку себе в рот, но Надин заставила ее выплюнуть.

Через две мили Ларри впервые увидел океан — огромное синее животное, которое сегодня отличалось медлительность и ленью. Он был совершенно не похож на Тихий океан или на тот вид Атлантики, который открывается с Лонг-Айленда. Та часть океана выглядела какой-то благодушной, почти ручной. Здесь вода была темнее, почти кобальтового цвета. Волны накатывали одна за другой и бились о камни. Пенная накипь, густая, как яичный белок, взлетала в воздух, а потом падала обратно. Стоял постоянный ворчливый гул прибоя.

Ларри оставил велосипед и пошел к океану пешком, ощущая глубокое волнение, которое он не мог объяснить. Он был здесь. Здесь был конец востока. Здесь был край земли.

Он пересек заболоченное поле, хлюпая по воде, заполнившей пространство между кочками и рожицами камыша. Вокруг стоял густой, плодородный запах прилива. По мере того, как он все ближе и ближе подходил к краю земли, кожа земли шелушилась, а под ней обнаруживалась голая гранитная кость. В синем небе кружились белые чайки, крича и причитая. Никогда ему не доводилось видеть сразу столько птиц. Ему пришло в голову, что, несмотря на всю свою красоту, чайки питаются падалью. Вслед за этим в голове у него появилась одна из тех мыслей, которые лучше не высказывать вслух, но она не успела сформироваться в его сознании, прежде чем он успел ее подавить: «Позже эти мусорщики

сослужат мне хорошую службу».

Он снова пошел, и теперь его туфли шаркали по высушенным солнцем камням. Морской ветер изо всей силы ударил ему в лицо, откинув тяжелую копну волос со лба. Он поднял лицо навстречу ветру, навстречу чистому, терпкому соленому запаху синего животного.

Он был на краю земли.

Он присел на краю небольшого утеса, чувствуя себя немного вымотанным. Так он просидел полчаса или даже больше. Морской ветер разбудил его аппетит, и он порывлся в рюкзаке в поисках ленча. Он хорошо поел. От брызг его синие джинсы стали внизу черными. Он чувствовал себя чистым и освеженным.

Он пошел назад по болоту. Он был так погружен в свои мысли, что принял нарастающий крик за возгласы чаек. Он даже посмотрел вверх, и лишь тогда в омерзительной судороге страха понял, что этот крик принадлежит человеку. Это был боевой клич.

Взгляд его снова метнулся вниз, и он увидел, как через дорогу ему навстречу бежит маленький мальчик, громко топя мускулистыми ногами. В одной руке у него был зажат нож для разделки мяса. На нем не было ничего, кроме трусов, и ноги его были исполосованы колючками ежевики. За ним, только что выбравшись из зарослей низкого кустарника и крапивы, возникла женщина. Она была очень бледной, и вокруг глаз у нее шли темные круги усталости.

— ДЖО! — закричала она, а потом побежала так, словно ей это причиняло сильную боль.

Джо продолжал бежать, не глядя себе под ноги, шлепая босыми ногами по мелким лужицам болотной воды. Все его лицо было стянуто убийственной ухмылкой. Нож для разделки мяса был высоко занесен в его руке и сверкал в солнечных лучах.

«Он бежит, чтобы убить меня, — подумал Ларри, абсолютно сраженный этой мыслью. Этот мальчик... что я ему сделал?»

— Джо! — закричала женщина. На этот раз ее голос был пронзительным, измученным и отчаявшимся. Джо продолжал бежать, сокращая дистанцию.

Ларри как раз успел вспомнить, что оставил винтовку рядом с велосипедом, и кричащий мальчик налетел на него.

Когда он начал опускать свой нож по длинной, размашистой дуге, оцепенение Ларри прошло. Он отступил в сторону и, даже не думая, ударил своим тяжелым ботинком мальчику прямо в солнечное сплетение. Он почувствовал жалость — мальчик рухнул, как сбитая кегля. Выглядел он свирепо, но веса в нем было мало.

— Джо! — позвала Надин. Она споткнулась о кочку и упала на колени, забрызгав коричневой грязью свою белую кофту. — Пожалуйста, не бейте его!

— Она поднялась на ноги и снова рванулась вперед.

Джо упал на спину. Ларри наступил на его правое запястье, втопав руку с ножом в грязь.

— Брось нож, парень.

Мальчик зашипел, как рассерженный гусь. Его верхняя губа приподнялась, обнажая оскаленные зубы. Его китайские глаза горели яростью. Держать ногу на запястье мальчика было все равно что стоять на раненой, но по-прежнему опасной змее. Ларри чувствовал, как мальчик пытается выдернуть руку, не боясь содрать кожу и плоть или даже сломать кость. Он рывком приподнялся в полусидячее положение и попытался укусить Ларри за ногу сквозь грубую хлопчатобумажную ткань его джинсов. Ларри наступил на запястье еще сильнее, и Джо закричал, но это не был крик боли — это был крик неповиновения.

— Брось, я тебе говорю.

Джо продолжал борьбу.

Статус-кво сохранялось бы до тех пор, пока Джо не удалось бы высвободить руку или пока Ларри не сломал бы ему запястье, если бы шатаясь от усталости, наконец, не появилась бы задыхающаяся и грязная Надин.

Не глядя на Ларри, она опустилась на колени.

— Брось! — сказала она спокойно, но твердо. Он огрызнулся на нее по-собачьи, и продолжал борьбу. Ларри с трудом пытался удержать равновесие. Если мальчишка высвободится, то, вполне возможно, первой он ударит женщину.

— От-пус-ти! — сказала Надин.

Мальчик зарычал. Слюна струилась между его сжатыми зубами. На правой щеке у него было грязное пятно в форме вопросительного знака.

— Мы бросим тебя, Джо. Я брошу тебя. Я уйду с ним, если ты не будешь хорошо себя вести.

Ларри почувствовал, как рука под его ногой снова напряглась, а потом расслабилась. Но мальчик смотрел на нее с болью, гневом и негодованием. Когда он переводил взгляд на Ларри, тот мог прочесть в его глазах исступленную ревность. Несмотря на то, что пот лил с него ручьями, Ларри похолодел от этого взгляда.

Она продолжала свою спокойную речь. Никто не обидит его. Никто не оставит его. Если он бросит нож, то всем будет хорошо.

Постепенно Ларри почувствовал, что рука под его ботинком разжалась. Мальчик оцепенело лежал и смотрел в небо. Ларри снял ногу с запястья Джо, быстро наклонился и подобрал нож. Он повернулся и запустил его в направлении мыса. Лезвие долго-долго кружилось, разбрасывая копья солнечных бликов. Джо проследил его полет и издал протяжный, жалобный крик боли. Нож подпрыгнул на камнях с тихим звоном и упал в море.

Ларри обернулся и посмотрел на них. Женщина смотрела на правую руку Джо, на которой глубоко отпечатались ребристая подошва ботинка Ларри. Потом ее темные глаза взглянули на Ларри. В них была скорбь.

Ларри почувствовал, как внутри него закипают старые оправдательные слова — «Я был вынужден это сделать, это не моя вина, послушайте, леди, он ведь хотел убить меня», — потому что ему показалось, что в ее скорбных глазах было осуждение: «Никакой ты не симпатичный парень».

Но он не сказал ни слова. Произошло то, что произошло. Его действия носили вынужденный характер. А ведь могло кончиться и хуже: один из них мог быть ранен или даже убит.

Итак, он не сказал ни слова, встретил мягкий взгляд женщины и подумал: «Мне кажется, я изменился. В чем-то. Не знаю, насколько сильно.»

Она сказала:

— Меня зовут Надин Кросс. А это Джо. Счастлива с вами познакомиться.

— Ларри Андервуд.

Они пожали друг другу руки, слегка улыбнувшись над абсурдностью ситуации.

— Идемте назад к дороге, — предложила Надин.

Они шли бок о бок, и через несколько шагов Ларри обернулся через плечо по направлению к Джо, который скрючился на коленях и сосал свой большой палец, по-видимому, не подозревая о том, что они ушли.

— Он придет, — сказала она спокойно.

— Вы уверены?

— Абсолютно.

Когда они поднимались на шоссе, она споткнулась, и Ларри поддержал ее под руку. Она

посмотрела на него с благодарностью.

— Можно мы посидим? — спросила она.

— Конечно.

Они сели на асфальт друг против друга. Через некоторое время Джо встал и заковылял по направлению к ним, глядя на свои босые ноги. Он сел неподалеку от них. Ларри настороженно поглядел на него, а потом вновь перевел глаза на Надин Кросс.

— Вы следовали за мной.

— Вы догадались? Да. Я так и думала, что вы догадаетесь.

— И давно?

— Вот уже два дня, — сказала Надин. — Мы жили в большом доме в Эпсоме. — Заметив его удивленное выражение, она добавила: — Рядом с ручьем. Там, где вы спали около каменной стены.

Он кивнул.

— А прошлой ночью вы вдвоем приходили посмотреть, как я сплю на веранде. Может быть, хотели проверить, нет ли у меня рогов и длинного красного хвоста.

— Это все Джо, — сказала она спокойно. — Я пошла за ним, когда увидела, что его нет. А как вы узнали?

— Вы оставили следы на росе.

— Ааа. — Она посмотрела на него изучающе, и хотя ему и очень хотелось, он не отвел глаза. — Я не хочу, чтобы вы на нас сердились. Наверное, это звучит смешно после того, как Джо пытался вас убить, но Джо не отвечает за свои поступки.

— Это его настоящее имя?

— Нет, я просто называю его так.

— Он похож на дикаря из телепередачи «Нешнл Джиогрэфик».

— Да, он именно такой. Я нашла его на лужайке перед домом — возможно, это был его дом, имя владельцев было Роквей, — и он умирал от укуса. Может быть, его укусила крыса. Он не говорит. Только рычит и хрюкает. До этого утра мне удавалось контролировать его поведение. Но я... я устала, понимаете... и... — Она пожала плечами. Болотная грязь высыхала на ее блузке, образуя узор, похожий на китайские иероглифы. — Сначала я его одевала. Он снимал все, кроме трусов. Наконец я устала пытаться. Похоже, мошकारа его не беспокоит. — Она сделала паузу. — Я хочу, чтобы мы пошли с вами. Мне кажется, в таких обстоятельствах мне незачем стесняться моих слов.

Ларри подумал о том, как бы она себя вела, если бы знала о судьбе последней женщины, которая хотела пойти вместе с ним. Но она этого не узнает. Этот случай похоронен глубоко-глубоко, хотя этого и нельзя сказать о связанной с ним женщине. Он боялся упомянуть о Рите еще сильнее, чем преступник боится назвать имя своей жертвы в светской беседе.

— Я не знаю, куда я направлюсь, — сказал он. — Я пришел сюда из Нью-Йорка. План мой состоял в том, чтобы найти симпатичный домик на побережье и просто залечь здесь примерно до октября. Но чем дальше я иду, тем сильнее мне нужны другие люди. Чем дальше я иду, тем сильнее все это потрясает меня.

Он выражал свои чувства с трудом, и, похоже, не мог говорить яснее, не упоминая о Рите и о кошмарных снах с темным человеком.

— Я всего боялся, — сказал он осторожно, — так как был предоставлен самому себе. Какая-то паранойя. Слово я ожидал, что на меня нападут индейцы и снимут мой скальп.

— Иными словами, вы перестали искать дома и начали искать людей.

— Возможно, вы правы.

— Вы нашли нас. Это только начало.

— Скорее уж вы нашли меня. И меня беспокоит этот мальчик, Надин. Я должен быть постоянно начеку. Ножа его больше нет, но мир до отказа набит ножами, которые только и ждут того, чтобы их подобрали.

— Да.

— Я не хотел бы, чтобы это прозвучало жестоко... — Он запнулся, надеясь, что она договорит за него, но она не сказала ни слова и только посмотрела на него своими темными глазами.

— Вы не думали о том, что надо его бросить? — Вот наконец он выплюнул эту фразу, словно кусок камня, и звучала она так, словно он был не слишком-то симпатичным парнем... но справедливо ли это, должны ли они превращать плохую ситуацию в еще более худшую, взваливая себе на плечи десятилетнего психопата. Он сказал ей, что слова его могут прозвучать жестоко, и, наверное, так оно и было. Но теперь вокруг них был жестокий мир.

А тем временем странные глаза Джо цвета морской волны сверлили Ларри.

— Я не могу так поступить, — сказала Надин спокойно. — Я понимаю опасность и понимаю также то, что она будет угрожать в первую очередь вам. Он ревнует. Он боится, что вы станете для меня важнее, чем он. Вполне возможно, что он снова попытается... попытается добраться до вас, если, конечно, вам не удастся с ним подружиться или, по крайней мере, убедить его в том, что вы не собираетесь... — Она запнулась, оставив эту мысль непроясненной. — Но если я оставляю его, то это будет убийство. А я не хочу принимать участие в убийстве. Слишком много людей уже умерло, чтобы убивать еще.

— Если он ночью перережет мне глотку, то вам волей-неволей придется принять в этом участие.

Она наклонила голову.

Говоря так тихо, что только она могла его слышать (он не знал, понимает ли наблюдавший за ними Джо, что они говорят), Ларри произнес:

— Он мог бы сделать это уже прошлой ночью, если бы вы не пошли за ним. Разве это не так?

— Все это могло бы случиться, но ведь не случилось, — ответила она мягко.

Ларри засмеялся.

— Дух Рождества вот-вот придет?

Она подняла на него глаза.

— Я хочу пойти с вами, Ларри, но я не могу оставить Джо. Вам решать.

— Это не так-то просто.

— Жизнь в наши дни не очень простая вещь.

Он задумался. Джо сидел на обочине, наблюдая за ними глазами цвета морской воды. Позади них настоящая морская вода омывала скалы, с шумом прорываясь в секретные ходы, проделанные ею в камне.

— Хорошо, — сказал он. — Мне кажется, что вы проявляете к нему опасную снисходительность, но... хорошо.

— Спасибо вам, — сказала Надин. — Я буду отвечать за его поступки.

— Это будет большим утешением, когда он убьет меня.

— Это будет на моей совести до последнего дня жизни, — сказала Надин, и внезапно уверенность в том, что в не слишком отдаленном будущем все ее слова о святости жизни обернутся против нее, чтобы посмеяться над ней, захлестнула ее, как порыв холодного ветра. Она поежилась. Нет, — сказала она себе. Я не могу стать убийцей. Только не это. Никогда.

В тот вечер они разбили лагерь на мягком белом песке публичного пляжа в Уэллсе.

Рядом с комком водорослей, отмечавшим самую высокую линию прилива, Ларри развел большой костер. Джо сел с другой стороны костра, подальше от него и от Надин, и бросал в огонь небольшие палочки. Иногда он поджигал палку побольше и начинал носиться с ней по пляжу, держа ее перед собой, словно единственную свечу, зажженную в честь его дня рождения.

— Вы играете?

Он слегка подпрыгнул при звуке ее голоса и посмотрел на футляр, лежавший перед ним на песке. Раньше он стояла, прислонившись к «Стейнвею» в музыкальной комнате большого дома, куда они проникли, чтобы добыть себе ужин. Он нагрузил свой рюкзак консервными банками и, подчиняясь внезапному импульсу, взял с собой гитару, даже не заглянув в футляр. Последний раз он играл на гитаре во время той сумасшедшей вечеринки, а было это шесть недель назад. Совсем в другой жизни.

— Да, играю, — сказал он и обнаружил, что *хочет* играть, но не для нее, а просто потому, что иногда это приятно, это прочищает мозги. А когда разводят костер на пляже, то кто-нибудь обязательно берется за гитару.

— Давайте-ка посмотрим, что у нас там, — сказал он, расстегивая замки.

Он ожидал, что гитара окажется хорошей, но то, что лежало внутри, все-таки оказалось для него приятным сюрпризом. Это была двенадцатиструнная гитара фирмы «Гибсон». Прекрасный инструмент, возможно, даже ручной работы.

— Красивая, — сказала она.

— Это точно.

Он взял несколько аккордов, и ему понравилось звучание, хотя струны и были немного расстроены. Звук был насыщеннее и богаче, чем у шестиструнки. Гармоничный, но жесткий.

Он стал настраивать гитару на слух, вспоминая о Барри Григе, Джонни МакКолле и Уэйне Стаки. Когда он уже почти закончил, Надин дотронулась до его плеча, и он поднял взгляд.

Джо стоял рядом с костром, позабыв о потухшей палке в руке. Странные глаза его смотрели на Ларри с откровенной зачарованностью, а рот его был раскрыт.

Очень тихо, так тихо, что это могла быть всего лишь мысль у него в голове, Надин сказала:

— У музыки есть волшебная сила...

Ларри начал наигрывать старые блюзы, которые он выучил с пластинки «Электры», когда был еще подростком. Потом, убедившись в том, что гитара хорошо настроена, он запел... пел он всегда лучше, чем играл.

Крошка, я вернулся из далеких мест
Ночь в день превратит мой приезд
Потому что я здесь
Далеко от дома Но ты слышишь, как я еду сюда
На хребте у черного кота.

Джо улыбался, как человек, который только что узнал какой-то приятный секрет. Ларри подумал, что он стал похож на кого-то, кто долгое время страдал от зуда между лопатками в том месте, куда не достают руки, а потом наконец встретил человека, который точно знал, где надо почесать, чтобы зуд прошел. Он порылся в запылившихся архивах своей памяти в поисках второго куплета и нашел то, что искал.

Я кое-что умею, мама, это факт
Они не слышат ритма, не попадают в такт
Я слышу ритм
Далеко от дома И ты услышишь, как я еду сюда
На хребте у черного кота.

Открытая, восхищенная улыбка Джо озарила его глаза, и в них появилось выражение, которое, как показалось Ларри, вполне могло бы заставить любую молодую девушку повилать бедрами. Он дошел до инструментального куска и сыграл его не так уж плохо. Его пальцы извлекали из гитары правильные звуки: жесткие, яркие, немного кричащие, словно набор фальшивых драгоценностей, возможно, краденых, выставленных на продажу в

бумажном пакетике на углу улицы. Третий куплет он вспомнить не смог — там было что-то о железнодорожной колее. Тогда он повторил первый куплет и умолк.

Когда он кончил петь, Надин засмеялась и захлопала в ладоши. Джо отбросил свою палку и стал скакать по песку, испуская приветственные крики бешеной радости. Ларри с трудом мог поверить в свершившуюся с ребенком перемену и велел себе не обольщаться на этот счет. Иначе можно было потерпеть крупное разочарование.

«У музыки есть волшебная сила, способная укротить дикого зверя».

С невольным недоверием он задумался о том, неужели все могло быть так просто. Джо подавал ему какие-то знаки, и Надин сказала:

— Он хочет, чтобы вы сыграли еще что-нибудь. Вы не могли бы? Это было прекрасно. Когда вы поете, я чувствую себя лучше. Гораздо лучше.

Он сыграл «Поездку за город» Джеффа Малдора и свой собственный «Блюз Салли». Потом он сыграл «Катастрофу на шахте в Спрингхилле» и «Все в порядке, мама» Артура Крудупа. Потом он переключился на примитивный рок-н-ролл, а напоследок сыграл песню, которая ему всегда нравилась, — «Бесконечный сон» Джоди Рейнольдса.

— Больше я не могу играть, — сказал он Джо, который за весь концерт ни разу не пошевелился. — Мои пальцы. — Он вытянул руки, показывая им глубокие следы, которые струны оставили на пальцах, и заусенцы на ногтях.

Мальчик протянул вперед свои руки.

Ларри мгновение помедлил, а потом внутренне пожал плечами. Он повесил гитару мальчику на шею.

— Надо много практиковаться, — сказал он.

Но то, что произошло дальше, было одним из самых удивительных впечатлений в его жизни. Мальчик почти безошибочно сыграл «Джима Денди», испуская вместо слов ухающие крики, словно язык его прилип к небу. В то же время было совершенно очевидно, что раньше он никогда не играл на гитаре. Он не мог ударить по струнам достаточно сильно, чтобы они зазвенели, и перемены аккордов были у него неточными и неряшливыми. Звук получался приглушенным и призрачным, словно Джо играл на гитаре, внутри набитой ватой, но в остальном это была абсолютная копия сыгранной Ларри мелодии.

Закончив, Джо с любопытством посмотрел на свои пальцы, словно пытаясь понять, почему они могут воспроизвести лишь мотив музыки Ларри, но не сами звенящие звуки.

Ларри услышал свой собственный голос, приходящий как будто со стороны:

— Ты слишком слабо бьешь по струнам, вот и все. У тебя должны появиться мозоли — твердые бугорки — на кончиках пальцев. И еще должны развиться мускулы на левой руке.

Пока он говорил, Джо смотрел на него очень внимательно, но Ларри не был полностью уверен в том, что мальчик его понимает. Он повернулся к Надин.

— Вы знали, что он может играть?

— Нет. Я удивлена так же, как и вы. Это что-то вроде чуда, не так ли?

Ларри кивнул. Мальчик играл «Все в порядке, мама», снова воспроизводя почти каждый нюанс игры Ларри. Но порой струны лишь тупо стучали, как деревяшки, когда пальцы Джо перекрывали вибрацию, не давая ей зазвучать.

— Позволь, я покажу тебе, — сказал Ларри и протянул руки за гитарой. Джо немедленно бросил на него недоверчивый взгляд. Ларри пришло в голову, что он вспоминает о том, как исчез в море его нож. Джо попятился, крепко сжимая гитару. — Хорошо, — сказал Ларри. — Она твоя. Когда тебе нужен будет урок, приходи ко мне.

Мальчик испустил ликующий крик и побежал по пляжу, держа гитару над головой, словно священную жертву.

— Он разнесет ее в щепки, — сказал Ларри.

— Нет, — ответила Надин. — Я так не думаю.

Ларри проснулся посреди ночи и приподнялся на одном локте. От Надин остался лишь смутный силуэт, упакованный в три одеяла. Напротив Ларри лежал Джо. Он также лежал под несколькими одеялами, но голова его торчала наружу. Во рту он держал большой палец. Ноги его были подтянуты к животу, а между ними лежало тело двенадцатиструнной гитары фирмы «Гибсон». Свободной рукой Джо обнимал гитару за деку. Ларри зачарованно смотрел на него. Он отнял у мальчика нож и выбросил его в море, а мальчик взял в руки гитару. Прекрасно. Пусть играет. Гитарой никого не заколешь, хотя, — предположил Ларри, — ударить ей можно довольно сильно. Он снова заснул.

Когда он проснулся на следующее утро, то Джо сидел на камне с гитарой на коленях и играл «Блюз Салли». Он делал успехи. Надин проснулась двадцать минут спустя и сияюще улыбнулась Ларри. Ларри пришло в голову, что Надин, в сущности, очень красива. В памяти всплыла строчка из какой-то песенки Чака Берри: Надин, радость моя, ты ли это?

Вслух он сказал:

— Посмотрим, что у нас есть на завтрак.

Он развел костер, и они уселись вокруг него втроем, выгоняя из костей ночной холод. На сухом молоке Надин сварила овсяную кашу, а потом они пили заваренный в жестянке крепкий чай. Джо ел, держа гитару на коленях. Дважды Ларри поймал себя на том, что улыбается мальчику и думает о том, что невозможно не полюбить человека, который любит гитару.

Они поехали на юг по шоссе N1. Джо ехал на своем велосипеде строго по белой линии, иногда вырываясь вперед на милю или около того. Однажды они нагнали его в тот момент, когда он вел свой велосипед по обочине и ел ежевику довольно забавным способом: он подкидывал каждую ягоду в воздух и на излете безошибочно ловил ее ртом. Через час они обнаружили его сидящим на мемориальной доске в честь войны за независимость и играющим на гитаре «Джима Денди».

После одиннадцати часов они наткнулись на странную дорожную пробку перед въездом в небольшой городок под названием Оганквит. Три ярко-оранжевых городских мусороуборочных машины стояли в ряд поперек дороги, заблокировав ее от одной обочины до другой. На одном из мусорных контейнеров лежало истерзанное воронами тело существа, которое когда-то было человеком. Десять жарких дней сделали свое дело. Там, где тело не прикрывала одежда, было заметно, как кипят личинки.

Надин отвернулась.

— Где Джо? — спросила она.

— Не знаю. Где-нибудь впереди.

— Лучше бы он не видел этого. Как вы думаете, он заметил?

— Возможно, — сказал Ларри. Он уже задумывался над тем, что для главной дороги шоссе N1 было удивительно пустынным. С тех пор как они покинули Уэллс, им встретилось не более дюжины застывших машин. Теперь он понимал, почему. Они перегородили дорогу. Возможно, перед въездом в другой конец городка окажутся сотни, если не тысячи скопившихся машин. Он знал, как Надин заботится о Джо. Лучше бы избавить мальчика от этого зрелища.

— Почему они блокировали дорогу? — спросила она у него. — Зачем им было это нужно?

— Наверное, они пытались ввести у себя в городе карантин. Думаю, на другом конце города мы найдем еще одну баррикаду.

— Там есть еще трупы?

Ларри поставил велосипед на подножку и подошел к баррикаде.

— Трое, — сказал он.

— Ладно. Я на них смотреть не буду.

Он кивнул. Они провели свои велосипеды в стороне от грузовиков, а потом снова поехали. Дорога повернула в сторону моря, и стало прохладнее. Летние коттеджи сбились в длинные убогие ряды. И в таких жилищах люди проводили отпуск? — удивился Ларри. Почему бы просто не отправиться в Гарлем и не пустить детей поиграть под струями гидранта?

— Не слишком-то симпатичные, правда? — спросила Надин.

— Нет конечно, — сказал он, — но когда-то они были нашими, Надин. Когда-то они были нашими, пусть даже мы никогда здесь и не были. Теперь все это в прошлом.

— Но не навсегда, — сказала она спокойно, и он взглянул на ее чистое, сияющее лицо. На ее лоб, светящийся, как электрическая лампочка. — Я не религиозна. В противном случае я сказала бы, что состоялся Божий суд. Через сто лет, а может быть, и через двести, все это опять будет нашим.

— Эти грузовики не исчезнут и через двести лет.

— Грузовики не исчезнут, но исчезнет дорога. Грузовики будут стоять посреди поля или леса. Они перестанут быть грузовиками и превратятся в артефакты.

— По-моему, ты не права.

— Как я могу ошибаться?

— Ты ошибаешься, потому что мы ищем других людей, — сказал Ларри. — А теперь скажи, почему мы этим занимаемся?

Она обеспокоенно посмотрела на него.

— Ну... потому что так надо, — сказала она. — Людям нужны другие люди. Разве ты не почувствовал это? Когда был один?

— Да, — сказал Ларри. — Когда мы остаемся одни, мы сходим с ума от одиночества. Когда нас много, мы строим мили и мили летних коттеджей и убиваем друг друга в барах субботними вечерами. — Он рассмеялся. Смех был холодным и несчастным, без искры юмора. Он долго звучал в пустом пространстве. — Выхода нет. Это все равно что застрять внутри яйца. Пошли, а то Джо уже, наверное, намного нас обогнал.

На мгновение она застыла на велосипеде, встревоженно глядя в удаляющуюся спину Ларри. Потом она поехала вслед за ним. Он не мог оказаться правым. *Не мог*. Если такая ужасная катастрофа, как эта, произошла без всякой причины, то какой смысл в жизни вообще? Зачем тогда жить?

На самом деле Джо обогнал их не так уж сильно. Они наткнулись на него в тот момент, когда он сидел на заднем бампере синего «Форда» и рассматривал порнографический журнал. Ларри с неудовольствием отметил, что у мальчика наступила эрекция. Он бросил взгляд на Надин, но она смотрела в другую сторону — возможно, намеренно.

Когда они подошли к стоянке, где был запаркован синий «Форд», Ларри спросил у Джо:

— Пошли?

Джо отложил в сторону журнал и вместо того, чтобы встать, издал гортанный вопросительный звук и указал вверх. Ларри нелепо запрокинул голову, на мгновение предположив, что мальчик увидел в небе самолет. И тогда закричала Надин:

— Да не на небо, смотри на амбар! — Голос ее дрожал от волнения. — На амбар! Спаси тебя Бог, Джо! Если бы не ты, мы бы ничего не заметили!

Она подошла к Джо, обвила его руками и крепко обняла. Ларри повернулся к амбару, на вылинявшей кровле которого ярко выделялись белые буквы:

УЕХАЛИ В СТОВИНГТОН, В ЦЕНТР ПО ИЗУЧЕНИЮ ЧУМЫ ПО ШОССЕ N1 ДО УЭЛЛСА ПО МЕСТНОМУ ШОССЕ N95 ДО ПОРТЛЕНДА ПО ШОССЕ N302 ДО БАРРА ПО МЕСТНОМУ ШОССЕ N89 ДО СТОВИНГТОНА ВЫЕХАЛИ ИЗ ОГАНКВИТА 2 ИЮЛЯ 1990 ГОДА ГАРОЛЬД ЭМЕРИ ЛАУДЕР ФРЭНСИС ГОЛДСМИТ

— Господи Боже Мой, его задница, должно быть, болталась в воздухе, когда он выводил последнюю строчку, — сказал Ларри.

— Центр по изучению чумы! — сказала Надин, не обращая внимания на его слова. — Как я могла забыть о нем? Я ведь читала о нем статью в воскресном приложении к журналу не более трех месяцев назад! Они поехали туда!

— Если остались в живых.

— Остались в живых? Ну конечно. Ко второму июля эпидемия уже закончилась. А если они могли влезть на крышу амбара, то уж, наверное, они не чувствовали себя больными.

— Один из них точно чувствовал себя довольно резво, — согласился Ларри. — И подумать только, что я проезжал как раз через Вермонт.

— От шоссе N9 до Стовингтона довольно далеко, — рассеянно сказала Надин, по-прежнему глядя на амбар. — И все же они должны быть уже там. Второе июля было две недели назад. — Глаза ее засветились. — Как ты думаешь, Ларри, могут ли оказаться в центре другие люди? Вполне возможно, тебе не кажется? Раз уж они разбираются в средствах защиты? И они, наверное, работают над вакциной, как ты думаешь?

— Я не знаю, — осторожно сказал Ларри.

— В этом нет сомнения, — сказала она нетерпеливо и слегка сердито. Ларри никогда не видел ее в таком возбуждении, даже в тот момент, когда Джо демонстрировал свои удивительные способности к музыкальной мимикрии. — Держу пари, что Гарольд и Фрэнсис нашли десятки, а может быть, и сотни людей. Мы поедем за ними прямо сейчас. Кратчайший маршрут...

— Подожди минутку, — сказал Ларри, взяв ее за плечо.

— Что ты хочешь этим сказать — подожди? Ты понимаешь...

— Я понимаю, что надпись ждала нас две недели и может подождать еще немного, а пока мы устроим ленч. Да и старина Джо уже спит на ходу.

Она оглянулась. Джо снова листал порнографический журнал, но голова его клонилась книзу, а глаза его начали слипаться. Под глазами у него были синяки.

— Ты говорила, что он недавно перенес инфекцию, — сказал Ларри. — Да и сама ты проделала тяжелый путь... не говоря уже о преследовании Голубоглазого Гитариста.

— Ты прав... мне не пришло в голову.

— Джо нуждается в сытной еде и отдыхе.

— Ну конечно. Извини меня, Джо. Я просто не подумала.

Джо издал сонное незаинтересованное похрюкивание.

Ларри почувствовал, как прежние страхи овладевают им перед следующей фразой, но она должна была быть произнесена. Если он этого не скажет, то Надин, как только у нее окажется свободная минутка для раздумий... и кроме того, возможно, наступило время проверить, так ли уж сильно он изменился.

— Надин, ты умеешь водить?

— Водить? Ты хочешь спросить, есть ли у меня лицензия? Да, но со всеми этими

заторами на дорогах машина не так уж удобна, тебе не кажется? Я хочу сказать...

— Я не о машине говорю, — сказал он, и образ Риты, едущей на мотоцикле позади загадочного черного человека (по-видимому, он стал для его сознания символическим воплощением смерти), неожиданно возник у него перед глазами. Во рту у него пересохло, а в висках застучало, но когда он вновь заговорил, то голос его звучал ровно. Если он и осекся, то Надин, похоже, ничего не заметила. Но Джо, как ни странно, внимательно посмотрел на него из своей полусонной дремы, похоже, заметив какую-то перемену.

— Я имел ввиду мопеды или что-то вроде этого. На них мы сможем двигаться быстрее и с меньшими усилиями, огибая все... препятствия на дорогах. Точно так же, как мы обошли с велосипедами те грузовики.

В глазах ее загорелось растущее возбуждение.

— Да, мы так и сделаем. Я никогда не водила мопед, но ты ведь можешь показать мне, как это делается?

При словах «Я никогда не водила мопед» ужас Ларри усилился.

— Да, — сказал он. — Но ты должна будешь ехать медленно. Очень медленно. Мотоцикл — и даже мопед — не прощает людских ошибок, а я не смогу показать тебя доктору, если ты покалечишься на дороге.

— Я буду очень осторожна. Мы... Ларри, а ты ехал на мотоцикле до того, как мы тебя увидели? Иначе ты ведь просто не мог бы добраться сюда из Нью-Йорка так быстро.

— Я сбросил его в канаву, — сказал он ровно. — Я не мог ехать в одиночку.

— Ну, ты ведь больше уже не будешь один, — сказала Надин почти весело. Она повернулась к Джо. — Мы поедem в Вермонт, Джо! Мы увидим других людей! Разве это не здорово?

Джо зевнул.

Надин сказала, что она слишком взволнована для того, чтобы спать, но что она полежит с Джо, пока тот не уснет. Ларри поехал на велосипеде в Оганквит в поисках магазина мотоциклов. Такого в городке не оказалось, но он вспомнил, что видел подходящий магазин на выезде из Уэллса. Он вернулся, чтобы сказать об этом Надин, и обнаружил, что она уснула вместе с Джо.

Он лег неподалеку от них, но заснуть не смог. Наконец он пересек дорогу и по колено в зарослях тимофеевки пошел по направлению к амбару, на крыше которого была надпись. Тысячи кузнечиков выскакивали у него из-под ног, и Ларри подумал: «Я их чума. Я их темный человек.»

Неподалеку от широко раскрытых дверей амбара он заметил две пустые банки из-под пепси и засохшую корку от сэндвича. В обычные времена чайки давно бы уже съели остатки сэндвича, но времена изменились, и чайки, без сомнения, привыкли к более сытной пище. Он пнул носком корку, а затем одну из банок.

Отнесите это в лабораторию криминалистики, сержант Бриггс. Думаю, наш убийца все-таки совершил ошибку.

Вы правы, инспектор Андервуд. Будь благословен тот день, когда Скотленд-Ярд решил направить вас к нам.

Не стоит, сержант. Это часть моей работы.

Ларри зашел внутрь. Там было темно, жарко. Повсюду сновали ласточки. Стоял сладкий запах сена. В стойлах не было скота. Владелец, должно быть, предпочел отпустить его на свободу, сулящую жизнь или смерть от супергриппа, чтобы не обрекать его на неизбежный голод.

Отметьте это для коронера, сержант.

Обязательно, инспектор Андервуд.

Ведущие на сеновал ступеньки были прибиты к одной из опорных балок. С уже залоснившейся от пота кожей и толком не зная, зачем он это делает, Ларри полез наверх. В центре сеновала возвышалась более удобная лестница, ведущая к чердачному окну. Ступеньки были забрызганы белой краской.

Похоже, еще одна находка, сержант.

Инспектор, я потрясен — ваши дедуктивные способности могут сравниться лишь с остротой вашего зрения и длиной детородного органа.

Не стоит, сержант.

Он поднялся к чердачному окну. Там было еще жарче, и Ларри подумал о том, что если бы Фрэнсис и Гарольд оставили бы здесь ведро с краской после окончания работы, то амбар весело сгорел бы дотла еще неделю назад. Стекла были покрыты пылью и украшены древней паутиной, которая была соткана, без сомнения, еще в те времена, когда Джеральд Форд был президентом. Одно из стекол было выбито, и когда Ларри высунулся наружу, ему открылся впечатляющий вид, похожий на написанную маслом картину в зеленых и золотых тонах, на которой изображена самая середина лета, купающаяся в послеполуденной дымке. Надпись Гарольда была видна ему вверх ногами.

Одна лишь мысль о том, чтобы вылезти на эту крышу, находившуюся на таком расстоянии от земли, заставила перевернуться все его внутренности. И парню ведь непременно пришлось спустить ноги вниз, чтобы написать имя девушки.

Зачем ему это было нужно, сержант? Я думаю, в этом и заключается вопрос, на который мы должны найти ответ.

Ну, раз вы так считаете, инспектор Андервуд.

Он спустился вниз по лестнице, внимательно глядя себе под ноги. Сейчас не самое подходящее время, чтобы ломать ноги. Кое-что внизу привлекло его внимание, что-то, вырезанное на одной из опорных балок и своей свежей белизной контрастирующее с окружающим темным колоритом. Он подошел к балке и внимательно осмотрел вырезанный рисунок. Это было пробитое стрелой сердце, внутри которого было написано: «Г.Л. любит Ф.Г.»

Мне кажется, сержант, что парень влюблен.

— Удачи тебе, Гарольд, — сказал Ларри и вышел из амбара.

Магазин в Уэллсе оказался представительством фирмы «Хонда». Посмотрев на расположение образцов продукции на витрине, Ларри сделал вывод, что двух мопедов не хватает. Еще более он был горд своей второй находкой — скомканным фантиком от шоколадной карамели рядом с мусорной корзиной. Было похоже на то, что кто-то — возможно, изнывающий от любви Гарольд Лаудер — ел карамель, размышляя о том, какая модель принесет больше счастья ему и его возлюбленной. Потом он скомкал фантик и запустил его в мусорную корзину. И не попал.

Надин одобрила его дедуктивные построения, но они заинтересовали ее в меньшей степени, чем самого Ларри. Она разглядывала оставшиеся образцы в лихорадочном стремлении поскорее уехать. Джо сидел на нижней ступеньке у входа в демонстрационный зал, играл на гитаре и довольно мычал.

— Послушай, — сказал Ларри. — Сейчас пять часов вечера, Надин. Сегодня ехать уже нет смысла.

— Но еще три часа будет светло! Не можем же мы так и сидеть на одном месте! Мы

можем не догнать их!

— Гарольд Лаудер раз уже оставил свои инструкции с подробным описанием дорог, по которым они поедут. Если они продолжают свое путешествие, то весьма вероятно, что он сделает это снова.

— Но...

— Я знаю, что тебе не терпится, — сказал он, кладя руки ей на плечи. Он почувствовал, как в нем поднимается старое раздражение и заставил себя подавить его. — Ты ведь никогда раньше не ездила на мопеде.

— Но я умею ездить на велосипеде. И я знаю, как обращаться со сцеплением. *Пожалуйста*, Ларри. Если мы не будем терять времени, то разобьем лагерь на ночь уже в Нью-Хемпшире, а к завтрашнему вечеру проделаем уже половину пути. Мы...

— Но это не велосипед, черт возьми! — взорвался он, и звуки гитары позади него внезапно прекратились. Ларри увидел, как Джо оглянулся на них через плечо. Глаза его сузились, и внезапно стали недоверчивыми.

— Мне больно, — мягко сказала Надин.

Он увидел, что его пальцы глубоко впились в податливую плоть ее плеч, и его гнев перешел в глухой стыд.

— Извини, — сказал он.

Джо по-прежнему смотрел на него, и Ларри понял, что потерял половину завоеванного доверия мальчика. А может быть и больше. Надин что-то сказала.

— Что?

— Я говорю, объясни мне, чем это отличается от велосипеда.

Им овладело желание крикнуть ей: «Если ты такая умная, то иди и попробуй. Посмотрим, как тебе понравится мир, когда ты будешь созерцать его задом наперед, со свернутой шеей!» Он сдержался, подумав о том, что теряет не только доверие мальчика, но и собственное доверие к самому себе. Может быть, он и изменился, но что-то от прежнего ребячливого Ларри еще болталось позади него, словно тень, ставшая к полудню короче, но не исчезнувшая совсем.

— Мопед тяжелее, — сказал он. — Если ты потеряешь равновесие, то ты не сможешь восстановить его так же легко, как на велосипеде. Такой мопед с объемом двигателя 360 см³ весит триста пятьдесят фунтов. Ты очень быстро научишься контролировать этот лишний вес, но для этого необходимо какое-то время. В обычной машине ты переключаешь скорости рукой, а на газ давишь ногой. Здесь все наоборот, и к этому надо привыкнуть. Вместо одного тормоза здесь два. Если ты забудешь об этом и случайно нажмешь на ручной тормоз, то ты можешь просто перелететь через руль. А потом тебе надо будет привыкнуть к своему пассажиру.

— Джо? А я думала, он поедет с тобой.

— Я бы с радостью его взял, — сказал Ларри. — Но сейчас он вряд ли на это согласится. Тебе так не кажется?

Надин посмотрела на Джо долгим, обеспокоенным взглядом.

— Да, — сказала она, а потом вздохнула. — Он и со мной-то может не поехать, если испугается.

— Я отвечаю за вас двоих, и я не хочу видеть, как вы перевернетесь.

— С тобой так уже было, Ларри? Ты был не один?

— Я был не один, — сказал Ларри. — И я действительно перевернулся. Но к тому времени, как это произошло, леди, которая сопровождала меня, была уже мертва.

— Она попала в аварию на мотоцикле? — На лице у Надин застыло напряженное

выражение.

— Нет. То, что произошло, было на семьдесят процентов несчастным случаем и на тридцать процентов самоубийством. То, в чем она нуждалась... дружба, понимание, поддержка, не знаю, что еще... она от меня не получала.

— Ему было не по себе, в висках стучало, горло свело, а к глазам подступили слезы. — Ее звали Рита. Рита Блэкмор. С тобой я хочу вести себя иначе, вот и все. С тобой и с Джо.

— Ларри, почему же ты мне раньше не рассказал?

— Потому что мне больно об этом говорить, — сказал он просто. — Очень больно. — Это было правдой, но не всей правдой. Были еще и сны. Он поймал себя на мысли о том, снятся ли Надин кошмары. Когда он ненадолго проснулся прошлой ночью, она непрерывно ворочалась и что-то бормотала. Но наутро она ничего не сказала. И Джо. Видит ли он плохие сны? Ну, насчет *них* он точно сказать не может, но вот бесстрашный инспектор Андервуд из Скотленд-Ярда явно боится снов... и если Надин попадет в аварию, они могут возобновиться.

— Тогда мы поедем завтра, — сказала она. — Этим вечером ты научишь меня.

Но сначала выбранные Ларри два небольших мопеда надо было заправить. У магазина была своя колонка, но без электричества она не работала. Он обнаружил еще один фантик на крышке подземного резервуара и понял, что ее не так давно поднимал находчивый Гарольд Лаудер. Независимо от того, был ли он влюблен и любил ли он шоколадную карамель, Гарольд Лаудер, приобретал в глазах Ларри все большее уважение. У Ларри уже сложился свой образ этого человека. Возраст между тридцатью и сорока, высокий, загорелый, худощавый, может быть, и не очень умный в книжном смысле этого слова, но зато чрезвычайно сообразительный. Ларри усмехнулся. Дурацкое занятие представлять себе внешний облик человека, которого никогда не видел. Он никогда не оказывается таким, как ты думаешь. Все на свете знают о диск-жокее весом в три сотни фунтов, у которого голос был тонким, как кончик хлыста.

Пока Надин готовила холодный ужин, Ларри зашел в магазин и обнаружил там большой металлический бак, лом и резиновый шланг.

Я снова нашел тебя, Гарольд! Взгляните-ка на это, сержант Бриггс. Наш парень откачал себе бензина из подземного резервуара. Странно, что он не взял с собой свой шланг.

Может быть, он отрезал себе кусок, а это — остаток, инспектор Андервуд.

Ей-Богу, сержант, вы правы. Я собираюсь представить вас на повышение.

Он взял лом и резиновый шланг и подошел к крышке резервуара.

— Джо, не мог бы ты подойти на минутку и помочь мне?

Мальчик оторвался от сыра и крекеров и недоверчиво посмотрел на Ларри.

— Иди, все в порядке, — спокойно сказала Надин.

Джо подошел, слегка приволакивая ногу.

Ларри просунул лом в щель.

— Налегай на лом, и посмотрим, сможем ли мы ее поднять, — сказал он.

На секунду ему показалось, что мальчик либо не понял его, либо не захотел понять. Но потом Джо ухватился за лом и налег на него. Руки его были тонкими, но на них проступали жилистые мускулы, какие обычно бывают у рабочих из небогатых семей. Крышка немного подалась, но Ларри пока не удавалось ее подцепить.

— Ложись на лом, — сказал он.

Полудикие узкие глаза холодно скользнули по нему, а потом Джо повис на ломе, оторвав ноги от земли и налегая на него всем своим весом.

Крышка поднялась еще чуть-чуть, и Ларри смог ухватиться за нее руками. Пытаясь найти, за что зацепиться, он вдруг подумал, что если мальчик по-прежнему испытывает к нему неприязнь, то у него возник удобный случай ее проявить. Если Джо отпустит рычаг, крышка с грохотом рухнет вниз, и он лишится всех пальцев на руке, кроме больших. Ларри заметил, что и Надин это поняла. Если раньше она внимательно изучала один из мотоциклов, то теперь она смотрела на них, застыв в напряженной позе.

— Нужна помощь? — спросила Надин, и ее спокойный голос звучал чуть-чуть выше, чем обычно.

Капля пота опала Ларри в глаз, и он сморгнул. В воздухе стоял запах бензина.

— Я думаю, мы справимся, — сказал Ларри, глядя ей прямо в глаза.

Через мгновение его пальцы нащупали на обратной стороне крышки небольшую впадину. Он рванул изо всех сил, и крышка перевернулась, с глухим звоном ударившись о гудронированное покрытие. Он услышал вздох Надин и стук упавшего лома. Он вытер испарину и посмотрел на мальчика.

— Хорошая работа, Джо, — сказал он. — Если бы ты не удержал эту штуку, то оставшуюся часть моей жизни мне пришлось бы ловить мух ртом. Спасибо.

Он не ждал никакого ответа, кроме разве что невнятного мычания, но Джо произнес хрипло и с усилением:

— Пжалста.

Ларри быстро взглянул на Надин, которая ответила ему удивленным взглядом, а потом на Джо.

— Джо, ты сказал «пожалуйста»? — спросил он.

Джо энергично кивнул.

— Пжалста.

Надин протянула к нему руки, улыбаясь.

— Это хорошо, Джо. Очень, очень хорошо.

Джо подбежал к ней и позволил себя обнять в течение секунды другой. Потом он снова устоял на мотоциклы.

— Он может говорить, — сказал Ларри.

— Я знала, что он не немой, — ответила Надин. — Но удивительно узнать, что он может поправиться. Я думаю, мы оба были нужны ему. Две половинки. Он... ой, я не знаю.

Он увидел, как она покраснела, и подумал, что знает причину. Он начал просовывать резиновый шланг в дыру в цементе, и ему неожиданно пришло в голову, что его действия можно рассматривать как символическую и довольно-таки грубоватую пантомиму. Он резко поднял глаза. Она быстро отвернулась, но он успел заметить, с каким напряженным вниманием она смотрела на его действия и какой яркий румянец выступил у нее на щеках.

В груди его поднялась волна омерзительного страха, и он закричал:

— Ради Бога, Надин, смотри, куда ты едешь!

Она была целиком поглощена ручным управлением и не видела, что ее «Хонда» со скоростью пять миль в час едет прямо на сосну.

Она подняла голову, и он услышал ее удивленный возглас. Потом она повернула, но слишком резко, и упала на землю. «Хонда» заглохла.

Он побежал к ней с трепыхающимся в горле сердцем.

— С тобой все в порядке, Надин? С тобой все...

Она с трудом поднялась на ноги, глядя на свои содранные руки.

— Да, я в порядке. Какая я дура. Я не разбила мопед?

— Черт с ним с мопедом, дай мне взглянуть на твои руки.

Она протянула ему ладони, и он попрыскал на них из пластиковой бутылочки с бактином.

— Ты весь дрожишь, — сказала она.

— Это тоже к черту, — ответил Ларри несколько более грубо, чем собирался. — Послушай, может, нам все-таки поехать на велосипедах? Это опасно...

— Дышать тоже опасно, — ответила она спокойно. — Я думаю, Джо лучше поехать с тобой, по крайней мере, сначала.

— Он не...

— Я думаю, он согласится, — сказала Надин, глядя ему в глаза. — И ты тоже будешь не против.

— Ну ладно, на сегодня хватит. Уже слишком темно, и почти ничего не видно.

— Еще разок. Я где-то читала, что если лошадь сбрасывает тебя, то надо немедленно снова сесть на нее верхом.

Джо прогуливался неподалеку, поедая ежевику из мотоциклетного шлема. Он нашел множество диких кустов ежевики позади магазина и собирал ягоды, пока Надин брала свой первый урок езды.

— Наверное, ты права, — согласился Ларри покорно. — Но пожалуйста, смотри, куда ты едешь.

— Хорошо, сэр. Слушаюсь, сэр. — Она отдала честь и улыбнулась ему. У нее была красивая медлительная улыбка, которая озаряла все ее лицо. Ларри улыбнулся в ответ — больше ему ничего не оставалось. Когда улыбалась Надин, ей в ответ улыбался даже Джо.

На этот раз она сделала два круга по стоянке, а потом выехала на дорогу, повернув слишком резко и вновь заставив сердце Ларри подскочить до уровня горла. Но она проворно опустила ноги вниз, как он учил ее, поднялась на холм и скрылась из виду. Он видел, как она осторожно переключилась на вторую передачу, и услышал, как она перешла на третью за горбом холма. Потом шум мотора перешел в слабое жужжание и постепенно перестал достигать его ушей. Он стоял в сумерках, механически убивая очередного комара и чувствуя сильное беспокойство.

Джо приблизился к нему. Рот его был синим.

— Пжалста, — сказал он и улыбнулся. Ларри натянуто улыбнулся в ответ. Если она не вернется в ближайшее время, он поедет за ней. Картины того, как она лежит в канаве со сломанной шеей, зловеще плясали у него перед глазами.

Он как раз направлялся к другому мопеду, раздумывая о том, брать ли с собой Джо, когда вновь раздалось слабое жужжание, которое постепенно переросло в гул мотора, ровно работавшего на четвертой передаче. Он расслабился... слегка. С горечью он понял, что никогда не сможет быть спокойным, пока она будет ехать на этой штуке.

Она вновь появилась в его поле зрения и подъехала к нему. Передняя фара была включена.

— Неплохо, да? — Она выключила двигатель.

— А я уже собирался за тобой ехать. Я думал, ты попала в аварию.

— Частично так оно и было. — Она заметила, как он напрягся, и быстро добавила. — Я слишком медленно разворачивалась и забыла выжать сцепление. Мотор заглох.

— Ааа. Достаточно на сегодня, ладно?

— Да, — сказала она, — а то задница болит.

Он лежал под одеялами и думал, придет ли она к нему, когда Джо уснет, или ему самому пойти к ней. Он хотел ее и думал, что судя по тому, с каким видом она наблюдала за

абсурдной пантомимой с резиновым шлангом, она также хочет его. Наконец он заснул.

Ему снилось, что он заблудился на кукурузном поле. Но где-то раздавалась музыка. Звуки гитары. Джо играет на гитаре. Если он найдет Джо, с ним будет все в порядке. И он пошел на звук, время от времени переходя с одного ряда на другой, и наконец вышел на поляну неправильной формы. Там стоял небольшой домик, скорее похожий на хижину, и крыльцо его возвышалось на старых ржавых домкратах. Играл на гитаре не Джо, да это и не мог быть он. Ведь Джо держал его за левую руку, а Надин — за правую. Они шли вместе с ним. На гитаре играла старая женщина. Она исполняла спиричуэл джазового толка. Слушая ее песню, Джо улыбался. Старая женщина была чернокожей. Сидела она на крыльце. Ларри подумал, что это, наверное, самый старый человек из всех, кого он видел за свою жизнь. Но в ней было что-то, благодаря чему Ларри становилось очень хорошо, как бывало когда-то в раннем детстве, когда его мать обнимала его неожиданно и говорила: «Вот самый лучший на свете сын.»

Старая женщина кончила играть и посмотрела на них.

«Ну что ж, вот и гости пришли. Выходите, я вас вижу, мои соглядатаи.»

Они приблизились, держа друг друга за руки. Джо протянул руку и качнул лысую старую шину. Они были на крошечной полянке, на островке в море кукурузы. На север уходила покрытая грязью дорога.

«Благослови его Господь, он хорошо играет. А я уже слишком старая. Пальцы уже не такие проворные. Все дело в ревматизме. Но в 1902 году я играла в главном концертном зале штата. Я была первым чернокожим человеком, который играл там. Самым первым.»

Надин спросила, кто она такая. Они находились в каком-то заколдованном месте, где солнце остановилось за час до захода, а тень от качающейся шины будет вечно ходить из стороны в сторону по поросшей сорняками земле. Ларри хотел бы остаться здесь навсегда, вместе с семьей. Это было хорошее место. Человек без лица никогда не сможет достать их здесь. Ни его, ни Джо, ни Надин.

«Меня называют Матерью Абагейл. Думаю, я самая старая женщина в этих местах, и я до сих пор сама готовлю себе печенье. Приходите ко мне, и чем быстрее — тем лучше. Мы должны уйти, прежде чем он нас почует.»

Туча закрыла солнце. Тень от шины исчезла. Джо перестал перебирать струны, и Ларри почувствовал, как волоски встали дыбом у него на затылке. Старая женщина словно ничего не замечала.

«Прежде чем кто нас почует?» — спросила Надин, и Ларри хотел крикнуть ей, чтобы она взяла свой вопрос обратно, прежде чем они услышат ответ.

«Этот черный человек, слуга дьявола. Между нами и ним пролегают Скалистые горы, слава Богу, но они не смогут удержать его. Вот почему нам надо держаться вместе. Бог явился мне во сне и указал мне место. Но все равно нам надо спешить, спешить, насколько это в наших силах. Так что приходите ко мне. Другие тоже придут.»

«Нет, — сказала Надин испуганно. Мы едем в Вермонт, и все. Только в Вермонт — совсем небольшая поездка.»

Старая женщина посмотрела на Надин с невыразимой грустью. «Если ты не будешь осторожна, ты отправишься прямо в ад, дочь Евы. А когда ты попадешь туда, то поймешь, что там очень холодно.»

Сон раскололся на множество кусков, и сквозь образовавшиеся трещины хлынула темнота. И в этой темноте что-то подкрадывалось к нему. Оно было холодным и безжалостным, и вскоре он увидит его оскаленные в усмешке зубы.

Но прежде чем это могло случиться, он проснулся. С восхода солнца прошло полчаса, и мир был обернут в густую белую пелену тумана. Магазин выступал из тумана, как нос какого-

то странного корабля, изготовленного не из дерева, а из шлакоблоков.

Кто-то лежал рядом с ним, и он понял, что не Надин пришла к нему ночью, а Джо. Джо сосал большой палец и вздрагивал во сне так, словно его мучил какой-то свой кошмар. Ларри задумался о том, так ли уж отличаются сны Джо от его собственных... он лег на спину, уставился в белый туман и думал до тех пор, пока остальные не проснулись час спустя.

К тому времени, когда они закончили завтрак и упаковали свои рюкзаки, туман рассеялся, и можно было начинать путешествие. Как Надин и предсказывала, Джо не возражал против того, чтобы ехать позади Ларри. Собственно говоря, он влез на сиденье позади Ларри без указаний со стороны.

— Медленно, — сказал Ларри в четвертый раз. — Мы не собираемся нестись сломя голову и попасть в аварию.

— Прекрасно, — сказала Надин. — Я очень взволнована. Мы словно рыцари, выступающие в поход!

Она улыбнулась ему, но Ларри не смог улыбнуться ей в ответ. Рита Блэкмор сказала какую-то очень похожую фразу, когда они выезжали из Нью-Йорка. Это было за два дня до ее смерти.

На ленч они остановились в Эпсоме. Они ели жареную ветчину и запивали ее «фантой» как раз под тем деревом, где спал Ларри, а Джо стоял над ним с занесенным ножом. Ларри с облегчением обнаружил, что езда на мотоциклах оказалась не такой ужасной, как он предполагал. Большинство участков трассы они преодолевали в неплохом темпе, и даже в населенных пунктах им удавалось ехать по тротуарам со скоростью ходьбы. Надин чрезвычайно осторожно преодолевала слепые повороты, снижая скорость до минимума, и даже на открытых участках трассы она не понуждала Ларри ехать быстрее тридцати пяти миль в час. Он подумал, что при хорошей погоде они могут оказаться в Стовингтоне к девятнадцатому.

На ужин они остановились к западу от Конкорда, и Надин сказала, что они могут выиграть время у Лаудера и Голдсмит, поехав прямо на запад по дороге I-89.

— Там будет много заторов, — сказал Ларри с сомнением.

— Мы проберемся, — сказала она уверенно. — В худшем случае нам придется сделать крюк по объездной дороге.

После ужина они два часа проехали по I-89 и действительно наткнулись на затор. Как раз на выезде из Уорнера дорогу перегораживал автомобиль с жилым прицепом. Водитель и его жена, умершие несколько недель назад, лежали на передних сиденьях своей «Электры», как кули с зерном.

Втроем им с трудом удалось перетащить свои мопеды через погнувшуюся сцепку между машиной и прицепом. После этого они почувствовали себя слишком усталыми, чтобы ехать дальше. В эту ночь Ларри уже не размышлял о том, стоит ли ему пойти к Надин, которая унесла свои одеяла на десять футов от того места, где он расстелил свои (мальчик спал между ними). Единственное, на что он был способен в эту ночь, это быстро и крепко уснуть.

На следующий день они наткнулись на затор, который не смогли преодолеть. Посреди дороги лежал перевернутый грузовик с прицепом, в который врезалось полдюжины следовавших за ним машин. К счастью, они были всего лишь в двух милях от объездной дороги в Энфилде. Они вернулись назад, нашли нужный поворот и, чувствуя себя усталыми и обескураженными, остановились на двадцатиминутный отдых в энфилдском городском

парке.

— Чем ты занималась раньше, Надин? — спросил Ларри.

— Я была учительницей.

— В начальных классах?

— Да, в первом и во втором.

Это кое-что объясняло в ее твердом нежелании бросить Джо. По крайней мере в умственном отношении, мальчик находился на семилетнем уровне.

— Мне нравились маленькие дети, — сказала она немного грустно. — Многие из них вели себя плохо, но ни один не был окончательно испорченным. Маленькие дети — это единственная хорошая разновидность людей.

— Слегка романтическая идея, не так ли?

Она пожала плечами.

— Дети действительно хорошие. И если ты работаешь с ними, то ты поневоле становишься романтиком. Это не так уж плохо.

— А ты была замужем? Раньше? — Снова оно появилось — это просто вездесущее слово. Раньше. Всегда два слога, но в них выражено все.

— Замужем? Нет, никогда. Я самая настоящая школьная старая дева, моложе, чем я выгляжу, но старше, чем я себя ощущаю. Мне тридцать семь. — Прежде, чем он успел спохватиться, глаза его скользнули по ее волосам. Она кивнула, словно он высказал свою мысль вслух. — Преждевременная седина, — сказала она объясняющим тоном. — У моей бабушки волосы стали абсолютно белыми в сорок лет. Думаю, что продержусь лет на пять дольше.

— Где ты преподавала?

— В небольшой частной школе в Питтсфилде. Очень шикарное место. Стены, увитые плющом, и новейшее спортивное оборудование. К черту экономический спад, снова полный вперед. Автомобильный парк состоял из двух «Тандербердов», трех «Мерседесов», парочки «Линкольнов» и «Крайслера Имперяла».

— Ты, наверное, была очень хорошей учительницей.

— Думаю, да, — сказала она простодушно, а потом улыбнулась. — Сейчас это не имеет особого значения.

Он обнял ее одной рукой. Она слегка вздрогнула, и он почувствовал, как она напряглась. Плечо ее было теплым.

— Не надо, — сказала она стеснительно.

— Ты не хочешь?

— Нет, не хочу.

Он озадаченно убрал свою руку. Она *хотела*, чтобы он обнял ее. Он чувствовал, мягкие, но вполне отчетливые волны исходящего от нее желания. Она сильно покраснела и безнадежно смотрела вниз на свои руки, которые суетились у нее на коленях, как пара искалеченных пауков. Глаза ее сверкали так, словно она была готова разрыдаться.

— Надин...

Она подняла на него глаза, и он увидел, что она справилась с подступавшими слезами. Она как раз собиралась что-то сказать, когда подошел Джо с гитарой в руке. Они посмотрели на него смущенно, словно он застал их за чем-то более личным, чем обыкновенная беседа.

— Леди, — сказал Джо.

— Что? — удивленно спросил Ларри, не очень хорошо понимая, в чем дело.

— Леди! — повторил Джо и указал большим пальцем через плечо.

Ларри и Надин переглянулись.

Неожиданно раздался четвертый голос, пронзительный и захлебывающийся от волнения. — Слава небесам! — закричал он. — Ооо, слава небесам!

Они встали и увидели женщину, бегущую по улице по направлению к ним. Она улыбалась и плакала одновременно.

— Как я рада, — сказала она. — Как я рада видеть вас, слава небесам...

Она пошатнулась и упала бы в обморок, если бы Ларри не поддержал ее. На вид ей было лет двадцать пять. Одета она была в джинсы и простую белую хлопчатобумажную блузку. Лицо ее было бледным, а ее голубые глаза неестественно застыли, уставясь в одну точку. Они смотрели на Ларри, словно пытаясь убедить расположенный за ними мозг, что это не галлюцинация, что эти три человека на самом деле находятся здесь.

— Я Ларри Андервуд, — сказал он. — Леди зовут Надин Кросс. Мальчика зовут Джо. Мы счастливы повстречаться с вами.

Какое-то время женщина продолжала беззвучно поедать его глазами, а потом медленно подошла к Надин.

— Я так рада... — начала она, — ...так рада встретить вас. Она запнулась. — Боже мой, неужели вы действительно люди?

— Да, — сказала Надин.

Женщина обняла Надин и зарыдала. Джо подошел к Ларри и посмотрел на него. Ларри взял его за руку. Так они и стояли вдвоем и пристально наблюдали за женщинами.

Вот как они повстречались с Люси Сванн.

Когда они сказали ей, куда они направляются и что у них есть надежда найти там по крайней мере двух других людей, а может быть, и больше, она немедленно захотела ехать с ними. В энфилдском магазине спортивных товаров Ларри нашел для нее среднего размера рюкзак, и Надин пошла с ней в ее дом на окраине города, чтобы помочь ей уложить... две смены одежды, кое-какое белье, запасную пару туфель, плащ. И фотографии мужа и дочери.

В тот вечер они разбили лагерь в городке под названием Кечи, расположенном на границе с Вермонтом. Люси Сванн рассказала им историю, которая была не слишком длинной и вряд ли отличалась от других историй, которые им еще предстояло услышать.

Ее муж заболел двадцать пятого июня, а ее дочь — на следующий день. Она ухаживала за ними со всем рвением, на которое была способна, будучи уверенной в том, что вскоре сама свалится с хрипами (так они называли болезнь в этом уголке Новой Англии). К двадцать седьмому числу, когда ее муж впал в состояние комы, Энфилд оказался почти отрезанным от окружающего мира. Люди умирали, как мухи. За предыдущую неделю они насмотрелись на какие-то чрезвычайные перемещения войск вдоль заставы, но никому не было дела до такого маленького местечка, как Энфилд, штат Нью-Хемпшир. Рано утром двадцать восьмого июня умер ее муж. Ее дочери, похоже, стало немного лучше двадцать девятого, но вечером произошел резкий поворот к худшему. Она умерла около одиннадцати. К третьему июля все жители Энфилда, кроме нее и старика по имени Билл Даддс, умерли. Люси сказала, что Билл был болен, но потом с виду совершенно оправился. Утром в День Независимости она нашла труп Билла на Главной улице, такой же распухший и почерневший, как и все остальные.

— Я похоронила своих, а заодно и Билла, — сказала она, когда они сидели перед потрескивающим костром. — Это заняло целый день, но тела их обрели покой. А потом я подумала, что надо, пожалуй, отправиться в Конкорд, где живут мои родители. Но я... все как-то не могла собраться. — Она вопросительно посмотрела на них. — Как вы думаете, я была неправа? Могли они остаться в живых?

— Нет, — сказал Ларри. — Невосприимчивость к болезни не связана с

наследственностью. Моя мать... — Он посмотрел в костер.

— Уэс и я, мы должны были пожениться, — сказала Люси. — Это было тем летом, когда я закончила школу, в 1984 году. Родители не хотели, чтобы я выходила за него замуж. Они хотели, чтобы я уехала из города, родила ребенка и отказалась от него. Но я этого не хотела. Мама сказала, что это кончится разводом. Папа, сказал, что Уэс — ненадежный человек, и он будет постоянно мне изменять. Я просто ответила: «Поживем — увидим». Я хотела испытать судьбу. Вы меня понимаете?

— Да, — ответила Надин. Она сидела рядом с Люси и смотрела на нее с нежным сочувствием.

— У нас был симпатичный маленький домик, и я никогда не думала, что все это может вот так окончиться, — сказала Люси со вздохом, больше напоминаям сдвленное рыдание. — Мы так хорошо жили втроем. Уэс остепенился, но не из-за меня, а скорее из-за Марси. Для него просто свет клином на ней сошелся. Для него...

— Не надо, — сказала Надин. — Все это было раньше.

Снова это слово, — подумал Ларри. Это короткое, двухсложное слово.

— Да. Теперь это все в прошлом. И я думаю, что могу начать жить заново. Так и было до тех пор, пока я не начала видеть все эти плохие сны.

Ларри вздрогнул.

— Сны?

Надин смотрела на Джо. Еще секунду назад он дремал у костра. Теперь он смотрел на Люси, и глаза его горели.

— Плохие сны, кошмары, — сказала Люси. — Не всегда они повторяются, но обычно меня преследует какой-то человек, и я никогда не могу точно разглядеть его, потому что он с ног до головы завернут в плащ. И он все время находится в тени. — Она поежилась. — Мне даже страшно стало засыпать. Но теперь, может быть, я...

— Челный челаек! — вскрикнул Джо так яростно, что они буквально подпрыгнули от неожиданности. Он вскочил на ноги и, скрючив пальцы, вытянул вперед руки, словно миниатюрная копия Бела Лугоши. — Челный челаек! Плохие сны! Гонится! Гонится за мной! — Он прижался к Надин и опасно уставился в темноту.

Наступило молчание.

— Это безумие, — сказал Ларри и запнулся. Все смотрели на него. Внезапно темнота показалась еще более темной, а Люси снова стала выглядеть испуганной.

Ларри заставил себя продолжить.

— Люси, тебе никогда не снились сны о... ну, об одном месте в Небраске?

— Как-то раз мне приснился сон о старой негритянке, — сказала Люси, — но он был коротким. Она сказала мне что-то вроде того, чтобы я приходила повидать ее. А потом я снова оказалась в Энфилде, и... этот жуткий парень гнался за мной. Потом я проснулась.

Ларри посмотрел на нее таким долгим взглядом, что она покраснела и опустила глаза.

Он посмотрел на Джо.

— Джо, тебе когда-нибудь снился сон о... ну, кукурузе? О старой женщине? О гитаре?

Джо ничего не ответил и только посмотрел на него.

— Оставь его в покое, ты только сильнее его расстроишь, — сказала Надин.

Ларри поразмыслил.

— Дом, Джо? Маленький дом с крыльцом на домкратах?

Ему показалось, что в глазах у Джо он заметил блеск.

— Прекрати, Ларри! — сказала Надин.

— Качели, Джо? Качели из шины?

Джо неожиданно рванулся из объятий Надин. Он вынул большой палец изо рта. Надин попыталась удержать его, но он вырвался.

— Качели! — возбужденно сказал Джо. — Качели! Качели! — Он отбежал от них в сторону и показал сначала на Надин, а потом на Ларри. — Она! Ты! Много!

— Много? — переспросил Ларри, но Джо уже успокоился.

У Люси Сванн был удивленный вид.

— Качели, — сказала она. — Я тоже их помню. — Она посмотрела на Ларри. — Почему у нас одни и те же сны? Кто-то облучает нас волнами?

— Я не знаю. Он посмотрел на Надин. — Ты тоже все это видела?

— Мне не снятся сны, — ответила она резко и тут же опустила глаза. Он подумал: — Ты лжешь. Но почему?

— Надин, если ты... — начал он.

— Я же сказала тебе, что мне не снятся сны! — закричала она пронзительным, истерическим голосом. — Почему ты не можешь оставить меня в покое? Зачем ты изводишь меня?

Она встала и отошла от костра.

Люси неуверенно посмотрела ей вслед, а потом тоже поднялась на ноги.

— Я пойду к ней.

— Хорошо. Джо, останешься со мной, о'кей?

— Кей, — сказал Джо и начал расстегивать футляр с гитарой.

Люси вернулась с Надин через десять минут. Обе они были заплаканы, но Ларри заметил, что теперь между ними установились хорошие отношения.

— Извините меня, — сказала Надин Ларри.

— Ничего страшного.

Больше эта тема не поднималась. Они сидели и слушали, как Джо исполняет свой репертуар. Он делал большие успехи, и теперь наряду с мычанием и похрюкиванием изо рта у него вылетали отдельные слова.

Наконец они улеглись спать: Ларри с одного конца, Надин с другого, а Джо и Люси посередине.

Сначала Ларри приснился сон о черном человеке на возвышении, а потом о старой негритянке на крыльце. Но в этом сне он знал, что черный человек идет за ним по кукурузному полю с прилипшей к его лицу ужасной усмешкой.

Ларри проснулся среди ночи, задыхаясь от ужаса. Остальные спали, как убитые. Черный человек шел за ним не с пустыми руками. С собой он нес полуразложившееся и распухшее тело Риты Блэкмор. Он почувствовал непреодолимое желание броситься к его ногам, выкрикнуть свою вину и смиренно признать, что никакой он не симпатичный парень, что он неудачник, что он создан для того, чтобы брать.

Наконец он снова заснул. Других снов в эту ночь ему видеть не пришлось.

— О Господи, — опустошенно сказала Надин. Ларри посмотрел на нее и увидел в ее глазах такое глубокое разочарование, при котором не помогают даже слезы. Лицо ее побледнело, а прекрасные глаза затуманились и стали смотреть в одну точку.

Было четверть восьмого утра девятнадцатого июля, и тени их были еще очень длинными. Они ехали целый день и лишь несколько раз останавливались для короткого пятиминутного отдыха. На ленч в Рэндольфе у них ушло всего полчаса. Никто из них не жаловался, хотя после шести часов непрерывной езды на мопеде тело Ларри онемело, и он

чувствовал себя так, словно в него вонзили множество иголок.

Теперь они стояли рядом перед металлическим забором. Внизу под ними расстился город Стовингтон, вид которого не слишком изменился с тех пор, как Стью Редман смотрел на него в последние два дня своего заточения. За забором и лужайкой, которая когда-то выглядела аккуратно, а теперь заросла и была усыпана листьями и ветками, занесенными сюда ветром во время слеполуденных гроз, стояло само здание высотой в три этажа. Ларри предположил, что большая часть его скрыта под землей.

Место было пустынным и тихим.

В центре лужайки была надпись:

**СТОВИНГТОНСКИЙ ЦЕНТР ПО ИЗУЧЕНИЮ ЧУМЫ ЭТО ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ!**

ПОСЕТИТЕЛИ ДОЛЖНЫ ОТМЕТИТЬСЯ НА ГЛАВНОЙ ПРОХОДНОЙ

Внизу была еще одна надпись, и на нее-то они и смотрели:

**ПО ШОССЕ N7 ДО РУТЛАНДА ПО ШОССЕ N4 ДО ШУЙЛЕРВИЛЛЯ ПО ШОССЕ N29 ДО
I-87 ПО I-87 НА ЮГ ДО I-90 ПО I-90 НА ЗАПАД ЗДЕСЬ ВСЕ МЕРТВЫ МЫ ЕДЕМ НА ЗАПАД В
НЕБРАСКУ СЛЕДУЙТЕ ЗА НАМИ СЛЕДИТЕ ЗА НАДПИСЯМИ ГАРОЛЬД ЭМЕРИ ЛАУДЕР
ФРЭНСИС ГОЛДСМИТ СТЮАРТ РЕДМАН ГЛЕНДОН ПЕКВОД БЭЙТМЕН 8 ИЮЛЯ 1990 ГОДА**

— Гарольд, дружище, — пробормотал Ларри. — Мне не терпится пожать тебе руку и купить тебе пива... или шоколадной карамели.

— Ларри! — вскрикнула Люси.

Надин потеряла сознание.

Без двадцати одиннадцатый двадцатого июля она вышла на веранду, неся с собой кофе и тосты. Стояла середина лета, самого прекрасного лета, которое Матушка Абагейл могла припомнить с 1955 года, когда ее мать умерла в возрасте девяноста трех лет. Жаль, что нет больше людей, чтобы наслаждаться им, — подумала она, осторожно усаживаясь в качалку без подлокотников. Но наслаждались ли они когда-нибудь летом? Некоторые, конечно, да: молодые влюбленные и старики, чьи кости помнили смертельные объятия зимы. Но теперь почти все они умерли. Бог послал на людей тяжелую кару.

Кто-то, может быть, и стал бы утверждать, что эта кара несправедлива, но не Матушка Абагейл. Когда-то Он сделал это с помощью воды, а когда-нибудь он сделает это с помощью огня. Кто она такая, чтобы судить Бога?

Она размочила тост в кофе, чтобы он стал достаточно мягким. Шестнадцать лет назад она распрощалась со своим последним зубом. Беззубой она вышла из утробы матери, и беззубой она ляжет в могилу.

Она была старой и слабой, но ум ее работал исправно. Абагейл Фримантл, таким было ее имя, родилась в 1882 году. За всю свою жизнь она видела много всякой всячины, но ничто из этого не могло сравниться с событиями последнего месяца. Она была старой. Ей хотелось отдыхать, наслаждаясь сменой времен года до тех пор, пока Бог не устанет смотреть на ее жизнь и решит упокоить ее в вечных селениях. Но что толку просить Его об этом? Когда Его собственный Сын просил отвести чашу сию от Его губ, Бог не ответил. А ведь она была обыкновенной грешницей, но по ночам, когда ветер свистел в рядах кукурузы, ее пугала мысль о том, что в 1882 году Бог посмотрел с небес на новорожденную девочку и сказал самому Себе: «Я сделаю так, что она будет долго жить. У нее будет одно дело в 1990 году, на другой стороне целой горы листков из отрывного календаря.»

Время пребывания ее здесь, в Хемингфорд Хоуме, подходило к концу, а последнее ее дело ждало ее на западе, неподалеку от Скалистых гор. Он заставил Моисея взбираться на горы, а Ноя — строить ковчег. Он видел Своего собственного Сына распятым. Так неужели же он будет обращать внимание на то, как отчаянно боится Эбби Фримантл человека без лица, который крадет за ней в ее снах?

— Ну что ж, леди, — сказала она самой себе и положила в рот последний кусок тоста. Она раскачивалась взад и вперед и попивала кофе. Стоял солнечный, прекрасный денек, у нее ничего не болело, и она прочла краткую благодарственную молитву. Бог велик. Бог добр, — даже самый маленький ребенок может выучить эти слова, а в них сосредоточен весь мир, все добро и все зло.

— Бог велик, — сказала Матушка Абагейл, — Бог добр. Благодарю тебя за солнечный свет. За кофе. За то, что вчера у меня прекрасно подействовал живот. Бог велик...

Она почти допила кофе, поставила чашку на пол и стала раскачиваться на качалке, повернув лицо к солнцу. Постепенно она погрузилась в дремоту и уснула. Ее сердце, стенки которого были теперь не толще папиросной бумаги, продолжало биться точно так же, как и в предшествующие 39630 дней.

Губы ее продолжали улыбаться.

С тех пор, когда она была девочкой, времена действительно сильно изменились. Фримантлы поселились в Небраске после того, как перестали быть рабами. Эбби, последний ребенок в семье, родилась прямо здесь, в их новом доме в Хемингфорд Хоуме. Ее отец взял

верх и над теми, кто не хотел ничего покупать у негров, и над теми, кто не хотел им ничего продавать. Он купил участок земли немного в стороне, чтобы не встревожить тех, кто твердил о нашествии черномазых ублюдков. Он был первым человеком в округе Полк, который применил севооборот и химические удобрения. В марте 1902 года Гэри Сайтс пришел к ним домой сообщить, что Джона Фримантла приняли в ассоциацию фермеров. Он был первым чернокожим во всей Небраске, принятым в ассоциацию.

И понемногу соседи стали относиться к нему неплохо. Не все, конечно, не такие бешеные, как Бен Конвей со своим единоутробным братом, не Арнольдсы и не Диконы, но остальные стали смотреть на него иначе. В 1903 году они обедали у Гэри Сайтса со всей его семьей, прямо в гостиной, как белые люди.

А в 1902 году Абагейл играла на гитаре в зале фермерской ассоциации, причем не на негритянском концерте, а на настоящем показательном концерте для белых, который устраивался в конце года. Ее мать была категорически против. Это был один из тех немногих случаев, когда она открыто выступила против отца в присутствии детей (правда, дети к тому времени весьма и весьма приблизились к среднему возрасту, да и у самого Джона волосы почти полностью поседели).

— Я знаю, как это было, — сказала она в слезах. — Ты, Сайтс и этот Фрэнк Феннер вместе все это придумали. С них спроса нет, Джон Фримантл, но у тебя-то что в голове творится? Они же белые. Ты можешь говорить с ними о пахоте на заднем дворе. Ты даже можешь попить с ними пива, если Нейт Джексон пустит тебя в свой салун. Прекрасно! Никто лучше меня не знает, что тебе пришлось вынести за последние годы. Я знаю, что тебе приходилось улыбаться, когда внутри тебя все горело. Но сейчас речь идет о другом! Речь идет о твоей собственной дочери! Что ты скажешь, если она поднимется на сцену в своем хорошеньком белом платьице, а они станут смеяться над ней? Что ты будешь делать, если они станут швырять в нее гнилые помидоры? И что ты ответишь ей, если она подойдет к тебе, испачканная с ног до головы в этих помидорах, и спросит: «Почему, папочка? Почему они это сделали и почему ты позволил им это сделать?»

— Ну, Ребекка, — ответил Джон, — мне кажется, мы должны предоставить это ей и Дэвиду.

Дэвид был ее первым мужем. В 1902 году Абагейл Фримантл превратилась в Абагейл Троттс. Дэвид Троттс был чернокожим батраком.

Итак, 27 декабря 1902 года, уже три месяца беременная своим первенцем, она поднялась на сцену зала фермерской ассоциации в окружении мертвой тишины, которая воцарилась вокруг, после того как ведущий объявил ее имя.

Она стояла в этой вязкой тишине, зная, как выглядит ее черное лицо над новым белым платьем, сердце ее бешено стучало, и она думала: Я забыла все слова, все до одного, я обещала папочке, что ни за что не заплачу, но Бен Конвей завопит ЧЕРНОМАЗАЯ, и тогда, наверное, я заплачу. Господи, и зачем я во все это ввязалась? Мама была права, я слишком высоко вознеслась, и я заплачу за это.

Зал был полон белыми пятнами лиц, напряженно уставившихся на нее. Не было ни одного свободного кресла, а в самом конце зала стояло два ряда тех, кому не хватило места. Керосиновые лампы освещали зал неровным пламенем. Красные бархатные занавески были подвязаны золотыми шнурами.

И она подумала: Меня зовут Абагейл Фримантл Троттс, я хорошо играю и хорошо пою; я знаю это не с чужих слов.

И она запела «Старый шершавый крест», тихо наигрывая мелодию на гитаре. Потом она более энергично исполнила «Как я люблю своего Иисуса», а затем уже в полную силу сыграла

«Пикник в Джорджии». Люди в зале, раньше сидевшие абсолютно неподвижно, начали раскачиваться почти что против своей воли. Некоторые улыбались и хлопали себя по коленкам.

Она спела подборку песен Гражданской войны: «Когда Джонни марширует домой», «Поход через Джорджию» и «Арахисовые орешки» (во время последней песни в зале заулыбались; многим из зрителей, бывшим ветеранам республиканской армии, не раз приходилось есть на службе один арахис). Она закончила «Возвращением на старую стоянку», и после того, как последний аккорд растворился в тишине, она подумала: Ну а теперь, если вам приспичило бросить в меня ваши помидоры или что там у вас припасено, то прошу вас начинать. Я играла и пела так хорошо, как никогда в жизни, и это на самом деле было прекрасно.

Когда последний аккорд растворился в тишине, в зале на один долгий, почти волшебный миг воцарилось полное молчание, словно люди, сидевшие в креслах и стоявшие в конце зала унесли куда-то далеко, так далеко, что сразу не найти дороги обратно. Потом разразились аплодисменты и нахлынули на нее продолжительной, непрерывной волной, от которой она покраснела и почувствовала себя смущенной. Ей стало жарко, и мурашки побежали у нее по телу. Она увидела свою мать, которая плакала, не скрывая этого, и своего отца, и Дэвида, который глядел на нее сияющими глазами.

Тогда она попыталась уйти со сцены, но повсюду раздались крики «Бис! Бис!», и с улыбкой она сыграла «Кто-то копал мою картошку». Песенка была совсем чуть-чуть непристойной, но она решила, что может себе это позволить. В конце концов она была замужней женщиной.

Кто-то копал мою картошку И оставил ее у меня в закромах И в беде оказалась невинная крошка А приятель ее пропадает в бегах.

Там было еще шесть подобных куплетов (а некоторые даже еще позабористее), и она пропела их один за другим, и в конце каждого из них раздавался все более оглушительный хохот одобрения. А позднее она подумала о том, что если она и совершила какую-нибудь ошибку в тот вечер, то она заключалась как раз в исполнении этой песни. Это была именно та песня, которую они ожидали услышать от черномазой.

Она закончила под громоподобную овацию и новые крики «Бис!» Она вновь поднялась на сцену, и когда толпа затихла, она сказала:

— Большое спасибо всем вам. Я надеюсь, вы не сочтете меня выскочкой, если я попрошу у вас разрешения спеть еще одну, последнюю песню, которую я специально разучивала, но никогда не думала, что буду петь ее здесь. Но это одна из лучших песен, которые я знаю, и в ней говорится о том, что президент Линкольн и эта страна сделали для меня и моих близких, еще когда меня не было на свете.

Они сидели теперь очень тихо и слушали внимательно. Члены ее семьи обратились в камень. Они сидели рядом с левым проходом, словно пятно от ежевичного варенья на белом носовом платке.

— В ней говорится о том, что случилось в самой середине Гражданской войны, — продолжала она ровно, — о том, что позволило моей семье приехать сюда и жить рядом с чудесными соседями, которых послал нам Бог.

Потом она заиграла и запела «Звездно-полосатый флаг», и все встали со своих мест и слушали. Многие полезли в карман за платками, а когда она кончила, раздались такие аплодисменты, что здание чуть не рухнуло.

Это был лучший день в ее жизни.

В следующие дни у нее было много работы, так как она ждала гостей. Какие бы ужасные сны ей ни снились, какой бы усталой она себя ни чувствовала, она никогда не пренебрегала гостями и не собиралась делать этого и сейчас. Но ей надо действовать очень медленно, иначе она обо всем позабудет и все перепутает, а кончит тем, что будет гоняться за своим собственным хвостом.

Во-первых, надо будет наведаться в курятник к Эдди Ричардсону, а это приличное расстояние, четыре или пять миль. Она поймала себя на мысли о том, что пошлет ли ей Бог орла, чтобы пролететь эти четыре мили, или же ее подвезет Илья на огненной колеснице.

— Богохульство, — сказала она себе благодушно. — Господь посылает силу, а не такси.

Помыв свою немногочисленную посуду, она надела тяжелые башмаки и взяла с собой трость. До сих пор она пользовалась ей очень редко, но сегодня трость ей понадобится. Четыре мили туда, четыре обратно. В шестнадцать лет туда она могла нестись сломя голову, а обратно бежать трусцой, но это было очень давно.

Она отправилась в путь в восемь часов утра, надеясь на то, что к полудню она дойдет до фермы Ричардсонов и сможет поспать в самые жаркие часы дня. В конце дня она свернет шею курам и пойдет домой в сумерках. Она не сможет вернуться до темноты. Это соображение заставило ее вспомнить о своем вчерашнем сне. Но черный человек еще далеко. Гости гораздо ближе.

Она шла очень медленно. Даже в половину девятого солнце палило. Когда она дошла до почтового ящика Гуделлов, то почувствовала, что ей надо отдохнуть. Ни орла, ни такси видно не было. Господь помогает тем, кто помогает себе сам. Она чувствовала, как суставы ее настраиваются; ночью они устроят концерт.

Время шло, и ее тень становилась все короче и короче. За это утро она видела столько диких зверей, сколько ей не встречалось за все те годы, которые прошли с начала двадцатых. Если бы она слышала, как Стью Редман и Глен Бэйтмен обсуждают странную — это им она казалась странной — избирательность супергриппа в отношении животных, она бы расхохоталась. Болезнь убила домашних животных и оставила диких — вот и все. Несколько видов домашних животных сохранилось, но как правило, болезнь уничтожала человека и его лучших друзей. Она уничтожила собак и сохранила волков, потому что волки были дикими, а собаки — нет.

Все тело ее болело. Она шла и разговаривала со своим Богом, иногда про себя, иногда вслух, не ощущая разницы между первым и вторым. И вновь она начала думать о прошлом. Конечно, 1902 год был лучшим. После этого время пошло быстрее, и страницы какого-то огромного и толстого отрывного календаря шелестели и шелестели, почти не задерживаясь на месте. Жизнь тела пролетела так быстро... как это оно умудрилось так устать за такой короткий срок?

От Дэвида Троттса у нее было пять детей. Одна из них, Мэйбелл, подавилась яблоком и задохнулась на заднем дворе Старого Дома. Эбби развешивала одежду, а когда она обернулась, то увидела, как девочка лежала на спине, царапая ногтями горло и наливаясь кровью. Ей удалось наконец извлечь кусок яблока, но к тому времени крошка Мэйбелл уже стала неподвижной и холодной. Из всех детей Эбби она была единственной девочкой и единственным ребенком, погибшим от несчастного случая.

Дэвид умер в 1913 году от гриппа, который не слишком отличался от нынешнего. В 1916 году, когда ей было тридцать четыре, она вышла замуж за Генри Хардсти, чернокожего фермера из округа Уилер на севере. Он специально приезжал ухаживать за ней. Генри был вдовцом с семью детьми, но пятеро из них уже выросли и уехали из родных мест. Он был на

семь лет старше Абагейл. Он успел стать отцом еще двух детей, прежде чем в конце лета 1926 года его придавил перевернувшийся трактор.

Через год она вышла замуж за Нейта Брукса, и люди начали сплетничать

— да, люди сплетничают, как они это любят! Иногда даже кажется, что это их единственное любимое занятие.

Нейт был наемным работником у Генри Хардсти и оказался ей хорошим мужем. Возможно, не такой милый, как Дэвид, и уж конечно не такой упорный, как Генри, но неплохой человек, который во многом слушался ее советов.

Шестеро ее мальчиков принесли урожай из тридцати двух внуков и внучек. Тридцать два внука и внучки в свою очередь произвели на свет девяносто одного правнука и правнучку, а к началу эпидемии у нее уже пошли праправнуки и праправнучки.

Теперь ей уже была видна сверкавшая на солнце крыша курятника. Миля, не больше. Было четверть одиннадцатого. Неплохой темп для такой немолодой барышни. Она зайдет внутрь и проспит до конца жары. В этом нет никакого греха. В ее-то возрасте.

Да, потомства на старости лет у нее было достаточно. Были среди них такие, вроде Линды и безымянного коммивояжера, за которого она вышла замуж, кто не заглядывал к ней, но были и такие, как Молли и Джим, Дэвид и Кэти, которые стоили тысяч Линд с их безымянными муженьками, которые ходили от двери к двери, продавая кастрюли-скороварки. Последний из ее братьев. Люк, умер в 1949 году в возрасте восьмидесяти с чем-то лет, а последний из ее детей, Сэмуэл, в 1974 в возрасте пятидесяти четырех. Она пережила всех своих детей, и в этом было что-то неестественное, но, очевидно, у Бога на нее были свои планы.

В 1982 году, когда ей исполнилось сто лет, ее фотографию поместили в омахской газете и прислали к ней телерепортера, чтобы он отснял о ней сюжет.

— Чем вы можете объяснить, что дожили до такого преклонного возраста?

— спросил ее молодой человек.

Он был очень разочарован ее кратким ответом: «Божьей волей». Им хотелось услышать от нее про то, как она ела пчелиный воск, или воздерживалась от жареной свинины, или клала ноги на возвышение во время сна. Но она ничего подобного не делала, и зачем ей было лгать? Бог дает жизнь и забирает обратно, когда захочет.

Кэти и Дэвид подарили ей телевизор, чтобы она смогла увидеть себя на экране, а президент Рейган написал ей письмо, поздравив ее с «преклонным возрастом» и с тем фактом, что она голосовала за республиканцев всю свою жизнь, с тех пор как у нее появилось право голоса. Ну а за кого было ей еще голосовать? Рузвельт и его окружение были коммунистами.

Когда ей исполнилось сто лет, городской совет Хемингфорд Хоума «навечно» избавил ее от налогов в связи с тем самым «преклонным возрастом», с которым поздравлял ее Рональд Рейган. Ей выдали справку, что она самый старый человек во всей Небраске. С налогами, однако, это они хорошо придумали, хотя все остальное и было полной ерундой. Если бы они не сделали этого, она потеряла бы оставшийся у нее клочок земли. Большая часть земли была потеряна уже давным-давно. Владения Фримантлов и сила фермерской ассоциации достигли пика в волшебный 1902 год, а с тех пор постепенно стали приходить в упадок. У нее осталось только четыре акра. Все остальное либо пошло в счет уплаты налогов, либо было продано из-за нехватки денег... и ей стыдно было в этом признаться, но большинство продаж осуществили ее собственные сыновья.

Она дошла до фермы Ричардсонов. У нее было ощущение, что она может проспать века. Но прежде чем она позволит себе это, ей надо сделать еще одно дело. Столько животных умерло от этой болезни — лошади, собаки, крысы, — и ей надо было узнать, постигла ли кур

та же судьба.

Она зашаркала к курятнику, который был пристроен к коровнику, и остановилась, услышав внутри их кудахтанье. Через секунду сердито закукарекал петух.

— Все в порядке, — пробормотала она.

В тот момент, когда она поворачивалась, чтобы вернуться к дому, она увидела распростертое рядом с поленницей тело. Это был Билл Ричардсон, сводный брат Эдди. Он был сильно обглодан лакомившимися животными.

— Бедняга, — сказала Абагейл. — Бедняга. Хоры ангелов отпоют тебя.

Она снова повернулась к прохладному, приветливому дому. Казалось, ей надо было пройти многие мили, хотя на самом деле ей предстояло всего лишь пересечь двор. Но она не была уверена, что дойдет; она чувствовала себя абсолютно вымотанной.

— Помоги Господь, — сказала она и отправилась в путь.

Солнце светило в окно спальни для гостей, где она легла и уснула, едва лишь скинув с ног тяжелые башмаки. Долгое время она не могла понять, почему вокруг так светло.

— Господь Всемогущий, я проспала весь день и всю ночь подряд!

Как же она, должно быть, устала. Тело ее так ныло, что встать ей удалось только через десять минут. Еще десять минут потребовалось на то, чтобы обуться. Ходьба была мукой, но она знала, что ей надо идти.

Хромая и спотыкаясь, она подошла к курятнику и зашла внутрь, поморщившись от невероятной жары и неизбежного запаха разложения. Подача воды осуществлялась автоматически из артезианского колодца, но почти весь корм подошел к концу, да и жара убила многих. Слабейшие уже давным-давно погибли от голода или была заклеваны. Их трупы лежали на грязном полу, словно небольшие сугробы тающего снега.

Она выбрала трех самых жирных куриц-несушек и заставила их засунуть головы под крыло. Они немедленно уснули. Она положила их в торбу, а потом обнаружила, что не может поднять такую тяжесть, и ей придется тащить ее по полу.

Было уже почти девять часов утра. Она села на скамеечку и задумалась. Ей по-прежнему казалось, что лучше всего идти домой в прохладе сумерек, как она и намеревалась. Она потеряет день, но ведь гости все еще в пути.

Мышцы ее уже немножко отошли и она ощутила незнакомое, но довольно приятное ноющее чувство под грудиной. Ей потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что это за чувство... она проголодалась! Этим утром она действительно была голодна, слава Богу, а ведь сколько времени прошло с тех пор, когда она в последний раз ела не просто по привычке. Она была всего лишь кочегаром, подбрасывающим уголь в топку локомотива, не более. Но когда она отрубит этим курам головы, она посмотрит, что там у Эдди осталось в кладовке, и с удовольствием поест. Вот видишь? — наставительно спросила она у самой себя. Господь все устроил к лучшему. Блаженная уверенность, Абагейл, блаженная уверенность.

Кряхтя и отдуваясь, она подтащила торбу с курами к колоде для рубки мяса, которая стояла между коровником и дровяным сараем. Она развязала торбу и посмотрела внутрь. У одной из куриц голова по-прежнему была засунута под крыло, и она крепко спала. Двое других прижались друг к другу и почти не двигались. В торбе было темно, и они решили, что сейчас ночь. Тупее курицы может быть только нью-йоркский демократ.

Абагейл вытащила одну курицу и положила ее на колоду, прежде чем она успела сообразить, что происходит. Она опустила топорик. Голова упала в пыль. Безголовая курица важной походкой прошла по двору Ричардсонов, махая крыльями и разбрызгивая кровь.

Через некоторое время она обнаружила, что мертва, и смиренно улеглась на землю. Курицы и нью-йоркские демократы — Господи, Господи!

Работа была завершена, и все ее страхи, что она не справится или повредит себе руку оказались в прошлом. Бог услышал ее молитвы. Три жирных курицы, а теперь ей остается только донести их до дома.

Она положила птиц обратно в торбу и повесила на место топорик. Потом она отправилась на поиски еды.

Днем она подремала, и ей приснился сон, что ее гости приближаются. Сейчас они были немного к югу от Нью-Йорка и ехали на старом пикапе. Их было шестеро, и одним из них был глухонемой юноша. Но в нем была сила. Он был одним из тех, с кем ей надо будет поговорить.

Она проснулась около половины четвертого, чувствуя себя отдохнувшей и освеженной. В течение следующих двух с половиной часов она ощипывала цыплят. Во время работы она пела гимны: «Семь городских ворот», «Веруй и повинуйся» и свой любимый гимн «В саду».

Когда она кончила ощипывать последнего цыпленка, дневной свет начал приобретать тот спокойный золотистый оттенок, который указывает на приближение сумерек. Конец июля, дни снова становятся короче.

Она зашла в дом и еще немного поела. Хлеб был черствым, но не заплесневел. Никогда плесень не смела показать свою зеленую рожу в кухне у Эдди Ричардсона. А еще она нашла полбанки арахисового масла. Она съела сэндвич, приготовила еще один и положила его в карман платья на случай, если снова проголодается.

Было без двадцати семь. Она снова вышла во двор, завязала торбу и осторожно спустилась с крыльца. Потом она тяжело вздохнула и сказала:

— Я иду, Господь. Направляюсь домой. Я буду идти медленно и не думаю, что доберусь до полуночи, но в Библии написано, что мы не должны страшиться ни ужасов ночи, ни ужасов дня. Я исполняю Твою волю, насколько это в моих силах. Прошу Тебя, иди рядом со мной. Во имя Иисуса, аминь.

Когда дорога с гудронным покрытием перешла в грунтовую, было уже совсем темно. Где-то пели кузнечики и квакали лягушки. Скоро должна была подняться луна, большая и красная, как кровь.

Она присела отдохнуть и съела половину своего арахисового сэндвича. Тело ее вновь болело, и, казалось, все ее силы истощились, а идти еще оставалось около двух с половиной миль... но она чувствовала странное возбуждение. Сколько лет прошло с тех пор, когда она гуляла одна ночью под балдахином звезд? Они были такими же яркими, как всегда, и если ей повезет, то она сможет заметить падающую звезду и загадать желание. Теплая ночь, звезды, красная луна над самым горизонтом, — все это вновь навело ее на мысли о ее девичестве. Да, когда-то она была девушкой. Некоторые люди неспособны были в это поверить, точно так же, как не могли они поверить и в то, что гигантская секвойя когда-то была зеленым ростком.

Кто-то резко дернул ее за торбу, и сердце ее упало.

— Эй! — вскрикнула она старческим, надтреснутым голосом. Она потянула торбу на себя и заметила внизу рваную дыру.

Раздалось глухое ворчанье. Между усыпанной гравием обочиной и кукурузой изогнулась большая бурая ласка. Она смотрела на нее, и в ее глазах мерцали красные лунные блики, К ней присоединилась еще одна. И еще. И еще.

Она посмотрела на другую сторону дороги и увидела, что вдоль обочины выстроился ряд ласок. Они учуяли запах кур в ее торбе. Откуда их столько?

— удивилась она с растущим страхом. Однажды ее укусила ласка. Она просунула руку под веранду Большого Дома, чтобы достать закатившийся туда красный резиновый мяч, и словно множество иголок впилося ей в руку. Она закричала и вытащила руку обратно, а ласка висела на ней, и капельки крови забрызгали ее бурый гладкий мех. Тело ласки извивалось, словно змея. Она продолжала кричать и замахала рукой, но ласка не ослабляла хватки, словно сделавшись частью ее тела.

Во дворе были ее братья Микей и Мэтью. Отец ее сидел на веранде и просматривал каталог товаров, которые можно заказать по почте. Все они подбежали к ней и на мгновение застыли, увидев Абагейл, забрызганную кровью с ног до головы и с лаской, свисающей с руки.

Первым вышел из оцепенения ее отец. Джон Фримантл подобрал полено, валявшееся рядом с колодой, и закричал:

— Стой на месте, Эбби!

Она остановилась, и мимо нее со свистом пронеслось полено. Она вскрикнула от дикой боли в руке, и вот уже бурое Существо, которое причинило ей такие муки, лежало на земле, и мех его был запачкан кровью, а потом Микей высоко подпрыгнул и опустился на него обеими ногами, и раздался ужасный хруст, который был похож на звук у тебя в голове, когда ты разгрызаешь леденец, и если оно было еще живо, то теперь ему точно пришел конец. Абагейл не потеряла сознания, но у нее началась истерика.

К тому времени к ним подбежал Ричард, старший сын, и они обменялись с отцом серьезным, испуганным взглядом.

— Никогда в жизни я не видел, чтобы ласка так себя вела, — сказал Джон Фримантл, держа свою рыдающую дочь за плечи.

— Может быть, она была б... — начал Ричард.

— Заткни свой рот, — резко сказал отец, прежде чем Ричард успел закончить фразу. Через год Люк объяснил ей, почему отец перебил Ричарда. Ричард собирался сказать, что ласка почти наверняка была бешеной, раз она так себя вела, а если это оказалось бы правдой, то Абагейл умерла бы одной из самых мучительных смертей, известных людям. Но ласка не была бешеной. Рана зажила. Но несмотря на это, с тех пор она боялась этих созданий, боялась так, как некоторые люди боятся крыс и пауков. Как было бы хорошо, если они подошли бы вместо собак!

Одна из них ринулась вперед и рванула за неровные края торбы.

— Эй, — прикрикнула на нее Абагейл. Ласка унеслась прочь, и изо рта у нее свисала вырванная нить. Казалось, что она усмехается.

Он послал их — темный человек.

Ужас захлестнул ее. Вокруг нее собрались уже сотни ласок, некоторые серые, некоторые бурые, некоторые черные, и все они чуяли запах кур. Они выстроились по обе стороны от дороги, извиваясь в предвкушении поживы.

Я должна отдать им все. Столько труда пропало зря. Если я не отдам им, они разорвут меня на кусочки. Столько труда пропало зря.

Перед своим мысленным взором она видела усмешку темного человека, она видела его вытянутые руки, с которых капала кровь.

Еще одна ласка рванула торбу. И еще одна.

Ласки с противоположной стороны дороги, извиваясь, подползали к ней, прижавшись брюхом к земле. Их маленькие свирепые глазки сверкали в лунном свете, словно кристаллы льда.

Она встала, все еще чувствуя страх, но зная, что надо делать.

— Убирайтесь! — закричала она. — Это куры, верно, но они для моих гостей! А теперь пошли прочь!

Они подались назад. В их маленьких глазках, казалось, появилась неуверенность. И неожиданно они исчезли, словно развеянный ветром дым. Чудо, — подумала она, и душу ее преисполнила благодарность Господу. А потом неожиданно она почувствовала холод.

Где-то, далеко на западе, по ту сторону Скалистых гор, которых не было видно даже на горизонте, она почувствовала, как чей-то сверкающий Глаз широко раскрылся и повернулся в ее сторону. Она почувствовала это так явственно, словно услышала чьи-то произнесенные вслух слова: Кто это там? Так это ты, старая женщина?

— Он знает, что я здесь, — прошептала она. — Помоги мне. Господи. Помоги мне и всем нам.

Таща за собой торбу, она снова пошла по направлению к дому.

Они появились два дня спустя, двадцать четвертого июля. Она не так хорошо подготовилась к их приезду, как ей хотелось. Снова она чувствовала себя разбитой и могла ковылять с места на место только с помощью трости. Воду из колодца она доставала с огромным трудом. На следующий день после противоборства с ласками, она надолго уснула после полудня. Ей приснилось, что она находится на каком-то холодном высокогорном перевале в центре Скалистых гор. Шоссе №6 петляло между высоких каменных стен, которые не пропускали сюда солнечный свет. Но во сне был не день, а абсолютная безлунная темнота. Где-то выли волки. И внезапно в темноте открылся Глаз и стал осматриваться. Ветер завывал в вершинах сосен и елей. Это был он, и он искал ее.

Она пробудилась от этого долгого и тяжелого сна еще менее отдохнувшей, чем когда она леглась, и снова обратилась к Богу с молитвой, чтобы он отпустил ее с миром или хотя бы изменил то направление, в котором Он ее посылал.

«Север, юг или восток. Господи, и я покину Хемингфорд Хоум, воспевая Тебе хвалы. Но не на запад, не к темному человеку. Скалистые горы не спасут нас от него. Даже Анды не спасут.»

Но это не имело значения. Рано или поздно, когда этот человек почувствует себя достаточно сильным, он придет за теми, кто сопротивляется ему. Если не в этом году, то в следующем. Собак унесла эпидемия, но волки в горах остались, и они готовы служить Сыну Сатаны.

А служить ему будут не только волки.

Утром того дня, когда наконец прибыли ее гости, она принялась за работу в семь. Бог послал ей прохладный, облачный денек, первый за многие недели жары. К ночи может пойти дождь. Во всяком случае, так считало ее бедро, которое она сломала в 1958 году.

Она растопила кухонную плиту и испекла пироги. Как раз поспела земляника, слава Тебе, Господи, и было приятно думать о том, что она не пропадет зря. Во время подготовки она почувствовала себя лучше. Один пирог с голубикой, два с земляникой и ревенем и один яблочный. Она поставила их на подоконник охлаждаться.

Днем кухня наполнилась запахом жарящихся кур. Завернув готовых кур в бумажные салфетки, она пошла на задний двор с гитарой, села и начала играть. Она спела все свои любимые песни, и ее высокий дрожащий голос далеко разносился в тихом воздухе. Она пела гимны один за другим.

Она как раз добралась до «Мы идем в Сион», когда с севера до нее донесся звук работающего двигателя. Она перестала петь, но пальцы продолжали отсутствующе

перебирать струны, пока она прислушивалась, склонив голову набок. Едут, да. Господи, они отыскиали дорогу, и вот уже ей стал виден тянущийся за грузовиком шлейф пыли. Великое волнение охватило ее, и она порадовалась, что надела свое лучшее платье. Она поставила гитару между ног и приставила ладонь ко лбу, хотя солнца и не было.

Звук двигателя стал гораздо громче, и через секунду, там, где кукуруза отступала перед дорогой на водопой, протоптанной стадом Кэла Гуделла...

Да, теперь она видела их, медленно едущий старый фермерский грузовик марки «Шевроле». Кабина была переполнена — в ней сидело человека четыре (зрение у нее до сих пор было в полном порядке), а еще трое стояли в кузове. Она могла видеть худощавого светловолосого мужчину, девушку с рыжими волосами, а в центре... да, это был он, мальчик, который почти уже научился быть мужчиной. Темные волосы, узкое лицо, высокий лоб. Он заметил ее и начал неистово махать рукой. Через секунду к нему присоединился и светловолосый мужчина. Рыжеволосая девушка просто стояла и смотрела. Матушка Абагейл подняла руку и махнула им в ответ.

— Благодарение Господу, что они благополучно добрались, — хрипло пробормотала она. Теплые слезы побежали у нее по щекам.

Грохоча и подсакивая, грузовик к ней во двор. На водителе была надета соломенная шляпа с пером, заткнутым за синюю бархатную ленту.

— Ээээээээээй! — закричал он, махая ей рукой. — Привет, мамаша! Ник сказал, что ты можешь оказаться здесь, и так оно и вышло! Хеээээйийяаааа!

— Он посигналил. С ним в кабине сидели мужчина лет пятидесяти, женщина того же возраста и маленькая девочка в красном вельветовом комбинезоне. Девочка робко махала одной рукой; большой палец другой руки был надежно засунут в рот.

Молодой человек с повязкой на глазу и темными волосами — Ник — спрыгнул с борта грузовика еще до того, как тот остановился. Он медленно подошел к ней. Лицо его было серьезным, но единственный глаз был исполнен ликования. Он остановился у крыльца и удивленно посмотрел вокруг... на двор, дом, старое дерево с качелями из шины. И на нее.

— Привет, Ник, — сказала она. — Я рада видеть тебя. Благослови тебя Господь.

Он улыбнулся, взошел к ней по ступенькам и взял ее за руки. Она подставила ему свою морщинистую щеку, и он нежно ее поцеловал. За его спиной выстроились остальные. Человек, который был за рулем, держал на руках девочку в красном комбинезоне, у которой правая нога была в гипсе. Руки ее твердо обвивали загорелую шею водителя. Рядом с ними стояла женщина лет пятидесяти, следом за ней — рыжая и светловолосый мальчик с бородой. Нет, конечно, он не мальчик, — подумала Матушка Абагейл, — он просто немощный. Последним в этом ряду стоял мужчина, который ехал в кабине. Он протирал стекла очков в тонкой стальной оправе.

Ник смотрел на нее вопросительно, и она кивнула.

— Ты поступил совершенно правильно, — сказала она. — Бог привел тебя сюда, и Матушка Абагейл сейчас тебя накормит.

— Я рада видеть вас всех! — поспешила добавить она, повышая голос. — Мы не можем долго оставаться здесь, но прежде чем отправиться в путь, мы отдохнем и вместе преломим хлеб. Нам надо подружиться друг с другом.

Маленькая девочка пискнула из надежных рук водителя:

— Вы самая старая женщина в мире?

Женщина лет пятидесяти сказала:

— Тсссс, Джина!

Но Матушка Абагейл только рассмеялась.

— Вполне возможно, крошка. Вполне возможно.

Она велела им расстелить свою скатерть в крупный красный горошек за яблоней, и две женщины, Оливия и Джуна, стали накрывать ленч, пока мужчины отправились собирать кукурузу. Сварилась она очень быстро, и хотя сливочного масла у нее не было, оливкового масла и соли хватило вдоволь.

Во время еды почти никто не разговаривал — раздавались лишь звуки жующих челюстей и тихое довольное похрюкивание. Ей было приятно смотреть на то, как эти люди впиваются зубами в еду, отдавая справедливость ее кухне. Стало быть, стоило ходить к Ричардсонам и сражаться с ласками. Нельзя сказать, что они были очень голодны, но когда ты месяц подряд ешь консервы, то очень хочется попробовать чего-нибудь свеженького и домашнего. Сама она съела три куса курицы, початок кукурузы и небольшую корочку пирога с земляникой и ревенем. После этого она почувствовала себя набитой до отказа, как чехол матраса.

Когда кофе был разлит по чашкам, водитель, приятный человек с открытым лицом по имени Ральф Brentner, сказал ей:

— Ничего вкуснее я не ел за всю свою жизнь. Спасибо вам огромное.

Остальные благодарно присоединились. Ник улыбнулся и кивнул.

— Можно я сяду к вам на колени, бабушка? — спросила маленькая девочка.

— Боюсь, ты окажешься слишком тяжелой, радость моя, — сказала ей женщина постарше, Оливия Уокер.

— Глупости, — сказала Абагейл. — В тот день, когда я не смогу взять к себе на колени ребенка, меня завернут в саван. Иди сюда. Джина.

Ральф поднес ее к Абагейл и усадил к ней на колени.

— Когда станет тяжело, просто скажите мне.

Он пощекотал лицо Джины пером на своей шляпе. Она закрылась руками и захихикала.

— Не щекочи меня, Ральф! Не смей меня щекотать!

— Не беспокойся, — сказал Ральф, смягчаясь. — Я слишком сыт, чтобы щекотать кого-нибудь в течение долгого времени. — Он снова сел.

— Что случилось с твоей ножкой, Джина? — спросила Матушка Абагейл.

— Я сломала ее, когда выпала из хлева, — сказала Джина. — Дик наложил мне гипс. Ральф говорит, что Дик спас мне жизнь. — Она послала воздушный поцелуй человеку в стальных очках, и он слегка покраснел, кашлянул и улыбнулся.

Ник, Том Каллен и Ральф встретились с Диком Эллисом, когда тот прошел уже пол-Канзаса с рюкзаком за плечами и дорожной палкой в руке. Он был ветеринаром. На следующий день они остановились на ленч в небольшом городке под названием Линдсборг. Из южной части города доносились слабые крики. Если бы ветер дул в другую сторону, они ни за что бы их не услышали.

— Божье милосердие, — благодушно сказала Эбби, поглаживая маленькую девочку по волосам.

Джина жила сама по себе целых три недели. Она играла на сеновале дядюшкиного хлева и под ней провалился прогнивший настил. Поначалу Дик Эллис оценивал ее шансы весьма пессимистично. Он применил местное обезболивающее, чтобы вернуть кость в правильное положение. Она потеряла столько веса, и ее общее физическое состояние было таким слабым, что он не решился дать ей общий наркоз, опасаясь, что он убьет ее.

Джина поправилась удивительно быстро. Она моментально привязалась к Ральфу и его щеголевой соломенной шляпе. Тихим, застенчивым голосом Эллис сказал, что, с его точки зрения, главной проблемой девочки было сокрушительное одиночество.

— Разумеется, так оно и было, — сказала Абагейл. — Если бы вы не нашли бы ее, она бы

совсем зачала.

Джина зевнула. Глаза ее затуманились.

— Я ее заберу, — сказала Оливия Уокер.

— Положите ее в маленькой комнатке в конце прихожей, — сказала Эбби.

— Если хотите, можете лечь с ней. А эта девушка... как ты сказала тебя зовут, радость моя? Совсем выскочило из головы.

— Джуна Бринкмейер, — ответила рыжая.

— А ты можешь спать со мной, Джуна, если у тебя нет других планов. Моя кровать слишком мала для двоих, да я и не думаю, что ты захотела бы спать с такой старой вязанкой хвороста, как я, даже если бы она была достаточно большой, но у меня есть еще один матрас, и он тебе подойдет, если в нем еще не завелись клопы. Кто-нибудь из наших высоких мужчин достанет его тебе с антресолей.

— Конечно, — сказал Ральф.

Оливия унесла Джину, которая уже успела заснуть. В кухне, где за долгие годы ни разу не набиралось столько людей, сгущались сумерки. Кряхтя, Матушка Абагейл поднялась на ноги и зажгла три керосиновые лампы. Темнота отступила.

— Может быть, проверенные пути — самые лучшие, — внезапно сказал Дик, и все посмотрели на него. Он покраснел и снова кашлянул, но Абагейл только посмеивалась.

— Я хочу сказать, — продолжил Дик, защищаясь, — что это первая домашняя еда, которую мне довелось попробовать начиная с... ну, наверное, с тридцатого июня. С того дня, когда погасло электричество. Тогда я сам приготовил себе еду, и ее вряд ли можно было отнести к домашней кухне. Моя жена... она здорово готовила. Она... Он беспомощно запнулся.

Вернулась Оливия.

— Крепко спит, — сказала она. — Устала сегодня.

— Вы печете свой хлеб? — спросил Дик у Матушки Абагейл.

— Конечно, пеку. Всегда пекла. Правда, дрожжи давно кончились, но можно обойтись и без них.

— Мне так хотелось хлеба, — сказал он. — Хелен, моя жена... обычно пекла хлеб два раза в неделю. Совсем недавно мне казалось, что если мне дадут три куска хлеба с земляничным вареньем, то можно с радостью распрощаться с жизнью.

— Том Каллен устал, — неожиданно сказал Том. Он потянулся и зевнул.

— Ты можешь лечь в сарайчике, — сказала ему Абагейл. — Запах там слегка затхлый, но там сухо.

На мгновение все они прислушались к ровному шуму дождя, который шел уже почти целый час. Для одинокого человека этот звук показался бы печальным. В компании он казался приятным и таинственным, объединяющим их вместе. Далеко над Айовой пророкотал гром.

— Думаю, у вас есть все, что нужно, чтобы устроиться на ночь? — спросила она у них.

— Абсолютно все, — ответил Ральф. — Мы прекрасно устроимся. Пошли, Том. — Он поднялся.

— Не могли бы вы с Ником ненадолго задержаться, Ральф? — сказала Абагейл.

Все это время Ник сидел за столом в противоположном от ее качалки конце комнаты. Если человек не может говорить, — подумала она, — то, казалось бы, он должен потеряться в комнате, набитой другими людьми, просто выпасть из поля зрения. Но что-то в Нике не давало этому произойти. Он сидел абсолютно спокойно, следя за разговором, и на лице его отражалось реакция на только что произнесенные слова. Лицо его было открытым и смысленным, но слишком озабоченным для такого молодого человека. Несколько раз она

замечала, как люди смотрят на него, словно он может подтвердить их слова. Они ни на минуту не забывали о нем. Несколько раз она заметила, как он смотрит в окно и на лице его появляется беспокойство.

— Не могли бы вы достать мне этот матрас? — мягко спросила Джуна.

— Мы достанем его вместе с Ником, — сказал Ральф, вставая.

— В одиночку я в этот сарай не пойду, — сказал Том. — Ей-Богу, нет!

— Я пойду с тобой, — сказал Дик. — Мы зажжем фонарь и устроим себе кровати. — Он поднялся. — Еще раз спасибо, миссис. Не могу выразить, как все было вкусно.

Другие поблагодарили вслед за ним. Ник и Ральф достали матрас, клопов в котором не оказалось. Том и Дик отправились в сарай. Ник, Ральф и Матушка Абагейл остались в кухне одни.

— Не возражаете, если я закурю, миссис? — спросил Ральф.

— Не возражаю, если не будешь стряхивать пепел на пол. В комод у тебя за спиной стоит пепельница.

Ральф встал за пепельницей, и Эбби осталась лицом к лицу с Ником. На нем была рубашка цвета хаки, синие джинсы и вылинявшая тренировочная фуфайка. В нем было что-то такое, что внушало ей мысль, будто она знала его и раньше. Глядя на него, она чувствовала себя так, словно встреча эта была предрешена судьбой.

— Миссис?

Ральф уже сидел рядом с Ником с листком бумаги в руках и разглядывал его, повернув к свету.

На коленях у Ника лежал блокнот и шариковая ручка.

— Ник говорит... — Ральф прочистил горло в смущении.

— Продолжай.

— В его записке говорится, что ему трудно читать по вашим губам, потому что...

— Я понимаю, — сказала она. — Ничего страшного.

Она встала и шаркающей походкой подошла к комоду. На второй полке над комодом стояла пластмассовая баночка, полная мутной жидкости, в которой, словно медицинский препарат, плавали две вставные челюсти.

Она выудила их и прополоскала в ковшике.

— Господи, помни, как я страдала, — сказала Матушка Абагейл и вставила челюсти.

— Нам надо поговорить, — сказала она. — Вы — главные, и нам надо кое в чем разобраться.

— Ну, — сказал Ральф, — это не для меня. Я был простым фабричным рабочим отчасти фермером. Мозолей у меня гораздо больше, чем мыслей. Ник, вот он у нас главный.

— Это так? — спросила она, глядя на Ника.

Ник написал короткую записку, и Ральф прочел ее вслух.

— Это мне пришло в голову приехать сюда, а насчет главного — я не знаю.

— Мы встретили Джуна и Оливию примерно в девяноста милях к ЮГУ отсюда, — сказал Ральф. — Позавчера, так, Ник?

Ник кивнул.

«Мы уже тогда ехали к вам, Матушка. Женщины шли на север. Дик тоже. Мы просто объединили всех вместе.»

— Вы видели еще кого-нибудь? — спросила она.

«Нет, — написал Ник. — Но у меня часто бывает чувство — у Ральфа тоже, — что кто-то прячется от нас и наблюдает издали. Боятся, наверное. Никак не могут оправиться от того, что произошло.»

Она кивнула.

— Дик говорит, что за день до того, как он нас встретил, он слышал шум мотоцикла где-то на юге. Так что есть и другие люди. Думаю, они просто пугаются, когда видят такую большую группу.

— Почему вы приехали сюда? — Глаза ее, окруженные сетью морщинок, остро уставились на них.

Ник написал:

«Мне снились сны о вас. Дик Эллис говорит, что ему тоже раз приснился такой сон. И маленькая девочка. Джина, она описала это место задолго до того, как мы сюда приехали. Эти качели.»

— Благослови ее Бог, — сказала Матушка Абагейл с отсутствующим видом. Она посмотрела на Ральфа. — А ты что скажешь?

— Вы мне снились раз или два, миссис, — сказал Ральф и облизал губы.

— В основном мне снился... другой парень.

— Какой другой парень?

Ник написал что-то на листке из блокнота и обвел свою запись в кружок. Вручил ей прямо в руки. Буквы были большими, такими же, как на стене во дворце у Валтасара. От одного взгляда на них у нее пошел мороз по коже. Она вспомнила о ласках, которые, извиваясь, ползли по дороге и впивались в торбу зубами острыми, как иголки. Она вспомнила о том, как в темноте открылся единственный красный глаз и стал наблюдать в поисках не одной только старой женщины, но и целой группы из мужчин и женщин... и одной маленькой девочки.

Два обведенных слова были: «ТЕМНЫЙ ЧЕЛОВЕК».

— Мне было сказано, — произнесла она, вертя в руках листок бумаги, — что мы должны идти на запад. Мне сказал это Господь во сне. Я не хотела слушать. Я старая женщина, и все, что я хочу, — это умереть на своем маленьком клочке земли. Эта земля принадлежала моей семье сто двенадцать лет.

Она выдержала паузу. Двое мужчин пристально смотрели на нее в свете керосиновой лампы. За окном продолжал идти нескончаемый дождь. Грома слышно больше не было. Господи, — подумала она, — как болят десны от этих зубов. Как мне хочется вынуть их и лечь в постель.

— Я начала видеть сны за два года до начала этой эпидемии. Сны снились мне каждую ночь, и иногда они сбывались. Пророчество — это Божий дар, и в каждом заложена его частица. В снах я шла на запад. Сначала со мной было совсем мало людей, потом немного побольше, а потом еще больше. На запад, все время на запад, пока в дали не показались Скалистые горы. Нас уже был целый караван, сотни две или больше.

Она помолчала.

— Я пугалась от этих снов. Никогда я не обмолвилась и словечком, что они мне снятся — вот как я была напугана. Думаю, я чувствовала себя как Иов, когда Бог заговорил с ним из вихря. Я даже пыталась убедить себя в том, что это просто сны, о, глупая старая женщина, которая пыталась убежать от Бога, совсем как Иона. Но рыба все равно нас проглотила, вот в чем дело! И я всегда чувствовала, что кто-то придет ко мне, кто-то особенный, и тогда я узнаю, что время пришло.

Она взглянула на Ника, который сидел за столом и пристально смотрел на нее сквозь пелену сигаретного дыма Ральфа Brentnera.

— И я поняла это, когда увидела тебя, — сказала она. — Это ты, Ник. Господь указал

перстом на твое сердце. Но перст у него не один, и там есть еще и другие избранные, и они идут сюда, слава Богу, и на них Он указал своими перстами. Мне снились сны о нем, как он ищет нас даже в эту секунду, и — да простит Бог мою грешную душу, я прокляла его в своем сердце. — Она заплакала и поднялась со стула, чтобы выпить воды и умыться.

Когда она вернулась к ним, Ник писал. Наконец он вырвал страничку из блокнота и вручил ее Ральфу.

«Не знаю насчет Бога, но здесь действует какая-то сила. Все, кого мы встретили, двигались на север. Словно у вас есть ответ. Вам снился кто-нибудь еще? Дик? Джуна или Оливия? Может быть, девочка?»

— Эти не снились. Снился неразговорчивый человек. Женщина с ребенком. Мужчина примерно твоего возраста, который идет ко мне своей гитарой. И ты, Ник.

«И вы думаете, что нам надо идти на запад?»

— Мы должны идти на запад, — сказала Магушка Абагейл.

Мгновение Ник бесцельно черкал ручкой по странице, а потом написал: «Что вы знаете о темном человеке? Вы знаете, кто он такой?»

— Я не знаю кто он, но мне известно, что он из себя представляет. Это средоточие зла, оставшегося в мире. Остальное зло по сравнению с ним — это цветочки. Магазиновые воры, сексуальные маньяки и хулиганы. Но он призывает их. Он уже начал действовать. И он собирает их вместе гораздо быстрее, чем мы. И с ним идут не только злые, но и слабые... и одинокие... и те, кто не открыл свое сердце Господу.

«Может быть, он на самом деле не существует, — написал Ник. Может быть, он — это просто... — Он погрыз кончик ручки и задумался. Наконец он прописал: — ...просто запуганная, злая часть нас самих. Может быть, нам снится то, чего мы боимся внутри самих себя».

Когда Ральф читал эту записку вслух, он непонимающе сморщил лоб, но Эбби сразу же поняла что Ник имел ввиду. Это не слишком-то отличалось от болтовни новых проповедников, появившихся лет двадцать назад. На самом деле нет никакого Сатаны — вот было их евангелие. Зло действительно существует, и, возможно, его причиной является первородный грех, но оно находится внутри нас, и вынуть его наружу так же невозможно, как и вынуть яйцо их скорлупы, не разбив ее. С точки зрения этих новых проповедников. Сатана был чем-то вроде картины, составленной из множества кусочков, — и каждый мужчина, женщина и ребенок добавляли свой кусочек, входивший составной частью в целое. Конечно, во всем этом было приятное современное звучание, но проблема заключалась в том, что это была неправда. И если Ник будет продолжать так думать, то темный человек съест его на обед.

Она сказала:

— Я снилась тебе. Разве я не существую на самом деле?

Ник кивнул.

— А ты снился мне. Разве ты не существуешь на самом деле? Хвала Господу, ты сидишь прямо напротив меня с блокнотом на коленях. Этот человек, Ник, он так же реален, как и ты. — Да, он был реален. Она вспомнила о ласках и о красном глазе, открывшемся в темноте. И когда она заговорила снова, голос ее стал звучать хрипло. — Это не Сатана, — сказала она, — но они с Сатаной знают друг о друге и давно друг с другом сговорились.

Библия не говорит нам о том, что происходило с Ноем и его семьей после потопа. Но я не удивлюсь, если узнаю, что за души этой горстки людей велась отчаянная борьба — за их души, их тела, их образ мышления. И я не удивлюсь, если узнаю, что с нами происходит то же самое.

— Сейчас он находится к западу от Скалистых гор. Рано или поздно он пойдет на восток. Может быть, и не в этом году. Когда он будет готов. И наша судьба — бороться с ним.

Ник обеспокоенно затряс головой.

— Да, — сказала она спокойно. — Нас ждут горькие дни. Смерть и ужасы, предательство и слезы. И не все из нас смогут увидеть, чем кончится борьба.

— Мне все это не нравится, — пробормотал Ральф. — Мало нам что ли несчастий и без этого парня, о котором вы тут с Ником говорили? Разве нам не хватает проблем без докторов, без электричества, без ничего? Какое нам дело до него?

— Я не знаю. Это воля Господа. Он не спрашивал Эбби Фримантл, нравится она ей или нет.

— Если это Его воля, — сказал Ральф, — то неплохо бы Ему в отставку и уступить место кому-нибудь помоложе.

«Если темный человек на западе, — написал Ник, — то, может быть, нам надо сматывать удочки и ехать на восток?»

Она терпеливо покачала головой.

— Ник, все на свете служит Господу. Разве тебе не кажется, что и этот человек тоже служит Ему? И это действительно так, как бы неисповедимы ни были Его пути. Куда бы ты ни убежал, этот человек последует за тобой, потому что он исполняет волю Бога, а Бог хочет, чтобы ты встретился с ним. Нельзя убежать от Божьей воли. Человек, который пытается сделать это, кончит свою жизнь в утробе зверя.

Ник написал короткую записку. Ральф посмотрел на нее, почесал нос и подумал о том, что предпочел бы не читать ее вслух. Такие старые леди вряд ли спокойно воспримут то, что написал Ник. Она, скорее всего, назовет это богохульством и закричит так, что все вокруг проснутя.

— Что он говорит? — спросила Абагейл.

— Он говорит... Ральф прочистил горло. Перо на его шляпе дернулось. — Он говорит, что не верит в Бога. — Доложив содержание записки, он с несчастным видом уставился вниз на свои ботинки и стал ожидать взрыва.

Но она только хихикнула, встала и подошла к Нику. Потом она взяла его руку и похлопала по ней.

— Благослови тебя Бог, Ник, но это не имеет значения. *Он верит в тебя.*

Следующий день они провели дома у Эбби Фримантл, и это был их лучший день, с тех пор как закончилась эпидемия. Утром дождь перестал, и небо очистилось. Кукуруза сверкала, словно россыпь изумрудов. Было прохладно.

Том Каллен провел утро, бегая по рядам кукурузы с вытянутыми вперед руками и пугая ворон. Джина МакКоун сидела на земле рядом с качелями и играла с множеством бумажных кукол, которые Матушка Абагейл нашла на дне чемодана в шкафу своей спальни. А раньше они с Томом играли в гараж. Том легко соглашался на все требования Джины.

Дик Эллис робко подошел к матушке Абагейл и спросил, не держал ли кто поблизости свиней.

— Ну как же, у Стоунеров были свиньи, — сказала она. Она сидела в качалке на веранде, перебирала струны гитары и смотрела на Джину.

— Думаете, кто-то из них мог остаться в живых?

— Надо сходить и посмотреть. Может быть. А может быть, они просто разрушили свои загоны и одичали. — Глаза ее сверкнули. — А еще может быть, что я знаю одного парня,

которому прошлой ночью приснились свиные отбивные.

— Вполне возможно, что и знаете, — сказал Дик.

— Ты когда-нибудь резал свиней?

— Нет, миссис, — сказал он, широко улыбаясь. — Лечил от глистов — да, но не резал.

— Как ты думаешь, вы с Ральфом сможете поработать под женским руководством?

— Вполне, — ответил он.

Через двадцать минут они ехали втроем в кабине «Шевроле». У Стоунеров они нашли двух годовалых свиней. Было похоже на то, что когда корм кончился, они стали обедать своими более слабыми и менее удачливыми товарищами. Дик накинул петлю на заднюю ногу одной из свиней и, перебросив веревку через блок, поднял ее в воздух.

Ральф вышел из дома с ножом для разделки мяса длиной в три фута.

— Не знаю, получится ли у меня, — сказал он.

— Тогда давай сюда, — сказала Абагейл, протягивая руку. Ральф с сомнением посмотрел на Дика. Дик пожал плечами. Ральф передал нож.

— Господь, — сказала Абагейл, — мы благодарим Тебя за Твой милостивый дар. Благослови эту свинью, которая станет нашей пищей, аминь. Отойдите, ребята, сейчас будет фонтан крови.

Она перерезала свинье глотку одним уверенным взмахом ножа — какие-то вещи никогда не забываются, какой бы старой ты ни была — и быстро отпрянула.

— Ты развел огонь под котлом? — спросила она Дика.

— Да, миссис, — уважительно ответил Дик, не в силах отвести глаз от свиньи.

— Ты приготовил щетки? — спросила она у Ральфа.

Ральф показал ей две жестяные щетки с жесткой желтой щетиной.

— Ну тогда вам остается только снять ее и положить в котел. Когда она немного поварится, вы будете скрести ее щетками. Потом вы сможете содрать шкуру с мистера Борова, как со спелого банана.

Перспектива их несколько обескуражила.

— Прекрасно, — сказала она. — Но вы не сможете его съесть в костюме. Сначала его надо раздеть.

Ральф и Дик Эллис посмотрели друг на друга, сглотнули и начали опускать свинью вниз. К трем часа работа была закончена, а к четырем они уже вернулись домой с полным грузовиком мяса. На обед у них были свежие свиные отбивные. У мужчин аппетит слегка испортился, но Абагейл съела целых две отбивные, наслаждаясь тем, как жареное мясо хрустит у нее на деснах. Нет на свете ничего вкуснее мяса, которое ты добыл себе сам.

Пошел десятый час вечера. Джина уже уснула, а Том Каллен дремал в качалке Матушки Абагейл на веранде. Далеко на западе сверкнула бесшумная молния. Все остальные взрослые собрались на кухне, кроме Ника, который ушел на прогулку. Абагейл знала, какая борьба происходит в его душе, и сердце ее отправилось вместе с ним.

— Но ведь не может же вам и в самом деле быть сто восемь лет? — спросил Ральф.

— Подожди-ка здесь, — сказала Абагейл. — Я кое-что покажу тебе, сынок. — Она пошла в спальню и взяла поставленное в рамку письмо от президента Рейгана с верхнего ящика комода. Она принесла его на кухню и положила Ральфу на колени. — Прочитай-ка это, сынок, — сказала она гордо.

Ральф прочел: «...по случаю вашего сотого дня рождения... одна из семидесяти двух человек в Соединенных Штатах Америки, достигших столетнего возраста... занимающая пятое место по возрасту среди официальных членов республиканской партии Соединенных

Штатов Америки... приветствия и поздравления от президента Рональда Рейгана, 14 января, 1982 года». Он посмотрел на нее широко раскрытыми глазами.

— Ну и ну, пусть меня утопят в го... — Он запнулся и покраснел от смущения. — Извините меня, миссис.

— Сколько же вы всего повидали за свою жизнь! — восхищенно сказала Оливия.

— Ничто из этого не шло ни в какое сравнение с тем, что я видела за последний месяц. — Она вздохнула. — Или с тем, что мне еще предстоит увидеть.

Открылась дверь и вошел Ник. Разговор сразу же прекратился, словно все они только убивали время в ожидании его. Она видела по его лицу, что он принял решение, и, похоже, могла сказать, какое. Он протянул ей записку, написанную им на веранде, рядом с Томом. Она прочитала ее.

Там было написано: «Завтра мы едем на запад».

Она перевела глаза с записки на лицо Ника и медленно кивнула. Потом она передала записку Джуне Бринкмейер, которая в свою очередь передала ее Оливии.

— Да, мы должны ехать, — сказала Абагейл. — Мне этого хочется не больше, чем тебе, но мы должны. Что заставило тебя принять это решение?

Он почти сердито пожал плечами и указал на нее.

— Да будет так, — сказала Абагейл. — Господь — моя вера.

«Если бы я мог сказать это о себе», — подумал Ник.

На следующее утро, двадцать шестого июля, после небольшого совещания Дик и Ральф отправились в Коламбус на грузовике Ральфа.

— Мне очень не хочется с ним расставаться, — сказал Ральф, — но раз ты говоришь, что так надо, Ник, то я согласен.

Ник написал: «Возвращайтесь как можно скорее».

Ральф усмехнулся и оглядел двор. Джуна и Оливия стирали одежду в большой лохани со стиральной доской. Том бегают по кукурузе, пугая ворон — похоже, он нашел в этом занятии бесконечный источник удовольствия. Джина играла с модельками машин и гаражом. Абагейл дремала в своей качалке.

— Ты съешь голову в пасть льву, Ники.

Ник написал: «Ты знаешь другое место, куда мы могли бы поехать?»

— Это правда. Нет никакого толку в том, чтобы шататься с места на место. Начинаешь чувствовать себя лишним. Вообще, человек ощущает себя в своей тарелке, только когда он смотрит вперед, ты этого не замечал?

Ник кивнул.

— О'кей. Ральф похлопал его по плечу и отвернулся. — Дик, ты готов?

Из кукурузы выбежал Том Каллен. Его рубашка и волосы были облеплены зеленой шелухой.

— И я! Том Каллен тоже готов ехать! Ей-Богу, да!

— Тогда пошли, — сказал Ральф. — Эй, посмотри-ка, да ты весь в шелухе! И до сих пор не поймал ни одной вороны. Дай-ка я тебя отряхну сначала.

Том позволил Ральфу отряхнуть его рубашку и брюки. Для Тома, — подумал Ник, — последние две недели были, наверное, самыми счастливыми в жизни. Он был в компании людей, которым он был нужен и которые принимали его. Почему бы и нет? Может быть, он и не совсем нормальный, но все равно в этом новом мире он представляет собой удивительную редкость — живое человеческое существо.

— Пока, Ники, — сказал Ральф и взобрался за руль «Шевроле».

— Пока, Ники, — эхом отозвался Том Каллен, широко улыбаясь.

Ник подождал, пока самосвал не скроется из виду, а потом пошел в сарай и нашел там старый ящик и банку краски. Он выломал одну из стенок ящика и прибил ее к длинной жердине. Потом он вынес получившийся знак и краску во двор и принялся тщательно на нем писать. Джина с любопытством заглянула ему через плечо.

— Что там написано? — спросила она.

— Мы уехали в Боулдер, штат Колорадо. Мы едем по второстепенным дорогам, чтобы избежать заторов. Радиосвязь по каналу 14, — прочла Оливия.

— Что это значит? — спросила Джуна, подходя поближе. Она подняла Джину на руки, и обе они стали внимательно наблюдать за тем, как Ник устанавливает знак напротив грунтовой дороги, ведущей к дому Матушки Абагейл. Он вкопал жердину на три фута вглубь. Только ураган сможет теперь вырвать ее из земли.

Он написал записку и отдал ее Джуне.

— Дик и Ральф попробуют найти в Коламбусе радиопередатчик. Когда-нибудь кто-то услышит нас.

— О! — сказала Оливия. — Здорово придумано.

Ник важно постучал себя по лбу, а потом улыбнулся.

Женщины пошли развешивать выстиранную одежду. Джина вновь принялась за игрушечные машинки. Ник пересек двор, поднялся на веранду и сел рядом с дремлющей Абагейл. Он посмотрел на кукурузное поле и задумался о том, что же с ними произойдет.

«Раз ты говоришь, что так надо, Ник, то я согласен.»

Они выдвинули его в лидеры. Они сделали это, и он даже не понимал, почему это произошло. Как может глухонемой отдавать приказы? Это просто злая шутка. Дик должен был встать во главе. А он должен был занять место копыеносца, третьего слева, роль без слов, и только мамочка знает тебя в лицо. Но с тех пор, как они встретили Ральфа Brentnera, появилась эта привычка сказать что-нибудь, а потом быстро посмотреть на Ника, словно ожидая от него одобрения. Ностальгический туман уже стал окутывать те дни, которые прошли между Шойо и Мэйем, до появления Тома, а вместе с ним и ответственности. Легко было забыть о своем одиночестве, о страхе сойти с ума. И легко было вспомнить, как ты был предоставлен самому себе, копыеносец, третий слева, исполнитель второстепенной роли в ужасной пьесе.

«И я поняла это, когда увидела тебя. Это ты, Ник. Господь указал перстом на твое сердце...»

Нет, я не согласен. Я не верю в Бога. Пусть с ним носятся старухи — Он им так же необходим, как хорошая клизма и пакетики чая «Липтон». Он должен сосредоточиться на одной задаче и не загадывать вперед. Довезти их до Боулдера, к подножью Скалистых гор, а там посмотрим. Старуха сказала, что темный человек реален, что это не просто психологический символ, но он не хотел в это верить... хотя в глубине души он верил. В глубине души он верил всему, что она сказала, и слова ее пугали его. Он не хотел быть лидером.

«Это ты, Ник.»

Чья-то рука сжала ему плечо, и он подпрыгнул от удивления, а потом обернулся. Это была она. Она улыбалась ему, сидя в своей качалке без подлокотников.

— Я тут сидела и думала о Великой Депрессии, — сказала она. — Знаешь ли ты, что когда-то мой папа владел всей этой землей на мили вокруг? Это правда. Не так-то легко чернокожему этого добиться. А я играла на гитаре и пела в зале фермерской ассоциации в 1902 году. Давно, Ник. Очень давно.

Ник кивнул.

— Это были хорошие дни, Ник — большинство из них, во всяком случае. Но ничто не вечно. Кроме любви Господа. Мой папа умер, и землю разделил между сыновьями, да еще шестьдесят акров досталось моему мужу, не слишком большой кусок. Этот дом стоит на кусочке, оставшемся от этих шестидесяти акров. Четыре акра — и это все. Конечно, теперь я могу забрать всю землю обратно, но это уже не то.

Ник похлопал ее по костлявой руке, и она глубоко вздохнула.

— Братья не всегда ладят между собой. Работа у них не идет, и они почти всегда начинают ссориться. Вспомни о Каине и Авеле! Все хотели командовать, и никто не хотел работать! А потом пришел 1931 год, и банк послал им извещение. Тогда-то они все сплотились, но к тому времени было уже слишком поздно. К 1945 году все было распродано, кроме моих шестидесяти акров, да еще сорока или пятидесяти, на которых теперь стоит ферма Гуделлов.

Она вытащила платок из кармана платья и медленно и задумчиво утерла слезы.

— В конце концов осталась только я одна, без денег, без ничего. И каждый раз, когда подходило время уплаты налогов, они урезали участок еще чуть-чуть, и я приходила на полоску земли, которая уже не принадлежала мне, и плакала так, как я плачу сейчас. Каждый год земля шла на уплату налогов — вот как все это случилось. Удар слева, удар справа. То, что осталось, я сдала в аренду, но арендной платы никогда не хватало на то, чтобы уплатить эти проклятые налоги. Когда мне исполнилось сто лет, они отменили их на вечные времена. Конечно, они освободили меня от налогов, только когда забрали у меня все, кроме этого клочка земли. Очень щедрый подарок, не правда ли?

Он слегка сжал ее руку и посмотрел на нее.

— Ой, Ник, — сказала Матушка Абагейл, — я давно уже ненавижу Бога. Каждый, кто любит Его, чувствует к Нему ненависть, потому что он суров и пристрастен, и в этом мире он неохотно платит за любовь, в то время как злые люди разъезжают по дорогам на «Кадиллаках». Даже радость служить Ему

— это горькая радость. Я исполняю Его волю, но моя человеческая природа прокляла Его в своем сердце. Эбби, — говорит мне Господь, — через много-много лет тебя ждет одно дело. Поэтому Я сделаю так, что ты будешь жить и жить до тех пор, пока от тебя не останутся кожа да кости. Я сделаю так, что ты увидишь, как умрут один за другим твои дети, а ты будешь продолжать ступать по земле. Я сделаю так, что ты увидишь, как земля твоего отца убывает акр за акром. А в конце в награду за это ты отправишься вместе с незнакомцами, оставив все то, что ты любишь, и умрешь в незнакомой стране, так и не доведя свое дело до конца. Такова Моя воля,

— говорит Он, и я отвечаю: Да, Господи. Я все сделаю, и в сердце своем я проклинаю Его и спрашиваю: Почему? Почему? Почему? А в ответ слышу только одно: Где ты была, когда я сотворил мир?

Теперь ее слезы лились горьким потоком, стекали по ее щекам и капали на лиф платья. Ник удивился, откуда столько слез в такой старой женщине, которая казалась сухой, как щепка.

— Помоги мне, Ник, — сказала она. — Я просто хочу выполнить Его волю.

Ник крепко сжал ее руки. Позади них Джина расхохоталась и подняла одну из моделек вверх, так что она засверкала в лучах солнца.

Дик и Ральф вернулись в полдень. Дик сидел за рулем нового фургона марки «Додж», а Ральф вел оранжевый грузовик дорожной службы, у которого спереди было приспособление

для расчистки улиц, а сзади — стрела с крюком. Том величественно помахивал рукой, стоя на грузовике. Они въехали во двор, и Дик выбрался из фургона.

— Там в грузовике чертовски симпатичный передатчик, — сказал он Нику.

— Сорок каналов. Мне кажется, Ральф в него влюбился.

Ник усмехнулся. Подошли женщины и стали смотреть на машины. Абагейл с одобрением отметила, как Ральф заботливо помог Джуне подняться в кабину, чтобы она могла взглянуть на радио. Бедрa у женщины широкие, и между ними получится удобная дверца.

— Ну и когда же мы поедem? — спросил Ральф.

«Как только поедим, — нацарапал Ник. — Ты испробовал радио?»

— Да, — ответил Ральф. — Оно было включено на обратной дороге. Ужасные помехи. Но знаешь, клянусь, я что-то услышал. Очень далеко. Может быть, это вообще были не голоса. Но честно говоря, Ники, я не стал бы обращать на это внимания. Это как сны.

К часу дня, съев лeнч и погрузив все необходимые вещи в фургон, они отправились в путь. Абагейл не плакала. С плачем было покончено. Она исполняла волю Господа, но вспомнив о красном Глазе, раскрывшемся в сердце ночи, она снова почувствовала страх.

Был поздний вечер двадцать седьмого июня. Они разбили лагерь в местечке, которое, судя по вылинявшему указателю, называлось Канкл Ферграундз. Сам Канкл, штат Огайо, был к югу от них. Там был пожар, и большая часть города сгорела. Стью сказал, что, наверное, пожар начался из-за молнии. Гарольд, как всегда, стал с ним спорить. В эти дни, если Стью Редман говорил, что пожарные машины — красные, то Гарольд Лаудер предъявлял факты и цифры, свидетельствующие в пользу того, что большинство из них покрашено в зеленый цвет.

Она вздохнула и перевернулась на другой бок. Никак не могла заснуть, потому что боялась сна.

Слева от нее стояли в ряд шесть мотоциклов. В двадцати шагах от нее крепко спали в своих мешках все остальные. Гарольд, Стью, Глен Бэйтмен, Марк Брэддок, Перион МакКарти. Прими снотворное и СПИИИ...

Каждый из них на ночь принимал по полтаблетки веронала. Это была идея Стью. Он отвел Гарольда в сторону и посоветовался с ним, прежде чем сообщить о ней всем остальным, потому что лучший способ польстить Гарольду

— это с серьезным видом осведомиться о его мнении. Гарольд много *знал*. И это было хорошо, но в то же время и плохо. Они словно путешествовали в обществе третьесортного божка, более или менее всезнающего, но эмоционально неустойчивого и готового взорваться в любую секунду. В Олбени, где они встретили Марка и Перион, он добыл себе еще один револьвер. Ей было жаль Гарольда, но она начала испытывать страх. Она стала задумываться о том, не чокнется ли он в одну ночь и не начнет ли палить из обоих своих револьверов. Она часто ловила себя на воспоминании о том дне, когда она обнаружила Гарольда на заднем дворе, где он стриг лужайку в одних плавках и плакал.

Она легко могла себе представить, как Стью сказал ему об этом, очень тихо, почти конспиративно: «Гарольд, сны представляют для нас серьезную проблему. У меня есть идея, но я не знаю точно, как ее осуществить... слабое успокоительное... но надо выбрать правильную дозу. Немного переборщить — и никто не проснется в случае опасности. Что бы ты предложил?»

Фрэнни каждый вечер брала себе полтаблетки, но не принимала ее. Она не знала, может ли веронал повредить ребенку, но лучше было не рисковать. Говорят, что даже аспирин может разрушить хромосомную цепочку. Так что ей приходилось мучиться от снов — *мучиться*, это подходящее слово. Один из них снился ей чаще прочих, и даже если другие сны в чем-то от него отличались, рано или поздно они плавно в него переходили. Она была у себя дома в Оганквите, и за ней гнался темный человек. Туда и обратно по темным коридорам, через гостиную ее матери, где продолжали тикать дедушкины часы... она знала, что могла бы убежать от него, если бы ей не надо было тащить за собой тело. Это было тело ее отца, завернутое в простыню, и если она бросит его, то темный человек что-то сделает с ним, осквернит его каким-то ужасным способом. Она бежала, чувствуя, что он догоняет ее, и наконец его горячая, отвратительная рука падала ей на плечо. Тело ее ослабело, словно из него вынули все кости, и труп отца выскользнул у нее из рук, и она поворачивалась, уже готовая сказать: «Возьмите его, делайте с ним, что хотите, мне все равно, только не преследуйте меня больше.»

И вот он стоял перед ней, одетый во что-то вроде монашеской рясы с капюшоном, и на лице его ничего нельзя было разглядеть, кроме широчайшей счастливой ухмылки. В этот

момент ужас сражал ее наповал, и она с усилием просыпалась, обливаясь потом и не желая больше погружаться в сон. Потому что ему нужно было не труп ее отца; ему нужен был живой ребенок в ее утробе.

Она снова перевернулась на другой бок. Если в ближайшее время ей не удастся заснуть, она достанет свой дневник и начнет записывать. Она стала вести дневник с пятого июля. В каком-то смысле она делала это для своего ребенка. Это было нечто вроде акта веры, веры в то, что ребенок будет жить. Она хотела, чтобы он знал, как это было. Как эпидемия пришла в Оганквит, как она убежала вместе с Гарольдом, что с ними случилось потом.

Свет луны был достаточно сильным, чтобы писать. Двух-трех страничек дневника ей обычно хватало, чтобы почувствовать сонливость. Это не свидетельствует в пользу моих литературных талантов, — предположила она. Но сначала надо было дать сну еще один шанс.

Она закрыла глаза.

И вновь стала думать о Гарольде.

Ситуация могла бы улучшиться с появлением Марка и Перион, если бы они уже не были к тому моменту полностью поглощены друг другом. Перион было тридцать три, на одиннадцать лет больше, чем Марку, но в новом мире такие различия не учитывались. Они нашли друг друга. Они искали друг друга и были рады держаться вместе. Перион по секрету сказала Фрэнни, что они пытаются зачать ребенка. Слава Богу, что я пила таблетки и не пользовалась спиралью, — сказала Пери. Как бы мне удалось ее вытащить?

Фрэнни едва не рассказала ей о своей беременности (прошло уже больше трех месяцев), но в последний момент что-то удержало ее.

Так что теперь их было шестеро вместо четверых (Глен наотрез отказался вести мотоцикл и ехал, сидя позади Стью или Гарольда), но с появлением еще одной женщины ситуация не изменилась.

Ну а ты, Фрэнни? Что ты хочешь?

Раз уж она *должна была жить в таком мире*, как этот, — подумала она, — ощущая, как в ней тикают биологические часы, заведенные еще на шесть месяцев, — то ей хотелось бы, чтобы рядом с ней был мужчина вроде Стью Редмана — да что там вроде, она хотела его. Такова была истинная правда.

Господи, как же ей нужен был мужчина. Но не только для того, чтобы охранять ее и ребенка. Стью привлекал ее, в особенности после Джесса Райдера. Он был спокойным, деловитым, а самое главное он не был тем, кого ее отец назвал бы «двадцатью фунтами дерьма в десятифунтовом пакете».

Его также тянуло к ней. Она прекрасно знала об этом, начиная с того первого ленча в пустынном ресторане на День Независимости. На мгновение — на одно краткое мгновение — их взгляды встретились, и между ними прошла жаркая волна. Она полагала, что Стью тоже знает, как обстоят дела, но он ждал, пока она сама примет решение. Она ведь была сначала с Гарольдом и, стало быть, принадлежала ему. Мысль, достойная вонючего самца, но как она опасалась, окружающий мир снова превратиться в царство вонючих самцов. По крайней мере, на время.

Если бы только нашелся кто-нибудь для Гарольда, но никто не находился, а она боялась, что не сможет так долго ждать. Она подумала о том дне, когда Гарольд неуклюже попытался окончательно утвердить свое право собственности на нее. Как давно это было? Две недели назад? А казалось, что раньше.

Она заснула.

Когда она проснулась, было все еще темно. Кто-то тряс ее за плечо.

Она протестующе забормотала — впервые за эту неделю она спала спокойно и не видела снов, — а потом неохотно выплыла на поверхность, думая, что уже утро и пора ехать. Но с чего бы это им ехать в темноте? Она села и увидела, что луна уже зашла.

Ее тряс Гарольд. Выглядел он испуганно.

— Гарольд? Что-то случилось?

Она заметила, что Стью тоже был на ногах. И Глен Бэйтмен, и Перион.

— Марк заболел, — сказал Гарольд.

— Заболел? — переспросила она, и до нее донесся тихий стон с того места, где стояли двое мужчин и Перион. Фрэнни почувствовала, как ее захлестывает черный ужас. Больше всего на свете они боялась болезней.

— Это не... грипп, Гарольд? — спросила она, потому что если Марк с запозданием подцепил Капитана Шустрика, то это значило, что с каждым из них может случиться то же самое.

— Нет, это не грипп. Ничего похожего. Фрэн, ты ела этим вечером консервированные устрицы? Или, может быть, во время ленча?

Она попыталась сосредоточиться.

— Да, я съела несколько штук и за ленчем, и за ужином, — сказала она.

— Вкус у них был прекрасный. Я очень люблю устрицы. Это пищевое отравление?

— Фрэн, я просто спрашиваю. Никто не знает, что это такое. Доктора нет дома. Как ты себя чувствуешь? С тобой все в порядке?

— В порядке, только спать хочется. — Но спать ей больше не хотелось. Еще один стон донесся с противоположной стороны лагеря.

— Глен думает, что это аппендицит, — сказал Гарольд.

— ЧТО?

Гарольд только кисло улыбнулся и кивнул.

Фрэн поднялась и подошла к остальным. Гарольд последовал за ней печальной тенью.

— Нам надо как-то помочь ему, — сказала Перион. Голос ее звучал механически, словно она уже множество раз повторила эту фразу. Фрэн посмотрела на Глена, лицо которого выглядело бледным и постаревшим.

— Гарольд сказал, вы считаете, что это аппендицит? — спросила она.

— Я не знаю, — сказал Глен расстроенным и испуганным голосом. — Конечно, симптомы налицо: у него жар, живот напряжен и вздут, прикосновения причиняют боль...

— Нам надо как-то помочь ему, — снова сказала Перион и разрыдалась.

Глен дотронулся до живота Марка, и тот закричал от боли. Глен отдернул руку так быстро, словно прикоснулся к раскаленной плите, и посмотрел на Стью и Гарольда с плохо скрываемой паникой.

— Что вы можете предложить, джентльмены?

Гарольд стоял неподвижно, и его кадык ходил взад и вперед, словно в горле у него что-то застряло. Наконец он выпалил:

— Дайте ему немного аспирина.

Перион, сквозь слезы смотревшая на Марка, резко обернулась к Гарольду.

— Аспирин? — спросила она тоном яростного удивления. — АСПИРИН? — Голос ее поднялся до визга. — И это все, что ты можешь придумать своей ученой задницей? Аспирин?

Гарольд засунул руки в карманы и посмотрел на нее с несчастным видом, покорно снося упреки.

— Но Гарольд прав, — сказал Стью очень мягко. — В данный момент ничего, кроме

аспирина, у нас нет, Перион. Сколько сейчас времени?

— Вы просто *не знаете*, что делать! — закричала она на них. — Почему вы не можете честно в этом признаться?

— Четверть третьего, — сказала Фрэнни.

— А если он умрет? — Пери откинула с лица растрепавшуюся копну золотисто-каштановых волос.

— Оставь их в покое. Пери, — сказал Марк слабым голосом. — Они делают, что могут. Если боль не прекратится, я так или иначе умру. Дайте мне аспирин. Что угодно.

— Я принесу, — сказал Гарольд. — У меня есть немного в рюкзаке. Очищенный, — добавил он, словно надеясь на одобрение.

— Нам надо как-то помочь ему, — вернулась Перион к своему заклинанию.

Стью отвел в сторону Глена и Фрэнни.

— У вас есть какие-нибудь идеи? — спросил он тихо. — У меня, во всяком случае, нет. Она накинулась на Гарольда, но его мысль насчет аспирина была примерно раза в два находчивее моих предложений.

Глен вздохнул.

— Может быть, просто кишечник переполнен. Слишком часто мы едим всухомятку. У него подействует живот, и все пройдет.

Фрэнни покачала головой.

— Я так не думаю. Если бы дело было в кишечнике, у него не было бы жара. Да и живот не вздулся бы.

Казалось, будто в животе у Марка за ночь выросла целая опухоль. От этой мысли ей стало не по себе. Она не помнила, когда в последний раз (за исключением снов) ей приходилось испытывать такой страх. Как там Гарольд сказал? Доктора нет дома. Как это точно. Как это ужасно точно. Господи, как они одиноки. Как далеко они ушли по канату, под которым кто-то забыл натянуть страховочную сетку. Она перевела глаза с напряженного лица Глена на лицо Стью. И там и там она увидела глубокую боль. В каком-то смысле, — предположила Фрэнни, — так оно и было.

— Что мы будем делать? — безнадежно спросила Фрэнни. Она думала о своем ребенке, и снова и снова в ее мозгу звучал один и тот же вопрос: «Что если надо будет делать кесарево? Что если надо будет делать кесарево? Что если...»

Позади нее вновь закричал Марк, словно возвещая ей ужасное пророчество, и она почувствовала к нему ненависть.

Они переглянулись в пульсирующей темноте.

Из дневника Фрэн Голдсмит

6 июля 1990 После недолгих уговоров мистер Бэйтмен согласился ехать с нами. Он заявил, что после всех своих статей («Я пишу их умными словами, чтобы никто не мог догадаться, насколько они примитивны», — сказал он) и после того, как он в течение двадцати лет отравлял студентам жизнь своей социологией, он решил, что не имеет права упустить такую возможность.

Стью спросил, какую возможность он имеет в виду.

«По-моему, это должно быть ясно, — сказал Гарольд своим НЕВЫНОСИМО ВЫСОКОМЕРНЫМ тоном (иногда Гарольд бывает милым, но часто он превращается в мешокдерма, и этим вечером был как раз такой случай). — Мистер Бэйтмен...»

«Пожалуйста, называй меня Гленом», — сказал он очень спокойно, но Гарольд так на

него посмотрел, словно он обвинил его в какой-нибудь социальной аномалии.

«Глен, как социолог, имеет возможность лично присутствовать при зарождении нового Общества, как мне кажется. Он хочет изучить, насколько действительность соответствует теории».

Ну, короче говоря, Глен согласился, что в основном это так, но добавил: «У меня также есть несколько своих теорий, которые я хочу подтвердить или опровергнуть. Я, например, не верю, что человек, возродившийся из пепла супергриппа, будет чем-нибудь отличаться от человека с истоков Нила с костью в носу и с женщиной, которую он держит за волосы. Такова одна из теорий».

Стью сказал своим всегдашним спокойным тоном:

«Потому что все лежит под ногами и только ждет, чтобы его подобрали снова». Он выглядел таким мрачным, когда говорил это, что я удивилась, и даже Гарольд посмотрел на него с некоторым интересом.

Но Глен кивнул и сказал:

«Правильно. Общество технологий, так сказать, освободило площадку, но забыло унести собой баскетбольные мячи. Появится кто-то, кто помнит правила, и научит всех остальных. Точное сравнение, не правда ли? Надо будет его потом записать».

А Гарольд ему сказал:

«Вы говорите так, будто считаете, что все начнется снова — гонка вооружений, загрязнение окружающей среды и так далее. Это еще одна теория? Или просто следствие первой?»

«Не вполне», — начал Глен, но Гарольд его перебил и начал говорить о том, что хотя он о людях довольно невысокого мнения, все же он не думает, что они окажутся *такими идиотами*. Одну его фразу я запомнила, потому что образ был уж очень впечатляющий: «Раз уж Гордиев узел разрублен, нам нет никакого смысла браться за работу и запутывать его снова».

«Время покажет», — только и ответил ему Глен.

Все это происходило около часа назад, а теперь я нахожусь в спальне наверху, и Коджак лежит передо мной на полу. Хороший пес! Здесь довольно уютно, и это напоминает мне о доме, но я стараюсь не думать о доме слишком часто, потому что от этого я плачу. Я знаю, что это звучит ужасно, но, ей-Богу, мне действительно хотелось бы, чтобы кто-нибудь помог мне нагреть постель. И я даже знаю кто.

Выбрось это из головы, Фрэнни!

Итак, завтра мы едем в Стювингтон, и я знаю, что Стью эта идея не очень-то по душе. Он боится этого места. Стью мне *очень* нравится, и мне хотелось бы, чтобы и Гарольд стал лучше к нему относиться. С Гарольдом все так трудно, но, наверное, он не может изменить свой характер.

Глен решил оставить Коджака. Он огорчен этим, хотя у Коджака и не будет никаких проблем с едой. Единственное, что мы можем сделать, — это найти мотоцикл с коляской, но даже и тогда бедный Коджак может испугаться и выпрыгнуть. Покалечится или погибнет.

Как бы то ни было, завтра мы отправляемся.

ЗАПОМНИТЬ: В «Тексас Рейнджерс» (бейсбольная команда) был подающий по имени Нолан Райан, который умел подавать так, что мяч невозможно было отбить, а это очень сложно. По телевидению показывали комедии с записанным на пленку смехом, и смех включали в забавных местах — считалось, что так смотреть интереснее. На рынках можно было купить замороженные пирожные и торты, а дома надо было только дать им оттаять и есть. Больше всего я любила земляничный пирог Сары Ли.

7 июля 1990 Долго писать не могу. Ехали целый день. Прошлой ночью мне опять приснился этот сон. Гарольду тоже приснился этот? человек? и это его очень расстроило, потому что он не может объяснить, почему мы оба видели один и тот же сон.

Стью говорит, что ему до сих пор снится Небраска и эта старая негритянка. Она продолжает говорить ему, чтобы он пришел ее повидать в любое время. Стью считает, что она живет в городке Холанд Хоум или Хоумтаун или что-то вроде этого. Говорит, что может ее найти. Гарольд высмеял его и пустился в долгие разглагольствования о том, что сны являются психо-фрейдистским проявлением тех вещей, о которых мы не осмеливаемся думать, когда бодрствуем. По-моему, Стью рассердился, но сдержал себя. Я очень боюсь, что их тайная вражда может перейти в открытую. КАК МНЕ ЖАЛЬ, ЧТО ВСЕ ТАК ПОЛУЧИЛОСЬ!

Но так или иначе, Стью спросил: «Так почему же у тебя и у Фрэнни был один и тот же сон?» Гарольд что-то пробормотал о совпадении и гордо удалился.

Стью сказал Глену и мне, что он хочет, чтобы после Стовингтона мы отправились в Небраску. Глен пожал плечами и сказал: «Почему бы и нет? Надо же нам куда-нибудь идти».

Гарольд, разумеется, станет возражать из «общих принципов». Черт тебя возьми, Гарольд! Когда же ты наконец подрастешь?

ЗАПОМНИТЬ: В конце восьмидесятых в США часто не хватало бензина, потому что все на чем-нибудь ездили, а большинство наших нефтяных запасов было израсходовано, и арабы подложили нам свинью. У арабов было столько денег, что они буквально не могли их все истратить. Была такая рок-н-рольная группа под названием «Зе Ху», которая иногда в конце своих выступлений разбивала гитары и усилители.

8 июля 1990 Уже поздно, и я устала, но я постараюсь записать как можно больше, пока глаза просто не ЗАХЛОПНУТСЯ. Гарольд закончил свою надпись около часа назад и укрепил табличку на главной лужайке перед центром в Стовингтоне. Стью помог ему.

Я пыталась подготовить себя к разочарованию. Я никогда не подозревала Стью во лжи, и я не думаю, чтобы Гарольд подозревал. Так что я была уверена, что там все умерли, но все равно было очень грустно, и я заплакала. Ничего не могла с собой поделать.

Но не одна я расстроилась. Когда Стью увидел центр, он жутко побледнел. На нем была рубашка с короткими рукавами, и я заметила, что его руки покрылись гусиной кожей. Глаза его обычно синие, но на этот раз они стали какого-то грязного цвета, как океан в плохую погоду.

Он указал на третий этаж и произнес: «Там была моя комната».

Гарольд повернулся к нему, и я заметила, что он собирается высказать один из своих ученых комментариев, но потом он увидел лицо Стью и заткнулся. Мне кажется, с его стороны это был очень мудрый поступок.

После паузы Гарольд сказал: «Ну что ж, давайте посмотрим, что там внутри».

«А зачем?» — ответил Стью, и голос его звучал почти истерически, но он изо всех сил старался удержать себя в руках. Меня это очень напугало, потому что обычно он спокоен, как лед.

«Стюарт...» — начал Глен, но Стью перебил.

«Зачем? Разве ты не видишь, что это мертвое место? Ни духовых оркестров, ни солдат, ничего. Поверь, — сказал он, — если бы они были здесь, они бы уже давно накинулись на нас. И нас бы заперли в белых комнатах, как стадо морских свинок. — А потом он посмотрел на меня и сказал: — Извини, Фрэн, я сорвался. Просто я очень расстроен».

«Ну что ж, я пойду, — сказал Гарольд, — кто пойдет со мной?» Но я-то видела, что хотя он и пытается изо всех сил быть БОЛЬШИМ И СМЕЛЫМ, он и сам очень испуган.

Глен сказал, что пойдет, и Стью сказал: «Иди тоже, Фрэн. Взгляни. Удовлетворись».

Я хотела было ему сказать, что останусь с ним на улице, потому что ему было так плохо (и потому что мне действительно не хотелось туда идти), но тогда бы опять начались сложности с Гарольдом, и я сказала о'кей.

Если у нас — у Глена — и были какие-то сомнения насчет правдивости рассказа Стью, то их можно было отбросить сразу же после того, как мы открыли дверь. Запах. Точно так же пахло во всех более или менее больших городах, которые мы проезжали. Похоже на запах гнилых помидоров, и, о, Господи, *опять* я плачу, но разве это справедливо, что люди не просто умирают, а начинают вонять как Стоп

(позже) Ну вот я поплакала. Что ж, сегодня слез больше не будет, обещаю.

Несмотря ни на что, мы вошли внутрь. Наверное, проявление болезненного любопытства. Не знаю, как насчет остальных, но лично мне вроде как хотелось посмотреть на комнату, где сидел Стью. А как там было *холодно*, после улицы. Повсюду гранит и мрамор, наверное, фантастическая теплоизоляция. На верхних этажах было теплее, но внизу был Запах... и холод... похоже на могилу. МЕРЗОСТЬ.

Было как-то тревожно, словно в доме с привидениями, и мы трое сбились в кучку, словно овцы, и я была рада, что с собой у меня винтовка — пусть и двадцать второго калибра. Звук наших шагов отдавался эхом, как будто за нами кто-то крался, преследовал нас, и я снова начала думать об этом сне, в котором главную роль играют человек в черном балахоне. Ничего удивительного, что Стью не захотел с нами пойти.

Наконец мы добрались до лифтов и поднялись на второй этаж. Там были какие-то кабинеты... и несколько тел. Третий этаж был похож на госпиталь, но у всех палат были герметичные двери и специальные окна, чтобы смотреть внутрь. Там было *очень много тел*, и в палатах, и в коридорах. Женщин почти не было. Интересно, их что, пытались эвакуировать под конец? Нам этого никогда не узнать. Но тогда зачем спрашивать?

Но так или иначе, в конце помещения, соединенного с главным коридором, мы нашли палату с открытой дверью. Там лежал мертвый человек, но он не был пациентом (на них были белые больничные пижамы) и уж точно умер не от гриппа. Он лежал в большой луже высохшей крови и выглядел он так, словно перед смертью пытался выползти из комнаты. Рядом валялся сломанный стул, и все вокруг было в беспорядке, словно здесь была драка.

Глен долгое время оглядывался, а потом сказал:

«По-моему, нам лучше ничего не говорить Стью о том, что мы видели эту комнату. Похоже, здесь он был очень близок к смерти».

Я посмотрела на распростертое тело, и мне стало еще страшнее.

«В каком смысле?» — спросил Гарольд, и даже его голос звучал неуверенно.

«По-моему, этот джентльмен пришел сюда, чтобы убить Стюарта, — сказал Глен, — но Стью каким-то образом удалось лучше справиться с аналогичной задачей».

«Но почему? — спросила я. Почему они хотели убить Стью, если у него был иммунитет? В этом же нет никакого смысла!»

Он посмотрел на меня, и в глазах у него был страх. Они выглядели почти мертвыми, как у скумбрии.

«Это не имеет значения, Фрэн, — сказал он. Смысл и это место, судя по его виду, — это две несовместимые вещи. Существует определенный тип мышления, уверенного в том, что можно замести следы. Такие люди верят в это с той же искренностью и фанатизмом, с которой члены некоторых сект верят в божественность Иисуса Христа. Потому что для некоторых людей самое важное — это замести следы, даже когда беда уже произошла. Интересно, сколько обладающих иммунитетом людей они убили в Атланте, Сан-Франциско и

Топеке, в центре по изучению вирусных болезней, прежде чем болезнь убила их и положила конец их занятию? Эта задница? Я рад, что он мертв. Мне только жаль Стью, который, возможно, всю свою оставшуюся жизнь будет видеть кошмары с его участием».

И знаете, что потом сделал Глен Бэйтмен? Этот симпатичный человек, который рисует ужасные картины? Он подошел и пнул труп прямо в лицо. Гарольд приглушенно крикнул, словно это его ударили. Потом Глен снова занес ногу.

«Нет», — кричал Гарольд, но Глен ударил труп и во второй раз. Потом он повернулся, утирая рот тыльной стороной ладони, но по крайней мере глаза его перестали быть похожи на глаза дохлой рыбы.

«Пошли, — сказал он, — идемте отсюда. Стью был прав. Это мертвое место».

Мы вышли, а Стью сидел, прислонясь спиной к железным воротам в высокой стене, которая огораживала здание, и мне захотелось... ну давай же, Фрэнни! Мне захотелось подбежать к нему, поцеловать его и сказать, как мне стыдно за то, что мы ему не верили.

О, Господи, я влюбляюсь в него!

Так или иначе, именно тогда Стью снова сказал нам, что хочет поехать в Небраску, что хочет проверить свой сон. На лице у него было упрямое, взволнованное выражение, словно он предчувствовал, что Гарольд начнет выступать со своими покровительственными рассуждениями, но Гарольд был слишком взволнован после нашего похода в центр, чтобы оказать сильное сопротивление. Но и слабые его возражения прекратились, когда Глен очень сдержанно сообщил, что прошлой ночью ему тоже приснилась старая женщина.

«Конечно, дело могло быть и в том, что Стью рассказал нам свой сон, — сказал он, и лицо его слегка покраснело, — но было очень похоже».

Гарольд сказал, что, конечно, дело только в этом, но Стью сказал: «Подожди минутку, Гарольд, у меня есть идея».

Идея Стью заключалась в том, что каждый из нас возьмет по листку бумаги и запишет все, что он помнит из своих снов за последнюю неделю, а потом мы сравним. Все это выглядело достаточно научно, поэтому Гарольд не особо возражал.

Результаты получились довольно-таки удивительными.

Гарольду, Стью и мне снится один и тот же «темный человек» (так я его назвала). И мне и Стью он являлся в монашеской рясе, и черты его лица невозможно было различить. Гарольд написал, что этот человек всегда стоит в темном дверном проеме и манит его за собой, «как сводник». Иногда он видит только его ноги и блеск его глаз — «они похожи на глаза ласки», так он написал.

Сны Стью и Глена о старой женщине очень похожи между собой. Сходство слишком большое, чтобы можно было объяснить его совпадением. Оба они считают, что она находится в округе Полк, штат Небраска, хотя по поводу названия городка у них разногласия — Стью говорит, что это Холлингфорд Хоум, а Глен утверждает, что Хемингуей Хоум. Так или иначе, похоже. Оба считают, что смогут найти это место. (Запомни, дневничок: по моему, это Хемингфорд Хоум).

«Это просто удивительно, — сказал Глен, — похоже, у нас у всех в психике идут идентичные процессы». Гарольд, разумеется, выразил свое пренебрежение, но выглядел он так, словно ему есть над чем задуматься. Согласился ехать он лишь потому, что «ведь надо же куда-нибудь ехать». Мы уезжаем утром. Я испугана, взволнована и счастлива уехать из Стовингтона.

ЗАПОМНИТЬ: «Расслабься» — это значит не расстраивайся. «Все ништяк» — это значит, что ты в полном порядке. «Отвязаться» значит хорошо провести время. Многие люди носили майки с надписью ДЕЛО — ТРУБА, и так оно часто и бывало... и есть до сих пор.

Было самое начало первого.

Перион заснула рядом с Марком, которого они два часа назад осторожно перенесли в тень. Он то терял сознание, то приходили в себя, и им было легче, когда он был в обмороке. Остаток ночи он терпел боль, но с наступлением ночи его леденящие душу крики стали почти непрерывными. Они стояли и с безнадежным видом смотрели друг на друга. Аппетита ни у кого не было.

— Это аппендицит, — сказал Глен. — Не думаю, что могут быть какие-то сомнения на этот счет.

— Может быть, мы должны попробовать... ну, прооперировать его, — сказал Гарольд и посмотрел на Глена.

— Мы убьем его, — бесцветно сказал Глен. — Понимаешь ли, Гарольд, даже если мы сумеем разрезать его так, что он не умрет от потери крови, что сделать мы не сможем, мы не отличим его аппендикс от поджелудочной железы. Видишь ли, там нет указательных надписей.

— Но мы убьем его, если не сделаем операции, — сказал Гарольд.

— Ты хочешь попробовать? — язвительно спросил Глен. — Иногда я удивляюсь, глядя на тебя, Гарольд.

— Что-то я не замечаю, чтобы от *тебя* был большой толк в данной ситуации, — сказал Гарольд, вспыхнув.

— Да прекратите вы, — сказал Стью. — Если только в ваши планы не входит сделать операцию складным ножом, то об этом не может быть и речи. Ближайшая больница осталась в Моми. Нам его туда никогда не довезти.

— Конечно, ты прав, — пробормотал Глен и поскреб небритую щеку. — Гарольд, извини меня. Я совсем не в себе. Я знал, что нечто подобное может случиться — уже случилось, — но, наверное, я знал это число теоретически. А жизнь отличается от размышления об отвлеченных предметах в уютном старом кабинете.

Гарольд недоверчиво пробормотал, что принимает извинения, и отошел, глубоко засунув руки в карманы. Он был похож на обиженного десятилетнего переростка.

— Почему мы не довезем его? — с отчаянием в голосе спросила Фрэн.

— Потому что его аппендикс очень сильно распух, — сказал Глен. — Если он лопнет, то в его организме окажется достаточно яда, чтобы убить десять человек.

Стью кивнул:

— Перитонит.

У Фрэнни закружилась голова. Аппендицит? Раньше это был пустяк. *Пустяк*. Она вспомнила, как один из ее приятелей по старшим классам, мальчик по имени Чарли Биггерс, летом перенес операцию аппендицита. Он пробыл в больнице всего два или три дня. С медицинской точки зрения, это был абсолютный пустяк.

Точно так же, как и рождение ребенка.

— Но если мы оставим его на месте, то разве он не лопнет? — спросила она.

Стью и Глен неуверенно переглянулись и ничего не сказали.

— Ну а тогда прав Гарольд — вы просто убьете его! — взорвалась она. — Вы должны *что-то* сделать, даже если для этого потребуется складной нож! Вы должны!

— А почему *мы*? — сердито спросил Глен. — Почему не *ты*? Господи помилуй, у нас нет медицинского справочника!

— Но вы... он... это не должно случиться! ОПЕРАЦИЯ АППЕНДИЦИТА — ЭТО ПУСТЯК!

— Возможно, в старые времена так и было, но не сейчас, — сказал Глен, но она уже пошла прочь, заливаясь слезами.

Она вернулась около трех часов. Ей было стыдно, и она хотела извиниться. Но ни Глена, ни Стью в лагере не оказалось. Гарольд уныло сидел на стволе упавшего дерева. Перион сидела рядом с Марком, скрестив ноги, и тряпочкой смачивала ему лицо. Она была бледна, но держала себя в руках.

— Фрэнни! — сказал Гарольд, просветлев.

— Привет, — она подошла к Пери. — Как он?

— Спит, — сказала Перион, но даже Фрэн было заметно, что он не спит. Он был без сознания.

— Куда ушли остальные, Пери? Ты не знаешь?

Ответил ей Гарольд. Он подошел со спины, и она почувствовала, как ему хочется потрогать ее волосы или положить руку ей на плечо. Но ей этого не хотелось. В обществе Гарольда она почти всегда стала ощущать острую неловкость.

— Они поехали в Канкл, чтобы отыскать врачебный кабинет.

— Они думают найти там медицинские книги, — сказала Пери. — И кое-какие... кое-какие инструменты.

— Нам так жаль, — сказал Гарольд неуверенно.

Пери подняла голову и улыбнулась вымученной улыбкой.

— Я знаю, — сказала она. — Спасибо. Никто в этом не виноват. Если, конечно. Бога нет. А если Он есть, то это *Его* вина. И когда я увижу его, я собираюсь двинуть Его по яйцам.

У Пери было лошадиное лицо и массивное крестьянское тело. Фрэн, которая прежде всего обращала внимание на лучшие человеческие черты (у Гарольда, например, были прекрасные руки), отметила, что у Пери были прекрасные волосы с легким каштановым оттенком, а в ее темно-синих глазах светится ум. Она сказала им, что преподавала антропологию в Нью-йоркском университете, а кроме того принимала участие во многих политических движениях, в том числе за права женщин и за равноправие перед законом жертв СПИДа. Она никогда не была замужем. Она встретила с Марком в Олбени, где она проводила летний отпуск с родителями, в последний день июня, и после недолгого разговора они решили поскорее убраться из города, до тех пор пока вызревающие в трупах микробы не довершили того, что не смог сделать супергрипп.

Они оставили город и на следующую ночь стали любовниками. Он был со мной нежен, — сказала ей Пери с тем легким удивлением, которое отличает всех некрасивых женщин, нашедших себе симпатичного мужчину в этом суровом мире.

Постепенно она полюбила его.

А теперь это.

— Странно, — сказала она. — Все мы здесь, кроме Стью и Гарольда, имеем высшее образование, да и ты, Гарольд, обязательно получил бы его, если бы жизнь продолжала идти своим чередом.

— Наверное, это так, — сказал Гарольд.

Пери снова повернулась к Марку и стала отирать его лоб, нежно, с любовью.

— Фрэнни изучала филологию, Глен был профессором социологии, Марк должен был получить степень по американской истории, ты, Гарольд, собирался стать писателем. Мы могли бы сесть в кружок и вести интеллектуальные разговоры. Собственно говоря, мы так и делали, не правда ли?

— Да, — согласился Гарольд. Голос его был таким тихим, что его почти не было

слышно.

— Гуманитарное образование учит вас думать — где-то я это читала. А суровые факты, о которых вы узнаете, это что-то вторичное. Главное, что вы выносите с собой из школы, — это умение конструктивно пользоваться индукцией и дедукцией.

— И это правильно, — сказал Гарольд. — Мне это нравится.

Теперь его рука все-таки опустилась Фрэн на плечо. Она не сбросила ее, но почувствовала себя очень неловко.

— Но это неправильно, — яростно сказала Пери, и удивленный Гарольд убрал руку с плеча Фрэнни. Она немедленно почувствовала облегчение.

— Неправильно? — переспросил он робко.

— Он умирает! — сказала Пери с какой-то гневной безнадежностью. — Он умирает, потому что все мы потратили свою жизнь на то, чтобы научиться дурачить друг друга в комнатах общежития или в гостининых дешевых квартирах в университетских городках. Конечно, я могу вам рассказать об индейцах Миди с Новой Гвинеи, а Гарольд сможет объяснить, на чем основана литературная техника поздних английских поэтов, но чем все это может помочь Марку?

— Если бы с нами оказался кто-нибудь из медицинского института... — попробовала начать Фрэн.

— Если бы. Но такого человека среди нас нет. Среди нас нет даже автомеханика или хотя бы бывшего студента сельскохозяйственного колледжа, который хотя бы раз видел, как ветеринар оперирует лошадь или корову. — Она посмотрела на них, и ее темно-синие глаза сделались еще темнее. — Какую бы симпатию я к вам не чувствовала, сейчас я променяла бы вас даже на хорошего слесаря. Вы все так боитесь притронуться к нему, хотя и знаете, что произойдет, если вы этого не сделаете. И я такая же.

— Но Стью и Глен пошли на поиски. Это уже кое-что, не так ли?

Пери вздохнула.

— Да, это кое-что. Но ведь это Стью решил идти, верно? Он оказался единственным из нас, кто в конце концов решил, что лучше попытаться что-то сделать, вместо того, чтобы стоять на месте и заламывать руки. — Она посмотрела на Фрэнни. — Он не говорил тебе, чем он занимался раньше?

— Он работал на заводе, — с готовностью ответила Фрэн. Она не заметила, как Гарольд помрачнел из-за того, что она так быстро смогла сообщить эту информацию. — Он паял схемы для микрокалькуляторов. Можно сказать, он был компьютерным инженером.

— Ха! — сказал Гарольд, кисло улыбнувшись.

— Он единственный из нас, кто понимает, как устроены вещи, — сказала Пери. — То, что он собирается сделать вместе с мистером Бэйтменом, убьет Марка, я почти уверена в этом, но лучше быть убитым, когда кто-то пытается тебе помочь, чем умереть, когда мы тут стоим и смотрим... как на собаку, задавленную автомобилем.

Ни Гарольд, ни Фрэн не смогли ничего ответить. Они только стояли позади нее и смотрели на бледное, неподвижное лицо Марка. Через некоторое время Гарольд снова положил свою потную руку Фрэн на плечо. Она чуть не закричала.

Стью и Глен вернулись без четверти четыре. Сзади к их мотоциклу был привязан черный докторский саквояж с инструментами и стопка толстых книг в черных переплетах.

— Мы попытаемся, — сказал Стью.

Пери подняла глаза. Лицо ее было бледным и напряженным, голос — спокойным.

— На самом деле? Пожалуйста. Мы оба этого хотим.

— Стью? — сказала Перион.

Было десять минут пятого. Стью стоял на коленях на клеенчатой простыне, расстеленной под деревом. Пот реками стекал с его лица. Глаза его сверкали. Фрэнни держала перед ним открытую книгу, раскрывая ее то на одной, то на другой цветной иллюстрации, когда Стью поднимал глаза и кивал ей. Позади него стоял смертельно бледный Глен Бэйтмен и держал в руках катушку с прочными белыми нитками. Между ними стоял открытый саквояж с безупречными стальными инструментами. Саквояж был забрызган кровью.

— Вот он! — закричал Стью. — Вот он, маленький ублюдок! Здесь! Прямо здесь!

— Стью? — сказала Перион.

— Фрэн, покажи мне снова эту картинку! Быстро! Быстро!

— Ты можешь его удалить? — спросил Глен. — Господи, Восточный Техас, неужели у тебя получится?

Гарольда с ними не было. Он ушел еще в самом начале, зажимая рукой рот. Последние пятнадцать минут он стоял к ним спиной в маленькой рощице к востоку от них. Теперь он повернулся к ним, и в его круглом красном лице засветилась надежда.

— Не знаю, — сказал Стью. — Может быть.

Он уставился на цветную иллюстрацию, которую держала перед ним Фрэн. Руки у него были по локоть в крови.

— Стью? — сказала Перион.

— Вытри мой лоб, Фрэнни, я потею, как глупая свинья... спасибо... Господи, эти проклятые внутренности... ага, попался. Попался.

— Стью, — сказала Перион.

— Дай мне ножницы, Глен. Нет, не те. Которые поменьше.

— СТЬЮ.

Он наконец поднял на нее глаза.

— Не стоит, — сказала она спокойно, мягко. — Он мертв.

Он посмотрел на нее, и его сузившиеся глаза медленно расширились.

Она кивнула.

— Почти две минуты назад. Но спасибо тебе. Спасибо за то, что ты попытался.

Стью посмотрел на нее долгим взглядом.

— Ты уверена? — прошептал он наконец.

Она снова кивнула. Слезы бесшумно потекли по ее лицу.

Стью отвернулся от них, уронил маленький скальпель, который был у него в руках, и закрыл лицо руками в жесте безысходного отчаяния. Глен уже отошел в сторону, не оглядываясь и сгорбив плечи, словно от удара.

Фрэнни обвила Стью руками и прижала его к себе.

— Ну и дела, — сказал он. Он повторял эту фразу снова и снова, и голос его был таким медленным и бесцветным, что она испугалась. — Ну и дела. Все кончено. Ну и дела. Ну и дела.

— Ты сделал все, что мог, — сказала она и обняла его еще крепче, словно боясь, что он улетит.

— Ну и ну, — сказал он еще раз с унылой безнадежностью.

Гарольд Лаудер смотрел на Фрэнни и Стью с растущим подозрением и страхом. Через несколько секунд он резко повернулся и пошел прочь. Вернулся он только после ужина.

На следующее утро она снова проснулась рано. Кто-то тряс ее за плечо. Я открою глаза, и

это окажется Глен или Гарольд, — подумала она сквозь сон. Все повториться снова, и будет повторяться постоянно, до самого конца. Те, кто не усвоил уроков истории...

Но это был Стью. Уже занималась заря. Все остальные спали.

— В чем дело? — спросила она, садясь на постели. — Что-то случилось?

— Мне снова снился сон, — сказал он. — Не о старой женщине, а о... о другом. О темном человеке. Я испугался, и тогда я...

— Постой, — сказала она, испугавшись выражения у него на лице. — Скажи, в чем дело, пожалуйста.

— Это Перион. Веронал. Она вынула веронал из рюкзака Глена.

У нее перехватило дыхание.

— О Господи, — сказал Стью потерянно. — Она мертва, Фрэнни.

Она попыталась заговорить, но обнаружила, что не может этого сделать.

— Наверное, надо разбудить остальных, — сказал Стью отсутствующим тоном. Он поскреб щетинистую щеку. Фрэн еще помнила, какой колючей она была вчера, когда они обнялись. Он повернулся к ней в изумлении. — Когда же это кончится?

— Думаю, никогда, — сказала она тихо.

Они посмотрели друг на друга в свете занимающейся зари.

Из дневника Фрэн Голдсмит

12 июля 1990 Этим вечером мы разбили лагерь к западу от Гилдерленда, штат Нью-Йорк. Наконец-то выехали на дорогу между шоссе N80 и N90. Волнение после встречи с Марком и Перион (вам не кажется, что это прелестное имя? мне кажется) понемногу улеглось. Они согласились ехать с нами... собственно говоря, они первые предложили нам это.

Но я не уверена, что Гарольд предложил бы им стать нашими попутчиками. Вы же знаете, какой он. И он был слегка ошарашен (по-моему, Глен тоже) количеством оружия, которое они на себе тащили.

Наверное, я уже много страниц исписала, рассказывая о ПСИХОЛОГИИ ГАРОЛЬДА. Если вы ее до сих пор не поняли, то не поймете уже никогда. За его напускной развязностью и всеми этими напыщенными разглагольствованиями скрывается испуганный маленький мальчик. Он не может по-настоящему поверить в то, что все изменилось. Часть его — и не маленькая — продолжает верить в то, что в один прекрасный день все его школьные мучители поднимутся из могил и начнут стрелять в него шариками из жеваной бумаги. Иногда я думаю, что для него (а может быть, и для меня) было бы лучше, если бы мы не зацепились друг за друга в Оганквите. Я — часть его прежней жизни, когда-то я была лучшей подружкой его сестры, и так далее, и тому подобное. Чтобы подытожить мои причудливые отношения с Лаудером, я бы сказала, что как это ни странно, но теперь, когда я знаю то, что знаю, я бы скорее выбрала себе в друзья *Гарольда*, а не Эми, которая сходила с ума по мальчикам в красивых машинах и модных костюмах и была (прости меня. Господи, за то, что я плохо говорю о покойнице, но это абсолютная правда) самым настоящим Оганквитским Снобом, каким может быть только человек, живущий в городе круглый год. По-своему, Гарольд очень мил. Когда он не сосредотачивает свою умственную энергию на том, чтобы вести себя как последняя задница, это бывает заметно. Но дело в том, что Гарольд никогда не сможет поверить в то, что кто-то другой считает его милым. Он обречен на то, чтобы принести с собой все свои проблемы в этот не такой уж дивный новый мир. Это все равно, как если бы он положил их в свой рюкзак со своей любимой шоколадной карамелью.

ЗАПОМНИТЬ: попугай Джиллетт. «Пожалуйста, не сжимайте красотку так сильно».

катастрофу».

Марк кивнул. «Контрольная группа и экспериментальная группа».

«То, что он обнаружил, было достаточно просто, но приводило к поразительным выводам».

«Так что же это было?» — спросила я.

«Полные самолеты и поезда редко попадают в катастрофы», — сказал Глен.

«Какая идиотская ЧУШЬ!» — завопил Гарольд.

«Не совсем, — спокойно ответил Глен. В тех случаях, когда поезд или самолет попадает в катастрофу, транспортное средство бывает в среднем заполнено на 61%. В тех случаях, когда катастроф не бывает, в среднем заполняется 76% мест. Разница составляет 15% и несомненно является значимой. Стонтон указывает, что с точки зрения статистики, даже трехпроцентного отклонения было бы достаточно, чтобы серьезно задуматься, и он прав. Это аномалия размером с Техас. Вывод Стонтон заключался в том, что люди *знают*, какие самолеты и поезда попадут в катастрофу... что они бессознательно предсказывают будущее.

У вашей тетушки Салли начинает сильно болеть живот как раз перед тем, как рейс N61 должен был унести ее за пределы Чикаго в Сан-Диего. А когда самолет падает в невадской пустыне, все восклицают: О, тетушка Салли, эта боль в животе была настоящим проявлением Божьей милости. Но до тех пор пока не появился Джеймс Стонтон, никто не подозревал о том, что живот... или голова... или что-то еще заболело на самом деле у *тридцати* людей».

«Я просто не могу в это поверить», — сказал Гарольд, покачав головой с довольно жалким видом.

«Видите ли, — сказал Глен, — примерно через неделю после того, как я прочитал статью Стонтон в первый раз, самолет „Маджестик Эйрлайнз“ потерпел крушение в аэропорту Логан. Ну, я позвонил в контору „Маджестик“ в Логане. Сказал им, что я репортер из манчестерского „Профсоюзного Лидера“ — небольшая ложь по уважительной причине. Я сказал, что мы собираем данные по авиакатастрофам и спросил, не могут ли они мне сказать, сколько человек, купивших билеты, не явилось на рейс. Голос у человека звучал довольно удивленно, и он сказал мне, что авиаперсонал тоже об этом говорил. Не явилось шестнадцать человек. Я спросил его, сколько человек в среднем не является на рейс „Боинга-747“ из Денвера в Бостон, и он сказал, что трое».

«Трое», — удивленно повторила Перион.

«Да. Но парень на этом не остановился. Он сказал, что пятнадцать человек *сдали билеты*, а в среднем сдают человек восемь. Так что, хотя газетные заголовки после случившегося и кричали о том, что **АВИАКАТАСТРОФА В ЛОГАНЕ УНЕСЛА ЖИЗНИ 94 ЧЕЛОВЕК**, но с таким же успехом они могли кричать и о том, что **31 ЧЕЛОВЕК ЧУДОМ ИЗБЕЖАЛИ СМЕРТИ В АВИАКАТАСТРОФЕ В ЛОГАНЕ**».

Ну... было много еще всяких разговоров о всей этой телепатии, но все это уже не имело отношения к теме *наших* снов. Помню только, что Стью спросил у Глена (это случилось как раз после того, как Гарольд отошел в сторону в знак крайнего презрения): «Но если мы все обладаем телепатическими способностями, то почему же мы не чувствуем, когда где-то далеко от нас умирает наша возлюбленная, или наш дом разрушает ураганом, или что-нибудь в этом роде?»

«Существует много подобных случаев, — сказал Глен, — но я готов признать, что их не так-то легко доказать с помощью компьютера. Это интересная проблема. У меня есть теория...»

(А когда ее у него нет, дневничок?) «...по поводу эволюционного развития человека. Вы ведь знаете, что когда-то люди — или их предки — имели хвост и шерсть по всему телу, и

чувства у них были обострены в гораздо большей степени, чем сейчас. Почему сейчас этого нет? Быстро, Стью! У тебя есть шанс стать первым учеником в классе».

«Ну, наверное, по той же причине, по которой люди больше не носят пыльники и очки-консервы, когда садятся за руль. Иногда ты просто перерастаешь вещь. Наступает момент, когда она больше уже не нужна тебе».

«Точно. А зачем человеку телепатические способности, которые абсолютно бесполезны с практической точки зрения? Какой тебе прок будет от того, что сидя в кабинете, ты вдруг узнаешь, что твоя жена погибла в автомобильной катастрофе, возвращаясь с рынка? Тебе ведь позвонят по телефону и скажут, верно? Если эти способности у нас когда-нибудь и были, то они должны были давным-давно атрофироваться, как хвосты и шкуры.»

«Что мне интересно в наших снах, — продолжил он, — так это то, что они предсказывают какую-то будущую борьбу. Мы видим смутные образы протагониста... и антагониста. Если это действительно так, то это все равно что посмотреть на самолет, на котором мы должны лететь... и почувствовать боль в животе. Возможно, нам дарованы средства, с помощью которых мы можем повлиять на наше будущее. Нечто вроде свободной воли из четвертого измерения: возможность заранее выбрать тот или иной ход событий».

«Но мы не знаем, что эти сны *значат*», — сказала я.

«Не знаем. Но можем узнать. Не уверен, можно ли считать слабые проявления телепатических способностей признаком нашего божественного происхождения. Существует множество людей, готовых поверить в чудо ясновидения, не веря в то, что оно доказывает существование Бога, и я являюсь одним из них, но я верю в то, что эти сны являются конструктивной силой, хотя они и могут нас испугать. Поэтому у меня есть вторичные соображения по поводу веронала. Принимать его это все равно что выпить немножко „Пепто-Бисмола“, чтобы прошел живот, и сесть на самолет».

ЗАПОМНИТЬ: Экономические спады, дефициты, «Форд Гроулер», который мог проехать шестьдесят миль по шоссе на одном литре бензина. Чудесная машина. Вот и все, я кончаю. Если записи не станут короче, то этот дневник станет таким же длинным, как «Унесенные ветром» еще до того, как прискачет Одинокий Ковбой.

16 июля 1990 Только две записи, о снах. Во-первых, в течение этих последних двух дней Глен Бэйтмен был очень бледным и тихим, а этим вечером я заметила, как он принял дополнительную дозу веронала.

Во-вторых, мои собственные сны. Позавчера ночью я спала, как младенец, и ничего не могла вспомнить. Прошлой ночью мне впервые приснилась старая женщина. Ничего не могу добавить к уже сказанному, за исключением того, что от нее исходит аура доброты и радости. Теперь я могу понять, почему Стью так настаивал на том, чтобы мы поехали в Небраску, несмотря на весь сарказм Гарольда. Этим утром я проснулась полностью освеженной, думая, что если только нам удастся добраться до этой женщины, Матушки Абагейл, то все будет о'кей. Надеюсь, она действительно там. (Кстати, я абсолютно уверена, что городок называется Хемингфорд Хоум).

ЗАПОМНИТЬ: Матушка Абагейл.

Было около четверти десятого утра тридцатого июля. Выехали они только час назад. Ехать приходилось медленно, потому что прошедшей ночью был сильный ливень, и дорога была еще скользкой. Со вчерашнего утра, когда Стью разбудил сначала Фрэнни, а потом Гарольда и Глена, чтобы сказать им о самоубийстве Перион, они почти не разговаривали. Он винит себя, — подумала Фрэн с горечью, — винит себя за то, в чем он виноват не больше, чем в ночной грозе.

Она хотела сказать ему это, отчасти потому, что его следовало поругать за самоедство, а отчасти потому, что она любила его. Эту вторую причину она уже была не в силах скрывать от самой себя. Ей казалось, что она может убедить его в том, что смерть Пери — это не его вина... но в процессе этого разговора она неизбежно раскроет свои подлинные чувства. Но вскоре это неизбежно случится, и Бог с ним с Гарольдом.

Они завернули за поворот и увидели перевернутый жилой прицеп, перегородивший дорогу. Его ржавый бок все еще блестел после ночного дождя. На обочине стояли три автофургона и большой дорожный грузовик. Рядом стояли люди, по крайней мере, человек двенадцать.

Фрэн была так потрясена, что затормозила слишком резко. Ее «Хонду» занесло на скользкой дороге, и она чуть не упала. Все они остановились и удивленно уставились на столь многочисленную группу живых людей.

— Ну давайте, слезайте, — сказал один из этих людей. Он был высокого роста, с рыжеватой бородой, и носил темные очки.

«Сейчас он потребует предъявить водительские права», — подумала Фрэн. Рядом с человеком в темных очках стояло трое мужчин. Остальные были женщины. Их было как минимум человек восемь. Вид у них был бледным и взволнованным. Они сгруппировались небольшими группками рядом с запаркованными автофургонами.

У человека в темных очках был револьвер. У остальных мужчин были винтовки. Двое были одеты в остатки военной формы.

— Слезайте, ЧЕРТ ВАС ВОЗЬМИ, — сказал человек в темных очках, и один из его товарищей зарядил винтовку.

Глен и Гарольд выглядели озадаченными и испуганными.

— Гарольд, — сказал Стью спокойно. По глазам было видно, что он принял какое-то решение. — Гарольд, не... — А потом все и произошло.

Винтовка Стью висела у него за спиной. Он опустил плечо, чтобы ремень соскользнул вниз, и винтовка оказалась у него в руках.

— Не смей! — яростно закричал бородач. — Гарви! Вирдж! Ронни! Огонь! По женщине не стрелять!

Гарольд попытался схватить свои револьверы, поначалу забыв, что они убраны в кобуры.

Глен Бэйтмен по-прежнему сидел на мотоцикле позади Гарольда в удивленном оцепенении.

— ГАРОЛЬД! — закричал Стью.

Фрэнни начала снимать с плеча свою винтовку. Она почувствовала себя так, словно воздух вокруг наполнился невидимой клейкой патокой, сквозь которую ей никогда не прорваться. Она поняла, что, возможно, им придется здесь умереть.

Одна из девушек закричала:

— СЕЙЧАС!

Пока Фрэнни снимала с плеча винтовку, взгляд ее скользнул по девушке. Впрочем, ее уже трудно было назвать девушкой — ей было по крайней мере двадцать пять. Ее пепельные волосы висели клоками, словно она недавно подстригла их садовыми ножницами.

Часть женщин застыли от ужаса, но светловолосая девушка и еще трое пришли в движение.

Бородач направил свой револьвер на Стью. Когда молодая светловолосая женщина закричала: «СЕЙЧАС!», ствол слегка дернулся по направлению к ней, словно волшебная лоза, почувствовавшая присутствие воды. Револьвер выстрелил. Раздался громкий звук, словно стальным предметом проббили картон. Стью упал с мотоцикла, и Фрэнни вскрикнула.

Потом Стью приподнялся на локтях и стал стрелять. Бородач сделал назад несколько па, словно водевильный танцор, покидающий сцену после бисового номера, и упал на спину.

Двое из троих мужчин дернулись на крик женщины. Один из них нажал курок старомодной ремингтоновской двустволки. Лицо одной из женщин, которая никак не прореагировала на крик светловолосой, превратилось в невероятное кровавое месиво. Лишь один неповрежденный глаз смотрел сквозь ее кровавую маску. В нем застыло удивленное недоумение. Потом женщина упала лицом на дорогу.

Светловолосая женщина схватилась с другим из обернувшихся мужчин. Его двустволка упала на землю между ними. Другая девушка бросилась, чтобы ее поднять.

Третий мужчина, который *не повернулся к женщинам*, открыл огонь по Фрэн. Фрэнни продолжала сидеть на своем мотоцикле с винтовкой в руках, глупо на него уставившись. У него была кожа оливкового цвета, и он был похож на итальянца. Она ощутила, как пуля пронеслась мимо ее виска.

Гарольд наконец-то вытащил из кобуры один из своих револьверов. Он поднял его и выстрелил в человека с оливковой кожей. Расстояние было около пятнадцати шагов. Он промахнулся. Дырка от пули появилась в стенке прицепа чуть-чуть левее головы предполагаемого итальянца. Итальянец посмотрел на Гарольда и сказал:

— А теперь я тебя кончу, сукин сын.

— НЕ НАДО! — вскрикнул Гарольд. Он выронил пистолет и поднял руки вверх.

Человек с оливковой кожей выстрелил в Гарольда трижды. Все три раза он промахнулся. Третий выстрел причинил наибольший ущерб — пуля визгнула по выхлопной трубе гарольдовской «Ямахи». Мотоцикл упал, а вместе с ним и Гарольд с Гленом.

С начала схватки прошло двадцать секунд. Гарольд и Стью лежали без движения. Глен сидел, скрестив ноги, по-прежнему выглядя так, словно он не понимает, где находится и что вокруг происходит. Фрэнни отчаянно пыталась пристрелить человека с оливковой кожей, но винтовка не действовала, потому что она забыла снять ее с предохранителя.

Ругаясь на языке, который несомненно был итальянским, человек с оливковой кожей снова прицелился в Гарольда, но в этот момент Стью выстрелил ему прямо в лоб, после чего тот рухнул, как мешок картошки.

Теперь к драке за обладание двустволкой присоединилась еще одна женщина. Бывший владелец двустволки попытался отшвырнуть ее в сторону. Она просунула руку ему между ног и сдавила его мошонку. Мужчина потерял всякий интерес к двустволке и, согнувшись пополам, заковылял прочь.

Гарольд дополз до своего выроненного пистолета, схватил его и выстрелил три раза по мужчине, который держался за свои половые органы. Все три раза он промахнулся.

«Похоже на Бонни и Клайда, — подумала Фрэнни, — Господи, да ведь все вокруг залито кровью!»

Светловолосая женщина проиграла борьбу со вторым мужчиной за обладание

двустволкой. Он вырвал оружие и ударил ее ногой, возможно, целясь в живот, но попал по бедру. Она быстрыми мелкими шагами отбежала назад, балансируя руками, и плюхнулась на задницу.

Теперь он пристрелит ее, — подумала Фрэнни, но второй мужчина повернулся, словно пьяный солдат, исполняющий команду «Кругом!», и начал безостановочно палить по группке из трех женщин, съжившихся от страха рядом с автофургоном.

— Ааааа! Суки! — кричал этот джентльмен. — Ааааа! Суки!

Одна из женщин упала и стала биться на дороге, как пронзенная острой рыбой. Две другие пустились бежать. Стью пальнул в стрелка, но промахнулся. Одна женщина вскинула руки и упала. Другая вильнула налево и скрылась за прицепом.

Третий мужчина, потерявший и не сумевший вернуть назад свою двустволку, все еще ковылял вокруг, держась за мошонку. Одна из женщин направила на него двустволку и спустила курок, зажмурив глаза в ожидании грома. Гром не раздался. Двустволка не была заряжена. Тогда она схватила ее за стволы и с размаха ударила мужчину прикладом. Она попала ему по шее, и мужчина рухнул на колени. Он попытался уползти. Женщина, одетая в синий спортивный свитер университета Кент и рваные джинсы, пошла за ним, непрерывно осыпая его ударами.

— Аааааа, вы СУКИ! — вскрикнул второй мужчина и выстрелил в онемевшую от удивления женщину средних лет. Расстояние между ними было не больше трех футов. Она могла почти дотронуться до ствола своим розовым пальцем. Он промахнулся. Тогда он снова спустил курок, но вышла осечка.

Гарольд схватил револьвер двумя руками, подражая полицейским из фильмов. Он спустил курок, и пуля раздробила второму мужчине локоть. Он выронил винтовку и начал пританцовывать на месте, пронзительно попискивая.

— Я попал! — восторженно кричал Гарольд. — Попал! Ей-Богу, я попал в него!

Фрэнни наконец-то догадалась снять свою винтовку с предохранителя. В этот момент снова выстрелил Стью. Вторым мужчиной упал, держась уже не за локоть, а за живот. Он продолжал пронзительно кричать.

— Господи, Господи, — тихо произнес Глен. Он закрыл лицо руками и заплакал.

Гарольд выстрелил еще раз. Тело второго мужчины дернулось. Кричать он перестал.

Женщина в спортивном свитере университета Кент снова с силой опустила винтовку на ползущего человека. На этот раз удар пришелся прямо по голове. И голова, и ореховый приклад треснули.

На мгновение наступила тишина. Потом запела птица: «Вить-вить... вить-вить... вить-вить...»

Потом девушка в спортивном свитере наступила на тело поверженного врага и испустила продолжительный, первобытный победный клич, который Фрэн Голдсмит запомнила на всю жизнь.

Светловолосую женщину звали Дайна Джургенс. Она была из Ксении, штат Огайо. Девушку в спортивном свитере университета Кент звали Сюзан Стерн. Девушку, которая схватила за мошонку владельца двустволки, звали Патти Крогер. Другие две женщины были немного постарше. Старшую из них, — сказала Дайна, — зовут Ширли Хэммет. Имени той, что помоложе, они не знали. Когда Эл, Гарви, Вирдж и Ронни подобрали ее два дня назад в Арчболде, она была в состоянии шока.

Вдевятером они отошли от дороги и разбили лагерь на ферме к западу от Колумбии, на границе с Индианой. Все они пребывали в полном оцепенении, и Фрэн подумала позднее, что

со стороны их прогулка через поле выглядела как поход, организованный местным сумасшедшим домом.

Глен шел позади нее, и его тонкое, ироничное лицо выглядело совершенно убитым. Он держал ее за руку. От него слегка пахло рвотой.

Все шли очень медленно, но Ширли Хэммет двигалась еще медленнее. Седые волосы неопытно свисали ей на лицо, а ее ошеломленные глаза смотрели на мир так, как смотрит мышь из своего временного убежища.

Гарольд неуверенно посмотрел на Стью.

— Мы ведь разделали их под орех, так, Стью?

— Пожалуй, Гарольд.

— Слушай, но мы ДОЛЖНЫ БЫЛИ ИХ КОНЧИТЬ, — серьезно сказал Гарольд, словно Стью придерживался на этот счет какого-то другого мнения. — Вопрос стоял так: или они, или мы!

— Они прострелили бы вам головы, — спокойно сказала Дайна Джургенс. — Когда они напали на нас, я была с двумя парнями. Они застрелили Рича и Дэмона из засады. А потом, когда все было кончено, еще раз выстрелили им в головы, просто на всякий случай. Если бы вы не сопротивлялись, вы бы уже были мертвы.

— Мы бы уже были мертвы! — воскликнул Гарольд, обращаясь к Стью.

— Все в порядке, — сказал Стью. — Расслабься.

Гарольд полез в карман и достал шоколадную карамельку. Он чуть не уронил ее, когда разворачивал.

Они дошли до фермы. Поедая карамельку, Гарольд ощупывал себя беглыми движениями, чтобы убедиться в том, что он не ранен. Ему было не по себе. Он боялся посмотреть на свои джинсы. Он был почти уверен, что обмочился, когда празднества у перевернутого жилого прицепа достигли своего апогея.

Во время запоздалого завтрака, который никто толком так и не стал есть, говорили в основном Дайна и Сюзан. Семнадцатилетняя и очень красивая Патти Крогер иногда вставляла словечко-другое. Женщина без имени забилась в самый отдаленный угол пыльной кухни. Ширли Хэммет сидела за столом и что-то бормотала.

Дайна уехала из Ксении в компании с Ричардом Дарлиссом и Дэмоном Брэкнеллом. Кто еще остался в живых в Ксении после эпидемии? Она видела только троих: дряхлого старика, женщину и маленькую девочку. Дайна с друзьями предложила троице присоединиться к ним, но старик отмахнулся от них, сказав что-то насчет того, что-то насчет «одного дела в пустыне».

К восьмому июля Дайна, Ричард и Дэмон стали страдать от кошмарных снов о ком-то вроде Буки, которым пугают маленьких детей. Очень страшные сны. Рич в конце концов пришел к выводу, что Бука существует на самом деле, — сказала Дайна, — и живет в Калифорнии. Он думал, что этот человек, если это только действительно был человек, и был тем самым «делом в пустыне», которое предстояло тем трем людям. Она и Дэмон стали опасаться за его психическое здоровье. Он называл человека из их снов «тяжелым случаем» и утверждал, что он собирает вокруг себя *армию* таких же, как он, «тяжелых случаев». Он говорил, что скоро эта армия начнет наступать с запада и поработит все живое, что осталось на земле. Дайна и Дэмон стали обсуждать между собой возможность ускользнуть от Рича как-нибудь ночью и начали верить в то, что их собственные сны есть лишь следствие его мощного психического влияния.

Выехав из-за поворота в Вилльямстауне, они увидели большой мусоровоз на боку,

перегородивший дорогу. Рядом были запаркованы автофургон и дорожный грузовик.

— Мы подумали, что это обычный затор, — сказала Дайна, нервно кроша крекер между пальцев, — на что, разумеется, они и рассчитывали.

Они слезли с велосипедов, чтобы перетащить их через мусоровоз, и именно в этот момент четыре «тяжелых случая» открыли по ним огонь из канавы. Они убили Рича и Дэмона, а Дайну взяли в плен. Она стала четвертым прибавлением к тому, что они иногда называли зоопарком, а иногда — гаремом. Одной из трех уж имевшихся там пленниц была Ширли Хэммет, которая в то время была еще почти нормальной, хотя все четверо постоянно трахали ее во все три отверстия.

— А однажды, — сказала Дайна, — когда она не смогла дотерпеть до того момента, когда их выводили в кусты справить нужду, Ронни вытер ей задницу мотком колючей проволоки. У нее было трехдневное кровотечение.

— Господи, — сказал Стью. — Это который был?

— Человек с дустволкой, — сказала Сюзан Стерн. — Тот, которому я разможила голову. Мне хотелось бы, чтобы он лежал здесь на полу, и я могла бы проделать то же самое еще раз.

Бородача в темных очках все звали Доком. Он и Вирдж входили в военное подразделение, которое послали в Экрон, когда началась эпидемия. Их задание было «вступить в контакт со средствами массовой информации» — таков был армейский эвфемизм для их подавления. Когда они справились с этой задачей, они занялись «контролем толпы», что было армейским эвфемизмом для стрельбы по мародерам, которые пытались убежать, и вешания тех из них, которые делать этого не пытались.

К тридцатому июня их подразделение прекратило свое существование: его члены либо уже умерли, либо умирали, либо сбежали. Собственно говоря, к последнему разряду относились только Док и Вирдж. Гарви примкнул к ним первого июля, а Ронни — третьего. На этом этапе они закрыли свой необычный маленький клуб для приема новых членов.

— Но ведь со времен вас стало больше, чем их, — сказал Глен.

Неожиданно на эти слова ответила Ширли Хэммет.

— Таблетки, — сказала она, глядя на них из-под седой челки своими глазами пойманной мыши. — Каждое утро таблетки, чтобы мы могли встать, и каждый вечер — чтобы уснуть. — После паузы она вновь что-то забормотала себе под нос.

Продолжила рассказ Сюзан Стерн. Ее вдвоем с одной из убитых женщин по имени Рейчел Кармоди, выбрали семнадцатого июня на выезде из Коламбуса. К тому времени компания путешествовала целым караваном, в который входили два микроавтобуса и грузовик дорожной службы. С его помощью они расчищали себе дорогу от заторов и устраивали засаду на шоссе. Таблетки Док держал в объемистом мешке, который был привязан к его ремню. Сильные снотворные для сна, транквилизаторы для путешествий и стимуляторы для Привалов.

— Обычно я вставала утром, меня насильовали два-три раза, а потом Док давал нам дневные таблетки. На третий день вся моя... ну, одним словом, вагина покрывалась ссадинами, и любой вид нормального полового акта причинял мне большую боль. Я всегда надеялась, что меня выберет Ронни, потому что он работал только кулаками. После таблеток вы становитесь очень спокойным. Не сонным, но спокойным. Ничего не имеет значение, после того как вы одурманили себя одной такой голубой таблеткой. После этого вам ничего не нужно. Вы хотите просто сидеть, сложив руки на коленях, и смотреть в окно на проносящийся пейзаж или на то, как они с помощью дорожного грузовика разбирают завал. Однажды Гарви вышел из себя, потому что одна девочка, ей было не больше двенадцати, не захотела... ой, я не могу сказать вслух. Короче, Гарви прострелил ей голову А мне было

абсолютно все равно. Я была... спокойна. Через некоторое время вы просто переставали думать о побеге. Гораздо больше вам хотелось получить очередную голубую таблетку.

Дайна и Патти Крогер кивали.

Двадцать девятого они впервые заметили Стью и остальных. Зоопарк находился в лагере, разбитом на площадке для отдыха в стороне от шоссе, когда мимо проехало четыре мотоцикла.

— Ты очень понравилась Гарви, — сказала Сюзан, кивая Фрэнни. Фрэнни поежилась.

Дайна наклонилась к ним поближе и тихо сказала: — И они не скрывали, чье место ты должна была занять. — Она еле заметно кивнула в сторону Ширли Хэммет.

— Бедная женщина, — сказала Фрэнни.

— Это Дайна решила, что вы можете стать нашим лучшим шансом, — сказала Патти. — А может быть, и последним шансом. Среди вас было трое мужчин — это видели и она, и Хелен Роджет. Трое *вооруженных мужчин*. А Док в последнее время стал слегка излишне самоуверен насчет этого трюка с перевернутым прицепом. Он просто действовал, как какое-нибудь официальное лицо, и мужчины в тех группах, которые попадались нам по пути — если конечно там были мужчины — не сопротивлялись. И получали пулю в лоб. Они были словно зачарованы.

— Дайна попросила нас не глотать таблетки этим утром, — продолжила Сюзан. — Они, к тому же, перестали тщательно следить за нами, и мы знали, что утром они будут заняты перегораживанием дороги. Больше мы никому не сказали. Знали только мы: Дайна, Патти, Хелен Роджет... одна из девушек, которую пристрелил Ронни. И я, конечно. Хелен сказала: «Если они заметят, как мы выплевываем таблетки, они убьют нас». А Дайна сказала, что они убьют нас так и так, рано или поздно, а чем раньше это случится, тем лучше для нас, и нам, конечно, нечего было возразить.

— Мне пришлось держать свою таблетку во рту довольно долго, — сказала Патти. — Она уже начала растворяться, когда я наконец смогла ее выплюнуть.

— Она посмотрела на Дайну. — Мне кажется, Хелен все-таки проглотила свою. Поэтому она и действовала там медленно.

Дайна кивнула. Она смотрела на Стью с такой теплотой, что Фрэнни стало немного не по себе.

— И все это продолжалось бы, если бы не ты, смельчак.

«Какое право у нее так смотреть на него?» — подумала Фрэн.

Как она может заигрывать с ним, после того что с ней произошло? «И все же, она гораздо красивей меня, несмотря ни на что. К тому же, вряд ли она беременна.»

Стью посмотрел на Дайну, впервые по-настоящему заметив ее, и Фрэн почувствовала сильнейший укол ревности. «Я ждала слишком долго, — подумала она. О, Господи, я ждала слишком долго.»

Она случайно взглянула на Гарольда и увидела, что он старательно прячет свою улыбку. Похоже, это была улыбка облегчения. Она почувствовала внезапное желание встать на ноги, небрежно приблизиться к Гарольду и выцарапать ему глаза своими ногтями.

«Никогда, Гарольд! — закричала бы она во время этой операции. — Никогда!»

Никогда!

Из дневника Фрэн Голдсмит

19 июля 1990 О, Господи. Случилось самое худшее. В книгах, по крайней мере, когда это случается, что-то наконец *меняется*, но в реальной жизни это тянется до бесконечности, как

в какой-нибудь мыльной опере.

Позволь, я все тебе расскажу, милый дневничок, хотя мне и не доставляет особого удовольствия это записывать. Мне даже думать-то об этом противно.

Глен и Стью отправились в город за едой (это был Джирард, штат Огайо). Они спросили меня и Гарольда, пойдём ли мы с ними. Гарольд сказал нет — он лучше добудет воды и вскипятит ее. Возможно, уже тогда он вынашивал свои планы.

Марк и Перион куда-то ушли, наверное, за ягодами и еще кое за чем. Я развела костер, чтобы вскипятить котел с водой... и вот приходит Гарольд с котлом (явно только что принял ванну и помыл голову). И вот он вешает свой котел над огнем. А потом подходит и садиться рядом со мной.

Мы сидим на бревне, разговариваем о том о сем, а он вдруг обнимает меня и пытается поцеловать. Я написала «пытается», хотя на самом деле у него это вполне получилось, по крайней мере, сначала, потому что я была просто поражена. Потом я вырываюсь — сейчас это кажется почти забавным, хоть мне и до сих пор противно — и падаю с бревна прямо на спину. Я смяла себе всю блузку и поцарапалась. Тут я начала кричать. Говорят, история повторяется. И действительно, это было так похоже на тот день, когда мы были на моле с Джессом и я прикусила язык.

Через секунду Гарольд уже наклоняется надо мной и спрашивает, все ли со мной в порядке, краснея до самых корней своих только что вымытых волос. И тут я начинаю хихикать.

«Что тут такого забавного?» — спрашивает Гарольд, поднимаясь на ноги. У меня от смеха на глазах выступают слезы. Но потом я понемногу успокаиваюсь и хочу попросить Гарольда, чтобы он посмотрел, сильно ли я поцарапала спину. Но я этого не делаю, потому что он может принять это за **ВОЛЬНОСТЬ**.

«Фрэн, — говорит Гарольд. — Мне так трудно тебе об этом сказать».

«Может, тогда лучше не говорить?» — отвечаю я.

«Я должен, — говорит он. — Фрэнни, я люблю тебя».

Конечно, я это знала. Было бы проще, если бы он хотел только спать со мной. Но любовь гораздо опаснее. Как ответить ему нет? По-моему, есть только один способ.

«Я не люблю тебя, Гарольд», — сказала я.

Его лицо сразу как-то обмякло. «Это из-за него, не так ли? Из-за Стью Редмана?»

«Не знаю», — сказала я.

«Зато я знаю». Голос его стал пронзительным, и в нем зазвучали нотки жалости к самому себе. «Конечно, я знаю. Я знал это еще в тот день, когда мы его встретили. Я не хотел брать его с нами, потому что я *знал*. А он сказал...»

«Что он сказал?»

«Что он не хочет тебя! Что ты можешь быть моей!»

«И ты просто получил меня в подарок, как пару новых туфель, так, Гарольд?»

Он не ответил, быть может, поняв, что слишком далеко зашел. С некоторым усилием я припомнила тот день в Фэбиане. Реакция Гарольда на Стью была реакцией собаки, во двор к которой — в ее владения — вошла другая, незнакомая собака. Я почти представила себе, как на загривке у Гарольда дыбом поднимаются волоски. И я поняла, что слова Стью были сказаны для того, чтобы превратить нас из собак в людей. А разве не в этом-то все и дело? Я имею в виду ту адскую борьбу, которая ведется за наши души? А если это не так, то зачем вообще мы пытаемся вести себя прилично?

«Я никому не принадлежу, Гарольд», — сказала я.

Он что-то пробормотал.

«Что?»

«Я говорю, что со временем, возможно, тебе придется изменить свое мнение на этот счет».

Глаза Гарольда устремились куда-то вдаль. Он сказал: «Я знаю таких людей. Поверь мне, Фрэнни. Такой парень играет в футбол на месте полузащитника, но в классе сидит, плюясь вокруг шариками из жеваной бумаги, потому что он знает, что учитель натянет ему троечку, чтобы он смог продолжать играть. Такой парень трахается с самой хорошенькой болельщицей, а она считает его вторым Иисусом Христом. Такой парень пердит, когда учитель литературы просит тебя прочитать свое сочинение, потому что оно оказалось лучшим в классе. Конечно, трахальщицы любят его. Так что удачи тебе, Фрэнни».

А потом он просто ушел. Я уверена, что это был вовсе не тот ВЕЛИЧЕСТВЕННЫЙ, ТОРЖЕСТВЕННЫЙ УХОД СО СЦЕНЫ, который он планировал. Скорее это было похоже на то, что у него была тайная мечта, а я изрешетила ее пулями — мечта о том, что все изменилось, что прошлое осталось в прошлом. Мне его стало ужасно жалко, потому что он не играл в пресытившегося жизнью циника, он действительно был таким циником, и отнюдь не пресытившимся, а ранимым и несчастным. Его высекли. Но Гарольд никогда не сможет понять, что сначала должно что-то измениться у него в голове, что мир останется тем же до тех пор, пока Гарольд останется тем же. Он копит свои обиды, как пираты копили сокровища...

Уф. Все вернулись, ужин съеден, сигареты выкурены, веронал роздан (мой лежит у меня в кармане вместо того, чтобы растворяться в животе), и все ложатся спать. После нашего с Гарольдом разговора ничего не изменилось, разве что теперь он будет следить за мной и Стью. Я ужасно злюсь, когда пишу эти слова. Какое право он имеет наблюдать за нами? Какое право он имеет усложнять нашу и без того печальную ситуацию?

ЗАПОМНИТЬ: Извини, дневничок. Наверное, дело в моем настроении. Ничего не могу вспомнить.

Когда Фрэнни подошла к нему, Стью сидел на камне и курил сигару. Он сидел лицом к западу, где красное солнце вынырнуло из-под облаков и готовилось зайти за горизонт. Хотя только вчера к их группе присоединились четыре женщины, казалось, что это было уже очень давно.

Запах сигары напомнил ей об отце и о его трубке. Вместе с воспоминанием появилась и скорбь, которая почти уже перешла в ностальгию.

Я примирюсь с твоей утратой, папочка, — подумала она. Ты ведь не будешь против?

Стью оглянулся.

— Фрэнни, — сказал он с явным удовольствием. — Как поживаешь?

Она пожала плечами.

— По-всякому.

— Хочешь посидеть со мной на камне и посмотреть на заход солнца?

Она села рядом с ним, и ее сердце забилося чуть-чуть быстрее. Но в конце концов, зачем она сюда пришла? Она ведь знала, в каком направлении пошел Стью, и знала, что Гарольд и Глен с двумя девушками отправились в Брайтон на поиски радиопередатчика (радиоразнообразия, эта идея пришла в голову Глену, а не Гарольду). Патти Крогер осталась в лагере, ухаживая за двумя ослабевшими от борьбы подругами. Ширли Хэммет частично начала выходить из своего оцепенения, но этим утром она всех разбудила, закричав во сне и начав отбиваться от воздуха. Женщина без имени, похоже, двинулась в другом направлении. Она сидела. Она ела, если ей подавали. Она мочилась и испражнялась. Она не отвечала на

вопросы. Она проявляла признаки жизни только во сне. Несмотря на сильную дозу веронала, она часто стонала и иногда вскрикивала. Фрэнни казалось, что она знает, кого видит в своих снах эта бедняжка.

— Похоже, у нас впереди еще очень долгий путь, правда?

После секундной паузы он ответил:

— Более долгий, чем мы думали. Та старая женщина, она уже не в Небраске.

— Я знаю... — начала она, а потом прикусила язык.

Он посмотрел на нее со слабой улыбкой.

— Вы не принимали лекарства, мадам.

— Мой секрет раскрыт, — сказала она, напряженно улыбаясь.

— И мы с тобой не одиноки, — сказал Стью. — Я сегодня днем разговаривал с Дайной...

— (она почувствовала глубокий укол ревности и страха, когда услышала, с какой фамильярной интонацией он произносит ее имя) — ...и она сказала, что ни она, ни Сюзан не хотят принимать снотворное.

Фрэн кивнула.

— Почему ты перестал? Тебе давали снотворное... в том месте?

Он стряхнул пепел.

— Мягкое успокоительное на ночь — это все. Им не было смысла пичкать меня таблетками, я и так был крепко заперт. Нет, я бросил пить веронал три ночи назад, потому что я почувствовал, что... теряю контакт. — Он на секунду задумался, а потом продолжил. — Глен и Гарольд хотят найти радиопередатчик — отличная идея. А для чего нужен передатчик? Чтобы вступать в контакт. Эти сны, они как радио у тебя в голове, правда, передатчик сломался, и мы работаем только на прием.

— Может быть, мы и передаем тоже, — тихо сказала Фрэн.

Он посмотрел на нее удивленно.

Какое-то время они сидели молча. Солнце проглянуло сквозь облака, словно желая попрощаться перед тем, как зайти за горизонт. Фрэн вполне могла понять, почему древние люди молились ему. В беспредельном спокойствии почти пустой страны солнце — да и луна тоже — начало казаться чем-то более значительным и важным. Чем-то более личным. Эти яркие небесные корабли теперь смотрели на тебя так же, как в детстве.

— Так вот, — сказал Стью. — Прошлой ночью мне снова снился сон об этом черном человеке. Еще более страшный. Он отправляется куда-то в пустыню. В Лас-Вегас, по-моему. И Фрэнни... кажется, он распинает людей... тех, кто сопротивляется ему.

— Что он с ними делает?

— Так мне приснилось. Ряды крестов вдоль шоссе *N15*, сделанных из балок и телефонных столбов. А на них висят люди.

— Это просто сон, — сказала она неуверенно.

— Возможно. — Он затянулся и посмотрел на запад на алеющие облака. — Но предыдущие две ночи, как раз перед тем, как мы наткнулись на этих маньяков, мне снилась она — женщина, которая называет себя Матушкой Абагейл. Она сидела в кабине старого грузовика, остановившегося на обочине шоссе *N76*. Я стоял рядом и разговаривал с ней совершенно естественно, точно так же, как сейчас с тобой. И она сказала: «Вы должны двигаться еще быстрее, Стюарт. Раз уж такая пожилая леди, как я, способна на это, то такой крепкий техасский парень, как ты, и подавно.» Стью засмеялся, а потом бросил свою сигару и раздавил ее каблуком. С отсутствующим видом, словно сам не подозревая о том, что делает, он положил руку Фрэнни на плечи.

— Они едут в Колорадо, — сказала она.

— Да, похоже на то.

— Скажи... Дайна и Сюзан видели ее во сне?

— Обе. А прошлой ночью Сюзан приснились кресты. Совсем как мне.

— С этой женщиной теперь много других людей.

Стью согласился.

— Двадцать, а может быть, и больше. Ты же знаешь, мы проезжаем мимо людей каждый день. Они просто прячутся и ждут, пока мы проедем. Они боятся нас, но не ее... думаю, они придут к ней. В свое время.

— Или не к ней, — сказала Фрэнни.

Стью кивнул.

— Да, к нему. Фрэн, почему ты перестала принимать веронал?

Она вздохнула и подумала, надо ли говорить ему. Ей хотелось сказать, но она боялась его реакции.

— Как можно рассчитывать на постоянство женщины? — сказала она наконец.

— Действительно, никак, — согласился он. — Но существуют способы догадаться о том, что они думают.

— Что... — начала она, но он закрыл ей рот поцелуем.

Они лежали в траве, освещенные последним светом сумерек. Пока они занимались любовью, кроваво-красный свет уступил место более спокойному пурпурному, и теперь Фрэнни могла видеть звезды, мерцающие сквозь последние остатки облаков. Завтра будет хорошая погода, и к концу дня они должны будут пересечь почти всю Индиану.

Стью лениво хлопнул по комару, парящему у него над грудью. Рубашка его висела на ближайшем кусте. Рубашка Фрэн была на ней, но пуговицы были расстегнуты.

— Я так давно хотел тебя, — сказал Стью, не глядя ей в лицо. — Думаю, ты знала об этом.

— Я хотела избежать неприятностей с Гарольдом, — сказала она. — И есть еще кое-что...

— Гарольду еще расти и расти, — сказал Стью. — Но если он возьмет себя в руки, то у него есть шанс стать хорошим парнем. Он тебе нравится, правда?

— Это не совсем подходящее слово. Нет слова в английском языке, чтобы описать мои чувства к Гарольду.

— А как ты опишешь свои чувства ко мне? — спросил он.

Она взглянула на него и поняла, что не может сказать, что любит его, не может произнести это прямо сейчас, хотя ей и очень хочется.

— Да нет, — сказал он, словно она в чем-то возразила ему. — Я просто хочу прояснить ситуацию. Я думаю, ты не станешь сейчас говорить Гарольду о том, что произошло. Так ведь?

— Да, — ответила она благодарно.

— Проблема может разрешиться сама собой. Я видел, как он смотрел на Патти. Она примерно его возраста.

— Я не знаю.

— Ты чувствуешь себя его должником, так?

— Наверное, да. Мы остались в Оганквите одни, и...

— Это была чистая случайность, Фрэнни. Ты не должна чувствовать себя обязанной из-за простой случайности.

— Наверное.

— По-моему, я люблю тебя, — сказал он. — Мне не так-то легко это сказать.

— По-моему, я тоже тебя люблю. Но есть еще кое-что...

— Я знал.

— Ты спросил меня, почему я перестала принимать таблетки.

Она теребила свою рубашку, не осмеливаясь взглянуть на него. Губы ее неестественно пересохли.

— Я боялась, что они могут повредить ребенку, — прошептала она.

Он схватил ее за плечи и развернул лицом к себе.

— Ты беременна?

Она кивнула.

— И ты никому не говорила?

— Нет.

— Гарольд знает?

— Никто, кроме тебя.

— Господи-ты-Боже-мой-черт-побери, — выдохнул он. Он смотрел ей в лицо очень сосредоточенно, и она испугалась. Она ожидала одного из двух: либо он немедленно порвет с ней (как, вне всякого сомнения, сделал бы Джесс, если бы узнал, что она беременна от другого), либо обнимет ее и скажет, чтобы она не беспокоилась, что он обо всем позаботится. Она не ожидала этого удивленного, внимательного осмотра, и ей вспомнился тот вечер, когда она разговаривала с отцом в саду. Взгляд Стью был очень похож на взгляд отца. Она пожалела, что не сказала Стью о своей беременности до того, как они занялись любовью. Может быть, тогда они вообще не стали бы заниматься любовью, но, по крайней мере, он не мог бы почувствовать себя обманутым, потому что она оказалась... как это там говорили в старые времена? Подпорченным товаром. Думает ли он так? Она не знала.

— Стью? — спросила она испуганным голосом.

— Ты никому не сказала, — повторил он.

— Я просто не знала как. — Она чуть не плакала.

— Когда ты забеременела?

— В январе, — сказала она, и на глаза ее навернулись слезы. Он обнял ее и дал понять, что все в порядке, не произнося ни слова. Он не говорил ей, чтобы она не беспокоилась, или о том, что он обо всем позаботится, но он снова занялся с ней любовью, и она подумала, что никогда не была так счастлива.

Ни один из них не заметил Гарольда, скрытного и бесшумного, как сам темный человек. Он стоял за кустами и смотрел на них. Никто из них не знал, что глаза его превратились в крошечные смертоносные треугольники, когда Фрэн закричала от наслаждения, объятая бурей продолжительного оргазма.

Когда они кончили, было уже совсем темно.

Гарольд бесшумно скользнул прочь.

Из дневника Фрэн Голдсмит

1 августа 1990 Прошлой ночью ничего не записывала, была слишком взволнована и счастлива. Стью и я теперь вместе. Занимались любовью дважды.

Он согласился с тем, что мне лучше скрывать тайну о моем Одинокое Ковбое как можно дольше, до тех пор пока мы, даст Бог, не прибудем на место. Колорадо, так Колорадо, я не против. Судя по тому, как я себя чувствую этой ночью, в горах мне будет хорошо.

Но прежде чем оставить тему моего Маленького Ковбоя, я хочу сказать еще об одном.

Это связано с моим «материнским инстинктом». Существует ли такая штука? Думаю, да. Возможно, это имеет гормональную природу. Я чувствую себя не в своей тарелке уже несколько недель, но очень трудно отделить изменения, вызванные беременностью, от тех, которые были вызваны ужасным несчастьем, постигшим мир. Но, несомненно, во мне возникло какое-то ревнивое чувство («ревность» — в данном случае не самое точное слово, но этой ночью я не могу выразиться удачнее), чувство, что ты передвинулась немного поближе к центру вселенной и должна защищать свою позицию. Вот почему веронал кажется опаснее плохих снов, хотя мое рациональное «я» уверено в том, что веронал — во всяком случае, в таких маленьких дозах, — ребенку повредить не может. И мне кажется, что это ревнивое чувство также примешивается к моей любви к Стью. Я чувствую, что люблю, как и ем, за двоих.

Пора заканчивать. Мне надо побольше спать, независимо от того, какие сны мне приснятся. Нам не удалось пересечь Индиану так быстро, как мы надеялись — из-за ужасного затора в Элксарте. В основном там были армейские машины. Много мертвых солдат. Глен, Сюзан Стерн, Дайна и Стью забрали с собой все оружие, которое им удалось найти. Около двух дюжин винтовок, несколько гранат и ракетную установку. Пока я пишу, Гарольд и Стью пытаются разобраться в ее устройстве. Прошу Тебя, Господи, сделай так, чтобы они не взорвались.

Что касается Гарольда, должна сказать тебе, дорогой дневничок, что он НЕ ПОДОЗРЕВАЕТ НИ О ЧЕМ. Когда мы присоединимся к группе Матушки Абагейл, наверное, ему надо будет сказать. Что бы ни случилось, нечестно будет дальше скрывать от него.

Сегодня он в таком веселом настроении, каким я его никогда не видела. Он так часто смеялся, что я подумала, что у него треснет лицо! Он сам предложил Стью помочь ему с этой опасной штукой, и...

Но они идут сюда. Закончу позже.

Фрэнни спала крепко и не видела снов. То же самое можно было сказать и о всех остальных, кроме Гарольда Лаудера. Спустя некоторое время после полуночи он поднялся и подошел к тому месту, где лежала Фрэнни, встал рядом с ней и устремил на нее свой взгляд. Сейчас он не улыбался, несмотря на то что до этого он улыбался весь день. Иногда ему казалось, что лицо его треснет от улыбок, и оттуда выпадут его перекрученные мозги. Возможно, тогда он почувствовал бы облегчение.

Он смотрел на нее, слушая стрекотание летних сверчков. «Мы живем в собачьи дни», — подумал он. Собачьи дни, если верить Вебстеру, продолжаются с двадцать пятого июля по двадцать восьмое августа. Называются они так потому, что в это время чаще всего встречаются бешеные собаки. Он посмотрел на сладко спящую Фрэн. Под головой у нее вместо подушки лежал свитер. Рядом валялся рюкзак.

«У каждой собаки есть свой день, Фрэнни.»

Он наклонился, замерев от треска в своих коленных суставах, но никто не пошевелился. Он расстегнул рюкзак, развязал бечевку и засунул руку внутрь. В глубоком сне Фрэнни что-то пробормотала, потом пошевелилась, и Гарольд задержал дыхание. Он нашел то, что искал, на самом дне, под тремя чистыми кофточками и карманным дорожным атласом. Вот она, тетрадь на металлической спирали. Он вытащил ее, открыл на первой странице и осветил фонариком плотный, но удивительно ясный почерк Фрэнни.

«6 июля 1990 — После долгих уговоров мистер Бэйтмен согласился ехать с нами...»

Гарольд закрыл тетрадь и пополз с ней обратно к своему спальному мешку. Он снова чувствовал себя тем маленьким мальчиком, которым он был когда-то, мальчиком, у которого

было мало друзей и много врагов, мальчиком, на которого родители почти не обращали внимания, мальчиком, который для утешения обратился к книгам, мальчиком, который мстил своим обидчикам, не пригласившим его играть в футбол или назначившим его школьным дежурным, становясь Джоном Сильвером, или Тарзаном, или Филиппом Кентом... мальчиком с расширенными от волнения глазами, который превращался во всех этих людей поздно ночью под одеялом, освещая фонариком книжную страницу, едва ощущая запах своих собственных газов. Теперь этот мальчик забрался вверх ногами на дно своего спального мешка с дневником Фрэнни и фонариком.

Когда он осветил первую страницу, наступил краткий миг просветления. В этот краткий миг часть его сознания закричала: «Гарольд! Прекрати!» Голос был таким повелительным, что он задрожал с головы до ног. И в этот миг он почувствовал что *может* остановиться, положить дневник на место, отказаться от нее, предоставить их самим себе, чтобы не случилось что-то ужасное и неисправимое. В этот миг казалось, что он может отодвинуть от себя это горькое питье, выплеснуть его из чаши и наполнить ее тем, что для него найдется в этом мире. «Откажись, Гарольд», — умолял его этот голос, но, похоже, было уже слишком поздно.

В шестнадцатилетнем возрасте он отказался от Берроуза, Стивенсона и Роберта Ховарда ради других фантазий, фантазий, которые он одновременно горячо любил и ненавидел — не о ракетах и не о пиратах, а о девушках, опускавшихся перед ним на колени в своих шелковых прозрачных ночных рубашках, в то время как он, Гарольд Великий, абсолютно голый, сидел, развалившись на своем троне, готовый в любой момент отхлестать их небольшими бичами или тростями с серебряными набалдашниками. Это были горькие фантазии, в которых принимала участие каждая симпатичная девушка из оганквитской средней школы. Эти сны наяву всегда заканчивались семяизвержением, которое приносило больше страданий, чем удовольствия. А потом он спал, и сперма коркой засыхала у него на животе. У каждой дворняжки есть свой день.

И теперь они вновь были с ним, эти горькие фантазии, эти старые обиды, чьи зубы никогда не затупятся.

Он снова начал читать.

В четыре часа утра он положил дневник Фрэн на прежнее место. Он не принимал никаких особых предосторожностей. Если она проснется, — подумал он холодно, — он просто убьет ее и убежит. Куда? На запад. Но он не остановится в Небраске и даже в Колорадо, о нет.

Она не проснулась.

Он вернулся к своему спальному мешку и ожесточенно занялся мастурбацией. Потом он уснул, но сон его был неглубоким. Ему снилось, что он умирает на крутом скалистом склоне. Высоко над ним, паря в восходящих потоках теплого ночного воздуха, летали стервятники в ожидании поживы. Не было ни звезд, ни луны...

А потом в темноте раскрылся ужасный красный Глаз: хитрый, жуткий. Глаз вселял в него ужас, но в то же время не отпускал от себя.

Глаз манил его.

На запад — туда, где собирались тени, исполняя свою сумрачную пляску смерти.

В тот вечер они разбили лагерь к западу от Джойлета, Иллинойс. Они пили пиво, разговаривали, смеялись. У всех было такое чувство, что самое худшее осталось позади, в Индиане. Особенно все обратили внимание на Гарольда, который был весел, как никогда.

— Знаешь, Гарольд, — сказала Фрэнни поздно вечером, когда компания уже начала разбредаться, — по-моему, я никогда не видела тебя в таком хорошем настроении. Что с тобой?

Он весело подмигнул ей.

— У каждой собаки есть свой день, Фрэн.

Она улыбнулась ему в ответ, несколько удивленная. Странное выражение, но от Гарольда этого можно ожидать. Впрочем, все это не имеет значения. Самое главное, что дела наконец-то пошли на лад.

В ту ночь Гарольд начал вести дневник.

Как долго он шел на запад? Бог, может, и знает, но Мусорный Бак не знал. Дни. Ночи. Особенно он помнил ночи.

Он стоял, покачиваясь в своих лохмотьях, и смотрел вниз на Циболу. Город Обетованный, Город Мечты. Искалеченной рукой (запястье, сломанное при прыжке с лестницы нефтяного резервуара компании ЧИРИ, срослось неправильно) он взял флягу и допил остатки воды.

— Цибола! — пробормотал он. — Цибола! Я иду! Я иду! Я сделаю все, что ты хочешь! Я отдам за тебя жизнь!

После того, как он немного утолил жажду, его потянуло в сон. Он уже почти заснул, когда мысль впилась в его мозг, как ледяное лезвие стилета.

«А что если Цибола — это только мираж?»

— Нет, — пробормотал он. — Нет, ой-ой, нет.

Но простое отрицание не могло отогнать эту мысль. Что если он выпил последние остатки воды, празднуя появление миража? Он по-своему признавал свое сумасшествие, как часто бывает с безумцами. Если это только мираж, то он умрет здесь в пустыне, и им пообедают стервятники.

В конце концов, не в силах больше выносить ужасную возможность, он встал на ноги и пошел обратно к дороге, борясь с тошнотой и чувствуя приближение обморока. С вершины холма он беспокойно уставился вниз, на плоскую равнину, поросшую юккой и перекатиполем. Он облегченно вздохнул.

Она была там!

Цибола, сказка древности, столько людей искали ее, а нашел ее Мусорный Бак!

Далеко внизу, в пустыне, в окружении голубых гор, сама голубая в далекой дымке, с мерцающими башнями и улицами. Там были пальмы... он мог видеть пальмы... и движение... *иводу!*

— Ооо, Цибола, — пропел он и заковылял обратно. Этим вечером, когда Факел Бога закатится за горизонт, он пойдет вперед. Он дойдет до Циболы и начнет с того, что нырнет с головой в первый попавшийся фонтан. А потом он найдет *его*, человека, который велел ему прийти сюда. Человека, который вел его через долины, горы и наконец привел в пустыню. Весь этот путь он проделал всего лишь за один месяц, несмотря на боль в обожженной руке.

Он ждет Мусорного Бака в Циболе, и ему повинуются армии ночи, ему принадлежат бледные всадники-мертвецы, которые устремятся с запада прямо в лицо восходящему солнцу. И они прискачут, бессвязно бормоча, усмехаясь, воняя потом и порохом. Начнутся крики, но Мусорному Баку нет никакого дела до криков. Начнется насилие, до которого ему дела еще меньше. Начнутся убийства, что не играет никакой роли...

...и начнется Великий Пожар.

А вот до этого ему есть дело. В его снах к нему приходил темный человек и с высокой площадки показывал ему внизу страну, объятую пламенем. Города взрывались, как бомбы. Возделанные поля превратились в линии огня. И даже на реках Чикаго, Питтсбурга и Детройта пылала разлитая нефть. И во сне темный человек сказал ему очень простую вещь, которая и заставила его проделать весь этот путь: «Ты займешь высокий пост в моей артиллерии. Ты тот человек, который мне нужен.»

Он перевернулся на бок, щеки и веки его покраснели от летящего песка. Он начал терять надежду — да, с тех пор, как отлетело колесо у его велосипеда, он начал терять надежду.

Казалось, что Бог, Бог шерифов-убийц. Бог Карли Йейтса, в конце концов оказался сильнее темного человека. Но он не потерял веры. И наконец, когда казалось, что он скорее сгорит заживо в пустыне, чем доберется до Циболы, где его ждет темный человек, он увидел ее внизу, спящую в свете заходящего солнца.

— Цибола, — прошептал он и заснул.

Первый сон приснился ему в Гэри, более месяца назад, после того как он обжег себе руку. В ту ночь он заснул, не сомневаясь в том, что умрет. Нельзя получить такой сильный ожог и остаться в живых. В голове у него звучали одни и те же слова: «Живи с факелом, умри с факелом. Живи, умри.»

Ноги привели его в небольшой городской парк, и он упал на землю, а его левая рука вытянулась в сторону, словно кусок неживого вещества, и рукав продолжал дымиться. Боль была огромной, невыносимой. Он никогда не думал, что в мире может быть такая боль. С ликованием он бегал от одного нефтяного резервуара к другому, оставляя за собой примитивные часовые механизмы, каждый из которых состоял из стальной трубки, в которую был залит керосин, отделенный от маленькой лужицы кислоты металлической перегородкой. Эти устройства он опускал в трубы, предназначенные для отвода из резервуаров нефтяных паров. Когда кислота проедала металл, керосин воспламенялся, и это приводило к взрыву резервуара. Мусорный Бак надеялся добраться до дорожной развязки в западной части Гэри, прежде чем хотя бы один из них взорвется. Ему хотелось увидеть, как целый город будет охвачен огненной бурей.

Но в конструкции последнего устройства он допустил какую-то ошибку. Оно сработало в тот момент, когда он гаечным ключом снимал крышку с трубы. Керосин вырвался из трубки с ослепительной белой вспышкой, и его левая рука была немедленно охвачена огнем.

Крича от дикой боли, он понесся по крыше резервуара. Он неизбежно полетел бы вниз, переворачиваясь, как брошенный в колодец факел, если бы не счастливая случайность: он споткнулся и упал на свою левую руку, сбив пламя.

Он сел, все еще сходя с ума от боли. Позже он подумал о том, что лишь слепой случай — или соизволение темного человека — не дал ему сгореть заживо. Большая часть керосина не попала ему на руку. Позже он почувствовал благодарность, но тогда он мог лишь кричать и раскачиваться взад и вперед, вытянув в сторону свою дымящуюся руку.

Когда начало темнеть, он смутно вспомнил, что заложил целых двенадцать устройств. Они могут взорваться в любое время. Каким-то образом ему удалось спуститься вниз с резервуара, и он заковылял прочь, петляя между мертвыми машинами и отставляя свою жареную руку подальше от себя. К тому времени, когда он дошел до небольшого парка рядом с центром города, начался закат. Он сел на траву и попытался вспомнить, что надо делать при ожогах. Смазать их маслом, — сказала бы мать Дональда Мервина Элберта. Но ведь это годилось для ожога горячим паром или беконовым жиром, брызнувшим со сковородки. Он не мог себе представить, как можно смазать маслом потрескавшуюся и почерневшую массу между локтем и плечом. Он не мог себе представить, как до нее вообще можно дотронуться.

УБИТЬ СЕБЯ. Это действительно выход. Он сможет прекратить свои страдания, убив себя, как одряхлевшего пса...

В восточной части города раздался гигантский взрыв, словно ткань реальности грубо разорвали надвое. Столб огня вырос на темно-синем фоне сгущавшихся сумерек. Ему пришлось зажмуриться.

Несмотря на все мучения, огонь доставил ему удовольствие. Более того, он наполнил его восхищением и ликованием. Огонь оказался лучшим лекарством, даже лучше морфина,

который он нашел на следующий день (в тюрьме ему приходилось работать в лазарете). Он никак не связывал свои мучения со взвившимся к небу огненным столбом. Он просто знал, что огонь прекрасен, огонь добр, огонь — это то, в чем он нуждается и будет нуждаться всегда.

Через несколько секунд взорвался второй резервуар, и даже здесь, на расстоянии трех миль, он почувствовал теплую воздушную волну. За ним последовали два других, а потом, после небольшой паузы, подряд взорвалось еще шесть. Теперь смотреть в том направлении было почти невозможно, но он все равно смотрел туда, улыбаясь, забыв о боли в руке и о самоубийстве.

Солнце уже зашло, но вокруг не было темно. Ночь наполнилась желтыми и оранжевыми отсветами пламени. Весь горизонт на востоке был объят огнем. Это напомнило ему картинку из комикса по «Войне миров» Герберта Уэллса, который был у него в детстве. Теперь, спустя много лет, мальчик, у которого был этот комикс, исчез, но остался Мусорный Бак, и он обладал ужасным секретом марсианского луча смерти.

Пора было уходить из парка. Температура поднялась уже градусов на десять. Пора было продолжать свой путь на запад, но встать он не мог. Он заснул на траве, и на его лице усталого, замученного плохим обращением ребенка играли отсветы пламени.

Во сне к нему пришел темный человек в рясе с капюшоном. Лица его не было видно, но Мусорному Баку показалось, что он видел его раньше. Когда бездельники в кондитерской или в пивной начинали издеваться над ним, казалось, что темный человек стоял среди них молчаливо и задумчиво. Казалось, когда он работал на «Скруббе-Дуббе», он видел огненную усмешку этого человека за ветровым стеклом, которое ему приходилось мыть. Когда шериф отослал его в психушку в Тер От, этот человек был улыбчивым помощником, стоявшим над ним в комнате для электрошока и готовым послать тысячу вольт ему в мозг. Он прекрасно знал этого человека.

— Я сделаю все, что ты захочешь, — благодарно произнес он во сне. — Я готов отдать за тебя жизнь.

Темный человек поднял руки под покровом своей рясы, и она стала похожа на черный воздушный змей. Они стояли на возвышении, а под ними простиралась объятая пламенем Америка.

«Ты займешь высокий пост в моей артиллерии. Ты — тот человек, который мне нужен.»

Потом он увидел армию из десяти тысяч отверженных мужчин и женщин, идущих на восток через пустыню и через горы. По пустыне ехали грузовики, джипы, автобусы, жилые прицепы и танки. У каждого человека на шее висел черный камень с красной щелью, которая могла стать Глазом, а могла и Ключом, И на огромном грузовике с цистернами он увидел себя и понял, что в цистернах находится жидкий напалм... а за ним едет колонна грузовиков с бомбами, минами, пластиковой взрывчаткой, огнеметами, сигнальными ракетами, гранатами, автоматами и ракетными установками. Скоро должен был начаться танец смерти.

Темный человек вновь поднял руки, а когда он опустил их, вокруг воцарились холод и спокойствие. Пламя погасло, и даже пепел был холодным, и на мгновение он вновь превратился в маленького и испуганного Дональда Мервина Элберта. Только на одно мгновение он заподозрил, что его обманывают, что он будет лишь пешкой в огромной шахматной партии темного человека.

Потом он заметил, что лицо темного человека уже не было полностью спрятано. Два темно-красных угля горели в глубоких глазницах, освещая тонкий, как бритва, нос.

— Я сделаю все, что ты захочешь, — благодарно сказал он во сне. — Я отдам за тебя жизнь! Я отдам за тебя душу!

— Ты будешь заниматься поджогами, — торжественно сказал темный человек. — Ты должен прийти в мой город, и там тебе все станет ясно.

— Куда? Куда? — Он изнемогал от надежды и нетерпения.

— На запад, — сказал темный человек, исчезая. — На запад. По ту сторону гор.

Тогда он проснулся, и вокруг по-прежнему была ночь, озаренная ярким пламенем. Теперь оно приблизилось. Один за другим взрывались дома. Звезды исчезли за густой нефтяной копотью. Пошел дождь, принесший блаженное облегчение. Все вокруг было покрыто черным снегом пепла.

Теперь, когда у него появилась цель, он смог идти. Он заковылял на запад, время от времени замечая других людей, покидающих Гэри и оглядывающихся через плечо на пожар. Идиоты, — подумал Мусорный Бак почти с нежностью. Вы сгорите. Когда придет время, вы сгорите. Они его не замечали. Для них Мусорный Бак был лишь еще одним оставшимся в живых. Они исчезли в дыму, и незадолго до зари Мусорный Бак перешел границу штата Иллинойс. Позади него огонь уже скрылся за стеной густого дыма. Было утро второго июля.

Он забыл о своих мечтах о сожжении Чикаго. Ему больше не было никакого дела до Уинди Сити. В тот день он взломал кабинет врача и стащил оттуда упаковку морфина. В аптеке он взял банку вазелина и покрыл обожженную часть руки дюймовым слоем. Его мучила сильная жажда, хотелось пить почти все время. Мысли о темном человеке жужжали у него в голове, словно мясные мухи. Когда он рухнул на землю в сумерках, ему уже начало казаться, что город, в который направляет его темный человек, это Цибола.

В ту ночь темный человек снова посетил его сны и с сардонической усмешкой подтвердил, что это так.

Мусорный Бак пробудился от этих спутанных снов-воспоминаний, ощущая пронизывающий ночной холод. В пустыне всегда либо лед, либо пламень. Здесь не существует середины.

Слегка постанывая, он поднялся на ноги. У него над головой триллионы звезд мерцали так близко, что казалось, будто их можно потрогать руками.

Он вернулся к дороге, при каждом шаге вздрагивая от боли. Но теперь он почти не обращал на нее внимания. На мгновение он остановился и посмотрел на спящий внизу город. Потом он продолжил свой путь.

Когда спустя несколько часов заря окрасила небо, Цибола была почти так же далеко от него, как и в тот момент, когда он поднялся на гребень холма и впервые увидел ее. А он, как последний идиот, выпил всю свою воду, забыв о том, какими близкими кажутся в пустыне расстояния. Из-за обезвоживания организма он не решился долго продолжать путь после восхода. Ему надо лечь, прежде чем солнце снова не начало палить.

Через час после восхода он наткнулся на съехавший с дороги «Мерседес-Бенц», правый бок которого глубоко погрузился в песок. Он открыл двери с левой стороны и вытащил наружу двух усохших обезьян — старую женщину со множеством браслетов на руках и пожилого мужчину с эффектной белой шевелюрой. Бормоча себе под нос что-то невнятное, Мусорный Бак вынул ключи из замка зажигания, обошел машину и открыл багажник. Чемоданы оказались незапертыми. Он завесил окна «Мерседеса» одеждой, придавив ее для надежности камнями. Теперь у него была прохладная, сумрачная пещера.

Он заполз внутрь и уснул. Далеко на западе в лучах утреннего солнца сиял город Лас-Вегас.

Машину он водить не умел, в тюрьме его этому не учили, но он мог ехать на велосипеде. Четвертого июля Мусорный Бак раздобыл гоночный велосипед и отправился в путь. Поначалу он ехал медленно, так как левая рука доставляла ему много хлопот. В первый день

он дважды падал, и один раз — прямо на ожог. Боль была невыносимой. Ожог гноился и источал омерзительный запах. Время от времени в голове у него мелькала мысль о гангрене, но он не позволял себе размышлять об этом слишком долго. Он начал смешивать вазелин с антисептической мазью, не зная, может ли это помочь, но не сомневаясь в том, что это не повредит. У него получалась вязкая жидкость молочного цвета, похожая на сперму.

Понемногу он приноровился управлять велосипедом одной рукой и обнаружил, что может ехать с неплохой скоростью. Рельеф стал плоским, и велосипед легко несся вперед. Он выпивал галлоны воды и очень много ел. Он размышлял над словами темного человека: «Ты займешь высокий пост в моей артиллерии. Ты — тот человек, который мне нужен.» Как прекрасны были эти слова — разве до этого момента он был кому-нибудь нужен? Эти слова снова и снова прокручивались у него в голове, пока он нажимал на педали под жарким солнцем Среднего Запада.

Восьмого июля Мусорный Бак пересек Миссисипи и оказался в Айове. Четырнадцатого июля он пересек Миссури к северу от Каунсил Блаффс и въехал в Небраску. Левая рука понемногу стала ему повиноваться, мускулы ног наливались силой, и он спешил, ощущая огромное желание как можно быстрее оказаться на месте.

На западном берегу Миссури Мусорный Бак впервые заподозрил, что сам Бог, возможно, захочет помешать ему выполнить свое предназначение. В Небраске что-то было не так. Там было что-то ужасное, чего он боялся. Казалось, там было все как в Айове... но на самом деле все было иначе. Раньше темный человек приходил к нему каждой ночью, но как только он оказался в Небраске, темный человек исчез.

Вместо него Мусорному Баку стала сниться старая женщина. В этих снах он лежал на животе среди кукурузы, почти парализованный ненавистью и страхом. Перед ним была стена широких, похожих на лезвия кукурузных листьев. Не желая этого, но и не в силах остановиться, он раздвигал листья дрожащей рукой и смотрел. Он видел старый дом на полянке. Дом был поднят на домкратах. Рядом была яблоня, с которой свисали качели из старой шины. А на веранде сидела старая негритянка, играла на гитаре и пела какой-то древний спиричуэл. Каждый раз песня менялась. Большинство из них Мусорный Бак знал, так как когда-то был знаком с женщиной, матерью мальчика по имени Дональд Мервин Элберт, которая пела те же самые песни во время домашней уборки.

Этот сон был кошмаром, но не только потому, что в конце его происходило что-то ужасное. На первый взгляд, в нем вообще не было ничего страшного. Кукуруза? Синее небо? Качели из шины? Старая женщина? Что во всем этом могло быть страшного? Старухи не издеваются над тобой и не бросают в тебя камнями. Камнями швыряются только Карли Йейтсы.

Но задолго до конца сна он застывал от страха, словно смотрел он не на старую женщину, а на какой-то загадочный, едва скрытый свет, который готов был в любой момент вспыхнуть вокруг нее огненным сиянием, рядом с которым пылающие резервуары Гэри показались бы свечками на ветру. Свет этот будет таким ярким, что превратит его глаза в пепел. И в этой части сна он мог думать только об одном: «Пожалуйста, заберите меня отсюда, пожалуйста, заберите меня из Небраски!»

Потом песня внезапно обрывалась. Она смотрела прямо на него, сквозь ее жидкие волосы проглядывал коричневый череп, но глаза ее сияли, как бриллианты, и были полны того самого света, которого он так боялся.

Старым, надтреснутым, но громким голосом она выкрикивала: «Ласки в кукурузе!» И он ощущал в себе какую-то перемену и замечал, что превратился в пушистую, коричневатую-черную недоношенную тварь с черными глазами-бусинками. Он был лаской, трусливым

ночным зверьком, который нападает на маленьких и слабых.

И тогда он начинал кричать, пока сам не просыпался от собственного крика, в поту и с выпученными глазами. Руки его пробегали по телу, чтобы удостовериться в том, что он по-прежнему человек.

Он проехал четыреста миль по территории Небраски за три дня. Границу Колорадо он пересек неподалеку от Джулесбурга, и сон постепенно начал исчезать.

Восемнадцатого июля к юго-востоку от Стерлинга, Колорадо, не доезжая нескольких миль до Браша, он встретился с Малышом.

Мусорный Бак проснулся перед самым наступлением сумерек. Несмотря на то, что окна были завешены, в «Мерседесе» стало довольно жарко. Его горло превратилось в пересохший колодец, стенки которого были надраены наждачной бумагой. В висках у него стучало. Когда он вылез из машины, ноги не удержали его, и он рухнул на горячий асфальт. Со стоном он дополз до тени, которую отбрасывал «Мерседес». Там он сел, тяжело дыша.

Он должен добраться до Циболы до завтрашнего восхода. Если он не сможет, он умрет... уже увидев перед собой свою цель! О нет, конечно, темный человек не может оказаться таким жестоким!

— За тебя я отдам свою жизнь, — прошептал Мусорный Бак, и когда солнце зашло за горы, он поднялся на ноги и пошел к башенкам, минаретам и улицам Циболы, в которой вновь засверкали искорки света.

Когда на смену дневной жары пришла прохлада пустынной ночи, идти стало немного легче. Он шел вперед, и голова его болталась, как цветок умирающего подсолнуха. Он не обратил внимания на зеленый люминесцентный указатель ЛАС-ВЕГАС 30.

Он думал о Малыше. Малыш мог бы быть сейчас с ним. Сейчас они ехали бы в Циболу на его двухместном спортивном автомобиле. Но Малыш оказался недостойным, и Мусорному Баку пришлось пересекать дикую пустыню в одиночку.

Около полуночи он рухнул на обочине дороги и забылся беспокойным сном. Город был уже близко.

Он дойдет.

Он был абсолютно уверен, что дойдет.

Он услышал Малыша задолго до того, как увидел его. Это был громкий, трескучий грохот двигателя без глушителя, раздававшийся с востока. Звук шел по шоссе *N34 от Юмы*, штат Колорадо. Сначала он хотел было спрятаться, как он всегда прятался от других оставшихся в живых, начиная с Гэри. Но на этот раз что-то побудило его остаться на месте.

Грохот становился все громче и громче, и вот уже солнце сверкало на хrome и на (?? ОГНЕ??) чем-то ярком и оранжевом.

Водитель заметил его. Машина остановилась рядом с ним, тяжело дыша, как загнанное дикое животное, и оттуда вылез человек. Но Мусорный Бак не мог оторвать глаз от машины. Он много знал о машинах и любил их, хотя и не имел водительских прав. Эта машина была красавицей, над которой работали долгие годы и вложили в нее многие тысячи долларов. Такие машины встречаются только на выставках старинных автомобилей, это плод тяжелого труда и любви.

Это был спортивный двухместный «Форд» 1932 года выпуска. На боку было написано: МАЛЫШ.

— Эй ты, длинный, высокий и страшный, — растягивая слова, произнес водитель, и Мусорный Бак наконец оторвал глаза от этой бомбы на колесах.

Роста в водителе было пять футов и три дюйма. Завитые, напомаженные и набриллиантиненные волосы добавляли ему еще три дюйма. На ногах у него были черные

остроносые ботинки. Каблуки добавляли владельцу другие три дюйма и доводили его рост до вполне пристойных пяти и девяти. Его рваные потертые джинсы так туго обтягивали его бедра, что можно было прочесть годы выпуска монет в его карманах. На нем была красная шелковая рубашка, обшитая желтой тесьмой и украшенная пуговицами из поддельных сапфиров. Запонки были из полированной кости. У Малыша их было две пары: одна из человеческих коренных зубов, а другая из резцов добермана-пинчера. Поверх этой удивительной рубашки, несмотря на жару, на нем была надета мотоциклетная куртка из черной кожи с изображением орла на спине. К плечам и к ремню были подвешены три заячьих лапки. Над орлом белыми шелковыми нитками было вышито: МАЛЫШ. Лицо этого человека было крошечным и болезненно бледным. Это было лицо куклы с выпученными губами, мертвыми серыми глазами, широким лбом без признака морщин и круглыми щеками.

Два кожаных ремня перекрещивались на его плоском животе, и из каждой кобуры торчало по огромному револьверу калибра 45.

— Ну, парень, что ты скажешь? — нараспев протянул Малыш.

Все, что Мусорный Бак мог сказать, было:

— Мне нравится твоя машина.

И это были правильные слова. Возможно, единственно правильные слова. Через пять минут Мусорный Бак сидел на месте пассажира, а «Форд» разогнался до крейсерской скорости Малыша, которая составляла около девяноста пяти миль. Велосипед, на котором Мусорный Бак проделал весь путь от восточного Иллинойса, превращался в точку на горизонте.

Мусорный Бак робко предположил, что на такой скорости Малыш не успеет заметить приближающийся затор на дороге.

— Ну, парень, — сказал Малыш. — У меня есть реакция. Веришь в эти штучки-дрючки?

— Да, сэр, — едва слышно произнес Мусорный Бак. Он чувствовал себя как человек, который только что разворошил палкой гнездо змей.

— Ты мне нравишься, парень, — сказал Малыш странным механическим голосом. Его кукольные глаза уставились поверх ярко-оранжевого руля на сверкающую дорогу. С зеркала заднего вида свисала пара игральные кости с черепами вместо точек. — Возьми пива на заднем сиденье.

Мусорный Бак терпеть не мог пива, но он быстро выпил одну банку и сказал, что пиво было прекрасное.

— Ну, парень, — сказал Малыш. — Это единственный хороший сорт пива на свете. Я бы им ссал, если б мог. Веришь в эти штучки-дрючки?

Мусорный Бак сказал, что верит.

— Меня называют Малышом. Я из Шреверпорта, штат Луизиана. Этот зверь выиграл все крупные конкурсы старых автомобилей на Юге. Веришь в эти штучки-дрючки?

Мусорный Бак сказал, что верит, и взял еще одну банку теплого пива. Это было лучшим, что он мог сделать в данной ситуации.

— А тебя как зовут?

— Мусорный Бак.

— Что? — На один кошмарный момент мертвые кукольные глаза остановились на лице Мусорного Бака. — Шутки со мной шутить вздумал? Никто и никогда не шутил с Малышом. Поверь в это, парень.

— Я верю, — серьезно сказал Мусорный Бак, — но меня действительно так называли. Потому что я часто поджигал чужие мусорные баки, почтовые ящики и разное другое. Я сжег пенсионный чек старой леди Симпл, и за это меня отправили в исправительную колонию. А

— Тот, кто не знает, пожалеет об этом. Слушай, знаешь, что я собираюсь делать?

— Ехать на запад? — осмелился предположить Мусорный Бак. Предположение казалось достаточно безопасным.

Малыш нетерпеливо дернулся.

— После того, как я буду там. После. Знаешь, что я собираюсь делать после?

— Нет. Что?

— Хочу ненадолго залечь на дно. Разнюхать ситуацию. Понимаешь эти штучки-дрючки?

— Конечно, — сказал Мусорный Бак.

— Не надо ля-ля. Просто разнюхать. Разнюхать, кто стоит во главе. Потом...

Малыш замолчал.

— Потом что? — неуверенно спросил Мусорный Бак.

— Потом заткну ему рот и закрою ему глаза. Покажу, где зимуют раки. Оторву ему яйца. Ты веришь в это?

— Да, конечно.

— Я возьму над ним верх, — сказал Малыш доверительно. — Оторву ему яйца. Держись со мной, Мусорный Бак. Нам больше не придется жрать консервированную свинину с бобами. Мы сожрем столько кур, сколько тебе и не снилось.

«Форд» с грохотом понесся дальше. Мусорный Бак сидел на месте пассажира с теплым пивом на коленях, и его одолевало внутреннее беспокойство.

Перед самым рассветом пятого августа Мусорный Бак вошел в Циболу, также известную под названием Лас-Вегас. Где-то на последних пяти милях дороги он потерял свою левую теннисную туфлю, и теперь его шаги звучали так: «шлеп-БУХ, шлеп-БУХ, шлеп-БУХ».

Он почти дошел, но теперь, когда он пробирался по забитому машинами шоссе, им овладело легкое удивление. Он смог. Он был в Циболе. Он был подвергнут испытанию и с честью выдержал его.

Вокруг него были сотни ночных клубов. «Роллс-Ройс Сильвер Гост» стоял, врезавшись в витрину магазина порнолитературы. Обнаженная женщина вниз головой свисала с фонаря. Он заметил, как ветер гонит мимо него две страницы местной «Сан». Снова и снова мелькал у него в глазах заголовок: ЭПИДЕМИЯ РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ, ВАШИНГТОН МОЛЧИТ. Он увидел огромный плакат с надписью НЕЙЛ ДАЙАМОНД! ОТЕЛЬ АМЕРИКАНА 15 ИЮНЯ — 30 АВГУСТА! Кто-то нацарапал ЛАС-ВЕГАС, УМРИ ЗА СВОИ ГРЕХИ! на витрине ювелирного магазина, специализировавшегося исключительно на обручальных кольцах. На улице лежал огромный перевернутый рояль, похожий на мертвую деревянную лошадь. Но где же люди? Где вода?

Мусорный Бак задремал на ходу, споткнулся и упал. Когда же он поднял взгляд, он едва смог поверить своим глазам. Он даже не заметил, как кровь потекла из его носа, заливая рваную синюю рубашку.

Высоченное белое здание устремлялось в пустынное небо, монолит в пустыне, игла, памятник, столь же величественный, как Сфинкс или пирамида Хеопса. Окна на его восточной стороне отражали восходящее солнце. Перед входом в здание стояли две золотые пирамиды. Над входом был укреплен большой бронзовый медальон с барельефом оскалившейся львиной головы.

Над медальоном была надпись, также выполненная из бронзы: МГМ ГРАНД-ОТЕЛЬ.

Но то, на что были устремлены его глаза, находилось на квадратной лужайке между стоянкой и подъездной дорогой. Оргазмическая дрожь так сильно сотрясала его, что на мгновение он мог лишь, приподнявшись на окровавленных руках, смотреть на фонтан своими выцветшими голубыми глазами. Из груди его стал вырываться тихий стон.

Фонтан работал. Это была великолепная конструкция из камня и слоновой кости, оправленная и выложенная золотом. Струи его освещались цветными прожекторами, которые делали воду то пурпурной, то желто-оранжевой, то красной, то зеленой. Шум падающей воды был очень сильным.

— Цибола, — пробормотал он и с трудом поднялся на ноги. Из носа у него до сих пор капала кровь.

Он заковылял к фонтану, все быстрее и быстрее. Потом ковыляние перешло в бег и, наконец, в сумасшедший порыв. Из глотки его стало вырываться слово, протяжное, как летящий в небеса бумажный змей, и высоко-высоко люди стали подходить к окнам (кто их видел? Бог, возможно, или дьявол, но уж конечно не Мусорный Бак). Слово летело все выше и становилось все пронзительнее, и слово это было: «ЦИИИИИИИБОЛАААААА!»

Финальное «аааахх» все звучало и звучало у него на устах, звук, в котором сосредоточились все удовольствия, которые когда-либо испытывали люди на земле, и прекратилось оно только тогда, когда вода в фонтане стала ему по грудь, и он окунулся несколько раз подряд в купель невероятной прохлады и благодати. Он чувствовал, как поры его тела раскрываются, словно миллион ртов, и втягивают в себя воду, как губка. Потом он наклонился над водой и стал пить, как корова.

— Цибола! Цибола! — кричал Мусорный Бак восторженно. — Я готов отдать за тебя свою жизнь!

Он проплыл несколько метров по-собачьи вокруг фонтана, попил еще воды, потом вскарабкался на бортик и шлепнулся на траву с глухим хлюпающим звуком. Ради этого стоило жить. Неожиданно желудок свело судорогой, и его вырвало. Даже рвота была приятной.

Он поднялся на ноги и, опершись о край фонтана своей искалеченной рукой, снова стал пить. На этот раз желудок принял дар с благодарностью.

Булькая, как полный бурдюк, он заковылял к алебастровым ступеням, которые вели ко входу в сказочный дворец между двух золотых пирамид. Ему пришлось напрячь все свои последние силы, чтобы сдвинуть с места дверь-вертушку. Он протиснулся в устланный ковром вестибюль, который, казалось, уходил вперед на многие мили. Ковер был клюквенного цвета, с густым и длинным ворсом. В вестибюле был отдел регистрации, почта, стол портье и окошечки кассиров. Вокруг было пустынно. Справа от него, за декоративной металлической решеткой, было казино. Мусорный Бак посмотрел на него в ужасе — там стояли ряды игровых автоматов, похожих на выстроившихся для парада солдат, а за ними виднелась рулетка и карточные столы. Столы для баккара были окружены мраморными перилами.

— Кто здесь? — прокаркал Мусорный Бак, но ответа не последовало.

И тогда он испугался, потому что это было место, где водятся привидения, где по углам скрываются чудовища, но из-за усталости страх был не таким сильным. Спотыкаясь, он спустился по ступенькам в казино, пройдя мимо кубинского бара, в темном углу которого тихо сидел Ллойд Хенрид, наблюдая за ним и держа в руке стакан польской воды.

Он подошел к столу, покрытому зеленым сукном, на котором виднелась загадочная надпись СДАЮЩИЙ ДОЛЖЕН БИТЬ 16 И СТОЯТЬ НА 17. Мусорный Бак залез на этот стол и немедленно уснул. Вскоре вокруг груды тряпья, которая была Мусорным Баком, собралось около полудюжины человек.

— Что мы с ним будем делать? — спросил Кен ДеМотт.

— Пусть поспит, — ответил Ллойд. — Он нужен Флеггу.

— Кстати, куда это он запропастился? — спросил кто-то.

Ллойд повернулся, чтобы взглянуть на человека, слегка лысоватого и выше Ллойда на целый фут. Но несмотря на свой рост, человек под взглядом Ллойда сделал шаг назад. Камень, висевший на шее у Ллойда, был единственным, в центре которого сияла маленькая и вселявшая тревогу красная щель.

— Тебе так не терпится его увидеть, Гек? — спросил Ллойд.

— Нет, — ответил лысоватый человек. — Эй, Ллойд, ты ведь знаешь, что я не...

— Конечно. — Ллойд посмотрел на человека, спящего на столе для игры в блек-джек. — Флегг скоро подойдет, — сказал он. — Он ждал этого парня. Этот парень особенный.

На столе, не подозревая об этом разговоре, спал Мусорный Бак.

Ночь восемнадцатого июля Мусорный Бак и Малыш провели в мотеле города Голден, штат Колорадо. Малыш нашел две комнаты, соединенные дверью. Дверь между номерами оказалась заперта. Малыш, уже порядком навеселе, разрешил эту незначительную проблему, вышибив замок тремя пулями из 45-го.

— Какая комната? — спросил он. — Выбирай, Мусор.

Мусорный Бак выбрал ту, что была справа, и на некоторое время был оставлен в одиночестве. Малыш куда-то вышел. Мусорный Бак неторопливо размышлял о том, не стоит ли просто улизнуть во мрак, пока не случилось беды, или все же потерпеть ради того, чтобы быстрее добраться до цели, когда Малыш вернулся. Мусорный Бак встревожился, увидев, что он толкает перед собой магазинную тележку, доверху набитую упаковками с пивом. Глаза Малыша покраснели. Прическа в стиле помпадур распустилась, как сломанная часовая пружина, и жирные пряди волос свисали теперь Малышу на уши и на щеки, делая его похожим на опасного (хотя и абсолютно нелепого) пещерного человека, который нарядился в найденную им кожаную куртку, оставленную незадачливым путешественником во времени.

— Теплое, — сказал Малыш, — но кому какое дело? Правильно я говорю?

— Абсолютно правильно, — сказал Мусорный Бак.

— Возьми пива, жопа, — сказал Малыш и швырнул ему банку. Когда Мусорный Бак дернул за кольцо, его обдало пеной, и Малыш разразился странно тоненьким хохотом, держась обеими руками за свой плоский живот. Мусорный Бак слабо улыбался. Он решил, что сегодня ночью, когда этот кукольный монстр уснет, он убежит. Он уже сыт по горло. А то, что Малыш сказал о темном священнике... Говорить такие вещи, даже в шутку, — это все равно что испражняться на алтарь церкви или поднимать лицо к небу во время грозы и просить молнию ударить в тебя.

Но хуже всего было то, что Малыш, по-видимому, не шутил. Малыш выдул две банки пива за две минуты, раздавил их и бросил на кровать. Он мрачно смотрел на цветной телевизор, в левой руке держа новую банку пива, а в правой — 45-ый, которым он открывал дверь между двумя номерами.

— Нет электричества, нет и телевизора, — сказал он. — Я ненавижу телек, и я рад, что все эти жопы накрылись. Но Господи-Иисусе-Христе-Боже мой-поцелуй-меня-в-зад, где ЭйчБиОу? Где бейсбольные матчи? Где канал «Плейбой»? Классная была штука, Мусор. Я хочу сказать, там никогда не показывали парней, которые жрут волосатый пирог, эту бородатую устрицу, понимаешь, о чем я, но у некоторых леди ноги доходили прямо до подбородков, понимаешь, о чем я, так твою мать?

— Конечно, — сказал Мусорный Бак.

— Не надо ля-ля, мудацкая рожа.

Малыш уставился на мертвый телевизор.

— Ах ты, сука бессловесная, — сказал он и выстрелил в экран. Экран лопнул с глухим, сочным треском. Осколки усыпали ковер. Мусорный Бак поднял руку, чтобы защитить глаза, и

пролил пиво.

— Эй ты, посмотри-ка, что ты натворил, мудила! — воскликнул Малыш. Он был охвачен бешеной яростью. Неожиданно 45-ый нацелился на Мусорного Бака, и дуло его казалось таким же большим, как труба парохода. Мусорный Бак почувствовал, как мошонка его онемела. Похоже, он намочил штаны.

— За это я тебе провентилирую мозги, — сказал Малыш. — Ты разлил пиво. Если бы ты разлил какой-нибудь другой сорт, я бы тебе и слова не сказал, но ты разлил мой любимый сорт. Я бы ссал им, если б мог, веришь в эти штучки-дрючки?

— Конечно, — прошептал Мусорный Бак.

— А как ты думаешь, производят его в наши дни, Мусор? Ты, наверное, думаешь, что да, так?

— Нет, — прошептал Мусорный Бак. — Наверное, нет.

— Ты совершенно прав. Это исчезающий вид. — Он поднял револьвер чуть-чуть выше, Мусорный Бак подумал, что это конец. Потом Малыш опустил пистолет пониже... чуть-чуть. Взгляд его был абсолютно пустым. — Вот что я тебе скажу, Мусор. Сейчас ты возьмешь еще одну банку и выпьешь ее залпом. Если выпьешь всю, не отрываясь, будешь жить. Веришь в эти штучки-дрючки?

Мусорный Бак подошел к картонной коробке, выбрал банку и открыл ее. Он перевернул банку, и пиво забулькало ему в глотку. Он судорожно глотал, и его кадык дергался вверх и вниз, как обезьяна на ветке. Когда банка опустела, он уронил ее к своим ногам, вступил в бесконечно долгую битву со своим желудком и выиграл свою жизнь в приступе долгой, раскатистой отрыжки.

Малыш убрал револьвер в кобуру.

— О'кей. Неплохо, Мусорный Бак. Совсем не плохо, так твою мать.

Малыш продолжал пить. Раздавленные банки грудой росли на кровати. Мусорный Бак держал одну банку у себя на коленях и делал из нее маленький глоток каждый раз, когда ему казалось, что Малыш неодобрительно на него посматривает. Малыш непрерывно бормотал, и голос его становился все тише и тише. Он говорил о местах, в которых побывал. О гонках, которые выиграл. О грузе наркотиков, который он привез из Мексики. Наркотики — дрянная штука, так их растак, но, парниша, когда ты сделаешь несколько ходок через границу, ты можешь вытирать задницу золотой бумагой. Наконец, им понемногу стал овладевать сон, и его маленькие красные глазки стали закрываться все чаще и чаще.

— Я кончу его, Мусор, — пробормотал Малыш. — Приеду туда, разнюхаю ситуацию и буду целовать его трахнутую задницу, пока не увижу, откуда ветер дует. Никто не может приказывать Малышу. Ни одна сука. Я не собираюсь быть мальчиком на побегушках. Есть работа — я ее сделаю. Такой у меня стиль. Я не знаю, кто он такой и откуда, и как ему удастся влезть в наши трахнутые мозги, но я... — протяжный зевок — ...пошлю его ко всем чертям. Закрою ему рот, а потом — глаза. Покажу ему, где раки зимуют. Держись со мной, Мусор, или как там тебя.

Малыш медленно опустился на кровать. Только что открытая банка пива выскользнула у него из пальцев. На ковре образовалась еще одна лужа. Упаковка была пустой, и, по расчетам Мусорного Бака, Малыш выпил двадцать одну банку. Мусорный Бак никак не мог понять, каким образом такой маленький человек может выпить столько пива, но кое-что он понял: было время уходить. Он знал это, но он чувствовал себя пьяным, слабым и больным. И больше всего на свете ему хотелось немножечко поспать. В этом ведь нет ничего страшного, правда? Малыш проспал всю ночь, как бревно, да и половину утра, наверное, тоже. У него достаточно времени, чтобы немного вздремнуть.

Он пошел в другую комнату и прикрыл дверь между номерами. На туалетном столике стоял механический будильник. Мусорный Бак завел его, перевел стрелки на полночь, так как не знал (да и не интересовался), сколько сейчас на самом деле времени, а потом поставил будильник на пять часов утра. Он лег на одну из смежных кроватей, даже не потрудившись снять теннисные туфли. Через пять минут он уснул.

Он проснулся в темной могиле наступающего утра, ощущая запах пива и рвоты. Кто-то лежал рядом с ним в постели, кто-то горячий и извивающийся. В первую секунду он в панике подумал о том, что это ласка, каким-то образом переместившаяся из его сна о Небраске прямо в реальность. Хныкающий тихий стон сорвался с его уст, когда он понял, что животное, забравшееся к нему в кровать, хотя и не очень большое, но явно больше ласки. От пива у него болела голова, а в висках безжалостно стучало.

— Хватайся за меня, — прошептал Малыш в темноте. Мусорного Бака взяли за руку и подсунули ему какой-то твердый пульсирующий предмет цилиндрической формы. — Тяни. Давай, тяни, ты знаешь, как это делается, я это с первого взгляда понял. Давай, дрочила, так твою мать, надрочи меня.

Мусорный Бак знал, как это делается. Он знал об этом, начиная с тех долгих ночей, которые ему пришлось провести в тюрьме. Говорили, что это плохо, что он ведет себя, как гомосексуалист, но педики были гораздо симпатичнее многих других — тех, кто ночами затачивал ложки или просто лежал на койке, грызя костяшки, глядя на тебя и усмехаясь.

У Мусорного Бака в руках оказался предмет, с которым он умел обращаться. Он сомкнул пальцы и приступил к работе. Когда все будет кончено. Малыш снова уснет. И тогда он сможет уйти.

Дыхание Малыша стало прерывистым. Мусорный Бак не сразу понял, что Малыш расстегивает его ремень и спускает до коленей джинсы и трусы. Мусорный Бак не возражал. Ну, засунет свою штуку ему в задницу, ну и что? От этого не умирают. Это же не яд.

А потом его рука застыла. То, что прижалось к его анусу, было не живой плотью. Это была холодная сталь.

И внезапно он понял, что это такое.

— Нет, — прошептал он. Его глаза расширились от ужаса. Теперь в зеркале он смутно мог различить личико куклы-убийцы, нависшее у него над плечом.

— Да, — прошептал в ответ Малыш. — И не сбивайся с ритма, Мусор. Не сбивайся. Или я спущу курок и разнесу твою фабрику по производству дерьма к чертовой матери. Веришь в эти штучки-дрючки?

Скуля, Мусорный Бак снова принялся за дело. Дуло 45-го вошло в него, причинив ему дикую боль. Но не почувствовал ли он и возбуждения? Вполне возможно.

Малыш это заметил.

— Нравится? — выдохнул он. — Я знал, что понравится, мешок с дерьмом. Тебе нравится, когда он ходит у тебя в жопе? Скажи да, мешок с дерьмом. Скажи да, или отправишься прямо в ад.

— Да, — прохныкал Мусорный Бак.

— Хочешь, чтобы я продолжал?

Он не хотел. Несмотря на возбуждение. Но он знал, что нельзя отказываться.

— Да.

— Я не прикоснулся бы к твоему херу, даже если б он был бриллиантовым. Дрочи его сам. Как ты думаешь, зачем Бог дал тебе две руки?

Сколько это продолжалось? Бог, может, и знает, но Мусорный Бак не знал. Минута, час, век — какая разница? У него появилась уверенность, что в момент оргазма Малыша он

ощутит сразу две вещи: горячий ручеек спермы у себя на животе и пулю, разрывающую ему внутренности. Последняя клизма.

Потом бедра Малыша напряглись, и из пениса рванулся прерывистый поток спермы. Рука Мусорного Бака стала скользкой, словно на нее надели резиновую перчатку. Через мгновение пистолет был вытащен. Молчаливые слезы облегчения брызнули из глаз Мусорного Бака. Он не боялся смерти, во всяком случае, смерти ради темного человека, но он не хотел погибнуть в этой мрачной комнате от рук психопата, даже не увидев Циболы. Он готов был уже начать молиться, но он инстинктивно подозревал, что Бог не станет слушать того, кто отдал свою душу темному человеку. Да и когда Бог помогал Мусорному Баку? Или Дональду Мервину Элберту, если уж на то пошло?

Малыш захрапел.

А теперь я уйду, — подумал Мусорный Бак, но он опасался, что как только он двинется. Малыш тут же проснется. Я уйду, как только буду окончательно уверен, что он уснул. Пять минут. Не больше.

Но никто не знает, сколько длятся пять минут в темноте. Можно даже сказать, что в темноте пяти минут не существует. Он ждал. Постепенно он погрузился в сон.

Он оказался на дороге, где-то высоко в горах. Звезды были так близко, что казалось, их можно потрогать руками. Было очень холодно. По бокам дороги смутно вырисовывались скалы.

Что-то приближалось к нему из темноты.

А потом раздался его голос: «В горах я дам тебе знак. Я покажу тебе мою силу. Я покажу тебе, что случится с теми, кто не подчиняется мне. Жди. Смотри.»

В темноте стали появляться красные глаза. Они окружили Мусорного Бака плотным кольцом. Поначалу он подумал, что это глаза ласок, но когда кольцо еще немного сжалось, он увидел, что это большие горные волки. Уши их торчали вперед, а из черных пастей капала слюна.

Он испугался.

«Они поджидают не тебя, мой верный слуга, понял?»

А потом они исчезли.

«Смотри», — сказал голос.

«Жди», — сказал голос.

Сон кончился. Он проснулся и увидел яркий солнечный свет, идущий из окна мотеля. Рядом с окном стоял Малыш, на котором вчерашняя попойка, похоже, никак не отразилась. Все завитки и колечки его прически были приведены в полный порядок, и он любовался своим отражением в зеркале. Его кожаная куртка была наброшена на спинку стула. Кроличьи лапки болтались на ней, как трупики на виселице.

— Эй, мешок дерьма! Я уж думал, мне опять придется смазать тебе руку, чтобы ты проснулся. Вставай, нас ждет трудный день. Сегодня много чего случится, я прав?

— Конечно, — ответил Мусорный Бак со странной улыбкой.

Когда Мусорный Бак проснулся вечером пятого августа, он все еще лежал на игорном столе в казино «МГМ Гранд-Отеля». Перед ним, оседлав стул задом наперед, сидел молодой человек с прямыми волосами соломенного цвета и в солнцезащитных очках. Первое, что заметил Мусорный Бак, — это был камень, висевший на его открытой шее. Черный, с красной щелью посередине. Как глаз волка ночью.

Он попытался сказать, что хочет пить, но изо рта у него вырвался лишь слабый стон.

— Ну и натерпелся же ты от жары, надо полагать, — сказал Ллойд Хенрид.

— Вы — это он? — прошептал Мусорный Бак. — Вы здесь...

— Главный? Нет. Флегг сейчас в Лос-Анджелесе. Но он знает, что ты здесь. Я говорил с ним по радио.

— Он придет?

— Что? Только для того, чтобы на тебя посмотреть? Нет, черт возьми. Он будет здесь в свое время. Ты и я, паренек, мы просто пешки. Он будет здесь, когда ему будет надо. Тебе так хочется увидеть его?

— Да... нет... я не знаю.

— Ну, так или иначе, тебе представится такой случай.

— Пить...

— Конечно. Вот. — И он протянул ему термос с вишневым прохладительным напитком. Мусорный Бак осушил его одним глотком, а потом согнулся, схватившись за живот и постанывая. Когда судорога прошла, он посмотрел на Ллойда с немой благодарностью.

— Как ты думаешь, сможешь что-нибудь съесть? — спросил Ллойд.

— Да, пожалуй.

Ллойд обернулся к стоявшему позади него человеку.

— Роджер, походи скажи Уитни или Стефани-Энн, чтобы они пожарили этому парню картошки и пару гамбургеров. Нет, черт, что я такое несу. Он ведь заблюет нам все здание. Суп. Пусть дадут ему супа. Хорошо, парень?

— Все, что угодно, — с благодарностью сказал Мусорный Бак.

— У нас здесь есть парень, — сказал Ллойд, — по имени Уитни Хорган. Когда-то он был мясником. Он — жирный мешок дерьма, но готовить умеет. В этом ему не откажешь! А здесь есть все. Когда мы сюда въехали, генераторы все еще работали, а холодильники были набиты до отказа. Чертов Вегас! Ну и местечко же здесь!

— Да, — сказал Мусорный Бак. Ллойд ему уже нравился, хотя он даже не знал, как его зовут. — Это Цибола.

— Чего-чего?

— Цибола. Город, который искали многие.

— Да, масса людей искало этот город, но большинство из них потом жалело, что нашло. Впрочем, можешь называть его, как тебе заблагорассудится. Похоже, ты совсем перегрелся, пока шел сюда. Как тебя зовут?

— Мусорный Бак.

Ллойд это имя, похоже, совсем не показалось странным. Он протянул Мусорному Баку руку. На кончиках пальцев все еще оставались исчезающие следы его пребывания в тюрьме Финикса.

— Меня зовут Ллойд Хенрид. Рад познакомиться, Мусор. Приветствую тебя на борту нашего корабля.

Мусорный Бак пожал протянутую руку, и ему с трудом удалось не разрыдаться от благодарности. Насколько он помнил, впервые за всю его жизнь кто-то протянул ему руку для рукопожатия. Он был на месте. Он был принят. Теперь в течение долгого времени он будет пребывать внутри. Ради этого он прошел бы в два раза более длинный путь по пустыне и сжег бы себе вторую руку и обе ноги.

— Спасибо, — пробормотал он. — Спасибо, мистер Хенрид.

— Черт возьми, братец, зови меня Ллойд.

— Ллойд. Спасибо, Ллойд.

— Так-то лучше. После того, как ты поешь, я тебе отведу наверх, в твою комнату. Завтра у тебя будет кое-какая работа. У главного, наверное, на тебя свои планы, но пока и без этого работы достаточно. Мы многое здесь вернули к жизни, но далеко не все. Команда наших

ребят на Боулдер Дэм пытается полностью восстановить все электроснабжение. Другие работают над водопроводом. Еще у нас есть разведывательные отряды, мы приводим сюда от шести до восьми человек в день, но пока я тебя избавлю от этих подробностей. Похоже, ты так долго шел под открытым небом, что солнца хватит тебе на месяц вперед.

— Пожалуй, — сказал Мусорный Бак со слабой улыбкой. Он уже готов был отдать свою жизнь за Ллойда Хенрида. Собрав все свое мужество, он указал на камень, покоившийся во впадинке на ллойдовской шее. — Это...

— Да, все парни, кто обладает кое-какой властью, носят его. Это была его идея. Это черный янтарь. Не совсем камень. Что-то вроде нефтяного пузыря.

— Я имею в виду... красный свет. Глаз.

— Тебе он тоже кажется глазом? Это щель. Особый подарок от него. Я далеко не самый крутой парень из его людей. Но я... черт возьми, по-моему, можно сказать, что я его талисман. — Он пристально посмотрел на Мусорного Бака. — Может быть, ты тоже? Кто знает? Уж во всяком случае, не я. Он скрытный, Флегг. Но так или иначе, о тебе он говорил нам особо. Мне и Уитни. Это на него не похоже. Слишком много приходит сюда, чтобы замечать каждого в отдельности. — Ллойд выдержал паузу. — Хотя, если он захочет, он все сможет. По-моему, он видит насквозь любого из нас.

Мусорный Бак кивнул.

— Он может творить чудеса, — сказал Ллойд слегка хриплым голосом. — Я видел. Не хотел бы я быть одним из тех, кто против него.

— Да, — сказал Мусорный Бак. — Я видел, что случилось с Малышом.

— Каким малышом?

— С парнем, с которым мы были вместе, пока не поднялись в горы. — Он поежился. — Не хочу говорить об этом.

— О'кей, парень. А вот, наконец, и твой суп. Уитни-таки положил тебе гамбургер. Тебе понравится. Этот парень готовит прекрасные гамбургеры. Постарайся, чтобы тебя не вырвало, О'кей?

— О'кей.

— Ладно, у меня есть еще дела. Если бы мы мой старый дружок Поук мог бы увидеть меня сейчас, он не поверил бы своим глазам. Еще увидимся.

— Конечно, — сказал Мусорный Бак, а потом добавил робко: — Спасибо, спасибо за все.

— Не говори спасибо мне, — дружелюбно сказал Ллойд. — Скажи спасибо ему.

— Я так и делаю, — сказал Мусорный Бак. — Каждую ночь. — Но он разговаривал с самим собой. Ллойд уже шел через вестибюль, беседуя с человеком, который принес суп и гамбургер. Мусорный Бак проводил их взглядом, а потом жадно накинулся на еду и съел почти все. Он чувствовал бы себя прекрасно, если бы взгляд его не упал на тарелку. Это был томатный суп, и его цвет был цветом крови.

Он отодвинул тарелку в сторону. Внезапно его аппетит исчез. Очень просто было сказать Ллоиду Хенриду, что не хочешь говорить о Малыше, но гораздо труднее было перестать думать о том, что с ним случилось.

В безоблачный теплый денек, когда они ехали по I-70 из Голдена прямо на Скалистые горы. Малыш отказался от пива ради бутылки виски «Ребел Йелл». Еще пара бутылок, аккуратно упакованных в пакеты из-под молока, стояла между ними. Несколько раз Малыш замечал, что хотел бы ссать «Ребел Йелл», если б мог. Потом спрашивал у Мусорного Бака, верит ли тот в эти штучки-дрючки. Мусорный Бак, бледный от страха и все еще с похмелья после вчерашних трех банок пива, говорил, что верит.

Даже Малыш не мог ехать по этим дорогам со скоростью девяноста миль в час. Он

снизил скорость до шестидесяти и пробормотал сквозь зубы что-то нелестное о трахнутых горах. Потом он просиял:

— Когда мы доберемся до Юты и Невады, мы наверстаем потерянное, Мусорок. Эта красotka по ровному шоссе может выдавать сто шестьдесят. Веришь в эти штучки-дрючки?

— Это прекрасная машина, — сказал Мусорный Бак с улыбкой больной собаки.

— А ты думал. Он отхлебнул «Ребел Йелл», запил пепси-колой и завопил:

— ЙАХООООУУУ!

Через некоторое время скорость упала с шестидесяти до сорока. Потом до тридцати. Малыш постоянно матерился сквозь зубы. «Форд» петлял среди мертвых машин, которых становилось все больше и больше.

— Что за хренотень? — ярился Малыш. — На хрен они сюда притащились? Решили сдохнуть на высоте десяти тысяч футов, так их мать? Эй вы, мудозвоны, прочь с дороги! Слышите меня? Убирайтесь с дороги!

Мусорный Бак съежился от страха.

Они завернули за поворот и наткнулись на ужасный затор из четырех потерпевших аварию машин, который полностью блокировал ведущие на запад полосы I-70. Труп, залитый засохшей кровью, лежал раскинувшись на дороге лицом вниз. Рядом с ним валялась сломанная кукла Чэтти-Кэти. Слева затор нельзя было объехать из-за шестифутового забора. Справа был обрыв.

Малыш отхлебнул «Ребел Йелл» и швырнул «Форд» в сторону обрыва.

— Держись, Мусорок, — прошептал он, — едем в обход.

— Там не проедешь, — взвизгнул Мусорный Бак.

— Проедешь, — прошептал Малыш. Глаза его сверкали. Он выехал на обочину.

— На меня не рассчитывай, — быстро сказал Мусорный Бак и схватился за ручку двери.

— Сиди, — сказал Малыш, — или ты превратишься вдохлый мешок дерьма.

Мусорный Бак обернулся и уперся в дуло .45-го. Малыш напряженно хихикнул.

Мусорный Бак сел обратно. Он хотел закрыть глаза, но не смог этого сделать. В его окне исчезли последние шесть дюймов обочины. Теперь взгляд его упирался прямо в далекие вереницы серо-голубых елей и нагромождение валунов.

Он чувствовал, что до обрыва остается четыре дюйма... два дюйма...

— Еще один дюйм, — стал напевать Малыш. Глаза его были широко раскрыты, а зубы оскалились в широкой усмешке. Пот выступил на его кукольном лбу чистыми и прозрачными каплями. — Еще... только... один.

Все случилось очень быстро. Мусорный Бак почувствовал, как заднее правое колесо провалилось вниз. Он услышал звук падающих камней. Он закричал. Малыш выругался и перешел на первую передачу. С левой стороны, оттуда, где лежал перевернутый труп микроавтобуса марки «Фольксваген», раздался металлический скрежет.

— Лети! — завопил Малыш. — Лети, как птица! Лети, черт тебя побери! ЛЕТИ!

Задние колеса «Форда» бешено вращались. На секунду показалось, что машина сползает к обрыву. Но потом она дернулась вперед и снова выехала на дорогу.

— Я же говорил тебе, что объедем! — ликующе закричал Малыш. — Черт возьми! Что скажешь? Что скажешь, Мусорок, обо срававшаяся цыплячья задница?

— Объехали, — сказал Мусорный Бак тихим голосом. Его трясло с ног до головы. А потом, уже второй раз за время, прошедшее после встречи с Малышом, он инстинктивно сказал ту единственную фразу, которая могла спасти ему жизнь. Скажи он что-то другое. Малыш немедленно убил бы его. — Хорошо водишь машину, чемпион, — сказал он. До этого момента он никого в своей жизни ни разу не назвал чемпионом.

— Аааа... ну, не так уж и хорошо, — сказал Малыш покровительственно.

— В стране есть еще по крайней мере два парня, которые могли бы сделать то же самое. Веришь в эти штучки-дрючки?

— Я верю тебе, Малыш.

— Не надо ля-ля, радость моя. Ну что ж, едем дальше.

Но далеко уехать им не удалось. «Форд» остановился через пятнадцать минут, проехав тысячу восемьсот миль от Шревепорта, штат Луизиана.

— Не верю, — сказал Малыш. — Я не... так вашу мать... верю в это!

Он открыл дверцу и выпрыгнул на дорогу, по-прежнему сжимая в руке на одну четверть полную бутылку «Ребел Йелла».

— ПРОЧЬ С ДОРОГИ! — заорал Малыш, пританцовывая на своих гротескно высоких каблуках, воплощая собой крохотную природную силу разрушения, нечто вроде землетрясения в бутылке. — УБИРАЙТЕСЬ С МОЕЙ ДОРОГИ, МУДОЗВОНЫ, ВЫ ПОДОХЛИ, ВАШЕ МЕСТО НА ТРАХНУТОМ КЛАДБИЩЕ, ВАМ НЕЧЕГО ДЕЛАТЬ НА МОЕЙ ТРАХНУТОЙ ДОРОГЕ!

Он швырнул бутылку, и она разбилась на тысячи осколков о бок старого «Порша». Малыш стоял молча, тяжело дыша и слегка покачиваясь взад и вперед.

На этот раз препятствие было более серьезным. Все полосы были под завязку забиты мертвыми машинами. Трупы машин были и на обочине, и на газоне между двумя половинами шоссе.

Малыш вернулся к машине с лицом карликового василиска. Глаза его выпучились от ярости.

— Я не оставлю свою машину, — сказал он. — Слышишь меня? Ни за что. Я не оставлю ее. Иди, Мусорок. Иди и посмотри, сколько тянется эта трахнутая пробка. Может, там где-нибудь грузовик перегородил дорогу или что-нибудь в этом роде. Короче, если это так, я пошвыряю в пропасть всех этих сукиных детей. Я сделаю это, и лучше тебе поверить в эти штучки-дрючки. Иди, сынок.

Мусорный Бак не стал возражать. Он пошел по дороге, виляя между машинами. Он был готов в любой момент пригнуться и побежать, если Малыш начнет стрелять. Но этого не случилось.

Мусорный Бак отправился в путь в половине одиннадцатого. Идти приходилось медленно, часто надо было залезать на капоты и крыши, там где машины сгрудились слишком тесно. К тому времени, когда ему впервые встретился указатель ТУННЕЛЬ ЗАКРЫТ, было уже четверть третьего.

Он озадаченно остановился перед указателем. Туннель закрыт. Какой туннель? Заслоняя глаза от солнца, он взгляделся в даль, и ему показалось, что он что-то увидел. Он прошел еще три сотни ярдов и натолкнулся на страшное месиво разбитых машин и трупов. Часть машин были военными. Часть людей были одеты в хаки. За тем местом, где разыгралась битва — сомнений в этом у Мусорного Бака не было, — стояли все те же ряды мертвых машин. Эти ряды исчезли в двух черных пастях того, что, судя по огромному указателю, носило название ТУННЕЛЬ ЭЙЗЕНХАУЭРА.

Он подошел поближе, еще не зная, что он собирается делать. Две черных пасты в скале внушали ему робость, и по мере того, как он приближался все ближе и ближе, робость переходила в самый настоящий ужас. Пешеходная дорожка шла почти вровень с шоссе, и многие машины попытались выехать на нее. Длина туннеля составляла две мили. Единственный способ пройти сквозь него — это ползти по крышам с одной машины на другую в абсолютной темноте.

В животе у Мусорного Бака похолодело.

Какое-то время он смотрел на туннель, а потом повернулся и пошел обратно к Малышу. Плечи его обмякли, уголки рта дрожали. Может быть, ему удастся проскользнуть мимо?

Через несколько часов Мусорный Бак остановился за «Поршем», о который Малыш разбил бутылку. Он осторожно выглянул из-за капота. «Форд» Малыша ярко выделялся на фоне темно-фиолетового вечернего неба. Сам Малыш сидел за рулем, глаза его были закрыты, а рот приоткрылся. Сердце Мусорного Бака исполнило в груди победный марш. Пьян, как свинья! — выстукивало оно. Пьян, как свинья! Ей-Богу! Пьян, как свинья! Мусорный Бак подумал, что прежде чем Малыш очухается, он успеет уйти миль на двадцать на восток.

Двигался он очень осторожно. Он перебежал от машины к машине, как водомерка, оставляя «Форд» Малыша слева.

— А ну-ка, мудозвон, стой на месте.

Мусорный Бак замер, стоя на четвереньках. Он намочил штаны, и мозг его превратился в обезумевшую черную птицу паники.

Он очень медленно поднял глаза и увидел над собой Малыша. В руках у него было по .45-му, а на губах застыла ужасная гримаса ненависти и ярости.

— Я п-п-просто проверял, сможем ли мы здесь проехать, — услышал Мусорный Бак свой собственный голос. — Открыта ли дорога назад.

— Ну конечно, на четвереньках. Сейчас я тебе открою дорогу назад. Вставай, сука.

Мусорный Бак с трудом поднялся, ухватившись за ручку стоявшей рядом машины. Два дула .45-х выглядели абсолютно точно так же, как две пасти туннеля Эйзенхауэра. Он смотрел в лицо смерти и знал об этом. Теперь уже не было такой фразы, которая могла бы спасти его.

Он помолился темному человеку: Прошу тебя... если будет на то твоя воля... я отдам за тебя мою жизнь!

— Что там такое? — спросил Малыш. — Авария?

— Туннель. Он забит до отказа. Поэтому-то я и вернулся сказать тебе. Пожалуйста...

— Туннель, — прорычал Малыш. — Господи-Иисусе-Христе-Боже-мой-поцелуй меня-в-зад! А ты не врешь, сучья морда?

— Нет! Клянусь, что не вру! На указателе, по-моему, было написано, что это туннель Изинхувера, но мне трудно читать длинные слова. Я...

— Заткни пасть. Как далеко отсюда?

— Восемь миль. Может быть, даже больше.

Малыш посмотрел на запад. Потом он перевел глаза на Мусорного Бака.

— Ты пытаешься повесить мне на уши лапшу, что эта пробка тянется на восемь миль? Ах ты мешок дерьма! — Малыш угрожающе помахал револьверами.

— Честное слово! — закричал Мусорный Бак. — Честное слово! Я клянусь, клянусь!

Малыш посмотрел на него долгим взглядом.

— Я убью тебя, Мусорок, — сказал он наконец с улыбкой. — Но сначала мы вернемся к тому затору, который мы объехали сегодня утром. Ты столкнешь пару машин в пропасть. А потом я отыщу другой путь. Я не собираюсь оставлять свою машину, — добавил он раздраженно. — Ни за какие коврижки.

— Пожалуйста, не убивай меня, — прошептал Мусорный Бак. — Пожалуйста.

— Если ты сможешь скинуть «Фольксваген» в пропасть меньше, чем за пятнадцать минут, может быть, я и передумаю, — сказал Малыш. — Веришь в эти штучки-дрючки?

— Да, — сказал Мусорный Бак. Но он успел глубоко заглянуть в эти сверхъестественные блестящие глаза и уже не мог поверить словам.

Когда они добрались до затора, уже почти стемнело. Малыш зашел за микроавтобус и

посмотрел на обочину, по которой они проехали около десяти часов назад.

— Нет, уж, — сказал Малыш решительно. — Я здесь больше не поеду до тех пор, пока мы не расчистим путь. Не надо ля-ля.

На одно мгновение Мусорному Баку пришла в голову мысль броситься на Малыша и столкнуть его с обрыва. Малыш обернулся. Революеры его были небрежно направлены в живот Мусорного Бака.

— Скажи, Мусорок. У тебя ведь были на уме нехорошие мысли. И не пытайся это отрицать. Я тебя, так твою мать, вижу насквозь.

Мусорный Бак яростно затряс головой.

— Не совершай ошибок, Мусорок. А теперь принимайся за дело. У тебя есть пятнадцать минут.

Мусорный Бак уперся в микроавтобус и толкнул его изо всех сил. Микроавтобус сдвинулся дюйма на два. В сердце у него появилась надежда. Может быть, если ему действительно удастся скинуть «Фольксваген» в пропасть и расчистить путь, этот чокнутый сохранит ему жизнь.

Может быть.

Он набычился и снова толкнул микроавтобус. В его недавно обожженной руке вспыхнула боль. Вскоре нежная новая кожа прорвется. И тогда боль превратится в агонию.

Автобус сдвинулся на три дюйма. Пот тек Мусорному Баку прямо в глаза и жегся, как теплое машинное масло.

— Вот идет Джонни с киркой в руке, — пел Малыш. — У него одно яйцо, и он...

Песня сломалась, как сухой сучок. Мусорный Бак опасливо поднял глаза. Малыш стоял в профиль к Мусорному Баку и смотрел на противоположную сторону дороги.

— Что это было? — прошептал Малыш.

— Я ничего не ел...

И тогда он услышал. Он услышал тихий шорох гравия и камушков. Его сон вновь предстал перед ним, и во рту у него пересохло.

— Кто там? — заорал Малыш. — Отвечай! Отвечай, так твою мать, или я буду стрелять!

И ему ответили, но голос этот не принадлежал человеку. Словно хрипая сирена, поднялся вой, сначала нараставший, а потом быстро перешедший в гортанное ворчание.

— Господи Боже мой! — сказал Малыш, и голос его был неожиданно тонок.

С той стороны дороги и через нейтральную полосу шли волки, сухопарые серые лесные волки с красными глазами и отвисшими нижними челюстями. Их было более двух дюжин. В приступе ужаса Мусорный Бак снова намочил штаны.

Малыш начал стрелять. Звуки выстрелов отдавались от скал многократным эхом, так что создавалось впечатление, что палит целая артиллерия.

Волки приблизились с прежней скоростью. Их глаза... Мусорный Бак обнаружил, что не может оторваться от их глаз. Это не были обычные глаза обычных волков — в этом он был абсолютно уверен. У них были глаза их Повелителя, который также был и его Повелителем. Неожиданно он вспомнил о своей молитве и перестал бояться. Он отнял руки от ушей. Он не обращал внимания на мокрые джинсы. Он начал улыбаться.

Малыш опустошил оба свои револьвера, уложив при этом трех волков. Потом он убрал оружие обратно в кобуру, не пытаясь его перезарядить, и повернулся к западу. Он прошел около десяти шагов, а затем остановился. Навстречу ему шли новые волки, пробираясь между темными громадами мертвых автомобилей, словно рваные клочья тумана. Один из них поднял кверху пасть и завыл. К нему присоединился второй, потом третий, а потом завыл уже целый хор.

Малыш начал пятиться. Теперь он пытался зарядить один из своих револьверов, но патроны падали из его дрожащих пальцев. И неожиданно он сдался. Револьвер выпал у него из рук и брякнулся о дорогу. Волки бросились на него, словно это был сигнал.

С пронзительным криком ужаса Малыш повернулся и бросился к ближайшей машине, которой оказался голубой «Остин». Глухо, раскатисто рыча, ближайший к нему волк прыгнул как раз в тот момент, когда Малыш уже нырял внутрь.

Он успел. Волк с рычанием отскочил от двери. Через несколько секунд машина была окружена. В окне маячила маленькая белая луна лица Малыша.

Один из волков приближался к Мусорному Баку, низко опустив свою треугольную голову.

Я готов отдать за тебя свою жизнь...

Не чувствуя страха, Мусорный Бак пошел ему навстречу. Он вытянул вперед свою обожженную руку, и волк облизал ее. Через мгновение он уже сидел у его ног.

Малыш смотрел на них. Его рот был широко открыт.

Мусорный Бак закричал:

— Так твою мать. Сейчас ты закроешь рот, а потом — глаза! Слышишь меня? ВЕРИШЬ В ЭТИ ШТУЧКИ-ДРЮЧКИ? НЕ НАДО ЛЯ-ЛЯ!

Пасть волка нежно сомкнулась на здоровой руке Мусорного Бака. Он посмотрел вниз. Волк легонько дергал его. Дергал его в сторону запада.

— Ладно, — безмятежно сказал Мусорный Бак. — Хорошо, пареньь.

Он пошел, и волк двинулся за ним по пятам, словно хорошо обученная собака. К ним присоединились еще пять волков. Теперь вокруг него был целый почетный эскорт.

Один раз он остановился и оглянулся через плечо. Машина была окружена терпеливым кольцом волков, а за стеклом маячил бледный круг лица Малыша. Губы его беззвучно двигались. Волки, вывалив наружу языки, словно усмехались Малышу.

Мусорный Бак с удивлением подумал о том, сколько же будут волки сидеть вокруг машины. Ответ, конечно, был очень простым: столько, сколько потребуется. Два дня, три, может быть, даже четыре. Есть там нечего (разве что внутри найдется парочка трупов), пить тоже, днем температура поднимется до ста тридцати градусов по Фаренгейту — парниковый эффект. Волки темного человека будут ждать, пока Малыш не умрет от голода или не обезумеет до такой степени, что решится открыть дверь и попытается убежать.

— Я прав? — закричал он. — Не надо ля-ля, если ты веришь в эти штучки-дрючки!

Его серые спутники продолжали идти рядом, не обращая никакого внимания на его крики. Когда они проходили мимо «Форда» Малыша, один из волков подбежал к машине, понюхал шину и, сардонически усмехаясь, помочился на нее.

Мусорный Бак не мог не рассмеяться. Он смеялся, пока слезы не брызнули у него из глаз.

Он шел в сопровождении своего эскорта. После полуночи они подошли ко входу в туннель Эйзенхауэра. На этот раз Мусорный Бак не колебался и твердо направил свои шаги в правую черную пасть. Чего ему было бояться с такими телохранителями?

Это было долгое путешествие. Почти сразу же после его начала он потерял всякое представление о времени. Он шел вслепую, от одной машины к другой. Один раз его рука погрузилась во что-то мягкое и влажное, и его обдало тошнотворным зловонием. Но и тогда он не остановился ни на секунду. Время от времени он замечал в темноте красные глаза, которые указывали ему путь вперед.

Потом он почувствовал в воздухе свежесть и заторопился вперед, раз даже упав с капота одной машины и больно ударившись головой о бампер другой. Через небольшой промежуток времени он поднял голову и увидел вверху звезды, бледнеющие перед

наступлением зари. Путешествие через туннель закончилось.

Его телохранители исчезли. Но Мусорный Бак упал на колени и поблагодарил их в продолжительной и бессвязной молитве. Он видел волю темного человека в действии.

Через две мили дорога немного расчистилась, и идти стало гораздо удобнее. К полудню он дошел до Вейла. Усталость валила с ног. Он разбил стекло, отпер дверь, нашел кровать и немедленно провалился в забытие.

Седьмого августа Ллойд Хенрид вошел в комнату, куда вчера поместили Мусорного Бака. Это была прекрасная комната, расположенная на тридцатом этаже «МГМ Гранд-Отеля». Там стояла круглая кровать с шелковыми простынями, а на потолке было круглое зеркало, той же величины, что и кровать.

Мусорный Бак посмотрел на Ллойда.

— Как чувствуешь себя, Мусор? — спросил Ллойд.

— Нормально, — сказал Мусорный Бак. — Уже лучше.

— Еда, вода и отдых — вот и все, что тебе нужно, — сказал Ллойд. — Я принес тебе кое-какую чистую одежду. Не знаю, твой ли размер.

— Какая красивая. — Мусорный Бак и сам не знал своих размеров. Он взял джинсы и рубашку из рук Ллойда.

— Спускайся на завтрак, когда оденешься, — сказал Ллойд. Голос его звучал почти подобоострастно.

— Хорошо.

Ресторан гудел от разговоров, и он остановился за углом, объятый внезапным страхом. Они посмотрят на него, когда он войдет. Они посмотрят на него и рассмеются. Сначала кто-то захихикает в углу, потом кто-то подхватит, а потом весь зал затрясется от смеха, указывая на него пальцами.

«Эй, ребята, прячьте спички — идет Мусорный Бак!»

«Эй, Мусор! Что сказала старая леди Симпл, когда ты сжег ее пенсионный чек?»

«Все простыни промочил, Мусорок?»

На коже его выступил пот, и он почувствовал себя скользким, несмотря на душ, принятый после ухода Ллойда. Он вспомнил свое лицо в зеркале ванной комнаты, покрытое медленно заживающими струпьями, свое изможденное тело, свои глаза, слишком маленькие для глубоко зияющих глазниц. Да, они рассмеются. Он прислушался к шуму разговора, к позвякиванию столового серебра и решил, что надо улизнуть отсюда подальше и поскорее.

Потом он вспомнил о том, как нежно волк ухватил его за руку и увел его от металлической гробницы Малыша. Тогда он расправил плечи и вошел.

Несколько человек скользнули по нему взглядами, а потом вернулись к еде и разговорам. Ллойд, сидевший за большим столом в центре зала, поднял руку и помахал. Мусорный Бак подошел. За столом сидело еще три человека. Все они ели яичницу с ветчиной.

— Накладывай себе сам, — сказал Ллойд. — У нас здесь самообслуживание.

Мусорный Бак взял поднос и пошел за своей порцией. Стоявший за стойкой толстый человек в грязном поварском халате внимательно смотрел на него.

— Вы мистер Хорган? — робко спросил Мусорный Бак.

Хорган усмехнулся.

— Да, но звать ты меня будешь Уитни. Чувствуешь себя лучше? Когда ты пришел, ты выглядел как Божий гнев.

— Гораздо лучше.

— Выбирай, что хочешь. Я рад, что ты здесь, парень.

— Спасибо, — сказал Мусорный Бак.

Он вернулся к столу Ллойда.

— Мусор, этот человек — Кен ДеМотт. Вот этот парень с лысиной — Гектор Дроган. А этот паренек, который пытается отрастить у себя на лице то, что в таком изобилии растет у него в заднице, называет себя Козырным Тузом.

Все закивали ему.

— А это наш новый друг, — сказал Ллойд. — Его зовут Мусорный Бак.

Последовала серия рукопожатий. Мусорный Бак принялся за яичницу. Потом он поднял глаза на молодого человека с пробивающейся бородкой и спросил тихим вежливым голосом:

— Не могли бы вы передать мне соль, мистер Туз?

Сидевшие за столом удивленно переглянулись, а потом разразились хохотом. Мусорный Бак уставился на них, чувствуя, как в груди его поднимается волна паники, но потом он услышал смех, по-настоящему услышал его и понял, что в нем нет никакой злобы. Никто здесь не будет спрашивать его о том, почему он сжег церковь вместо школы. Никто не будет донимать его пенсионным чеком миссис Симпл. Он тоже может улыбнуться, если хочет. Так он и сделал.

— Мистер Туз, — хихикал Гектор Дроган. — Ну, Козырной, ты даешь.

Козырной Туз передал Мусорному Баку соль.

— Зови меня просто Козырной, парень. И я отзовусь в любое время. Ты не будешь называть меня мистером Тузом, а я не буду называть тебя мистером Баком, идет?

— Идет, — ответил Мусорный Бак, все еще улыбаясь. — Прекрасно.

Мусорный Бак налегал на яичницу, чувствуя внутри приятное тепло. Это ощущение было настолько незнакомо ему, что было почти болезненным. Пока он ел, он пытался понять, что же это за ощущение. Потом он поднял взгляд, посмотрел на окружавшие его лица и подумал, что, пожалуй, он понимает, что это такое.

Это было счастье.

Какие отличные ребята, — подумал он.

И сразу же вслед за этим: «Я дома».

В тот день его никто не беспокоил, но на следующий день, вместе с большой группой людей, его отправили на Боулдер Дэм. Там они провели целый день, наматывая медную проволоку на перегоревшие генераторы. Он работал сидя на скамейке, с которой открывался вид на озеро Мид. Никто не следил за ним. Мусорный Бак подумал, что здесь нет бригадиров и надсмотрщиков, потому каждый рад своему труду, совсем как он.

На следующий день он узнал, что это не так.

Было четверть одиннадцатого утра. Мусорный Бак сидел на скамейке и наматывал медную проволоку, позволив своим мыслям унести на миллион миль от той работы, которую выполняли его пальцы. Он сочинял псалом, обращенный к темному человеку. Ему пришло в голову, что надо раздобыть большую книгу (Книгу, собственно говоря) и начать записывать в нее некоторые свои мысли о нем. Возможно, когда-нибудь людям захочется ее прочитать. Тем людям, которые чувствуют по отношению к нему то же, что и Мусорный Бак.

К его скамейке подошел Кен ДеМотт, и сквозь его загар Мусорный Бак заметил испуганную бледность.

— Пошли, — сказал он. — Работа окончена. Мы возвращаемся в Вегас. Все до одного. Автобусы ждут.

— Почему?

— Не знаю. Это его приказ. Ллойд всех оповестил. Пошевеливайся, Мусорок. В таких случаях лучше не задавать вопросов.

Когда они подъезжали к городу, Мусорный Бак услышал, как человек, сидевший от него

через проход, тихо сказал своему соседу:

— Это Гек. Гек Дроган. Черт возьми, и как этот призрак умудряется все разноухать?

— Заткнись, — сказал сосед и бросил недоверчивый взгляд на Мусорного Бака.

Мусорный Бак отвел глаза и стал смотреть в окно на проносящуюся мимо пустыню. Ему было беспокойно.

Всех их собрали вокруг фонтана. Более четырехсот человек образовали полукруг неправильной формы. Некоторые люди из задних рядов встали на стулья, чтобы лучше видеть. Поначалу Мусорный Бак думал, что они смотрят на фонтан, но когда он протиснулся чуть-чуть поближе, он увидел, что на лужайке перед фонтаном что-то есть.

Кто-то ухватил его за локоть. Это был Ллойд. Лицо его было напряженным и бледным.

— Я искал тебя. Он хочет встретиться с тобой после. А пока у нас это. Господи, как я это не люблю. Пошли. Мне нужна помощь, а ты — один из избранных.

У Мусорного Бака закружилась голова. Он хочет встретиться с ним! С ним! Ну, а пока у нас это... что бы это ни было.

— В чем дело, Ллойд? Что это?

Ллойд не ответил. По-прежнему крепко держа Мусорного Бака за руку, он вел его сквозь толпу к фонтану.

Перед толпой стоял Уитни Хоган. Он курил сигарету. Одной ногой он стоял на том самом предмете, который Мусорный Бак никак не мог разглядеть. Это был деревянный крест. Его вертикальная перекладина была длиной около двенадцати футов.

— Все здесь? — спросил Ллойд.

— Да, — сказал Уитни. — Похоже, все. Девять человек ушли в разведку. Флегг сказал, что их дожидаться не надо. Как ты, Ллойд?

— Со мной все будет в порядке, — сказал Ллойд. — Ну... не совсем в порядке, но ты же знаешь — я выдержу.

Уитни кивнул в сторону Мусорного Бака.

— Паренек знает?

— Я ничего не знаю, — сказал Мусорный Бак. В нем боролись чувства надежды и ужаса. — В чем дело? Кто-то в автобусе говорил насчет Гека...

— Да, это Гек, — сказал Ллойд. — Он употреблял кокаин. Иди, Уитни, скажи, чтобы тащили его сюда.

Уитни пошел, переступив через четырехугольную ямку в земле. Края ее были обмазаны цементом. Мусорный Бак почувствовал, что во рту у него пересохло. Он повернулся и оглядел молчаливую толпу, а потом перевел глаза на Ллойда, который смотрел на крест и трогал белую головку прыща у себя на подбородке.

— Ты... мы... распнем его? — наконец выдавил из себя Мусорный Бак.

Ллойд неожиданно полез в карман своей линялой рубашки.

— Знаешь, у меня кое-что для тебя есть. Он дал мне это, чтобы я вручил тебе. Хочешь?

Из нагрудного кармана он достал тонкую золотую цепочку с куском черного янтаря. В камне была крошечная красная щель, совсем как у Ллойда. Ллойд повертел камень перед глазами Мусорного Бака.

В глазах Ллойда светилась правда — слишком явная, чтобы можно было ее проигнорировать. Мусорный Бак понял, что уже никогда у него не будет права плакаться, скулить и говорить, что он ничего не знал. Принимая это, ты принимаешь и все остальное, — говорили глаза Ллойда. А Гек Дроган, ясное дело, является составной частью этого остального. Гек и обмазанная цементом ямка, которая как раз подходит для основания креста.

Он медленно протянул руку. Пальцы его замерли как раз в тот момент, когда уже почти

коснулись золотой цепочки.

«Это мой последний шанс. Последний шанс снова стать Дональдом Меренном Элбертом.»

Но другой голос, гораздо более властный (хотя отчасти и нежный, как прохладная рука на разгоряченном лбу), сказал ему, что время делать выбор давным-давно прошло. Если он выберет Дональда Мервина Элберта сейчас, он умрет. Он искал темного человека по своей свободной воле (если она вообще существует у Мусорных Баков) и принимал его дары. Темный человек спас его от смерти в руках Малыша (мысль о том, что темный человек мог подослать Малыша как раз для этой цели, никогда не приходила ему в голову), а это безусловно означало, что жизнью своей он обязан все тому же темному человеку... человеку, которого многие здесь называли Ходячим Хлыщом. Жизнь! Разве он сам не предлагал ее снова и снова?

Но твоя душа... предлагал ли ты душу свою наравне с жизнью?

Назвался груздем — полезай в кузов, — подумал Мусорный Бак и одной рукой бережно подхватил золотую цепочку, а другой взял черный камень. Камень был прохладным и гладким. Он на мгновение зажал его в кулаке, просто для того чтобы проверить, сможет ли он согреть его теплом своего тела. Он подумал, что вряд ли у него это получится, и оказался прав. Он повесил камень себе на шею, и тот стал холодить его кожу, словно крошечный кусочек льда.

Но Мусорный Бак не возражал против этого холода.

Этот холод уравновешивал тот огонь, которым всегда был объят его мозг.

— Просто скажи себе, что ты его не знаешь, — сказал Ллойд. — Я говорю про Гека. Я всегда так поступаю. Так гораздо легче. Так...

Двери отеля распахнулись. Исступленные крики ужаса пронеслись по толпе.

Группа из девяти человек спустилась вниз по ступенькам. В центре был Гектор Дроган. Он отбивался, как попавший в ловушку тигр. Лицо его было смертельно бледным, и лишь на скулах выступили ярко-красные чахоточные пятна. Пот стекал с него ручьями. Он был абсолютно голым. Его держали пять человек. Среди них был и Козырной Туз.

— Козырной! — бормотал Гектор. — Послушай, Козырной, что ты скажешь? Окажи мне небольшую услугу, а? Скажи им, чтобы они перестали. Клянусь Богом, я смогу искупить свою вину. Что ты скажешь? Небольшая услуга! Пожалуйста, Козырной!

Козырной Туз ничего не ответил, лишь крепче вцепился в вырывающуюся руку Гека. Но и это тоже было ответом. Гектор Дроган вновь начал кричать.

Позади торжественно шли трое: Уитни Хоган с большим саквояжем, человек по имени Рой Хупс со стремянкой и Уинки Уинз, лысый человек с бегающими глазами. Уинки нес папку.

Гека поставили рядом с крестом. Кошмарный желтый запах ужаса исходил от него; глаза его закатывались, обнажая грязноватые белки.

— Эй, Мусорок, — сказал он хрипло, пока Рой Хупс устанавливал позади него стремянку. — Мусорный Бак. Скажи им, чтобы они остановили это дело, дружок. Скажи им, что я искуплю свою вину. Скажи им, что такой испуг исправит человека лучше, чем все чертовы тюрьмы на свете. Скажи им, парень.

Мусорный Бак посмотрел себе под ноги. Когда он наклонил голову, в поле его зрения попал черный камень. Казалось, красная щель пристально за ним наблюдает.

— Я не знаю тебя, — пробормотал он.

Краем зрения он увидел, как Уитни опустился на одно колено, открыл саквояж и достал оттуда острые деревянные гвозди. Он положил гвозди на траву, а потом достал из саквояжа большой деревянный молоток. Несмотря на громкий шепот вокруг, слова Мусорного Бака,

похоже, проникли сквозь туман паники в мозг Гектора Дрогана.

— Как это ты не знаешь меня? — дико закричал он. — Мы вместе завтракали всего два дня назад! Ты назвал вон того парня мистером Тузом. Как это ты не знаешь меня, цыплячье дерьмо?

— Я совсем не знаю тебя, — повторил Мусорный Бак, на этот раз более отчетливо. И то, что он почувствовал, было почти облегчением. Теперь он видел перед собой всего лишь незнакомца — незнакомца, который чуть-чуть был похож на Карли Йейтса. Он сжал рукой черный камень. Его прохлада укрепила его еще больше.

— Ты лжешь! — вскрикнул Гек. Он снова начал вырываться. — Ты лжешь! Ты знаешь, кто я такой! Ты прекрасно это знаешь! Ты лжешь!

— Нет, я не лгу. Я не знаю тебя, и я не хочу знать, кто ты такой.

Гек снова начал кричать.

— Начинайте, — сказал Ллойд.

Один из людей поставил Геку подножку, и он упал прямо на крест. В это время Уинки раскрыл папку и стал пронзительным голосом читать вложенный в нее отпечатанный на машинке листок.

— Внимание, внимание, внимание! По повелению Рэнделла Флегга, Предводителя Первых Граждан, этот человек, Гектор Алонсо Дроган, приговаривается к смертной казни через распятие, в соответствии с карой, которая полагается за употребление наркотиков.

— Нет! Нет! Нет! — неистово завопил Гек. Его скользкая от пота левая кисть выскользнула из рук Козырного Туза, и Мусорный Бак инстинктивно опустился на колени и прижал руку к кресту. Через секунду Уитни уже опустился на колени рядом с Мусорным Баком, держа в руках деревянный молоток и гвозди. Он был похож на человека, собирающегося выполнить небольшую плотницкую работу на заднем дворе.

— Да, отлично, так и держи его, Мусор. Сейчас я прибью его, это не займет и минуты.

— Употребление наркотиков запрещено в нашем обществе, потому что оно мешает индивидууму полностью отдавать себя на службу общества, — читал Уинки. Он произносил слова быстро, как аукционист. — В данном случае Гектор Дроган был найден с большим запасом кокаина и приспособлениями для его употребления.

В этот момент крики Гека стали такими пронзительными, что могли бы вдребезги разнести кристалл. Голова его моталась из стороны в сторону. На губах у него выступила пена. Когда шестеро людей, в том числе и Мусорный Бак, подняли крест, чтобы вставить его в цементную ямку, струйки крови полились с его рук.

— ...делается на благо общества, — продолжал читать Уинки. — Это сообщение заканчивается серьезным предупреждением и приветствиями в адрес Граждан Лас-Вегаса. Пусть этот список правдивых фактов будет прибит над головой отступника и скреплен печатью Первого Гражданина по имени РЭНДЕЛЛ ФЛЕГГ.

— О, Господи, как больно! — кричал над ними Гектор Дроган. — О-Господи-Господи-Господи-Боже-мой!

Толпа простояла рядом с крестом еще почти час. Каждый боялся уйти первым. На многих лицах застыло выражение отвращения, многие другие пребывали в состоянии какого-то сонного возбуждения... но если уж искать общий знаменатель, то им был страх.

Однако, Мусорный Бак не был испуган. С чего ему было пугаться? Он же не знал этого человека.

Он его совсем не знал.

В четверть одиннадцатого в комнату Мусорного Бака зашел Ллойд. Он взглянул на него и сказал:

— Ты одет? Хорошо. А я боялся, что ты уже лег.

— Нет, — сказал Мусорный Бак. — Я еще не ложился. Но в чем дело?

Ллойд понизил голос.

— Время пришло, Мусорок. Он хочет видеть тебя. Флегг.

— Он?..

— Да.

Мусорный Бак не помнил себя от радости.

— Где он? Я отдам за него свою жизнь, о да...

— Верхний этаж, — сказал Ллойд. — Он появился как раз после того, как мы сожгли труп

Дрогана. С побережья. Он просто оказался здесь, когда мы с Уитни вернулись. Никто ни разу не видел, как он приходит или уходит, но все всегда знают, когда он уходит снова. Или возвращается. Пошли.

Через четыре минуты лифт остановился на последнем этаже, и Мусорный Бак с просветленным лицом и сияющими глазами вышел на площадку. Ллойд остался в лифте.

Мусорный Бак повернулся к нему.

— А ты?..

Ллойд попытался улыбнуться, но это у него не слишком-то хорошо получилось.

— Нет, он хочет видеть тебя одного. Счастливо, Мусор.

И прежде чем он успел еще что-либо сказать, двери лифта закрылись, и Ллойд уехал вниз.

Мусорный Бак обернулся. Он был в просторном, роскошно отделанном зале. В зале было две двери... и одна из них, в дальнем конце, медленно открывалась. Там было темно. Но Мусорный Бак различал в дверном проеме силуэт. И глаза. Красные глаза.

Мусорный Бак пошел к силуэту. По мере того как он приближался, воздух становился все прохладнее и прохладнее. По его загорелым рукам забегали мурашки. Где-то глубоко внутри него перевернулся и закричал в могиле труп Дональда Мервина Элберта.

Потом вновь стало тихо.

— Мусорный Бак, — сказал низкий, зачаровывающий голос. — Как я рад, что ты пришел. Как я рад.

— Я... я готов отдать за тебя свою жизнь.

— Да, — успокаивающе произнес силуэт в дверном проеме. Губы его раздвинулись в усмешке, обнажив белые зубы. — Но не думаю, что в этом будет необходимость. Входи. Дай-ка мне посмотреть на тебя.

Мусорный Бак шагнул внутрь. Дверь закрылась, и они оказались в полутьме. Невыносимо горячая рука сомкнулась на холодной руке Мусорного Бака... и неожиданно он почувствовал покой.

Флегг сказал:

— Для тебя есть работа в пустыне, Мусор. Важная работа. Если хочешь.

— Все, что ты скажешь, — прошептал Мусорный Бак. — Все, что ты скажешь.

Рэнделл Флегг обнял его за плечи.

— Пошли. Нам надо кое-что обсудить.

Люси Сванн проснулась без четверти полночь. Над скалистыми горами сверкнула бесшумная зарница. До этого путешествия она никогда не бывала западнее Филадельфии, где жил ее сводный брат.

В другой половине спального мешка никого не было — от этого-то она и проснулась. Она встала и пошла туда, где он мог быть, — в восточную часть лагеря. Она шла бесшумно, не побеспокоив ни одной живой души. Разумеется, кроме Джаджа. Около полуночи было его время, а Джаджа Фэрриса никогда нельзя было застать спящим на часах. Джаджу было семьдесят лет, а присоединился он к ним в Джойлете. Теперь их было девятнадцать человек: пятнадцать взрослых, трое детей и Джо.

— Люси? — позвал Джадж тихим голосом.

— Да, ты не видел...

Тихий смешок.

— Конечно, видел. Он рядом с шоссе, на том же месте, что и вчера и позавчера.

Она подошла поближе и увидела, что на коленях у него открыта Библия.

— Джадж, ты глаза себе испортишь.

— Ерунда. Таковую книгу лучше всего читать при свете звезд. Как это там? «Ужасы устремились на меня; как ветер, развеялось величие мое, и счастье мое унеслось, как облако. И ныне изливается душа моя во мне: дни скорби объяли меня. Ночью ноют мои кости, и жилы мои не имеют покоя».

— Как это мило, Джадж.

— Я бы не сказал, что это мило. Это книга Иова. В ней нет ничего милого, Люси.

Он закрыл Библию.

— «Дни скорби объяли меня. Ночью ноют мои кости и жилы мои не имеют покоя.» Это о нем, Люси. О Ларри Андервуде.

— Я знаю, — сказала она и вздохнула. — Если бы я только могла понять, что с ним происходит.

Джадж, у которого были свои подозрения на этот счет, промолчал.

— Ведь это не могут быть сны, — сказала она. — Никто их больше не видит, кроме Джо. Но Джо это... особый случай.

— Да, ты права. Бедный мальчик.

— И все здоровы. По крайней мере с тех пор, как умерла миссис Воллмен.

Через два дня после Джаджа к ним присоединилась пара, назвавшая себя Диком и Салли Воллменами. Люси казалось абсолютно невероятным, что грипп мог оставить в живых мужа и жену, и она подозревала, что брак их был гражданским и заключен был совсем недавно. Им было за сорок. С первого взгляда было очевидно, что они очень любят друг друга. Потом, неделю назад, в доме старой женщины в Хемингфорд Хоуме Салли Воллмен заболела. Они оставались там в течение двух дней, безуспешно надеясь, что ей станет лучше. Она умерла. Дик Воллмен остался с ними, но теперь он был другим человеком — бледным, задумчивым, молчаливым.

— Он принял это близко к сердцу, вам не кажется? — спросила она Джаджа Фэрриса.

— Ларри — это человек, который нашел себя в жизни достаточно поздно,

— сказал Джадж, прочищая горло. — По крайней мере, мне так кажется. Мужчины, которые находят себя поздно, никогда не бывают в себе уверены. В них сосредоточены все гражданские добродетели: они активны, но никогда не бывают фанатиками, они уважают

факты и никогда не пытаются их исказить, они чувствуют себя не в своей тарелке на руководящей позиции, но никогда не способны уклониться от ответственности. Из них получаются лучшие демократические лидеры, так как они очень редко любят власть. Совсем напротив. А когда что-то случается... когда миссис Воллмен умирает...

— Был ли это диабет? — прервал Джадж сам себя. — Вполне возможно. Синюшный цвет кожи, быстрое наступление комы... возможно, возможно. Но если это так, то где был ее инсулин? Могла ли она позволить себе умереть? Было ли это самоубийство?

Джадж задумался.

— Вы хотели что-то сказать, — мягко напомнила Люси.

— Так вот, когда что-то случается — когда умирает Салли Воллмен от диабета, внутреннего кровотечения или какой-нибудь другой болезни, — такой человек, как Ларри, начинает винить в этом себя. Человек, обладающий всеми гражданскими добродетелями, редко хорошо кончает.

— Мне кажется, здесь скрывается еще кое-что, — грустно сказала Люси.

Он вопросительно посмотрел на нее.

— Как вы там говорили? Ночью ноют мои кости и жилы мои не имеют покоя?

Он кивнул.

— Не кажется ли вам, что это довольно точное описание влюбленного?

Он посмотрел на нее, удивившись, что она давно знает то, о чем он хотел умолчать. Люси пожала плечами и горько улыбнулась.

— Женщины знают, — сказала она. — Женщины почти всегда все знают.

Прежде чем он смог ей ответить, она ушла к дороге, где сидел Ларри, размышляя о Надин Кросс.

— Ларри?

— Я здесь, — откликнулся он. — Почему не спишь?

— Замерзла, — сказала она. Он сидел на обочине, скрестив ноги, словно на сеансе медитации. — Не помешаю?

— Конечно. — Она присела, и он обнял ее за талию. По оценкам Люси, они были сейчас в пятидесяти милях к востоку от Боулдера. Если выехать завтра не позднее девяти, то ленч они смогут съесть уже в Свободной Зоне.

Свободная Зона Боулдера — так выражался по радио человек по имени Ральф Brentner, и он сказал (в некотором смущении), что Свободная Зона Боулдера — это просто их позывные, но Люси название нравилось само по себе, из-за своего звучания. Оно звучало правильно. Оно звучало как начало новой жизни. И Надин Кросс приняла это название с почти религиозным рвением, словно это был талисман.

Через три дня после того как Ларри, Надин, Джо и Люси прибыли в Стовингтон и обнаружили, что в Центре никого нет, Надин предложила, чтобы они раздобыли радиопередатчик и стали прослушивать все сорок каналов. Ларри принял идею с восторгом, — а так он принимал почти все ее идеи, — подумала Люси. Она не понимала Надин Кросс. Было очевидно, что Ларри влюблен в нее, но она не хотела иметь с ним ничего общего, кроме повседневных дел.

Но так или иначе, идея насчет радиопередатчика была хорошей. Так мы сможем найти другие группы, — сказала Надин, — и условиться с ними о встрече.

К тому времени в их группе насчитывалось шесть человек, включая Марка Зеллмана, сварщика из Нью-Йорка, и Лори Констебл, двадцатишестилетнюю медсестру. Все шестеро оживленно заспорили.

Ларри запротестовал, заявив, что они и так точно знают, куда едут. Они следуют за

находчивым Гарольдом Лаудером и его товарищами в Небраску. Да и к тому же, сны толкают их туда с такой силой, которой просто нельзя противостоять.

После непродолжительного обсуждения этого аргумента Надин впала в истерику. У МЕНЯ НЕТ СНОВ — ПОВТОРЯЮ: НИКАКИХ ЧЕРТОВЫХ СНОВ. Если остальным угодно практиковаться в самогипнозе, ну что ж, прекрасно. Раз существует рациональная причина ехать в Небраску — указатель на лужайке Центра в Стовингтоне, — прекрасно. Но она хочет, чтобы все знали, что она едет в Небраску не из-за всяких там метафизических штучек. Если они не возражают, она будет верить в радио, а не в видения.

Марк дружелюбно улыбнулся Надин и сказал:

— Если тебе ничего не снится, то как же ты умудрилась разбудить меня прошлой ночью своими разговорами во сне?

Надин побелела, как бумага.

— Ты что, хочешь сказать, что я лгу? — Она почти перешла на крик. — Если это действительно так, то кому-то из нас лучше уйти прямо сейчас! — Джо захныкал и прижался к ней.

Ларри уладил ссору, поддержав идею с радиопередатчиком. И примерно неделю назад они стали принимать послания, но не из Небраски (которая опустела еще до того, как они туда добрались — это они узнали из снов; но и сами сны стали потихоньку линять и больше уже не были такими настоящими), а из Боулдера, штат Колорадо, в шестистах милях к западу.

Люси до сих пор помнила то радостное, почти экстатическое выражение, которое появилось на их лицах, когда сквозь помехи пробился протяжный оклахомский акцент Ральфа Brentnera:

— Говорит Ральф Brentner, Свободная Зона Боулдера. Если вы слышите меня, отвечайте по каналу 14. Повторяю, по каналу 14.

Они могли слышать Ральфа, но тогда силы их передатчика еще не хватало, чтобы ответить ему. Но они приближались. В тот день, когда они впервые услышали голос Ральфа Brentnera, в Боулдере было около двухсот людей, пришедших туда вслед за женщиной по имени Абагейл Фримантл и ее группой. Этим вечером, когда они уже свободно могли болтать с Ральфом, в Боулдере было более трехсот пятидесяти жителей. С их группой это число возрастет почти до четырехсот.

— Ларри? — сказала она мягко. — Почему Надин скрывает, что видит сны?

Она почувствовала, как он едва заметно напрягся, и пожалела о том, что подняла эту тему. Но раз уж она начала, то надо довести разговор до конца... если только он не велит ей замолчать.

— Она говорит, что не видит снов.

— Но это не так — Марк был совершенно прав. И она разговаривает во сне. Раз она говорила так громко, что меня разбудила.

Он посмотрел на нее долгим взглядом и спросил:

— Что она говорила?

Люси сосредоточилась.

— Она металась в своем спальном мешке и повторяла снова и снова: «Не надо, мне так холодно, не надо, я не вынесу, если ты это сделаешь, мне так холодно, так холодно». А потом она стала рвать на себе волосы. И стонать.

— У людей могут быть кошмары, Люси. И вовсе не обязательно они должны быть... ну, о нем.

— По-моему, лучше не говорить о нем после наступления темноты?

— Пожалуй.

— Тебе не кажется, Ларри, что ее внешний вид слишком о многом говорит?

— Да. — Он знал это. Несмотря на ее утверждения, что сны ей не снятся, под глазами у нее возникли коричневые синяки. И если прикоснуться к ней, то она вздрагивала. Она содрогалась.

— Ты любишь ее, так ведь? — сказала Люси.

— Ну, Люси, — сказал он с упреком.

— Да нет, я просто хотела тебе сказать... я должна это сказать. Я вижу, как ты на нее смотришь... И как она иногда на тебя смотрит, когда ты чем-нибудь занят и... и никто вокруг не видит. Она любит тебя, Ларри. Но она боится.

— Боится чего?

Он вспомнил о своей первой попытке заняться с ней любовью, через три дня после стовингтонского фиаско. Джо уснул. Ларри подсел к ней, и какое-то время они просто разговаривали, но не о текущей ситуации, а о старом, надежном прошлом. Ларри попытался поцеловать ее. Она оттолкнула его, но не настолько быстро, чтобы он не успел почувствовать то, о чем говорила Люси. Он попытался еще раз, ведя себя одновременно и нежно, и грубо, сгорая от желания. И на одно мгновение она сдалась, она показала ему, что *моглобы* случиться, если бы...

Потом она отстранилась и ушла.

— Не делай так больше, Ларри. Пожалуйста, не надо. Или я возьму Джо и уйду.

— Но почему? Почему, Надин?

Она не ответила. Просто стояла, опустив голову. Уже тогда под глазами у нее наметились коричневые синяки.

— Я сказала бы тебе, если б могла, — ответила она наконец и ушла, ни разу не оглянувшись.

— Когда я училась в старших классах, у меня была подружка, которая вела себя примерно так, как она, — сказала Люси. — Ее звали Джолин. Джолин Мейджорс. Сама Джолин не училась. Она уже была замужем за своим дружкой. Когда они поженились, она уже была беременна, но ребенка потеряла. Ее муж служил во флоте и часто был в плавании, а Джолин... она любила принимать гостей. А он ее жутко ревновал. Он как-то сказал ей, что если узнает о ее похождениях у него за спиной, то сломает ей обе руки и обезобразит лицо. Ну, и как-то она познакомилась с одним парнем. Он был помощником преподавателя физкультуры в Берлингтон Хай. Они стали встречаться, все время оглядываясь через плечо. Не знаю, нанял ли кого-нибудь ее муж, чтобы следить за ней, но потом это стало уже неважно. Спустя некоторое время она стала совсем сходить с ума. То ей казалось, что парень, который ждет автобуса на углу, — это один из друзей ее мужа. Или же им был коммивояжер, снимавший вслед за ними комнату в каком-нибудь вшивом мотеле. Или даже полицейский, показавший им дорогу к площадке для пикника. Дело дошло до того, что каждый раз, когда дверь захлопывалась от ветра, она вскрикивала. Ее любовник испугался и бросил ее. Но испугался он не мужа Джолин, а ее самой. И как раз перед тем, как ее муж вернулся на побывку, у нее случился нервный срыв. И все потому, что она привыкла любить немного чересчур... и потому что он сходил с ума от ревности. Надин напоминает мне эту девушку, Ларри. Мне жаль ее.

— Ты хочешь сказать, что она боится меня, как эта девушка боялась своего мужа?

— Возможно, — сказала она, думая о том, что он не понял ни слова из того, что она сказала. Неожиданно она расплакалась.

— Ну, — сказал он. — Ну, успокойся. — Он попытался обнять ее.

Она ударила его по рукам.

— Ты получаешь от меня все, что хочешь. Тебе нет нужды ломать мне руки!

— Люси, да я тебя никогда пальцем не тронул, — сказал он угрюмо.

— Боже, как ты *глуп!* — закричала она. — Почему мужчины так глупы, Ларри? Вы можете видеть только белое и черное. Да, ты никогда не трогал меня. Я не похожа на *нее*. Ей ты можешь выкрутить руку, но она только плюнет тебе в глаз и скрестит ноги. Мужчины знают, какое имя подобрать для таких девушек, как я. Они пишут его в кабинках туалетов, я слышала об этом. Но вся моя вина в том, что я хочу тепла. Любви. Разве это так плохо?

— Нет. Нет, конечно. Но, Люси...

— Но ты не веришь в это, — сказала она насмешливо. — Вот ты и гонишься за Мисс Высокие Бедра, а пока что, когда заходит солнце, устраиваешь скачки с Люси.

Он сидел и кивал. Каждое слово ее было правдой. Он слишком устал, чтобы возражать. Похоже, и она это заметила.

— Если она станет твоей, Ларри, я первая брошу тебе букет. Я ни на кого не держала зла в своей жизни. Только... попытайся не быть таким разочарованным.

— Люси...

— Мне просто кажется, что любовь для нас очень важна. Только любовь поможет нам выжить. Ведь против нас — ненависть, и хуже того — пустота. — Голос ее прервался. — Уже поздно. Пошли спать. Идешь?

— Да, — сказал он. Когда они встали, он обнял ее и поцеловал. — Я люблю тебя так сильно, как только могу, Люси.

— Я знаю, — сказала она, устало улыбнувшись.

Через десять минут после того, как Ларри и Люси уснули, проснулась Надин. Ужас пел в ее венах.

«Кто-то хочет меня, — подумала она, слушая, как замедляется бешеный бег ее сердца. Так вот в чем дело. Кто-то хочет меня. Это правда.»

«Но... так холодно.»

Сны начались у нее сразу же после окончания эпидемии. В этих снах она понемногу начала узнавать своего будущего жениха, несмотря на то что никогда не видела его лица. Он был тот, кого она ждала всю жизнь. Она хотела быть с ним, но... она не хотела этого. Она была предназначена ему, но он пугал ее.

Потом появился Джо, а потом и Ларри. Все очень усложнилось. Она начала ощущать себя призовым кольцом в перетягивании каната. Она понимала, что ее чистота, ее девственность очень важна для темного человека. Что если Ларри (или любой другой мужчина) познает ее, то темные чары исчезнут. А ее влекло к Ларри.

Надин лежала в темноте и смотрела на звезды.

Боулдер был ее последней надеждой. Старая женщина. В отличие от всех остальных, она никогда не видела ее во сне. Но рациональный, здоровый порядок, который она так надеялась найти в Стовингтоне, начал теперь сосредотачиваться в Боулдере.

Но как она жаждала его холодного поцелуя — даже больше, чем она жаждала ощутить губы своего школьного товарища, когда убегала от него по полю... даже больше, чем поцелуев и объятий Ларри Андервуда.

«Завтра мы будем в Боулдере, — подумала она. Может быть, тогда я узнаю, кончено мое путешествие или...»

Падающая звезда чиркнула по небу, и она загадала желание.

Начиналась заря. Стью Редман и Глен Бэйтмен поднимались по горе Флэгстафф.

— Сегодня у меня разболится голова, — сказал Глен. — Не припомню, чтобы я когда-нибудь пьянствовал всю ночь с тех пор, как учился в колледже.

— Этот восход стоит того, чтобы на него посмотреть, — сказал Стью.

— Да, действительно. Красиво. Ты когда-нибудь раньше был в Скалистых горах?

— Нет, — сказал Стью. — Но я рад, что пришлось. — Он поднял фляжку с вином и сделал глоток. — Послушай, социолог, объясни мне, что теперь с нами случится?

— Сформируется новое общество, — медленно сказал Глен. — Какого типа? Пока предсказать невозможно. Здесь теперь почти четыреста человек. Судя по скорости, с которой они прибывают, к первому сентября нас будет уже тысячи полторы. Запиши мое предсказание номер один.

К удивлению Глена, Стью действительно вытащил из заднего кармана джинсов тетрадь и нацарапал то, что сказал Глен.

— Трудно в это поверить, — сказал Стью. — Мы проехали всю страну и встретили не больше ста человек.

— Да, но ведь они все прибывают, не так ли?

— Это верно. Уже сейчас Ральф поддерживает контакт с пятью или шестью группами.

— Ну да. А Магушка Абагейл сидит рядом с ним на радиостанции, но говорить по радио не хочет. Утверждает, что боится электрошока.

— Фрэнни так любила ее, — сказал Стью. — Отчасти из-за того, что она все знает о родах, но отчасти просто из-за того... что любила. Понимаешь, о чем я?

— Да. Почти все вокруг чувствуют то же самое.

— А сколько людей будет к зиме? — спросил Стью, возвращаясь к прежней теме.

— Около восьми тысяч.

— Что-то не верится.

— Простая арифметика. Предположим, что от гриппа умерло девяносто девять процентов населения этой страны. Но и тогда должно было остаться около двух миллионов. Предположим, десять процентов погибли уже после эпидемии — от болезней, пожаров и тому подобного. Еще десять умрут этой зимой. Не забывай, что у нас в Боулдере есть пока только один ветеринар. Из оставшегося миллиона и шестисот тысяч, надеюсь, миллион окажется у нас.

— Почему ты думаешь, что большинство будет у нас, а не у него?

— По одной очень ненаучной причине, — сказал Глен, ероша волосы. — Мне нравится верить в то, что большинство людей по своей природе добры. А мне кажется, что кто бы там ни группировался на западе, они по-настоящему злы. Но у меня есть одно предчувствие... — Он запнулся.

— Валяй, рассказывай.

— Расскажу, так как я пьян в стельку. Но это останется между нами, хорошо?

— Хорошо.

— Честное слово?

— Честное слово, — сказал Стью.

— Мне кажется, что большинство технических специалистов пойдут с ним, — сказал Глен. — И не спрашивай меня, почему — это только предчувствие. Разве что дело в том, что технари в основном привыкли работать в атмосфере жесткой дисциплины и ясных целей. У

него могут оказаться люди, способные запустить ядерные ракеты в Айдахо. У него будут танки, вертолеты, парочка бомбардировщиков Б-52, просто для смеха. Сейчас он, наверное, восстанавливает электричество и коммуникации. Рим строился не в один день, и он знает об этом. У него есть время.

— А что же нам делать?

— Продиктовать тебе список? — ответил Глен с усмешкой.

Стью жестом указал на приготовленную тетрадь.

— Ты шутишь.

— Нет, я не шучу. Ты сам сказал, что нам пора определиться. Я тоже это чувствую. А с каждым днем времени все меньше и меньше. Мы не можем просто сидеть на месте и баловаться с радиостанцией. Однажды утром мы можем увидеть, как этот тип входит в Боулдер во главе вооруженной колонны, сопровождаемый поддержкой с воздуха.

— Завтра его ждать рано, — сказал Глен.

— Это верно. А как насчет следующего мая?

— Возможно, — сказал Глен тихим голосом. — Да, очень возможно.

— А что, ты думаешь, случится с нами?

Глен сделал жест, нажав на воображаемый курок, а потом быстро допил вино.

— Правильно, — сказал Стью. — Так что давай составим план действий. Говори.

Глен закрыл глаза.

— О'кей, — сказал он. — Слушай, Стью. Во-первых, надо воссоздать маленькую Америку. Любыми средствами. Если мы начнем прямо сейчас, мы будем иметь такое правительство, которое захотим. Если мы будем ждать, пока население утроится, у нас могут возникнуть серьезные проблемы.

Предположим, через неделю — это будет восемнадцатое августа — мы соберем митинг. Явка обязательна. Еще до этого должен возникнуть Временный Организационный Комитет. Предположим, из семи человек. Ты, я, Андрос, Фрэн, Гарольд Лаудер, может быть, еще парочка. Комитет должен будет составить повестку для митинга восемнадцатого августа. И я могу сказать тебе уже сейчас, какими будут некоторые пункты этой повестки.

— Записываю.

— Во-первых, зачтение и ратификация Декларации Независимости. Во-вторых, зачтение и ратификация Конституции. В-третьих, зачтение и ратификация Билля о правах. Ратификация осуществляется путем всеобщего голосования.

— Господи, Глен, но мы же все американцы...

— Нет, здесь ты ошибаешься, — сказал Глен, открывая глаза. Они выглядели запавшими и покрасневшими. — Мы — горстка оставшихся в живых, лишенных какого бы то ни было правительства. А правительство — это идея, Стью. Я тебе больше скажу, это устоявшийся стереотип, тропинка памяти, протоптанная в нашем сознании. Большинство людей до сих пор верят в республику, которую они считают демократией. Но эта вера сохранится у них ненадолго. Президент умер, Пентагон сдается внаем, в Конгрессе и в Сенате никто больше не ведет дебатов, кроме, разве что, тараканов и термитов. Люди здесь очень скоро проснутся и поймут, что прошлого больше не существует, и они могут создавать общество таким, каким захотят. Мы должны застать их врасплох, прежде чем они не начали действовать.

Он поднял палец.

— Если кто-то встанет на августовском митинге и предложит, чтобы Матушка Абагейл стала во главе, а ты, я и Андрос были назначены ее советниками, эти ребята согласятся без всякого голосования, пребывая в блаженном неведении, что с их одобрения к власти пришла первая в Америке диктатура со времен Хьюи Лонга.

— Что-то не верится. Здесь есть выпускники колледжей, адвокаты, политические активисты...

— Может быть, когда-то они и были ими. Теперь же это всего лишь горстка усталых, запуганных людей, которые не знают, что с ними будет. Если кто-то начнет пищать, то ему придется немедленно заткнуться, когда ты скажешь им, что Матушка Абагейл с советниками берется восстановить подачу электроэнергии за шестьдесят дней. Очень важно с самого начала РАТИФИЦИРОВАТЬ дух старого общества. Вот, что я имел в виду, когда говорил о воссоздании Америки.

— Продолжай.

— Хорошо. Следующим пунктом повестки должно стать утверждение порядка управления. Идеальная демократия, как в маленьких городках Новой Англии. Пока нас сравнительно мало, система будет работать отлично. И мы проследим, чтобы выборными представителями стали те же люди, которые войдут в Организационный Комитет. Мы поторопимся и проведем голосование до того, как остальные начнут предлагать своих дружков. Мы можем поручить кому-нибудь предложить наши кандидатуры и в первом, и во втором случае. Голосование пройдет так же гладко, как дерьмо сквозь гуся.

— Неплохо придумано, — сказал Стью с восхищением.

— Разумеется, — сказал Глен самодовольно.

— Что еще?

— Этот пункт получит всеобщую поддержку. Гласить он будет следующее: Матушка Абагейл обладает абсолютным правом вето на любое решение Совета Представителей.

— Господи! Она-то согласится?

— Я полагаю. Но вряд ли ей когда-нибудь придется использовать свое право. Во всяком случае, я таких обстоятельств не предвижу. И мы сможем дать ей понять, что она является нашим лидером лишь номинально. Думаю, она сама этого захочет... Она старая, усталая...

Стью покачал головой.

— Она старая и усталая, но она смотрит на проблему темного человека с точки зрения религиозного служения, Глен. И она в этом не одинока. Ты знаешь об этом.

— Ты хочешь сказать, что она захочет свой кусок пирога?

— Может быть, в этом и нет ничего плохого. В конце концов это ее мы видели во сне, а не Совет Представителей.

Глен покачал головой.

— Нет, я не могу согласиться с мыслью о том, что все мы пешки в какой-то постапокалиптической игре добра и зла. Черт возьми, это же иррационально!

Стью пожал плечами. Воцарилось долгое молчание. Наконец Глен сказал:

— Да, ты прав. Она не может быть просто подставной фигурой. Когда ты был маленьким, Стью, ты когда-нибудь мечтал о том, что станешь одним из семерых епископов при ставосьмилетней негритянке из Небраски?

Стью уставился на него. Наконец он сказал:

— Там осталось еще вино?

— Все кончилось.

— Хреново.

— Да, — сказал Глен. Потом они долго молча смотрели друг на друга и неожиданно разразились хохотом.

— Проснулись, Матушка?

— Проснулась, — сказала она сквозь набитый арахисовыми орешками рот.

— Заходи, Ральф.

— Около часа назад появилась еще одна команда. Хотят с вами познакомиться, если вы не слишком устали. Симпатичные ребята. Главный у них из длинноволосых, но вроде ничего. Его зовут Ларри Андервуд.

— Ну, приводи их, Ральф, — сказала она.

— Хорошо, — сказал он и повернулся, чтобы уйти.

— Где Ник? Что-то я его давно не вижу.

— Он с Бредом Китченером были на электростанции. Я там тоже был сегодня утром. Решил, что этим вождям нужен хотя бы один индеец, чтобы им командовать.

Матушка Абагейл хихикнула.

— Ты хороший парень, Ральф, ты знаешь об этом?

— И вы тоже, Матушка. Не в том смысле, что вы парень, но вы понимаете, что я хочу сказать. Но так или иначе, когда мы работали, подошел этот парень Редман. Хотел поговорить с Ником насчет какого-то комитета.

— А что Ник ему ответил?

— Он исписал пару страниц, но все сводилось к тому, что для него хорошо только то, что хорошо для вас, Матушка Абагейл.

— Я хочу только одного: жить свободной, как я жила всегда. Хочу иметь право высказывать свое мнение, когда придет время.

— Ну, все это у вас будет.

— Остальные думают так же, Ральф?

— Нет сомнений.

— Тогда все прекрасно. Настало время действовать. Люди только ждут, когда им скажут, что надо делать.

— Тогда я могу начинать?

— Что начинать?

— Ник и Стью спросили меня, смогу ли я найти и запустить печатный станок, если они наладят электричество. Я только что зашел в школу и отыскал там огромный мимеограф. Хотят отпечатать семьсот плакатов. А нас здесь всего-то четыреста.

— А еще девятнадцать стоят у ворот, и пока мы здесь с тобой болтаем, их хватит солнечный удар. Пойди и приведи их немедленно.

— Иду.

— Ральф...

Он обернулся.

— Напечатай тысячу, — сказала она.

На веранду взошел молодой человек. Сопровождавшая его женщина осталась внизу. Молодой человек действительно оказался длинноволосым, но волосы у него были чистые. У него выросла уже довольно большая красно-золотистая борода, обрамлявшая сильное лицо со свежими морщинами около рта и на лбу.

— Так вы на самом деле существуете, — сказал он мягко.

— Я всегда так думала, — сказала она. — Я — Абагейл Фримантл, но большинство здесь называют меня просто Матушкой Абагейл. Добро пожаловать.

— Спасибо, — сказал он глухо, и она заметила, что он борется со слезами. — Я... мы так рады, что пришли сюда. Меня зовут Ларри Андервуд.

Она протянула руку, и он пожал ее совсем слегка, с почтительным страхом, и она почувствовала приступ гордости. Он словно думал, что в ней скрывается огонь, способный его испепелить.

— Вы... мне снились, — сказал он смущенно.

Она улыбнулась и кивнула. На веранду вошла женщина с фиалковыми глазами. Она смело посмотрела Матушке Абагейл в лицо.

— Меня зовут Люси Сванн. Рада с вами познакомиться. — Несмотря на то что на ней были брюки, она сделала небольшой реверанс.

— Рада, что вы пришли, Люси.

— Вы не будете возражать, если я спрошу... ну... — Она опустила глаза и залилась краской.

— Сто восемь, — ответила Матушка Абагейл.

— Вы мне снились, — сказала Люси и в смущении отошла в сторону.

После нее подошли женщина с темными глазами и мальчик. Взгляд женщины был серьезным и непроницаемым. На лице мальчика было написано откровенное удивление. С мальчиком было все в порядке, но что-то в женщине вселило в нее ощущение могильного холода. «Он здесь, — подумала она. Он пришел под личиной этой женщины... ибо он может скрывать свое обличье и становиться волком... вороном... змеей...»

Но это не был он, это была просто женщина. Темный человек никогда не осмелился бы прийти к ней сюда, даже в чужом обличье. Это была просто женщина — с выразительным, чувственным лицом.

Надин Кросс была в смятении. С ней было все в порядке, когда они вошли во двор. С ней было все в порядке, когда Ларри разговаривал со старой леди. А потом ее охватило головокружительное чувство отвращения и страха. Старуха могла... могла что?

МОГЛА ВИДЕТЬ.

Да. Она испугалась, что взгляд старухи может проникнуть внутрь ее. Она испугалась, что старуха встанет с качалки и разоблачит ее.

Они смотрели друг на друга, и внутри каждой шевелились свои зловещие страхи. Они оценивали друг друга. Миг этот был очень коротким, но им показался нескончаемым.

ОН ВНУТРИ НЕЕ — дьявольское отродье, — подумала Эбби Фримантл.

«Вся их сила сосредоточена здесь, — подумала Надин в свою очередь. — Она — это все, что у них есть, что бы они не думали по этому поводу.»

Джо забеспокоился и потянул ее за руку.

— Хелло, — сказала она тонким, мертвым голосом. — Меня зовут Надин Кросс.

Старая женщина сказала:

— Я знаю, кто ты.

Слова повисли в воздухе, и все удивленно посмотрели на них, пытаясь понять, что же происходит.

— Вот как? — тихо спросила Надин. И внезапно она почувствовала, что Джо — ее последняя и единственная защита.

Она медленно вывела его вперед, как заложника. Его странные цвета морской волны глаза посмотрели на Матушку Абагейл.

Надин сказала:

— Это Джо. Вы его знаете?

— Если его зовут Джо, то меня — Кассандрой, — сказала Матушка Абагейл. — И вы не его мать. — Она с облегчением опустила глаза на мальчика, не в силах избавиться от странного ощущения, что женщина выиграла — она поставила между ними маленького паренька и тем самым помешала ей исполнить свой долг... о, но все произошло так внезапно, и она не была готова к этому!

— Как тебя зовут, паренек? — спросила она мальчика.

Мальчик сделал усилие, словно в горле у него застряла кость.

— Он не скажет вам, — сказала Надин, положив руку ему на плечо. — Он не может. По-моему, он вообще не пом...

— ЛЕО! — неожиданно выговорил Джо ясно и сильно. — Лео Роквей — это я! Я Лео! — И смеясь, он прыгнул на руки Матушке Абагейл.

— Джо, — позвала Надин.

Джо слегка высвободился из объятий Матушки Абагейл и оглянулся на нее.

— Пошли. — Теперь она говорила, глядя Эбби прямо в глаза. — Она старая. Ты ее ушибешь. Она очень старая и... не очень сильная.

— По-моему, я достаточно сильна для того, чтобы подержать на руках такого паренька, — сказала Матушка Абагейл, но сама уловила в своем голосе какую-то странную неуверенность.

— Он устал. Да и вы тоже, судя по вашему виду. Пошли, Джо.

— Я люблю ее, — ответил мальчик, не двигаясь с места.

Надин слегка вздрогнула. Голос ее стал более резким.

— Пошли, Джо.

— ЭТО НЕ МОЕ ИМЯ! ЛЕО! ЛЕО! ВОТ КАК МЕНЯ ЗОВУТ!

Небольшая толпа странников затихла, догадываясь о том, что происходит нечто непредвиденное, но не в силах определить, в чем дело.

Женщины вновь скрестили взгляды, как сабли.

«Я знаю, кто ты», — сказали глаза Эбби.

«А я знаю, кто ты», — ответили глаза Надин.

Но на этот раз первой опустила глаза Надин.

— Хорошо, — сказала она. — Лео или как тебе будет угодно. Пошли, пока ты не слишком утомил ее.

Он неохотно слез с колен Матушки Абагейл.

— Приходи повидать меня в любое время, — сказала Эбби, но она не подняла взгляд, чтобы включить Надин в число приглашенных.

— О'кей, — сказал мальчик и послал ей воздушный поцелуй. У Надин было каменное лицо. Она не произнесла ни слова. Матушка Абагейл посмотрела им вслед. Теперь, когда лицо женщины исчезло из вида, чувство откровения затуманилось. Матушка Абагейл уже не была уверена в том, что почувствовала. Ну, конечно, она просто еще одна женщина... хотя... так ли это на самом деле?

Молодой человек, Андервуд, стоял внизу, и лицо его было мрачнее тучи.

— Почему ты так себя вела? — спросил он у проходившей мимо него женщины, и хотя он понизил голос, Матушка Абагейл прекрасно расслышала его слова.

Женщина никак не отреагировала. Она прошла мимо него, не сказав ни слова.

Наступила тишина, и она внезапно почувствовала, что не знает, чем ее заполнить, хотя это надо было обязательно сделать...

...так ли уж обязательно?

Ее ли это дело?

И голос спросил тихо: «Твое ли это дело? Для того ли Господь привел тебя сюда, женщина? Для роли Официального Встречающего у ворот Свободной Зоны?»

«Я не могу сейчас об этом думать, — запротестовала она. — Эта женщина права: я **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** устала.»

«Он приходит в разных обличьях, — настаивал негромкий внутренний голос. — Волк, ворон, змея, женщина.»

Что все это значило? Что здесь произошло? Что, Бога ради?

«Я сидела здесь, довольная собой, и ждала выражений подобострастного почтения — да, именно так и было, нет никакого смысла это отрицать, — а потом пришла эта женщина, и что-то произошло, и я уже забываю, что это было. Но что-то было в этой женщине... было ли? Ты уверена? Уверена?»

К ней почтительно приблизился другой мужчина.

— Здравствуйте, Матушка Абагейл, — сказал он. — Меня зовут Зеллман. Марк Зеллман. Из Лоувилля, штат Нью-Йорк. Вы мне снились.

И перед ней возникла внезапная альтернатива. Она могла ответить этому человеку, добродушно поболтать с ним, чтобы он расслабился и пришел в себя, а потом перейти к следующему, и снова к следующему, принимая их почтение, словно пальмовые ветви. Но могла и не ответить. Она могла последовать за ниточкой своей мысли в глубину самой себя, в поисках того, что хочет открыть ей Господь.

«Эта женщина...

Кто?»

Но какая теперь разница? Она же уже ушла.

— В штате Нью-Йорк жил мой внучатый племянник, — непринужденно сказала она Марку Зеллману. — В городе под названием Раузис Поинт. На озере Шамплен. Наверное, никогда о таком не слыхали?

Марк Зеллман сказал, что, конечно, слышал. Почти все жители штата Нью-Йорк знают этот город. Бывал ли он там? На лице его появилась трагическая гримаса. Нет, никогда. Но собирался, уже давно.

— Судя по письмам Ронни, вы не особенно много потеряли, — сказала она, и Зеллман ушел от нее, сияя.

Она поговорила со всеми, со всеми шутила и улыбалась, всех приводила в хорошее расположение духа, но удовольствие, которое она обычно от этого чувствовала, сегодня куда-то исчезло.

Чувство того, что она пропустила что-то очень важное и потом ей придется об этом пожалеть, постепенно угасало в ней, а к вечеру исчезло совсем.

— Завтра подойдут еще ребята, Ники, а послезавтра будет целый парад,

— сказал Ральф.

— Хорошо, — написал Ник. — Скоро у нас будет доктор. Так утверждает теория вероятностей.

— Я говорил с парнем, который возглавляет сегодняшнюю группу. Его зовут Ларри Андервуд. Классный парень, Ник. Крутой, как вареное яйцо.

Ник вопросительно поднял брови.

— Ему лет на шесть-семь больше, чем тебе, и лет на восемь-девять меньше, чем Редману. Он как раз такой человек, которых ты велел нам разыскивать. Он задает правильные вопросы.

?

— Первый вопрос — кто главный? — сказал Ральф. — Второй — что будет дальше? И третий — кто будет всем этим заниматься?

Ник кивнул. Да — вопросы правильные. Ну а как насчет самого человека?

«Я попробую встретиться с ним завтра и поговорить», — написал Ник на новом листке бумаги.

— Да, стоит этим заняться. Он нормальный парень. — Ральф переступил с ноги на ногу. — И я разговаривал с Матушкой, перед тем как этот Андервуд пришел к ней со своими людьми.

?

— Она говорит, что мы должны начинать действовать. Говорит, что должны появиться люди, которые скажут всем остальным, что делать.

Ник написал: «Я так и полагал. Завтра я поговорю со Стью и Гленом. Ты напечатал плакаты?»

— А! Эти? Конечно, да, — сказал Ральф. Он показал Нику образец. Свежий отпечаток все еще сильно пах мимеографическими чернилами. Он был довольно большим и привлекал внимание. Графическое решение принадлежало исключительно Ральфу:

ВСЕОБЩИЙ МИТИНГ!!!

СОВЕТ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ДОЛЖЕН БЫТЬ ИЗБРАН 20:30, Август 18,1990

Место:

концертная площадка в парке Кенъон Бульвар в случае **ХОРОШЕЙ ПОГОДЫ** зал Чатакуа в парке Чатакуа в случае **ПЛОХОЙ ПОГОДЫ**

ВО ВРЕМЯ МИТИНГА БУДУТ ПОДАВАТЬСЯ ПРОХЛАДИТЕЛЬНЫЕ НАПИТКИ

Внизу были две примитивных карты Боулдера для тех, кто только что приехал. Внизу были перечислены имена, которые, после небольшого обсуждения, назвали Стью и Глен:

Организационный Комитет Ник Андрос Глен Бэйтмен Ральф Brentner Ричард Эллис Фрэн Голдсмит Стюарт Редман Сюзан Стерн

Ник указал пальцем на строчку о прохладительных напитках и вопросительно поднял брови.

— Ну, понимаешь, подошла Фрэнни и сказала, что нам легче будет привлечь людей, если у нас будет, что им предложить. Они с Патти Крогер об этом позаботятся. Печенье и «За-Рекс». Ральф скорчил гримасу. — Если бы мне пришлось выбирать между «За-Рексом» и бычьей мочой, то я бы надолго задумался. Можешь выпить мою порцию, Ники.

Ник усмехнулся.

— Единственное, что меня беспокоит, — продолжил Ральф более серьезным тоном, — это то, что твои ребята записали меня в комитет. Я знаю, что это означает: Примите наши поздравления, вы будете выполнять самую тяжелую работу. Ну, собственно говоря, я не возражаю. Я всю жизнь работал изо всех сил. Но у комитетов должны быть идеи, а я по этой части не очень-то силен.

На листке бумаги Ник быстро нарисовал большой радиопередатчик, а на заднем плане — радиовышку с исходящими от нее волнами.

— Да, но это совсем другое дело, — сказал Ральф угрюмо.

«Ты прекрасно справишься», — написал Ник.

— Ну, раз ты так говоришь, Ники. Я попытаюсь. Однако, мне по-прежнему кажется, что лучше бы тебе поговорить с этим парнем Андервудом.

Ник покачал головой и похлопал Ральфа по плечу. Ральф пожелал ему спокойной ночи и отправился вверх по лестнице. Когда он ушел, Ник внимательно стал смотреть на плакат. Если Стью и Глен видели экземпляры — а он был в этом абсолютно уверен, — то они уже знают о том, что он вычеркнул Гарольда Лаудера из списка членов Организационного Комитета. Он не знал точно, как они это воспримут, но то, что они еще не зашли к нему, было, похоже, добрым знаком. Они могут потребовать у него, чтобы он вычеркнул кого-нибудь из своих кандидатур. И тогда ему придется сделать это, только для того, чтобы оставить Гарольда за пределами списка. Если так и будет, ему придется отдать им Ральфа. Собственно говоря, Ральф и сам не хочет занимать это место, но, черт возьми, у Ральфа есть природный ум и почти неоценимая способность обходить острые углы. Он был бы очень нужным человеком в комитете, тем более, что Стью и Глен и так уже записали туда всех своих Друзей.

Ник отправился принимать душ.

После секса Стью быстро заснул. В последние дни он спал мало, а всю прошлую ночь он пил с Гленом Бэйтменом, обсуждая планы на будущее. Фрэнни надела халат и вышла на балкон.

Они жили в доме на углу Перл Стрит и Бродвея. Их квартира была на третьем этаже, и с балкона ей был виден перекресток. Перл шла с запада на восток, а Бродвей — с севера на юг.

Она провела рукой по своему телу. Беременность стала уже немного заметна. Сегодня у нее со Стью был серьезный разговор. Стью сказал ей, что обсуждал проблему ребенка с Гленом Бэйтменом, и Глен выдвинул идею, что вирус супергриппа по-прежнему может находиться вокруг. Если это действительно так, то ребенок может умереть. Мысль была обескураживающей (Всегда можно, — подумала она, — рассчитывать на то, что Глен Бэйтмен выскажет одну-две Обескураживающих Мысли), но нет сомнений, что если у матери иммунитет, то ребенок?..

Но здесь ведь множество людей, которые потеряли своих детей во время эпидемии.

ДА, НО ЭТО ОЗНАЧАЕТ...

Означает что?

Ну, это может означать, что все эти люди являются лишь эпилогом к человеческой расе, короткой кодой. Она не хотела, НЕ МОГЛА поверить в это. Если это окажется правдой...

Кто-то шел по улице. На плече у него болталась легкая куртка, а в руке был то ли револьвер с длинным стволом, то ли бутылка. В другой руке он держал листок бумаги, на котором, судя по тому, как внимательно он изучал номера домов, был написан адрес. Наконец он остановился против их дома. Он смотрел на дверь, словно пытаясь решить, что же делать дальше. Фрэнни подумала, что он очень похож на частного детектива из телесериалов. Она стояла меньше чем в двадцати футах над его головой и находилась в безвыходной ситуации. Если она позовет его, он может испугаться. Если она не сделает этого, он начнет стучать и разбудит Стюарта. И вообще, что он делает здесь с револьвером в руке... если это, конечно, револьвер?

Он неожиданно запрокинул голову и посмотрел вверх, наверное, чтобы проверить, горит ли в доме свет. Взгляды их встретились.

— Боже мой! — воскликнул человек. Он невольно сделал шаг назад, сошел с тротуара и тяжело приземлился на задницу.

— Ой! — одновременно воскликнула Фрэнни и сама невольно сделала шаг назад. Позади нее на подставке стоял большой горшок с декоративным растением. Фрэнни задела его. Он зашатался и почти было решил пожить еще немного, но потом с сочным взрывом хлопнулся о балконные плитки.

В спальне Стью что-то проворчал сквозь сон, перевернулся на другой бок и снова затих.

Фрэнни в рот залетела смешинка. Она закрыла рот руками и закусила губы, но продолжала тихонько хихикать. Снова снизошла благодать, — подумала она и зашлась в приступе беззвучного хохота. Если б он был с гитарой, я могла бы уронить горшок ему на голову. «О солие мио... БАЦ!» От попыток сдержать хохот у нее заболел живот.

Снизу раздался конспиративный шепот:

— Эй, там, на балконе... тсссс!

— Тссс, — прошептала Фрэнни самой себе. — Тссссс, вот так история.

Человек — молодой человек — уже поднялся и отряхивался. Он был строен и хорошо сложен. У него была светлая или песочно-красная борода. Под глазами у него были темные синяки, но он улыбался исполненной раскаяния улыбкой.

— Что вы там сшибли? — спросил он. — По звуку похоже на фортепьяно.

— Это была ваза, — сказала она. — Это... это... — Но тут ей снова овладел смех. Слезы покатались у нее по щекам. — Вы так забавно выглядели... я знаю, что нехорошо так говорить незнакомому человеку, но... ой. Господи! Это было так смешно!

— Если бы это случилось в старые времена, я подал бы на вас иск по крайней мере на четверть миллиона. Судья, я посмотрел наверх, а эта молодая женщина уставилась на меня. Да, она строила мне рожи. Во всяком случае, рожа была при ней.

Они немного посмеялись вместе. На молодом человеке были потертые джинсы и темно-синяя рубашка. Летняя ночь была теплой и приятной, и Фрэнни порадовалась, что вышла на балкон.

— Вас случайно зовут не Фрэн Голдсмит?

— Да, но вас я не знаю.

— Ларри Андервуд. Мы приехали только сегодня. Собственно говоря, я ищу парня по имени Гарольд Лаудер. Мне сказали, что он живет в доме *N261 по Перл Стрит вместе со Стюартом Редманом*, Фрэнни Голдсмит и другими людьми.

Смешинка исчезла.

— Гарольд сначала жил с нами, но он давно выехал. Сейчас он на Арапаху, в восточной части города. Я могу дать вам адрес и показать дорогу.

— Спасибо большое. Но я, пожалуй, подожду до завтра. Вряд ли стоит снова подвергать себя риску.

— Вы знаете Гарольда?

— И да и нет — точно так же, как и вас. Хотя я должен признаться, что вы совсем не такая, какой я вас себе представлял. Я думал, что вы — блондинка-валькирия, сошедшая прямо с картины Фрэнка Фазетты, с парой 45-ых. Но все равно я очень рад вас встретить.

— Боюсь, я не понимаю, о чем вы говорите.

— Спускайтесь ко мне, и я вам все объясню.

Фрэнни прошла в спальню, накинула легкий плащик и спустилась вниз.

— У меня для Гарольда кое-что есть, — сказал Ларри. — Но это должен быть сюрприз, так что если вы его встретите раньше, чем я, то молчите.

— О'кей, конечно, — сказала Фрэнни. Она была сильно заинтригована.

Он протянул ей длинноствольный револьвер, который оказался длинношеей бутылкой вина. Она подняла этикетку навстречу свету звезд и прочла: «БОРДО 1947». — Лучший сорт Бордо в этом столетии, — сказал он. — Во всяком случае, так говорил один мой старый друг. Его звали Руди, упокой Господь его душу.

— Но 1947... это сорок три года назад. Оно не... не испортилось?

— Руди говорил, что хорошее Бордо никогда не портится. Но так или иначе, я привез его из Огайо. Так что если это и плохое вино, то оно хорошо попутешествовало.

— И это для Гарольда?

— Да, а еще — вот это. — Он достал что-то из кармана и протянул ей. Ей не пришлось поднимать пакетик к свету звезд, чтобы прочитать этикетку.

— Шоколадная карамель! — воскликнула она. — Гарольд ее так любит... но как вы об этом узнали?

— Ну, это целая история.

— Так расскажите мне!

— Ну, хорошо. Давным-давно жил на свете парень по имени Ларри Андервуд, который приехал из Калифорнии в Нью-Йорк, чтобы навестить свою дорогую старую мамочку. Это была не единственная причина его приезда, и другие причины были гораздо менее приятными, но давайте остановимся на самой благопристойной, хорошо?

— Почему бы и нет? — согласилась Фрэн.

— И вот. Злобная Ведьма с Запада или какая-нибудь пентагонская задница насылает на страну великую эпидемию, и прежде чем успеешь сказать: Вот идет Капитан Шустрик! — почти все в Нью-Йорке, включая и мою мамочку, умирают.

— Мне так жаль. Моя мама и папа тоже...

— Да, все мамы и папы на свете. Но Ларри оказался одним из счастливицков. Он вышел из города с леди по имени Рита, которая была не слишком хорошо подготовлена к тому, что произошло. И к несчастью, Ларри оказался не слишком хорошо подготовлен, чтобы помочь ей справиться с этим.

— Никто не был достаточно хорошо подготовлен.

— Но некоторые справились с собой быстрее, чем другие. Так или иначе, Ларри и Рита отправились в сторону побережья, в Мэн. Они доехали до Вермонта, и там леди приняла слишком много снотворных таблеток.

— Ой, Ларри, какой ужас.

— Ларри воспринял это очень тяжело. Собственно говоря, он воспринял это как более или менее божественный приговор силе своего характера. Помимо этого, один-два начинающих человека уже сказали ему, что самая гнусная черта его характера — это великолепный эгоизм, который сияет в нем, как картинка с мадонной на приборной доске «Кадиллака» пятьдесят девятого года выпуска.

Фрэнни поежилась.

— Надеюсь, я не слишком вас смущаю, но все это копилось во мне слишком долго, и, кроме того, это имеет отношение к той части истории, которая связана с Гарольдом. О'кей?

— О'кей.

— Спасибо. По-моему, с тех самых пор, как мы приехали сюда и встретились с этой старой женщиной, я искал человека с добрым лицом, которому я мог бы все это вывалить. Я, правда, думал, что этим человеком окажется Гарольд. Но так или иначе, Ларри продолжал свой путь в Мэн, так как больше ехать было некуда. К тому времени ему стали сниться очень плохие сны, но он был один и не мог знать, что другие люди также видят их. Он просто предположил, что это очередной симптом нервного срыва. Но в конце концов он добрался до маленького городка на побережье под названием Уэллс, где он встретил женщину по имени Надин Кросс и странного мальчика, которого, как выясняется, зовут Лео Роквей.

— Уэллс, — произнесла она зачарованно.

— Так или иначе, три путешественника подбросили монетку, чтобы узнать, в какую сторону им ехать по шоссе *N1*, и так как выпала решка, они поехали на юг и в конце концов прибыли в...

— Оганквит! — восхищенно воскликнула Фрэнни.

— Совершенно верно. И там, на крыше амбара, я впервые познакомился с Гарольдом Лаудером и Фрэнсис Голдсмит.

— Надпись Гарольда! Ой, Ларри, как он будет доволен!

— В соответствии с указаниями ваших надписей, мы сначала доехали до Стовингтона, потом до Небраски, а потом приехали сюда, в Боулдер. По дороге мы встречали других людей. Среди них оказалась девушка по имени Люси Сванн, с которой мы теперь живем вместе. Мне хотелось бы, чтобы вы с ней познакомились. По-моему, она вам понравится.

Во время путешествия случилось то, чего сам Ларри не очень-то хотел. Его небольшая группка из четырех человек увеличилась до шести. Шесть встретили еще четверых в штате Нью-Йорк. К тому времени, когда мы добрались до дома Матушки Абагейл в Небраске, нас было уже шестнадцать, а перед отъездом мы подобрали еще троих. Ларри был во главе этой

отважной команды. Не было никаких выборов или чего-нибудь в этом роде. Просто так получилось. А он не хотел ответственности. Для него это было тяжкой ношей. И я — *он* — *всегда боялся*, что однажды утром он проснется и найдет чей-нибудь труп в спальном мешке, как уже было однажды в Вермонте, и все будут стоять вокруг него, указывать на него пальцами и говорить: Это твоя вина. И об этом я никому не мог рассказать, даже Джаджу...

— Кто такой Джадж?

— Джадж Фэррис. Старик из Пеории. Когда он смотрит на тебя, ты готов поклясться, что из глаз у него идут рентгеновские лучи. Так или иначе, Гарольд стал для меня очень важен. И чем больше прибавлялось людей в группе, тем важнее он становился. Этот амбар. Господи! Последняя строчка — как раз ваше имя — была написана так низко, что наверное, ему здорово продуло задницу, пока он ее писал.

— Да. Когда он это делал, я спала. Я бы заставила его остановиться.

— Я стал понемногу узнавать о нем, — сказал Ларри. — В амбаре я нашел обертку от шоколадной карамели, а потом эта надпись на балке...

— Какая надпись?

Она почувствовала, как Ларри внимательно изучает ее в темноте.

— Просто его инициалы, — небрежно сказал Ларри. — А потом в магазине мотоциклов в Уэллсе...

— Мы там были!

— Я знаю. Я заметил, что не хватает пары мотоциклов. Но еще большее впечатление на меня произвело то, как Гарольд добыл бензин из подземного резервуара. Вы, наверное, помогали ему поднять крышку, Фрэн? Я чуть не потерял свои пальцы.

— Нет, мне не пришлось. Гарольд нашел вентиляционное отверстие...

Ларри застонал и хлопнул себя по лбу.

— Господи! Так он просто нашел вентиляционное отверстие, открыл его и засунул туда шланг?

— Ну да.

— Ай-да Гарольд, — сказал Ларри с таким восхищением, которое ей никогда не доводилось слышать, во всяком случае, в связи с упоминанием имени Гарольда Лаудера. — Да, до этого я не додумался. Так или иначе, мы добрались до Стовингтона. Надин была так расстроена, что упала в обморок.

— А я плакала, — сказала Фрэнни.

— Я не был обескуражен. Неустрашимый Гарольд побывал там до меня, оставил надпись и ушел. И я пошел по его следу.

Его представление о Гарольде очаровало и удивило ее. Но разве не Стью возглавил группу, после того как они выехали из Вермонта и направились в Небраску? Она не могла этого припомнить. Ларри напомнил ей о том, что она забыла... или хуже — приняла, как нечто само собой разумеющееся. Гарольд рисковал своей жизнью, чтобы сделать надпись на крыше — тогда это казалось глупым ребячеством, но в конце концов оно принесло пользу. А как он добыл бензин из этого резервуара... для Ларри это оказалось такой трудной задачей, а Гарольд сделал это как бы походя. Она почувствовала стыд.

— Вот я и принес ему вино и эти конфеты. Когда я попадал в трудные ситуации, я всегда вспоминал о нем, и он помогал мне. — Он посмотрел на нее искоса. — Знаете, я-то думал, что вы с ним вместе.

Она покачала головой и посмотрела на свои сжатые пальцы.

— Нет...

Он долгое время ничего не говорил, но она чувствовала на себе его взгляд.

Она встала с бордюра.

— Мне пора идти. Было очень приятно познакомиться с вами, Ларри. Приходите завтра, встретитесь со Стью. Приводите свою Люси.

— Как это я мог ошибиться? Насчет Гарольда? — спросил он, вставая вслед за ней.

— Ой, я не знаю, — сказала она глухо. Неожиданно на глаза ей навернулись слезы. — Вы заставили меня ощутить, что я обошлась с Гарольдом очень плохо... и я не знаю... как это могло случиться... можно ли винить меня за то, что я люблю Стью? Виновата ли я в этом?

— Нет, конечно нет. — Ларри выглядел смущенно. — Послушайте, извините меня. Я вмешиваюсь не в свое дело. Я пойду.

— Он *изменился!* — выпалила Фрэнни. — Не знаю, как и почему, но иногда я думаю, что это к лучшему... но я не... на самом деле, я не уверена. А иногда я боюсь.

Она не ответила и только посмотрела себе под ноги. Она подумала, что и так уже сказала слишком много.

— Вы собирались объяснить мне, как туда попасть, — напомнил он мягко.

— Очень просто. Вы пойдете прямо по Арапахоу, пока не увидите небольшой парк. Парк будет справа. Маленький домик Гарольда будет слева, как раз напротив парка.

— Хорошо, спасибо. Очень приятно было встретиться с вами, Фрэн, — разбитый горшок и все такое.

Она улыбнулась, но улыбка вышла неискренней. Вся ее веселость куда-то испарилась.

Ларри поднял бутылку вина.

— И если вы встретите его раньше, чем я, то... держите язык за зубами, ладно?

— Конечно.

— Спокойной ночи, Фрэнни.

Он ушел. Она подождала, пока он не скроется из виду, а потом поднялась наверх и скользнула в постель рядом со Стью, который по-прежнему безмятежно спал.

Плакаты Ральфа, объявлявшие о митинге восемнадцатого августа, были расклеены по всему Боулдеру. В ту ночь Ник Андрос заснул в хорошем расположении духа. За один день с помощью размноженного на мимеографе плаката Свободная Зона превратилась из неорганизованного лагеря беженцев в сообщество потенциальных избирателей.

Днем они с Ральфом ездили на электростанцию. Он, Ральф и Стью решили послезавтра на квартире Стью и Фрэн провести предварительное совещание. А за это время они прислушаются к тому, что говорят люди.

Ник улыбнулся и приложил ладони к ушам.

— Читать по губам даже лучше, — сказал Стью. — Знаешь, Ник, я начинаю думать, что нам удастся справиться с этими генераторами. Бред Китченер работает, как зверь. Если бы у нас было десять таких людей, то к первому сентября город был бы в полном порядке.

Ник показал ему кружок из большого и указательного пальцев.

В тот день Ларри Андервуд и Лео Роквей направлялись по Арапахоу Стрит в сторону дома Гарольда Лаудера. Ларри нес рюкзак, с которым он проехал через всю страну, но сейчас в нем было только вино и шоколадная карамель.

Ларри посмотрел на один из плакатов, но звон стекла заставил его обернуться. Лео разбил камнем заднее стекло старого «Форда».

— Больше не делай так, Джо.

— Меня зовут Лео.

— Лео, — поправился Ларри. — Больше так не делай.

— Почему? — добродушно спросил Лео, и очень долго Ларри не мог придумать удовлетворительный ответ.

— Потому что звук очень неприятный, — сказал он наконец.

— Ааа. О'кей.

Они пошли дальше. Ларри засунул руки в карманы. Лео сделал то же самое. Ларри пнул ногой банку из-под пива. Лео свернул в сторону, чтобы ударить валявшийся на дороге камень. Ларри начал насвистывать мелодию. Лео стал аккомпанировать ему тихими пыхтящими звуками. Ларри взъерошил ему волосы, а мальчик посмотрел на него своими загадочными китайскими глазами и улыбнулся. «Господи, да я ведь люблю его», — подумал Ларри.

Они дошли до парка, о котором говорила Фрэнни, и на другой улице стоял небольшой зеленый дом с белыми ставнями. На цементной дорожке, ведущей к парадной двери, стояла тележка с кирпичами, а рядом жестянка с известковым раствором. Повернувшись спиной к улице, на корточках сидел широкоплечий хлыщ. Рубашки на нем не было, и спина его шелушилась после сильного солнечного ожога. В руке у него был мастерок. Он строил кирпичный барьерчик вокруг цветочной клумбы.

Ларри подумал о словах Фрэнни: «Он изменился... не знаю, как и почему, но иногда я думаю, что это к лучшему... а иногда я боюсь.»

Потом Ларри сделал шаг вперед и сказал именно то, что он собирался сказать в течение долгих дней своего путешествия:

— Гарольд Лаудер, я полагаю?

Гарольд вздрогнул от удивления, а потом обернулся с кирпичом в одной руке и мастерком в другой. С мастерка капал раствор. Он был занесен, словно для удара. Ларри показалось, что краем глаза он увидел, как Лео подался назад. Первое, что ему пришло в

голову, — это, конечно, мысль о том, что Гарольд выглядит совсем не так, как он его себе представлял. Его вторая мысль была: «Господи, да уж не хочет ли он меня стукнуть этой штукой?» Лицо Гарольда было мрачным, глаза его сузились и потемнели. Волосы упали прямой волной на его потный лоб. Губы были плотно сжаты.

А потом произошло превращение столь внезапное и радикальное, что Ларри потом не верилось, что он видел Гарольда напряженным и неулыбчивым, с лицом человека, который более склонен использовать мастерок для того, чтобы замуровать кого-нибудь в стене, нежели для того, чтобы построить барьерчик вокруг клумбы.

На лице его появилась широкая и безобидная улыбка. Из глаз его исчезло угрожающее выражение. Он воткнул мастерок в раствор, вытер руку о джинсы и протянул ее для рукопожатия. Ларри подумал: «Господи, да он ведь еще ребенок, гораздо моложе, чем я».

— По-моему, я вас не знаю, — сказал Гарольд. Рукопожатие его было твердым. Улыбка Гарольда была заразительной, и Ларри улыбнулся в ответ.

— Вы меня — нет, но я вас знаю.

— Правда? — воскликнул Гарольд, улыбнувшись еще шире.

— Я ехал за вами через всю страну, начиная с Мэна, — сказал Ларри.

— Честное слово?

— Конечно. Он распустил рюкзак. — Вот у меня тут кое-что для вас есть. — Он вынул бутылку Бордо и вручил ее Гарольду.

— Тысяча девятьсот сорок седьмой? — Гарольд смотрел на бутылку с некоторым удивлением.

— Хороший год, — сказал Ларри. — А еще вот это.

Он отдал Гарольду шоколадную карамель.

— Как вы узнали? — спросил Гарольд, улыбаясь.

— Я ехал по следу ваших надписей... и конфетных оберток.

— Заходите в дом, поговорим. Мальчик будет пить кока-колу?

— Конечно. Лео, ты...

Он обернулся, но Лео рядом не было. Он стоял в самом начале дорожки и с видом крайней заинтересованности рассматривал трещины в цементе.

— Эй, Лео! Хочешь колы?

Лео что-то пробормотал себе под нос.

— Говори громче, — сказал Ларри раздраженно. — Для чего Бог дал тебе голос? Я спросил, хочешь ли ты колы?

Лео сказал очень тихим голосом:

— Лучше я пойду посмотрю, не вернулась ли мама-Надин.

— Какого черта? Мы же только что сюда пришли!

— Я хочу назад! — сказал Лео.

«Что же это такое, — подумал Ларри, — он ведь чуть не плачет».

— Одну секунду, — сказал он Гарольду.

— Все нормально, — сказал Гарольд с улыбкой. — Иногда дети стесняются. Я тоже таким был.

Ларри подошел к Лео и наклонился, так что их глаза оказались на одном уровне.

— В чем дело, паренек?

— Я просто хочу обратно, — сказал Лео, отводя глаза. — Мне нужна мама-Надин.

— Ну, ты... — Он беспомощно запнулся.

— Хочу обратно. Пожалуйста.

— Тебе не нравится Гарольд?

— Я не знаю... да нет, он нормальный парень... просто я хочу обратно.

Ларри вздохнул.

— Найдешь один дорогу?

— Конечно.

— О'кей. Но мне очень хотелось бы, чтобы ты пошел с нами. Я так давно ждал встречи с Гарольдом. Ты ведь знаешь об этом, правда?

— Да-а.

— А обратно мы пойдем вместе.

— Я в этот дом не войду, — зашипел Лео, на секунду вновь превратившись в Джо.

— О'кей, — сказал Ларри поспешно. — Иди прямо домой.

— Хорошо. — И неожиданно Лео перешел на шепот. — Почему бы тебе не пойти со мной? Прямо сейчас? Пошли вместе. Пожалуйста, Ларри? Хорошо?

— Господи, Лео, что за...

— Ну ладно, — сказал Лео, и прежде чем Ларри успел его о чем-нибудь спросить, он уже заторопился по улице. Ларри взглядом проводил его из виду. Потом он повернулся к Гарольду и смущенно развел руками.

— Я же говорю, все в порядке. Дети иногда ведут себя странно, — сказал Гарольд.

— Да уж, действительно. Но этот ребенок имеет право вести себя так. Он столько пережил.

— Я не сомневался в этом, — ответил Гарольд, и на короткий миг Ларри ощутил недоверие, почувствовал, что столь быстро возникшая симпатия Гарольда к мальчику — всего лишь эрзац настоящего чувства.

— Ну, входите, — сказал Гарольд. — Собственно говоря, вы мой первый гость. Несколько раз заходили Фрэнни и Стью, но они не в счет. — Улыбка Гарольда стала немножечко грустной, и Ларри почувствовал к нему жалость.

— Я рад, — сказал он.

— Если вы не возражаете, я пока отложу карамель — сейчас я не ем сладкого, пытаюсь похудеть. Но вино стоит попробовать ради такого случая. Вы пересекли всю страну, ориентируясь по нашим надписям. Это вам не фунт изюма. Вы должны мне об этом рассказать. А пока садитесь вон на тот зеленый стул.

«Странно, — подумал Ларри, — он говорит, как политик, — гладко, быстро, бойко.»

Гарольд ушел за рюмками, а Ларри сел на зеленый стул. Он огляделся. Ну, не самая замечательная на свете гостиная, но с ворсистым ковром и кое-какой современной мебелью она будет выглядеть неплохо. Лучше всего был камин. Прекрасная ручная работа. Но один кирпич в кладке держался на честном слове. Ларри показалось, что он выпал, а потом его небрежно сунули на место.

Он встал и вынул кирпич из кладки. Гарольд продолжал хозяйничать где-то внизу. Ларри уже собирался вложить кирпич на место, когда заметил в образовавшейся дыре толстую тетрадь для записей. Чувствуя легкий стыд, он положил кирпич на место как раз в тот момент, когда шаги Гарольда стали подниматься с нижнего этажа. Когда Гарольд вернулся в гостиную с двумя бокалами в руках, Ларри уже снова сидел на зеленом стуле.

— Я их споласкивал внизу, — сказал Гарольд. — А то они запылились.

— Красивые, — сказал Ларри. — Слушай, я не уверен, что с этим Бордо все в порядке. Может так получиться, что ты готовил рюмки для уксуса.

— Кто не рискует, — сказал Гарольд с улыбкой, — тот не выигрывает.

От улыбки Гарольда Ларри почему-то стало немного не по себе, и он поймал себя на мысли о том, кому принадлежит эта тетрадь — Гарольду или предыдущему владельцу дома.

А если это тетрадь Гарольда, то что, черт возьми, там может быть написано?

Они открыли бутылку Бордо и к общему удовольствию обнаружили, что вино прекрасное. Через полчаса они уже пребывали в состоянии приятного легкого опьянения, причем Гарольд в большей степени, чем Ларри. Но улыбка по-прежнему блуждала у него на губах. Собственно говоря, она стала шире.

Язык у Ларри слегка развязался, и он спросил:

— Эти плакаты. Насчет общего митинга восемнадцатого числа. Как получилось, что ты не вошел в состав этого комитета, Гарольд? По-моему, такой парень, как ты, обязательно должен был там оказаться.

Улыбка Гарольда стала еще шире.

— Ну, я еще ужасно молод. Наверное, они думают, что у меня не хватает опыта.

— По-моему, это свинство с их стороны. — Но действительно ли он так считал?

— Ну, кто знает, что ждет нас в будущем! — сказал Гарольд, широко улыбаясь. — У каждой собаки есть свой день.

Ларри ушел в пять часов вечера. Он расстался с Гарольдом дружески. Тот пожал его руку и улыбнулся на прощанье, сказав, чтобы Ларри заходил почаще. Но у Ларри появилось ощущение, что Гарольду будет абсолютно наплевать, если они никогда больше не встретятся.

Он медленно прошел по цементной дорожке и обернулся, чтобы помахать на прощанье, но Гарольд уже скрылся в доме. Дверь была закрыта.

От вина у него немного заболела голова, и он попытался убедить себя в том, что тот легкий озноб, который он почувствовал дома у Гарольда, является всего лишь одним из проявлений незначительного похмелья. Мысли его спутались. Он неожиданно ощутил уверенность, что Гарольд наблюдает за ним из-за задернутых штор, и руки его сжимаются, словно он хватается кого-то за горло, а улыбка его превращается в оскал ненависти... У КАЖДОЙ СОБАКИ ЕСТЬ СВОЙ ДЕНЬ.

И в тот же миг он вспомнил о ночи, проведенной в Беннингтоне, когда он проснулся с ужасным чувством, что в темноте кто-то есть... и как потом он услышал (или это ему только приснилось?) приглушенный звук каблуков, уходящих на запад.

ПРЕКРАТИ. ПРЕКРАТИ ВООБРАЖАТЬ ВСЯКУЮ ЕРУНДУ.

И неожиданно он поймал себя на том, что вспоминает, как в детстве ходил с мамой в зоопарк в Бронксе. Они вошли в помещение, где жили обезьяны, и запах ударил ему в нос, как кулак. Он повернулся и хотел выбежать на улицу, но мама остановила его.

«Просто дыши, Ларри, — сказала она. — И через пять минут ты не будешь чувствовать никакого запаха вообще.»

И он остался, хотя и не поверил ей. Но оказалось, что она была права. Взглянув на часы, он увидел, что они провели у обезьян около получаса, и он уже не мог понять, почему входящие леди зажимают нос, а на лице у них появляется гримаса отвращения. Он сказал об этом своей матери, и Элис Андервуд засмеялась.

«Пахнет-то по-прежнему плохо, но не для тебя».

«Как это получается, мамочка?»

«Я не знаю. Это доступно каждому. А теперь скажи самому себе: „Сейчас я вдохну настоящий запах обезьяньего жилища“, и потяни носом.»

Он так и сделал и вновь ощутил зловоние. На этот раз оно было даже сильнее и омерзительнее, чем в самом начале. Сосиски и вишневый пирог рванулись вверх, но он выбежал на свежий воздух и с трудом сумел побороть рвоту.

«Это селективное восприятие, — подумал он, — и она знала, что это такое, даже если ей

и не было известно, как это называется. — Он услышал голос своей матери: — А теперь скажи самому себе: „Сейчас я вдохну настоящий запах Боулдера“. И он ощутил этот запах. Он ощутил запах медленного разложения за закрытыми дверьми и задернутыми шторами.

Он пошел быстрее, чуть ли не пустившись бегом, вдыхая это сочное, густое зловоние, которое он — как и все остальные — давно перестал сознательно ощущать, потому что оно было повсюду.

Вино и шоколадная карамель рванулись вверх. Это обезьянья клетка, из которой он никогда не выберется, разве что если поедет на необитаемый остров, и хотя до сих пор он ненавидел вроту больше всего на свете, такое чувство, что сейчас...

— Ларри? С тобой все в порядке?

Ларри вздрогнул от удивления. Это был Лео. Он сидел на бордюре в трех кварталах от дома Гарольда и играл шариком для пинг-понга.

— Что ты здесь делаешь? — спросил Ларри.

— Я хотел, чтобы мы пошли домой вместе, — смиренно сказал Лео, — но мне не хотелось заходить в дом того парня.

— Почему? — спросил Ларри и сел на бордюр рядом с Лео.

Лео пожал плечами.

— Я не знаю.

— Лео?

— Что?

— Для меня это очень важно, потому что Гарольд мне нравится. У меня к нему двойственное чувство. Тебе когда-нибудь приходилось двойственно относиться к кому-нибудь?

— Мое чувство к нему однозначно.

— И что же это за чувство?

— Страх, — просто ответил Лео. — Мы можем пойти домой к маме-Надин и маме-Люси?

— Конечно.

Они пошли по Арапахоу. Лео продолжал играть с шариком для пинг-понга.

— Извини, что тебе пришлось так долго ждать, — сказал Ларри.

— Все о'кей.

— Да нет, действительно, если б я знал, я бы поторопился.

— Мне было чем заняться. Я нашел это у того парня на лужайке. Шарик для пинг-понга.

— Пинг-понга, — поправил Ларри машинально. — Как ты думаешь, почему Гарольд задергивает шторы?

— Чтобы никто не мог заглянуть внутрь, наверное, — сказал Лео. — Он занят какими-то тайными вещами. Он там прячется, как труп.

Они дошли до угла Бродвея и повернули на юг. Им встретился Дик Воллмен. Он приветственно махнул Ларри и Лео. Они помахали ему в ответ.

— Тайными вещами, — вслух повторил Ларри.

— Может быть, он там молится темному человеку, — небрежно обронил Лео, и Ларри дернулся, словно его ударило током.

— Ты действительно так думаешь? — спросил Ларри, стараясь, чтобы его голос звучал непринужденно.

— Я не знаю. Но он не похож на нас. Он часто улыбается. Но мне кажется, там какие-то черви у него внутри. Они заставляют его улыбаться. Большие черви, которые пожирают его мозг.

— Джо... то есть Лео...

Глаза Лео — темные, отсутствующие, китайские — внезапно прояснились. Он улыбнулся.

— Смотри, вон Дайна. Мне она нравится. Эй, Дайна! — закричал он, приветственно махнув рукой. — У тебя есть жвачка?

Дайна, занятая тем, что смазывала звездочку гоночного велосипеда, обернулась и улыбнулась. Она полезла в карман рубашки и достала пачку «Джуси Фрут». Со счастливым смехом Лео побежал к ней.

Эта мысль о белых червях за улыбкой Гарольда... как это Джо (нет, Лео, его зовут Лео) пришла в голову такая сложная — и такая кошмарная — идея? Мальчик был наполовину в транс. И не только он один. Сколько раз за те немногие дни, что он пробыл здесь, Ларри замечал, как кто-нибудь останавливается на улице, как вкопанный, мгновение смотрит в пустоту, а потом идет дальше? Все изменилось. Казалось, само человеческое восприятие поднялось на новый уровень.

Это было чертовски страшно.

Ларри направился туда, где Лео и Дайна делили жвачку.

В тот день Стью застал Фрэнни за стиркой на маленьком дворике за их новым домом. Она обернулась и увидела его в воротах.

— Ха-ха, очень смешно. Сколько ты там уже стоишь, красавчик?

— Пару минут. Чем это ты занимаешься? Похоже на брачный танец дикой лесной утки.

— Ха-ха. — Она посмотрела на него холодно. — Еще одна такая шуточка, и спать тебе придется на кушетке. А можешь отправляться на Флэгстафф со своим дружкой Гленом Бэйтменом.

— Послушай, но я не хотел...

— Здесь, между прочим, и ваша одежда, мистер Редман. Хоть вы теперь у нас и отец-основатель, но это не мешает вам иногда пачкать трусы дерьмом.

Стью усмехнулся, а потом вынужден был рассмеяться.

— Грубовато, радость моя.

— В данный момент я не склонна к вежливости.

— Когда моя жена занималась ручной стиркой, — сказал Стью, — она пользовалась стиральной доской. Помнится, у моей матери их было штуки три.

— Я знаю, — раздраженно сказала Фрэнни. — Мы с Джун Бринкмейер обошли пол-Боулдера в поисках этой штуки, но ни одной не нашли. Прогресс ушел далеко вперед.

Он снова заулыбался.

Фрэнни уткнула руки в бока.

— Уж не пытаешься ли ты поиздеваться надо мной, а?

Улыбка исчезла с его лица, и он обнял ее.

— Ты знаешь, как я тебе благодарен за то, что ты стираешь мою одежду,

— сказал он, — и я знаю, что беременной женщине лучше известно, чем ее мужчине, что ей можно делать, а что нет. Но, Фрэнни, к чему эти хлопоты?

— К ЧЕМУ? — Она посмотрела на него в недоумении. — Ну а что ты будешь носить? Будешь ходить в грязной одежде?

— Фрэнни, магазины полны одеждой. И у меня часто встречающийся размер.

— Ты хочешь сказать, что одежду надо выбрасывать, только потому что она *грязная*?

Он неуверенно пожал плечами.

— Ну уж нет, — сказала она. — Это старые штучки. Вроде тех коробок, куда упаковывали Биг-Маки, и одноразовых бутылок. Нет смысла начинать все сначала.

Он нежно поцеловал ее.

— Хорошо. Только следующая стирка — моя, ясно?

— Прекрасно, — сказала она лукаво. — А как скоро это будет? Когда я рожу?

— Когда мы починим электричество, — сказал Стью. — Тогда я притащу тебе самую большую стиральную машину на свете и сам запущу ее. А пока нам надо кое о чем поговорить.

— Предложение принимается. — Она крепко поцеловала его, и он ответил на ее поцелуй. По всему ее телу распространилось тепло (не тепло, а жар, не надо стесняться, я вся горю, и так бывает всегда, когда он целует меня), от которого напряглись ее соски, и появилась приятная тяжесть внизу живота.

— Прекрати, — сказала она, слегка задыхаясь, — а то одной беседой дело у нас не ограничится.

— Поговорим попозже.

— Одежда...

— Пусть помокнет — грязь лучше отойдет, — сказал он серьезно. Она засмеялась, и он закрыл ей рот поцелуем. Он повел ее к дому, и она удивилась, как жарко светит солнце. «Бывало ли раньше так жарко? Может быть, это ультрафиолетовые лучи? Или высота? Неужели так бывает каждым летом? Так жарко?»

Уже на лестнице он стал раздевать ее, и жаркая волна подхватила ее тело.

— А теперь садись, — сказал он.

— Но...

— Говорю тебе, садись.

— Стюарт, я туда высыпала полпачки стирального порошка. Одежда просто *спиннет*ся.

— Не беспокойся.

Она села на раскладной стульчик под навесом. Стью снял ботинки и носки и закатал брюки по колено. Когда он шагнул в таз и начал с серьезным видом топтать одежду, она захихикала.

— Хочешь провести ночь на кушетке?

— Нет, Стюарт, — сказала она покаянным тоном и снова начала хихикать... пока слезы не полились у нее из глаз и не заболели мускулы живота. Овладев собой, она спросила: — В третий и последний раз: о чем ты хотел со мной поговорить?

— Этим вечером у нас будет первое заседание, — сказал Стью.

— У меня есть две коробки пива, сырны крекеры, пепперони...

— Не о том речь, Фрэнни. Сегодня приходил Дик Эллис и сказал, что хочет выйти из комитета.

— Вот как? — Она была удивлена. Дик никогда не казался ей человеком, способным уйти от ответственности.

— Он сказал, что будет счастлив выполнять любую работу, как только у нас появится настоящий доктор, но в данный момент это не в его силах. У него сегодня было двадцать пять пациентов, и одна из них — с гангреной на ноге. Гангрена, по всей видимости, началась из-за царапины, которую она получила, когда подползала под забор из колючей проволоки.

— Плохи дела.

— Дик спас ее... Дик и эта медсестра, которая пришла вместе с Андервудом. Высокая, красивая девушка. Ее зовут Лори Констебл. Дик сказал, что без нее женщина просто бы умерла. Так или иначе, они ампутировали ногу по колено. Операция продолжалась три часа, и они совершенно вымотались. А плюс к этому у них на руках маленький мальчик с судорожными припадками, и Дик ломает голову над тем, эпилепсия ли это, или внутричерепное давление, или диабет. Было несколько случаев пищевого отравления из-за

того, что люди ели еду с истекшим сроком хранения. Он утверждает, что многие могут умереть, если мы не расклеим плакат с инструкцией о том, как пополнять продовольственные запасы. Так, на чем я остановился? Две сломанных руки, один случай гриппа...

— Господи! *Грипп*?

— Расслабься. Это обычный грипп. Аспирин сбивает температуру, больной не потеет... и приступ не повторяется. Никаких черных пятен на шее. Но Дик не знает точно, какими антибиотиками пользоваться. Он читает ночи напролет, чтобы это выяснить. А еще он боится, что грипп распространится, и начнется паника.

— А кто заболел?

— Женщина по имени Рона Хьюэтт. Она пришла сюда пешком из Ларами, штат Вайоминг. Дик говорит, что от нее остались кожа да кости.

Фрэн кивнула.

— К счастью для нас, эта Лори Констебл, похоже, положила глаз на Дика, хотя он в два раза ее старше. Но я в этом ничего плохого не вижу.

— Как великодушно с твоей стороны удостоить их своего одобрения, Стюарт.

Он улыбнулся.

— Как бы там ни было, Дику уже сорок восемь, и у него неважное сердце. Сейчас он не может заниматься всем сразу... Фактически, он сейчас учится на доктора. — Он серьезно посмотрел на Фрэн. — Я могу понять, чем он так привлек Лори. В наших краях он больше всех похож на героя. Он ведь обычный ветеринар и до смерти боится убить кого-нибудь.

— Стало быть, нам нужно подыскать для комитета кого-нибудь еще.

— Да. Ральф Brentner ратует за этого Ларри Андервуда, да и из твоих слов следует, что он парень — что надо.

— Да. По-моему, он прекрасно справится. А сегодня я виделась с его леди. Она очень приятная и без ума от Ларри.

— Честно говоря, Фрэнни, мне не очень-то нравится, как он вывалил перед тобой всю свою биографию, при первой же встрече.

— По-моему, это случилось только потому, что я с самого начала была с Гарольдом. Похоже, он очень удивился, что я с тобой, а не с ним.

— Что он навоображал о Гарольде?

— Спроси его и узнаешь.

— Наверное, я так и сделаю.

— Ты собираешься пригласить его в комитет?

— Скорее да, чем нет. — Он встал. — Мне хотелось бы включить в комитет старичка по имени Джадж, но ему семьдесят лет, а это уж слишком много.

— Ты говорил с ним о Ларри?

— Нет, но Ник говорил. Джадж сказал ему, что Ларри — это не совсем тот человек, которого мы ищем. Он сказал, что Ларри только начинает обретать себя, но со временем он станет намного лучше.

— Очень лестная рекомендация.

— Да, — сказал Стью. — Но, прежде чем пригласить его в комитет, я все-таки спрошу у него, что он думает о Гарольде.

— Что там с Гарольдом?

— С таким же успехом я могу спросить об этом у *тебя*, Фрэн. Ты ведь по-прежнему ощущаешь себя ответственной за него.

— Разве? Я не знаю. Но когда я думаю о нем, я каждый раз чувствую себя немного виноватой.

— Почему? Потому что я помешал ему? Фрэн, ты когда-нибудь хотела его?

— Конечно, нет. — Она чуть не вздрогнула.

— Однажды я солгал ему, — сказал Стью. — Ну... это была не совсем ложь. Это случилось в тот день, когда мы встретились. Четвертого июля. Похоже, он еще тогда почувствовал, что может произойти. Я сказал, что не хочу тебя. Но как я мог тогда знать, захочу я тебя или нет? В книгах бывает любовь с первого взгляда, но в реальной жизни...

Он остановился, и губы его расплылись в улыбке.

— Чему это ты улыбаешься, Стюарт Редман?

— Я просто подумал, что в реальной жизни мне потребовалось... — Он почесал подбородок в раздумье. — Ну, скажем, часа четыре.

Она поцеловала его в щеку.

— Это очень мило с твоей стороны.

— Это правда. Но так или иначе, мне кажется, что он запомнил мои слова и затаил на меня обиду.

— Он никогда не сказал о тебе ни одного плохого слова, Стью. И ни о ком другом.

— Это так, — согласился Стью. — Он улыбается. Именно это-то мне и не нравится.

— Но ты ведь не думаешь, что он... вынашивает замыслы мести?

Стью улыбнулся и встал.

— Нет, только не Гарольд. Глен думает, что оппозиционная партия сформируется вокруг Гарольда. Это не страшно. Надеюсь, он не помешает нам в наших планах.

— Просто помни о том, что он напуган и одинок.

— И ревнив.

— Ревнив? Мне так не кажется. Но он может чувствовать себя отвергнутым. Думаю, он ожидал, что его включат в Организационный Комитет.

— Ник настоял, чтобы его там не было, и мы согласились. Выяснилось, что никто из нас по-настоящему не доверяет ему.

— В Оганквите, — сказала она, — он был самым невыносимым созданием, которое только можно себе представить. Во многом это объяснялось его семейной ситуацией, как мне кажется... но после гриппа он начал меняться. Он начал стараться быть... мужчиной. А потом он изменился снова. Начал все время улыбаться. Больше с ним уже не поговоришь по душам. Он весь ушел в себя. Так бывает с людьми, которые переходят в новую религию или прочитывают... — Она запнулась, и в глазах у нее мелькнуло что-то, очень похожее на страх.

— Прочитывают что?

— Что-то, что изменяет их жизнь, — сказала она. — «Капитал». «Майн Кампф». Или просто перехваченные любовные письма.

— Я не понимаю, о чем ты?

— Гммм? — Она посмотрела на него, словно ее разбудили посреди дневного сна. — Ни о чем. Ты повидаешься с Ларри Андервудом?

— Конечно... если с тобой все в порядке.

— Со мной все прекрасно. Иди. Встреча в семь часов. Если поторопишься, как раз успеешь поужинать.

— Хорошо.

— И не забудь спросить у него, что он думает о Гарольде.

— Не беспокойся, — сказал Стью. — Не забуду.

— И наблюдай за его глазами, когда он будет отвечать, Стюарт.

Когда Стью небрежно спросил о его впечатлениях от Гарольда (речь о вакансии в организационном комитете еще не заходила), в глазах Ларри Андервуда появилось

озадаченное и настороженное выражение.

— Фрэн рассказала о моем пристрастии к Гарольду?

— Да.

Ларри и Стью сидели в гостиной небольшого домика. На кухне Люси готовила обед. Плита работала на газовом баллоне. Люси напевала отрывки из «Хонки Тонк Уимен», и голос ее звучал совершенно счастливо.

Стью закурил. Он ограничивал себя пятью-шестью штуками в день — ему не очень-то улыбалась перспектива быть прооперированным Диком Эллисом по случаю рака легких.

— Ну, все время, пока я следовал по пятам Гарольда, я повторял себе, что он может оказаться совсем не таким, каким я его себе представил. Так и случилось, но я все пытаюсь понять, что он за человек. Он был чертовски любезен. Гостеприимный хозяин. Мы с ним выпили за здоровье друг друга. Но...

— Но?

— Мы подошли к нему со спины. Лео и я. Он сооружал кирпичную стенку вокруг цветника и резко повернулся... не слышал, что мы подходим, пока я не заговорил... и в течение минуты я повторял самому себе: Господи, этот хлыщ сейчас меня убьет.

В дверном проеме появилась Люси.

— Стью, вы останетесь на обед?

— Спасибо, но Фрэнни ждет меня. Так что у меня есть только минут пятнадцать.

— Точно?

— В следующий раз, Люси, спасибо.

— О'кей. — Она вернулась на кухню.

— Вы пришли только для того, чтобы спросить о Гарольде? — спросил Ларри.

— Нет, — сказал Стью, принимая решение. — Я пришел спросить, не войдете ли вы в наш временный комитет. Один из нас. Дик Эллис, вынужден отказаться.

— Так вот оно что? — Ларри подошел к окну и посмотрел на пустынную улицу. — А я-то думал, что смогу вернуться к частной жизни.

— Принимать решение вам. Нам нужен один человек. Вас рекомендовали.

— Кто, если не секрет?

— Поспрашивали у людей. Похоже, на Фрэнни вы произвели очень сильное впечатление. Ник Андрос говорил — ну, он, конечно, не говорит, но вы понимаете — с одним из людей, пришедших с вами. Его зовут Джадж Фэррис.

— Джадж дал мне рекомендацию? Здорово. Знаете что, вот кого вам надо включить в комитет. Он даст сто очков вперед самому дьяволу.

— Ник тоже так считает. Но ему семьдесят лет, а возможности нашей медицины довольно-таки ограничены.

— Так этот комитет не такой уж и временный, как можно было бы подумать, так ведь?

Стью улыбнулся и немного расслабился. Он все еще не мог определить, как он относится к Ларри Андервуду, но было совершенно ясно, что у парня есть голова на плечах.

— Ну-уу, можно сказать и так. Мы хотим добиться, чтобы наш комитет был переизбран в полном составе.

— И желательно без возражений, — сказал Ларри. Взгляд его был дружелюбным, но острым — очень острым. — Могу я принести вам пива?

— Лучше не стоит. Слишком много выпил с Гленом Бэйтменом пару дней назад. Фрэн — терпеливая девушка, но и ее терпению бывает предел. Ну, что скажете, Ларри? Присоединяетесь к нам?

— Наверное... черт возьми, да. Я-то мечтал добраться сюда, пристроить своих людей и

переложить ответственность на кого-нибудь другого.

— Сегодня вечером у нас состоится небольшое собрание по поводу митинга восемнадцатого числа. Сможете придти?

— Конечно. Можно взять с собой Люси?

Стью медленно покачал головой.

— Даже не говорите ей об этом. Мы хотим пока поддержать информацию в секрете.

Улыбка исчезла с лица Ларри.

— Я не очень-то гожусь для плаща-и-кинжала, Стью. Лучше мне сразу сказать вам об этом. Мне кажется, то, что случилось в июне, случилось потому, что слишком много людей увлекалось этой игрой.

— Ну, а если бы речь шла о военном времени?

— Не понимаю.

— Тот человек, который снился нам. Сомневаюсь, что он просто исчез.

Ларри удивленно задумался.

— Глен говорит, что не понимает, почему никто не обсуждает наши сны,

— продолжил Стью. — Возможно, люди все еще оглушены. Все, что они хотят, — это зализать свои раны и похоронить своих мертвецов. Но если Матушка Абагейл здесь, то тогда *он должен быть там*. Может быть, большинство наших людей и не думают о нем, но я готов прозакладывать душу, что он думает о нас.

— Думаете, он следит за нами? — сказал Ларри тихо. — Подходящая мысль перед обедом. Улучшает аппетит.

— Ларри, я сам ни в чем не уверен. Но Матушка Абагейл говорит, что это не кончится, пока он не одолеет нас, или мы — его.

— Надеюсь, она не говорит об этом на людях. А то эти все убегут в Австралию.

— Я-то думал, что вы не сторонник секретности.

— Да, но это... — Ларри запнулся. Стью дружелюбно улыбался, и Ларри улыбнулся ему в ответ, но довольно кисло. — О'кей. Вам очко. Мы все обсудим и будем держать языки за зубами.

— Прекрасно. Встретимся в семь.

— Непременно.

Они вместе направились к двери.

— Еще раз спасибо Люси за приглашение, — сказал Стью. — Вскоре мы с Фрэнни обязательно его примем.

— О'кей. — Когда Стью уже подошел к двери, Ларри окликнул его.

Стью обернулся и вопросительно посмотрел на Ларри.

— С нами из Мэна пришел мальчик, — медленно произнес Ларри. — Его зовут Лео Роквей. У него есть свои трудности. Мы с Люси заботимся о нем вместе с женщиной по имени Надин Кросс. Надин и сама со странностями, вы знаете об этом?

Стью кивнул. В городе ходили кое-какие слухи о странной сцене, разыгравшейся между Матушкой Абагейл и Надин Кросс, когда Ларри привел свою группу.

— Надин заботилась о Лео одна, пока я с ними не встретился. Лео видит людей насквозь. И не он один. Может быть, всегда существовали такие люди, но после гриппа их стало чуть-чуть больше. И Лео... он не захотел войти в дом Гарольда. Даже на лужайке не пожелал остаться. Это... довольно забавно, не так ли?

— Пожалуй, — согласился Стью.

Мгновение они задумчиво смотрели друг на друга, а потом Стью пошел домой ужинать. Во время еды они с Фрэн почти не разговаривали. Когда она домыла последнюю тарелку,

пришли первые участники собрания.

После того, как Стью ушел к Ларри, Фрэнни бросилась вверх в спальню. В углу шкафа лежал ее спальный мешок, с которым она проехала через всю страну. Личные вещи она хранила в небольшой сумке на молнии. Большинство этих вещей уже нашли свое место в их новой квартире, но некоторые по-прежнему лежали в сумке на дне спального мешка. Там же был и ее дневник.

Она вытащила его и задумчиво на него посмотрела. С тех пор как они приехали в Боулдер, она сделала всего лишь восемь или девять записей, да и те были очень короткими. За последние четыре дня она не вписала туда ни слова. Похоже, она совсем забыла о дневнике, хотя и твердо намеревалась вести его, когда они устроятся на новом месте. Для ребенка.

Она листала страницу за страницей, и вдруг одна из них чем-то привлекла ее внимание. Вверху были слова: «занимались любовью дважды», но не на них остановился ее взгляд. В нижней части страницы, рядом с какой-то болтовней о материнском инстинкте, она увидела темный, жирный отпечаток пальца.

Ну, конечно, я ведь целый день ехала на мотоцикле, — пронеслось у нее в голове, — хотя я и умывалась при каждом удобном случае, но руки ведь все равно пачкаются, и...

Она подняла руку, вовсе не удивившись тому, что она дрожит, и приложила свой большой палец к отпечатку. Отпечаток был значительно больше.

Ну, конечно, он больше, — сказала она самой себе. — Когда размажешь грязь, естественно, пятно станет больше. Вот и все, вот и единственная причина этого...

Но отпечаток вовсе не был так уж размазан. Линии и завитки проступали достаточно четко.

И это не был жир или масло, не стоило себя обманывать.

Это был высохший шоколад.

«Шоколадная карамель», — подумала Фрэнни.

Мгновение она даже боялась обернуться, опасаясь, что над своим плечом она увидит ухмылку Гарольда, повисшую в воздухе, как улыбка Чеширского Кота из «Алисы в стране чудес». Его губы раздвинутся, и он торжественно произнесет: «У каждой собаки есть свой день, Фрэнни. У каждой собаки есть свой день.»

Но даже если Гарольд тайком прочитал ее дневник, то значит ли это, что он вынашивает планы тайной вендетты против нее, Стью или кого-нибудь еще? Конечно, нет.

«Но Гарольд изменился», — прошептал ее внутренний голос.

— Черт возьми, не так уж сильно он изменился! — выкрикнула она в пустую комнату. Она слегка вздрогнула от звука своего собственного голоса и напряженно рассмеялась. Потом она спустилась вниз и начала готовить ужин. Они будут ужинать раньше из-за собрания... но неожиданно собрание уже не показалось ей таким важным, как раньше.

Выдержки из стенограммы собрания Организационного Комитета, состоявшегося 13 августа 1990 года

Собрание было проведено на квартире у Стью Редмана и Фрэнсис Голдсмит. Присутствовали все члены Организационного Комитета, в их числе: Стюарт Редман, Фрэнсис Голдсмит, Ник Андрос, Глен Бэйтмен, Ральф Brentner, Сюзан Стерн и Ларри Андервуд.

Ведущим собрание был избран Стюарт Редман. Секретарем была избрана Фрэнсис Голдсмит...

Стью Редман продемонстрировал плакат, сочиненный в связи с пищевыми отравлениями Диком Эллисом и Лори Констебл и броско озаглавленный ЕСЛИ ВЫ ЕДИТЕ, ТО ДОЛЖНЫ ЭТО ПРОЧЕСТЬ. Он сказал, что Дик хочет, чтобы плакат был напечатан и расклеен по

Боулдеру еще до митинга восемнадцатого августа, так как в городе было уже пятнадцать случаев пищевого отравления, причем два из них — очень серьезные. Комитет единогласно проголосовал за то, чтобы Ральф изготовил тысячу копий плаката Дика и поручил десяти людям расклеить их по всему городу...

Сюзан Стерн сделала сообщение еще об одной проблеме, которую Дик и Лори попросили обсудить на собрании. Оба они считают, что надо создать Похоронный Комитет. По мнению Дика, это должно стать одним из пунктов повестки дня всеобщего Митинга. Все мы знаем, что в Боулдере удивительно мало трупов, если учесть его население до эпидемии, но мы не знаем, что является причиной этого... да она сейчас и не важна. Но так или иначе, в городе остались тысячи тел, и если мы хотим здесь жить, нам надо от них избавиться.

Стью спросил, насколько эта проблема серьезна в настоящий момент, и Сью ответила, что по-настоящему серьезной она станет только к осени, когда сухая, жаркая погода сменится влажной и дождливой.

Ларри внес предложение внести вопрос о создании Похоронного Комитета в повестку митинга 18 августа. Предложение было принято единогласно.

Потом Ральф Brentner зачитал заявление, подготовленное Ником Андросом. Я привожу его слово в слово.

«Один из самых важных вопросов, стоящих перед нашим комитетом, заключается в том, должны ли мы во всем довериться Матушке Абагейл и рассказывать ей обо всем, что происходит на наших собраниях, как открытых, так и закрытых? Вопрос этот может быть сформулирован и иначе: Должна ли Матушка Абагейл во всем довериться нашему комитету и рассказывать нам обо всем, что происходит на ее встречах с Богом... в особенности на закрытых?»

Все это может звучать как полная чепуха, но на самом деле это сугубо прагматический вопрос. Нам надо определить место Матушки Абагейл в нашем сообществе, так как наша задача заключается не только в том, чтобы снова встать на ноги. Если бы дело было только в этом, она нам вообще бы не была нужна. Но, как мы все знаем, существует еще и проблема темного человека или, как его называет Глен, Врага. Мое доказательство его существования элементарно, и мне кажется, что большинство жителей Боулдера согласятся с моими доводами: мне снилась Матушка Абагейл, и она существует на самом деле; мне снился темный человек, и, следовательно, он должен существовать, хотя я его никогда не видел. Все здесь любят Матушку Абагейл, да я и сам ее люблю. Но мы далеко не уйдем — собственно говоря, мы вообще не сдвинемся с места, — если она не одобрит наши начинания.

Сегодня я пришел к ней и прямо задал ей вопрос, пойдет ли она вместе с нами. Она сказала, что пойдет, но у нее есть свои условия. Она была очень откровенна. Она сказала, что у нас есть полная свобода в том, что касается руководства «земной жизни» общества — так она выразилась. Уборка улиц, распределение жилья, ремонт электростанции.

Но она ясно заявила, что с ней должны советоваться по всем вопросам, имеющим отношение к темному человеку. Она верит в то, что мы являемся фигурами в шахматной партии между Богом и Сатаной. Главным агентом Сатаны в этой партии является Враг, который называет себя Рэнделлом Флеггом. По причинам, которые лучше знать Ему самому, Бог избрал ее *Своим* главным представителем. Она верит — и в этом я с ней согласен, — что приближается борьба не на жизнь, а на смерть. Она считает, что эта борьба — и есть самое важное, и она абсолютно непреклонна в том, что мы должны советоваться с ней по всем вопросам, связанным с этой борьбой... и *сним*.

Я не хочу вдаваться в религиозную подоплеку всего этого и спорить о том, права она или нет, но совершенно очевидно, что даже если мы отбросим всю подоплеку, перед нами

стоит проблема, с которой мы *обязаны считаться*. В связи с этим у меня есть несколько предложений».

Последовало обсуждение заявления Ника.

Ник внес предложение изъять из рассмотрения комитета всю теологическую, религиозную или сверхъестественную подоплеку проблемы Врага. Оно было принято единогласно.

Тогда Ник предложил, чтобы главной секретной задачей комитета было признано сопротивление силе, известной под именем темного человека. Врага и Рэнделла Флегга. Глен Бэйтмен поддержал предложение, добавив, что время от времени могут появляться и другие задачи — как например, создание Похоронного Комитета, — которые также являются очень важными. Предложение прошло единогласно.

Потом Ник внес свое самое первое предложение о том, что мы должны информировать Матушку Абагейл о всех делах комитета. Принято единогласно.

По просьбе Ника комитет перешел к непосредственному обсуждению проблемы темного человека. Ник предложил послать на запад трех добровольцев, чтобы они внедрились в лагерь темного человека и узнали, что там происходит.

Сью Стерн немедленно вызвалась быть добровольцем. После обсуждения Глен вынес предложение запретить всем членам Организационного Комитета, как временного, так и постоянного, который будет избран на митинге, участвовать в качестве добровольцев в выполнении этой задачи. Сью Стерн спросила, в чем причина этого.

Глен: «Мы все уважаем твое искреннее стремление помочь, Сюзан, но мы просто не знаем, вернутся ли те люди, которых мы посылаем, а если да — то когда это произойдет и в каком они будут виде. А пока у нас много работы по приведению в порядок жизни в Боулдере. Если ты уйдешь, нам придется вводить на твое место кого-то нового и посвящать его во все наши дела. По-моему, мы просто не можем позволить себе такой напрасной траты времени».

Сью: «Наверное, ты прав... или по крайней мере благоразумен... но иногда мне приходится удивляться, совпадают ли эти две вещи. Ты говоришь, что мы не можем послать никого из комитета, потому что мы так чертовски незаменимы. Ну и мы просто... просто...»

Стью: «Прячемся за чужими спинами?»

Сью: «Да, спасибо. Именно это я и хотела сказать. Мы прячемся за чужими спинами, а сами посылаем туда кого-нибудь другого, кто может быть распят на телеграфном столбе, или еще что-нибудь похуже».

Ральф: «Что может быть хуже?»

Сью: «Я не знаю, но если кто и *знает*, так это Флегг».

Глен: «Но мы теперь политики. Первые политики новой эры. Нам остается только надеяться, что причина, по которой мы подвергаем жизнь других людей опасности, более справедлива, чем те причины, по которым прежние политики делали то же самое».

Стью: «Никогда не думал, что стану политиком».

Ларри: «Добро пожаловать в клуб».

Предложение Глена о том, что никто из членов комитета не может пойти в разведку, было принято единогласно.

После этого началось обсуждение того, каких людей следует посылать в разведку и какие задачи перед ними надо ставить.

Ларри: «У меня есть предложение. Я бы послал Джаджа Фэрриса».

Сью: «Что? Этого старика? Ларри, ты, наверное, спятил».

Ларри: «Он самый проникательный человек из всех, кого я встречал. Кстати, ему всего

лишь семьдесят. Рональд Рейган был президентом и в более преклонном возрасте».

Фрэн: «Я бы не сказала, что это очень хорошая рекомендация».

Ларри: «Но он здоров и крепок. И я думаю, темный человек не заподозрит, что мы пошлем шпионить за ним какого-то старичка... а его подозрения мы должны принимать во внимание. Не удивлюсь, если узнаю, что он выставил специальных часовых, которые проверяют проходящих к нему людей на предмет их шпионской принадлежности. И кроме того — я знаю, что это прозвучит грубо, в особенности для Фрэн, — но если мы потеряем его, то нам не придется терять человека, которого ожидают впереди добрых пятьдесят лет жизни».

Фрэн: «Ты прав. Это действительно звучит грубо».

Ларри: «Я могу добавить только то, что Джадж согласится. Он действительно хочет помочь. И я действительно думаю, что он сумеет это сделать».

Глен: «Кто-нибудь еще хочет высказаться по этому поводу?»

Ральф: «Я не знаю этого джентльмена. Но, по-моему, неправильно подвергать человека опасности только потому, что он стар. В конце концов, вспомните, кто нами руководит — старая леди, которой за сто лет».

Сью: «Послушай, Ларри. Что если он проведет темного человека, а потом умрет от сердечного приступа, возвращаясь к нам?»

Стью: «Это может случиться почти с каждым. Или просто несчастный случай. По-моему, Ларри прав. Такого хода Флегг от нас не ждет. Я поддерживаю предложение. Кто за?»

Принято единогласно.

Сью: «Ну, я поддержала твоё предложение, Ларри — может быть, ты теперь поддержишь мое».

Ларри: «Да, такова политика. Так кого ты выдвигаешь?»

Сью: «Дайну».

Ральф: «Какую Дайну?»

Сью: «Дайну Джургенс. Она самая мужественная женщина из всех, кого я знаю. Конечно, у нее есть один недостаток: ей еще нет семидесяти, но думаю, если мы объясним ей, в чем дело, она согласится».

Фрэн: «Да — раз уж это действительно необходимо, то она подходит для этого. Я поддерживаю предложение».

Стью: «О'кей, кто за?»

Принято единогласно.

Глен: «Номер третий?»

Ник (Ральф читает): «Если Фрэн не понравилось предложение Ларри, боюсь, мое ей не понравится еще сильнее. Я предлагаю...»

Ральф: «Ник, ты сошел с ума!»

Стью: «Давай, Ральф, читай».

Ральф: «Ну ладно... здесь написано, что он предлагает... Тома Каллена».

Общий хохот.

Стью: «О'кей. Ник берет слово. Он исписал уже кучу бумаги, так что читай, Ральф».

Ник: «Во-первых, я знаю Тома так же хорошо, как Ларри знает Джаджа, а может быть, и лучше. Он любит Матушку Абагейл. Он готов пойти ради нее на все, в том числе и на то, чтобы быть поджаренным на медленном огне. Это действительно так, безо всяких гипербол».

Фрэн: «Ну, Ник, никто же с этим не спорит, но Том...»

Стью: «Помолчи, Фрэн — слово у Ника».

Ник: «Во-вторых, Враг не ожидает, что мы пошлем шпионить за ним умственно отсталого. Ваша единоклюнная реакция на мое предложение может быть самым лучшим аргументом в его пользу.

В-третьих, я хочу сказать, что хотя у Тома и есть задержка в умственном развитии, он не дурак. Однажды во время урагана он спас мне жизнь, и действовал он гораздо быстрее, чем кто бы то ни было в его ситуации. Том ведет себя как ребенок, но и ребенка можно кое-чему научить. Мы можем научить Тома какой-нибудь очень простой истории. В конце концов, даже если они поймут, откуда он, они могут предположить, что мы просто отослали его, потому что...»

Сью: «Потому что мы не хотели, чтобы он портил нам наследственность — здорово придумано».

Ник: «...потому что он умственно отсталый. Он может даже сказать, что ненавидит тех, кто прогнал его, и хочет вернуться, чтобы отомстить им».

Фрэн: «Нет, я просто не могу поверить...»

Стью: «Слово у Ника. Давайте соблюдать очередность».

Фрэн: «Да, извините меня».

Ник: «Кому-то из вас может показаться, что из Тома, потому что он умственно отсталый, будет легче вытрясти его историю, чем у человека с более развитым умом, но...»

Ларри: «Да».

Ник: «...но на самом деле, верно как раз обратное. Если я скажу Тому, что он просто *должен придерживаться той истории*, которую я ему расскажу, он так и сделает. И никакие пытки не заставят его отказаться от нее».

Сью: «Но если он так сроднится со своей выдуманной историей, то как он поймет, что пора возвращаться?»

Ральф: «Извините меня, мадам, но, похоже, здесь как раз об этом и написано».

Сью: «Ааа».

Ник (читает Ральф): «Мы можем попросить у Стена Ноготни сделать ему внушение в состоянии гипноза. У Стена была небольшая гипнотическая практика на вечеринках. Он попробовал загипнотизировать Тома, и это у него прекрасно получилось. Мы можем внушить ему, например, что он должен вернуться, когда луна будет полной. А когда он вернется, то, погрузив его в глубокий гипноз, мы сможем заставить его вспомнить все, что он видел».

Ральф: «Это конец записи».

Сью: «У меня вопрос, Ник. Ты собираешься запрограммировать Тома не выдавать никакой информации о том, что мы делаем?»

Глен: «Ник, позволь я отвечу на этот вопрос, а если ты будешь со мной не согласен, то просто покачай головой. Мне кажется. Тома вообще не надо программировать. Пусть расскажет все, что он о нас знает. Флеггу и так почти все известно о нас».

Ник: «Совершенно верно».

Глен: «Так я поддерживаю предложение Ника. На мой взгляд, проигрывать нам нечего — мы можем только выиграть. Это очень смелая и оригинальная идея».

Фрэн: «Ты говоришь, что проигрывать нам нечего, Глен. Ну, а как же сам Том? А как же наши собственные души? Как ты можешь быть таким хладнокровным? И Ник, гипнотизировать его, чтобы он вел себя, как... как курица, которой голову засунули в мешок? Как тебе не стыдно! А я-то думала, что он твой друг!»

Стью: «Фрэн...»

Фрэн: «Нет уж, я скажу. Неужели вы действительно хотите превратить этого милого мальчика в смертника? Неужели вы не понимаете, что мы начинаем все старое дерьмо

сначала? Что мы будем делать, если они убьют его, Ник? Что мы будем делать, если они убьют их всех? Выращивать новые вирусы? Улучшенную версию Капитана Шустрика?»

Наступила пауза, во время которой Ник писал ответ.

Ник (читает Ральф): «То, что сказала Фрэн, на меня очень глубоко подействовало, но я по-прежнему настаиваю на этой кандидатуре. Я не чувствую никакой радости по поводу того, что мы пошлем Тома туда, где он может быть подвергнут пыткам и убит. Но я хочу указать на то, что он сделает это ради *МатушкиАбагейл и ее идей*, а не ради нас. Я уверен в том, что мы должны использовать все находящиеся в нашем распоряжении средства, чтобы предотвратить угрозу с запада. Он распинает людей. Я знаю это из моих снов. Я знаю и то, что некоторым из вас также снился этот сон. Он снился и самой Матушке Абагейл. И я знаю, что Флегг — это зло. Если кто и разработает новую разновидность Капитана Шустрика, так это он — чтобы применить ее против нас. Мы должны остановить его, пока это еще в наших силах».

Фрэн: «Все это правда, Ник. С этим я не могу спорить. Я знаю, что он несет с собой зло. Но мы пытаемся остановить его с помощью его же средств. Я буду голосовать против. Если уж нам придется посылать людей на запад, то давайте по крайней мере посылать тех, кто понимает, на что идет».

Стью: «Кто-нибудь еще хочет высказаться?»

Глен: «Давайте голосовать, Стью».

Стью: «Хорошо, пойдем по кругу. Я голосую за».

Фрэн: «Против».

Стью: «Глен?»

Глен: «За».

Стью: «Сью?»

Сью: «Против».

Стью: «Ник?»

Ник: «За».

Стью: «Ральф?»

Ральф: «Ну, мне эта идея не особенно нравится, но раз Ник ее поддерживает, то я голосую „за“».

Стью: «Ларри?»

Ларри: «За».

Стью: «Предложение принимается пятью голосами против двух».

Фрэн: «Стью?»

Стью: «Да?»

Фрэн: «Я хочу переголосовать. Раз уж мы действительно пошлем Тома туда, то лучше сделать это всем вместе. Извини, что я подняла такой переполох, Ник. Фрэнни голосует „за“».

Сью: «Тогда я тоже. Единым фронтом».

Стью: «Повторное голосование единогласно. Вот платок, Фрэн. И я хочу, чтобы в стенограмме было зафиксировано, что я люблю тебя».

Ларри: «На этой ноте нам следует разойтись».

Сью: «Поддерживаю».

Принято единогласно.

— Ты идешь спать, Стью?

— Да. Уже поздно?

— Почти полночь.

Стью вошел в комнату с балкона. На нем были надеты одни белые шорты. Фрэнни в

очередной раз удивилась уверенной глубине того чувства, которое она к нему испытывала.

— Думаешь о собрании?

— Да, думал. — Он налил себе стакан воды из графина на ночном столике и сморщился от пресного, кипяченого привкуса. — Ты права, Фрэнни. Это грязное дело — посылать шпионов. Единственная неувязка в том, что Ник тоже прав. Что делать в такой ситуации?

— Проголосовать, как велит тебе совесть, и спать спокойно.

Она протянула руку к керосиновой лампе.

— Гасить свет?

— Да. Она погасила лампу, и он скользнул рядом с ней под одеяло. — Спокойной ночи, Фрэнни, — сказал он. — Я люблю тебя.

Она лежала, глядя в потолок. Она уже примирилась с их решением насчет Тома Каллена... но грязный шоколадный отпечаток никак не шел у нее из головы.

У КАЖДОЙ СОБАКИ ЕСТЬ СВОЙ ДЕНЬ, ФРЭН.

Может быть, надо сказать Стью прямо сейчас, — подумала она. Но ведь это ее трудности. Она просто должна подождать... понаблюдать... и посмотреть, не случится ли чего.

Заснула она не скоро.

Рано утром матушка Абагейл лежала в постели без сна. Она пыталась молиться.

Она поднялась, не зажигая лампу, и встала на колени в своей белой хлопчатобумажной ночной рубашке. Она прижалась лбом к Библии, которая была открыта на Деяниях Апостолов. Обращение непреклонного старого Савла на Дамасской дороге. Он был ослеплен светом, и пелена спала с его глаз. Деяния Апостолов были последней книгой в Библии, в которой доктрина подкреплялась чудесами, а что такое чудо, как не рука Бога в действии?

И ее глаза были закрыты пеленой. Суждено ли этой пелене когда-нибудь упасть?

— Укажи на мой грех. Господь. Я пребываю в неведении. Я знаю, что не обратила внимания на что-то, что должна была увидеть. Я не могу спать, не могу испражняться, и я не ощущаю Тебя, мой Господь. Я чувствую себя так, словно молюсь по испорченному телефону, а сейчас неподходящее время для таких чувств. Чем я оскорбила Тебя? Я слушаю, Господи. Я внимаю голосу моего сердца.

И она действительно слушала. Она закрыла глаза ладонями, склонилась еще ниже и попыталась очистить свое сознание. Но там все было темно.

«Прошу Тебя, господи, прошу Тебя...»

Но перед ее внутренним взором возникала лишь одинокая грязная дорога в море кукурузы. На ней была женщина с торбой, в которой лежали только что убитые куры. Появились ласки. Они бросались вперед и вцеплялись зубами в мешок. Они чувствовали запах крови, старой крови греха и свежей крови жертвы. Она слышала, как старая женщина возносит свои молитвы Господу, но голос ее был слабым и жалким, капризный голос, который не молил смиренно о том, чтобы исполнилась воля Бога, какое бы ей ни было отведено место в его планах, а требовал, чтобы Бог спас ее и она смогла бы закончить работу... свою работу... словно она знала, чего хочет Бог, и могла требовать подчинения Его воли своей. Ласки становились все смелей и смелей. В торбе появились большие дыры. А когда они съедят кур, им этого покажется мало, и они примутся за нее. Да. Так они и сделают...

А потом ласки разбежались в разные стороны, не доев свою добычу, и она подумала, в ликованиях: «Бог все-таки спас меня! Да возвеличится Имя Его! Бог спас свою преданную и верную слугу.»

«Не Бог, старуха. Я.»

Она обернулась, и на обочине, выйдя из кукурузы, словно серебристое привидение, стоял огромный горный волк, и челюсти его раскрылись в сардонической ухмылке, а глаза его горели. Вокруг его толстой шеи был побитый серебристый воротник, и с него свисал маленький кусочек черного янтаря... а в центре его была крошечная красная щель, похожая на глаз. Или на ключ.

«Я приду за тобой, Матушка. Не сейчас, но очень скоро. Мы затравим вас, как собаки травят оленей. Я — все, что ты обо мне думаешь, но я больше этого. Я волшебник. Я человек, который разговаривает с будущим. Твои люди знают меня лучше, чем ты, Матушка. Они называют меня Джоном Завоевателем.»

«Уходи! Оставь меня во имя Всемогущего Господа!»

Но как она была испугана! Не за людей, окружавших ее, которых во сне символизировали куры в торбе, но за саму себя. Она боялась за свою душу.

«Твой Бог не имеет надо мной никакой силы, Матушка. Он слишком слаб.»

«Нет! Неправда! Моя сила равна силе десяти человек. Я поднимусь на крыльях, как

орлы...»

Но волк усмехнулся и подошел ближе. Она вздрогнула, ощутив его тяжелое дыхание. Страх ее достиг максимальной степени. И волк, по-прежнему усмехаясь, начал говорить двумя голосами, спрашивая, а потом отвечая самому себе.

«Кто добыл воду из скалы, когда мы мучились жаждой?»

«Я», — ответил волк тоненьким наглым голоском.

«Кто спас нас, когда мы потеряли мужество?» — спросил усмехающийся волк, пасть которого была теперь от нее на расстоянии всего лишь нескольких дюймов.

«Я», — проскулил волк, подбираясь еще ближе.

«Так пади ниц и восхвали мое имя, я принес воду в пустыню, восхвали мое имя, я верный и преданный слуга, который приносит воду в пустыню, и мое имя — это также и имя моего Повелителя...»

Пасть волка раскрылась, чтобы поглотить ее.

— ...мое имя, — пробормотала она. — Восхвали мое имя, вознеси хвалу Богу, источнику благодати, вознесите хвалу Ему вы, создания, живущие на земле...

Она подняла голову и оглядела комнату. Ее Библия упала на пол. В окне, обращенном на восток, занималась заря.

— О, Господи! — закричала она громким, дрожащим голосом.

«Кто добыл воду из скалы, когда мы мучились жаждой?»

Господи, так вот почему пелена застилала ее глаза и мешала ей видеть то, что она должна была видеть?

Горькие слезы полились у нее из глаз. С трудом она поднялась с пола и подошла к окну. Артрит вонзал тупые иглы в суставы ее ног.

Она посмотрела в окно. Теперь она знала, что ей надо делать. Она вернулась к шкафу и сняла через голову свою ночную рубашку. Рубашка упала на пол. Теперь она стояла обнаженной, и тело ее было таким морщинистым, словно оно было руслом реки времени.

— Да исполнится воля Твоя, — сказала она и начала одеваться.

Через час она медленно шла по Мэплтон Авеню в направлении лесных зарослей и узких ущелий за пределами города.

Стью был на электростанции вместе с Ником, когда ворвался Глен.

— Матушка Абагейл, — сказал он без всяких предисловий, — Она ушла.

Ник метнул в него острый взгляд.

— Что ты такое говоришь? — спросил Стью, отводя его от группы людей, наматывавших медную проволоку на неисправные генераторы.

Глен кивнул. Он проехал пять миль на велосипеде и до сих пор не мог перевести дух.

— Я пришел ей рассказать о вчерашнем собрании. Я хотел, чтобы она узнала насчет Тома, потому что я как-то засомневался в этой идее... наверное, на меня подействовали слова Фрэнни. Я хотел сделать это пораньше, потому что Ральф сказал, что сегодня приходят еще две группы, а вы ведь знаете, что она любит принимать новоприбывших. Я пришел около половины девятого. ОНА НЕ ОТВЕТИЛА НА СТУК, И Я ВОШЕЛ.

Я подумал, что если она спит, то я просто уйду... но я хотел убедиться, что она не... не умерла или что-нибудь в этом роде... ведь ей *столько лет*.

Ник ни разу не оторвал глаз от губ Глена.

— Но ее там вообще не оказалось. А это я нашел у нее на подушке. — Он протянул им листок бумаги. Крупным, дрожащим почерком там было написано:

«Мне надо на какое-то время уйти. Я согрешила и возомнила, что знаю волю Бога. Моим грехом была ГОРДОСТЬ, и Он хочет, чтобы я опять обратилась к Нему.

Скоро я снова буду с вами, если будет на то Божья воля. Эбби Фримантл.»

— Что же нам теперь делать? — спросил Стью. — Как ты думаешь, Ник?

Ник взял записку и перечитал ее. Потом он отдал ее Глену. Выражение боли исчезло с его лица, осталась только грусть.

— По-моему, нам надо перенести общий митинг на сегодняшний вечер, — сказал Глен.

Ник покачал головой. Он достал свой блокнот, что-то написал на страничке, вырвал ее и вручил Глену. Стью прочитал записку, заглянув Глену через плечо.

— Человек предполагает. Бог располагает. Матушке Абагейл нравилось это выражение, она часто его повторяла. Глен, ты сам говорил, что она руководствуется в своей жизни иными принципами, чем мы. Что делать? Она ушла. Мы не можем этого изменить.

— Но ведь поднимется волнение... — начал Стью.

— Конечно, поднимется волнение, — сказал Глен. — Ник, не стоит ли нам по крайней мере устроить заседание комитета и обсудить проблему?

Ник нацарапал: «С какой целью? Зачем устраивать собрание, которое ничего не сможет решить?»

— Ну, мы можем организовать поисковый отряд. Она не могла уйти далеко.

Ник два раза обвел в кружок фразу: «Человек предполагает, а Бог располагает». Ниже он написал: «Если вы найдете ее, то как вы собираетесь привести ее сюда? В цепях?»

— Конечно, нет! — воскликнул Стью. — Но мы не можем просто так бросить ее на произвол судьбы, Ник! У нее появилась какая-то вздорная идея, что она обидела Бога. Что, если она решит пойти в какие-нибудь проклятые заросли, как какой-то парень из Ветхого Завета?

Ник написал: «Я почти уверен в том, что именно это она и сделала».

— Ну так пойдём за ней!

Глен положил руку Стью на плечо.

— погоди минутку, Восточный Техас. Давай-ка рассмотрим подоплеку этого дела.

— К черту эту подоплеку! Я не вижу никакой подоплеки в том, чтобы позволить старой женщине бродить черт знает где день и ночь, пока она не умрет от солнечного удара или переохлаждения!

— Она не обычная старая женщина. Она — Матушка Абагейл, и здесь она выступает в роли местного Папы Римского. Если Папа решит отправиться в Иерусалим, разве правоверный католик станет отговаривать его?

— Черт возьми, но ты же понимаешь, что это не одно и то же!

— Нет, это как раз одно и то же. Во всяком случае, так считают жители Свободной Зоны. Стью, готов ли ты ответственно утверждать, что Бог и в самом деле не велел ей уйти в леса?

— Не-ееет... Но...

Все это время Ник что-то писал, а теперь он протянул листок Стью.

«Стью, это ничего не меняет, разве что пострадает боевой дух Свободной Зоны. Да и в этом я не уверен. Люди не станут разбегаться, только потому что она ушла. Но это означает, что нам не придется немедленно посвящать ее в наши планы. Может быть, это и к лучшему».

— Я схожу с ума, — сказал Стью. — Иногда мы говорим о ней, как о препятствии, которое надо преодолеть, как будто она — это загор на дороге, А иногда ты говоришь о ней так, словно она Папа Римский и не может ни в чем ошибиться, даже если захочет. Но я люблю ее. Чего ты хочешь, Ники? Чтобы кто-нибудь споткнулся о ее труп этой осенью в одном из ущелий к западу от города? Хочешь оставить ее там, чтобы из нее получилась... священная пища для ворон?

— Стью, — мягко сказал Глен. — Ведь она сама решила уйти.

— Черт возьми, какая чепуха, — сказал Стью.

К полудню новость об исчезновении Матушки Абагейл распространилась. Как Ник и предсказывал, общим чувством оказалось скорбное смирение, а не тревога. Люди решили, что она ушла, чтобы молиться о Божьем наставлении, которое поможет всем выбрать правильный путь на общем митинге восемнадцатого августа.

— Не хочу богохульствовать, называя ее Богом, — сказал Глен во время скромного ленча в парке, — но она является чем-то вроде Его доверенного представителя.

Вы можете определить силу общественной веры, пронаблюдав, насколько эта вера ослабевает, когда исчезает ее эмпирический объект.

— Повтори-ка еще раз.

— Когда Моисей разбил золотого тельца, евреи перестали ему поклоняться. Но Христос удалился позавтракать уже на две тысячи лет, а люди не только верят в Его учение — они живут и умирают, не сомневаясь в том, что в конце концов Он придет. Вот именно так Свободная Зона и относится к Матушке Абагейл. Эти люди абсолютно уверены, что она вернется. Ты с ними разговаривал?

— Да, — сказал Стью. — Не могу в это поверить. Старая женщина разгуливает неизвестно где, а все думают о том, успеет ли она произнести Десять Заповедей на каменных табличках к общему митингу.

— Может быть, и успеет, — сказал Глен угрюмо. — Так или иначе, так думают далеко не все. Ральф Brentner, например, вырывает свои волосы с корнем.

— Молодец Ральф. — Он пристально посмотрел на Глена. — Ну а ты, лысый? Ты-то сам что думаешь?

— Прошу тебя не называть меня так. Это не вполне достойно. Но я скажу тебе... это немного забавно, но Старина Восточный Техас оказался куда более невосприимчивым к Божьим чарам, которыми она околдовала все общество, чем агностик-социолог. Я думаю, она вернется. Что думает Фрэнни?

— Не знаю. Я вообще не видел ее сегодня утром. Наверное, ест кузнечиков с медом вместе с Матушкой Абагейл. Господи, Глен, я так надеюсь, что с нашей старой леди все в порядке.

Фрэн даже не знала, что Матушка Абагейл ушла. Утро она провела в библиотеке, читая литературу по садоводству. И она оказалась не единственным читателем. Она заметила еще двух-трех человек с книгами по фермерству, очкастого молодого человека, сосредоточенно изучавшего книгу «Семь независимых источников энергии для вашего дома», и хорошенькую светловолосую девушку лет четырнадцати с потрепанной книжкой в бумажной обложке под названием «Шестьсот простых рецептов».

Она ушла из библиотеки около полудня и отправилась домой по Уолнат Стрит. По дороге она встретила Ширли Хэммет, женщину, которая путешествовала вместе с Дайной, Сюзан и Патти Крюгер. С тех пор Ширли стало значительно лучше. Теперь она выглядела как проворная и симпатичная городская кумушка.

Она остановилась, чтобы поздороваться с Фрэн.

— Как вы думаете, когда она вернется? Я у всех спрашиваю. Если бы в городе была газета, я бы написала туда письмо с просьбой провести опрос населения. Что-нибудь вроде: «Что вы думаете о позиции сенатора Бангхоула по поводу истощения запасов нефти?» Понимаете?

— Кто вернется?

— Матушка Абагейл, разумеется. Да вы что, девушка, с луны свалились?

— В чем, собственно, дело? — спросила Фрэнни с тревогой. — Что случилось?

— Вот так и все. Никто ничего толком не знает. — И Ширли рассказала Фрэн о том, что происходило в городе, пока она была в библиотеке.

— Просто взяла и... ушла? — спросила Фрэнни, нахмурившись.

— Да. Разумеется, она вернется, — добавила Ширли конфиденциальным тоном. — Так написано в записке.

— Если будет на то Божья воля?

— Это просто способ выразаться, я уверена, — сказала Ширли и посмотрела на Фрэн с некоторым холодком.

— Ну... я надеюсь. Спасибо, что рассказали мне, Ширли. У вас еще бывают головные боли?

— Нет, все прошло. Я буду голосовать за вас, Фрэн.

— Гмммм? — Мысли ее унеслись далеко, и на мгновение она не могла сообразить, что Ширли имеет в виду.

— На выборах в постоянный комитет!

— Аа. Хорошо, спасибо. Я пока не вполне уверена, что действительно хочу этим заниматься.

— Вы прекрасно справитесь. Вместе с Сюзи. Но мне надо идти, Фрэн. Счастливо.

Они разошлись в разные стороны. Фрэн поспешила домой, желая выяснить, нет ли у Стью какой-нибудь дополнительной информации. Но когда она вернулась домой, там никого не оказалось. Она опоздала минут на пятнадцать. Записка под сахарницей сообщала: «Вернусь к девяти тридцати. Я с Ральфом и Гарольдом. Ни о чем не беспокойся, Стью».

Ральф и Гарольд? — подумала она и ощутила внезапный укол ужаса, никак не связанный с исчезновением Матушки Абагейл. Но чего мне бояться за Стью? Господи, если Гарольд попытается сделать что-то... ну, что-то не совсем обычное... Стью разорвет его на части. Если только... если только Гарольд не подкрадется сзади и...

«Вернусь к девяти тридцати».

Господи, как долго ждать.

Она постояла на кухне еще несколько секунд, хмурясь на свой рюкзак, который она положила на кухонный стол.

«Я с Ральфом и Гарольдом».

Стало быть, маленький домик Гарольда на Арапахуу будет абсолютно пуст до девяти тридцати вечера. Если, конечно, они не там, а если они будут там, то она сможет удовлетворить свое любопытство. Она доедет туда на велосипеде в считанные минуты. Если там никого не окажется, то она может найти там что-нибудь, что даст ей наконец возможность расслабиться... или... но она не позволит себе думать об этом.

«Расслабиться? — переспросил внутренний голос. — Или окончательно свихнуться? Предположим, ты найдешь там что-то необычное? И что тогда? Что ты будешь делать с этим?»

Она не знала.

«Ни о чем не беспокойся, Стью».

Но она беспокоилась, и причиной этого был отпечаток пальца в ее дневнике. Потому что человек, который способен стащить твой дневник и тайком выведать твои мысли, — это человек, у которого нет принципов и правил. Такой человек может подкрасться сзади к тому, кого ненавидит, и столкнуть его с высоты. Или взять в руки камень. Или нож. Или револьвер.

«Ни о чем не беспокойся, Стью».

«Но если Гарольд сделает что-нибудь подобное, то он ведь не сможет вернуться в Боулдер. Что он тогда будет делать?»

Но Фрэн знала ответ на этот вопрос. Она еще не знала, совпадает ли реальный Гарольд с тем человеком, которого она себе вообразила, но в глубине души она знала, что для таких людей сейчас появилось прибежище.

Она надела на спину рюкзак и вышла за дверь. Через три минуты она уже ехала на велосипеде по Бродвею в сторону Арапахоу. По дороге она думала: «Они сидят в гостиной Гарольда, пьют кофе и разговаривают о Магушке Абагейл. И все чувствуют себя прекрасно. Просто прекрасно.»

Но маленький дом Гарольда был темен, пуст... и заперт.

Уже само по себе для Боулдера это было необъяснимой странностью. В старые времена люди запирали двери, когда уходили, чтобы не украли их телевизоры, стерео, драгоценности. Но теперь стерео и телевизоры были повсюду, и много же с них толку было без электроэнергии, а что касается драгоценностей, то можно отправиться в Денвер и привезти с собой целый мешок.

«Почему ты запер дверь, Гарольд, когда все вокруг стало бесплатным? Потому что никто так не боится кражи, как сам вор? Так?»

Она не была профессиональным взломщиком и уже смирилась с тем, что надо уезжать, когда ей пришла в голову мысль попробовать подвальные окна. Первое же из них неохотно распахнулось, пропуская ее в подвал.

Фрэн огляделась, но вокруг все было спокойно. Никто, кроме Гарольда, пока не поселился в таком отдаленном районе. И это тоже было странно. Гарольд мог улыбаться, пока лицо его не треснет надвое, похлопывать людей по плечу и проводить время в компании, он готов был с радостью предложить помощь, когда о ней просили, а иногда и безо всякой просьбы, он мог внушить людям симпатию к себе — и действительно, жители Боулдера были о нем очень высокого мнения. Но где он поселился? Это свидетельствовало о существовании несколько иного аспекта взглядов Гарольда на общество и свое место в нем... возможно. А возможно, он просто любил тишину и покой.

Она влезла в окно, запачкав блузку, и спрыгнула на пол. Теперь подвальное окно располагалось на уровне ее глаз. Гимнастом она была таким же, как и взломщиком, и чтобы вылезти отсюда, ей придется что-нибудь пододвинуть к окну.

Фрэн огляделась. Подвал был оборудован под игровую комнату. Повсюду валялись игрушки, а стены были увешаны плакатами. На самом большом из них был изображен Джордж Буш, выходящий из церкви в Гарлеме со вскинутыми вверх руками и широкой улыбкой на лице.

Фрэнни поднялась по лестнице и вошла в кухню. Здесь ничто не привлекло ее внимание, и она отправилась в гостиную. В гостиной было темно, настолько темно, что она почувствовала тревогу. Гарольд не только запирает двери, но и задергивал шторы. К чему задергивать шторы в городе, в котором это служит признаком того, что в доме никто нет, кроме трупов?

Гостиная, как и кухня, была аккуратно прибрана, но мебель выглядела тяжеловесной и не совсем новой. Лучшим местом в этой комнате был камин с таким широким кирпичным барьером, что на нем можно было сидеть. Она и присела на него, задумчиво оглядываясь вокруг. Когда она усаживалась, под ней шевельнулся расшатавшийся кирпич, и она уже собиралась было встать и посмотреть, что там такое, когда кто-то постучал в дверь.

Страх опустился на нее, как облако пуха. Она замерла на месте и затаила дыхание.

Снова раздался стук, на этот раз погромче.

«Господи, — подумала она. — Спасибо хоть шторы опущены.»

Вслед за этой мыслью сердце ей сжала холодная уверенность в том, что она оставила

велосипед где-нибудь на виду перед домом. Так ли это? Она не могла вспомнить.

Стук раздался еще раз, и женский голос спросил:

— Есть кто-нибудь дома?

Фрэн сидела, не шевелясь. Она неожиданно вспомнила, что оставила велосипед за домом, под бельевой веревкой. От фасада его не было видно. Но если посетитель пожелает попробовать заднюю дверь...

С неопишим облегчением Фрэн услышала, как шаги удаляются по цементной дорожке.

Повинуясь бессознательному импульсу, Фрэн бесшумно выбежала в прихожую и выглянула на улицу в узкую щелочку между рамой и краем шторы. Она увидела женщину с длинными темными волосами, в которых попадались абсолютно белые пряди. Женщина села на небольшой мотороллер, припаркованный у обочины. Заведя мотор, она откинула волосы назад и заколола их.

«Это Надин Кросс — женщина, которая пришла с Ларри Андервудом. Знает ли она Гарольда?»

Надин тронулась и вскоре скрылась из виду. Фрэн издала громкий вздох облегчения. Через пять минут, слишком перенервничавшая для того, чтобы продолжать поиски, Фрэн уже вылезала из окна. Ей удалось отпихнуть стул достаточно далеко, чтобы нельзя было заподозрить, что кто-то с его помощью вылезал в окно. Стул, правда, стоял теперь немного в стороне от своей прежней позиции, но люди редко обращают внимание на такие вещи... да и не похоже на то, что Гарольд часто пользуется подвалом.

Она закрыла окно и пошла за велосипедом. Через пятнадцать минут она уже была у себя дома.

Дома никого не оказалось.

Она открыла свой дневник, посмотрела на шоколадный отпечаток пальца и подумала о том, куда мог исчезнуть Стью.

«Стью, пожалуйста, приходи. Ты нужен мне.»

После ленча Стью расстался с Гленом и вернулся домой. Он сидел в гостиной и думал о том, куда могла уйти Матушка Абагейл, когда в дверь постучали.

— Стью? — позвал Ральф Brentner. — Эй, Стью, привет, ты дома?

С Ральфом был Гарольд Лаудер. Его улыбка сегодня потускнела, но не исчезла окончательно. Он выглядел как веселый посетитель похорон, старающийся сохранять серьезный вид.

Ральф, очень обеспокоенный исчезновением Матушки Абагейл, встретил Гарольда полчаса назад. Гарольд возвращался домой после того, как помогал таскать воду из боулдеровского ручья. Ральфу Гарольд нравился, так как он всегда был готов послушать чужие жалобы и посочувствовать им... и никогда не требовал ничего взамен. Ральф рассказал ему о том, как исчезла Матушка Абагейл, и о том, как он боится, что у нее может случиться сердечный приступ, или она сломает одну из своих хрупких костей, или умрет от солнечного удара или переохлаждения, если ее не найти до ночи.

— А ты ведь знаешь, что почти каждый вечер идет дождь, — закончил Ральф, уже когда Стью наливал им кофе. — Если она промокнет, она наверняка простудится. А что потом? Воспаление легких, наверное.

— Но что мы-то можем сделать? — спросил у них Стью. — Мы не можем заставить ее вернуться, если она не хочет.

— Нет, — уступил Ральф. — Но у Гарольда есть одна великолепная идея.

Стью перевел глаза на Гарольда.

— Как твои дела, Гарольд? — спросил он.

— Прекрасно. А ты?

— Прекрасно.

— А Фрэн? Ты заботишься о ней?

— Делаю все, что могу. Так в чем же твоя идея?

— Ну, смотри. Я понимаю точку зрения Ника. И Глена тоже. Они считают, что Свободная Зона смотрит на Матушку Абагейл как на религиозный символ.

— Что ты имеешь ввиду под религиозным символом?

— Я бы назвал ее земным воплощением заключенного с Богом завета, — сказал Гарольд, и глаза его слегка затуманились. — Как священные коровы в Индии.

— Да, точно, — сказал Стью. — Эти коровы... им ведь разрешают ходить по улицам и устраивать автомобильные пробки, так? Они могут заходить в магазины, а могут и вообще уйти из города.

— Да, — подтвердил Гарольд. — Но большинство коров больны, Стью. Они всегда находятся на грани голода. Некоторые больны туберкулезом. И все потому, что они являются религиозным символом. Люди уверены в том, что Бог о них позаботится, совсем как жители Боулдера уверены в том, что Он позаботится о Матушке Абагейл. Но у меня есть свои сомнения по поводу Бога, который считает, что бедной бессловесной корове можно позволить бродить черт знает где, мучаясь от боли.

Лицо Ральфа на мгновение потемнело, и Стью понял угадал его чувства. Стью и сам почувствовал то же самое, и это позволило ему понять, что значит для него Матушка Абагейл. Он почувствовал, что Гарольд был очень близок к богохульству.

— Но как бы то ни было, — сказал Гарольд резко, оставляя тему индийских священных коров, — мы не можем изменить мнение людей о Матушке Абагейл.

— Не можем и не хотим, — быстро добавил Ральф.

— Правильно! — воскликнул Гарольд. — В конце концов, именно она нас объединила, и не только с помощью радиопередатчика. Моя идея заключается в том, что мы сядем на свои верные мотоциклы и прочедем местность к западу от Боулдера. Если мы не будем слишком удаляться друг от друга, то мы сможем поддерживать связь с помощью радиотелефонов.

Стью кивал. Именно это ему и хотелось сделать весь день. Независимо от священных коров и Бога, было просто неправильно оставлять ее одну. Это не имеет никакого отношения к религии — это просто бездушная черствость.

— А если мы найдем ее, — сказал Гарольд, — мы сможем спросить, не нужно ли ей чего-нибудь.

— Например, чтобы мы подвезли ее до города, — вставил Ральф.

— В крайнем случае, мы разобьем над ней шатер, — сказал Гарольд.

— О'кей, — сказал Стью. — Я думаю, что это чертовски хорошая идея, Гарольд. Позволь только, я оставлю записку для Фрэн.

Но пока он писал записку, у него возникло непреодолимое желание обернуться и посмотреть через плечо на Гарольда, чтобы увидеть, чем занят Гарольд, когда Стью на него не смотрит, и какое выражение застыло в его глазах.

Гарольд вызвался обследовать извивающийся участок дороги между Боулдером и Недерландом, так как именно здесь, по его расчетам, вероятность наткнуться на Матушку Абагейл была меньше всего. Даже он, пожалуй, не смог бы дойти от Боулдера до Недерланда за один день, а что уж говорить об этой старой чокнутой дуре. Но у него появилась возможность прокатиться и кое о чем подумать.

Теперь, без четверти семь, по пути обратно он решил немного отдохнуть. Радиотелефон, который он повесил на руль «Хонды», слабо потрескивал голосом Ральфа Brentnera. Радиус

действия телефонов был не очень велик, а Ральф был где-то на Флэгстаффе.

Потом в телефоне послышался голос Стью. Он звучал громче и ближе. Стью был в парке Чатакуа, всего лишь в четырех милях от местоположения Гарольда.

— Повтори еще раз, Ральф.

Снова раздался голос Ральфа. Похоже, Ральф орал изо всех сил. Может быть, у него случится удар. Прекрасное событие, чтобы закончить день.

— Здесь ее нет. Прежде чем стемнеет, я спускаюсь! Перехожу на прием.

— Гарольд! — раздался голос Стью. — Вызываю Гарольда Лаудера! Ты слышишь, Гарольд?

Гарольд поднялся, подошел к мотоциклу, нажал на телефоне переговорную кнопку и произнес приятным голосом, в котором сквозила необходимая нота обескураженности:

— Я здесь. Я спускался с дороги. Думал, что кто-то лежит в канаве. Но это просто старая куртка. Перехожу на прием.

— О'кей. Почему бы тебе не приехать в Чатакуа, Гарольд? Подождем вместе Ральфа.

Любишь раздавать приказы, жополиз? У меня есть, что тебе ответить. Есть.

— Гарольд, ты слышишь?

— Да, извини, Стью. Я просто витал в облаках. Я могу быть там через пятнадцать минут.

— Ты слышишь нас, Ральф? — завопил Стью так, что Гарольд вздрогнул.

— Оставайся в парке Чатакуа, — голос Ральфа пробивался сквозь густые помехи. — Я еду туда. Отбой.

— Я тоже еду, — сказал Гарольд. — Отбой.

Он выключил радиотелефон, сложил антенну и снова повесил его на руль. На секунду он застыл на «Хонде», не заводя двигатель. На нем была армейская куртка. Теплая подкладка не помешает, когда едешь на мотоцикле на высоте шести тысяч футов, даже если дело происходит в августе. Но куртка служила и для другой цели. В ней было много карманов на молниях, и в одном из них лежал «Смит-Вессон»-38. Гарольд достал револьвер и повертел его в руках. Револьвер был заряжен.

Сегодня?

А почему бы и нет?

Он затеял эту поездку потому, что у него мог возникнуть шанс остаться со Стью наедине на достаточно долгий срок. Похоже, такой шанс ему представился. Но у поездки была и еще одна цель.

Он не собирался доезжать до Недерланда, жалкого, маленького городишки, примостившегося рядом с Боулдером и известного только тем, что якобы там однажды останавливалась Патти Херст. Но по мере того, как он ехал все дальше и дальше, что-то изменилось.

Если положить магнит на один конец стола, а кусок металла — на другой, то ничего не произойдет. Но если слегка подталкивать кусок металла к магниту, то в один прекрасный момент он станет продвигаться вперед немного дальше, чем можно было бы ожидать, исходя из силы толчка. Подтолкните его еще пару раз, и равновесие между силой трения и силой притяжения магнита нарушится.

Кошмарный, зачаровывающий процесс.

По пути в Недерланд, на запад, Гарольд почувствовал, как точно такой же процесс начинается в нем самом.

Было без десяти семь. К половине восьмого он сможет прикончить их обоих. Фрэн не поднимет тревогу до десяти тридцати, а к тому времени он будет уже далеко. Но всего этого не случится, если он будет сидеть без движения и терять время.

«Хонда» завелась со второй попытки. Хороший мотоцикл. Гарольд усмехнулся. Гарольд излучал радостное веселье. Он поехал по направлению к парку Чатакуа.

Сумерки уже начались сгущаться, когда Стью услышал, как мопед Гарольда въехал в парк. Через мгновение он увидел, как передняя фара «Хонды» замелькала между деревьями. Потом он увидел одетую в шлем голову Гарольда, которая поворачивалась туда-сюда, высматривая его.

Стью замахал руками и закричал. Гарольд увидел его, помахал в ответ и перешел на вторую передачу.

После сегодняшнего дня Стью стал думать о Гарольде значительно лучше... лучше, чем когда-либо. Идея Гарольда была великолепной, пусть даже она и не принесла результатов. И Гарольд настоял на том, что будет искать по дороге на Недеerland... холодновато, должно быть, там, даже несмотря на теплую куртку. Когда Гарольд подъехал, Стью заметил, что вечная улыбка Гарольда стала теперь больше похожа на гримасу. Лицо его было напряженным и слишком бледным. Разочарован, что затея не удалась, — подумал Стью. Он почувствовал внезапный укол стыда за то, что они с Фрэнни всегда считали, будто постоянная улыбка Гарольда и его слишком дружелюбное обращение с людьми — всего лишь нечто вроде камуфляжа. Задумывались ли они когда-нибудь о том, что парень просто пытается начать жизнь с чистой страницы, и у него просто не все пока получается?

— Совсем ничего? — спросил он Гарольда, поднимаясь с камня.

— Ничего, — сказал Гарольд. Улыбка появилась снова, но она была больше похожа на маску. Лицо его было смертельно бледным. Руки его были засунуты в карманы куртки.

— Неважно. Это была отличная идея. Скорее всего, она уже вернулась к себе домой. А если нет, то мы можем продолжить поиски завтра.

— Но это уже будет больше похоже на поиски трупа.

Стью вздохнул.

— Может быть... да, может быть. Не хочешь ли поехать ко мне поужинать, Гарольд?

— Что? — Стью показалось, что Гарольд слегка отшатнулся в сгущавшийся под деревьями сумрак. Улыбка его стала еще напряженней.

— Поужинать, — терпеливо повторил Стью. — Фрэнни будет рада тебя видеть. Честное слово. Она действительно будет рада.

— Ну, может быть, — сказал Гарольд, по-прежнему выглядя неуверенно. — Но я... ну, ты же знаешь, как я к ней отношусь. Может быть, будет лучше, если мы... просто отложим это ненадолго. Ничего личного. Вы двое так хорошо друг с другом ладите. Я знаю об этом. — На губах у него снова засияла искренняя улыбка. Она была заразительной, и Стью улыбнулся в ответ.

— Тебе решать, Гарольд. Но дверь открыта, в любой момент.

— Спасибо.

— Да нет, это я должен благодарить тебя, — сказал серьезно Стью.

— Меня?

— За то, что ты поднял нас на поиски, когда остальные бросили все на произвол судьбы. Пусть даже нам и не удалось ее найти. Разреши, я пожму тебе руку. — Стью протянул руку для рукопожатия. Гарольд уставился на нее отсутствующим взглядом, и на мгновение Стью показалось, что его жест не будет принят. Потом Гарольд вынул правую руку из кармана куртки — казалось, она зацепилась за что-то, может быть, за молнию — и пожал руку Стью. Рука Гарольда была теплой и немного потной.

Стью посмотрел на дорогу.

— Ральф уже должен быть здесь. Надеюсь, он не попал в аварию, спускаясь с этой

чертовой горы. Он... а вот и он.

Стью вышел на обочину. Вдалеке засверкала фара и принялась играть в прятки за деревьями.

— Да, это он, — сказал Гарольд позади Стью странным бесцветным голосом.

— И с ним кто-то едет.

— Ч-что?

— Вон там. — Стью показал на вторую фару, которая двигалась вслед за первой.

— Аааа. — Опять этот странный голос. Стью обернулся.

— С тобой все в порядке, Гарольд?

— Просто устал.

Второе транспортное средство принадлежало Глену Бэйтмену и оказалось малосильным мопедом. Рядом с ним мотороллер Надин выглядел как «Харли». Позади Ральфа ехал Ник Андрос. Ник пригласил всех отправиться к ним с Ральфом домой и выпить кофе и (или) бренди. Стью согласился, но Гарольд извинился и сказал, что не может.

«Он так чертовски разочарован», — подумал Стью. Симпатия, которую он ощутил к Гарольду, была не только сильнее, чем когда-либо, но и длительнее. Он повторил приглашение Ника, но Гарольд только покачал головой и сказал Стью, что он уже вымотался за день, и что ему надо поскорее лечь спать.

К тому времени, когда он добрался до дома, он так дрожал, что едва смог вставить ключ в замочную скважину. Когда он наконец открыл дверь, он ринулся внутрь, словно за ним по пятам гнался маньяк. Он захлопнул дверь, повернул ключ и задвинул засов. Потом он на мгновение прислонился к двери с откинутой головой и с закрытыми глазами, находясь на грани истерических рыданий. Когда он снова овладел собой, он пробрался из прихожей в гостиную и зажег все три керосиновые лампы. В комнате стало светло.

Он сел на свой любимый стул и закрыл глаза. Когда сердце его стало стучать медленнее, он подошел к камину, вынул незакрепленный кирпич и достал свой дневник. Потом он снова сел, перелистнул страницы на то место, где он в последний раз остановился, немного помедлил и написал: «14 августа 1990 г.» Он писал почти полтора часа.

Он убрал дневник и закрыл его кирпичом. Теперь он был спокоен. Все свои чувства он перенес на бумагу. Он передал страницам всю свою ненависть и весь свой страх, но решение его осталось неизменным. Это хорошо. Иногда после того, как он писал в дневник, им овладевало беспокойное, нервное чувство. Тогда он знал, что в чем-то сфальшивил или писал без усилия, которое необходимо для того, чтобы заточить тупой край правды до такой степени, чтобы при прикосновении к нему выступила кровь. Но этим вечером он положил на место свой дневник в состоянии покоя и безмятежности.

Гарольд подошел к окну и посмотрел на пустынную улицу. Он спокойно размышлял о том, как близок он был к тому, чтобы достать револьвер и попытаться уложить их всех. Но в последний момент какой-то перетершийся канат все-таки удержал его, вместо того, чтобы порваться.

Теперь ему хотелось спать. День был длинным и полным событий.

Расстегивая рубашку, Гарольд потушил две из трех керосиновых ламп, а последнюю взял с собой в спальню. Когда он проходил через кухню, взгляд его упал на открытую дверь в подвал.

Он замер.

Потом он подошел к двери, высоко подняв лампу и спустился по первым трем ступенькам. Спокойствие в его сердце уступило место страху.

— Кто там? — крикнул он. Ответа не последовало. В свете лампы он видел плакаты на

стенах. Он спустился еще на три ступеньки. — Здесь есть кто-нибудь?

Нет. Он почувствовал, что там никого не было. Но его страх от этого не стал меньше.

Потом он спустился вниз и внимательно осмотрел пол. Под окном было просыпано немного засохшей земли. Гарольд опустил лампу вниз. На земле, четкий, как отпечаток пальца, был след от теннисной туфли... не пересекающиеся под прямым углом полосы и не зигзаги, а набор кругов и линий. Он уставился на след, выжигая его в своем мозгу, а потом ударом ноги превратил его в небольшое облачко.

— Ты заплатишь! — тихо крикнул Гарольд. — Кто бы ты ни был, ты заплатишь за это!

Он поднялся по лестнице и долго ходил по дому, отыскивая другие знаки непрошеного вторжения. Он ничего не нашел. В конце концов он оказался в гостиной, и спать ему совсем не хотелось. Он уже внутренне соглашался с мыслью о том, что кто-то — возможно, ребенок — влез к нему просто из любопытства, когда мысль о дневнике взорвалась у него в мозгу, как сигнальная ракета в полночном небе. Мотив вторжения был таким очевидным, таким ужасным, что он чуть было его не просмотрел.

Он подбежал к камину, поднял кирпич и схватил дневник. В первый раз он по-настоящему понял, насколько же опасна эта тетрадь. Если кто-нибудь найдет ее, то все будет кончено. Кому, как не ему знать об этом? Разве для него все не началось с дневника Фрэн?

Он взял дневник с собой в спальню и положил его под подушку вместе со «Смит-Вессоном», думая о том, что надо сжечь его, но прекрасно зная, что никогда не сможет этого сделать.

Стью вернулся в четверть десятого. Фрэн лежала, свернувшись калачиком на двуспальной кровати. На ней была одна из его рубашек — она доходила ей почти до колен, — а в руках она держала книгу под названием «Пятьдесят дружественных растений». Когда он вошел, она быстро встала.

— Где же ты был? Я так беспокоилась!

Стью объяснил, что у Гарольда возникла идея отправиться на поиски Матушки Абагейл, чтобы хотя бы узнать, где она. О священных коровах он не упомянул.

— Мы бы взяли тебя с собой, малышка, но тебя нигде нельзя было найти.

— Я была в библиотеке, — сказала она, наблюдая за тем, как он снял с себя рубашку и положил ее в мешок для грязного белья.

Гарольд читал ее дневник — теперь она была в этом уверена. Она ужасно боялась, что Гарольд может заманить Стю в какое-нибудь уединенное место и... ну, сделать с ним что-нибудь. Но почему сейчас, сегодня, когда она только что все узнала? Если уж Гарольд столько времени ничего не предпринимал, то не логичнее ли было бы предположить, что он так никогда ничего и не предпримет? И разве не возможно, что, прочитав ее дневник, Гарольд увидел всю бессмысленность своих ухаживаний за ней?

— Никаких следов, Стю?

— Никаких.

— Как выглядел Гарольд?

— Очень изнуренным и расстроенным из-за того, что его идея не принесла плодов. Я пригласил его на ужин в любой день. Надеюсь, ты не будешь против. Знаешь что, мне кажется, что этот сосунок начинает мне нравиться. Ничего, что я пригласил его?

— Все в порядке, — ответила она после продолжительной паузы. — Мне хотелось бы поддерживать с Гарольдом хорошие отношения.

— Если Матушка Абагейл к утру не появится, — сказал Стю, — наверное, я предложу Гарольду снова отправиться на поиски.

— Я тоже поеду, — быстро сказала Фрэн. — Найдутся и еще несколько человек, которые

не до конца уверены в том, что еду ей приносят дикие звери. Один из них — Дик Воллмен. Другой — Ларри Андервуд.

— Прекрасно, — сказал он и лег рядом с ней. — Скажи, что у тебя надето под этой рубашкой?

— Такой большой и сильный мужчина, как ты, мог бы выяснить это и без посторонней помощи.

Под рубашкой ничего не оказалось.

Следующий день прошел в безрезультатных поисках. Спустя еще один день Глен Бэйтмен ворвался в квартиру Фрэн и Стью без стука. Фрэн была в гостях у Люси Сванн, где они пытались приготовить тесто для пирогов. Стью читал вестерн Макса Брэнда. Он поднял глаза и увидел Глена, лицо которого было бледным и испуганным. Книга выпала у него из рук.

— Стью, — сказал Глен. — Ой, парень, как я рад, что ты дома.

— Что случилось? — резко спросил он Глена. — Кто-то нашел ее?

— Нет, — сказал Глен и сел так стремительно, словно ноги его внезапно подкосились.

— Так в чем дело?

— Новости скорее хорошие, а не плохие. Но это очень странно. Коджак пришел. Я дремал после ленча, а когда я проснулся и вышел за дверь, Коджак крепко спал на веранде.

— Ты хочешь сказать, *собака? Тотсамый Коджак?*

— Именно это я и хочу сказать.

— Ты уверен?

— Абсолютно. Он, правда, исхудал и не раз вступал в драки. Дик Эллис

— Дик был страшно рад иметь дело с животным, ради разнообразия — говорит, что один глаз у него теперь не видит. Он дал ему успокоительное и забинтовал живот. Дик сказал, что Коджак дрался с волком, а может быть, и не с одним. Но бешенством он не болен. — Глен медленно покачал головой, и две слезы скатились по его щекам. — Этот чертов пес вернулся ко мне. Какой я был мерзавец, что оставил его одного.

— Но мы же не могли увезти его на мотоциклах, Глен.

— Да, но... он *следовал за мной*, Стью. О таких вещах мы читали в «Стар Уикли»... Преданная Собака Следовала за Своим Хозяином Две Тысячи Миль. Как он смог добраться сюда? Как?

— Может быть, так же, как и мы. Ты ведь знаешь, что собакам тоже сняться сны.

Глен ошеломленно покачал головой.

— Ты хочешь сказать, что ему снилось?..

— А что в этом такого удивительного?

— Да нет, ничего. Хочешь пойти посмотреть на него?

— Обязательно.

Дом Глена стоял на Спрюс Стрит, примерно в двух кварталах от отеля «Боулдерадо». Плющ, обвивавший решетку веранды, теперь весь засох. Засохли почти все лужайки и цветы в Боулдере, так как водопровод не функционировал и поливать их не было возможности.

На веранде стоял небольшой круглый столик, на котором была бутылка джина и тоник.

— Ну не омерзительный ли напиток без льда? — спросил Стью.

— После третьей обычно бывает без разницы, — ответил Глен.

Коджак лежал на веранде, и его потрепанная морда мирно покоилась на передних лапах. Собака была тонка, как спичка, и сильно ободрана, но Стью сразу же ее узнал. Он присел на корточки и стал гладить Коджака по голове. Коджак ухмыльнулся по-собачьи.

— Хорошая псина, — сказал Стью, чувствуя, как к горлу подступает комок. — Хорошая псина, — повторил он, и Коджак застучал хвостом по дощатому полу.

— Зайду на минутку в дом, — глухо сказал Глен. — Мне надо в туалет.

— Да, — сказал Стью, не поднимая глаз. — Эй, Коджак, скажи, разве ты не классный парень?

В знак согласия Коджак еще сильнее завилял хвостом.

— Можешь перекатиться на спину? Умри, парень. Перекатись на спину.

Коджак повиновался. Стью озабоченно посмотрел на повязку, наложенную Диком Эллисом. По краям он мог видеть глубокие царапины, которые, без сомнения, под повязкой были еще глубже. Кто-то напал на него, и этот кто-то не был другой бродячей собакой. Собака вцепилась бы ему в глотку. Может быть, это были волки? Но как он сумел от них уйти? Как бы то ни было, ему здорово повезло, что его внутренности остались при нем.

Глен снова вышел на веранду.

— Тот, кто напал на него, чуть не выпустил ему кишки, — сказал Стью.

— Раны были глубокими, и он потерял много крови, — согласился Глен. — Я не могу избавиться от мысли, что в этом есть и моя вина.

— Так Дик говорит, это были волки?

— Волки или койоты... но он считает, что койоты вряд ли смогли бы нанести такие серьезные раны, и я согласен с ним.

Стью похлопал Коджака по брюху, и Коджак перекатылся обратно.

— Как это получилось, что все собаки подошли, а волки остались?

— Мы этого никогда не узнаем, — сказал Глен. — Точно так же, как и то, почему эта чертова эпидемия убила всех людей, кроме нас. Я даже думать об этом не хочу. Я хочу только заготовить большой запас гейсбургеров и сытно его кормить.

— Да. Стью посмотрел на Коджака. — Его здорово потрепали, но причиндалы его в полном порядке — я убедился в этом, когда он перевернулся на спину. Надо нам смотреть, не появится ли где сука.

— Пожалуй, — сказал Глен задумчиво. — Хочешь теплого джина с тоником. Восточный Техас?

— Ну уж нет. А пиво у тебя найдется?

— Баночка где-то завалялась. Правда, тоже теплое.

— Сойдет. — Он пошел за Гленом в дом, но остановился у двери и посмотрел на спящего пса. — Спи крепко, старина, — сказал он Коджаку. — Мы рады, что ты пришел.

Вслед за Гленом он ушел в дом.

Коджаку, который по старой памяти иногда еще думал о себе, как о Биг Стиве (таково было его настоящее имя), снилась Небраска. Из кукурузы к нему направлялись четыре волка. Во время сна он выпускал когти, и лапы его подергивались.

Выдержки из стенограммы собрания Организационного Комитета, состоявшегося 17 августа 1990 года

«Собрание было проведено в доме Ларри Андервуда на Сорок Второй улице. Присутствовали все члены комитета.

Первым обсуждался вопрос о завтрашних выборах постоянного комитета Боулдера. Слово было предоставлено Фрэн Голдсмит.

Фрэн: «И Стью, и я согласились на том, что лучший способ быть избранным в постоянный комитет заключается в том, чтобы Матушка Абагейл поддержала весь наш список. Но теперь нам придется действовать иначе. Я не собираюсь предлагать вам какие-нибудь недемократические средства, но я хочу еще раз подчеркнуть, что каждый из нас должен быть уверен, что найдутся люди, которые выдвинут и поддержат его кандидатуру. Разумеется, мы не можем выдвигать и поддерживать друг друга — это будет слишком похоже на мафию».

Глен: «Мы снова начинаем обсуждать проблемы морали, и хотя я уверен, что для всех нас эта тема исполнена неиссякаемого очарования, мне хотелось бы забыть о ней на ближайшие несколько месяцев».

Потом Глен сказал, что хочет выступить перед комитетом по вопросу разведчиков, или шпионов, или как их еще назвать, но он предлагает провести заседание по этому вопросу девятнадцатого числа. Стью спросил, почему нельзя сделать это сейчас.

Глен: «Потому что девятнадцатого числа кого-то из нас может здесь не оказаться. Кого-то могут забаллотировать. Конечно, это маловероятно, но никто не знает, как поведет себя большая группа людей, если их собрать в одном месте. Нам следует быть максимально осторожными».

Было единогласно решено встретиться девятнадцатого числа — уже в качестве Постоянного Комитета — и обсудить проблему разведчиков... или шпионов... или как их еще назвать.

Стью было предоставлено слово по третьему вопросу, связанному с Матушкой Абагейл.

Стью: «Как вы все знаете, она ушла по своим собственным причинам. В записке написано, что она уходит на некоторое время, что означает довольно неопределенный срок, и что она вернется, если на то будет Божья воля. Все это внушает не слишком большие надежды. Мы искали ее уже три дня и не обнаружили никаких следов. Мы не собираемся тащить ее насильно в город, если она не захочет, но если она лежит где-нибудь со сломанной ногой или без сознания, то это совсем другая ситуация. Часть проблемы заключается в том, что нас слишком мало, чтобы обыскать все заросли в округе. Но другая часть проблемы имеет отношение к тому же, что замедляет нашу работу на электростанции. Речь идет об отсутствии организованности. Поэтому я прошу вашего разрешения внести в повестку дня завтрашнего митинга пункт об организации поисковых работ. И я хотел бы, чтобы ответственным за поиски был избран Гарольд Лаудер, так как идея эта изначально принадлежит ему».

Глен сказал, что, по его мнению, через неделю от поискового отряда вряд ли придется ждать особо утешительных новостей. В конце концов, леди, о которой идет речь, уже исполнилось сто восемь лет. Комитет согласился с этим соображением, а потом единогласно проголосовал за предложение Стью. Точности ради я должна добавить, что прозвучало несколько возражений против кандидатуры Гарольда Лаудера... но, как указал Стью, это

была изначально его идея, и не поставить его во главе поискового отряда — это все равно что дать ему пощечину.

Ник: «Я снимаю свое возражение против кандидатуры Гарольда, но не отказываюсь от сомнений общего порядка. Просто он мне не очень нравится».

Ларри Андервуд предложил закончить собрание. Ральф поддержал его.

Принято единогласно. Фрэнсис Голдсмит, секретарь.»

На следующий вечер на митинг пришли почти все, и впервые Ларри Андервуд, пробывший в Свободной Зоне только одну неделю, получил представление о том, насколько многочисленным становилось сообщество. Зал в парке Чатакуа был полон. Часть людей даже сидела в проходах, а некоторые стояли сзади. Впервые за то время, что он пробыл в Боулдере, весь день шел дождь. Мелкие капельки повисли в воздухе, и даже сквозь шум, производимый шестьюстами людьми, можно было слышать тихий шорох дождя. Внутри громче всего было слышно постоянное шуршание бумаги. Люди разглядывали отпечатанные на мимеографе повестки дня, которые лежали на двух карточных столиках, поставленных у самого входа.

Повестка дня гласила:

СВОБОДНАЯ ЗОНА БОУЛДЕРА Повестка общего митинга 18 августа 1990 года 1. Зачтение и ратификация Конституции Соединенных Штатов Америки.

2. Зачтение и ратификация Билля о правах.

3. Избрание Постоянного Комитета из семи человек для управления Свободной Зоной Боулдера.

4. Наделение правом вето Абагейл Фримантл по кругу вопросов, перечень которых определяют представители Свободной Зоны.

5. Создание Похоронного Комитета по крайней мере из двадцати человек для захоронения жертв эпидемии супергриппа в Боулдере.

6. Создание Комитета по Энергетике по крайней мере из шестидесяти человек, задачей которого будет возобновление подачи электроэнергии до холодов.

7. Создание Поискового Комитета по крайней мере из пятнадцати человек, задачей которого будет определение местонахождения Абагейл Фримантл, если это окажется возможным.

Стью прошел через сцену к кафедре, и его красный свитер и синие джинсы ярко сияли в неровном свете ламп, работавших от генератора, установленного Бредом Китченером и частью его команды. Где-то в центре зала раздались аплодисменты, и Ларри цинично предположил, что они были организованы Гленом Бэйтменом. Но в конце концов, это неважно. Первые жидкие хлопки переросли в громкую овацию. Стью остановился у кафедры, и на лице у него появилось слегка удивленное выражение. К аплодисментам присоединились крики одобрения и пронзительный свист.

Потом весь зал встал на ноги, и раздались крики: «Браво! Браво!» Стью поднял руки вверх, но овация не только не прекратилась, но стала раза в два громче. Ларри искоса глянул на Люси и увидел, что она неистово аплодирует. Взгляд ее был обращен на Стью, а на губах ее блуждала зыбкая, но радостная улыбка. Она плакала.

Бреду и Ральфу удалось подсоединить к генератору и микрофон. Стью попытался заговорить, но голос его утонул в гуле непрекращающейся овации.

— Леди и джентльмены, не могли бы вы занять свои места...

Но они не могли. Грохот не прекращался. Ларри почувствовал боль в руках и опустил взгляд вниз. Он увидел, что аплодирует так же неистово, как и остальные.

— Леди и джентльмены...

Мы аплодируем сами себе, — подумал Ларри. — Мы аплодируем тому, что мы здесь, что

мы живы, что мы вместе. Может быть, мы приветствуем свое новое коллективное «я». Здравствуй, Боулдер.

— Леди и джентльмены. Я был бы вам очень благодарен, если бы вы заняли свои места. Аплодисменты понемногу стали стихать.

— Я рад, что вы пришли сюда, — сказал Стью. — Я и сам рад тому, что я здесь.

В микрофоне раздались завывания, и Стью пробормотал: «Проклятая штука». Его бормотание отчетливо разнеслось на весь зал. По рядам прошла рябь смеха, и Стью покраснел.

— Наверное, нам всем придется заново привыкать к этому оборудованию,

— сказал он, и это вызвало новый взрыв аплодисментов. Когда в зале восстановилось спокойствие, Стью сказал: — Для тех, кто не знает меня, я представляюсь. Меня зовут Стью Редман, я родился и жил в городе Арнетт в Восточном Техасе. — Он прочистил горло. — Я очень нервничаю, так что извините меня...

— Извиним, Стью! — завопил Гарри Данбертон, и в зале засмеялись. Как на загородном пикнике, — подумал Ларри. — Сейчас они запоют гимны. Собственно говоря, если бы Матушка Абагейл была здесь, они давно бы уже запели.

— В последний раз столько людей смотрели на меня, когда наша маленькая, но дружная средняя школа пробилась в серию «плэй-офф» по футболу, но тогда помимо меня у публики был еще двадцать один парень, на каждого из которых она могла глазеть, не говоря уже о девочках в мини-юбках.

Раздался взрыв искреннего хохота.

— Во-первых, я должен объяснить вам, откуда взялся временный Организационный Комитет, и как я там оказался. Нас было семеро человек. К нам и пришла идея этого митинга, чтобы мы могли хоть как-то организовать. Нам предстоит много работы, а пока я хотел бы предоставить вам остальных членов нашего комитета, и я надеюсь, что часть своих аплодисментов вы приберегли и для них. Во-первых, мисс Фрэнсис Голдсмит. Вставай, Фрэнни, и покажись им, как ты выглядишь в своем платье.

Фрэн встала. На ней было надето красивое зеленое платье, а на шее висело скромное жемчужное ожерелье, которое в старые времена стоило тысячи две долларов. Ей бешено зааплодировали.

Фрэн села, красная от смущения, и прежде чем аплодисменты окончательно затихли, Стью продолжил:

— Мистер Глен Бэйтмен из Вудсвилля, Штат Нью-Хемпшир.

Глен встал, и аплодисменты возобновились с прежней силой.

Ларри был представлен предпоследним, и он встал, чувствуя, как Люси улыбается ему. Когда-то, — подумал он, — в прежнем мире, такие аплодисменты доставались человеку, который завершал концерт какой-нибудь песенкой вроде «Крошка, поймешь ли ты своего парня?»

Последним был представлен Ник, и аплодисменты в его честь оказались самыми громкими и продолжительными.

Когда они наконец затихли, Стью сказал:

— Это не записано в повестке дня, но почему бы нам не начать с исполнения государственного гимна? Надеюсь, мы все помним слова и мелодию.

Люди в зале снова поднялись на ноги. После паузы, когда каждый ждал, что начнет его сосед, приятный женский голос пропел первую фразу. Это был голос Фрэнни. Потом запели и все остальные.

Ларри тоже пел, а когда последний куплет был исполнен, и снова раздался грохот

аплодисментов, на глаза ему навернулись слезы. Умерла Рита. Умерла Элис Андервуд. Умер Нью-Йорк. Умерла АМЕРИКА. Даже если они и смогут победить Рэнделла Флегга, то что бы они ни сделали потом, они никогда не смогут воскресить прежний мир темных улиц и светлых снов.

Стью зачитал первые пункты повестки дня: зачтение и ратификация Конституции и Билля о правах. Пение гимна произвело на него сильное впечатление, и не на него одного. Ползала было в слезах.

Никто не потребовал зачтения документов, подлежащих ратификации — что было бы вполне справедливо с точки зрения парламентского процесса, — и Стью был всем за это глубоко благодарен. Чтение давалось ему не так-то легко. Глен Бэйтмен встал и предложил принять оба документа.

Кто-то закричал из задних рядов:

— Я поддерживаю!

— Предложение выдвинуто и поддержано, — сказал Стью. — Те, кто согласны с предложением, пусть скажут «да».

— ДА! — прогремело на весь зал. Коджак, спавший рядом с местом Глена, приоткрыл глаза, моргнул, а потом снова положил морду на лапы. Через мгновение он вновь поднял голову, прислушиваясь к тому, как толпа награждала сама себя очередной бурей аплодисментов. Им нравится голосовать, — подумал Стью. — Это помогает им поверить в то, что они вновь владеют ситуацией.

— Третий пункт нашей повестки дня гласит... — начал он, и вслед за этими словами ему снова пришлось прочистить горло. Микрофон завыл на него, и на лбу у Стью выступил пот. Фрэн спокойно смотрела на него и кивала, чтобы он продолжал. — Избрание комитета из семи человек для управления Свободной Зоной Боулдера. Это означает...

— Господин Председатель? Господин Председатель!

Стью оторвался от своих пометок и почувствовал настоящий приступ страха, сопровождаемый чем-то вроде дурного предчувствия. Это был Гарольд Лаудер. Гарольд был одет в костюм и галстук, волосы его были гладко причесаны, и стоял он в середине центрального прохода. Когда-то Глен сказал, что оппозиция может сформироваться вокруг Гарольда. Но чтобы это случилось так скоро? Он надеялся, что пока этого не произошло. На одно мгновение ему пришла в голову мысль просто не заметить Гарольда, но и Ник, и Глен предупредили его, что ни в коем случае нельзя допускать, чтобы митинг производил впечатление заранее подготовленной и тайно спланированной акции. Он подумал о том, не ошибался ли он, когда решил, что Гарольд начал жизнь с новой страницы. Ну, вот сейчас и представится случай проверить.

— Слово предоставляется Гарольду Лаудеру.

Сидящие в зале повернулись и вытянули шеи, чтобы разглядеть Гарольда получше.

— Я хочу предложить избрать членов временного Организационного Комитета в Постоянный Комитет in toto. — Гарольд сел.

Наступила мгновенная пауза. В голове у Стью вертелся бессмысленный вопрос: «Тото? Тото? Не так ли звали собачку из „Волшебника Изумрудного Города“?»

Потом снова раздались аплодисменты, перекрываемые десятками криков:

— Я поддерживаю!

Раз шесть Стью пришлось постучать по кафедре молоточком, чтобы публика успокоилась.

«Он спланировал это, — подумал Стью. — Эти люди изберут нас, но запомнят они Гарольда.»

— Поступило предложение, — громко сказал он в микрофон, на этот раз не обращая внимания на его жалобные завывания. — Было предложено избрать всех членов временного Организационного Комитета в Постоянный Комитет Свободной Зоны Боулдера. Прежде чем мы перейдем к обсуждению этого предложения, я должен спросить, нет ли у кого-то из членов временного комитета возражений или отводов.

Молчание.

— Прекрасно, — сказал Стью. — Перейдем к обсуждению?

— Не думаю, что это необходимо, Стью, — сказал Дик Эллис. — Идея великолепная. Давайте голосовать!

Раздались одобрителльные аплодисменты. Чарли Импенинг махал рукой, чтобы ему предоставили слово, но Стью проигнорировал его — характерный случай селективного восприятия, так выразился бы по этому поводу Глен Бэйтмен — и сказал:

— Пусть те, кто поддерживает предложение Гарольда Лаудера, скажут да.

— ДА!! — завопили все, спугнув устроившихся под потолком ласточек.

— Кто против?

Никто не был против, даже Чарли Импенинг — во всяком случае, он не высказал свои возражения вслух. Стью перешел к следующему пункту.

После митинга, прошедшего безо всяких осложнений, на лужайке перед залом Чатакуа сидело более двух дюжин мужчин и женщин. Дождь прекратился, ветер разогнал облака и в воздухе стояла приятная вечерняя прохлада. Стью и Фрэнни подсели к Ларри, Люси, Лео и Гарольду.

Ларри подтолкнул Фрэнни локтем и указал на Гарольда.

— Должен тебе сказать, он сегодня превзошел самого себя.

Гарольд улыбнулся и скромно пожал плечами.

— Парочка идей — вот и все. Вы всемером сдвинули дело с мертвой точки. У вас по крайней мере должна быть привилегия довести его до конца.

Теперь, через пятнадцать минут после того, как они оставили это импровизированное сборище и отправились домой, Стью спросил у Фрэн:

— Ты уверена, что с тобой все в порядке?

— Да. Только ноги чуть-чуть устали.

— Ты что-то скрываешь от меня, Фрэнсис.

— Не называй меня так. Ты же знаешь, что я терпеть не могу это имя.

— Извини меня. Я больше никогда так не поступлю, Фрэнсис.

— Все мужчины — ублюдки.

— Я постараюсь исправиться, Фрэнсис. Честное слово.

Она показала ему язык, но он заметил, что шутливая перепалка не увлекла ее. Лицо Фрэнни выглядело бледным и вялым. Оно было совсем не похоже на лицо девушки, с таким воодушевлением певшей несколько часов назад государственный гимн.

— Что-то расстроило тебя, радость моя?

Она покачала головой, но ему показалось, что он заметил у нее в глазах слезы.

— В чем дело? Расскажи мне.

— Ничего. В этом-то все и дело. Именно это меня и тревожит. Все кончено, и я наконец это поняла. Меньше шестисот людей поют «Звездно-полосатый флаг». Внезапно это ошеломило меня. Нет больше палаток, где продают «горячие собаки». Колесо Ферриса не закружится сегодня вечером на Кони-Айленде. Никто не пропустит стаканчик на ночь в Сиэтле. Кто-то наконец нашел способ борьбы с употреблением наркотиков в военных частях Бостона. Но лекарство оказалось гораздо более ужасным, чем сама болезнь. Понимаешь, о

чем я?

— Да, конечно.

— В моем дневнике есть небольшой раздел под названием «Запомнить». Чтобы ребенок мог узнать... о тех вещах, которые он никогда не увидит. От этого мне и грустно.

— Всем грустно сегодня, — сказал Стью, обняв ее за плечи. — Многие люди будут плакать сегодня перед сном. Я в этом не сомневаюсь.

— Не понимаю, как можно оплакивать целую страну, — сказала она, заплакав еще сильнее, — но ничего не могу особой поделать. Все эти... все эти маленькие подробности толпятся в моей голове. Коммивояжеры на машинах. Фрэнк Синатра. Пляж Оулд Орчард в июле, весь забитый людьми, в основном, квебекцами. Этот глупый парень на ЭмТиВи — Рэнди, так, по-моему, его звали. Времена... о, Господи, все это звучит, как какое-нибудь ч-чертово стихотворение Рода М-МакКуена!

Он обнял ее, похлопал ее по спине, вспоминая, как его тетушка Бетти рыдала над полоской невзошедших хлебов. Она тогда была беременна маленьким кузенком Лэдди, месяце на седьмом или около того, и Стью помнил, как она вытирала глаза уголком посудного полотенца и просила его не обращать на нее внимания, так как каждая беременная женщина находится в двух шагах от психбольницы из-за веществ, которые выделяются у нее в гландах.

Через некоторое время Фрэнни сказала:

— О'кей, о'кей. Мне уже лучше. Пошли.

— Фрэнни, я люблю тебя, — сказал он.

— Что ты лучше всего помнишь из прошлого? — спросила она у него.

— Ну, знаешь ли, — сказал он, а потом остановился со смешком.

— Не знаю, Стюарт.

— Но это глупость.

— *Расскажи мне.*

— Не уверен, что я хочу этого. Станешь заглядываться на парней с сачками для бабочек.

— Расскажи мне! — Она видела Стью в разных состояниях, но эта забавная, взъерошенная неуверенность была ей внове.

— Я никому об этом не рассказывал, — сказал он. — Но я вспоминал об этом несколько раз за последнюю пару недель. Что-то случилось со мной в 1982 году. Я тогда заправлял бензин на станции Билла Хэпскома. Он иногда нанимал меня, когда мог и когда не было работы на калькуляторной фабрике. Я работал в полсмены, с одиннадцати вечера до закрытия, то есть до трех часов утра. После того, как заправлялись люди, ехавшие с бумажной фабрики Дикси, смена которых начиналась в три, а заканчивалась в одиннадцать, работы почти не было... очень часто между двенадцатью и тремя не останавливалась вообще ни одна машина. Я сидел там и читал книгу или журнал, а часто просто дремал.

Как-то ночью примерно в четверть третьего я сидел, положив ноги на стол Хэпа, и читал какой-то вестерн. И тут к станции подъезжает большой старый «Понтиак». Все стекла опущены, а магнитофон орет внутри изо всех сил. Я даже помню песенку — «Уходя дальше» Хэнка Вильямса. Внутри сидит парень — не молодой и не старый. Вид у него симпатичный, но немножко страшный — я хочу сказать, он выглядел так, словно он может сделать что-нибудь страшное, особенно над этим не задумываясь. У него были кустистые, вьющиеся темные волосы. Между ногами была зажата бутылка вина, а с зеркала заднего вида свисала пара игральные кости. Он говорит: «Обслужите по полной программе», а я отвечаю — о'кей, но почти минуту я стоял и не мог сдвинуться с места, смотрел на него. Потому что вид у него был какой-то знакомый.

Они дошли до угла. Дом, где была их квартира, стоял через дорогу. Они остановились.

Фрэн смотрела на Стью очень внимательно.

— Ну, я и сказал: «Такое чувство, что я вас знаю. Вы случайно не из Корбетта или Максина?» Но на самом деле я не думал, что он из этих мест. А он отвечает: «Нет, но однажды я проезжал Корбетт со всей семьей, когда был еще мальчишкой. По-моему, в детстве я умудрился проехать почти через каждый городок в Америке. Мой отец служил в ВВС».

Ну я пошел и заправил ему полный бак, все время пытаюсь вспомнить, где же я мог его видеть. И вдруг совершенно неожиданно я вспомнил. И я чуть не намочил штаны, потому что человек за рулем «Понтиака» должен был быть мертв.

— Кто это был, Стюарт? Кто он?

— Нет уж, позволь, я расскажу по порядку. Правда, как ни рассказывай, история все равно безумная. Я снова подошел к окну и говорю ему: «С вас шесть долларов и тридцать центов».

Он дал мне две пятидолларовых бумажки и сказал, что сдачу я могу оставить себе. А я говорю: «По-моему, я вспомнил, где я вас видел». А он говорит: «Ну что ж, может быть, и так», и улыбается своей странной улыбкой, от которой у меня мурашки бегут по коже. А все это время Хэнк Вильямс продолжает петь о том, как он едет в город. Я говорю: «Если вы тот, кто я думаю, то вы должны быть мертвы». Он говорит: «Не всегда доверяй своим глазам, парень». Я говорю: «Вам нравится Хэнк Вильямс?» Все, что я мог придумать. Потому что я понял, Фрэнни, что если я не скажу хоть что-нибудь, то он просто поднимет стекло и выедет на дорогу... и я хотел, чтобы он уехал, но я также и не хотел этого. Пока не хотел. Пока не появится полная уверенность.

Он говорит: «Хэнк Вильямс — один из лучших. Мне нравится музыка родхауз». А потом он говорит: «Я еду в Новый Орлеан, всю ночь буду на колесах, завтра буду целый день отсыпаться, а потом на всю ночь закачусь в кабаки. Он точно такой же? Новый Орлеан?» А я спрашиваю: «Такой же, как что?» А он говорит: «Ну, ты меня понял». А я говорю: «Ну, весь юг одинаков, хотя там впереди гораздо больше деревьев». И тут он засмеялся. И говорит: «Может быть, еще встретимся». Но я не хотел с ним снова встретиться, Фрэнни. Потому что у него были глаза человека, который долго смотрел в темноту и, похоже, начал кое-что в ней различать. Думаю, если я когда-нибудь увижу этого Флегга, глаза у него будут примерно такие же.

Стью покачал головой.

— Я часто думал об этом. Думал достать кое-какие его записи, но мне не хотелось их слушать. Его голос... голос хороший, но у меня от него мороз по коже.

— Стюарт, о ком ты говоришь?

— Ты помнишь рок-группу под названием «Дорз»? Тот парень, который остановился в ту ночь на заправке в Арнетте был Джимом Моррисоном. Я в этом уверен.

Рот ее открылся от удивления.

— Но он умер! Он умер во Франции! Он... — А потом она запнулась. Потому что со смертью Моррисона была связана какая-то странная история. Какая-то тайна.

— Ты уверена? — спросил Стью. — У меня есть сомнения на этот счет. Может быть, он и умер, а парень, которого я встретил, был просто на него похож, но...

— Ты действительно думаешь, что это был он? — спросила она.

Теперь они сидели на ступеньках своего дома, прижавшись друг к другу плечами, как маленькие дети, которые ждут, когда мама позовет их на ужин.

— Да, — сказал он. — Да, я так думаю. И до этого лета я думал, что это происшествие будет самым странным в моей жизни. Господи, как я ошибался.

— И ты никогда никому не рассказывал, — восхитилась она. — Видел Джима Моррисона годы спустя после его предполагаемой смерти и никогда никому не рассказывал. Стюарт

Редман, должно быть, когда Бог посылал тебя в мир. Он вместо рта дал тебе замок с шифром.

Стью улыбнулся.

— Ну, прошли годы, как обычно пишут в книжках, и каждый раз, когда я думал о той ночи, я все больше уверялся в том, что в конце концов это был не он. Просто кто-то похожий на него. И это воспоминание перестало беспокоить меня. Но в последние несколько недель я не раз ловил себя на том, что снова думаю об этом. И все больше уверяюсь в том, что это был он. Черт возьми, да он до сих пор мог остаться в живых. Вот это было бы по-настоящему забавно, правда?

— Если он и жив, — сказала она, — то он не здесь.

— Да, — согласился Стью. — Вряд ли бы он здесь оказался. Понимаешь, я видел его глаза.

Она положила руку ему на плечо.

— Ну и история.

— Да, и на каждые двадцать миллионов жителей этой страны найдется хотя бы один с точно такой же... только насчет Элвиса Пресли или Говарда Хьюгса.

— Больше уже не найдется.

— Ты права. Гарольд сегодня был на высоте, правда?

— По-моему, это называется «переменим тему разговора», не так ли?

— Может быть, и так.

— Да, — ответила она. — Он действительно был на высоте.

Он улыбнулся, уловив в ее тоне нотки раздражения.

— Перепугалась немного, правда?

— Да, но тебе я в этом не признаюсь. Ты теперь играешь на стороне Гарольда.

— Нет, это несправедливо, Фрэн. Я тоже испугался. У нас прошли два предварительных собрания... нам казалось, что мы все продумали и предусмотрели... и тут появляется Гарольд. Пара слов здесь, пара слов там, а потом и спрашивает: «Разве вы не это имели в виду?» А мы отвечаем: «Да, спасибо, Гарольд. Ты совершенно прав». — Стью покачал головой. — Предложил проголосовать общим списком. Как это мы сами не догадались, Фрэн? Какая отличная идея! А мы даже ни разу не обсуждали ее.

— Ну, никто из нас не знал точно, в каком они будут настроении. Я думала, что после ухода Матушки Абагейл люди могут помрачнеть или даже озлобиться. А еще этот Импенинг, который разговаривает с ними, как какой-нибудь черный ворон...

— Как бы ему заткнуть рот, — произнес Стью задумчиво.

— Но все оказалось иначе. Они были так... *преисполнены ликования просто из-за того, что оказались вместе.* Ты почувствовал это?

— Да.

— Не думаю, что Гарольд спланировал все заранее. По-моему, он просто уловил момент.

— Я просто не знаю, как к нему относиться, — сказал Стью. — В тот вечер, когда мы искали Матушку Абагейл, мне его стало ужасно жалко. Когда подъехали Глен и Ральф, он выглядел просто ужасно, словно вот-вот готов был упасть в обморок. Но когда сегодня мы разговаривали на лужайке, и все стали поздравлять его, мне показалось, что он раздулся как жаба. Словно снаружи он улыбался, а внутри думал: Ну вот, теперь вы видите, чего стоит ваш комитет, горстка идиотов. Он похож на один из этих пазлов, которые в детстве никак не получалось собрать.

Фрэн вытянула ноги и посмотрела на них.

— Раз уж зашла речь о Гарольде, скажи мне, Стюарт, не замечаешь ли ты чего-нибудь необычного в моих ногах?

Стью посмотрел на них оценивающе.

— Нет. Разве что эти странные туфли из магазина на нашей улице. Ну а еще, конечно, они очень большие.

Она шутливо ударила его.

— Эти туфли очень полезны для ног. Все журналы говорят так. И у меня седьмой размер, для информации, что вовсе не так уж много.

— Ну и при чем тут твои ноги? Уже поздно, радость моя.

— Да ни при чем, наверное. Просто Гарольд все время смотрел на мои ноги, когда мы сидели на лужайке после митинга. — Она покачала головой и слегка нахмурилась. — С чего бы это Гарольду Лаудеру интересоваться моими ногами? — спросила она.

Ларри и Люси вернулись домой одни, взявшись за руки. Лео ушел раньше, чтобы побыть с «мамой-Надин».

Теперь, когда они подходили к двери, Люси сказала:

— Ну и митинг же у нас был. Я никогда не думала...

Слова застряли у нее в горле, когда в тених веранды возникла чья-то темная фигура. Ларри почувствовал, как ужас пульсирует у него в горле. Это он, — промелькнула у него безумная мысль. «Он пришел за мной... сейчас я увижу его лицо.»

Но потом он удивился тому, как такая дикость могла прийти к нему в голову. Это была Надин Кросс, только и всего. На ней было платье из какого-то серо-синего материала, а волосы ее были распущены и рассыпались по плечам и по спине, черные волосы, простреленные абсолютно белыми прядями.

«Рядом с ней Люси выглядит как подержанная машина в магазине спекулянта», — промелькнула у Ларри мысль, за которую он тут же себя возненавидел. В нем опять проснулся старый Ларри... старый Ларри? С таким же успехом можно сказать, что это был старый Адам.

— Надин, — сказала Люси дрожащим голосом, прижав одну руку к груди. — Ну и напугала же ты меня. Я подумала... ну, я даже не знаю, что я подумала.

Надин не обратила на Люси никакого внимания.

— Могу я поговорить с тобой? — спросила она Ларри.

— Что? Сейчас? — Он искоса посмотрел на Люси, или подумал, что посмотрел... позже он никак не мог вспомнить, как выглядела Люси в тот момент. Ее словно затмила какая-то темная звезда.

— Сейчас. Именно сейчас.

— Утром было бы...

— Это должно произойти сейчас, Ларри. Или никогда.

Он снова посмотрел на Люси и на этот раз действительно увидел ее, увидел покорность на ее лице в тот момент, когда она переводила взгляд с Ларри на Надин и обратно на Ларри. Увидел боль в ее глазах.

— Я сейчас приду, Люси.

— Нет, не придешь, — сказала она глухо. Слезы засверкали у нее на глазах.

— Десять минут.

— Десять минут, десять лет, — сказала Люси. — Она пришла за тобой. Ты принесла с собой ошейник и намордник, Надин?

Для Надин Люси Сванн не существовала. Ее темные большие глаза смотрели только на одного Ларри. Для Ларри они всегда были самыми странными, самыми красивыми глазами на свете, теми бездонными и спокойными глазами, которые глядят на тебя, когда тебе больно, или когда ты в беде, или когда ты совсем сошел с ума от горя.

— Я скоро приду, Люси, — повторил он механически. — Иди.

— Да, я пойду. Она пришла. Я уволена. — Она взбежала вверх по ступенькам, споткнувшись на последней, но сумев удержаться на ногах, открыла дверь и захлопнула ее за собой с шумом, как раз успев отсечь от них звук своих рыданий.

Надин и Ларри долго смотрели друг на друга, словно зачарованные. «Так вот как это происходит, — подумал он. — Когда ты встречаешься с чьими-то глазами в противоположном углу комнаты, чтобы не забыть их уже никогда, или замечаешь на другом конце переполненной платформы метро человека, который выглядит, как твой двойник, или слышишь на улице чей-то смех, который очень похож на смех первой девушки, с которой ты занимался любовью...»

Но во рту у него был горький привкус.

— Давай пройдемся до угла и обратно, — сказала Надин тихим голосом.

— Лучше мне пойти за ней. Ты выбрала чертовски неудачное время, чтобы прийти.

— Пожалуйста. Только до угла и обратно. Если хочешь, я встану на колени и буду умолять тебя. Вот. Видишь?

И к его ужасу она действительно опустилась на колени, немного приподняв край платья и показав ему свои обнаженные ноги, после чего он почувствовал странную уверенность, что под платьем у нее вообще ничего нет. Почему он так подумал? Он не знал. Ее глаза смотрели на него, и от этого взгляда голова его кружилась, и у него появилось тошнотворное ощущение, что во всем этом участвует какая-то сила, сила, поставившая ее перед ним на колени, так что ее рот оказался на одном уровне с...

— Вставай! — сказал он грубо. Он взял ее за руки и поднял на ноги, стараясь не смотреть, как край платья задрался еще выше, перед тем как лечь на место. Бедра ее были цвета сливок — того оттенка белого цвета, который выглядит не бледным и мертвенным, а сильным, здоровым и соблазнительным.

— Пошли, — сказал он смятенно.

Они пошли на запад, по направлению к горам, которые негативным изображением вырисовывались далеко впереди — треугольные пятна темноты, затмившие вышедшие после дождя звезды. Идти ночью по направлению к этим горам было как-то немного жутковато, но в то же время и увлекательно. И теперь, когда рука Надин легко обвила его согнутый локоть, все чувства его обострились. У него всегда были очень явственные сны, а три или четыре дня назад ему приснился сон об этих горах. Ему снилось, что в них живут тролли

— отвратительные создания с яркими зелеными глазами, чересчур большими головами гидроцефалов и короткопалыми сильными руками. Руками душителей. Тролли-идиоты, охраняющие горные перевалы. Ждущие, когда придет *его время* — *время темного человека*.

Вдоль улицы повеял мягкий ветерок, гоня перед собой бумажный мусор. Они прошли мимо магазина, на стоянке перед которым стояло несколько металлических тележек, похожих на мертвых часовых. Они напомнили ему о туннеле Линкольна. В туннеле Линкольна были тролли. Они были мертвы, но это отнюдь не означало, что в новом мире мертвы все тролли.

— Трудно, — сказала Надин прежним тихим голосом. — Это трудно, потому что она права. Я хочу тебя прямо сейчас. И я боюсь, что уже слишком поздно. Я хочу остаться здесь.

— Надин...

— *Нет!* — сказала она с яростью. — Дай мне закончить. Я хочу *остаться* здесь, как ты не можешь этого понять? И если мы будем вместе, то я смогу это сделать. Ты — мой последний шанс, — сказала она, и голос ее дрогнул. — Джо уже больше нет.

— Он есть, — сказал Ларри, ощущая тупое и удивленное оцепенение. — Мы оставили его у твоего дома по дороге к себе. Разве он не там?

— Нет. В моей постели спит мальчик по имени Лео Роквей.

— Что ты хочешь...

— Послушай, — сказала она. — Послушай меня, неужели ты не можешь меня *выслушать*? Пока у меня был Джо, со мной было все в порядке. Я могла... быть настолько сильной, насколько это было необходимо. Но я ему больше не нужна. А мне нужно, чтобы я была кому-то нужна.

— Но ты нужна ему!

— Конечно, нужна, — сказала Надин, и Ларри вновь почувствовал испуг. Она говорила уже не о Лео. — Я нужна ему. Именно этого-то я и боюсь. Именно поэтому я и пришла к тебе. — Она встала напротив него и посмотрела ему в глаза, гордо вздернув подбородок. Он мог ощущать чистый запах ее тела, и в нем проснулось желание. Но часть его устремилась обратно к Люси. Это была та самая часть, которая понадобится ему, если он хочет жить здесь, в Боулдере. Если он не прислушается к ней и уйдет с Надин, вполне возможно, что уже этой ночью они вдвоем покинут Боулдер. С ним будет все кончено. Старый Ларри будет торжествовать.

— Я должен идти домой, — сказал он. — Прости меня. Тебе придется справиться с этим самой, Надин. — «СПРАВИТЬСЯ С ЭТИМ САМОЙ» — разве это не те слова, которые он, в той или иной форме, произносил людям всю свою жизнь? Почему именно они слетели у него с языка, когда он знал, что прав, и заставили его усомниться в самом себе?

— Давай займемся любовью, — сказала она и обвила руками его шею. Она прижалась к нему всем телом, и по его мягкости, теплоте и пружинистости он понял, что оказался прав: под платьем действительно ничего не было. Голая задница под платьем, подумал он, и мысль эта привела его в сильное возбуждение.

— Все в порядке, я чувствую тебя, — сказала она и стала тереться о него — влево, вправо, вверх, вниз, сводя его с ума восхитительным ощущением трения. — Займемся любовью, и все это кончится. Я буду в безопасности. В безопасности. В безопасности.

Позже он никак не мог понять, как ему удалось сделать это, когда он тремя быстрыми движениями и одним толчком мог оказаться внутри ее теплоты. Но он оторвал ее руки и оттолкнул ее с такой силой, что она споткнулась и чуть не упала. С губ ее сорвался тихий стон.

— Ларри, если б ты только знал...

— Но я не знаю. Так почему бы тебе не рассказать мне все, вместо того чтобы... пытаться меня изнасиловать?

— Изнасиловать! — повторила она, пронзительно рассмеявшись. — О, как это забавно! Что ты говоришь! Я! Изнасиловать *тебя*! О, Ларри!

— Как это ни назови, но ты могла получить то, что хотела, на прошлой неделе, или на позапрошлой. На позапрошлой неделе я сам просил тебя об этом. Я хотел тебя.

— Это было слишком рано, — прошептала она.

— А теперь слишком поздно, — сказал он, ненавидя свой грубый тон, но не в силах смягчить его. Он еще трясся с головы до ног от желания.

— Что ты собираешься делать?

— Все в порядке. До свидания, Ларри.

Она повернулась к нему спиной. В этот миг она была не только Надин, навсегда отвернувшейся от него. Она была специалистом по оральной гигиене. Она была Ивонной, с которой он делил квартиру в Лос-Анджелесе — она послала его куда подальше, и ему пришлось убраться восвояси, оставив квартиру ей. Она была Ритой Блэкмор.

И хуже всего, она была его матерью.

— Надин?

Она не обернулась. Она превратилась в черный силуэт, который можно было отличить от других черных силуэтов, только когда она переходила улицу. Потом она окончательно исчезла на черном фоне гор. Он еще раз позвал ее по имени, но она не ответила. Было что-то пугающее в том, как она оставила его, просто растаяв в черноте.

Он стоял перед входом в магазин, сцепив руки, и лоб его был покрыт каплями пота, несмотря на вечернюю прохладу. Его призраки вновь были с ним, и наконец он узнал, как приходится расплачиваться за то, что ты не симпатичный парень: ты никогда не будешь уверен в мотивах своих поступков, никогда не сможешь определить, чего ты больше принес человеку — добра или зла, никогда не сможешь избавиться от кислого привкуса сомнения во рту и...

Он резко поднял голову. Глаза его расширились и чуть не вылезли из орбит. Снова занялся ветер и жутковато завыл в каком-то пустом дверном проеме. Ему показалось, что где-то далеко он слышит стук каблуков в ночи. Стук стоптанных каблуков где-то в предгорьях, который доносит до него прохладная волна утреннего ветра.

Стук пыльных каблуков, держащих путь в могилу запада.

Люси услышала, как он вошел, и сердце ее бешено подскочило. Она велела ему успокоиться — возможно, он просто вернулся за своими вещами, — но оно успокаиваться не желало. ОН ВЫБРАЛ МЕНЯ, — стучало у нее в мозгу в ритм убыстрившимся ударам сердца. ОН ВЫБРАЛ МЕНЯ...

Слезы заструились у нее по щекам.

Дверь открылась, и она увидела его силуэт в дверном проеме.

— Люси? Ты не спишь?

— Да.

— Можно я зажгу лампу?

— Да.

В свете затрепетавшего язычка пламени лицо его выглядело бледным и взволнованным.

— Мне надо тебе кое-что сказать.

— Не надо ничего говорить. Просто ложись спать.

— Я должен сказать это. Я...

— Ларри? — Она села. — С тобой все в порядке?

Он заговорил, словно не услышав ее вопроса.

— Я люблю тебя. Если я тебе нужен, то я буду рядом с тобой. Но у меня есть сомнения по поводу того, насколько ты счастлива со мной. Я вряд ли буду для тебя идеальной парой, Люси.

— Поживем — увидим. А пока ложись.

Он лег. После того как они кончили заниматься любовью, она сказала, что любит его.

Только через три дня они узнали о том, что Надин Кросс переехала жить к Гарольду Лаудеру.

Он посмотрел на нее смущенно, но она лишь улыбнулась ему своими спокойными, темными глазами — глазами молодой девушки на викторианской картине.

— Извини меня, — пробормотал он.

— За что? — спросила Надин, не отрывая глаз от его лица.

— Тебе это, наверное, не доставило особого удовольствия.

— Напротив, я чувствую себя удовлетворенной. Ты молод. Мы будем заниматься этим столько, сколько ты захочешь.

Он посмотрел на нее, не в силах сказать ей что-нибудь в ответ.

— Но одну вещь ты должен запомнить. Что ты мне там говорил о своей девственности? Так вот, я тоже девственница.

— Ты... — Должно быть, появившееся у него на лице выражение удивления было очень комичным, так как она откинула голову и расхохоталась.

— Да, я девственница. И я не собираюсь расстаться с ней в ближайшее время. Потому что она предназначена другому.

— Кому?

— Ты знаешь кому, Гарольд.

Он уставился на нее, внезапно похолодев. Она спокойно ответила на его взгляд.

— Ему?

Она кивнула.

— Но я тебе многое могу показать, — сказала она, отведя глаза. — Мы с тобой будем заниматься такими вещами, о которых ты никогда даже и не... нет, не так. Может быть, ты и мечтал о них, но ты никогда не думал, что мечты твои сбудутся. Мы можем играть. Мы можем пьянеть от этого. Мы можем купаться в этом. Мы можем... — Она запнулась и посмотрела на него. Взгляд ее был таким лукавым и соблазнительным, что он снова почувствовал возбуждение. — Мы можем делать все, что угодно, кроме одного крошечного пуствячка. А этот пуствячок не так уж и важен, не правда ли?

В голове его закружились картины. Шелковые шарфы... ботинки... кожа... резина. О, Господи. *Фантазии школьника*. Какой-то своеобразный сексуальный пасьянс. Но ведь все это только сон? Фантазия, порожденная другой фантазией, детище темного человека. Как он желал всего этого, как он хотел *ее*, но он хотел и большего.

— Ты можешь быть со мной абсолютно откровенным, — сказала она. — Я буду твоей матерью, или твоей сестрой, или твоей шлюхой, или твоей рабыней. Но ты должен рассказать мне все, Гарольд.

Он открыл рот, и его голос зазвучал, как надтреснутый колокольчик.

— Но не задаром. Ничто не дается бесплатно, даже сейчас, когда все вокруг завалено вещами, которые только и ждут, чтобы их подобрали.

— Я хочу того же, что и ты, — сказала она. — Я знаю, что таится в твоём сердце.

— Этого не знает никто.

— То, что таится в твоём сердце, записано в твоём дневнике. Я могла бы прочитать его — я знаю, где он спрятан, — но в этом нет необходимости.

Он вздрогнул.

— Раньше он лежал вон под тем кирпичом, — сказала она, указывая в направлении камина, — но теперь ты перепрятал его на чердак.

— Откуда ты это знаешь? *Откуда?*

— Я знаю, потому что он рассказал мне. Он... можно сказать, что он написал мне письмо. А еще важнее, что он рассказал мне о тебе, Гарольд. О том, как этот ковбой отнял у тебя твою женщину и не включил тебя в состав Комитета Свободной Зоны. Он *хочет*, чтобы мы держались вместе, Гарольд. И он щедр. С этого момента и до того времени, как мы уйдем отсюда, мы предоставлены самим себе.

Она прикоснулась к нему рукой и улыбнулась.

— Для нас наступает время игр. Ты понимаешь меня?

— А потом, Надин? Что он хочет, чтобы мы делали потом?

— То, что ты почти уже сделал с Редманом в тот первый день, когда вы выезжали на поиски старой женщины... но в гораздо большем масштабе. А когда мы сделаем это, мы сможем отправиться к нему, Гарольд. Мы сможем быть с ним. Мы сможем остаться с ним. — Глаза ее были полузакрыты от наслаждения и восторга. Парадоксальным образом то обстоятельство, что она любит другого, но готова отдать свое тело ему, вновь возбудило в нем жаркое желание.

— А если я скажу «нет»?

Она пожала плечами, и груди ее соблазнительно покачнулись.

— Жизнь будет идти своим чередом, так ведь, Гарольд? Мне придется найти другой способ, чтобы сделать то, что я должна сделать. Ты пойдешь своим путем. Рано или поздно ты найдешь девушку, которая согласится сделать для тебя этот маленький пустячок. Но спустя некоторое время этот пустячок покажется тебе очень утомительным.

— Откуда ты знаешь? — спросил он с кривой усмешкой.

— Я знаю это, потому что секс — это жизнь в миниатюре, а жизнь очень утомительна. Жизнь — это время, проведенное во множестве комнат для ожидания. Вполне возможно, Гарольд, здесь у тебя будут свои успехи, но к чему все это? Жизнь твоя будет скучной банальностью, и ты всегда будешь вспоминать меня без рубашки и будешь думать о том, как бы я выглядела, если снять с меня все остальное. И ты будешь пытаться представить себе, что было бы, если бы я стала произносить в твоём присутствии нецензурные ругательства... или обмазала бы медом... все твоё тело... а потом вылизала бы тебя... и ты будешь думать...

— Прекрати, — сказал он. Все тело его охватила дрожь.

Но она не послушалась.

— А еще мне кажется, что ты будешь думать о том, на что похожа жизнь на его стороне мира, — сказала она. — И, возможно, эта мысль окажется гораздо более настойчивой, чем все остальные.

— Я...

— Решай, Гарольд. Надеть ли мне снова свою рубашку или снять все остальное?

— Идем в спальню, — сказал Гарольд.

Она улыбнулась и взяла его за руку.

Гарольд Лаудер подчинился своей судьбе.

Окна дома Джаджа Фэрриса выходили на кладбище.

Он и Ларри сидели после обеда на веранде, курили сигары и смотрели на полоску заката над горами, которая постепенно выцветала до бледно-оранжевого оттенка.

— В детстве мы жили неподалеку от самого красивого кладбища во всем Иллинойсе, — произнес Джадж. — Оно называлось Холм Надежды. Каждый вечер после ужина мой отец, которому тогда пошел седьмой десяток, уходил на прогулку. Иногда я отправлялся вместе с ним. И если наш маршрут пролегал мимо этого некрополя, содержавшегося в идеальном порядке, он говорил: Как ты думаешь, Тедди? Есть ли хоть какая-нибудь надежда? И я отвечал ему: Конечно, есть. Целый холм. И каждый раз он хохотал, словно слышал эту фразу впервые. Умер он в 1937 году, когда я был еще подростком. Он умер, как король, Ларри. Он сидел на троне в самой маленькой комнатке своего дома с газетой на коленях.

Ларри, не вполне уверенный в том, как следует реагировать на это довольно причудливое проявление ностальгии, не сказал ни слова.

Джадж вздохнул.

— В недалеком будущем что-то должно произойти, — сказал он. — Если вы почините электричество, то все будет отлично. Но если вы не сможете этого сделать, люди занервничают и потянутся на юг, пока не настали холода.

— Ральф и Бред говорят, что все будет в порядке. Я доверяю им.

— Тогда будем надеяться, что у твоего доверия есть основания, так? Может быть, это даже хорошо, что старая женщина ушла от нас. Может быть, она понимала, что так будет лучше. Может быть, людям надо самим предоставить судить, что там за свет в небесах и действительно ли у одного из деревьев есть лицо, или это лицо — лишь игра света и тени.

— Я не вполне понимаю вас, — сказал Ларри.

— Я просто думаю о том, надо ли нам вновь заваривать эту утомительную кашу с богами и со всем прочим. Не уверен, что сейчас самое подходящее для этого время.

— Вы думаете, что она умерла?

— Она ушла шесть дней назад. Поисковый комитет работал впустую. Да, я думаю, что она умерла, но даже сейчас у меня есть некоторые сомнения. Она была удивительной женщиной, совершенно не укладывающейся в рациональный порядок вещей. Может быть, одна из причин того, что я почти рад ее уходу, как раз и состоит в том, что я — страшный рационалист. А ведь если в лице старой женщины мы увидим Бога, то это неизбежно напомнит нам о том, что на каждого бога найдется по дьяволу — и наш дьявол может оказаться ближе, чем мы думаем.

— Поэтому я и пришла к тебе, — сказал Ларри.

— Я знаю, почему ты пришел. Я согласен.

Ларри вздрогнул.

— Кто рассказал тебе? Это должно было держаться в тайне, Джадж. Если кто-то из комитета проговорился, то мы в полном дерьме.

Джадж поднял руку, прерывая Ларри.

— Успокойся, мой мальчик, успокойся. Никто из вашего комитета не выдал тайну. Мне, во всяком случае, об этом ничего не известно. Но твое лицо — это открытая книга, Ларри. Вы ведь хотите послать меня на запад. Шпионом. Так ведь?

— Совершенно верно.

— Я думаю, он уже починил электричество, — сказал Джадж с обманчивым

безразличием. — И этим он влечет к себе людей. Очевидно, этот парень Импенинг попался на его удочку.

— Хорошенькое приобретение для них, — мрачно заметил Ларри.

— Я отправляюсь завтра. Наверное, в «лендровере». Слава Богу, я по-прежнему могу удержать руль в руках. Поеду на север в Вайоминг, а потом на запад. Проеду через Айдахо и отправлюсь в Северную Калифорнию. Путешествие туда займет около двух недель, дорога обратно может оказаться дольше. Возможно, уже выпадет снег.

— Да, мы думали об этом.

— И я стар. Старики подвержены сердечным приступам и приступам глупости. Полагаю, за мной последуют другие?

— Ну...

— Снимаю свой вопрос. Можешь отвечать.

— Послушайте, вы можете отказаться, — выпалил Ларри. — Никто не приставляет вам к виску револьвер.

— А ты пытаешься снять с себя всякую ответственность? — резко спросил Джадж.

— Может быть, я думаю, что ваши шансы на возвращение не превышают один к десяти, а шансы на возвращение с важной информацией, на которой мы сможем основывать наши действия, составляют один к двадцати. Может быть, я просто хочу в благопристойной форме признаться в том, что допустил ошибку. Возможно, вы слишком стары для этого поручения.

— Я стар, но я смогу выполнить то, что считаю необходимым. Как Люси?

— спросил Джадж, закрывая тему своего отъезда.

— Прекрасно, — сказал Ларри. — У нас все прекрасно.

— Никаких проблем?

— Нет, — сказал он и подумал о Надин. Воспоминание о последней встрече с ней все еще тревожило его. «Ты мой последний шанс», — сказала она. Странные слова.

— Хорошо, что ты с Люси, — сказал Джадж. — Но я подозреваю, что ты беспокоишься о другой женщине.

— Да, это так. Мне кажется, что, возможно, она думает о чем-то вроде самоубийства. Дело тут не только во мне, — поспешил добавить он. — Но мальчик, о котором она заботилась, вышел из своей скорлупы, и, по-моему, ей одиноко, так как теперь никто уже от нее не зависит.

— Если ее депрессия затянется, она действительно может убить себя, — сказал Джадж с обескураживающим равнодушием.

Ларри поражение посмотрел на него.

— Но ты ведь не можешь раздвоиться, правда?

— Да.

— И ты сделал свой выбор?

— Да.

— И этот выбор окончательный?

— Да.

— Ну тогда и следуй ему, — произнес Джадж с наслаждением. — Ради Бога, Ларри, подрастай поскорей. Обрети хоть немного уверенности в себе. Твоя Люси — прекрасная женщина. Пытаться возложить на себя ответственность не только за нее и себя самого — это значит взвалить на себя слишком тяжелую ношу.

— Мне нравится разговаривать с вами, — сказал Ларри и был одновременно напуган и удивлен откровенным простодушием своей реплики.

— Возможно, это потому, что я говорю тебе как раз то, что ты хочешь услышать, —

безмятежно сказал Джадж. После паузы он добавил: — Знаешь, есть ведь разные способы самоубийства.

На следующее утро в четверть девятого грузовик, занятый уборкой трупов, выехал в район Тэйбл Миза. Гарольд, Вейзак и еще двое человек сидели в кузове. Норман Келлогг и еще один парень сидели в кабине. На пересечении Арапахоу и Бродвея им встретился медленно едущий «лендровер».

Вейзак махнул рукой и заорал:

— Куда направляетесь, Джадж?

Джадж, выглядевший довольно комично в шерстяной рубашке и куртке, высунулся из окна.

— Еду в Денвер на один денек, — сказал он вкрадчиво.

— И эта штука тебя довезет? — спросил Вейзак.

— Пожалуй, если я буду держаться подальше от главных трасс.

— Ну, если тебе встретится порнографический книжный магазин, то почему бы тебе не привезти с собой полный багажник книжек?

Эта острота была встречена всеобщим хохотом, и только Гарольд не смеялся. Этим утром он выглядел измученным и почти больным. Собственно говоря, прошлую ночь спать ему почти не пришлось. Надин сдержала свои обещания.

Днем Ник, Ральф и Стью отправились на велосипедах в северную часть Боулдера к небольшому оштукатуренному домику, где жил Том Каллен. Когда они подъехали к дому. Том как раз выходил из парадной двери.

— Ники! — завопил Том. — Как я рад видеть тебя! Ей-Богу, да! Том Каллен очень рад! —

Том обвил обеими руками шею Ника и крепко его обнял. Ник указал пальцем на дверь.

— Хочешь зайти? Ей-Богу, да. Сейчас все мы зайдем.

Когда они уселись в гостиной под портретом Джона и Роберта Кеннеди на фоне отороченных золотом облаков, Ник написал записку и вручил ее Ральфу.

— Том, Ник хочет знать, не возражаешь ли ты против того, чтобы тебя снова загипнотизировали. Точно так же, как это делал тогда Стэн. Но на этот раз это очень важно, а не просто игра. Ник говорит, что потом объяснит тебе, в чем дело.

— Тебееее... очееечь хооочееееется... спааааааааать... Так?

— Вот-вот, — сказал Ральф.

— Снова хотите, чтобы я посмотрел на часы? Я не против. Ну, как тогда, когда вы их раскачивали туда-сюда? Хооочееется... спаааааать... — Том посмотрел на них с сомнением. — Но вообще-то мне не особо хочется спать. Ей-Богу, нет. Вчера я лег спать рано. Том Каллен всегда ложится рано, потому что теперь телевизор не помотришь.

— Том, хотел бы ты увидеть слона? — мягко спросил Стью.

Глаза Тома немедленно закрылись. Голова его свободно качнулась вперед. Дыхание стало глубоким и редким. Стью наблюдал все это с огромным удивлением. Ник сообщил ему ключевую фразу, но Стью далеко не был уверен в том, что она подействует. И уж никогда ему не могло прийти в голову, что все может случиться так быстро.

— Совсем как курица, которой сунули голову под крыло, — восхитился Ральф.

Ник вручил Стью подготовленный «сценарий». Стью посмотрел на Ника долгим взглядом. Ник встретил его взгляд, а потом поощрительно кивнул.

— Том, ты слышишь меня? — спросил Стью.

— Да, я слышу, — сказал Том, и интонация его голоса заставила Стью насторожиться.

— Я — Стью Редман.

— Да, Стью Редман.

— Ник здесь рядом.

— Да, Ник рядом.

— Ральф Brentner тоже здесь.

— Да, Ральф тоже здесь.

— Мы — твои друзья.

— Я знаю.

— Мы хотим, чтобы ты кое-что сделал для Зоны, Том. Это опасно.

— Опасно...

Лицо Тома потемнело.

Стью обеспокоенно посмотрел на Ника.

Ник кивнул.

— Стало быть, это он, — сказал Том и вздохнул. Вздох был похож на свист ноябрьского ветра в дубовой аллее. Стью содрогнулся. Ральф побледнел.

— Кто он? — тихо спросил Стью.

— Флегг. Его зовут Рэнди Флегг. Темный человек. Вы хотите, чтобы я...

— Опять этот болезненный, горький, долгий вздох.

— Откуда ты знаешь его, Том? — Этого вопроса в сценарии не было.

— Сны... я видел его лицо в снах.

Я ВИДЕЛ ЕГО ЛИЦО В СНАХ. Но никто из них никогда не видел его лица. Оно всегда было спрятано.

— Ты видел его?

— Да...

— Как он выглядит, Том?

Том долго не отвечал. Стью уже было решил, что он не ответит на этот вопрос, и хотел вернуться к сценарию, когда Том сказал:

— Он выглядит как самый обычный человек. Но когда он усмехается, птицы падают замертво с телефонных проводов. Когда он посмотрит на тебя особым взглядом, твоя предстательная железа начинает болеть. Там, где он плюет, трава желтеет и умирает. Он все время в пути. Он рожден временем. Он не знает самого себя. Ему принадлежат имена тысяч различных демонов. Когда-то Иисус заставил его вселиться в стадо свиней. Имя ему — легион. Он боится нас. Мы находимся внутри. Он умеет творить чудеса. Он может повелевать волками и вселяться в ворон. Он — одинокий король. Но он боится нас. Он боится... того, что внутри.

Том замолчал.

Все трое уставились друг на друга, смертельно побледнев.

ИМЯ ЕМУ — ЛЕГИОН. ОН — ОДИНОКИЙ КОРОЛЬ.

— Не мог бы ты рассказать о нем что-нибудь еще? — тихо спросил Стью.

— Только то, что я тоже боюсь его. Но я сделаю, что вы хотите. Том... так боится. — И снова этот ужасный вздох.

— Том, — неожиданно заговорил Ральф. — Ты не знаешь, жива ли еще Матушка Абагейл?

— Она жива. — Ральф откинулся на спинку стула с глубоким вздохом облегчения. — Но она еще не с Богом, — добавил Том.

— Не с Богом? Почему, Томми?

— Она ушла в чащу. Ее надо пожалеть. Она прозреет, но прозреет слишком поздно. А потом — смерть. Его смерть. Она умрет не на той стороне реки. Она...

— Остановите его, — простонал Ральф. — Неужели вы не можете остановить его?

— Том, — сказал Стью.

— Да.

— Ты сейчас тот же самый Том, которого Ник встретил в Оклахоме? Ты тот же самый Том, которого мы все знаем?

— Да, но я больше, чем тот Том.

— Не понимаю.

— Я — Божий Том.

Стью чуть не уронил записи Ника.

— Ты говоришь, что сделаешь то, о чем мы тебя просим.

— Да.

— Но как ты считаешь... сможешь ли ты вернуться?

— Это зависит не от меня. Куда мне идти?

— На запад, Том.

Том застонал. От этого стога у Стью на загривке дыбом поднялись волоски. НА ЧТО МЫ ЕГО ПОСЫЛАЕМ?

— На запад, — сказал Том. — Да, на запад.

— Мы посылаем тебя, Том, чтобы ты наблюдал. А потом вернулся обратно.

— Вернулся обратно и рассказал.

— Ты способен на это?

— Да. Если только они не поймают и не убьют меня.

Стью вздрогнул.

— Ты пойдешь один, Том. Все время на запад. Ты сможешь определить, где запад?

— Там, где заходит солнце.

— Да. И если кто-нибудь спросит у тебя, почему ты пришел, ты скажешь, что тебя прогнали из Свободной Зоны...

— Прогнали меня. Прогнали Тома. Выставили его за дверь.

— ...потому что ты — умственно отсталый.

— Они прогнали Тома, потому что Том — умственно отсталый.

— ...и потому что у тебя могла появиться женщина, и у нее родились бы дети-идиоты.

— Дети-идиоты, как сам Том.

— А теперь повтори, что ты скажешь, если кто-нибудь спросит у тебя, почему ты пришел на запад.

— Они выгнали Тома, потому что он — умственно отсталый. Ей-Богу, да. Они боялись, что у меня может появиться женщина, и я трахну ее своей толстой штукой. И она забеременеет идиотами.

— Правильно, Том.

— Выгнали меня, — сказал он тихим скорбным голосом. — Выгнали Тома из его симпатичного маленького домика и оставили его на дороге.

Стью провел рукой по глазам. Потом он посмотрел на Ника. Казалось, Ник двоится и даже троится в его поле зрения.

— Ник, не знаю, могу ли я закончить, — сказал он беспомощно.

Ник посмотрел на Ральфа. Ральф, бледный, как сыр, смог только покачать головой.

— Заканчивайте, — неожиданно произнес Том. — Не оставляйте меня так долго в темноте.

Стью заставил себя продолжить.

— Том, ты знаешь, как выглядит полная луна?

— Да, большая и круглая.

— Она не похожа ни на месяц, ни даже на почти полную луну.

— Не похожа, — сказал Том.

— Когда ты увидишь большую круглую луну, ты вернешься обратно на восток. К нам. В свой дом. Том.

— Да, когда я увижу ее, я вернусь, — согласился Том. — Я вернусь домой.

— А когда ты будешь возвращаться, то идти ты будешь по ночам, а спать

— днем.

— Идти по ночам, спать днем.

— Правильно. И ты постарайся, чтобы тебя никто не увидел.

— Хорошо.

— Но, Том, кто-то может увидеть тебя.

— Да, кто-то может.

— Если это будет один человек. Том, убей его.

— Убей его, — сказал Том с сомнением.

— А если их будет много, то беги.

— Беги, — сказал Том более уверенно.

— Но постарайся, чтобы тебя вообще не заметили. Можешь повторить все это сначала?

— Да. Надо вернуться, когда луна будет полной. Идти ночью, спать днем. Стараться, чтобы никто не увидел меня. Если меня увидит один человек, убить его. Если много, бежать.

— Очень хорошо. Я хочу, чтобы через несколько секунд ты проснулся, О'кей?

— О'кей.

— Когда я спрошу про слона, ты проснешься. О'кей?

— О'кей.

Стью откинулся на спинку стула с протяжным, прерывным вздохом.

— Слава Богу, все кончено.

Ник кивнул головой.

— Ты знал, что может случиться нечто подобное, Ник?

Ник покачал головой.

— Откуда он все это знает? — пробормотал Стью.

Ник жестом попросил вернуть ему блокнот. Стью отдал блокнот, радуясь, что наконец-то может от него избавиться. Ник написал записку и вручил ее Ральфу. Ральф прочитал ее и передал Стью.

— В прежние времена некоторые люди считали, что безумцы и умственно отсталые очень близки к Богу. Не думаю, что он сообщил нам какую-то полезную информацию, но перепугал он меня до смерти.

— Это выше моего разумения, вот и все, — пробормотал Ральф. — А про то, что он говорил о Магушке Абагейл, я и думать не хочу. Буди его, Стью, и давай поскорее уберемся отсюда.

Стью вновь наклонился к Тому.

— Том?

— Да.

— Хотел бы ты увидеть слона?

Том немедленно открыл глаза и оглядел их.

— Я же говорил, что ничего не получится, — сказал он. — Ей-Богу, нет. Том не может заснуть посреди дня.

Ник передал Стью листок бумаги.

— Ник говорит, что ты справился прекрасно.

— Вот как? Я стоял на голове, как в прошлый раз?

— Нет, — сказал Стью. — Мы пришли спросить, не можешь ли ты нам помочь.

— Я? Помочь? Конечно! Мне нравится помогать!

— Это опасно. Том. Мы хотим, чтобы ты пошел на запад, а потом вернулся и рассказал нам, что ты там видел.

— О'кей, конечно, — сказал Том без малейшего колебания, но Стью показалось, что мгновенная тень промелькнула по его лицу... и спряталась за простодушными голубыми глазами. — Когда?

— Очень скоро, — сказал Стью тихо.

Следующий день Стью провел на электростанции, обматывая проволокой генераторы. Когда после рабочего дня он возвращался на мотоцикле домой и проезжал через небольшой парк напротив Первого Национального Банка, его окликнул Ральф. Стью слез с велосипеда и подошел к раковине открытой сцены, где Ральф поджидал его, сидя прямо на полу.

— Я искал тебя, Стью. У тебя есть свободная минутка?

— Одна есть. Я опаздываю на ужин. Фрэнни будет беспокоиться.

— Судя по твоим рукам, ты наматывал проволоку на электростанции.

— Да. Даже рабочие перчатки не помогают. Все руки себе изранил.

Ральф кивнул.

— Ну и как там идут дела?

— Я не знаю. Я просто рабочая сила, как и остальные. Бред Китченер утверждает, что электричество появится к концу первой недели сентября, а отопление — к середине месяца. Но, конечно, он слишком молод, чтобы полагаться на его предсказания...

— Я бы поставил на Бреда, — сказал Ральф. — Я доверяю ему.

— Слушай, а что у тебя такой кислый вид?

— Я получил кое-какие новости по радио, — сказал Ральф. — Некоторые — хорошие, а некоторые... ну, не совсем хорошие, Стью. Я хочу сказать тебе об этом, потому что секретничать не имеет смысла. У многих людей в Зоне есть свои радиопередатчики. Наверняка кто-то слушал, когда я разговаривал с этими парнями.

— Сколько человек на подходе?

— Более сорока. Один из них доктор по имени Джордж Ричардсон.

— Ну, великолепные новости!

— Он из Дербишира, штат Теннесси. Большинство людей из этой группы — со Среднего Юга. Так вот у них в группе есть беременная женщина, и ее срок подошел десять дней назад, тринадцатого числа. Доктор принял роды — двойню, с ними было все в порядке. Поначалу.

Стью схватил его за ворот.

— Они умерли? ДЕТИ УМЕРЛИ? Ты это хотел мне сказать? Что они умерли? Отвечай же, черт тебя побери!

— Они умерли, — сказал Ральф тихо. — Один из них прожил всего двенадцать часов. Похоже, просто задохнулся. Другой пережил его на два дня. Ричардсон ничего не мог сделать. Женщина немного повредилась в уме. Все время бормочет о смерти, разрушении и о том, что больше не будет детей. Тебе надо позаботиться о том, чтобы Фрэн не оказался рядом, когда они придут, Стью. Вот что я хотел тебе сообщить. И кроме того, ты должен сразу же ей все рассказать. Потому что если ты не сделаешь этого, это сделает кто-то другой.

Стью медленно выпустил из рук рубашку Ральфа.

— Этот Ричардсон спрашивал, сколько у нас тут беременных женщин, и я сказал, что пока только одна, насколько нам известно. Он спросил, на каком месяце, и я ответил, что на четвертом. Я был прав?

— Она уже на пятом. Но, Ральф, скажи, он уверен, что эти дети умерли от супергриппа? Он уверен в этом?

— Нет, он не уверен, и об этом ты тоже должен сказать Фрэнни. Он сказал, что причины смерти могли оказаться самыми разными... пища, которую приходилось есть матери... что-то наследственное... респираторная инфекция или, может быть, они просто были, понимаешь ли, дефективными. Он сказал, что, возможно, дело в резус-факторе, правда, я не знаю, что это

такое.

— Мы с Гленом говорили об этом, — сказал Стью убитым голосом, — еще в тот день, когда мы впервые встретились. Это было четвертого июля. Кажется, это было так давно... но так или иначе, если эти дети действительно умерли от супергриппа, возможно, это означает, что лет через сорок-пятьдесят мы оставим землю в наследство крысам, мухам и воробьям.

— Когда дети умерли, они были в сорока милях к западу от Чикаго, и Ричардсон убедил их вернуться, чтобы сделать вскрытие в больнице. Он сказал, что может точно выяснить, был ли это супергрипп. Он посмотрелся на него в конце июня. Как и все доктора.

— Да.

— Но утром детей уже не было. Женщина похоронила их и не хотела говорить где. Два дня они раскапывали землю вокруг лагеря, рассчитывая на то, что она не могла уйти слишком далеко от лагеря или закопать их очень глубоко. Но они ничего не нашли, а она продолжала хранить молчание, сколько они ей ни объясняли, как это важно. Бедная женщина совсем тронулась.

— Я могу ее понять, — сказал Стью, думая о том, как Фрэн хочется ребенка.

— Доктор сказал, что даже если это и был супергрипп, то, может быть, двое переживших эпидемию людей могут произвести на свет ребенка, обладающего иммунитетом, — сказал Ральф с надеждой.

— Шансы на то, что отец ребенка обладал иммунитетом, составляют один против миллиона, — сказал Стью. — Во всяком случае, его нет среди нас.

— Извини, что мне пришлось рассказать тебе это, Стью. Но я подумал, что тебе лучше узнать об этом. Чтобы рассказать ей.

— Не представляю, как я сделаю это, — сказал Стью.

Но вернувшись домой, он обнаружил, что кто-то его опередил.

— Фрэнни?

Ответа не последовало. Ужин был на плите — подгорелый, — но квартира была темной и тихой. Стью вошел в гостиную и огляделся.

— Крошка?

Он прошел в спальню, и она оказалась там. В полумраке она лежала на кровати и смотрела в потолок. Лицо ее распухло от слез.

— Привет, Стью, — сказала она тихо.

— Кто рассказал тебе? — спросил он раздраженно. — Кому так не терпелось поделиться приятными новостями? Кто бы это ни был, я вырву его чертов язык.

— Это Сью Стерн. Она узнала от Джека Джексона. У него есть радиопередатчик, и он слышал, как Ральф разговаривал с этим доктором. Она подумала, что лучше поскорее рассказать мне, пока это не сделал кто-нибудь другой. Бедняжка Фрэнни. Обращайся бережно. Не открывай до Рождества. — Из горла у нее вырвался сдавленный смешок. В этом звуке слышалась такая скорбь, что Стью чуть было сам не заплакал.

Он пересек комнату, лег рядом с ней на кровать и откинул волосы с ее лба.

— Радость моя, но ведь это пока еще не точно.

— Я знаю. И, может быть, даже если это супергрипп, у нас будут свои дети. Но я хочу этого. Разве это так уж плохо?

— Нет, конечно, нет.

— Я лежала здесь и ждала, чтобы он задвигался или что-нибудь в этом роде. Я ведь ни разу не чувствовала, как он двигается, с той ночи, когда Ларри приходил искать Гарольда. Помнишь?

— Да.

— Я почувствовала, как он зашевелился, но не стала тебя будить. Теперь я жалею об этом. — Она снова начала плакать, закрыв лицо руками.

Стью убрал руку, вытянулся рядом с ней и поцеловал ее. Она исступленно обняла его, но потом тело ее обмякло.

— Теперь мне остается только ждать. И как же долго мне придется ждать, чтобы проверить, умрет ли мой ребенок, не прожив и дня за пределами моего тела.

— Ты будешь ждать не в одиночестве, — сказал он.

Она крепко обняла его, и долгое время они лежали без движения, прижавшись друг к другу.

Прошло минут пять с тех пор, как Надин Кросс вернулась в гостиную своего старого дома, чтобы собрать кое-какие вещи, и лишь тогда она заметила его на стуле в углу. На нем были одни только трусы, большой палец его был засунут в рот, а его странные серо-зеленые китайские глаза пристально наблюдали за ней.

— Джо... то есть Лео... ну и напугал же ты меня, — сказала она слабым голосом.

Джо ничего не ответил.

— Почему ты не с Ларри и не с мамой-Люси?

Нет ответа.

— Ты не можешь оставаться здесь, — сказала она, пытаясь вразумить его, но прежде чем она продолжила свою речь, она поймала себя на мысли о том, как *долго* он уже здесь находится.

Это было утро двадцать четвертого. Последние две ночи она провела у Гарольда. Неужели он сидел здесь с пальцем во рту уже двое суток? Мурашки пробежали у нее по спине, и с чувством, похожим на отчаянье, она поняла, насколько же она изменилась. Когда-то она бесстрашно спала рядом с этим маленьким дикарем, в те времена, когда он был вооружен и опасен. Теперь он был безоружен, но она была охвачена ужасом. Она подумала, что (Джо? Лео?) полностью избавился от своего прежнего «я». Теперь оно вернулось.

— Ты не можешь оставаться здесь, — сказала она. — Я просто пришла, чтобы забрать кое-какие вещи. Я выезжаю. Я переселяюсь к... одному мужчине.

Но мужчина ли Гарольд? — усмехнулся какой-то внутренний голос. А я-то думал, что он всего лишь средство дойти до конца.

— Лео, послушай...

Он покачал головой, едва заметно, но определенно. Его сверкающие глаза неподвижно уставились на ее лицо.

— Ты больше не Лео?

Он кивнул.

— Ты Джо?

Снова кивок, такой же призрачный.

— Ну, хорошо. Но ты должен понять, что кто бы ты ни был, это ничего не меняет, — сказала она, пытаясь сохранить терпение. — Этот период наших жизней — когда мы с тобой были вместе и были предоставлены сами себе, — он уже отошел в прошлое. Ты изменился. Я изменилась. И мы не можем измениться в обратную сторону.

Но его странные глаза по-прежнему смотрели на нее, словно отрицая эти слова.

— И прекрати на меня смотреть, — резко сказала она. — Это очень невежливо.

Теперь в его взгляде, казалось, появился легкий оттенок упрека. Он словно говорил ей, что так же невежливо бросать людей в одиночестве, а еще более невежливо лишать их своей любви, когда она все еще нужна им.

— Но ты ведь не в одиночестве, — сказала она и стала подбирать уроненные на пол

книги. — У тебя есть Ларри и Люси. Они нужны тебе, и ты нужен им. Ну, по крайней мере, ты нужен *Ларри*, а этого достаточно, потому что ей нужно то же самое, что и ему. Она похожа на листок копирки. Много изменилось в моей жизни, Джо, и не я в этом виновата. Так что перестань шантажировать меня.

Она убрала книги в рюкзак застегнуть пряжки, но пальцы ее дрожали. Молчание становилось все более и более тяжелым.

Наконец она встала и надела рюкзак на плечи.

— Лео.

Она попыталась говорить спокойно и рассудительно, точно так же, как она говорила с трудными учениками. Но это оказалось невозможным.

— Впрочем, дело тут не в Ларри и не в Люси, — злобно сказала Надин. — Дело в этом старом мешке с дерьмом, так ведь? В этой глупой старухе в качалке, которая усмехается миру своими фальшивыми зубами. Но теперь она ушла, и ты прибежал ко мне обратно. Но такие штучки у тебя не пройдут, ты слышишь? *Не пройдут!*

Джо не произнес ни слова.

— А когда я умоляла Ларри... опустила на колени и умоляла его... он даже ухом не повел. Он слишком был занят своей ролью крутого мужика. Так что изволь убедиться, во всем этом нет ни грана моей вины. *Ниграна!*

Мальчик продолжал бесстрастно смотреть на нее.

К ней стал возвращаться ее ужас, вытесняя бессвязную ненависть. Она поднялась назад к двери и рукой попыталась нащупать ручку. Наконец ей это удалось, и она распахнула дверь, с наслаждением почувствовав волну холодного воздуха.

— Иди к Ларри, — пробормотала она. — Прощай, паренек.

Она выбежала за дверь, села на мотороллер и отправилась к Гарольду. Добравшись до его дома, она немного пришла в себя. Но она знала, что если она хочет сохранить душевное здоровье, ей надо покинуть Зону как можно скорее.

Двадцать пятого августа Постоянный Комитет Свободной Зоны Боулдера организовал в аудитории Мюнцингера второй общий митинг. Митинг прошел хорошо. Сначала все спели национальный гимн, но на этот раз глаза у большинства людей остались сухими — это была всего лишь часть ритуала. Был избран Комитет по учету численности населения, во главе которого была поставлена Сэнди ДюШьен. С четырьмя помощниками она немедленно стала расхаживать по аудитории, считая головы и записывая имена. К концу митинга под оглушительные аплодисменты она заявила, что население Свободной Зоны к настоящему моменту насчитывает восемьсот четырнадцать человек.

В последнем ряду Гарольд повернулся к Надин и шепнул ей на ухо:

— А теперь, леди и джентльмены, праздник свободной любви объявляется открытым.

Она улыбнулась ему медленной, томной улыбкой, от которой у него закружилась голова. Стью был единогласно избран судебным исполнителем Свободной Зоны.

— Я буду стараться изо всех сил, — сказал он. — И некоторые из вас, кто аплодирует мне сейчас, могут позднее изменить свое мнение, когда я застану их за каким-нибудь неподобающим делом. Слышишь меня, Рич Моффат?

Последовал общий взрыв смеха. Рич, пьяный, как свинья, тоже захохотал.

— Но, на мой взгляд, у нас нет никаких причин для неприятных происшествий. Основная работа судебного исполнителя заключается в том, чтобы не позволять людям причинять друг другу вред. А среди нас вряд ли найдутся такие, кто хотел бы причинить вред кому бы то ни было. И так уже пострадало слишком много людей. Наверное, это все, что я хотел сказать.

Публика устроила ему продолжительную овацию.

— А теперь следующий пункт, — сказал Стью, — имеющий отношение к проблеме судебного исполнителя. Нам нужно избрать пять человек в Комитет по Соблюдению Законности, а то у меня одного рука не поднимется запереть кого-нибудь в тюрьму, если дело дойдет до этого. Какие будут кандидатуры?

— Как насчет Джаджа? — закричал кто-то.

— Да, Джадж, чертовски правильно! — закричал кто-то другой.

Шеи вытянулись в ожидании того, что Джадж поднимется с места и согласится взять на себя ответственность в своем обычном цветистом стиле. Стью и Глен переглянулись смущенно: комитет должен был предвидеть эту возможность.

— Его здесь нет, — сказал кто-то.

— Кто-нибудь видел его? — расстроенным голосом спросила Люси Сванн. Ларри недовольно взглянул на нее, но она продолжала оглядывать зал в поисках Джаджа.

— Я видел его.

Заинтересованный ропот раздался вокруг когда с места встал Тедди Вейзак.

— Где?

— Где это было, Тедди?

— В городе?

— Что он делал?

Тедди Вейзака передернуло от этого шквала вопросов.

Стью постучал молоточком.

— Тише, ребята.

— Я видел его два дня назад, — сказал Тедди. — Он ехал на «лендровере». Сказал, что отправляется в Денвер на денек. Но не сказал зачем. Мы перекинулись парой шуток по этому поводу. Мне показалось, что он был в очень хорошем настроении. Вот и все, что я знаю.

Стью снова постучал молоточком.

— Очень жаль, что Джаджа здесь нет. По-моему, это была прекрасная кандидатура, но раз его здесь нет, то какие будут еще предложения?

— Нет, мы не можем это так оставить! — запротестовала Люси, вскочив с места. — Джадж Фэррис — старик. Что если он в Денвере заболеет и не сможет вернуться?

— Люси, — сказал Стью. — Денвер очень велик.

Странное молчание воцарилось в зале. Люси села на место, и Ларри обнял ее одной рукой. Лицо ее было бледным.

Председателем Комитета по Соблюдению Законности был избран Эл Банделл, пришедший в Боулдер вместе с группой доктора Ричардсона.

Бледный и взволнованный Бред Китченер подошел к кафедре, уронил свои записи, поднял их, перепутав все листы, и удовольствовался фразой о том, что они надеются вернуть электричество ко второму или третьему сентября. Это сообщение было встречено громом аплодисментов.

Следующим выступал Чед Норрис. Он сказал, что они хоронят мертвецов из чувства самой обыкновенной порядочности, и что никто из них не будет чувствовать себя в своей тарелке, пока последний труп не будет зарыт в землю, желательно до начала сезона дождей. Он попросил парочку добровольцев и мог бы набрать три дюжины, если бы захотел. В конце выступления он попросил встать и откланяться каждого члена Похоронной Команды.

Гарольд Лаудер привстал на одно мгновение и тут же опустился на место. После окончания митинга нашлись люди, заметившие, какой он отличный, но в то же время скромный парень. Но дело было не в скромности. Надин что-то жарко шептала ему на ухо, и он боялся надолго выставлять себя на всеобщее обозрение. Мощная эрекция распирала

спереди его брюки.

Стью, Фрэн, Сью Стерн и Ник вместе отправились из кампуса обратно в город. Было уже почти одиннадцать тридцать.

— Прохладно, — сказала Фрэн. — Надо было мне одеть куртку поверх свитера.

Ник кивнул. Он тоже чувствовал холод. Вечера в Боулдере всегда были прохладными, но сегодня температура была едва ли выше пятидесяти по Фаренгейту. Это служило напоминанием о том, что странное и ужасное лето 1990 года подходит к концу. В который раз Ник пожалел, что Богу Матушки Абагейл пришлось по душе именно Боулдер, а не Майами, к примеру, или Новый Орлеан.

— Они застали меня врасплох, выдвинув Джаджа в комитет, — сказал Стью. — Нам следовало предвидеть это.

Фрэнни кивнула, а Ник быстро нацарапал в своем блокноте несколько слов. «Разумеется. Люди непременно обратят внимание и на отсутствие Тома и Дайны.»

— Думаешь, у них появятся подозрения? — спросил Стью.

Ник кивнул. «Они будут думать, что исчезнувшие ушли на запад. Навсегда.»

Все задумались, пока Ник доставал спички и сжигал свою записку.

— Хреново дело, — сказал Стью наконец.

— Конечно, он прав, — мрачно сказала Сью. — Что еще им остается подумать?

— Как нам повезло, что сегодня никто не заговорил о том, что происходит на западе, — сказала Фрэн.

Ник написал: «Очень повезло. Но в следующий раз нам не отвертеться от этого. Вот почему я предлагаю отложить очередной общий митинг на возможно более долгий срок. Может быть, недели на три. Как насчет пятнадцатого сентября?»

— Это нам удастся только в том случае, если Бред наладит электричество.

— Думаю, он справится, — сказал Стью.

— Я иду домой, — сказала Сью. — Завтра великий день. Дайна уезжает. Я провожу ее до Колорадо Спрингс.

— Ты уверена, что это тебе ничем не грозит, Сью? — спросила Фрэн.

Она пожала плечами.

— Как она приняла наше предложение? — спросила у нее Фрэн.

— Ну, она странная девушка. В колледже она много занималась спортом, особенно теннисом и плаваньем. Первые два года студенческой жизни она продолжала встречаться со своим школьным дружкой. Ну, он был таким детиной в черной кожаной куртке, я — Тарзан, а ты — Джейн, так что убирайся-ка на кухню к своим кастрюлям и сковородкам. А потом ее соседка по комнате пару раз вытащила ее на митинги в поддержку женской эмансипации.

— И в конце концов она стала более эмансипированной, чем соседка, — предположила Фрэн.

— Сначала она стала активисткой женского движения, а потом и лесбиянкой, — сказала Сью.

Стью остановился, как громом пораженный.

— Пошли посмотрим, красавчик, — сказала ему Фрэнни, — нельзя ли тебе приделать застешку ко рту.

Стью закрыл рот, щелкнув зубами.

Сью продолжила свой рассказ.

— Этими двумя известиями она ввергла своего троглодита в полный транс, и он явился к ней с пушкой в руках. Она разоружила его. Она говорит, что это был главный поворотный пункт в ее жизни.

— Так она ненавидит мужчин? — спросил Стью, пристально глядя на Сью.

Сюзан покачала головой.

— Нет, сейчас она бисексуальна, Стюарт. Я надеюсь, ты не будешь давить на комитет, чтобы он принял законы против голубых?

— У меня и без того забот хватает, — пробормотал он, и все рассмеялись.

На следующее утро, направляясь на электростанцию, Стью встретил Сюзан и Дайну, направляющихся по бульвару Кэнион на паре мотоциклов. Он махнул им рукой, они остановились. Стью подумал о том, что никогда Дайна не выглядела такой хорошенькой. Волосы ее были стянуты сзади зеленым шелковым шарфом. Поверх рубашки и джинсов на ней был надет кожаный плащ. К багажнику был привязан спальный мешок.

— Стюарт! — крикнула она и приветственно замахала ему рукой, радостно улыбаясь.

«Лесбиянка?» — усомнился он.

— Похоже, вы собрались в небольшое путешествие, — сказал Стью.

— Разумеется. А вы никогда меня раньше не видели, так ведь?

— Точно, — сказал Стью. — Никогда. Курите?

Дайна вытащила одну сигарету из пачки «Мальборо» и прикрыла руками спичку.

— Будь осторожна, девочка.

— Обязательно.

— И возвращайся.

— Надеюсь вернуться.

Они посмотрели друг на друга в ярком свете позднего утра.

— А ты позаботься о Фрэнни, паренек.

— Обязательно.

— И не суди слишком строго своих сограждан.

— Тут им опасаться нечего.

Она выбросила сигарету.

— Что скажешь, Сюзи?

Сюзан кивнула и завела свой мотоцикл, улыбаясь слегка напряженно.

— Дайна?

Она взглянула на него, и Стью запечатлел у нее на устах нежный поцелуй.

— Счастливо тебе.

Она улыбнулась.

— Надо сделать это дважды, и тогда мне действительно повезет. Разве ты об этом не знаешь?

Он поцеловал ее снова, на этот раз более продолжительно и основательно. «Лесбиянка?»

— вновь усомнился он.

— Фрэнни — счастливая женщина, — сказала Дайна. — Можешь ей меня процитировать.

Улыбаясь, Стью сделал шаг назад и не нашелся, что ответить. В двух кварталах через перекресток прогрохотал оранжевый грузовик Похоронного Комитета.

— Поехали, крошка, — сказала Дайна.

Они двинулись в путь, и Стью проводил их взглядом.

Сью Стерн вернулась через два дня. Она проводила Дайну до Колорадо Спрингс и смотрела ей вслед, пока она не превратилась в крошечную точку на горизонте. Потом она немного поплакала. Заночевала она в Моньюменте, но после полуночи ее разбудил тихий скулящий звук, исходивший, похоже из дренажной трубы, пролежавшей под сельской дорогой, рядом с которой она разбила свой лагерь.

Наконец она набралась мужества и направила луч фонарика в проржавевшую трубу.

Внутри сидел исхудалый, дрожащий щенок в возрасте около шести месяцев. Он отполз в сторону, когда она попыталась к нему прикоснуться. Труба была слишком узкой, чтобы можно было в нее пролезть. Тогда она отправилась в Моньюмент, разбила витрину бакалейного магазина и вернулась обратно с полным рюкзаком консервов. Ее замысел удался. Уютно устроившись в одной из сумок, щенок отправился вместе с ней.

Дик Эллис пришел от щенка в полный восторг. Щенок оказался сукой ирландского сеттера, почти чистопородной. Дик высказал уверенность, что когда она подрастет, Коджак рад будет с ней познакомиться. Новости разлетелись по Свободной Зоне, и в тот день о Матушке Абагейл больше не вспоминали, возбужденно обсуждая будущее собачьих Адама и Евы. Сюзан Стерн превратилась в местную знаменитость, и, насколько Комитету было известно, никому так и не пришло в голову удивиться, что же она делала в Моньюменте, который был расположен далеко на юг от Боулдера.

Но Стью запомнилось именно то утро, когда он провожал глазами Дайну и Сюзан, едущих по направлению к заставе Денвер-Боулдер. Потому что с того дня никто и никогда уже не видел Дайну по эту сторону Скалистых гор.

Двадцать седьмое августа. Уже почти стемнело. На небе горит Венера.

Ник, Ральф и Стью сидели на крыльце дома Тома Каллена. Том на лужайке играл в крокет.

«Пора», — написал Ник.

Стью тихо спросил у него, не надо ли им снова гипнотизировать Тома, но Ник покачал головой.

— Хорошо, — сказал Ральф. — Не думаю, что я смог бы снова вынести эту процедуру. — Повысив голос, он позвал Тома: — Том! Эй, Томми! Иди сюда!

Том побежал к ним, широко улыбаясь.

— Томми, пора идти, — сказал Ральф.

Улыбка исчезла с лица Тома. Он словно впервые обратил внимание на то, что наступают сумерки.

— Идти? Сейчас? Ей-Богу, нет! Когда темнеет. Том ложится в постельку. Тому не нравится ходить по улице в сумерках. Том боится злого буки. Том... Том...

Он замолчал и впал в тупое оцепенение. Потом он вышел из этого состояния, но не так, как обычно. Это было похоже не на внезапное воскрешение, мощным потоком захлестывавшее его тело, а на медленный, неохотный, печальный ручеек.

— Идти на запад? — спросил он.

Стью положил руку ему на плечо и сказал:

— Да, Том. Если ты в силах сделать это.

— По дороге.

Из горла Ральфа вырвался сиплый, приглушенный звук, и он ушел на задний двор. Похоже, Том этого не заметил. Его взгляд переходил со Стью на Ника и обратно.

— Идти ночью. Спать днем. И увидеть слона.

Ник кивнул.

Ларри принес Тому рюкзак, и он медленно надел его на плечи.

— Будь осторожен. Том, — глухо сказал Ларри.

— Осторожен. Ей-Богу, да.

Стью запоздало подумал о том, не стоит ли им дать Тому с собой одноместную палатку, и отверг эту мысль. Даже с маленькой палаткой ему не справиться.

— Ник, — прошептал Том. — Я действительно должен сделать это?

Ник положил руку Тому на плечи и медленно кивнул.

— Ну хорошо.

— Просто иди по большому четырехрядному шоссе, Том, — сказал Ларри. — По N70. Ральф отвезет тебя туда на своем мотоцикле.

— Да, Ральф.

Он замолчал. Ральф вышел из-за дома, яростно вытирая глаза цветным шейным платком.

— Ты готов. Том? — спросил он хрипло.

— Ник? Когда я вернусь, этот дом будет по-прежнему моим?

Ник энергично закивал.

— Том любит этот дом. Ей-Богу, да.

— Мы знаем, Томми. — Теперь уже Стью почувствовал, как к горлу его поступают теплые слезы.

— Хорошо. Я готов. С кем я поеду?

— Со мной, Том, — сказал Ральф. — По шоссе N70. Помнишь?

Том кивнул и пошел к мотоциклу Ральфа. Через мгновение Ральф последовал за ним. Мотоцикл выехал на Бродвей и повернул на восток.

Ник пошел, опустив голову и засунув руки в карманы. Стью попытался составить ему компанию, но Ник потряс головой почти сердито и жестом попросил его отойти. Стью вернулся к Ларри.

— Ну и дела, — сказал Ларри, и Стью мрачно кивнул.

— Как ты думаешь, мы когда-нибудь увидим его снова, а, Ларри?

— Если не увидим, то всем семерым — ну, может быть, кроме Фрэн, она-то всегда была против того, чтобы послать Тома — придется всю оставшуюся жизнь есть и спать, ни на секунду не забывая о том, что это мы послали его туда.

— И в первую очередь это относится к Нику, — сказал Стью.

Они проводили глазами Ника, растворившегося в тенях Бродвея. Потом они в молчании посмотрели на дом Тома.

— Пойдем поскорее отсюда, — сказал Ларри, и они отправились по домам.

Двадцать восьмого августа у Джорджа Ричардсона было много работы. Ему помогали Лори Констебл и Дик Эллис. Дик попросил разрешения оставить мир медицины, но ему в этом было отказано.

— Ты работаешь прекрасно, — сказал ему Ричардсон. — Ты уже многому научился, а в скором времени ты будешь знать еще больше. Кроме того, работы слишком много, и один я с ней не справлюсь. Мы сойдем с ума, если через месяц-другой у нас не появится еще один доктор. Так что прими мои поздравления. Дик. Ты — первый студент-медик Свободной Зоны. Поцелуй его, Лори.

Лори исполнила эту просьбу.

Около одиннадцати часов утра в приемную вошла Фрэн. Она огляделась вокруг с любопытством и некоторым беспокойством. Лори сидела за столом и читала старый номер «Лейдиз Хоум Джорнел».

— Привет, Фрэн, — сказала она, вскакивая со стула. — Я была уверена, что рано или поздно ты появишься у нас. Сейчас Джордж занят с Кэнди Джоунс, но как только он освободится, он займется тобой. Как ты себя чувствуешь?

— Очень хорошо, спасибо, — сказала Фрэн.

Дверь кабинета открылась, и оттуда вышла Кэнди Джоунс, а вслед за ней

— высокий, сутулый человек в вельветовых слаксах и спортивной рубашке с изображением крокодила на груди. Кэнди с сомнением смотрела на пузырек с розовой жидкостью, который был у нее в руке.

— Вы уверены, что дело именно в этом? — с сомнением спросила она у Ричардсона. — Раньше никогда со мной такого не было. Думала, у меня иммунитет.

— Ну, как видите, иммунитета у вас нет, — сказал Джордж с улыбкой. — Не забывайте про крахмальные ванны.

— С Джеком та же беда. Ему надо прийти?

— Нет, но вы можете принимать крахмальные ванны вместе.

Кэнди скорбно кивнула, и взгляд ее упал на Фрэн.

— Привет, Фрэнни, как твои дела?

— Все о'кей. А как ты?

— Ужасно. — Кэнди протянула ей бутылку, чтобы Фрэн могла прочесть надпись КАЛАДРИЛ на этикетке. — Ядовитый плющ. И ни за что не догадаетесь, где я его подцепила. — Она просияла. — Но держу пари, вы догадаетесь, где на него наткнулся Джек.

Они проводили ее несколько удивленными взглядами. Потом Джордж сказал:

— Мисс Голдсмит, не так ли? Комитет Свободной Зоны. Рад познакомиться.

Она протянула ему руку.

— Просто Фрэн. Или Фрэнни, если так вам больше понравится.

— О'кей, Фрэнни. В чем дело?

— Я беременна, — сказала Фрэн. — И чертовски напугана. — И внезапно она разразилась слезами.

Джордж положил ей руку на плечи.

— Лори, ты мне потребуешься минут через пять.

— Хорошо. Доктор.

Он провел ее в кабинет и усадил на кушетку.

— Ну. Почему вы плачете? Из-за близнецов миссис Вентворт?

Фрэнни кивнула.

— Это были трудные роды, Фрэн. Мать очень много курила. Двойняшки весили слишком мало. Родились они поздно вечером, очень быстро. Смерть их могла быть вызвана любой причиной.

— В том числе и супергриппом.

— Да. В том числе.

— Так что поживем — увидим.

— Ну уж нет. Я проведу вам все дородовые обследования. И не только вам, а и любой другой женщине, которая забеременеет в будущем или уже забеременела. У «Дженерал Электрик» был лозунг: Прогресс — Это Самый Важный Продукт Нашего Производства. В Свободной Зоне самым важным продуктом являются дети, и с ними будут обращаться соответственно.

— Но мы ведь действительно не знаем.

— Не знаем. Но будьте повеселей, Фрэн.

— Хорошо. Я попытаюсь.

В кабинет вошла Лори и протянула Джорджу новую медицинскую карточку. Джордж стал задавать Фрэнни вопросы о ее здоровье и вписывать ответы в соответствующие графы.

— Все прекрасно, — сказал Джордж через час.

Фрэн удивленно подняла брови.

— С ребенком все в порядке.

Фрэн шарила в кармане бумажный платок и сжала его в руке.

— Я чувствовала, как он двигался... но это было уже довольно давно. А с тех пор ничего. Я боялась...

— Он жив, это точно, но у меня есть большие сомнения по поводу того, что вы могли почувствовать, как он двигается. Скорее всего, это были газы в кишечнике.

— Это был ребенок, — спокойно сказала Фрэн.

— Ну, как бы то ни было, скоро он задвигается. Срок ваших родов — от начала до середины января. Как вам это нравится?

— Отлично.

— Вы соблюдаете диету?

— Да, пожалуй. Стараюсь изо всех сил, во всяком случае.

— Хорошо. Не тошнит?

— Раньше тошнило немного, но сейчас все прошло.

— Прекрасно. У вас достаточно физических нагрузок?

На одно кошмарное мгновение она увидела себя с лопатой в руках над могилой своего отца. Потом видение исчезло.

— Да, достаточно.

— Увеличился ли ваш вес?

— Да, фунтов на пять.

— Все в порядке. Можете поправиться еще на двенадцать — сегодня я добрый.

Она усмехнулась.

— Но вы же доктор.

— Следуйте моим советам, и вы далеко пойдете. А теперь насчет велосипедов, мотоциклов и мопедов. Забудьте о них после пятнадцатого ноября, скажем. Так или иначе, все равно никто уже не будет ездить на них к тому времени. Слишком холодно. Вы не курите и не пьете слишком много?

— Нет.

— Если на ночь вам захочется пропустить стаканчик, ничего страшного не случится. Я пропишу вам витамины. Вы их найдете в любой городской аптеке...

Фрэнни рассмеялась, и Джордж неуверенно улыбнулся.

— Я сказал что-нибудь смешное?

— Нет, просто так получилось, что в нашей ситуации это действительно забавно.

— А! Понятно. Ну что ж, по крайней мере теперь никто не будет жаловаться на высокие цены на лекарства. И последнее, Фрэн. Вам когда-нибудь устанавливали внутриматочную спираль?

— Нет, — ответила Фрэн и вспомнила свой сон: темный человек с перекрученной металлической вешалкой. Она поежилась. — Нет, — повторила она снова.

— Хорошо. — Он встал. — Не буду говорить вам, чтобы вы не беспокоились...

— Не надо, — согласилась она.

— Но попрошу вас свести беспокойство к минимуму. Чрезмерное беспокойство матери может привести к неправильному обмену веществ у ребенка. Мне не особо нравится прописывать транквилизаторы беременным женщинам, но если вы думаете...

— Нет, в этом нет необходимости, — сказала Фрэн, но выходя под жаркое полуденное солнце, она уже знала, что вся вторая половина ее беременности будет отравлена мыслями о погибших близнецах миссис Вентворт.

Двадцать девятого августа в город прибыли три группы. В первой было двадцать два человека, во второй — четырнадцать, а в третий — двадцать пять. Сэнди ДюШьен обошла семерых членов комитета и сообщила им, что теперь население Свободной Зоны превысило тысячу человек.

Боулдер уже не был похож на город-призрак.

Когда Надин вышла из подвала и поднялась наверх, Гарольд убрал свое изобретение в коробку из-под обуви. Это был радиотелефон, найденный им в одном из местных магазинов. Задняя панель его была снята. Изнутри выходили восемь проводов, соединенные с восемью зарядами динамита.

Через несколько часов Гарольд вновь спустился в подвал, закрыл коробку крышкой и осторожно отнес ее наверх. Он поставил ее на верхнюю полку кухонного шкафа. Днем Ральф Brentner сказал ему, что Комитет Свободной Зоны приглашает на свое следующее заседание Чедда Норриса для выступления. Когда это будет? — небрежно поинтересовался Гарольд. Второго сентября, — ответил Ральф.

ВТОРОГО СЕНТЯБРЯ.

Шел последний день августа. Ларри и Лео сидели на тротуаре напротив своего дома. Ларри пил теплое пиво, а Лео — апельсиновый напиток. Люси стригла лужайку. Он предложил помочь ей, но она покачала головой.

— Попытайся выяснить, что с ним происходит.

Ларри внимательно наблюдал за Лео, который стучал о мостовую все тем же шариком для пинг-понга. Шарик перестал быть белым, но пока не треснул. Ток-ток-ток, — отскакивал он от асфальта.

Лео (ведь теперь он *Лео*, разве не так?) не захотел войти в дом Гарольда.

В тот дом, где теперь жила мама-Надин.

— Не хочешь пойти на рыбалку, паренек? — неожиданно предложил Ларри.

— Рыбы нет, — ответил Лео. Он посмотрел на Ларри своими странными глазами цвета морской воды. — Ты знаешь мистера Эллиса?

— Конечно.

— Он сказал, что когда рыба вернется, мы сможем пить воду. И не надо будет...

— Кипятить ее?

— Ну да.

Ток-ток-ток.

— Мне нравится Дик. Он и Лори. Всегда дают мне что-нибудь поесть. Он боится, что у них не получится, но я уверен, что они смогут.

— Смогут что?

— Смогут завести ребенка. Дик боится, что он слишком стар. Но я уверен, что нет.

Ларри хотел было спросить, как это Дик заговорил с Лео на эту тему, но потом раздумал. Он и сам знал ответ: Дик никогда не говорил мальчику об этом. Лео просто... просто знал, и все.

Ток-ток-ток.

Да, Лео многое знает... или чувствует интуитивно. Он не хотел заходить в дом Гарольда и что-то такое сказал о Надин... Ларри не мог вспомнить точно, что же это было... но он помнил этот разговор и ощутил очень неприятное чувство, когда узнал, что Надин переселилась к Гарольду. Мальчик тогда словно впал в состояние транса... словно...

(ток-ток-ток) Ларри наблюдал за подскакиванием шарика, а потом резко перевел взгляд на лицо Лео. Лео вновь был в этом странном состоянии, словно он прочитал мысль Ларри и отозвался на нее.

Лео ушел посмотреть на слона.

Ларри небрежно сказал:

— Да, я думаю, у них будет ребенок. Дику не больше пятидесяти пяти. Кэри Грант завел ребенка, когда ему было почти семьдесят.

— Кто такой Кэри Грант? — спросил Лео. Мячик прыгал, отскакивая от асфальта.

(«Отъявленный». «На север через северо-запад».)

— Разве ты не знаешь? — спросил он Лео.

— Он был актером, — сказал Лео. — Снимался в «Отъявленном». И в «Северо-западе».

(«На север через северо-запад».)

— «На север через северо-запад», я хотел сказать, — согласился Лео. Глаза его не отрывались от шарика.

— Правильно. Как поживает мама-Надин, Лео?

— Она называет меня Джо. Для нее — я Джо.

— Ааа. — Мурашки медленно поползли у Ларри по спине.

— Плохи дела.

— Плохи?

— С ними обоими.

— С Надин и с...

(ГАРОЛЬДОМ?)

— Да, с ним.

— Они несчастливы вдвоем?

— Он одурачил их. Они думают, что нужны ему.

— Ему?

— ЕМУ.

Слово повисло в неподвижном летнем воздухе.

Ток-ток-ток.

— Они уйдут на запад, — сказал Лео.

— Господи, — пробормотал Ларри. Его бил озноб. Прежний страх захлестнул его. Действительно ли он хочет, чтобы Лео продолжал? Это все равно, что смотреть, как на молчаливом кладбище медленно открывается дверь склепа, а оттуда появляется рука...

«Что бы это ни было, я не желаю слышать это, я не хочу это знать.»

— Мама-Надин хочет убедить себя в том, что это твоя вина. Что ты заставил ее уйти к Гарольду. Но она ждала специально. Она ждала, пока ты не полюбишь маму-Люси слишком сильно. Она ждала до тех пор, пока у нее не появилась уверенность. *Он словно стирает ластиком ту часть ее мозга, которая отличает правду от лжи. Частичку за частичкой. А когда эта часть исчезнет, она станет такой же сумасшедшей, как и все они на западе. А может быть, даже больше.*

— Лео... — прошептал Ларри, и Лео немедленно отозвался:

— Она называет меня Джо. Для нее — я Джо.

— Я тоже должен называть тебя Джо? — усомнился Ларри.

— Нет. — В голосе мальчика послышалась мольба. — Нет. Пожалуйста, не надо.

— Ты скучаешь по маме-Надин, так ведь, Лео?

— Она умерла, — сказал Лео с убийственной простотой.

— Из-за этого ты вернулся так поздно той ночью?

— Да.

— И из-за этого ты не хотел ни с кем разговаривать?

— Да.

— Но сейчас ты говоришь.

— У меня есть ты и мама-Люси.

— Да, конечно...

— Но это ненадолго! — яростно воскликнул мальчик. — Ненадолго, если только ты не поговоришь с Фрэнни! Поговори с Фрэнни! ПОГОВОРИ С ФРЭННИ!

— Комитет...

— Да никакой не комитет! Комитет тебе ничем не поможет, никому он не поможет, это все старые пути, он смеется над вашим комитетом, потому что это — старые пути, а все старые пути принадлежат ему, и ты это знаешь, и Фрэнни это знает, и если вы поговорите с ней, то вы сможете...

Лео сильно швырнул шарик об асфальт — ТОК! — и он подпрыгнул выше его роста, а потом упал на мостовую и укатился. Ларри не отрывал глаз от шарика. Сердце его

отвратительно трепыхалось.

— Я уронил шарик, — сказал Лео и побежал за ним.

Ларри не шелохнулся.

«Фрэнни», — подумал он.

Они сидели вдвоем в раковине открытой концертной площадки на самом краю сцены, свесив свои ноги вниз. До заката оставался час, и несколько людей гуляло по парку. Некоторые из них держали друг друга за руки. Время детей и время любовников совпадает, — ни с того ни с сего подумала Фрэн. Ларри только что закончил свой рассказ о том, что говорил Лео в состоянии транса.

— Ну и что ты думаешь об этом? — спросил Ларри.

— Не знаю, что и думать, — ответила она тихо, — но мне не нравится все то, что с нами происходит. Вещие сны. Старая женщина, которая сначала говорит от имени Бога, а потом уходит в чащу. А теперь маленький мальчик-телепат. Это похоже на сказку. Иногда мне кажется, что супергрипп хоть и сохранил нам жизнь, но отнял у нас разум.

— Он сказал, что я должен поговорить с тобой. Вот я и говорю.

— Господи, — сказала Фрэнни. — И зачем я все это записывала? В этом-то все и дело! Если бы я не оказалась такой глупой, такой самодовольной и не стала бы это записывать... ах, черт меня побери!

Ларри удивленно уставился на нее.

— О чем ты говоришь?

— О Гарольде, — сказала она. — И я боюсь. Я ничего не сказала Стью. Мне было стыдно. Вести дневник — это так *тупо*... а теперь Стью... теперь Гарольд ему по-настоящему нравится... всем жителям Свободной Зоны, включая и тебя, нравится Гарольд. — Она издала смешок, который прозвучал глухо из-за душивших ее слез. — В конце концов, он ведь был твоим... твоим ангелом-хранителем по дороге сюда, разве не так?

— Пока я ничего не понимаю, — медленно произнес Ларри. — Не могла бы ты рассказать мне, чего ты все-таки боишься?

— В том-то и дело, что Я САМА ТОЛКОМ НЕ ЗНАЮ. — Она посмотрела на него, и в глазах у нее блеснули слезы. — По-моему, лучше мне рассказать тебе обо всем, Ларри. Мне надо с кем-то поговорить. Я просто не могу больше держать все это в себе, а Стью... Стью, наверное, не надо об этом знать. Во всяком случае, пока.

— Так давай, Фрэн. Рассказывай.

И она рассказала ему все, начиная с того дня, когда Гарольд подъехал к ее дому в Оганквите на «Кадиллаке» Роя Брэннигана.

После долгой паузы Ларри спросил:

— Как ты можешь быть уверен насчет этого отпечатка? Ты точно знаешь, что он принадлежал Гарольду?

Она поколебалась только одно мгновение.

— Да. Как только я его увидела, я с первой секунды поняла, что он принадлежит Гарольду.

— Эта надпись на амбаре, — сказал Ларри. — Помнишь, в нашу первую встречу я сказал тебе, что поднимался туда, и что Гарольд вырезал на балке сеновала свои инициалы?

— Да.

— Так вот. Там были не только его инициалы. И твои тоже. Внутри сердца. Влюбленные школьники вырезают такие штуки на партах.

Она вытерла слезы.

— Господи, как все это неудачно вышло, — сказала она охрипшим голосом.

— Ты не можешь отвечать за действия Гарольда Лаудера. — Он сжал ее руку и посмотрел ей в лицо. — Это говорю тебе я, который долгое время был нюней и размазней. Ты не должна обвинять себя. Потому что если ты будешь обвинять себя... — Он сжал ее руку так сильно, что она почувствовала боль.

— Так вот, тогда ты сойдешь с ума.

Он отпустил ее руку, и некоторое время они сидели в молчании.

— Неужели ты думаешь, что Гарольд будет мстить Стью? — сказал он наконец.

— Да, — ответила она. — Мне кажется это вполне реальным. А может быть, не только Стью, но и всему комитету. Но я не знаю, что...

Рука Ларри сжала ее плечо. Выражение лица его изменилось. Глаза расширились.

— Ларри? Что...

— Когда он пошел вниз, — бормотал Ларри. — Он пошел за штопором или что-то в этом роде.

— ЧТО?

Он медленно обернулся к ней, словно голова его была насажена на ржавый шарнир.

— Знаешь, — сказал он, — вполне возможно, что существует способ все это разрешить. Конечно, я не могу гарантировать, потому что я не заглядывал в тетрадь, но... в этом есть своя стройная логика... Гарольд читает твой дневник и не только узнает все твои тайны, но и заимствует идею. Черт, он мог даже позавидовать тебе, что ты первая это придумала. Разве все лучшие писатели не вели дневники?

— Ты хочешь сказать, что у Гарольда есть свой дневник?

— Когда он спустился в подвал, — это было в тот день, когда я принес вино, — я осматривал гостиную. Он сказал, что собирается обставить ее современной мебелью, и я попытался вообразить, как она тогда будет выглядеть. И я заметил, что в каминной оgrade один кирпич расшатался...

— ДА! — завопила она так громко, что он подскочил на месте. — В тот день, когда я прокралась к нему в дом... и пришла Надин Кросс... я сидела на оgrade... и я помню тот расшатавшийся кирпич. — Она снова посмотрела на Ларри. — Ну вот, опять. Словно кто-то заботился о том, чтобы мы обязательно заметили...

— Совпадение, — сказал он, но голос его звучал неуверенно.

— Ты так думаешь? Мы оба были у Гарольда дома. Мы оба заметили расшатавшийся кирпич. А теперь мы оба сидим здесь и разговариваем. Совпадение?

— Я не знаю.

— Что было под камнем?

— Толстая тетрадь, — произнес он медленно. — Я даже не заглянул в нее. Тогда я считал, что она с таким же успехом могла принадлежать и предыдущему хозяину дома. Но если бы это было так, то ведь Гарольд обязательно бы ее нашел. Мы-то оба заметили незакрепленный кирпич. Итак, предположим, он ее находит. Даже если бы тот парень, который жил там до эпидемии, записывал бы туда свои маленькие секреты — сумму доходов, утаенных от налоговых инспекции, сексуальные фантазии по поводу своей дочери или уж не знаю что еще, — эти секреты все равно не были секретами Гарольда. Ты согласна?

— Да, но...

— Не перебивать, когда инспектор Андервуд размышляет. Так вот, раз это были секреты, не имеющие никакого отношения к Гарольду, то с чего бы ему снова убирать тетрадь под кирпич? Только потому, что это все-таки были *его секреты*. Это был дневник Гарольда.

— Думаешь, он все еще там?

— Может быть. Надо просто пойти и посмотреть.

— Сейчас?

— Завтра. Он будет работать в похоронной команде, а Надин во второй половине дня помогает на электростанции.

— Хорошо, — сказала она. — Как ты думаешь, надо ли говорить об этом Стью?

— Почему бы не подождать немного? Какой смысл разводить панику, но пока мы уверены, что дело действительно серьезное. Тетрадь может уже не быть на месте. А может оказаться списком намеченных дел. Она может быть набита абсолютно невинными вещами. Или там будет записан его политический план. А может быть, все записи будут зашифрованными.

— Я об этом не подумала. Так что мы будем делать, если там окажется... что-нибудь серьезное?

— Тогда, наверное, нам надо будет показать тетрадь Комитету Свободной Зоны. Еще одна причина, чтобы разделаться с этим делом поскорее. Следующее заседание — второго. Комитет во всем разберется.

— Ты в этом уверен?

— Да, — ответил Ларри, но при этом он вспомнил о словах Лео.

Она спрыгнула со сцены.

— Ну вот, я и почувствовала себя лучше. Спасибо за все, Ларри.

— Где мы встретимся?

— В небольшом парке через дорогу от дома Гарольда. Как насчет часа дня?

— Прекрасно, — сказал Ларри. — Увидимся завтра.

Фрэнни пошла домой. Ни разу за последние несколько недель на душе у нее не было так легко. Как сказал Ларри, альтернатива ясна. Дневник может выбить почву из-под всех их опасений. Если же дело повернется иначе...

Ну, пусть тогда решает комитет. Ларри напомнил ей, что следующее их заседание состоится второго сентября в доме у Ника и Ральфа.

Когда она пришла домой, Стью сидел на кровати с толстым томом под названием «Введение в Уголовный Кодекс Колорадо».

— Тяжелое чтение, — сказала она и поцеловала его в губы.

— А ты как думала. — Он швырнул книгу через всю комнату, и она с глухим стуком приземлилась на туалетном столике. — Эл Банделл притащил. Он со своим комитетом развил бешеную деятельность. Но следующем заседании Комитета Свободной Зоны он хочет выступить. А ты чем занималась, моя прекрасная леди?

— Разговаривала с Ларри Андервудом.

Он метнул в нее пристальный взгляд.

— Фрэн... ты плакала?

— Да, — сказала она, смотря ему прямо в глаза, — но сейчас я чувствую себя лучше. Значительно лучше.

— Это из-за ребенка?

— Нет.

— А из-за чего тогда?

— Расскажу тебе завтра вечером. А до завтра — никаких вопросов. О'кей?

— Что-нибудь серьезное?

— Стью, я не знаю.

Он посмотрел на нее долгим-долгим взглядом.

— Хорошо, Фрэнни, — сказал он. — Я люблю тебя.

— Я знаю. И я тоже тебя люблю.

Утро первого сентября выдалось облачным и дождливым — скучный денек, который хочется поскорее забыть, — но ни один из обитателей Свободной Зоны Боулдера никогда его не забыл. Потому что именно в этот день заработала электростанция... по крайней мере, на время.

Через некоторое время после того, как Бред Китченер включил два огромных рубильника, один из генераторов загудел на более тонкой и жалобной ноте и задымился. Люди отпрянули. Помещение стало наполняться тошнотворно-сладким запахом озона.

— Слишком большая нагрузка! — заорал Бред.

Он подбежал к рубильникам и отключил электроэнергию. Скуление генераторов начало затихать, но до того, как оно прекратилось, раздался взрыв, звук которого был частично заглушен слоем защитного стекла.

— Черт возьми, — сказал Ральф. — Один из них загорелся.

Лампы дневного света над ними потухли. Бред резко открыл дверь дежурной комнаты и выбежал на площадку. Слова его отдались эхом в открытом пространстве.

— Тащите огнетушитель! Скорее!

Несколько огнетушителей были направлены на генераторы, и огонь был потушен. Запах озона все еще чувствовался в воздухе.

Стью положил руку Бреду на плечо.

— Жаль, что все так получилось, парень, — сказал он.

Бред обернулся к нему с усмешкой.

— Жаль? Чего тебе жаль?

— Ну, генератор сгорел, разве нет? — спросил Джек.

— Да, черт возьми! Конечно, сгорел! А где-то в районе Северной улицы накрылся трансформатор. Мы забыли, черт возьми, мы совсем забыли! Они заболели и умерли, но перед тем, как это сделать, им не пришло в голову выключить электроприборы! Включены телевизоры, микроволновые печи, электрические одеяла, — и так по всему Боулдеру. Огромная нагрузка. Эти генераторы устроены так, что когда нагрузка слишком велика, они подключаются к другим генераторам, где нагрузка поменьше. Этот генератор и пытался подключиться, но не к чему было, понимаете? — Бред чуть не трясся от возбуждения. — Гэри! Помните, как Гэри, штат Индиана, сгорел дотла?

Все закивали.

— Не уверен, не могу быть уверен на все сто процентов, но, возможно, там произошло то же самое, что и у нас. Мы бы тоже сгорели, если бы не успели вовремя отключить электроэнергию. Одного замыкания в электрическом одеяле могло оказаться достаточно. Эти два генератора попытались скинуть с себя часть нагрузки, но у них ничего не вышло. Вот они и сгорели. Нам крупно повезло, что это случилось — вот что я думаю.

— Ну, раз ты так говоришь, — сказал Ральф с сомнением.

Бред сказал:

— Нам надо начать работу сначала, но на этот раз у нас только один неисправный генератор. Мы быстро справимся. Но... — Бред щелкнул пальцами.

— Мы не можем снова включить электроэнергию до тех пор, пока мы не будем полностью уверены. Можем мы организовать еще одну рабочую бригаду? Человек двенадцать?

— Конечно, — ответил Стью, — а зачем?

— Бригаду Выключателей. Просто горстка парней, которые будут расхаживать по Боулдеру и выключать все электроприборы, которые попадутся им на глаза. Мы не сможем запустить электростанцию, пока все не будет выключено. У нас нет пожарной команды,

парень.

— Завтра вечером у нас состоится заседание Комитета Свободной Зоны, — сказал Стью. — Ты придешь, объяснишь причину и получишь своих людей. Но ты уверен что в следующий раз перегрузки не будет?

— Абсолютно уверен. Ее и сегодня не было, если бы столько приборов не остались включенными. Кстати сказать, кому-то надо отправиться в северную часть Боулдера и посмотреть, нет ли там пожара.

Через час Фрэн въехала на велосипеде в небольшой парк через дорогу от Гарольда. Утренний дождь перешел в густой туман.

Она огляделась в поисках Ларри, но не увидела его. По росистой траве она подошла к качелям, и чей-то голос произнес:

— Сюда, Фрэнни.

Она удивленно посмотрела на небольшое здание, в котором помещались мужской и женский туалеты, и на мгновение ее охватил страх. В тени рядом со зданием стояла высокая фигура, и на мгновение ей показалось...

Потом фигура сделала шаг вперед и превратилась в Ларри, одетого в потертые джинсы и рубашку цвета хаки. Фрэн расслабилась.

— Я испугал тебя? — спросил он.

— Да, немного. — Она села на качели, и сердце ее стало постепенно успокаиваться. — Я просто увидела твой силуэт в темноте...

— Извини. Я решил, что так будет безопаснее, хотя от дома Гарольда этого места вообще не видно. Я вижу, ты тоже на велосипеде.

Она кивнула.

— Меньше шума.

— Я спрятал свой вон в том убежище. — Он кивнул в сторону здания рядом со спортивной площадкой.

Фрэн последовала его примеру. Запах внутри оказался затхлым и зловонным. Внутри все было усыпано пустыми бутылками и окурками. В дальнем углу валялись смятые брюки, а в ближнем остались следы от когда-то разведенного здесь костра. Она поставила свой велосипед рядом с велосипедом Ларри и быстро вышла. В этом сумрачном помещении, заполненном запахом сексуальных выделений, было очень легко вообразить, что темный человек стоит прямо у тебя за спиной, сжимая в руке перекрученную металлическую вешалку.

— Постоянное место отдыха, не так ли? — сухо спросил Ларри.

— Не мне принадлежала идея воспользоваться этим очаровательным помещением, — сказала Фрэн, и голос ее слегка дрожал. — Независимо от того, что мы узнаем сегодня, этим вечером я хочу все рассказать Стью.

Ларри кивнул.

— Да, и не только потому, что он — член комитета. Он ведь и судебный исполнитель.

Фрэн обеспокоенно посмотрела на Ларри. Она в первый раз по-настоящему поняла, что их сегодняшняя экспедиция может закончиться для Гарольда тюрьмой.

— Ах ты черт, — вздохнула она.

— Да уж, дело не из приятных, — согласился он. — Хочешь отменить нашу затею?

После долгого размышления она покачала головой.

— Правильно. Я думаю, мы обязаны все выяснить, тем или иным способом.

— Ты уверен, что их обоих нет дома?

— Да. Я видел, как Гарольд уехал на грузовике похоронного комитета сегодня утром. А всех, кто входит в комитет по энергетике, пригласили сегодня на пробный запуск.

— Ты уверен, что она пошла?

— Со стороны это смотрелось бы очень странно, если бы она осталась дома, разве не так?

Фрэн кивнула.

— Наверное, так и есть. Кстати, Стью сказал, что они надеются снова запустить электростанцию к шестому числу.

— Это будет великий день, — сказал Ларри и подумал о том, как здорово будет взять в руки большую гитару, подключить ее к еще большему усилителю и начать наигрывать что-нибудь. Может быть, «Глорию», или «Прогулку с собакой». Собственно говоря — все, что угодно, кроме «Крошки».

— Может быть, — сказала Фрэнни, — нам следует запастись каким-нибудь предлогом. Просто на всякий случай.

Ларри криво улыбнулся.

— Попытаешься убедить их, что мы разносим подписные бланки на журналы?

— Ха-ха, очень смешно.

— Ну, мы можем сказать ей то же самое, что ты только что сообщили мне

— о запуске электростанции. Если она окажется дома.

Фрэн кивнула.

— Да, это сойдет.

— Не обманывай себя, Фрэн. У нее возникнут подозрения, даже если мы придем к ней, чтобы сообщить, что только что состоялось второе пришествие, и Иисус Христос разгуливает по крыше городского резервуара.

— Это в том случае, если она чувствует за собой какую-то вину.

— Да.

— Пошли, — сказала Фрэн после непродолжительной паузы.

Предлог не понадобился. Долгий и безрезультатный стук сначала в парадную, а потом и в заднюю дверь убедил их в том, что дом Гарольда абсолютно пуст.

— Как ты проникла внутрь? — спросил Ларри.

— Через подвальное окно.

Они подошли к торцу дома, и Ларри долго дергал за ручку.

— Может быть, ты и попала сюда через окно, но сейчас оно закрыто.

— Да нет, просто заело. Дай я попробую.

Но и у нее ничего не получилось.

— Что нам делать теперь? — спросила она.

— Разобьем стекло.

— Ларри, он увидит.

— Ну и пусть видит. Если ему нечего скрывать, он подумает, что это просто пара озорных ребятишек, которые выбивают стекла в пустых домах. А если ему есть, что скрывать, то он будет очень обеспокоен, и вполне заслуженно. Так?

Она посмотрела на него с сомнением, но он не колеблясь снял рубашку, обернул ее вокруг кулака и разбил стекло.

— Готово. — Он открыл окно изнутри. Ларри спустился в подвал первым и обернулся, чтобы помочь Фрэн. — Будь осторожна, крошка. Никаких выкидышей в подвале у Гарольда Лаудера.

Он подхватил ее под руки и медленно опустил вниз. Вместе они оглядели игровую комнату. На столе для игры в хоккей валялись обрывки цветных электропроводов.

— Что это? — спросила она, подобрав один из кусочков.

— Раньше здесь этого не было.

Он пожал плечами.

— Может быть, Гарольд конструирует новейшую модель мышеловки.

Под столом валялась коробка, и Ларри поднял ее. На крышке было написано: ПРЕВОСХОДНЫЙ НАБОР РАДИОТЕЛЕФОНОВ, БАТАРЕЙКИ В КОМПЛЕКТ НЕ ВХОДЯТ. Ларри открыл коробку, но ее легкость еще раньше подсказала ему, что внутри ничего нет.

— Он собирает радиотелефоны, а не мышеловки, — сказала Фрэн.

— Нет, это не конструктор. Эта штука продается в готовом виде. Может быть, он что-то в них менял. Это очень похоже на Гарольда. Помнишь, как Стью ругался по поводу плохой связи, когда они вместе с Гарольдом и Ральфом искали Матушку Абагейл?

Она кивнула, но что-то в этих обрывках проводов по-прежнему смущало ее.

Ларри уронил коробку на пол и произнес фразу, которая позднее показалась ему самым ошибочным заявлением за всю его жизнь.

— Это не имеет значения, — сказал он. — Пошли.

Они поднялись по лестнице, но на этот раз дверь в кухню оказалась закрыта. Она посмотрела на него, и Ларри пожал плечами.

— Отступить уже поздно, так ведь?

Она кивнула.

После того, как дверь была взломана, Ларри подобрал с пола отлетевший засов.

— Я поставлю эту штуку на место, и он никогда ничего не заметит. Надо только найти отвертку.

— К чему лишние хлопоты? Он же все равно заметит разбитое окно.

— Правильно. Но если засов на двери окажется нетронутым, он... чего это ты улыбаешься?

— Засов ты может и прикрутишь. Но как ты собираешься закрыть его с обратной стороны двери?

Он призадумался и сказал:

— Господи, женщин, которые слишком много о себе воображают, я ненавижу больше всего на свете. — Он швырнул засов на кухонный стол. — Пошли посмотрим под кирпичом.

Они вошли в темную гостиную, и Фрэнни почувствовала растущее беспокойство. В прошлый раз у Надин ключа не было. Но на этот раз она может вернуться с ключом. Какая это будет горькая шутка, если первой обязанностью Стью в качестве судебного исполнителя окажется арест его собственной жены за незаконное проникновение.

— Этот? — спросил Ларри, указывая пальцем.

— Да. Поторопись.

— Так или иначе, скорее всего, он его перепрятал. Гарольд действительно перепрятал дневник. Но Надин положила его на старое место. Ларри и Фрэн ничего об этом не знали. Когда Ларри приподнял кирпич, в открывшемся углублении они увидели толстую тетрадь.

— Ну что, — спросил Ларри. — Долго мы будем на нее смотреть?

— Бери ты, — сказала Фрэн. — Я даже не хочу к ней прикасаться.

Ларри взял тетрадь и стер пыль с обложки. Он пролистал несколько страниц. Гарольд писал тонким фломастером. Почерк у него был очень мелким. Абзацев не было.

— Нам потребуется три дня, чтобы все это прочитать, — сказал Ларри и стал перелистывать дневник.

— Подожди, — сказала Фрэн и протянула руку, чтобы вернуться обратно на пару страниц. Там непрерывный поток слов прерывался смело очерченным треугольником. Внутри было написано нечто вроде девиза:

«Следовать своей звезде — это значит подчиняться воле более великой Силы, воле Провидения; но это не исключает того, что сам акт следования этой воле является стержневым корнем еще более могущественной Силы. Твой БОГ, твой ДЬЯВОЛ владеет ключами от маяка; я так долго мучился этим в последние два месяца; но каждому из нас он дал возможность отправиться в ПЛАВАНЬЕ.

ГАРОЛЬД ЭМЕРИ ЛАУДЕР.»

— Извини, — сказал Ларри. — Это за пределами моего понимания. Ты что-нибудь уловила?

Фрэн медленно покачала головой.

— По-моему, Гарольд хочет сказать, что быть ведомым может оказаться настолько же почетно, как и быть ведущим.

Ларри снова начал листать тетрадь, наткнувшись еще на четыре или пять обрамленных в рамку максим, под каждой из которых большими буквами было написано полное имя Гарольда.

— Ну и ну, — воскликнул Ларри. — Посмотри-ка на эту, Фрэнни!

«Утверждают, что гордость и ненависть — два основных человеческих греха. Но так ли это? Я предпочитаю думать о них, как о двух основных добродетелях. Отказаться от гордости и ненависти означает согласиться с тем, что ты должен измениться во имя мира. Сохранить же их в себе — куда более благородно; это означает, что мир должен измениться во имя тебя. Я пустился в великую авантюру.

ГАРОЛЬД ЭМЕРИ ЛАУДЕР.»

— Эта мысль могла родиться только в очень беспокойной душе, — сказала Фрэн. Ей стало холодно.

— Это как раз тот тип мышления, который и вверг нас во всю эту катастрофу, — сказал Ларри. Он быстро перелистнул страницы на начало. — Не будем терять времени. Посмотрим, что мы можем из этого извлечь.

Они прочли первое предложение, положив дневник между собой, как дети на уроке пения. Изо рта у Фрэн вырвался приглушенный возглас. Она подалась назад и прикрыла рот рукой.

— Фрэн, мы должны взять это с собой, — сказал Ларри.

— Да...

— И показать Стью. Не знаю, прав ли Лео насчет того, что они перешли на сторону темного человека, но нет никаких сомнений в том, что Гарольд опасно возбужден. Ты и сама это видишь.

— Да, — повторила она. Она почувствовала себя на грани обморока. Так вот как заканчиваются эти истории с дневниками. Она словно знала об этом с того самого момента, когда увидела в своем дневнике шоколадный отпечаток. Только не потерять сознания, — повторяла она про себя.

— Фрэнни? С тобой все в порядке?

Голос Ларри. Откуда-то издалека.

Первое предложение дневника Гарольда:

«Самым большим наслаждением для меня в это восхитительное пост-апокалиптическое лето станет убийство мистера Стюарта Мудозвона Редмана; может быть, ее я тоже убью.»

Никто не ответил ей на стук, но ведь внутри мог оказаться этот глухонемой. Ты можешь барабанить в дверь хоть до посинения, но он все равно тебя не услышит. Придав своему лицу приятное выражение и заготовив извинительную фразу, Надин вошла в дом.

Она поднялась по лестнице. Гарольд сказал ей, что скорее всего они соберутся в

гостиной. В южной части этой огромной комнаты она нашла то, что искала, — большой шкаф, который Ральф не успел еще разобрать. Рядами висят пальто на вешалках, а сзади все завалено обувью, перчатками и зимними шерстяными вещами.

Она быстро достала из сумки консервы. Они служили камуфляжем, а под ними лежала коробка с динамитом и радиотелефоном.

— Если я положу эту штуку в шкаф, сработает ли она, как надо? — спросила она вчера у Гарольда. — Не будет ли взрыв слишком слабым?

— Надин, — ответил Гарольд, — если устройство сработает — а у меня нет причин в этом сомневаться, — то оно разнесет дом, и холм, на котором он стоит. Так что положи его в какое-нибудь укромное местечко и не забивай себе голову всякой чепухой. Все будет, как в старой сказке о портном и мухах. Одним махом — семерых убивахом. Только в данном случае мы имеем дело с политическими тараканами.

Надин проделала нору в залежах обуви и шерстяных шарфов и положила туда коробку. Ну вот. Готово.

Она быстро вышла из дома, не оглядываясь и пытаясь не обращать внимания на голос, который приказывал ей вернуться обратно и вырвать провода, соединяющие радиотелефон с динамитными зарядами.

Она завела мотороллер, и на обратном пути голос беспрестанно твердил ей одно и то же: «Ты ведь не оставишь это там, правда? Ты ведь не оставишь там эту бомбу, так?»

«В мире, где уже столько людей погибло...»

Она завернула за угол, едва различая дорогу. Слезы застилали ей глаза.

«...самый тяжелый грех — это отнять человеческую жизнь.»

А тут речь идет о семи жизнях. Да нет, больше, потому что комитет собирается выслушать доклад нескольких подкомитетов.

Она остановилась на углу Базелайн и Бродвея, уже намереваясь развернуться и отправиться назад. Ее всю трясло.

Позже она никак не могла объяснить Гарольду, что же с ней произошло. Честно говоря, она и не пыталась. Это было предчувствие будущих ужасов.

Она ощутила, что зрение ее затмевается.

Казалось, перед ней медленно опускается темный занавес, слегка развевающийся на ветру. Время от времени ветер усиливался, занавес начинал трепыхаться сильнее, и ей удавалось разглядеть по краям небольшие участки пустынного перекрестка.

Но вскоре занавес приблизился к ней вплотную, и она потерялась в нем. Она ослепла, оглохла и лишилась осязания. Мыслящее «я» Надин обернулось темным, теплым коконом.

И она почувствовала, как он входит в нее.

Из груди ее рвался дикий вопль, но у нее не было рта, чтобы закричать.

ПРОНИКНОВЕНИЕ: ЭНТРОПИЯ.

Она не знала, что значат эти слова в таком сочетании, но она почувствовала, что в них заключена истина. Ничего похожего ей не приходилось испытывать за всю свою жизнь. Позже ей пришло в голову несколько метафор, и она отвергла их одну за другой:

Ты плывешь в теплой воде и неожиданно попадаешь в яму глубокого холода, от которого немеет все тело.

Тебе сделали укол новокаина в десну и вырвали зуб. Он вышел без всякой боли. Ты сплевываешь кровью в эмалированный тазик. В тебе образовалась дыра. Ты можешь ощупать языком то место, где еще секунду назад жила часть тебя.

Ты смотришь на себя в зеркало. Смотришь очень долго. Пять минут, десять, пятнадцать. Не моргая. С ужасом ты начинаешь замечать, как лицо твое меняется, словно лицо Лона Чани

Младшего в фильме об оборотнях. Ты уже не знаешь себя самого и превращаешься в свой двойник, в безумного вампира с бледной кожей и рыбьими глазами.

Ни одно из этих ощущений не было похоже на то, что она испытала, но она почувствовала привкус каждого из них.

Темный человек вошел в нее, и ОТ НЕГО ИСХОДИЛ ХОЛОД.

Когда она открыла глаза, ей сперва показалось, что она в аду.

Ад был белизной — тезис к антитезису темного человека. Перед ней простиралось выбеленное ничто. Белое-белое-белое. Ее окружал белый ад, и он был повсюду.

Она устала на белизну (невозможно было уставиться в нее) и лишь через несколько минут ощутила вилку мотоцикла между бедер. Краем глаза она увидела другой цвет — зеленый.

С усилием она оторвала глаза от белой плоскости и огляделась вокруг. Губы ее дрожали, в глазах бесновался ужас. Темный человек был в ней. Флегг был в ней. И когда он пришел, он лишил ее всех пяти чувств, связывающих ее с реальностью. Он прокатился на ней, как человек может прокатиться на легковушке или на грузовике. И он привез ее... куда?

Она посмотрела на белую плоскость и поняла, что это был экран открытого кинотеатра на фоне белого дождливого неба. Обернувшись, она заметила бар. Стены его были покрашены в ярко-розовый цвет, телесного оттенка. На фасаде было написано: ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ХОЛИДЕЙ ТВИН! ЭТИМ ВЕЧЕРОМ НАСЛАЖДАЙТЕСЬ РАЗВЛЕЧЕНИЯМИ ПОД ЗВЕЗДНЫМ НЕБОМ!

Темнота окутала ее на пересечении Базелайн и Бродвея. Теперь она оказалась в конце Двадцать Восьмой улицы, почти за пределами города, откуда шла дорога на... Лонгмонт, не так ли?

Вокруг нее стояли железные мачты, и на каждой из них было установлено по два громкоговорителя. Под ногами у нее был гравий, но сквозь него росли трава и одуванчики. Пожалуй, в «Холидей Твинс» было не слишком много посетителей, начиная с середины июля. Неудачное лето для того, чтобы делать деньги на развлечениях.

— Почему я здесь? — прошептала она.

Это был просто разговор с самой собой — она не ожидала никакого ответа. Поэтому, когда ответ прозвучал, ужас сжал ей горло.

— НАДИН! — раздалось из громкоговорителей, и это был его голос. Как она закричала! Руки ее немедленно прижались к ушам, но голос раздавался одновременно из всех громкоговорителей, и не было опасения от его ужасающей ликующей интонации и звучащей в нем кошмарной комической похоти.

— НАДИН, НАДИН, О, КАК Я ЛЮБЛЮ ЛЮБИТЬ НАДИН, МОЯ ЛАПОЧКА, МОЯ КРАСАВИЦА...

— ПРЕКРАТИ! — закричала она, до предела напрягая голосовые связки, но все равно ее голос казался ничтожным по сравнению с доносящимся из громкоговорителей воплем великана. И тем не менее, на мгновение голос все-таки остановился. Наступила тишина. Громкоговорители смотрели на нее, словно фасетчатые глаза гигантских насекомых.

Надин медленно отняла руки от ушей.

«Ты сошла с ума, — успокоила она себя. — Вот и все. Напряженное ожидание... игры Гарольда... установка бомбы... все это подвело тебя к самому краю, дорогая, и ты сошла с ума. Ну что ж, может быть, так оно и лучше.»

Но она не сошла с ума и прекрасно знала об этом.

Все это было гораздо хуже, чем сумасшествие.

Словно в подтверждение этого громкоговорители вновь загрохотали суровым, но

вместе с тем почти жеманным голосом — голосом директора школы, который по школьному радио упрекает своих учеников за какую-нибудь проделку.

— НАДИН, ОНИ ЗНАЮТ.

— Они знают, — отозвалась она, как попугай. Она не была уверена в том, кто такие они и что они знают, но ни на секунду не усомнилась в неизбежности случившегося.

— ВЫ ВЕЛИ СЕБЯ ГЛУПО. ГЛУПОСТЬ МОЖЕТ НРАВИТСЯ БОГУ, НО НЕ МНЕ.

Глупость, — подумала она. Глупость, глупость. Я знаю, что означает это слово. По-моему, оно означает смерть.

— ОНИ ЗНАЮТ ОБО ВСЕМ... КРОМЕ КОРОБКИ С ДИНАМИТОМ.

Громкоговорители. Повсюду.

— ОТПРАВЛЯЙТЕСЬ НА АМФИТЕАТР САНРАЙЗ. ОСТАВАЙТЕСЬ ТАМ. ДО ЗАВТРАШНЕГО ВЕЧЕРА. ДО ТОГО, КАК ОНИ СОБЕРУТСЯ. А ПОТОМ ВЫ С ГАРОЛЬДОМ МОЖЕТЕ ПРИЙТИ. ПРИЙТИ КО МНЕ.

Теперь Надин охватило простое, сияющее чувство благодарности. Они вели себя глупо... но им дали право на вторую попытку. И скоро, очень скоро она будет с ним... и тогда она сойдет с ума, она была абсолютно в этом уверена, и ничто уже больше не будет иметь значения.

— Амфитеатр Санрайз может оказаться слишком далеко, — сказала она. Ее голосовые связки были повреждены, и она могла только каркать. — Он может оказаться слишком далеко для... — Для чего? Она задумалась. Ах! Точно! Правильно! — Для радиотелефона. Для сигнала.

Ответа не последовало.

Она завела мотороллер. Эхо заставило ее вздрогнуть. Оно звучало, как винтовочные выстрелы. Она стремилась поскорее убраться из этого ужасного места, подальше от этих глазастых громкоговорителей.

Она *должна была убраться отсюда.*

Она поджидала Гарольда за углом рядом с автобусной остановкой. Когда он увидел ее, лицо его застыло и побледнело.

— Надин... — прошептал он.

— Гарольд, — сказала она, — они все знают. Мы должны...

— Твои *волосы*, Надин, о Господи, что стало с твоими *волосами*...

— СЛУШАЙ МЕНЯ!

Казалось, он немного овладел собой.

— Хо-оорошо. В чем дело?

— Они были у тебя дома и нашли твой дневник. Они унесли его с собой.

Лицо Гарольда исказилось от гнева, ужаса, стыда. Понемногу эмоции схлынули, и, словно труп утопленника, всплывающий на поверхность, на лице его вновь появилась неподвижная усмешка.

— Кто это был?

— Точно не знаю, да это и не важно. Фрэн Голдсмит была одной из них — это точно. Вторым был то ли Бэйтмен, то ли Андервуд. Я не знаю. Но они придут за тобой, Гарольд.

— Откуда ты все знаешь? — Он грубо схватил ее за плечи, вспомнив о том, что именно она положила дневник обратно под кирпич. Он потряс ее, как тряпичную куклу, но Надин смотрела ему в лицо без страха. В этот длинный-длинный день ей приходилось быть лицом к лицу и с более страшными вещами, чем Гарольд Лаудер.

— ТЫ, СУКА, ОТКУДА ТЫ ВСЕ ЭТО ЗНАЕШЬ?

— Он сказал мне.

Гарольд уронил руки.

— Флегг? — спросил он шепотом. — Он сказал тебе? Он говорил с тобой? И он сделал *это*?

— О чем ты?

Они стояли рядом с магазином электроприборов. Снова взяв ее за плечи, Гарольд повернул ее к витрине. Надин долгим взглядом посмотрела на свое отражение в стекле.

Ее волосы стали абсолютно белыми.

— Пошли, — сказала она. — Мы должны уйти из города.

— Сейчас?

— Когда стемнеет.

— Мы уйдем на запад?

— Пока нет. Сначала мы дождемся завтрашнего вечера.

— Может быть, я уже не хочу этого, — прошептал Гарольд.

— Слишком поздно, — ответила она.

— Ну, что скажешь? — спросил Ларри.

На лице Стью отразилось глубокое беспокойство. Он положил дневник Гарольда на стол и сел.

— Я прочитал все, и теперь у меня болит голова. Не привык читать так много.

— Гарольд болен, — сказала Фрэн.

— Да, — ответил Стью и закурил сигарету. — И опасен.

— Что мы должны предпринять? Арестовать его?

Стью легонько постучал по обложке дневника.

— Он и Надин собираются сделать нечто такое, что обеспечит им хороший прием на западе. Но здесь не написано, что это.

— Но там упоминаются многие люди, к которым он не питает чересчур пламенной привязанности, — сказал Ларри.

— Мы арестуем его? — снова спросила Фрэн.

— Я пока не знаю. По-моему, надо обсудить все это на заседании комитета. Как ты думаешь, Ларри, если мы попросим Эла Банделла остаться и расскажем ему о Гарольде, он сможет держать язык за зубами?

— Я в этом не сомневаюсь.

— Как жаль, что с нами нет Джаджа, — посетовал Стью. — Я так к нему привязался.

На секунду они замолчали, задумавшись о том, где сейчас находится Джадж. Снизу раздались звуки гитары. Лео играл «Систер Кейт» в версии Тома Раша.

— У нас только две альтернативы. Мы должны изолировать общество от них, но, черт возьми, я не хочу отправлять их в тюрьму.

— Так каков же выход? — спросил Ларри.

Фрэн ответила за Стью:

— Изгнание.

Ларри повернулся к ней. Стью медленно кивал, глядя на кончик сигареты.

— Просто прогнать его из города? — спросил Ларри.

— И его, и ее, — сказал Стью.

— Но примет ли их Флегг в такой ситуации? — спросила Фрэнни.

Стью поднял на нее взгляд.

— Радость моя, это уже не наша проблема.

Она кивнула и подумала: «О, Гарольд, я не хотела, чтобы все так получалось».

— Какие-нибудь предположения по поводу того, что они собираются учинить?

Ларри пожал плечами.

— Надо поставить этот вопрос перед всем комитетом. Но кое-что я могу назвать.

— Например?

— Электростанция. Саботаж. Попытка убить тебя и Фрэнни. Вот что первое приходит в голову.

Фрэн выглядела бледной и испуганной.

Ларри продолжил:

— Мне кажется, что он отправился на поиски Матушки Абагейл с тобой и Ральфом, надеясь на то, что ему представится возможность убить тебя.

— У него была такая возможность, — сказал Стью.

— Может быть, он струсил.

— Прекратите, пожалуйста, — глухо спросила Фрэнни.

Стью встал и ушел в гостиную. Там стоял подключенный к аккумулятору радиопередатчик. Повозившись немного, он связался с Бредом Китченером.

— Бред, черт тебя побери! Говорит Стюарт Редман. Можешь организовать сегодня ночью дежурство на электростанции?

— Конечно, — раздался голос Бреда. — Но на хрен это нужно?

— Ну, это деликатная проблема. Я тут кое от кого узнал, что кое-кто может попытаться подложить нам большую свинью.

Ответ Бреда состоял из ужасных богохульств.

Стью кивнул микрофону, слегка улыбаясь.

— Я понимаю твои чувства. Это только на сегодняшнюю ночь и, может быть, на завтрашнюю, насколько мне известно. Потом все должно прийти в норму.

Бред сказал, что ему не придется пройти и двух кварталов, чтобы набрать дюжину человек из комитета по энергетике, которые будут счастливы кастрировать любого диверсанта.

— В этом замешан Рич Моффат?

— Нет, это не Рич. Я тебе потом все объясню, о'кей?

— Прекрасно, Стью. Я организую дежурство.

Стью выключил радиопередатчик и вернулся на кухню. Ларри собрался уходить.

— Увидимся завтра, — сказал Стью.

— Ну что, ребята, начнем, — сказал Стью, постучав по столу пивной банкой.

Глен с Ларри сидели на каминной оgrade, повернувшись спиной к огню, который развел Ральф. Ник, Сюзан Стерн и Ральф сидели на кушетке. Бред Китченер стоял в дверном проеме с банкой пива в руках и разговаривал с Элом Банделлом, который смешивал виски с содовой. Джордж Ричардсон и Чед Норрис сидели у огромного окна, занимавшего всю западную стену.

Фрэнни сидела, удобно прислонившись спиной к двери шкафа. Между ног у нее лежал рюкзак с дневником Гарольда Лаудера внутри.

— Порядок! — провозгласил Стью, и стук стал громче. — О'кей... дел у нас по горло, но сначала я хотел бы поблагодарить Ральфа за любезно предоставленную нам крышу над головой, выпивку и крекеры...

Как он хорошо справляется со своей ролью, — подумала Фрэнни. Она попыталась оценить, насколько изменился Стью с того дня, когда они с Гарольдом повстречали его, и не смогла этого сделать. Поступки людей, с которыми ты близок, начинаешь судить слишком субъективно, — решила она. Но она была уверена в том, что в тот первый день Стью был поражен мыслью о том, что когда-нибудь ему придется председательствовать на собрании почти дюжины людей... и он, наверное, подпрыгнул бы до небес, узнав о том, что он будет проводить массовый митинг Свободной Зоны, на котором будут присутствовать более тысячи человек. Сейчас она наблюдала за тем Стью, который появился на свет только благодаря эпидемии.

— Сначала мы предоставим слово нашим гостям, — сказал Стью, — а потом у нас состоится короткое закрытое заседание. Возражений нет?

Возражений не было.

— О'кей, — сказал Стью. — Я предоставляю слово Бреду Китченеру, а вы, ребята, слушайте его внимательно, потому что денька через три этот парень снова положит лед в ваш бурбон.

Раздались искренние аплодисменты. Залившись краской и постоянно поправляя галстук.

Бред вышел на середину комнаты. По дороге он чуть не споткнулся о пуф.

— Я. По-настоящему. Счастлив. Быть. Здесь, — начал Бред дрожащим бесцветным голосом. Судя по его виду, он был бы куда более счастлив оказаться где-нибудь в другом месте, включая Южный полюс, где ему надо было бы выступить перед собранием пингвинов. — Эээ... ну... — Он замолчал, внимательно изучая свои записки, а потом просиял. — Электричество! — воскликнул он с видом человека, совершившего великое открытие. — Электричество будет в городе в считанные дни. Вот.

Он еще немного потерзал свои записки, а потом продолжил.

— Как вы знаете, вчера мы подключили два генератора, и один из них сгорел из-за перегрузки. Это случилось потому, что после эпидемии многие электроприборы остались включенными. Так что нам надо выключить все, что только возможно. Проще всего будет зайти в каждый дом, где никто не живет, и вывинтить пробки или отключить общие рубильники. Понятно? Кроме того, перед тем как мы снова врубим электроэнергию, нам надо будет предпринять элементарные меры противопожарной безопасности. Я позволил себе проверить, как обстоят дела с пожарной станцией в восточной части Боулдера, и...

Все будет в порядке, — думала Фрэн. Гарольд и Надин оставили город сами, без посторонней помощи, и это к лучшему. Это решает все проблемы, и Стью теперь в безопасности. Бедный Гарольд, мне так тебя жаль, но на самом деле я чувствую скорее страх, чем жалость. Я рада, что твой дом опустел, а вас с Надин больше нет в городе. Я рада, что вы покинули нас с миром.

Гарольд сидел, скрестив ноги. Глаза его блуждали где-то далеко. Он был в том холодном и чуждом пространстве, куда Надин не смогла за ним последовать, и это ее пугало. В руках он держал брата-близнеца того телефона, который лежал в картонной коробке дома у Ральфа Brentnera. Перед ними обрывались поросшие соснами головокружительные склоны. Позади них солнце только что скрылось за горной грядой.

— Когда? — спросила Надин. Она была ужасно взвинчена, и ей очень хотелось в туалет.

— Скоро, — ответил Гарольд. Его усмешка превратилась в сладкую улыбку. Это было выражение, которое она никак не могла определить, потому что никогда раньше ей не доводилось видеть его на лице Гарольда. Через несколько минут она поняла, что это было выражение счастья.

Комитет единогласно проголосовал за то, чтобы дать в распоряжение Бреда Китченера двадцать человек для формирования Бригады Выключателей. Ральф Brentner согласился залить водой две пожарные машины и дежурить с ними на электростанции, когда Бред будет подключаться.

Следующим выступал Чед Норрис. Он сообщил, что к первому октября почти все жертвы эпидемии будут захоронены. Фрэн пересела на другое место, откуда можно было наблюдать за догорающим закатом. Горные вершины были подсвечены золотом, которое уже понемногу начало выцветать до менее впечатляющего лимонного оттенка. Она почувствовала, как ее захлестнула внезапная волна тоски по дому.

Было без пяти восемь.

Если сейчас не отойти в сторону, то она намочит брюки. Укрывшись за кустом, она присела на корточки и с облегчением помочилась. Когда она вернулась, Гарольд по-прежнему сидел с радиотелефоном в руках. Антенна была уже вытащена.

— Гарольд, — сказала она. — Уже поздно. Пошел девятый час.

Он равнодушно посмотрел на нее.

— Они там проторчат еще полночи, похлопывая друг дружку по спине. Когда настанет время, я нажму на кнопку и скажу им пару слов. Не беспокойся ни о чем.

Она убрала руку с его плеча. Лицо ее белым пятном маячило в темноте. Гарольд нажал кнопку передачи.

Ей никогда так и не удалось установить, что сорвало их с мест — мотоциклы или ее слова. Но они двигались слишком медленно. Это навсегда останется в ее сердце — слишком медленно.

Стью первым оказался на улице. Рев и рычание подъезжающих мотоциклов оглушили его. Инстинктивно он взялся за оружие.

Дверь открылась, и он обернулся, ожидая увидеть Фрэнни. Но это был Ларри.

— Что там такое?

— Не знаю. Но лучше нам вывести их на улицу.

Когда мотоциклы выехали на подъездную дорожку, Стью немного расслабился. Он увидел Дика Воллмена, Геринджера, Тедди Вейзака и другие знакомые лица. Теперь он мог признаться себе, чего он боялся больше всего на свете. Он боялся что вслед за сиянием фар и ревом двигателей покажется авангард сил Флегга, и война начнется.

— Дик, — сказал Стью. — Что за черт?

— МАТУШКА АБАГЕЙЛ! — завопил Дик, пытаясь перекричать шум двигателей. Все новые и новые мотоциклы въезжали во двор.

— Что? — закричал Ларри. Позади него и Стью столпились Глен, Ральф и Чед Норрис, выталкивая их с крыльца.

— ОНА ВЕРНУЛАСЬ! НО ОНА В УЖАСНОМ СОСТОЯНИИ! НАМ НУЖЕН ДОКТОР... ГОСПОДИ, НАМ НУЖНО ЧУДО!

Джордж Ричардсон протиснулся вперед.

— Старая женщина? Где она?

— Садись на мотоцикл. Док! — закричал ему Дик. — Не задавай вопросов! Ради Бога, поторопись!

Ричардсон сел позади Дика Воллмена. Дик развернулся и стал продираться сквозь плотный рой подъехавших мотоциклов.

Стью и Ларри переглянулись. В голове у Стью сгустилось темное облако, и неожиданно его захлестнуло чувство надвигающейся неотвратимой опасности.

— Ник, пошли! Да пошли же! — кричала Фрэн, ухватив его за плечо. Ник стоял в центре гостиной, и лицо его было неподвижным, застывшим.

Он не мог говорить, но внезапно он все понял. Он *понял*. Понимание возникло из ниоткуда, отовсюду.

ЧТО-ТО ЛЕЖИТ В ШКАФУ.

Он сильно толкнул Фрэнни.

— Ник!..

ИДИ!! — махнул он ей.

Она выбежала из комнаты. Он рванулся к шкафу, открыл дверь и стал бешено разбрасывать старые вещи, умоляя Бога, чтобы Тот не дал ему опоздать.

Неожиданно перед Стью возникла Фрэнни. Лицо ее было смертельно бледным, а глаза расширились. Она вцепилась в него обеими руками.

— Стью... Ник все еще там... что-то... что-то...

— Фрэнни, о чем ты?

— О смерти! — закричала она ему в лицо. — Я говорю о смерти, а НИК ВСЕ ЕЩЕ ТАМ!

Он отшвырнул в сторону ворох шарфов и перчаток и что-то нащупал. Картонная коробка из-под обуви. Он схватил ее, и как только его пальцы прикоснулись к ней, изнутри раздался голос Гарольда Лаудера.

— ЧТО ТАМ С НИКОМ? — закричал Стью, схватив ее за плечи.

— Мы должны увести его оттуда... Стью... что-то должно случиться, что-то ужасное...

— Что за чертовщина здесь творится, Стюарт? — закричал Эл Банделл.

— Не знаю, — сказал Стью.

— СТЬЮ, ПОЖАЛУЙСТА, МЫ ДОЛЖНЫ УВЕСТИ НИКА ОТТУДА! — закричала Фрэн.

И в этот момент у них за спиной раздался взрыв.

Твердым и тихим голосом он произнес:

— Говорит Гарольд Эмери Лаудер. Я делаю это в соответствии со своей свободной волей.

У основания Флэгстаффа вырос столб огня. Спустя мгновение раздался приглушенный звук взрыва.

— Конец сообщения, — тихо проговорил Гарольд в трубку.

Надин вцепилась в него обеими руками.

— Мы должны убедиться, что они мертвы.

Гарольд посмотрел на нее, а потом жестом указал на расцветшую внизу розу уничтожения.

— Думаешь, после этого кто-нибудь мог остаться в живых?

— Я... я н-не зн... ааааю, Гарольд, я... — Надин отвернулась, схватилась за живот и начала блевать. Гарольд наблюдал за ней с легким презрением.

Наконец она вновь повернулась к нему, вытирая рот бумажной салфеткой.

— Что теперь?

— Теперь мы пойдем на запад, — сказал Гарольд. — Если, конечно, ты не собираешься спуститься вниз и разведать, как настроено общество.

Надин поежилась.

— Гарольд... — Она попыталась прикоснуться к нему, и он дернулся в сторону. Не глядя на нее, он стал собирать палатку.

Для Фрэн Голдсмит этот день закончился просто и безболезненно. Она почувствовала, как теплая волна воздуха подхватила ее сквозь ночь.

«Что за чертовщина?» — подумала она.

Она приземлилась, ударившись плечом. Удар был сильным, но боли по-прежнему не было. Она лежала в овраге, который шел с севера на юг на границе заднего двора Ральфа.

Рядом с ней приземлился стул — аккуратно, прямо на ножки. Сиденье его тлело и дымилось.

«Что за чертовщина?»

Что-то приземлилось на стул и упало вниз. Она увидела, что это была рука.

«Стью? Стью? Что происходит?»

Громкий, скрежещущий грохот заполнил ее уши, и повсюду стали падать предметы. Камни. Доски и бревна. Кирпичи. Разбитое стекло. Мотоциклетный шлем с пробитой в нем смертельной дырой.

До нее донеслись чьи-то крики. Скрежещущий грохот не ослабевал. Все вокруг было освещено пламенем. Доска с торчащим из нее шестидюймовым гвоздем упала у нее прямо перед носом.

...РЕБЕНОК!..

И сразу же вслед за этим в голове у нее возникла другая мысль — ответ на все ее предчувствия: «Гарольд сделал это. Гарольд сделал это, Гарольд...»

Что-то обрушилось ей на голову, на шею, на спину, и она потеряла сознание.

Птицы.

Она слышит, как поют птицы.

Фрэн лежала в темноте и слушала пение птиц. Она подумала о детстве. Субботнее утро, не надо идти в школу, не надо идти в церковь. День, когда можно спать, сколько душе угодно. Лежишь с закрытыми глазами и видишь перед собой только красную пульсирующую темноту. Слушаешь птиц, вдыхаешь соленый запах моря, потому что тебя зовут Фрэнсис Голдсмит, и тебе одиннадцать лет, и ты лежишь с закрытыми глазами субботним утром в Оганквите...

Птицы.

Она слышит, как поют птицы.

Но это не Оганквит, это (Боулдер) Она долго задумалась в красной темноте, и неожиданно ей вспомнился взрыв.

(? Взрыв?) (!Стью!) Глаза ее широко раскрылись. В них был внезапный ужас.

— Стью!

И Стью сидел рядом с ее постелью, одна рука его была аккуратно забинтована, по щеке пролегла глубокая царапина, а часть волос выгорело, но это был *Стью*, он был *жив*, и когда она открыла глаза, на лице у него появилось выражение огромного облегчения, и он сказал:

— Фрэнни. Слава Богу.

— Ребенок, — сказала она. Горло ее было сухим. Говорить она могла только шепотом.

— Ребенок, — повторила она, проталкивая слова сквозь свою покрытую наждаком гортань. — Я потеряла его?

Он неуклюже обнял ее обеими руками.

— Нет, Фрэнни, нет. Ты не потеряла ребенка.

Она расплакалась.

Позже она спросила его:

— Расскажи мне. Каковы последствия?

— Фрэн...

— Ник? — прошептала она. — Я видела чью-то оторванную руку.

— Давай отложим этот разговор.

— Нет, я должна знать.

— Семеро погибших, — сказал он низким хриплым голосом. — Нам еще повезло, по моему. Все могло быть гораздо хуже.

— Кто, Стюарт?

Он неуклюже сжал ее руки.

— Ник — один из них. Там была стеклянная стена, и она... она... — Он запнулся на мгновение, посмотрел на свои руки, а потом снова поднял взгляд на нее. — Он... мы смогли опознать его по... некоторым шрамам... — Он отвернулся. Из груди Фрэн вырвался хриплый, сдавленный вздох.

Когда Стью немного овладел собой, он сказал:

— И Сью. Сью Стерн. Она оставалась в доме, когда произошел взрыв.

— Но... ведь это просто невозможно? — сказала Фрэн.

— Это правда.

— Кто еще?

— Чед Норрис, — сказал он, и из груди у нее снова вырвался этот хриплый вздох.

— Внутри оказалось только три человека. Это просто чудо. Бред говорит, что в шкафу было восемь-девять динамитных зарядов. А Ник... он ведь почти... когда я думаю о том, что он, наверное, уже взялся за эту коробку...

— Не надо, — сказала она. — Не думай об этом.

Перед приближением вечера третьего сентября люди стали медленно подходить к дому Ларри и Люси. Ларри наблюдал за ними из окна спальни. За его спиной на их кровати лежала без сознания Матушка Абагейл. Исходивший от ее тела сухой резкий запах заполнял его ноздри, и он ощущал позыв на рвоту — он ненавидел рвоту, — но не трогался с места. Это его кара за то, что Ник и Сюзан погибли, а он уцелел и даже не получил ни единой царапины.

Джордж ненадолго ушел в госпиталь проверить, как чувствуют себя остальные пациенты. Из двадцати пострадавших в больнице осталось только шестнадцать. Трех отпустили домой, а Тедди Вейзак умер.

Женщина на кровати была похожа на скелет, обтянутый тонкой пепельно-серой кожей. Она выглядела бесполой. Почти все ее волосы вылезли, груди исчезли, рот широко раскрылся, и из него вырывалось хриплое дыхание. Ларри подумал, что она похожа на виденные им изображения юкатанских мумий

— не разложившихся, но съездившихся, высохших, лишенных возраста.

Ларри вновь посмотрел в окно. Люди стояли и ждали. Жива ли она? Умерла ли? Умирает? Может быть, ее исцелил Бог? СКАЗАЛА ЛИ ОНА ЧТО-НИБУДЬ?

Около десяти часов вечера в толпе появились Стью Редман, Глен Бэйтмен и Ральф Brentner и стали раздавать листовки. На них было написано:

МИТИНГ СВОБОДНОЙ ЗОНЫ В АУДИТОРИИ МЮНЦИНГЕРА 4 СЕНТЯБРЯ В 20:00

Получив листовки, люди стали расходиться.

Когда на следующий вечер Стью открыл митинг, аудитория была переполнена, но все вели себя очень тихо. Позади Стью сидели Ларри, Ральф и Глен. Фрэн попыталась было подняться, но спина ее еще очень сильно болела. Невзирая на скверную иронию ситуации, Ральф подключил ее к митингу с помощью радиотелефона.

— Нам надо кое-что обсудить, — начал Стью и его тихий голос без труда разнесся по всему залу. — Я думаю, все в этом зале знают о взрыве и о возвращении Матушки Абагейл. Мы об этом поговорим, но сначала послушайте хорошие новости. Их вам сообщит Бред Китченер.

Бред подошел к кафедре, и на лице его не было заметно и следа того волнения, которое обуревало его вчера.

— Завтра мы подключим электроэнергию, — сказал он.

Раздались аплодисменты, продолжавшиеся около полуминуты. Позже Стью сказал Фрэнни, что если бы не вчерашние события, Бреда стащили бы со сцены и пронесли бы на руках вокруг зала.

— Следующий пункт повестки... — начал Стью.

— Пошел ты со своей повесткой! — исступленно завопила молодая женщина. — Давайте говорить о темном человеке! Давайте говорить о Флегге!

Зал зашумел. Стью так сильно застучал молотком по кафедре, что он разлетелся на части.

— Вы сможете поговорить обо всем, о чем хотите, но до тех пор, пока я веду этот митинг, я требую... чтобы был... хоть какой-нибудь... ПОРЯДОК!

Понемногу все затихли.

— Ну а теперь, — сказал Стью намеренно тихими спокойным голосом, — я расскажу вам о том, что произошло вечером второго сентября в доме Ральфа Зрентнера.

Он вкратце описал все события, умолчав лишь о предчувствии Фрэнни.

— Вчера утром мы с Бредом и Ральфом более трех часов копались в руинах и нашли остатки динамитной бомбы, прикрученной к радиотелефону. Похоже на то, что бомба была заложена в шкаф в гостиной. Билл Скэнлон и Тед Фрэмpton нашли еще один радиотелефон на амфитеатре Санрайз, и мы предполагаем, что бомба была взорвана оттуда...

— Предполагаем, так его в задницу! — закричал из третьего ряда Тед Фрэмpton. — Это был ублюдок Лаудер со своей трахнутой шлюхой!

Напряженный шепот прошел по залу.

— Если еще хоть один человек выкрикнет что-нибудь с места, я закрою митинг, и вы будете разговаривать друг с другом, — сказал Стью. Тед Фрэмpton сердито посмотрел на него, и Стью ответил на его взгляд. Через несколько секунд Тед опустил глаза.

— Мы подозреваем Гарольда Лаудера и Надин Кросс. У нас есть основания для серьезных подозрений, но пока против них нет бесспорных улик, и я надеюсь, что вы будете об этом помнить.

В зале раздался недовольный ропот.

— Я говорю это к тому, — продолжил Стью, — что если они забредут обратно в Зону, я хочу, чтобы вы привели их ко мне. Я посажу их в тюрьму, и Эл Банделл займется организацией судебного процесса. Мы... мы должны действовать по справедливости. Я надеюсь, вы знаете, где находятся те, кто действует иначе.

Он с надеждой посмотрел в зал и увидел на лицах только удивленное негодование. В него впились сотни глаз, и он чувствовал, какие мысли прятались за ними: «Что за дерьмо ты там несешь?? Они ушли. Ушли на запад. А ты ведешь себя так, словно они отправились в двухдневный поход, чтобы посмотреть на птичек.»

— Кроме того, я хотел вам сказать, что мы должны избрать недостающих членов комитета. Мы не будем заниматься этим сегодня вечером, но вам надо подумать о том, кто... — В зале поднялась чья-то рука. — Говорите, — сказал Стью. — Только представьтесь сначала.

— Меня зовут Шелдон Джоунс, — сказал массивный человек в клетчатой шерстяной рубашке. — Зачем нам ждать? Почему мы не можем избрать новых членов комитета прямо сегодня? Я предлагаю Теда Фрэмптона.

— Эй, я поддерживаю! — завопил Билл Скэнлон. — Прекрасная идея!

Тед Фрэмpton потряс сжатыми над головой руками, и в зале раздались разрозненные аплодисменты. Стью почувствовал, как почва уходит у него из-под ног. Они хотят заменить Ника Андроса Тедом Фрэмптоном? Какая-то глупая шутка. Тед вступил в комитет по энергетике, но обнаружил, что это слишком напоминает работу. Он перешел в похоронный комитет, и это занятие, похоже, больше подошло ему, хотя Чед и говорил Стью, что Тед — это один из тех людей, которые способны растянуть перекур в обеденный перерыв, а обеденный перерыв — в полдневный отдых. Он с радостью вызвался участвовать во вчерашней погоне за Гарольдом и Надин, может быть, потому, что это предвещало развлечения. Чисто случайно он с Биллом Скэнлоном наткнулся на радиотелефон на Санрайзе и с тех пор приобрел важную походку, которая Стью была совсем не по душе.

Стью сказал:

— По-моему, надо дать людям возможность подумать. Давайте проголосуем. Пусть те, кто считает что довыборы в комитет надо произвести сегодня, скажут «да».

«Да» прокричало всего несколько голосов.

— Те, кто считает, что выборы надо отложить на неделю или около того, пусть скажут «нет».

«Нет» раздалось громче, но не намного. Большинство людей вообще не участвовали в

голосовании, словно эта проблема их совсем не интересовала.

— О'кей, — сказал Стью. — Мы соберемся в этой же аудитории через неделю, одиннадцатого сентября.

Слово взял доктор Ричардсон. Когда он подошел к кафедре, ему громко зааплодировали. Он сообщил, что в результате взрыва на настоящий момент умерло уже девять человек, еще трое находятся в критическом состоянии, двое в серьезном и восемь в удовлетворительном.

— А теперь разрешите сказать несколько слов о Матушке Абагейл.

Люди в зале подались вперед.

— Я могу сообщить вам только одно: я ничем не могу ей помочь.

По толпе прошел ропот. Стью увидел на лицах скорбь, но ни для кого слова Джорджа не оказались неожиданными.

— Со слов жителей Зоны мне известно, что этой леди — сто восемь лет. Мне сказали, что она ушла две недели назад, и по моему предположению, за это время ей вообще не приходилось есть приготовленной пищи. Похоже, она питалась кореньями, травами и тому подобным. Сейчас она пребывает в коматозном состоянии. Думаю, что она умрет. Но, как и всем вам, она мне снилась... она и тот, другой.

Снова по залу пробежал тихий ропот, и Стью, почувствовал, как напряглись волоски у него на загривке.

— На этом я хотел бы закончить. Будут ли у вас ко мне вопросы?

Вопросов не было. Люди смотрели на него, и некоторые из них плакали в открытую.

— Спасибо, — сказал Джордж и вернулся на свое место в мертвом море молчания.

— Давай, — прошептал Стью Глену.

Глен подошел к кафедре.

— Мы обсудили все, кроме темного человека, — сказал он.

Снова этот ропот. Несколько людей в зале инстинктивно перекрестились.

— Нам придется противостоять ему. Мистицизм — это не моя специальность, но я должен сказать вам, что подобно тому, как Матушка Абагейл воплощает силы добра, Рэнделл Флегг воплощает силы зла. Я уверен в том, что та сила, которой служит Матушка Абагейл, объединила нас здесь. И мне не кажется, что она может нас оставить. Может быть, нам надо обсудить все это и впустить немного свежего воздуха в наши кошмары. Может быть, нам надо решить, что мы собираемся с ним делать. Но ясно одно, что мы не можем ему просто так позволить прийти следующей весной в Зону и взять нас голыми руками. А теперь я возвращаю слово Стью, и пусть он ведет обсуждение.

Обсуждение продолжалось три часа. Как и предчувствовал Ларри, оно оказалось абсолютно бесплодным.

Митинг закончился в половину второго ночи, и Глен ушел вместе со Стью, впервые после смерти Ника чувствуя себя в своей тарелке. Он радовался тому, что им удалось преодолеть первые трудные ступеньки лестницы, ведущей из их собственных душ к полю битвы, каким бы оно ни оказалось.

Он почувствовал надежду.

Кто-то тряс Стью за плечо, и ему понадобился долгий промежуток времени, чтобы всплыть на поверхность сна. Его разбудил Глен Бэйтмен, вырисовывавшийся смутным силуэтом в почти полной темноте.

— Тебя не добудишься, Восточный Техас, — сказал Глен. — Ты спишь, как фонарный столб.

— Ты хоть бы свет включил, чертов болван.

— О, Господи, я ведь совсем забыл, что у нас снова есть электричество!

Стью включил лампу, поморщился от неожиданно яркого света и уставился совиным взглядом на будильник. Было без четверти три.

— Что ты здесь делаешь, Глен? Ты знаешь, а я ведь спал. Говорю это на тот случай, если вдруг ты не обратил на это внимания.

Стью перевел глаза с будильника на лицо Глена. Оно было бледным, испуганным... и старым. По лицу его пролегли глубокие морщины, и он выглядел очень измученным.

— В чем дело?

— Магушка Абагейл.

— Умерла?

— Господи помилуй, мне почти хотелось бы, чтобы это было так. Она очнулась. И она ждет нас.

— Нас двоих?

— Нас пятерых. — Голос Глена стал более хриплым. — Она знает, что Сюзан и Ник мертвы, и что Фрэн лежит в больнице. Не знаю, откуда ей это известно, но это так.

— И она хочет встретиться с комитетом?

— С тем, что от него осталось. Она умирает и говорит, что ей надо кое-что нам сообщить. Не уверен, что мне очень хочется это слышать.

Они выбрались из джипа как раз в тот момент, когда из-за угла вынырнул свет фар. Это был старый грузовик Ральфа. Ральф вылез из кабины, и Стью быстро подошел к месту пассажира, где, прислонившись спиной к диванной подушке, сидела Фрэн.

— Привет, крошка, — сказал Стью нежно.

Она взяла его за руку. Лицо ее маячило в темноте белым круглым пятном.

— Сильно болит? — спросил Стью.

— Не так уж и сильно. Я приняла обезболивающее. Стью помог ей выбраться из кабины, и Ральф взял ее под другую руку. Оба они заметили, как она вздрогнула, сделав первый шаг.

— Хочешь, чтобы я тебя понес?

— Со мной все будет в порядке. Ты только поддерживай меня, хорошо?

— Разумеется.

— И пойдем помедленнее. Мы, старушки, не можем носиться сломя голову.

Они пошли по направлению к дому. Стоявшие в дверях Глен и Ларри внимательно за ними наблюдали.

— В чем дело, как ты думаешь? — пробормотала Фрэн.

Стью покачал головой:

— Я не знаю.

Они подошли к двери, и Ральф помог Стью ввести ее внутрь. Ларри, как и Глен, выглядел бледным и обеспокоенным.

— Извини, что пришлось тебя сюда притащить, — сказал Ларри, обращаясь к Фрэн. — Я сидел с ней. Мы организовали дежурство. Понимаешь?

— Да, я понимаю, — сказала Фрэнни.

— Люси ушла спать примерно час назад. Я задремал ненадолго, а когда проснулся... Фрэн, могу я чем-то тебе помочь?

Фрэн покачала головой и с усилием улыбнулась.

— Нет, со мной все в порядке. Продолжай.

— ...она смотрела на меня. Она может говорить только шепотом, но вполне разборчиво. Она сказала мне, что Господь заберет ее домой на рассвете. Но перед этим она хочет поговорить с теми, кто остался. Я спросил, что она имеет в виду, и она сказала, что Бог уже взял к себе Ника и Сюзан. Она знала. — Он испустил долгий, прерывистый вздох и взъерошил

ВОЛОСЫ.

В прихожую вошла Люси.

— Я приготовила кофе. Пейте, как только захотите.

— Спасибо, любовь моя, — сказал Ларри.

Люси неуверенно огляделась вокруг.

— Мне пойти с вами, ребята? Или это относится только к комитету?

Ларри посмотрел на Стью, и Стью сказал:

— Пошли с нами. У меня такое впечатление, что время комитетов уже прошло.

Они медленно прошли в спальню, принаравливаясь к шагу Фрэн.

— Она скажет нам, — неожиданно сказал Ральф. — Матушка все нам скажет. Так что без толку судить да рядить.

Они вошли все вместе, и ослепительный, умирающий взгляд Матушки Абагейл остановился на них.

— Садись, моя девочка, — прошептала Матушка Абагейл. — Тебе очень больно.

Ларри подвел Фрэн к креслу, и она села в него, испустив тоненький вздох облегчения.

Не отрывая от нее своего сияющего взгляда. Матушка Абагейл прошептала:

— Отродье призвало свою невесту, и скоро она понесет. Уцелеет ли твой ребенок?

В комнате воцарилось молчание. После паузы Матушка Абагейл продолжила:

— Мать, отец, жена, муж. А против них — Князь Гор, господин сумерек. Я погрязла в гордости. И все вы, вы тоже погрязли. Разве вы не слышали, что нельзя доверять повелителям и князьям мира сего?

Они молча смотрели на нее.

— Электричество — это не ответ, Стью Редман. И радиопередатчик тоже, Ральф Brentner. Социология тут не поможет, Глен Бэйтмен. Не поможет и твое раскаяние, Ларри Андервуд. И твой еще неродившийся сын не сможет предотвратить это, Фрэн Голдсмит. Звезда Антихриста взошла. Но вы не желаете служить Богу.

Она оглядела их всех по очереди.

— Бог поступит, как Ему заблагорассудится. Вы — не горшечники, вы — глина, из которой делают горшки. Может быть, человек с запада — это тот гончарный круг, о который вас разобьют. Мне не дано это знать.

Слеза скатилась у нее по щеке.

— Матушка, что мы должны делать? — спросил Ральф.

— Подойдите ближе, все вы. У меня остается мало времени. Я иду домой, и никогда еще не было на свете человека, который был готов к этому лучше, чем я. Приблизьтесь ко мне.

Ральф сел на краешек кровати. Ларри и Глен встали в ноги. Фрэн встала, поморщившись от боли, и Стью поставил ее кресло рядом с Ральфом.

— Бог собрал вас вместе не для того, чтобы вы создали комитет или общество, — сказала она. — Он собрал вас здесь, чтобы послать вас дальше, в поход. Он хочет, чтобы вы попытались уничтожить Темного Князя.

Тишина. Вздох Матушки Абагейл.

— Я думала, что вас поведет Ник, но Он взял к себе Ника — хотя, мне кажется, что Ник еще не совсем покинул нас. Нет, не совсем. Но теперь во главе будешь ты, Стюарт. А если Он возьмет и Стюарта, то поведешь ты, Ларри. А если Он возьмет тебя, то впереди пойдет Ральф.

— Вести? — холодно спросила Фрэн. — *Вести?* Но куда?

— Ну как же — на запад, девочка, — сказала Матушка Абагейл. — Но ты не пойдешь туда. Только эти четверо.

— Нем! — Она встала на ноги, невзирая на боль. — Что вы такое говорите? Что все четверо должны сами отправиться в его логово? Сердце, душа и мужество Свободной Зоны? Чтобы он мог прибить их к крестам, спокойно прийти сюда следующим летом и убить всех до одного? Я не согласна смотреть на то, как мой муж будет приносить себя в жертву вашему Богу-убийце. Пошел Он в жопу.

— ФРЭННИ! — У Стью перехватило дыхание.

— Бог-убийца! Бог-УБИЙЦА! Миллионы — может быть, миллиарды — погибли во время эпидемии. И миллионы после. Мы даже не знаем, останутся ли в живых наши дети. Разве Он еще не доволен? Или это будет продолжаться до тех пор, пока вся земля не будет принадлежать крысам и тараканам? Он никакой не Бог. Он — демон, а вы — Его ведьма.

— Прекрати, Фрэнни.

— Никаких проблем. Я уже кончила. Я хочу уйти. Забери меня домой, Стью. Не в больницу, а домой.

— Мы послушаем, что она нам скажет.

— Прекрасно. Ты слушаешь за меня. А я ухожу.

— Послушай, девочка.

— НЕ СМЕЙТЕ МЕНЯ ТАК НАЗЫВАТЬ!

Рука Матушки Абагейл дернулась и сжала запястье Фрэн. Фрэн застыла. Глаза ее закрылись. Голова ее откинулась.

— Н-н-н-не над-д-д-дооо... О ГОСПОДИ... СТЬЮ...

— Я здесь, здесь! — заорал Стью. — Что вы с ней делаете?

Матушка Абагейл не ответила. Секунда затянулась, чуть не превратившись в вечность, а потом рука старой женщины разжалась.

Медленно, ошеломленно Фрэн начала массировать запястье, хотя на нем не было никаких следов. Глаза Фрэнни внезапно расширились.

— Что с тобой? — спросил Стью обеспокоенно.

— Исчезла, — пробормотала Фрэн.

— О чем это она? — спросил Стью, беспомощно оглядевшись вокруг.

— Боль... боль в спине. Она исчезла. — Она ошеломленно посмотрела на Стью. — Совсем исчезла. Посмотри. — Она наклонилась и кончиками пальцев достала до пола: один раз, потом второй.

Потом она снова посмотрела в лицо Матушке Абагейл.

— Это взятка от вашего Бога? Если это так, то Он может забрать ее обратно. Пусть уж лучше боль, но вместе со Стью.

— Бог не дает взяток, дитя мое, — прошептала Матушка Абагейл. — Он просто дает знак и оставляет людям свободу воспринимать его, как им заблагорассудится.

— Стью на запад не пойдет, — сказала Фрэн. Но теперь в ее голосе был не только испуг, но и изумление.

— Сядь, — сказал Стью. — Мы должны выслушать ее.

Фрэн села. Руки ее непрерывно ощупывали поясницу.

— Вы должны пойти на запад, — прошептала Матушка Абагейл. — Вы не возьмете с собой ни воды, ни еды. Вы отправитесь прямо сегодня, даже не переодевшись. Вы пойдете пешком. Мне известно, что один из вас не дойдет до цели, но я не знаю, кто это будет. Не знаю, будет ли на то Божья воля, чтобы вы победили его. Не знаю, будет ли на то Божья воля, чтобы вы снова увидели Боулдер. Мне не дано это увидеть. Но я знаю, что он в Лас-Вегасе, и вы должны пойти туда. Вы пойдете туда, и вы не дрогнете, потому что вам будет помогать Рука Всемогущего Господа. Да. С Божьей помощью вы выстоите.

Она кивнула.

— Вот и все. Я сказала, что должна была сказать.

— Нет, — прошептала Фрэн. — Это невозможно.

— Матушка, — сказал Глен каркающим голосом. Он прочистил горло. — Матушка, мы не совсем понимаем вас. Мы... мы не обладаем благословенной близостью к той силе, которая управляет всем этим. Это просто не наш путь. Фрэн права. Если мы отправимся туда, нас просто убьют, и, скорее всего, это сделает первый же встретившийся нам пикет.

— Неужели ты слеп? Разве ты не видел, как Бог только что исцелил Фрэн? Неужели ты думаешь, что в планы Бога входит ваша смерть от руки ничтожнейшего из воинов Темного Князя?

— Но Матушка...

— Нет. — Она подняла руку и жестом заставила его замолчать. — Я не собираюсь спорить с тобой или убеждать тебя. Мне только надо, чтобы вы поняли замысел Бога. Слушай, Глен.

И внезапно изо рта Матушки Абагейл стал вырываться голос Глена Бэйтмена.

— Матушка Абагейл называет его пешкой дьявола, — произнес этот сильный мужской голос, необъяснимым образом исходящий из впалой старушечьей груди и беззубого рта. — Может быть, он всего лишь последний волшебник рациональной мысли, привлекающий для борьбы с нами все достижения технологии. А может быть, он серьезнее, темнее. Мне известно только, что он есть. И я уже больше не думаю, что социология, психология или любая другая логия сможет его остановить. Я думаю, с этим может справиться только белая магия.

Рот Глена широко раскрылся.

— Это правда или это слова лжеца? — спросила Матушка Абагейл.

— Не знаю, правда это или нет, но это мои слова, — сказал Глен дрожащим голосом.

— Веруйте. Веруйте, все вы. Ларри... Ральф... Стью... Глен... Фрэнни... ты, Фрэнни, особенно. Веруйте... и повинуйтесь слову Господа.

— А у нас есть выбор? — горько спросил Ларри.

Она удивленно посмотрела на него.

— Выбор? Всегда есть выбор. Так решил Господь, и Он не изменит своего решения. Ваша воля свободна. Делайте, что хотите. Никто на вас не надевает кандалы. Но... **ВЫ СЛЫШАЛИ, ЧЕГО ОТ ВАС ХОЧЕТ БОГ.**

Снова воцарилось молчание. Первым его нарушил Ральф.

— В Библии написано, что Давид справился с Голиафом, — сказал он. — Я пойду, раз вы говорите, что так надо.

Она взяла его за руку.

— И я, — сказал Ларри. — Я тоже. О'кей.

Он вздохнул и сжал лоб руками, словно у него болела голова. Глен открыл рот, чтобы что-то сказать, но прежде чем он успел вымолвить хоть одно слово, раздался протяжный вздох и глухой звук удара.

Это была Люси, о которой они совсем забыли. Она упала в обморок.

К утру дыхание Матушки Абагейл стало затрудненным и хриплым. Точно таким же, как у больных супергриппом. Они стояли вокруг ее постели, не произнося ни слова. Ральф был уверен, что произойдет чудо. Тело Матушки исчезнет в огненной вспышке, или они увидят, как ее душа, превратившаяся в сияющее облако, улетит в окно.

Но умерла она самым обычным образом.

На Базелайн она заставила его остановиться рядом с тем, что когда-то было домом

Ральфа и Ника. Вся задняя часть здания была разрушена. Двор был завален обломками. В живой изгороди застряло радио со встроенными электронными часами. Рядом валялась кушетка, которая придавила Фрэнни. На ступеньках заднего крыльца было высохшее пятно крови. Она внимательно посмотрела на него.

— Это кровь Ника? — спросила она у Стью. — Может так оказаться?

— Фрэнни, к чему ты об этом спрашиваешь?

— ЭТО КРОВЬ НИКА?

— Господи, я не знаю. Может быть.

— Положи на нее свою ладонь, Стью.

— Фрэнни, ты чокнулась?

Посреди ее лба пролегла морщинка, та самая морщинка «я — хочу», которую он заметил еще в Нью-Хемпшире.

— Положи ладонь!

Неохотно Стью положил руку на пятно. Он не знал, принадлежала ли эта кровь Нику (и скорее склонялся к противоположному мнению), но по телу у него пробежал отвратительный холодок.

— А теперь поклянись, что ты вернешься.

Ему показалось, что ступенька стала слишком теплой, и он хотел было отдернуть руку.

— Фрэн, как я могу...

— Не все в руках Бога! — зашипела она. — Не все. Клянись, Стью, клянись!

— Фрэнни, я клянусь, что попытаюсь.

— А теперь скажи, что любишь меня.

— Ты же знаешь это.

— Я знаю, но скажи это вслух. Я хочу услышать это.

Он положил руку ей на плечо.

— Фрэн, я люблю тебя.

— Спасибо, — сказала она и прижалась щекой к его груди. — Теперь я могу сказать тебе до свидания. Теперь я могу отпустить тебя.

Они обнялись.

Вдвоем с Люси они смотрели на то, как четверо мужчин сошли со ступенек дома Ларри. С собой они не взяли ни рюкзаков, ни спальных мешков, никакого походного снаряжения... все в соответствии с инструкцией. На ногах у них были тяжелые дорожные ботинки.

— До свидания, Ларри, — сказала Люси.

— Помни, Стюарт, — сказала Фрэн. — Помни о своей клятве.

— Да. Я буду помнить.

Глен свистнул. Коджак, поглощенный изучением канализационной решетки, откликнулся на зов.

— Ну, тогда пошли, — сказал Ларри. — Пока все не разрыдались.

Стью послал Фрэнни воздушный поцелуй, а она помахала в ответ. К ее глазам вновь подступили обжигающие слезы, но она взяла себя в руки. Они отправились в путь. Просто пошли по улице. Дошли до конца квартала. Стью обернулся и помахал рукой. Ларри тоже. Фрэн и Люси замахали в ответ. Они перешли на другую сторону улицы. Скрылись из виду.

— Господи, — сказала Люси.

— Пошли в дом, — сказала Фрэн. — Я хочу чая.

Они вошли внутрь. Фрэн поставила чайник. Они стали ждать.

Около четырех часов дня они подошли к южной границе Боулдера. У Стью появилось ощущение, что еще немного, и они повернут назад.

— О, Господи, — сказал Ларри. — У меня такое чувство, что это конец всему.

— Да, — признался Ральф. — Я чувствую то же самое.

— Кто-нибудь хочет передохнуть? — спросил Глен без особой надежды в голосе.

— Пошли-пошли, — сказал Стью, слегка улыбаясь. — Двум смертям не бывать — одной не миновать.

В девять часов вечера они остановились на ночлег в Голдене, в полумиле от того места, где шоссе *№6* начинает свой извилистый путь к сердцу Скалистых гор.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. АРМАГЕДДОН
7 СЕНТЯБРЯ — 10 ЯНВАРЯ 1991 ГОДА

Дайна Джургенс лежала обнаженной на огромной двуспальной кровати, слушая доносившийся из ванной шум душа и рассматривая свое отражение в огромном круглом зеркале, формой и размером совпадавшем с кроватью, над которой оно было подвешено. Было восьмое сентября, половина десятого утра. По ее расчетам, Джаджа убили около восемнадцати часов назад.

Душ шумел не переставая.

«Вот человек, одержимый манией чистоты, — подумала она. — Интересно, что с ним такое случилось, из-за чего он простаивает под душем полчаса кряду?»

Она вновь подумала о Джадже. Кто же мог предположить, что так получится? В своем роде, это была великолепная идея. Кто стал бы подозревать старика? Но Флегг, похоже, заподозрил. Каким-то непостижимым образом он узнал, когда и где должен объявиться Джадж. По всей границе между Айдахо и Орегоном были выставлены пикеты, которым был отдан приказ убить семидесятилетнего старика на синем джипе.

Но произошла какая-то накладка. Со времени вчерашнего ужина все здешние шпики расхаживали по отелю с одутловатыми лицами и опущенными вниз глазами. Уитни Хорган, бывший прекрасным поваром, накормил их какой-то подгорелой дрянью, по виду напоминавшей собачьи консервы. Джадж был мертв, но в чем-то они просчитались.

Она встала, подошла к окну и окинула взглядом пустыню. Она увидела, как по шоссе N95 под горячим солнцем два больших школьных автобуса направляются в сторону военно-воздушной базы Индиан Спрингс. Ей было известно, что сегодня там проводится однодневный семинар по реактивным самолетам. На западе оказалось свыше двенадцати людей, имевших отношение к авиации, но к счастью — никто из них не умел управлять реактивным самолетом.

Но они учились.

Больше всего в связи со смертью Джаджа ее беспокоило то, что они ждали его. Может быть, у них был шпион в Свободной Зоне? Это было вполне возможно. Такой шаг был в их духе. Но Сью Стерн сказала ей, что решение о засылке шпионов на запад держится в секрете среди членов комитета, а среди этих семи вряд ли кто-нибудь мог оказаться на службе у Флегга.

Оставалась очень неутешительная возможность. Флегг сам просто *знал* об этом.

Дайна пробыла в Лас-Вегасе уже восемь дней, и, насколько она могла судить, она стала полноправным членом местного сообщества. Она накопила уже достаточно информации о готовящейся операции против Боулдера. Ее очень удивило и испугало, как люди отшатывались от нее при первом же упоминании имени Флегга и делали вид, что не слышат ее.

Но это было днем. А вечером в баре можно было услышать о нем длинные истории — начало зарождавшегося мифа. Она знала, что не все из этих историй правдивы, но уже невозможно было отделить золотую вышивку от самой ткани. Она слышала, как о нем говорили, что он оборотень, вервольф, что он сам начал эпидемию, что он — Антихрист, появление которого предсказано в Апокалипсисе. Она слышала о распятии Гектора Дрогана, о том, как он *знал*, что Гек употребляет кокаин... точно так же, как он знал и о том, что Джадж отправился на запад.

И во время этих вечерних разговоров никто не называл его по имени. Люди словно верили, что одного этого будет достаточно, чтобы вызвать его, как джинна из бутылки. Они

называли его темным человеком. Ходячим Хлыщом. Высоким человеком. А Рэтти Эрвинз называл его Старым Ползучим Иудой.

А если он знал о Джадже, то не логично ли будет предположить, что он знает и о ней?

Шум душа смолк.

— Не разгуливай голой, радость моя. А то у меня опять встанет.

Она обернулась к нему, призывно и широко улыбаясь, думая о том, с какой радостью она отвела бы его на кухню и засунула бы эту штуку, которой он так гордится, в электрическую мясорубку Уитни Хоргана.

Он посмотрел на часы.

— Ну что ж, у нас есть еще минут сорок. — Его пенис стал рывками подниматься вверх.

— Тогда иди ко мне. — Он подошел к ней, и она указала ему на грудь. — Тольконими эту штуку, а то у меня от нее мурашки по коже.

Ллойд Хенрид опустил глаза на свой амулет и снял его с шеи. Он положил камень на ночной столик, и тонкая цепочка издала тихий, шипящий звук.

— Так лучше?

— Гораздо лучше.

Она протянула к нему руки. Через мгновение он уже вогнал в нее свою возбужденную плоть.

— Тебе нравится? — спросил он, тяжело дыша. — Тебе нравится, как он ходит в тебе, моя крошка?

— Боже, я просто без ума, — простонала она, думая о мясорубке.

— Что?

— Говорю, что я просто без ума! — крикнула она.

Спустя некоторое время, она без труда симулировала оргазм, бешено задвигав бедрами и громко закричав. Он кончил через несколько секунд (она спала с Ллойдом уже четыре дня и почти в совершенстве изучила его любовные ритмы). Когда она почувствовала, как струйка спермы течет у нее по бедру, взгляд ее упал на ночной столик.

Черный камень.

Красная щель.

Казалось, она смотрела на нее.

После этого, как она и рассчитывала, Ллойд заговорил. Это тоже было частью привычного ритма. Он обычно обнимал одной рукой ее обнаженные плечи, закуривал сигарету, рассматривал их отражения в зеркале на потолке и рассказывал ей о последних новостях.

— Не хотел бы я оказаться на месте Бобби Терри, — сказал он. — Ни за какие коврижки. Главный приказал, чтобы голова этого старого пердуна была в целости и сохранности. Хотел послать ее обратно через Скалистые горы. И на тебе. Этот козел залепил ему две .45-ых пули в лицо. С близкого расстояния. Полагаю, он заслужил наказание, но я рад, что меня там не было.

— Что с ним случилось?

— Даже и не спрашивай.

— Как он узнал? Главный?

— Он был там.

По спине ее пробежал холодок.

— Просто так оказался там ни с того ни с сего?

— Да. Он всегда оказывается там, где происходит какая-нибудь неприятность. — Он сделал глубокую затяжку и потушил сигарету. — Почему мы с тобой разговариваем о всяком

дерьме?

— Я не знаю... как идут дела в Индиан Спрингс?

Ллойд просиял. Этот проект был его детищем.

— Отлично. Просто отлично. К первому октября, а может быть, и раньше, трое парней уже смогут летать на «Скайхоуках». Хэнк Роусон просто великолепен. А Мусорный Бак, так тот самый настоящий гений. Кое в чем он не волокет, но как только дело доходит до оружия, он преображается.

— Он так хорошо разбирается в оружии? — спросила она у Ллойда.

— Да он просто бог. У «Скайхоуков» под крыльями устанавливаются ракеты «воздух-земля». Никто не мог понять, как их крепить. Господи, да у нас почти целый лень ушел только на то, чтобы понять, как их распаковать. Ну, Хэнк и говорит: «Подождем, пока вернется Мусорок».

— Пока вернется?

— Ну да. Странный он тип. Пробыл в Вегасе около недели и снова уезжает.

— Куда?

— В пустыню. Садится на вездеход и едет. Говорю тебе, он странный парень. Мусор почти такой же странный, как и сам главный. На запад отсюда нет ничего, кроме богом забытой ПУСТЫНИ. Уж не знаю, как он там живет. Ищет новые игрушки и никогда не возвращается с пустыми руками. Неделю спустя после того, как мы с ним вернулись из Лос-Анджелеса, он привез с собой груды пулеметов с лазерными прицелами. А в этот раз раздобыл мины Теллера, контактные мины, разрывные мины и канистру паратиона. Говорит, что нашел целый склад паратиона. А еще столько дефолианта, что можно весь штат Колорадо сделать лысым, как яйцо.

— Где он все это находит?

— Везде, — просто ответил Ллойд. — Он чует такие штуки. Но в этом нет ничего странного. Большая часть западной Невады и восточной Калифорнии принадлежала старым добрым США. Там они испытывали свои игрушки — все сорта, вплоть до атомной бомбы. Однажды он и ее сюда притащит.

Он расхохотался. Дайна почувствовала холод, ужасный холод.

— Супергрипп начался где-то здесь. Держу пари. Когда-нибудь он найдет это место. Говорю тебе, он просто чует такие штуки. Знаешь, какая у него теперь самая любимая игрушка?

— Нет, — ответила Дайна. Она была не вполне уверена, что ей хочется это знать... но для чего же тогда она оказалась здесь?

— Ракеты с напалмом. Он нашел пять штук в Индиан Спрингс. Они лежали рядком, как машины Формулы-1 на старте. Он просто влюбился в них.

— Дурачок, — пробормотала она.

— Дурачок-то дурачок, но когда Мусор вернулся, мы отвезли его в Спрингс. Он походил вокруг ракет «воздух-земля» и прицепил их к самолетам за шесть часов. Невероятно, правда? Специалистов обучали таким штукам лет девяносто. Но видишь ли, они Мусору не чета. Он самый настоящий гений.

«Ученый идиот, ты хочешь сказать. Держу пари, я знаю, откуда у него эти ожоги.»

Ллойд посмотрел на часы и сел.

— Кстати, мне как раз скоро надо ехать в Индиан Спрингс. Времени осталось только душ принять. Хочешь со мной?

— В другой раз.

Когда душ снова зашумел, она стала одеваться. Повыше запястья она одела браслет с

закрепленным на нем выкидным ножом. Быстрое движение руки, и у нее вырастет шестой стальной палец длиной в десять дюймов.

Ну что ж, — подумала она, надевая блузку, — у девушки должны быть кое-какие секреты.

Во второй половине дня она работала в бригаде по ремонту уличных фонарей. Работа сводилась к тому, что надо было с помощью простого устройства проверять исправность лампочек и заменять их, если они перегорели или были разбиты вандалами во время эпидемии. В бригаде их было четверо. У них был один грузовик с люлькой, который ездил от фонаря к фонарю, с одной улицы на другую.

В конце дня Дайна сидела в люльке и снимала с одного из фонарей плексигласовый колпак, размышляя о том, насколько же ей нравятся люди, с которыми она работает. В особенности ей нравилась Дженни Энгстром, крепкая и красивая девушка, бывшая до эпидемии танцовщицей в ночном клубе, а теперь сидевшая за рычагами управления грузовика. Она была как раз такой девушкой, которой Дайне хотелось бы видеть в роли своей лучшей подруги. Дайна недоумевала, как Дженни могла оказаться здесь, в лагере темного человека. Она недоумевала так сильно, что не осмеливалась задать Дженни этот вопрос.

Остальные тоже были ничего. Она подумала о том, что в Вегасе гораздо больший процент болванов, чем в Зоне, но никто из них не был злобным и не сходил с ума в полнолуние. Кроме того, люди здесь работали куда лучше, чем в Свободной Зоне. В Зоне в парках можно было встретить людей, валявшихся на лужайках с утра до вечера, а ведь это были люди, которые решили устроить перерыв на ленч с двенадцати до двух. Здесь такого не встречалось. С восьми утра и до пяти вечера работали абсолютно все. Либо в Индиан Спрингс, либо в бригадах, обеспечивающих нормальную жизнедеятельность города. Проводились даже занятия в школе. В Вегасе оказалось около двадцати ребятишек в возрасте от четырех до пятнадцати лет. Нашлись двое учителей, и в неделю появилось пять учебных дней. Ллойд, вынужденный бросить школу после того, как его дважды оставили на второй год в младшем классе, очень гордился тем, что детям было предоставлено право на образование. В городе открылись аптеки, и никто их не охранял. Люди часто заходили туда... но им не приходило в голову взять с собой нечто более существенное, чем аспирин или гелюзил. Проблемы наркотиков на западе не существовало. Все те, кто видел, что произошло с Гектором Дроганом, знали, какое наказание их ждет за эту дурную привычку. То же самое относилось и к выпивке. Редко кто позволял себе напитки более крепкие, чем бутылочное пиво.

Дайна проверила лампочку, и она оказалась перегоревшей. Она вынула старую лампочку и достала последнюю новую. Отлично, рабочий день подходит к концу. Уже...

Она посмотрела вниз и замерла.

Люди, возвратившиеся из Индиан Спрингс, шли домой от автобусной остановки. Каждый считал своим долгом кинуть взгляд вверх. Синдром бесплатного цирка.

И это лицо, которое смотрело на нее.

Это широкое, улыбающееся, удивленное лицо.

«Господи Иисусе Христе, неужели это Том Каллен?»

Капелька соленого пота попала ей в глаз, и все вокруг стало двоиться. Когда она вытерла глаза, лицо исчезло. Дайна посмотрела вслед уходящей группе людей, но со спины невозможно было определить, был ли среди них Том.

«Том? Неужели они послали Тома?»

Конечно нет. Это было настолько безумным, что казалось почти...

«Почти здоровым.»

Но она не могла заставить себя поверить в это.

— Эй, Джургенс! — закричала ей Дженни. — Ты что, заснула там или просто занимаешься мастурбацией?

Дайна перегнулась через металлические перила люльки и посмотрела на перевернутое лицо Дженни. Показала ей палец. Дженни рассмеялась. Потом Дайна вновь занялась фонарем, и когда ей наконец удалось вставить новую, рабочий день закончился. На обратном пути в гараж она была молчалива и задумчива, и Дженни просила, что с ней.

— Наверное, просто нечего сказать, — сказала Дайна с полуулыбкой.

«Это не мог быть Том.»

«Или все-таки мог?»

— Просыпайся! Просыпайся! Черт возьми, вставай же, ты, сука!

Она выплыла из темных глубин сна и почувствовала как кто-то ударил ее ногой в поясницу, скинув ее с большой круглой кровати прямо на пол.

Перед ней стоял Ллойд и смотрел на нее в холодной ярости. Уитни Хорган. Кен ДеМотт. Козырной Туз. Дженни. Но и лицо Дженни, обычно такое приветливое, было суровым и холодным.

— Джен?..

Ответа не последовало. Дайна поднялась на колени, едва обращая внимание на свою наготу. На лице у Ллойда застыло выражение человека, который узнал о том, что его предали.

«Мне это все снится?»

— Одевайся, так твою мать, ты, лживая шпионская сучка!

О'кей, значит, это не сон. Они знали о Джадже, а теперь узнали и о ней. *Он сказал им.* Она посмотрела на часы на ночном столике. Было четверть четвертого утра. Час тайной полиции, — подумала она.

— Где он? — спросила она.

— Поблизости, — мрачно сказал Ллойд. Лицо его было бледным. В вырезе рубашки был виден амулет. — И очень скоро тебе придется об этом пожалеть.

— Ллойд?

— Что?

— Я заразила тебя венерической болезнью, Ллойд. Надеюсь, что твой член сгниет.

Он ударил ее поддых, и она упала на спину.

— Надеюсь, он сгниет, Ллойд.

— Заткнись и одевайся.

— Убирайся отсюда. Я не буду одеваться в присутствии мужчин.

Ллойд снова ударил ее.

— Ну что, обоссался, Ллойд? Потрахался с Матой Хари? — Она усмехнулась сквозь слезы боли.

— Пошли, Ллойд, — сказал Уитни Хорган. Он увидел в глазах у Ллойда смерть, быстро шагнул к нему и положил руку ему на плечо. — Мы побудем в гостиной, а Дженни посмотрит, как она оденется.

— А если она решит выпрыгнуть в окно?

— У нее не будет такой возможности, — сказала Дженни. На ее широком лице застыло тупое, оцепенелое выражение, и Дайна впервые заметила кобуру с револьвером у нее на бедре.

— Да у нее и не получится, — сказал Козырной Туз. — Окна наверху здесь только для

вида, разве ты не знал? Иногда у проигравшихся в пух и прах появлялось желание совершить затаенный прыжок с вышки, но это было плохой рекламой для отеля. Поэтому окна и не открываются. — Взгляд его упал на Дайну, и в нем появился оттенок сочувствия. — Ну а ты, крошка, и в самом деле проигралась в пух и прах.

— Пошли, Ллойд, — снова сказал Уитни. — Если ты сейчас не уйдешь отсюда, то ты учинишь что-нибудь такое, о чем потом придется пожалеть.

— О'кей. — Они вместе подошли к двери, и Ллойд оглянулся через плечо.

— Он тебе задаст жару, сука.

— Ты был самым дерьмовым любовником в моей жизни, Ллойд, — сказала она сладким голосом.

Он попытался броситься на нее, но Уитни и Кен ДеМотт схватили его под руки и вытащили за дверь.

— Одевайся, Дайна, — сказала Дженни.

Дайна встала, потирая малиновый синяк у себя на руке.

— И ты заодно с этими людьми? — спросила она. — С такими, как Ллойд Хенрид?

— Ты ведь спала с ним, а не я. — Впервые за все это время лицо ее перестало быть бесстрастным — на нем отразился гневный упрек. — Ты думаешь, это так уж мило приходить сюда для того, чтобы шпионить за нами? Ты заслуживаешь все, что получишь. А получишь ты, сестренка, очень много.

— Я спала с ним не просто так. — Она натянула брюки. — И шпионила я не для собственного удовольствия.

— Почему бы тебе не заткнуться, сестричка?

Дайна посмотрела Дженни в лицо.

— А как ты думаешь, девочка, чем они здесь занимаются? Как ты думаешь, для чего они учатся управлять реактивными самолетами в Индиан Спрингс? А ракеты «воздух-земля» нужны Флеггу для того, чтобы выиграть своей девушке куклу на деревенской ярмарке?

Дженни сжала губы.

— Это не мое дело.

— Это по-прежнему будет не твое дело, когда они следующей весной полетят на своих реактивных самолетах за Скалистые горы и уничтожат всех, кто там живет?

— Я надеюсь, что так и будет. Либо мы — либо вы. Так он говорит, и я верю ему.

— Люди верили и Гитлеру. Но ты-то не веришь ему, ты просто запугана до потери пульса.

— Одевайся, Дайна.

Дайна натянула слаксы, застегнула пуговицу и молнию. Внезапно она приложила руку ко рту.

— Я... кажется, меня сейчас вырвет... Господи!.. — Схватив блузку с длинными рукавами, она выбежала в ванную и заперла дверь. Из-за двери донеслись звуки рвоты.

— Открой дверь. Дайна! Открой дверь, или я выстрелю в замок!

— Меня тошнит... — Она снова издала рыгающий звук. Встав на цыпочки, она сунула руку в аптечный шкафчик, благодаря Бога за то, что оставила здесь нож с браслетом и умоляя Его дать ей еще двадцать секунд...

Она схватила браслет и надела его на руку. Теперь из спальни доносилось несколько голосов.

Левой рукой она открыла кран умывальника.

— Одну минутку! Меня тошнит, черт возьми!

Но они не собирались предоставить ей эту минутку. Кто-то ударил дверь ногой, и она

затрещала. Дайна закрепила нож. Он лег вдоль ее руки, как отравленная стрела. С отчаянной быстротой она натянула блузку и застегнула рукава. Побрызгала водой на лицо. Спустила воду в туалете.

Новый удар в дверь. Дайна повернула ручку, и они ворвались внутрь.

— Меня вырвало, — холодно сказала Дайна. — Жаль, что вы не успели, а?

Ллойд схватил ее за плечо и вышвырнул в спальню.

— Я сломаю тебе шею, грязная шлюха.

Дайна посмотрела на Дженни, не в силах понять, как эта бойкая улыбчивая девушка могла превратиться в бесчувственную зловещую тварь.

— Неужели ты не понимаешь, что он собирается начать все сначала? — спросила она упавшим голосом. — Убийства, войны... *эпидемии*?

— Он больше всех и сильнее всех, — сказал Уитни с удивительной мягкостью в голосе. — Он сотрет всех вас с лица земли.

— Хватит болтать, — сказал Ллойд. — Пошли.

Комната оказалась просторной и почти пустой. Письменный стол был отодвинут к дальней стене. Висевшие на стенах картины были закрыты чехлами. Свет был потушен.

Противоположная стена была стеклянной. Сквозь нее открывался вид на пустыню. Дайна подумала, что ей никогда еще не приходилось видеть такого стерильного, отталкивающего пейзажа. В небе висела луна, похожая на маленькую, хорошо отполированную серебряную монетку. Луна была почти полной.

У прозрачной стены, спиной к ней, стоял силуэт человека.

Еще долго после того, как она вошла, он продолжал смотреть на пустыню. Наконец он обернулся. Сколько времени нужно человеку, чтобы обернуться? Две секунды, максимум — три. Но Дайне показалось, что темный человек поворачивался целую вечность, и лицо его появлялось с той же скоростью, что и луна, на которую он смотрел. Она ощутила себя ребенком, в котором любопытство боролось со страхом. На мгновение она полностью попала под влияние его чар и почувствовала уверенность, что когда поворот закончится, спустя Бог знает сколько тысячелетий, перед ней окажется лицо из ее снов — лицо монаха в готической рясе, капюшон которой укрывает абсолютную черноту. Она увидит его и сойдет с ума.

А потом он посмотрел на нее, подошел к ней, тепло улыбаясь, и ее первая удивленная мысль была: «Господи, да он же моего возраста!»

Волосы Рэнди Флегга были темными, взъерошенными. Лицо его было привлекательным, а кожа — красной и грубоватой, словно он не один день провел на пустынном ветру. Черты лица его были подвижными и выразительными, а в глазах плясал ликующий огонек.

— Дайна, — сказал он. — Привет!

— П-П-Привет. — Больше она не смогла вымолвить ни слова. Она была готова ко всему, но только не к этому. Ее ум был положен на обе лопатки. Он улыбался, глядя на ее смущение. Потом развел руками, словно принося свои извинения. На нем была линялая байковая рубашка с обтрепанным воротником, потертые джинсы и очень старая пара ковбойских ботинок со стоптанными каблуками.

— Что вы ожидали увидеть? Вампира? — Его улыбка стала еще шире. Он словно ждал, что она улыбнется ему в ответ. — Джека-потрошителя? Что они вам обо мне наговорили?

— Они боятся, — сказала она. — Ллойд... потел, как свинья.

— Ллойд, — сказал Флегг и скорбно засмеялся. — Ллойд прошел через одно довольно неприятное испытание в Фениксе во время эпидемии. Он не любит об этом рассказывать. Я

спас его от смерти и... — его улыбка стала еще более обезоруживающей — ...от участи, которая представляется мне несколько более страшной, чем смерть в ее обычном виде. Он мысленно связывает меня с этим испытанием, хотя не я был его причиной. Вы верите мне?

Она медленно кивнула. Она и в самом деле ему поверила и подумала о том, не связаны ли постоянные души Ллойда с «довольно неприятным испытанием в Фениксе». Она также поймала себя на чувстве, которое она никогда не ожидала ощутить в связи с Ллойдом Хенридом. Этим чувством была жалость.

— Хорошо. Садитесь, дорогая.

Она вопросительно огляделась.

— На пол. Пол нам подойдет. Мы будем говорить, и говорить правду. На стульях сидят лгуны. А мы будем сидеть так, как сидят друзья по разные стороны походного костра. Садись, девушка. — Он сел на пол, скрестив ноги, и выжидательно посмотрел на нее. В глазах его сверкнуло хорошо замаскированное ликующее веселье.

После секундного колебания она тоже опустилась на пол. Она скрестила ноги и положила руки на колени. Она ощущала у себя на руке успокаивающий вес ножа.

— Тебя послали сюда, чтобы шпионить за нами, дорогая, — сказал он. — Я правильно понимаю ситуацию?

— Да.

— А тебе известно, что обычно бывает со шпионами в военное время?

— Да.

Улыбка его стала широкой, как солнце.

— Ну разве нам не повезло тогда, что мои люди и ваши не воюют друг с другом?

Она ошеломленно посмотрела на него.

— Но мы ведь действительно не воюем, — сказал он со спокойной искренностью в голосе.

— Но... вы... — Тысячи спутанных мыслей пронеслись у нее в голове. Индиан Спрингс. Ракеты «воздух-земля». Мусорный Бак со своим дефолиантом и напалмом.

— Разве мы нападали на вашу так называемую Свободную Зону? Может быть, мы предпринимали какие-нибудь ведущие к войне шаги?

— Нет, но...

— А вы атаковали нас?

— Конечно, нет!

— Нет. И у нас тоже нет таких намерений. Посмотри! Он неожиданно вытянул руку и указал на пустыню.

— Великая Западная Пустыня! — воскликнул он. — Невада! Аризона! Нью-Мексико! Калифорния! ЗА ЧТО НАМ ВОЕВАТЬ? Еще и через двести лет нам всем хватит места! Что нам делить?

— Нечего, — пробормотала она. В горле у нее пересохло. Она чувствовала себя ошеломленной и... *обнадеженной*? Она посмотрела ему в глаза. Эти глаза притягивали ее. Она не сходила с ума. Он вовсе не лишил ее разума. Напротив, он был... очень благоразумным человеком.

— Не существует ни экономических, ни технологических причин для войны между нами. Наша политика немножко отличается от вашей, но ведь это такой пустяк, и к тому же, между нами Скалистые горы...

ОН ГИПНОТИЗИРУЕТ МЕНЯ.

С огромным усилием она оторвала свой взгляд от его глаз и посмотрела на луну над его плечом. Улыбка Флегга слегка потускнела, и по лицу его пробежала тень раздражения. Или ей

это показалось? Когда она вновь посмотрела на него (на этот раз куда более осторожно), на губах его вновь играла мягкая улыбка.

— Вы убили Джаджа, — сказала она резко. — Вам что-то нужно от меня, а когда вы добьетесь этого, вы и меня убьете.

Он терпеливо смотрел на нее.

— Действительно, по всей границе между Орегоном и Айдахо были выставлены пикеты, и у них было задание задержать Джаджа Фэрриса. Но не для того, чтобы убить его! У них был приказ доставить его ко мне. До вчерашнего дня я был в Портленде. Я хотел поговорить с ним так же, как сейчас разговариваю с тобой, дорогая — спокойно, благоразумно, здраво. Два моих пикета засекли его в Копперфильде, штат Орегон. Он открыл огонь, смертельно ранил одного из моих людей и уложил наповал второго. Тот человек, который был ранен, успел убить Джаджа до того, как умер сам. Мне очень жаль, что все так произошло. Гораздо жальче, чем ты можешь себе представить. — Глаза его потемнели, и в этом она поверила ему... но, возможно, не совсем так, как ему *хотелось*.

— Мне рассказали об этом иначе.

— Выбирайте, кому из нас верить, моя дорогая. Но не забывайте о том, что приказы им отдавал я.

Он говорил убедительно... чертовски убедительно. Он казался почти безобидным — но ведь на самом деле это было не так? Он обладал умением политика опровергать твои лучшие аргументы, но то, как он это делал, ее очень тревожило.

— Если вы не хотите войны, то к чему эти реактивные самолеты и прочее оружие, которое вы раздобыли в Индиан Спрингс?

— Оборонительные меры, — с готовностью заметил он. — Тем же самым мы занимаемся и на Лейк Серлс в Калифорнии, и на военно-воздушной базе Эдвардса. Еще одна группа работает над ядерным реактором на Якима Ридж в Вашингтоне. Ваши люди скоро займутся тем же самым... если уже не занялись.

Дайна медленно покачала головой.

— Когда я покинула Зону, они все еще пытались починить электричество.

— И я бы с радостью послал бы вам двух-трех специалистов, если бы мне не стало известно, что ваш Бред Китченер сам со всем прекрасно справился. Вчера ненадолго энергия отключилась, но он разрешил проблему очень быстро. Обычная перегрузка на Арапахоу.

— Откуда вы все это знаете?

— Ну, у меня есть свои каналы, — добродушно сказал Флегг. — Кстати сказать, старая женщина вернулась. Милая старушка.

— Матушка Абагейл?

— Да. Глаза его затуманились. — Она умерла. Как жаль. А я-то надеялся лично с ней повстречаться.

— Умерла? Матушка Абагейл умерла?

Взгляд прояснился, и он улыбнулся ей.

— Неужели это действительно так тебя удивляет?

— Нет. Но меня удивляет то, что она вернулась. И это удивляет меня больше, чем вы можете себе представить.

— Она вернулась, чтобы умереть.

— Она сказала что-нибудь перед смертью?

На одно мгновение маска спокойного добродушия соскользнула с лица Флегга, и под ней обнаружилось черное и злобное раздражение.

— Нет, — сказал он. — Я думал, что может быть... может быть, она и заговорит. Но она

умерла в коме.

— Вы уверены?

Сияющая улыбка вновь озарила его лицо.

— Забудьте об этом. Дайна. Давайте поговорим с вами о более приятных вещах, например, о вашем возвращении в Зону. Я уверен, что вам будет приятнее оказаться там, чем здесь. Я хочу, чтобы вы кое-что захватили с собой. — Он полез в карман рубашки, вынул оттуда замшевый бумажник и вытащил из него три дорожных карты. Он передал их Дайне, которая смотрела на карты с растущим удивлением. На них была показана территория семи западных штатов. Некоторые участки были закрасены красным цветом.

— Вы хотите, чтобы я взяла их с собой?

— Да. Я знаю, где живут ваши люди, и хочу, чтобы вы знали, где живут мои. В знак доверия и дружбы. А когда вы вернетесь, я хочу, чтобы вы рассказали им, что Флегг никому не хочет причинять вреда. Скажите им, чтобы не посылали больше шпионов. Если они захотят прислать сюда кого-нибудь, то пусть это будет дипломатическая миссия... или обмен студентами... неважно это. Но пусть они приходят открыто. Вы скажете им об этом?

— Конечно, я скажу. Но...

— Вот и все. — Он поднял вверх руки. Она заметила что-то необычное и наклонилась вперед.

— На что это вы смотрите? — Голос его зазвучал напряженно.

— Да нет, ни на что.

Но она увидела и по выражению его лица поняла, что он понял это. На ладонях Флегга не было линий. Кожа на них была такой же гладкой, как на животе новорожденного. Ни линии жизни, ни линии любви...

Они долго смотрели друг на друга.

Потом Флегг вскочил на ноги и подошел к письменному столу. Дайна тоже встала. Она начала верить в том, что он может ее отпустить. Он сел на край стола и пододвинул к себе переговорное устройство.

— Скажу Ллойд, чтобы он смазал и заправил ваш мотоцикл. Никому больше не придет в голову беспокоиться о нехватке топлива. А ведь мы с вами помним время, когда весь мир готов был самоуничтожиться в серии ядерных взрывов из-за недостатка обычного неочищенного бензина. — Он покачал головой. — Люди вели себя очень, очень глупо. — Он нажал кнопку на интеркоме. — Ллойд?

— Слушаю.

— Не мог бы ты заправить и смазать мотоцикл Дайны, а потом поставить его у отеля? Она скоро уезжает от нас.

— Да.

Флегг отключился.

— Ну вот и все.

— Я могу... идти?

— Да, мадам. Приятно было познакомиться. — Он протянул руку к двери... ладонью вниз.

Она подошла к двери. Едва лишь она притронулась к ручке, как он снова заговорил:

— Да, и еще один пусячок. Очень маленький пусячок.

Дайна улыбнулась. Он усмехался, и усмешка его была дружелюбной, но на одну сияющую минуту ей показалось, что перед ней — огромный черный мастифф, вываливший язык и обнаживший свои острые зубы, которые могут рвануть руку так, словно это не рука, а посудное полотенце.

— Что такое?

— Среди нас есть еще один из ваших людей, — сказал Флегг. Улыбка его стала шире. — Кто бы это мог быть?

— Откуда же *мне* знать? — спросила Дайна, и в мозгу у нее вспыхнула догадка: «Том Каллен!.. Неужели это все-таки был он?»

— Ну как же так, дорогая? А я-то думал, что мы уже обо всем договорились.

— Но я и вправду не знаю, — сказала она. — Посмотрите на ситуацию здраво, и вы поймете, что я не лгу. Комитет послал меня... и Джаджа... и кто знает, сколько еще человек... и они действовали очень осторожно. Чтобы мы не могли выдать друг друга, если... ну, вы понимаете, если что-то случится.

— Если мы решим выдрать парочку ногтей?

— Ну да. Ко мне подошла Сью Стерн. Наверное, Ларри Андервуд... он тоже член комитета...

— Я знаю, кто такой мистер Андервуд.

— Так вот, он, наверное, разговаривал с Джаджем. Но по поводу остальных... — Она покачала головой. — Скорее всего, каждый из семи членов комитета завербовал одного шпиона.

— Могло быть и так, но так не было. Остался только один, и ты знаешь, кто он такой. — Его улыбка стала еще шире, и теперь она внушала ей страх.

— Ты *знаешь*, — повторил Флегг.

— Нет, я...

Флегг склонился над интеркомом.

— Ллойд уже ушел?

— Нет, я еще здесь.

— Погоди пока насчет мотоцикла, — сказал он. — У нас тут есть еще одно дельце.

— О'кей.

Флегг посмотрел на нее долгим взглядом. Пот выступил у Дайны на лбу. Казалось, глаза его стали больше и темнее. Смотреть в них было все равно что смотреть в старый и очень глубокий колодец. На этот раз, когда она попыталась оторвать свой взгляд от его глаз, у нее ничего не получилось.

— Скажи мне, — сказал он очень мягко. — Не будем доставлять друг другу неприятностей.

— Так все это было небольшой одноактной пьеской, не так ли?

— Дорогая, я не понимаю, что ты имеешь в виду.

— Прекрасно понимаете. Ошибка в том, что Ллойд остался на месте. Одного вашего слова достаточно, чтобы любой из них бросился с небоскреба вниз головой. Он уже давно бы возился с моим мотоциклом. В том случае, разумеется, если бы вы ему заранее не сообщили, что не собираетесь меня отпустить.

— Дорогая, ты страдаешь тяжелым случаем ни на чем не основанной паранойи. Полагаю, что причиной этого является тяжелое впечатление, произведенное на тебя теми четырьмя мужчинами. Со странствующим зоопарком. Должно быть, там было ужасно. Но ужасно может оказаться и здесь, а ведь мы оба не хотим этого, правда?

Силы оставляли ее. Собрав последнюю волю, она сжала правую руку в кулак и ударила себя в правый глаз. Череп ее взорвался болью, и зрение затуманилось. Голова ее откинулась назад и ударилась о дверь с глухим звуком. Наконец-то взгляд ее оторвался от его глаз, и она почувствовала, что воля ее возвращается.

— Ты знаешь, кто это, — сказал он. Он встал со стола и направился к ней. — Ты знаешь и

расскажешь мне об этом. И удары кулаком по голове здесь не помогут, дорогая.

— А как же так получилось, что вы сами не знаете? — закричала она ему. — Вы знали о Джадже и знаете обо мне! Как же вы не знаете о...

Руки его с силой легли ей на плечи. Они были холодны, как мрамор.

— О ком?

— Я не знаю.

Он потряс ее, как тряпичную куклу. Руки его были ледяными, но лицо излучало жару пустыни.

— Ты знаешь. Скажи мне. Кто?

— А ПОЧЕМУ ВЫ САМИ НЕ ЗНАЕТЕ?

— ПОТОМУ ЧТО Я НЕ МОГУ ЭТО УВИДЕТЬ! — закричал он и швырнул ее через комнату. Когда она увидела, как его лицо склоняется над ней в сумерках, теплая моча заструилась по ее бедрам. Рэнди Флегга больше не было. Теперь перед ней был Ходячий Хлыщ, высокий человек, главный, и да поможет ей Бог.

— Ты скажешь, — сказал он. — Ты скажешь то, что я хочу знать.

Она посмотрела на него и медленно поднялась на ноги. Она ощутила вес ножа, прикрепленного к ее руке.

— Хорошо, я скажу. Подойди ближе.

Усмехаясь, он сделал шаг по направлению к ней.

— Нет, гораздо ближе. Я хочу прошептать тебе это на ухо.

Он подошел еще ближе. Она ощущала раскаленный жар, ледяной холод. В ушах ее стоял мощный гул. Она ощущала запах безумия — запах гнилых овощей в темном погребе.

— Ближе, — прошептала она хрипло.

Он сделал еще один шаг, и она резко согнула в запястье правую руку. «Щелк!» — услышала она звук пружины. Предмет оказался у нее в руке.

— ПОЛУЧАЙ! — взвизгнула она и замахнулась на него. Уперев руки в бедра, он оглушительно расхохотался, откинув назад свое пылающее лицо.

— Ой, насмешила! — закричал он и снова зашелся веселым хохотом.

Она глупо уставилась на свою руку. В ней был зажат крепкий желтый банан с бело-голубой наклейкой «Чиквита». Она испуганно уронила его на ковер.

— Ты скажешь, — прошептал он. — Обязательно скажешь.

И Дайна поняла, что он прав.

Она быстро повернулась, настолько быстро, что ей на секунду удалось застать врасплох даже темного человека. Одна из его черных рук дернулась, но успела лишь вырвать кусок шелка из ее блузки.

Дайна прыгнула на стеклянную стену.

— НЕТ! — закричал он, и она ощутила черный ветер у себя за спиной.

Она ударилась лбом о стену и увидела, как удивительно толстые куски стекла летят вниз на автомобильную стоянку, расположенную под окнами отеля. Трещины разбежались по всему окну. Инерция вынесла ее тело в образовавшуюся дыру, и там она застряла, истекая кровью.

Она почувствовала прикосновение его рук и подумала о том, сколько времени ему потребуется, чтобы заставить ее сознаться. Час? Два?

«Я видела Тома, и ты не можешь учуять его, потому что он отличается от нас, он...»

Он втащил ее обратно.

Она убила себя, резко бросив голову вправо. Острый, как бритва, край стекла впился ей в горло. Другой осколок ткнулся в правый глаз. На мгновение тело ее напряглось, и руки стали

судорожно биться о стекло. Потом она обмякла. В свой кабинет темный человек втащил кровоточащий труп.

Рыча от ярости, Флегг пнул ее ногой. Безвольная податливость ее тела разъярила его еще больше. Рыча и вопя, он стал бить ее ногами. Глаза его полыхали темным огнем.

Снаружи Ллойд и остальные побледнели. Они переглянулись. Это уже было выше их сил. Дженни, Кен и Уитни ушли, всем своим видом пытаясь показать, что они ничего не слышали.

Остался один Ллойд — но не потому, что хотел этого, а потому, что знал, что этого от него ждут. И наконец Флегг позвал его.

Он сидел на столе, скрестив ноги и положив руки на колени. Смотрел он вверх Ллойда, в пространство. Ллойд увидел, что стеклянная стена пробита в центре. Острые края дыры были залиты кровью.

На полу лежал неопределенный предмет, по форме смутно напоминающий человеческое тело, завернутый в занавеску.

— Убери это, — сказал Флегг.

— Сейчас. — Ллойд перешел на хриплый шепот. — Надо ли отрезать голову?

— Отнеси все на восток от города, облей бензином и сожги. Понял? СОЖГИ! СОЖГИ ЭТУ МЕРЗКУЮ ТВАРЬ!

— Хорошо.

— Ну вот. — Флегг снисходительно улыбнулся.

Ллойд взял тело и неверной походкой направился к двери.

— Ллойд.

Он остановился и оглянулся. Из рта у него вырвался жалобный стон. Флегг по-прежнему сидел в позе лотоса, но теперь он парил в десяти дюймах над поверхностью стола, все так же безмятежно глядя в пространство.

— Ч-ч-что?

— Тот ключ, что я дал тебе в Фениксе, он все еще у тебя?

— Да.

— Храни его. Время приближается.

— Х-хорошо.

Он подождал еще немного, но Флегг не сказал больше ни слова. Ллойд быстро выскользнул за дверь, как всегда радуясь, что при нем остались его жизнь и душевное здоровье.

Десятого сентября в конце дня Динни играл в небольшом городском парке, расположенном к северу от района отелей и казино. Женщина, которая эту неделю была его «матерью» — ее звали Анджелина Хиршфилд — сидела на парковой скамейке и разговаривала с молодой девушкой, которая появилась в Лас-Вегасе около пяти недель назад, примерно дней через десять после того, как здесь оказалась сама Энджи.

Энджи Хиршфилд было двадцать семь лет. Девушке на десять лет меньше. Одета она была в обтягивающие джинсовые шорты и курортную майку, не оставлявшую воображению абсолютно никакой работы. Было нечто непристойное в контрасте между ее зрелым и бойким телом и детским, бессмысленным выражением лица.

Динни поднял глаза, улыбнулся и закричал:

— Том! Эй, Том!

В противоположном конце парка шел большой человек с соломенными волосами и объемистой корзиной для ленча, которая билась о его ногу.

— Послушай, такое чувство, что этот парень пьян, — сказала девушка.

Энджи улыбнулась.

— Нет, это Том. Он просто...

Динни сорвался с места, крича:

— Том! Подожди, Том!

Том обернулся, улыбаясь.

— Динни! Хей-хей!

Динни прыгнул на Тома. Том уронил корзину для ленча и подхватил его.

— Давай полетаем. Том! Давай полетаем!

Том взял Динни за запястья и стал кружить его, все быстрее и быстрее. Динни летел почти параллельно земле. Он заливался смехом. Потом Том осторожно опустил его на землю.

Динни пошел, шатаясь, смеясь и пытаясь восстановить равновесие.

— Еще, Том! Пожалуйста!

— Нет, тебя будет тошнить. А Тому уже пора домой. Ей-Богу, да.

— О'кей, Том. Пока!

Энджи сказала:

— По-моему, Динни любит Ллойда Хенрида и Тома Каллена больше, чем кто бы то ни было, но... — Она посмотрела на девушку и запнулась. Та задумчиво смотрела на Тома. Глаза ее сузились.

— Он пришел с другим человеком? — спросила она.

— Кто? Том? Нет, насколько я знаю, он пришел один недели полторы назад. Он был с теми другими людьми в их Зоне, но они выставили его оттуда. Их потеря — наше приобретение, так я считаю.

— А с ним не было немного? Немного и глухого парня?

— Глухонемого? Нет, я абсолютно уверена, что он пришел один. Динни просто влюбился в него.

Девушка провожала Тома взглядом, пока он не скрылся из виду. Она подумала о «Пепто-Бисмоле». Она подумала о записке со словами: «Ты нам не нужна». Все это было в Канзасе, тысячу лет назад. Она стреляла в них. Она хотела убить их, а особенно немного.

— Джули? С тобой все в порядке?

Джули Лори не ответила. Она смотрела вслед Тому Каллену. Спустя некоторое время на

лице ее появилась улыбка.

К северу от Лас-Вегаса находится долина Эмигрант, и в ту ночь в ее спутанных зарослях горел небольшой костер. Рядом с ним сидел Рэнделл Флегг, занятый приготовлением небольшого зайца. Он медленно поворачивал его на грубо сделанном вертеле и смотрел, как капли жира с шипением падают в огонь. Легкий ветерок относил вкусный запах в пустыню, и оттуда пришли волки. Они уселись на склоне горы и принялись выть на почти полную луну.

Он был недоволен тем, как идут дела.

Старуха умерла, и сначала он подумал, что это к лучшему. Несмотря ни на что, он ее боялся. Она умерла, и он сказал Дайне Джургенс, что она умерла, не приходя в сознание... но так ли это на самом деле? Он уже не был в этом абсолютно уверен.

Говорила ли она с ними перед смертью? А если говорила, то что?

Что они замышляют?

У него появилось нечто вроде третьего глаза. Это было что-то вроде способности левитации — он принимал это, но не мог объяснить. Он мог посылать свой глаз на любые расстояния, он мог видеть... почти всегда. Но иногда глаз загадочным образом слеп. Он мог заглянуть в комнату, где лежала старуха, мог видеть их, собравшихся вокруг нее, и перышки их еще дрожали от того маленького сюрприза, который им устроили Гарольд и Надин... но потом видение исчезло, и он вновь оказался в пустыне в своем спальном мешке, и перед глазами у него висело созвездие Кассиопеи, отдыхающее в своей звездной качалке. И внутри него раздался голос: «Она умерла. Они ждали, что она заговорит, но она так ничего и не сказала.»

Но он больше не верил этому голосу.

А тут еще эти неприятности со шпионами.

Джадж со снесенной пулями головой.

И эта девка, которая ускользнула от него в последнюю секунду. А она ведь знала, черт ее побери! ОНА ЗНАЛА!

Он бросил на волков внезапный яростный взгляд, и полдюжины из них стали грызться друг с другом.

Он знал все их секреты, кроме... кроме того, кто был третьим? Он посылал свой Глаз снова и снова, но он не видел ничего, кроме загадочного, идиотического лица луны.

Кто был третьим?

И как эта девка сумела его обмануть? Она застала его врасплох, оставив его в руках только обрывок своей блузки. Он знал о ее ноже, но не смог предугадать этот внезапный прыжок в стеклянную стену. А как хладнокровно она покончила с собой, без малейшего колебания! Несколько секунд, и ее уже не было в живых.

Мысли его прыгали одна за другой, как ласки в темноте.

Вещи понемногу изнашивались по краям. Ему это не нравилось.

Лаудер, например.

Он действовал так *безупречно*, как заводная игрушка с ключиком в спине. Пойди сюда. Пойди туда. Сделай это. Сделай то. Но бомбой убило только двоих — и весь план, все *усилия* были испорчены *возвращением этой старой негритянки*. А потом... после того как переднее колесо мотоцикла Гарольда скользнуло по аккуратной нефтяной лужице, и он пролетел несколько десятков метров вниз по лесистому горному склону, ломая кости и раздирая плоть... он ведь чуть не убил Надин. А эта тупая шлюха стояла с разинутым ртом, склонившись над обрывом, и ждала, чтобы он выстрелил снова, словно *хотела*, чтобы ее

убили. А кто завершит начатое дело, если Надин умрет?

Кто, если не его сын?

На следующий день рано утром Надин выехала из городка под названием Глендейл и поехала по I-15 на своем мотороллере. Ее белоснежные волосы развевались у нее за спиной, напоминая свадебную фату.

Ей было жаль мотороллера, который так долго и верно служил ей, но теперь жизнь его подходила к концу. Большой пробег, жара, трудный перевал через Скалистые горы, отсутствие ухода — все внесло свой вклад. Звук двигателя стал хриплым и затрудненным. Но это неважно. Если он сломается раньше, чем она достигнет цели, она пойдет пешком. Теперь никто ее не преследует. Гарольд мертв. А если ей придется идти пешком, он узнает об этом и пошлет кого-нибудь ей навстречу.

Гарольд стрелял в нее. Гарольд пытался *убить* ее!

Несмотря на все усилия, мысли ее вновь и вновь возвращались к Гарольду. Она глодала воспоминания, как собака — кость. Это должно было случиться. В ту первую ночь после взрыва Флегг явился к ней во сне и сказал, что оставит Гарольда с ней до тех пор, пока оба они не окажутся на Западном Спуске, почти уже в Юте. Потом Гарольд будет устранен при помощи быстрого, безболезненного несчастного случая. Нефтяное пятно на дороге. У самого края. Никаких хлопот.

Но случай не оказался ни быстрым, ни безболезненным, и Гарольд чуть не убил ее. Пуля пропела в дюйме от ее щеки, и все же она не могла заставить себя сдвинуться с места. Она застыла от изумления, недоумевающая, как он мог совершить такой поступок, как он мог *осмелиться* выстрелить в нее.

Она попыталась успокоить себя тем, что Флегг просто хотел хорошенько напугать ее, напомнить ей, кому она принадлежит. Но это было бессмысленно! Безумно! Но даже если при желании в этом и можно было усмотреть какой-то смысл, внутри нее все равно звучал твердый, уверенный голос, который убеждал ее в том, что выстрел Гарольда был чем-то таким, что Флегг просто не сумел предусмотреть.

Она попыталась заглушить этот голос, но ей это не удалось. Голос твердил ей, что она осталась в живых только благодаря слепому случаю. Пуля Гарольда могла с таким же успехом попасть ей между глаз, а уж это-то никак не могло оказаться делом рук Флегга.

Она обозвала этот голос лжецом. Флегг знает все, и без его воли ни один волос не упадет с твоей головы...

«Нет, это относится только к Богу, — неумолимо отвечал голос. — К Богу, а не к нему. Ты осталась в живых только благодаря слепому случаю, а это означает, что все ставки аннулируются. Ты ему ничего не должна. Ты можешь развернуться и пойти в обратную сторону, если хочешь.»

Пойти в обратную сторону — это хорошая шутка. Где она, эта обратная сторона?

Голосу нечего было ответить на этот вопрос. Она бы сильно удивилась, если бы дело обстояло иначе. Если ноги темного человека сделаны из глины, то она обнаружила этот факт немного поздновато.

Она попыталась сосредоточиться на прохладной красоте пустыни, чтобы отогнать голос. Но голос остался.

«Если ему не было известно, что Гарольд восстанет против его воли и выстрелит в тебя, когда ты крикнешь ему, что уходишь, то что еще остается для него тайной? И пролетит ли пуля мимо в следующий раз?»

Но, Господи, ведь уже слишком поздно! Она опоздала на дни, недели, а может быть, и

годы. Почему этот голос молчал до тех пор, пока то, что он говорит, не потеряло всякий смысл?

И словно согласившись с ней, голос замолчал, и все утро она была предоставлена самой себе. Она ехала по дороге, ни о чем не думая. По дороге, ведущей в Лас-Вегас. По дороге, ведущей к нему.

Мотороллер умер после полудня. Двигатель заскрежетал и заглох. Она ощутила жаркий, тревожный запах, напоминающий запах горелой резины. Она убила его. Она убила уже очень многих на пути к своему жениху. Она несла ответственность за смерть семерых членов Комитета Свободной Зоны и нескольких людей, приглашенных на их последнее заседание. А еще Гарольд. А еще, не будем об этом забывать, неродившийся ребенок Фрэн Голдсмит.

Мотороллер лежал на боку, как мертвое животное. Надин посмотрела на него в течение нескольких секунд, а потом отправилась пешком. Она уже миновала Сухое Озеро. А это означало, что ночью ей придется спать около дороги, если только никто не приедет за ней. В Лас-Вегасе она окажется не раньше утра. И внезапно она почувствовала уверенность, что темный человек заставит ее проделать весь путь пешком. Она придет в Лас-Вегас голодной, жаждущей, и обожженной солнцем пустыни, и последние следы прежней жизни будут истреблены в ней. Женщина, которая обучала маленьких детей в частной школе в новой Англии, навсегда исчезнет с лица земли.

Шел день, и она двигалась вперед. Пот градом катился с ее лица. На шоссе сверкали озерца ртути. Она сняла блузку и пошита по дороге в одном белом лифчике. Солнечный ожог? Ну и что? Честно говоря, дорогая, мне на это глубоко плевать.

К вечеру ее грудь и плечи приобрели ужасающий пурпурный оттенок. Вечерняя прохлада наступила неожиданно, заставив ее поежиться и вспомнить о том, что спальный меток остался привязанным к багажнику мотороллера.

Она с сомнением посмотрела вокруг, глядя на попадавшиеся тут и там машины, некоторые из которых были засыпаны песком по капот. От мысли о том, что можно устроиться на ночь в одной из этих гробниц, ее затошнило — затошнило даже сильнее, чем от ожога.

«Я брежу», — подумала она.

Но это уже не имело никакого значения. Она решила идти всю ночь напролет.

Она откинула с лица свои длинные волосы и тупо поняла, что ей хочется умереть.

Солнце скрылось за горизонтом, и установилось удивительное равновесие между светом и тьмой. Ветер, овевавший ее, был теперь смертельно холоден. Она огляделась вокруг во внезапном испуге.

Было *слишком* холодно.

Неожиданно ей вспомнился обрывок дилановской песни: «Рыскал, как крокодил... охотился в кукурузе...»

А вслед за этим какая-то другая песенка, кажется, «Иглз», с неожиданно пугающим смыслом: «Этой ночью я хочу спать с тобой в пустыне... а вокруг нас будут миллионы звезд...»

Внезапно она поняла, что он где-то рядом.

Она поняла это еще до того, как он заговорил.

«Надин». Его мягкий голос, раздающийся из сгустившейся темноты.

— Надин, Надин... как я люблю любить Надин.

Она обернулась и увидела его. Он сидел на капоте старого «Шевроле», скрестив ноги и положив руки на обтянутые потертыми джинсами колени. Он смотрел на нее и нежно

улыбался. Но глаза его вовсе не были нежными. В них она увидела черное ликование, пляшущее, как ноги человека, только что вздернутого на виселице.

— Привет, — сказал он. — А вот и я.

— Да. Наконец-то ты здесь. Как и было обещано.

Улыбка его стала шире, и он протянул руки навстречу ей. Она почувствовала исходящий от него испепеляющий жар. Его мягкие ладони обвили вокруг ее запястий и сжали их, как наручники.

— О, Надин, — прошептал он и нагнулся, чтобы поцеловать ее. Она отвернула голову совсем чуть-чуть, подняв глаза на холодный огонь звезд, и поцелуй его пришелся не в губы, а в уголок рта. Но он не был одурачен. Кожа ее лица ощутила насмешливый изгиб его улыбки.

«Он мне отвратителен», — подумала она. Но отвращение было лишь запекшейся коркой на чем-то более худшем — на зачерстневшей, долго скрываемой похоти, на старом прыще, у которого наконец-то появилась желтоватая головка, готовая излевать из себя отвратительную, зловонную жидкость, давным-давно скисшую сладость. Его руки, скользившие у нее по спине, были горячее солнечного ожога. Она потерлась об него, и неожиданно холмик у нее между ног словно увеличился в объеме и стал более нежным, более чутким. Шов ее слаксов нежно возбуждал ее, так что ей захотелось потереться еще сильнее, чтобы раз и навсегда излечить себя от этого зуда.

— Скажи мне только одно, — попросила она.

— Все, что ты хочешь.

— Ты сказал «как и было обещано». Кто обещал меня тебе? И почему именно меня? И как мне называть тебя? Я даже этого не знаю. Я знала тебя почти всю свою жизнь, но я не знаю, как мне тебя называть.

— Зови меня Ричардом. Это мое настоящее имя.

— Настоящее имя? Ричард? — спросила она с сомнением, и он захихикал ей в шею, заставляя ее съежиться от отвращения и желания. — Так кто же обещал меня?

— Надин, — сказал он. — Я забыл. Давай начнем.

Он соскользнул с капота, все еще держа ее за руки, и она чуть было не вырвалась и не побежала... но какой был бы в этом смысл? Он догонит ее, поймает и изнасилует.

— Луна, — сказала она. — Она полная, как я. — Он взял ее руку и прижал ее к своим джинсам. За полым холодком молнии она ощутила что-то ужасное, живущее своей собственной пульсирующей жизнью.

— Нет, — пробормотала она и попыталась отвести руку в сторону, но он удержал ее.

— Иди в пустыню и стань моей женой, — сказал он.

— Нет!

— Говорить «нет» уже слишком поздно, дорогая.

Она пошла с ним. Там был спальный мешок и почерневшие кости костра, освещенные серебряным сиянием луны.

Он уложил ее.

— Хорошо, — выдохнул он. — Теперь все хорошо.

Пальцы его сражались сначала с пряжкой ремня, потом с пуговицей, потом с молнией.

Она увидела, что он приготовил для нее, и зашлась в крике. Она попыталась отползти в сторону, но он схватил ее и не отпускал, и тогда она сжала ноги изо всех сил, но когда одна из его гладких рук просочилась между ними, как вода, она подумала: «Я буду смотреть вверх... я буду смотреть на луну... я ничего не почувствую, и скоро все будет кончено... я ничего не почувствую...»

А когда его смертельный лед проскользнул в нее, крик разорвал ее легкие, и она забилась,

но борьба была бесполезна. Он вонзался в нее, убийца, разрушитель, и холодная кровь хлынула у нее по бедрам, и тогда он вошел в нее глубоко, до самой матки, и луна отражалась в ее глазах, холодное серебряное пламя луны, а когда он кончил, то внутрь ее полился расплавленный металл, расплавленная медь, и она кончила вслед за ним, крича от невероятного наслаждения, кончила в ужасе, вступая в пустыню безумия через медные ворота, наблюдая за тем, как тает его лицо, а за ним обнажается лицо демона с желтыми электрическими лампочками вместо глаз — окнами в невообразимый ад, но по-прежнему в них светилась эта ужасная веселость. Снова... снова... снова входил он в нее. Казалось, он никогда не истощится. Он был смертельно холоден. И стар. Старее человечества, старее самой земли. И снова он изливал в нее расплавленную медь. Последний крик вырвался из нее и был унесен ночным ветром. Его мертвое дыхание опалило ее лицо. Теперь она была в стране безумия. Медные ворота закрылись за ней.

ЛУНА!..

Луна уже почти скрылась за горизонтом.

Он поймал еще одного зайца и свернул ему шею. Разведя новый костер на костях старого, он насадил зайца на вертел и укрепил его над огнем. Волков больше не было. В эту ночь они держались поодаль, и это было правильно. В конце концов это была его брачная ночь, а та оцепеневшая, апатичная тварь, обмякшая на другой стороне костра, была его краснеющей невестой.

Он искренне недоумевал.

Что он такое сделал с ней?

Он не мог этого вспомнить.

Да это и не важно. Она была беременна. Она послужит великолепным инкубатором. Она выносит его сына, а потом сможет умереть, выполнив свое предназначение. В конце концов для этого она и пришла сюда.

Кролик поджарился. Он разорвал его на две части. Ее часть он разделил на мелкие кусочки, как обычно поступают с едой ребенка. Время от времени он давал ей один кусок. Некоторые из них выпадали недожеванными из ее рта, но большую часть она все же съела. Если она останется такой, ей потребуется нянька. Возможно, Дженни Энгстром.

— Мне было очень хорошо, дорогая, — сказал он тихо.

Она тупо посмотрела на луну. Флегг нежно улыбнулся ей и принялся за свой брачный ужин.

После секса ему всегда хотелось есть.

Ночью он проснулся в недоумении и испуге.

Был ли это сон? Видение?

«Они приближаются.»

Он попытался понять эту фразу, разместить ее в каком-нибудь подходящем контексте. Это ему не удалось.

«Они подходят ближе.»

Кто? Кто подходит ближе?

«Кто-то подходит ближе, а кто-то... уходит.»

Пока он спал кто-то прошел мимо его лагеря, направляясь на восток. Так и не увиденный третий? Он не знал. Луна была полной. Неужели третьему удалось сбежать? Эта мысль повергла его в состояние паники.

«Да, но кто же приближается?»

Когда на следующее утро он поехал обратно в Лас-Вегас, он снова улыбался и почти уже забыл свою ночную панику. Надин смирно сидела у него за спиной, как большая тряпичная кукла.

Он пошел в «Гранд-Отель». Там он узнал, что произошло, пока он спал. В их глазах он увидел новый взгляд, настороженный и вопрошающий, и тогда он снова почувствовал, как бабочка страха бьется о него своими крыльями.

Ллойд Хенрид был в дурном расположении духа. Он сидел в баре и раскладывал пасьянс. В Индиан Спрингс произошел взрыв — один убит, трое обожжены, и один из этих трех скорее всего умрет от тепловых ожогов. Ни один человек в Вегасе не знал, как такие ожоги лечить.

Принес известие Карл Хоу. Он был пилотом «Озарк Эрлайнс» до эпидемии, служил когда-то в морской пехоте и мог бы разорвать Ллойда пополам, если бы захотел.

Карл приехал около двух, держа свой мотоциклетный шлем под мышкой. Левая щека его была сильно обожжена, а на одной руке вздулись волдыри. Взорвалась автоцистерна с топливом, и горящая нефть разлилась по площадке перед базой.

— Ладно, — сказал Ллойд. — Я доложу главному. Обожженные в лазарете?

— Да. Не думаю, что Фредди Кампанари доживет до захода солнца. У нас остается только двое пилотов — я и Энди. Скажи ему это и еще кое-что. Я требую, чтобы этот трахнутый Мусорный Бак убрался отсюда. Такова моя цена за то, что я останусь.

Ллойд удивленно уставился на Карла Хоу.

— Вот как?

— Я, кажется, ясно говорю.

— Вот что я скажу тебе. Карл, — начал Ллойд. — Я не могу передать ему твои слова. Если ты хочешь отдавать приказы ему, то тебе придется делать это самостоятельно.

Карл смутился. Непривычно было видеть выражение страха на его суровом лице.

— Да, я понимаю. Я просто устал, Ллойд. Лицо адски болит. Я не собирался вымещать все это на тебе.

— Все в порядке, парень. Для того я здесь и поставлен. — Голова Ллойда начинала болеть.

— Но он все равно должен уйти, — сказал Карл. — Я должен доложить об этом, и так я сделаю. Я знаю, что у него есть этот черный камень. Он наверняка один из приближенных главного. Но послушай. — Карл сел и положил шлем на стол для игры в баккара. — Мусор виноват в этом пожаре. Господи Иисусе Христе, как мы собираемся поднять в воздух эти самолеты, если приближенные главного будут жечь пилотов?

Несколько проходивших через вестибюль человек настороженно посмотрели в сторону столика, за которым сидели Ллойд и Карл.

— Говори потише. Карл.

— О'кей. Но ты понимаешь, о чем идет речь?

— Почему ты считаешь, что в пожаре виноват Мусор?

— Слушай, — сказал Карл, наклоняясь вперед. — Он был в гараже, да? Он был там очень долго, и не я один его видел.

— А я думал, что он где-то путешествует. Где-то в пустыне. Ну, ты знаешь, ищет свои игрушки.

— Так вот, он вернулся, так? Песчаный вездеход, на котором он ездит, был весь набит всякой дрянью. Бог, может, и знает, где он все это берет, но не я. Так вот, во время пятиминутки он взял ребят в оборот. Ты же знаешь его. Для него оружие — то же самое, что конфета для ребенка.

— Да.

— Под конец он показал нам одну из этих зажигательных бомб. Дергаешь за кольцо, и фосфор взрывается. Потом минут тридцать-сорок ничего не происходит, а потом начинается адский пожар.

— Да.

— Ну так вот, Мусорок показывает нам эту штуку, просто истекая слюнями, а Фредди Кампанари и говорит: «Эй, те, кто играют с огнем, ссут в постель, Мусор». А Стив Тобин — ну, ты знаешь его — и говорит: «Эй, ребята, убирайте спички, Мусор вернулся». И тут Мусор совсем сдвинулся. Оглядел нас и стал что-то бормотать себе под нос. Я сидел совсем рядом с ним, и слышал, как он пробормотал что-то вроде «не спрашивайте меня о чеке старой леди Симпл». Ты улавливаешь в этом хоть какой-нибудь смысл?

Ллойд покачал головой.

— А потом он слинял. Забрал с собой все свои игрушки и уехал. Ну, все мы чувствовали себя немного не в своей тарелке — никто не хотел его обижать. Большинству парней Мусор нравится. Или нравился. Он — как ребенок, ты ведь знаешь?

Ллойд кивнул.

— А через час эта чертова цистерна взлетает вверх, как ракета. И когда мы собирали себя по кусочкам, я случайно поднял взгляд и увидел за казармами вездеход Мусора, а сам он смотрел на нас в бинокль.

— И это все? — спросил Ллойд с облегчением.

— Нет, не все. Если бы это было все, я бы не стал тебя беспокоить, Ллойд. Я просто обратил внимание на то, как взорвалась эта цистерна. Во Вьетнаме желтопузые взрывали до черта наших автоцистерн с аммоналом с помощью наших же зажигательных бомб. Просто суешь такую штуку в выхлопную трубу. Если никто не заводит грузовик с цистерной, фосфор загорается в положенное время. А если заводит — он загорается, как только нагреется труба. Но так или иначе — БА-БАХ! — и цистерны больше нет. Единственная проблема в том, что на стоянке у нас всегда бывает не меньше дюжины грузовиков, и пользуемся мы ими без всякой очередности. Так вот, после того, как беднягу Фредди отправили в лазарет, мы с Джоном Уэйтом отправились туда. Джон отвечает за автопарк, и он к тому времени чуть не обоссался от страха. Он видел там Мусора раньше.

— Он уверен, что это был Мусорный Бак?

— С этими ожогами у него на руке трудно ошибиться, тебе не кажется? Тогда никому не пришло в голову что-нибудь заподозрить. Он просто шатался вокруг да около, а это и есть его обычное занятие, так ведь?

— Пожалуй.

— Ну мы с Джоном и стали осматривать остальные цистерны, и черт побери, в каждой выхлопной трубе было по зажигательной бомбе. Ты же помнишь, что первый грузовик взорвался, потому что мы им стали пользоваться, и труба нагрелась? Но остальные тоже были на подходе. Две или три бомбы уже начали дымиться. Некоторые цистерны были пусты, но по крайней мере пять из них были под завязку залиты реактивным топливом. Еще десять минут — и мы потеряли бы половину этой чертовой базы.

«О, Господи, — подумал Ллойд скорбно. — Вот это действительно плохо. Так плохо, что хуже и быть не может.»

Карл протянул покрытую волдырями руку.

— Это я заработал, вытаскивая одну из горячих. Теперь ты понимаешь, почему он должен убраться?

— Может быть, кто-то стащил у него эти бомбы из вездехода? — неуверенно спросил Ллойд.

— Ты и сам знаешь, что это не так, — терпеливо произнес Карл. — Кто-то оскорбил его в лучших чувствах, когда он показывал нам свои игрушки, и он попытался сжечь всех нас. И надо сказать, чуть не преуспел в этом. Это нельзя так оставить, Ллойд.

— Хорошо, Карл.

Остаток дня он провел, выпрашивая о Мусоре. Не видел ли кто его и не знает ли, где он может сейчас быть? В ответ — опасливые взгляды и выражение полного недоумения. Слухи уже расползлись. Может быть, это и неплохо. Каждый, кто увидит его, немедленно об этом доложит, надеясь, что их помянут добрым словом в присутствии главного. Но у Ллойда было подозрения, что никто его уже не увидит.

— Мистер Хенрид?

Что *еще*? Он поднял глаза и увидел девушку с хорошеньким, надутым личиком. Обтягивающие белые шорты. Курортная майка, не вполне прикрывающая коричневую плоть ее сосков. Маленькая секс-бомбочка, но почему-то с бледным и нервным видом. Она произвольно грызла ноготь большого пальца, и он заметил, что все ее ногти обкусаны.

— Что?

— Я... мне надо видеть мистера Флегга, — сказала она. Голос ее упал, и последнее слово она произнесла уже шепотом.

— Вот как? А за кого ты меня принимаешь? За начальника отдела по связям с общественностью?

— Но... мне посоветовали... обратиться к вам.

— Кто посоветовал?

— Энджи Хиршфилд.

— Как тебя зовут?

— Джули. — Она хихикнула, но это был только условный рефлекс. Вид у нее был очень испуганным, и Ллойд устало подумал о том, что за новый кусок дерьма плавает в колодце. Девушка не станет просить встречи с Флеггом без серьезной причины. — Джули Лори.

— Так вот, Джули Лори, Флегга сейчас нет в Лас-Вегасе.

— Когда он вернется?

— Я не знаю. Он приходит и уходит, никого об этом не оповещая. Если тебе нужно что-то ему сказать, скажи это мне, а я позабочусь ему об этом доложить. — Джули посмотрела на него с сомнением, и он повторил те же слова, которые утром он сказал Карлу Хоу: — Для того я здесь и поставлен.

— О'кей. — И быстрым голосом: — Если это окажется важным, то скажите ему, что это я вам сказала. Джули Лори.

— О'кей.

— Не забудете?

— ДА НЕТ ЖЕ, ГОСПОДИ! Так в чем дело?

Она надулась.

— Вам вовсе не обязательно говорить со мной так грубо.

— Хорошо, — сказал он. — Так в чем дело?

— Этот немой. Если он где-нибудь неподалеку, то, наверное, он шпионит. Я просто подумала, что вам надо об этом знать. — Глаза ее злобно сверкнули. — Этот сукин сын наставил на меня свою пушку.

— Какой еще немой?

— Ну, я видела этого идиота и решила, что где-то рядом должен быть немой. И они оба не такие, как мы. По-моему, они явились к нам с той стороны.

— Значит, ты так считаешь?

— Да.

— Так вот, я понятия не имею, что ты такое несешь. Если ты не начнешь изъясняться

здорово, то я пойду спать.

Джули села, положила ногу на ногу и рассказала Ллойд о своей встрече с Ником Андросом и Томом Калленом в Прагге, штат Канзас. О «Пепто-Бисмоле» («Я просто немного подшутила над идиотиком, а этот глухонемой наставил на меня свою пушку!») Она даже рассказала ему, как стреляла в них, когда они уходили.

— Ну и что все это доказывает? — спросил Ллойд. Он был несколько заинтригован словечком «шпионить», но потом совсем отупел от скуки.

Джули снова надулась и взяла сигарету.

— Я же говорю вам. Этот идиот, он сейчас здесь. Держу пари, что он шпионит за нами.

— Говоришь, его зовут Том Каллен?

— Да.

Том Каллен был большим светловолосым человеком. Крыша у него была не совсем в порядке, но уж конечно, вряд ли он мог быть шпионом, как пыталась представить дело эта прожженная сучка. Можно, конечно, обратиться к Полу Берлсону, который ведет досье на всех жителей Вегаса, и навести у него справки об этом Томе Каллене.

— Вы арестуете его?

Ллойд посмотрел на нее.

— Я арестую тебя, если ты немедленно отсюда не уберешься.

— Сукин сын! — крикнула Джули Лори визгливым, срывающимся голосом. — А я-то пыталась вам помочь!

— Я проверю.

— Рассказывайте. Знаю я ваши песни. — Джули возмущенно вскочила с места и выбежала из бара.

Ллойд достал из кармана блокнот и написал на чистой странице: «Ник Андрос, немой — в городе? И ниже: Том Каллен, проверить у Пола.»

Ходячий Хлыщ вернулся в Лас-Вегас вместе с Надин Кросс около половины десятого утра.

У Ллойда все было готово на тот случай, если *он потребует его к себе с докладом*. Ему оставалось только позвонить Полу Берлсону и навести у него справки о Томе Каллене на тот случай, если Джули Лори действительно напала на след. Хотя вряд ли. Но с Флеггом лучше перестараться, чтобы потом не пришлось жалеть.

Он поднял телефонную трубку, и через несколько секунд в ней раздался теннесийский гнусавый выговор Ширли Дабер.

— Оператор слушает.

— Привет, Ширли, это Ллойд.

— Ллойд Хенрид! Как жизнь?

— Не так плохо, Ширл. Не можешь набрать мне 6214?

— Пол? Его дома нет. Он уехал в Индиан Спрингс. Но я могу попытаться достать его там.

— О'кей, попробуй.

В трубке раздался тонкий, скулящий писк, и Ллойд сморщился и отставил ее в сторону.

— Бэйли слушает, — раздалось из телефона.

— Это Ллойд, — прокричал он в трубку. — Пол у вас?

— Какой Пол? — спросил Бэйли.

— ПОЛ! ПОЛ БЕРЛСОН!

— Ааа, Пол, он здесь, пьет кока-колу.

В трубке воцарилось молчание, и Ллойд начал уже было думать, что ненадежная связь прервалась, когда раздался голос Пола.

— Придется орать в трубку. Пол. Очень плохо слышно.

Ллойд был не вполне уверен, что легкие Пола Берлсона справятся с этой задачей. Он был сухоньким маленьким человечком, и кое-кто в городе называл его Мистером Пижоном, потому что каждый день, кроме разве что самых жарких, он считал своим долгом носить тройку. Но он был подходящим человеком для своей должности, и как-то в припадке откровенности Флегг сказал Ллойд, что к 1991 году Берлсон будет поставлен во главе секретной полиции.

Пол заговорил чуть-чуть громче.

— Карточка у тебя с собой?

— Да, мы со Стэном Бэйли разрабатываем программу ротации кадров.

— Посмотри, есть ли у тебя какая-нибудь информация о парне по имени Том Каллен?

— Одну секунду. — Секунда растянулась на две или три минуты, а потом снова зазвучал голос Пола: — О'кей. Том Каллен... слышишь меня, Ллойд?

— Да.

— Проклятые телефоны. Ему примерно от двадцати двух до двадцати пяти лет. Он точно не знает. Небольшая задержка в умственном развитии. Есть кое-какие рабочие навыки. Мы его задействуем для уборки территории.

— Как давно он в Вегасе?

— Немного меньше трех недель.

— Из Колорадо?

— Да, но у нас есть дюжина таких же, как он, кому не понравилась тамошняя жизнь. Они

прогнали этого парня. Он спал с нормальной женщиной, и я полагаю, что они испугались за свой генофонд. — Пол захихикал.

— У тебя есть его адрес?

Пол продиктовал ему адрес, и Ллойд записал его в свой блокнот.

— Это все, Ллойд?

— Еще один тип, если у тебя есть время.

Пол захихикал — суетливый смех маленького человечка.

— Конечно, есть. У меня как раз перекур.

— Его зовут Ник Андрос.

— Это имя занесено в мой красный список, — немедленно ответил Пол.

— Дааа? — протянул Ллойд. Он понятия не имел о том, что такое был это «красный список». — И кто тебе назвал его имя?

— Как ты думаешь кто? — раздраженно произнес Пол. — Тот же самый человек, который продиктовал мне весь красный список.

— Так вот как? О'кей. — Ллойд попрощался и повесил трубку.

Красный список.

Имена, которые Флегг сообщил только Полу и больше никому, по всей видимости, хотя Пол и считал, что Ллойд об этом знает. Красный список — что это может означать? Красный означает опасность.

Ллойд снова поднял трубку.

— Оператор слушает.

Снова Ллойд.

— Кто сейчас отвечает за безопасность?

— Барри Дорган.

— Соедини меня с ним.

Через секунду Дорган был на проводе. Он был симпатичным парнем, за что Ллойд был ему глубоко благодарен. Слишком много людей, похожих на Поука Фримена, сшивались в последнее время в полиции.

— Я хочу, чтобы ты арестовал одного типа, — сказал Ллойд. — Возьми его живым. Он нужен мне живым, даже если придется пойти на человеческие жертвы. Его зовут Том Каллен, и может быть, вы застанете его дома. Доставьте его в «Грэнд».

Он дал Барри адрес Тома.

— Насколько это серьезно, Ллойд?

— Очень серьезно. Ты справишься с этим поручением, и кое-кто гораздо главнее меня останется тобой очень доволен.

— О'кей. — Барри повесил трубку.

Спустя час Барри позвонил, чтобы сообщить, что Том Каллен улизнул.

— Но он умственно отсталый, — продолжил Барри, — и не умеет водить даже мотороллер. Если он направляется на восток, он не мог уйти дальше Сухого Озера. Мы сможем поймать его, Ллойд, обязательно сможем. Дай мне зеленый свет. — Барри просто истекал слюнями. Он был одним из тех четырех-пяти людей в Лас-Вегасе, кто знал о шпионах.

— Дай мне подумать, — сказал Ллойд и повесил трубку, прежде чем Барри успел хоть что-нибудь возразить. Он научился думать куда лучше, чем до эпидемии, но сейчас он понимал, что это дело ему не по зубам. Да и красный список беспокоил его. Почему ему ничего об этом не сказали?

Впервые с того момента, как он встретился с Флеггом в Фениксе, Ллойд почувствовал,

что его положение не так прочно, как кажется.

Он должен рассказать обо всем Флеггу. Ллойд встал и направился к местному телефону. По дороге ему встретился Уитни Хорган.

— Главный, — сказал он Ллойд. — Он ждет тебя.

— Хорошо, — ответил Ллойд, удивившись тому, как спокойно звучит его голос. Внутри он весь дрожал от страха. Но самое главное — это помнить о том, что он обязан Флеггу своей жизнью. Не стоит дурачить самого себя: ты принадлежишь темному человеку со всеми потрохами.

«Но я не могу работать в условиях, когда он скрывает от меня информацию, — подумал он, идя к лифту. — Если бы я знал об этом красном списке в тот момент, когда разговаривал с этой шлюхой. Том Каллен уже мог бы быть в наших руках». И вновь появилось это ноющее, неприятное чувство: Флегг не знал. Третий шпион был здесь все это время, А ФЛЕГГ НИЧЕГО НЕ ЗНАЛ.

— Входи, Ллойд. — Флегг был одет в прозаический синий купальный халат. В комнате работал мощный кондиционер, и Ллойд показалось, что он шагнул прямо в Гренландию. Но когда он проходил мимо темного человека, он все равно ощутил испепеляющий жар, который излучало его тело.

В углу на белом плетеном стуле сидела женщина, которую Флегг привел с собой этим утром. Волосы ее были аккуратно убраны. Выражение лица было тупым и бессмысленным. Когда Ллойд взглянул на нее, по спине у него побежали мурашки.

— Хочу представить тебе Надин Кросс, — мягко сказал Флегг у него за спиной, и Ллойд вздрогнул. — Моя жена.

Ллойд испуганно оглянулся на Флегга.

— А это мой дорогой Ллойд Хенрид, моя правая рука. Мы с Ллойдом встретились в Фениксе, где он сидел в тюрьме и совсем уже было собрался пообедать своим товарищем по заключению. Собственно говоря, Ллойд, пожалуй, уже успел отщипнуть аппетитный кусочек. Так ведь. Ллойд?

Ллойд вспыхнул и промолчал.

— Протяни свою руку, дорогая, — сказал темный человек.

Словно робот, Надин протянула руку. Глаза равнодушно смотрели в точку, расположенную где-то у Ллойда над плечом.

«Господи помилуй, ну и кошмар», — подумал Ллойд. Пот выступил по всему его телу.

— Рдпзнкмится, — выдавил он и пожал теплое мясо ее руки.

— Можешь опустить руку, любовь моя, — сказал Флегг.

Надин опустила руку между ног, и пальцы ее забегали, как клубок змей. С чувством, очень похожим на ужас, Ллойд понял, что она мастурбирует.

— Моя жена чувствует легкое недомогание, — сказал Флегг, хихикнув. — Кроме того, она, как говорится, в интересном положении. Поздравь меня, Ллойд, скоро я стану папой.

— Поздравляю, — сказал Ллойд. Губы его онемели.

— Мы можем открывать все наши маленькие секреты в присутствии Надин, так ведь? Она молчалива, как могила. Так что у нас с Индиан Спрингс?

Ллойд моргнул и попытался привести шестеренки своего мозга в движение.

— Там все идет хорошо, — вымолвил он наконец.

— Все идет хорошо? — Темный человек наклонился к нему, и на одну ужасную секунду Ллойд показалось, что сейчас он откроет рот и откусит ему голову. — Тебя нельзя обвинить в слишком подробном анализе ситуации.

— Тут есть еще одно дело...

— Когда я захочу поговорить еще об одном деле, я спрошу тебя о нем. — Голос Флегга стал более резким, он почти кричал. Ллойд никогда не замечал за ним таким стремительных смен настроения, и это пугало его. — А сейчас я хочу, чтобы ты доложил мне об Индиан Спрингс, и на твоём месте, Ллойд, я бы постарался сделать это, как можно скорее.

— Хорошо, — пробормотал Ллойд. Он достал из кармана блокнот и в течение следующего часа говорил об Индиан Спрингс, о реактивных самолетах и о ракетах «воздух-земля». Флегг снова расслабился.

— Как ты думаешь, смогут ли они совершить налет на Боулдер через две недели? — спросил он. — Скажем... к первому октября?

— Карл сможет, — неуверенно произнес Ллойд. — Насчет двух других я не уверен.

— Я хочу, чтобы они были готовы, — пробормотал Флегг. — Я хочу, чтобы к весне эти люди прятались в норах. Я хочу напасть на них ночью, когда они будут спать. Я хочу, чтобы с их городом случилось то же самое, что с Дрезденом во Вторую мировую войну. — Он повернулся к Ллойд, и лицо его было мраморно белым. На лице его сияла усмешка, словно кривая турецкая сабля. — Я им покажу, как засылать шпионов. К весне они будут жить в погребах. Тогда мы отправимся к ним и устроим охоту на свиней. Я им покажу, как засылать шпионов.

Ллойд наконец отважился вставить слово:

— Третий шпион...

— Мы найдем его, Ллойд. Об этом не беспокойся. Мы найдем этого ублюдка.

— Мне кажется, мы знаем, кто он, — тихо сказал Ллойд.

— Что? Что ты сказал?

— Третий шпион...

— Нет, — сказал Флегг решительно. — Нет. Ты пытаешься поймать собственную тень.

— Насколько я знаю, он — друг парня, которого зовут Ник Андрос.

Флегг рванулся через комнату так быстро, что Ллойд даже не успел этого заметить. Через мгновение он уже схватил Ллойда за воротник рубашки и сдернул его со стула. Ужасный, тошнотворный жар обжег Ллойд, лицо. Черные глаза ласки были теперь лишь в дюйме от его собственных глаз.

— И ТЫ БОЛТАЛ ЗДЕСЬ БИТЫЙ ЧАС ОБ ИНДИАН СПРИНГС. ДА Я ВЫБРОШУ ТЕБЯ ВОН В ТО ОКНО!

Что-то — возможно, зрелище уязвимости темного человека, а возможно, мысль о том, что Флегг все равно не убьет его до тех пор, пока не вытянет из него всю информацию — дало Ллойд мужество выступить в свою защиту.

— Я пытался сказать вам! — закричал он. — Вы прервали меня! И вы скрыли от меня этот трахнутый красный список! Если бы я знал о нем, этот сучий идиот был бы у меня в руках еще вчера вечером!

Потом он полетел через всю комнату и ударился о дальнюю стену. Из глаз у него посыпались искры, и он ошеломленно рухнул на паркетный пол. В ушах у него гудело.

Флегг подошел к Ллойд с выражением фальшивого сочувствия на лице.

— Извини, — сказал он. — Давай выпьем. — Он протянул Ллойд руку и помог ему встать. — Ты будешь неразбавленный бурбон, верно?

— Прекрасно.

Флегг подошел к бару и налил два стакана. Ллойд выпил залпом половину. Ему стало немного лучше.

— Мне никогда не приходило в голову, что красный список может тебе понадобиться. В

нем было восемь имен — теперь осталось только пять. Это были члены их комитета и старуха. Андрос был одним из них. Но сейчас он мертв. Да, Андрос мертв, я в этом уверен. — Он бросил на Ллойда пристальный, ядовитый взгляд.

Ллойд начал рассказывать, время от времени сверяясь со своим блокнотом. На самом деле в этом не было никакой необходимости, но ему надо было хотя бы иногда отрываться от этого пылающего взгляда. Начал он с Джули Лори, а закончил Барри Дорганом.

— Ты говоришь, он умственно отсталый, — задумчиво сказал Флегг.

— Да.

Лицо Флегга расплылось в счастливой улыбке, и он и закивал головой.

— Так вот оно что, — сказал он, обращаясь не к Ллойд, а куда-то в сторону. — Так вот почему я не мог увидеть.

Он замолчал и подошел к телефону. Спустя несколько секунд он уже разговаривал с Барри.

— Вертолеты. Один пусть ведет Карл, а другой — Билл Джеймисон. Непрерывная связь по радио. Пошли шестьдесят, нет — сто человек. Проследи, чтобы у них были его приметы. Каждый час докладывать мне.

Флегг повесил трубку и радостно потер руками.

— Мы поймаем его. Как мне хотелось бы отослать его голову его другу Андросу. Но Андрос мертв. Не так ли, Надин?

Надин ничего не ответила.

— В вертолетах не будет особого толку, — сказал Ллойд. — Через три часа уже стемнеет.

— Не трусь, Ллойд, — весело воскликнул темный человек. — Не сегодня — так завтра. Он не мог далеко уйти. Нет, он где-то совсем рядом.

Ллойд нервно теребил свой блокнот, мечтая только об одном — оказаться где-нибудь подальше отсюда. Сейчас Флегг был в хорошем настроении, но у Ллойда не было уверенности, что это состояние продлится после того, как он узнает о Мусорном Баке.

— У меня есть еще одна информация, — произнес он неохотно. — Она касается Мусорного Бака.

— Милый Мусорок. Он отправился в очередное многообещающее путешествие?

— Я не знаю, где он сейчас. Перед тем как снова уйти, он устроил один фокус в Индиан Спрингс. — Он пересказал то, что узнал от Карла. Лицо Флегга помрачнело, когда он услышал о том, что Фредди Кампанари при смерти, но когда Ллойд закончил, лицо его вновь было безмятежным. Флегг нетерпеливо махнул рукой.

— Ладно. Когда он вернется, убейте его. Но быстро и безболезненно. Я не хочу, чтобы он страдал. Я надеялся, что он... дольше останется с нами. Возможно, Ллойд, ты этого не поймешь, но я чувствовал какое-то... внутреннее сродство с этим мальчишкой. Я думал, что смогу использовать его

— и уже использовал, — но я никогда не был уверен на все сто. Даже у великого скульптора может дрогнуть в руке резец, если резец плохой. Верно, Ллойд?

— Конечно.

— А ведь он оказал нам огромную услугу, вооружив нас ракетами, не так ли?

— Да, это так.

— Он вернется. Скажи Барри, чтобы он... устранил его. Безболезненно, если возможно. А сейчас меня больше волнует этот идиот на востоке от нас. Я мог бы отпустить его, но тут дело в принципе. Вполне возможно, что мы управимся до полуночи. Я уверен, что он сейчас едет на велосипеде прямо посередине I-15, в надежде на то, что Бог этой старухи о нем позаботится. Но ведь она мертва. Да и Бог ее тоже мертв, насколько мне известно.

Ллойд облизал пересохшие губы.

— Я пойду?

— Прекрасно, Ллойд, прекрасно. — Темный человек не смотрел на него. Он подошел к Надин и уставился ей в лицо. — Все будет хорошо. Очень хорошо.

Через пятнадцать минут Ллойд позвонил Стэн Бэйли из Индиан Спрингс. Стэн был в истерике, разрываясь между ненавистью к Мусорному Баку и страхом перед темным человеком.

Карл Хоу и Билл Джеймисон вылетели на разведку в 6:02. Еще один обученный пилот, Клифф Бенсон, летел с Карлом в качестве наблюдателя.

В 6:12 оба вертолета взорвались в воздухе. Как он ни был потрясен, Стэн догадался послать пять человек в ангар №9, где стояли пять оставшихся вертолетов. В каждом из них оказалась заложена бомба со взрывателем, подключенным к обычному кухонному таймеру.

— Нет сомнений, — сказал Стэн. — Это Мусорный Бак. Он озверел. Только Богу известно, куда еще он заложил свои бомбы.

— Проверь все, — сказал Ллойд. Сердце его бешено билось, адреналин кипел в крови, а глаза чуть не вылезали из орбит. — Проверь *все!* Подними всех людей и прочеши с ними каждый квадратный дюйм этой мудацкой базы. Слышишь меня, Стэн?

— К чему все эти хлопоты?

— К ЧЕМУ? — завопил Ллойд. — А ты сам не понимаешь, мудозвон, что случится, когда Большой Хлыщ узнает о том, что вся база...

— Все пилоты погибли, — мягко перебил его Стэн. — Как ты этого не поймешь, Ллойд? Даже Клифф. У нас осталось шесть парней, которые не годятся даже на роль штурмана, и совсем нет учителей. Зачем нам нужны эти самолеты, Ллойд?

И он повесил трубку.

Том Каллен проснулся в половину десятого вечера. Он сделал глоток воды из фляжки, выполз из-под двух нависающих скал и поднял взгляд на темное небо. Безмятежная и таинственная луна парила наверху. Настало время отправляться в путь. Но он будет осторожен, ей-Богу, да.

Потому что теперь они гонятся за ним.

Ему приснился сон. Ник говорил с ним, и это было странно, потому что Ник не мог говорить. Он мог только писать, а Том почти не умел читать.

Ник сказал:

— Они знают о тебе, Том, но ты в этом не виноват. Ты все делал правильно. Просто не повезло. Так что теперь ты должен быть осторожен. Тебе нельзя больше идти по дороге, но все равно надо двигаться на восток.

Том понял насчет востока, но не знал, как он будет ориентироваться в пустыне. Ведь может получиться так, что он будет ходить кругами.

— Ты поймешь, — сказал Ник. — Сначала надо будет смотреть на Палец Бога.

Том снова прикрепил фляжку к поясу и надел рюкзак.

ОНИ ЗНАЮТ О ТЕБЕ, ТОМ.

Он осторожно перешел через дорогу, посмотрев в обе стороны, зацепился ногой за ограждение и скатился вниз по насыпи.

Поднявшись, он внимательно оглядел горизонт. Глаза его были острыми, а пустынный воздух был кристально чист. Вскоре он заметил его. На фоне усыпанного звездами неба он возвышался, как восклицательный знак. Палец Бога. Он подумал, что сможет дойти до него

часа за два. Миновала полночь. Прошло еще два часа. Скала не приближалась. Том подумал, уж не мираж ли это, и протер глаза. Но скала по-прежнему была на месте.

К четырем часам утра, когда внутренний голос стал нашептывать ему, что пора подыскать себе укромное местечко, в котором можно будет проспать весь следующий день, скала наконец-то приблизилась. Но этой ночью ему до нее не дойти.

А когда он дойдет (при условии, что они не найдут его этим днем), что тогда?

Неважно.

Ник скажет ему. Старина Ник.

Тому не терпелось поскорее добраться до Боулдера и увидеть его. Ей-Богу, да.

Он нашел удобное место в тени огромного валуна и заснул почти немедленно. В ту ночь он прошел на северо-восток почти тридцать миль. Он приближался к Горам Мормонов.

В тот день огромная гремучая змея заползла в его убежище, чтобы укрыться от дневной жары. Она свернулась рядом с Томом, поспала немного и уползла дальше.

Флегг стоял на краю солярия, расположенного на крыше, и смотрел на восток. Через четыре часа стемнеет, и идиот вновь отправится в путь.

Сильный и непрекращающийся ни на секунду пустынный ветер развеивал его темные волосы. Город обрывался так внезапно и переходил в пустыню. Столько пустыни, столько мест, где можно спрятаться. Люди и раньше уходили туда, и больше их никто никогда не видел.

— Но не на этот раз, — прошептал он. — Я поймаю его. Я поймаю его.

Он не смог бы объяснить, почему для него так важно поймать этого идиота. Все чаще и чаще он чувствовал позыв к простому действию, к движению, к уничтожению.

Прошлым вечером, когда Ллойд сообщил ему о взрыве двух вертолетов и гибели всех пилотов, он огромным усилием воли удержался от того, чтобы не впасть в вопящую ярость. Первым его побуждением было отдать приказ немедленно сформировать вооруженную колонну и направить ее на Боулдер. И все эти вонючие мерзавцы будут раздавлены в полторы недели.

Без сомнения.

А если на горных перевалах выпадет ранний снег, то это будет означать конец его великого *Вермахта*. А ведь было уже четырнадцатое сентября. На хорошую погоду рассчитывать не приходится. Как это, черт возьми, время пролетело так быстро?

Но ведь он был самым могущественным человеком в этой половине земного шара, разве не так? Может быть, и найдется кто-то под стать ему в России, Китае или Иране, но об этом еще лет десять можно не беспокоиться. Он знал, он *чувствовал*, что звезда его восходит. Он силен — вот о чем расскажет им этот идиот, если, конечно, ему удастся не заблудиться в пустыне и не замерзнуть в горах. Он расскажет им о том, что люди здесь, на западе, боятся Ходячего Хлыща и немедленно бросятся исполнять любую его команду. Он может рассказать им только то, что окончательно подорвет их уверенность в своих силах. Так почему же так необходимо, чтобы этот Том Каллен был пойман и убит, прежде чем он успеет покинуть запад?

«Потому что я так хочу, и я получу, то что хочу, и это — вполне достаточная причина.»

А тут еще этот Мусорный Бак. Он-то думал, что можно забыть о нем. Что можно отбросить его в сторону, как неисправный инструмент. Но Мусорный Бак сумел сделать то, что не удалось бы всей Свободной Зоне. Он швырнул грязь в отлаженный механизм готовящегося похода.

Я ошибся...

Это была ненавистная мысль, и он не позволил себе додумать ее до конца. Он бросил стакан за низкое ограждение и проследил за его долгим полетом. Мысль капризного, злого ребенка мелькнула у него в мозгу: «Пусть он упадет кому-нибудь на голову!»

Далеко внизу стакан взорвался на автомобильной стоянке... настолько далеко, что темный человек не услышал этого.

Больше в Индиан Спрингс ничего не нашли. Всю базу перевернули вверх дном. Очевидно, Мусорный Бак заминировал первое, что попало ему под руку — вертолеты из ангара *N9* и *автоцистерны в соседнем гараже*.

Флегг изменил свой приказ насчет Мусорного Бака и велел казнить его публично. Мысль о том, что Мусорный Бак будет разгуливать по всем государственным военным базам, на которых Бог знает что может храниться, приводила его в крайне дурное расположение духа.

Да, уверенность испарялась.

Когда это началось? Он не мог точно ответить на этот вопрос. Но он знал, что вещи понемногу изнашиваются по краям. Ллойд тоже об этом знал. Он прочитал это в его взгляде. Неплохая идея устроить Ллойдю несчастный случай до конца зимы. Слишком уж со многими из дворцовой гвардии он сдружился. С такими людьми, как Уитни Хорган и Кен ДеМотт. И даже этот Берлсон, который разболтал про красный список. Он лениво прикинул, стоит ли за это снять с него живьем кожу.

«Но если бы Ллойд знал о красном списке, ничего бы...»

— Заткнись, — пробормотал он. — Просто... возьми... и заткнись!

Но эту мысль было не так-то просто отогнать. Действительно, почему он не назвал Ллойдю имена руководителей Свободной Зоны? Он не знал этого, не мог вспомнить.

Выражение удивления мелькнуло на его лице. Неужели он постоянно принимал такие глупые решения?

И кстати, насколько предан ему Ллойд? Это выражение у него в глазах...

— Они идут за тобой, и ты знаешь об этом.

Он резко обернулся на звук этого тихого, бесстрастного голоса. Его широкая усмешка поблекла, когда он увидел Надин. На ней была белая ночная рубашка. Ее волосы, того же цвета, что и рубашка, облепляли ее лицо. Она была похожа на сумасшедшую сивиллу, и Флегг почувствовал страх. Она сделала еще один шаг по направлению к нему. Ноги ее были босыми.

— Они идут сюда. Стью Редман, Глен Бэйтмен, Ральф Брентнер и Ларри Андервуд. Они придут и убьют тебя, как застигнутую в курятнике ласку.

— Они в Боулдере, — сказал он, — прячутся у себя под кроватями, оплакивая свою старую негритянку.

— Нет, — сказала она равнодушно. — Они уже почти дошли до Юты. Скоро они будут здесь. И они уничтожат тебя, как зловредный вирус.

— Заткнись. Спускайся вниз.

— Я пойду вниз, — сказала она, приближаясь к нему, и на этот раз улыбка играла на ее устах — улыбка, наполнявшая его ужасом. Щеки его побледнели, а вместе с румянцем, казалось, исчезла и его странная, горячая жизненная сила. На мгновение он показался ей старым и немощным. — Я пойду вниз... и ты пойдешь вслед за мной.

— Убирайся.

— Мы вместе пойдем вниз, — пропела она улыбаясь... это было ужасно. — Вниз, ВНИИИИИИИИИЗ...

— Они в Боулдере!

— Они почти уже здесь.

— СПУСКАЙСЯ ВНИЗ!

— Все, что ты сделал здесь, распадается прямо на глазах. А почему, собственно, должно было оказаться иначе? Период полураспада зла обычно довольно мал. Люди шепчутся по углам. Они говорят о том, что ты упустил Тома Каллена, обычного умственно отсталого паренька, у которого, однако, хватило ума, чтобы перехитрить тебя. — Слова вылетали из ее искривленного улыбкой рта все быстрее и быстрее. — Они говорят, что твой эксперт по вооружениям сошел с ума, а ты не знал о том, что это произойдет. Они боятся, что те игрушки, которые он в следующий раз принесет с собой из пустыни, могут предназначаться им, а не людям на востоке. И они уходят. Ты знаешь об этом?

— Ты лжешь, — прошептал он. Лицо его было белым, как пергамент, а глаза выкатились из орбит. — Они не осмелятся. А если бы осмелились, то я знал бы об этом.

Ее глаза невидяще смотрели мимо него на восток.

— Я вижу их, — прошептала она. — Они уходят со своих постов во тьме ночи, и твой Глаз не замечает их. Они оставляют свои посты и крадутся прочь. Рабочая бригада уходит с двадцатью людьми, а возвращается с восемнадцатью. Пограничники дезертируют. Они боятся, что удача уже не на твоей стороне. Они оставляют тебя, оставляют тебя, а те, кто все еще здесь, не пошевелият и пальцем, чтобы спасти тебя, когда люди с востока придут покончить с тобой раз и навсегда...

— ТЫ ЛЖЕШЬ! — закричал он ей. Его руки опустились ей на плечи, сломав обе ключицы, как карандаши. Он поднял ее тело высоко над головой и, развернувшись на каблуках, швырнул ее вниз. В последний момент он успел увидеть на ее лице улыбку торжества и облегчения, успел заметить в ее глазах вернувшийся к ней разум. И тогда он все понял. Она специально довела его до этого, непостижимым образом догадавшись, что только он может вернуть ей свободу...

ОНА БЫЛА БЕРЕМЕННА ЕГО РЕБЕНКОМ.

Она падала молча, как неисправная сигнальная ракета.

Когда Флегг услышал неопишуемый глухой звук падения ее тела, он вскинул голову к небу и завыл.

Уитни Хорган нашел Ллойда в его комнате, где он лежал на кровати, которую еще совсем недавно ему приходилось делить с Дайной Джургенс. На его обнаженной груди стояла большая порция джина с тоником. Он вдумчиво рассматривал свое отражение в зеркале у себя над головой.

— Входи, — сказал он, заметив Уитни. — Ради Бога, не надо никаких церемоний. Не надо стучать. Ублюдок.

— Ты пьян, Ллойд? — осторожно спросил Уитни.

— Нет. Пока еще нет. Но скоро буду.

— Он здесь?

— Кто? Наш Бесстрашный Вождь? — Ллойд рассмеялся.

— Следи за своими словами, Ллойд, — сказал Уитни, понизив голос. — Ты ведь знаешь, что лучше держать язык за зубами, когда он...

— Пошел на хер.

— Вспомни, что случилось с Геком Дроганом.

Ллойд кивнул.

— Ты прав. Даже стены имеют уши. Слышал когда-нибудь такую поговорку?

— Да пару раз. И она как нельзя подходит к этому месту, Ллойд.

— Это точно. — Неожиданно Ллойд сел и швырнул свой стакан через всю комнату. Стакан разбился вдребезги. — Пусть подметают, правда, Уитни?

— С тобой все в порядке, Ллойд?

— Я чувствую себя прекрасно. Хочешь джина с тоником?

Уитни заколебался.

— Нет, я не пью джин без лимона.

— Нет проблем! У меня *есть лимон*. В маленькой бутылочке. — Ллойд подошел к бару и достал оттуда желтую пластиковую емкость в форме лимона.

— Похоже на левое яйцо Зеленого Великана. Смешная штука, правда?

— А вкус лимонный?

— А ты думал? — спросил Ллойд с упреком. — Будь мужчиной и выпей со мной.

— Ну... давай.

— Выпьем у окна и полюбуемся на вид.

— Нет, — резко возразил Уитни. Ллойд остановился по пути к бару, и лицо его внезапно побледнело. Он посмотрел на Уитни, и на секунду их взгляды встретились.

— Да, ты прав, — сказал Ллойд. — Извини парень. Глупая шутка.

— О'кей.

Но все было далеко не «о'кей», и оба они об этом знали. Женщина, которую Флегг представил, как свою «невесту», вчера совершила затяжной прыжок с вышки.

Он приготовил Уитни джин с тоником, и некоторое время они пили в молчании. Снаружи солнце стало красным. Наконец Уитни спросил таким тихим голосом, что его почти не было слышно:

— Ты действительно думаешь, что она сама прыгнула?

Ллойд пожал плечами.

— Какое это теперь имеет значение? Конечно. Я думаю, что она прыгнула сама. А ты разве не прыгнул бы, если б он был твоим мужем?

Уитни посмотрел на свой стакан и с удивлением заметил, что там уже ничего нет. Он

передал его Ллойд, и тот снова отправился к бару.

Некоторое время они снова пили в молчании, наблюдая за закатом.

— Что-нибудь слышно об этом парне Каллене? — спросил наконец Уитни.

— Ничего. Все дороги прочесаны, но его не нашли. Он где-то в пустыне, и если он будет идти по ночам и сумеет не сбиться с пути, он ускользнет от нас. Ну и что с того? Что он им расскажет?

— Я не знаю.

— Я тоже. Пусть уходит — вот мое мнение.

Уитни почувствовал себя не в своей тарелке. Ллойд подошел к опасной черте. Уитни почувствовал себя еще более пьяным и обрадовался этому. Может быть, так он наконец соберется с духом и скажет то, что пришел сказать.

— Знаешь, что я тебе скажу. — Ллойд подался вперед. — Он теряет свою силу.

— Ллойд, я...

— Допил?

— Ага.

Ллойд приготовил новые порции. Одну он вручил Уитни, и тот содрогнулся от первого же глотка. В стакане был почти неразбавленный джин.

— Теряет свою силу, — повторил Ллойд, вспомнив роль. — Сначала Дайна, потом этот парень Каллен. Его собственная жена — если она действительно была его женой — совершает затяжной прыжок без парашюта. Думаешь, это входило в его планы?

— Нам не стоит это обсуждать.

— И Мусорный Бак. Ты посмотри, что этот парень натворил.

— Ллойд...

Ллойд качал головой.

— Я ничего не понимаю. Все шло так хорошо, вплоть до той ночи, когда он пришел и сказал, что старая леди из Свободной Зоны умерла. Он сказал, что последнее препятствие исчезло с нашего пути. А потом стали происходить странные вещи.

— Ллойд, мне действительно кажется, что нам не стоит...

— А теперь я просто не знаю. Наверное, следующей весной мы можем атаковать их наземными силами. Раньше нам отправиться никак не удастся. Но Бог их знает, чем они там вооружатся за это время. Мы-то рассчитывали застать их врасплох, но теперь ничего из этого не выйдет. Плюс еще Мусорок, который копается где-нибудь в пустыне, и я абсолютно уверен, что он...

— Ллойд, — сказал Уитни тихим, сдавленным голосом. — Послушай меня.

Ллойд наклонился вперед.

— Что случилось, старина?

— Не знаю даже, хватит ли у меня мужества спросить у тебя об этом, — сказал Уитни. Он судорожно стиснул стакан. — Я, Козырной Туз, Ронни Сайкс и Дженни Энгстром. Мы решили сматывать удочки. Пойдешь с нами? Господи, это сплошное безумие говорить тебе такие вещи — ведь ты его приближенный.

— Сматываете удочки? А куды вы отправляетесь?

— Наверное, в Южную Америку. В Бразилию. Надеюсь, это окажется достаточно далеко. — Он замолчал в нерешительности, а потом продолжил. — Многие люди уже ушли. Ну, может, и не многие, но с каждым днем таких становится все больше. Они думают, что Флеггу крышка. Некоторые идут на север, в Канаду. Но там для меня чертовски холодно. Я чувствую, что надо сматываться. Я бы пошел на восток, если б был уверен, что они меня примут. И что мы сумеем прорваться.

Уитни посмотрел на Ллойда несчастным взглядом. У него было лицо человека, который знает, что зашел слишком далеко.

— Все в порядке, — тихо сказал Ллойд. — Я вас не выдам, старина.

— Просто... все здесь как-то разваливается, — сказал Уитни убитым тоном.

— Когда вы уходите? — спросил Ллойд.

Уитни подозрительно посмотрел на него.

— Ну, считай, что я тебя об этом не спрашивал, — сказал Ллойд. — Допил?

— Пока нет, — сказал Уитни, глядя в свой стакан.

— А я допил. — Он подошел к бару. Стоя спиной к Уитни, он сказал: — Я не могу.

— Что?

— НЕ МОГУ! — резко сказал Ллойд и обернулся к Уитни. — Я кое-чем ему обязан. Я обязан ему очень многим. Он спас меня в Фениксе, и с тех пор я был с ним. Но дело тут не только в этом. Он что-то сделал со мной — я стал умнее или что-то в этом роде. Не могу объяснить тебе, но я уже не тот человек, что был раньше, Уитни. Ничего похожего. До... него... я был обычным мелким жуликом. А теперь он поставил меня руководить, и я справляюсь. Такое чувство, что я даже думать стал лучше. — Ллойд взял в руку висевший у него на груди черный камень, бросил на него короткий взгляд и отпустил его. Потом он машинально вытер руку о штанину, словно притронулся к чему-то отвратительному. — Я знаю, что и сейчас я не гений. Мне приходится записывать в блокнот все, чем надо заняться. А иначе я ничего не запомню. Но когда он стоит за моей спиной, я могу отдавать приказы, и очень часто они приносят пользу. Все, что я мог раньше, — это подчиняться чужим приказам и попадать в idiotские положения. Теперь я изменился... и это он изменил меня.

Когда мы пришли в Лас-Вегас, здесь было только шестнадцать человек. Среди них был Ронни, была Дженни, и еще бедняга Гек Дроган. Они ждали его. Когда мы вошли в город, Дженни Энгстром опустила на свои хорошенькие коленки и поцеловала его башмаки. Держу пари, она никогда тебе не рассказывала об этом в постели. — Он криво улыбнулся Уитни. — А теперь она хочет слинять. Ну, я не обвиняю ее, да и тебя тоже. Но все равно в этом есть что-то нечестное, тебе так не кажется?

— Ты остаешься?

— До самого конца, Уитни. Моего или его. Это мой долг.

Он не стал говорить от том, что вера его в темного человека была достаточно сильна для того, чтобы нарисовать ему весьма правдоподобную картину смерти Уитни и остальных верхом на крестах. И еще одно обстоятельство. Здесь он был вторым человеком после Флегга, а кем он окажется в Бразилии? Уитни и Ронни умнее его. Ему и Козырному Тузу предстоит роль шестерок, а это было не в его вкусе. Когда-то он не возражал против этого, но теперь все изменилось. А когда что-то меняется у тебя в голове, то это почти всегда необратимо.

Ллойд поднял стакан.

— Тост, Уитни.

Уитни поднял свой.

— Чтобы никто не пострадал, — сказал Ллойд. — Вот мой тост. Чтобы никто не пострадал.

— Ну, парень, за это я выпью, — с жаром сказал Уитни.

Вскоре он ушел. Ллойд продолжал пить. Он отключился примерно в половину десятого. Спал он без снов. И это было почти равноценным вознаграждением за завтрашнее похмелье.

Мусорный Бак нашел то, что искал.

Он ехал по коридору, находившемуся глубоко под землей. Здесь было темно, как в шахте. В левой руке он держал фонарик. В правой руке у него был револьвер, потому что здесь, внизу, было жутковато. Он ехал на электрической вагонетке, двигавшейся почти бесшумно по широкому коридору. Единственным исходившим от нее звуком был тихий, находившийся почти за пределами слышимости гул.

Вагонетка состояла из сиденья для водителя и объемистого грузового отделения. В грузовом отделении лежала ракета с ядерной боеголовкой.

Она была очень тяжелой.

Мусор даже не мог представить себе, насколько она тяжела, потому что сдвинуть ее руками было просто невозможно. Она была длинной и обладала цилиндрической формой. Она была холодной. Проводя рукой по ее изогнутой поверхности, он едва мог поверить в то, что такая холодная мертвая глыба металла когда-нибудь может стать причиной такого адского жара.

Он нашел ее утром. Тогда он вернулся в подземный гараж и взял там лебедку. Потом он принес лебедку обратно и обмотал цепь вокруг ракеты. Через полтора часа она уютно опустилась в электровагонетку, носом кверху. На носу стоял штамп: A161410USAF. Шины вагонетки, изготовленные из литой резины, значительно осели, когда ракета опустилась вниз.

Он приближался к концу коридора. Впереди его ждал большой грузовой лифт, двери которого были ожидающе распахнуты. Но электричества, конечно, не было.

«Надо поднять ее вверх с помощью лебедки», — прошептал его внутренний голос.

Но где он найдет цепь длиной в пятьсот футов? Может быть, сварить несколько цепей в одну? Но будет ли сварной шов достаточно прочен? Трудно сказать.

Он ласково провел рукой по гладкой поверхности ракеты.

Любовь всегда найдет выход.

Оставив ракету в вагонетке, он пошел по лестнице наверх. На такой базе ни в чем не может быть недостатка. Он найдет все, что ему нужно.

Он миновал два пролета и остановился, чтобы перевести дыхание. Внезапно он подумал: «Облучился ли я?» Они экранируют радиоактивные вещества с помощью свинца. Но в фильмах, которые показывают по телевизору, люди, имеющие дело с радиацией, всегда носят защитные костюмы и индикаторы, которые меняют цвет, когда доза превышает допустимую. Потому что радиация бесшумна. Ее нельзя увидеть. Она просто проникает в твою плоть. И ты даже не знаешь, что болен, до тех пор пока тебя не начнет рвать, и у тебя не станут выпадать волосы, и тебе не придется бегать в туалет каждые несколько минут.

Ждет ли его все это?

Он обнаружил, что это его нимало не заботит. Он поднимет эту бомбу наверх. Чего бы ему это ни стоило, он поднимет ее наверх. Чего бы ему это ни стоило, он привезет ее в Лас-Вегас.

Он должен искупить свою вину за тот ужасный проступок, который он совершил в Индиан Спрингс. Если для того чтобы искупить свою вину, ему надо будет умереть, то он умрет.

— Я готов отдать за тебя жизнь, — прошептал он в темноте и снова стал взбираться по лестнице.

Ранним утром они сидели у костра, который Ларри разжег около часа назад. На них были теплые пальто и перчатки. Они пили уже по второй чашке горячего кофе. Температура была около тридцати пяти градусов по Фаренгейту. Небо было облачным и мрачным. Коджак дремал у костра, пододвинувшись к огню так близко, насколько это было возможно.

Глен Бэйтмен собрал пластмассовые тарелочки с остатками завтрака и, взяв лопату, отправился закапывать их в стороне от лагеря. Остальные проводили его взглядами.

Труднее всех в этом путешествии было именно Глену. Он был самым старым из них, старше Ральфа Брентнера на двенадцать лет. Но непостижимым образом он облегчал жизнь другим. Он постоянно иронизировал, но ирония его была мягкой. То обстоятельство, что он умудряется идти день за днем, производило на всех глубокое впечатление. Ему было пятьдесят семь, и Стью заметил, как в холодные утра он массирует суставы своих пальцев, кривясь от боли.

— Сильно болит? — спросил у него вчера Стью примерно через час после того, как они отправились в путь.

— Аспирин помогает. Это артрит, но сейчас он далеко еще не тот, каким будет лет через пять — семь. А честно говоря. Восточный Техас, я не думаю прожить так долго.

— Ты действительно думаешь, что он убьет нас?

И Глен Бэйтмен сказал странную фразу:

— Я не испугаюсь зла. — И эта фраза положила конец обсуждению.

До них доносился звук лопаты, вгрызавшейся в морозную землю, и ругательства Глена.

— Отличный он парень, правда? — сказал Ральф.

Ларри кивнул.

— Я всегда думал, что все эти преподаватели колледжей — просто размазни, но к нему это явно не относится. Знаете, что он ответил мне, когда я его спросил, почему бы просто не бросить это дерьмо на дороге? Сказал, что мы не должны начинать все это дерьмо сначала. Сказал, что мы и так уже по уши вымазались в старом дерьме.

Коджак вскочил и побежал посмотреть, что делает Глен. До них донесся голос Глена:

— Где ты был, старый ленивый увалень? А я уж начал думать, куда это ты смылся? Ну что, хочешь, что б я тебя тоже похоронил?

Ларри усмехнулся и снял с пояса шагомер. Каждый вечер он записывал, сколько они прошли за день.

— Могу я взглянуть на твой листок? — спросил Стью.

— Конечно, — ответил Ларри.

Стью взял листок и, вооружившись ручкой, проделал некоторые вычисления.

— Ну что ж, сейчас мы проходим больше миль в день, чем сначала, но нам остается еще более четырехсот миль. Черт, мы не прошли еще и половины пути.

Ларри кивнул.

— Ты прав — мы идем быстрее, потому что дорога идет под уклон. Но прав и Глен. Куда нам торопиться? Этот парень просто прикончит нас, как только мы туда доберемся.

— Знаешь что, я просто в это не верю, — сказал Ральф. — Конечно, мы можем погибнуть, но это не произойдет так просто: раз — и все. Иначе Матушка Абагейл не послала бы нас туда.

Глен подошел к лагерю вместе с Коджаком.

— Поднимем их, Коджак? Давай?

Коджак завиллял хвостом.

— Он говорит: «Лас-Вегас или смерть», — заявил Глен. — Так что пошли.

Они поднялись по насыпи I-70, и начали свой дневной путь.

К двум часам дня двадцать первого сентября они миновали Сего. Следующим городом на их пути, судя по карманной карте Стью, должен был быть Грин Ривер. После этого на пути примерно в сотню миль не было ни одного города. Как говорил Ральф, у них будет случай убедиться, заботится ли о них Бог или нет.

— Собственно говоря, — сказал Ларри Глену, — я беспокоюсь не столько о еде, сколько о воде. Почти все, кто отправлялся в автомобильную поездку, брали с собой чего-нибудь пожевать.

Они строго следовали инструкции Матушки Абагейл не нести ничего с собой.

— Может быть. Господь изольет на нас свою благодать, — улыбнулся Глен.

Ларри поднял глаза на безоблачное голубое небо и скорчил недоверчивую гримасу.

— Я иногда думаю, что под конец она совсем сдвинулась.

— Возможно, — сказал Глен. — Если ты ознакомишься с теологией, то узнаешь, что Бог часто предпочитает говорить устами умирающих и безумцев.

— Знаю эти песни, — сказал Ларри. — Мы видим сквозь мутное стекло. Для меня оно действительно мутное, это точно. До меня не доходит, зачем нам идти пешком, если можно доехать за неделю. Но раз уж мы заняты безумным делом, то, наверное, надо делать его безумным образом.

В ту ночь они разбили лагерь в пятнадцати милях к западу от Сего, и впервые у них совсем не оказалось еды. Глен заварил остатки растворимого кофе в кружке, и они пили из нее по очереди. Последние десять миль им не подалось ни одной машины.

На следующий день, двадцать второго сентября, они наткнулись на перевернутый микроавтобус с четырьмя трупами внутри. В машине оказались две коробки печенья и большой мешок лежалых картофельных чипсов. Печенье оказалось в лучшем состоянии. Они разделили его на пять частей.

После полудня они набрали на транспортный грузовик «Грейт Вестерн Маркетс». Они поели на ленч консервированной ветчины, но никто из них не чувствовал аппетита. Глен сказал, что их желудки съежились. Стью сказал, что ветчина плохо пахнет. И дело не в том, что она испорчена, а просто запах слишком сытный. Слишком мясной. У него от этого желудок выворачивается наизнанку. Даже Коджак ел мало.

В ту ночь они разбили лагерь к востоку от Грин Ривер, и в первые часы утра на них посыпалась снежная морось.

После полудня двадцать третьего числа путь им преградил размытый участок дороги. То ли где-то к северу смыло плотину, то ли летом шли сильные дожди, но тридцать футов I-70 уступили место глубокому оврагу, на дне которого журчала вода. Глубина его составляла около пятидесяти футов. Рыхлые склоны состояли из каменистого грунта и осадочных пород.

— Господи Иисусе Христе, — сказал Ральф. — Надо бы запросить об этом дорожный департамент штата Юты.

— Посмотрите туда, — сказал Ларри, указывая пальцем. В ста футах от шоссе овраг перегораживала мешанина из металлических ограждений, кабелей и огромных кусков асфальта.

Засунув руки в карманы, Глен с отсутствующим видом смотрел на каменистый склон. Стью тихо спросил у него:

— Ты справишься, Глен?

— Конечно.

— Как твой артрит?

— Бывало и хуже. — Он с усилием улыбнулся. — Но если уж быть до конца честным, то бывало и лучше.

У них не было веревки, чтобы страховать друг друга. Стью стал спускаться первым. Ему не понравилось, как грунт время от времени осыпался у него под ногами. Раз он чуть не поскользнулся и не упал вниз. Одной рукой он успел ухватиться за каменистый выступ и с трудом нащупал новую точку опоры. Коджак жизнерадостно проскакал мимо. Через секунду он стоял на дне оврага, виляя хвостом и дружелюбно лая на Стью.

— Ах ты, чертов пижон, — проворчал Стью и осторожно спустился на дно.

— Я следующий, — крикнул Глен. — Я слышал, как ты обозвал мою собаку!

— Будь осторожен, лысый! Будь чертовски осторожен! Грунт совсем не держит.

Глен спускался очень медленно, перебираясь с одной устойчивой позиции на другую. Стью сжимался всякий раз, когда замечал, как из-под ботинок Глена выскальзывает грязь. Легкий ветерок трепал его серебристые волосы. Стью пришло в голову, что когда он впервые встретил Глена, рисующего посредственную картину у дороги в Нью-Хемпшире, седина еще только намечалась в его волосах.

До того момента, как нога Глена коснулась покрытого грязью дна оврага, Стью был уверен, что он упадет и переломает себе все кости. Когда все было кончено, Стью похлопал его по плечу.

— Нет проблем, Восточный Техас, — сказал Глен и наклонился погладить Коджака.

Следующим спустился Ральф, осторожно двигаясь от одной опоры к другой. Когда до дна оставалось футов восемь, он прыгнул вниз.

— Господи, — сказал он. — Этот склон скользкий, как гусиное дерьмо. Забавно будет, если мы не сможем подняться на другую сторону, и нам придется пройти миль пять вверх по течению в поисках более пологого склона.

— А еще будет забавнее, если навстречу нам хлынет новый поток, — сказал Стью.

Ларри спустился меньше, чем за три минуты.

— Кто ползет первым? — спросил он.

— Почему бы не ты, раз уж ты такой шустрый? — спросил Глен.

— Отлично.

Поднимался он значительно дольше. Дважды он наступил на предательскую осыпь и чуть не упал. Но в конце концов он взобрался наверх и помахал им.

— Кто следующий? — спросил Ральф.

— Я, — сказал Глен и подошел к склону.

Стью схватил его за руку.

— Послушай, — сказал он. — Мы можем пройти вверх по течению и найти более пологий склон, как говорил Ральф.

— И потерять на этом полдня? Когда я был мальчишкой, я мог взобраться на такой склон за сорок секунд, и пульс мой не поднимался выше семидесяти.

— Ты больше не мальчишка, Глен.

— Это верно. Но мне кажется, что-то во мне от него осталось.

Прежде чем Стью успел еще что-нибудь сказать, Глен начал подъем. Пройдя примерно треть пути, он остановился передохнуть, а потом снова стал взбираться. На полпути он

схватился за выступающий кусок сланца, который раскрошился у него в руках, и Стью был абсолютно уверен, что сейчас он скатится вниз.

— Вот черт... — выдохнул Ральф.

Глен взмахнул руками и непостижимым образом восстановил равновесие. Потом он поднялся еще на двадцать футов и вновь передохнул. Почти на самом верху осколок скалы, на котором он стоял, пополз вниз. Глен неизбежно упал бы, но на помощь подошел Ларри. Он схватил Глена за руку и вытянул его наверх.

— Нет проблем, — крикнул Глен вниз.

Стью облегченно усмехнулся.

— Как пульс, лысый?

— Около девяноста, по-моему, — признался Глен.

Ральф поднимался по склону, как флегматичный горный козел, проверяя каждую опору, с огромной осторожностью переставляя руки и ноги. Когда он достиг вершины, настала очередь Стью.

Вплоть до того момента, когда он упал, Стью казалось, что этот склон даже легче, чем тот, по которому они спускались. Опоры были удобнее, и угол был немного меньше. Но грунт представлял собой смесь меловых почв и осколков скал, сильно расшатанных плохой погодой.

Его грудь была уже на уровне шоссе, когда выступ породы, на который опиралась его левая нога, неожиданно исчез. Он почувствовал, что соскальзывает вниз. Ларри попытался схватить его за руку, но на этот раз промахнулся. Стью ухватился за торчавший из склона обломок шлагбаума, и он оказался у него в руках. Мгновение он тупо смотрел на него, а в это время скорость падения увеличивалась. Он отшвырнул его в сторону, чувствуя себя Уайл И.Койотом [note 2](#). Все, что мне нужно, — подумал он, — это чтобы кто-нибудь прогудел «бип-бип», перед тем как я стукнусь о дно [именно так

— «бип-бип» — гудел упомянутый страус, когда койот в очередной раз попадал в затруднительное положение].

Колено его обо что-то ударилось, и его пронзила внезапная молния боли. Он ухватился руками за склон, проносящийся мимо него с угрожающей быстротой, и продолжал скользить вниз с полными ладонями грязи.

Он ударился о выступающий валун, и тело его перевернулось в воздухе. Он пролетел футов десять и под углом приземлился на ногу. Он услышал треск кости. Боль была непереносимой. Он закричал. Он сделал обратное сальто. Теперь он ел ртом грязь. Острые камушки прочертили кровавые борозды по его рукам и лицу.

Последние пятнадцать футов он скользил на животе, как ребенок по грязной горке. Когда он достиг дна, штаны его были полны грязи, а сердце сумасшедше стучало в ушах. Нога была объята былым пламенем боли.

«Сломана. Но насколько серьезно? Судя по ощущениям, очень серьезно. В двух местах, если не больше. И вывихнут коленный сустав.»

Ларри спускался вниз по склону, слегка подпрыгивая, и это выглядело почти пародией на то, что только что случилось со Стью. Потом он склонился над ним и задал ему вопрос, который Стью уже успел задать самому себе.

— Насколько серьезно, Стью?

Стью приподнялся на локтях и посмотрел на Ларри. Лицо его было белым от шока и измазанным грязью.

— Полагаю, что смогу ходить месяца через три, — сказал он. У него появилось чувство, что его сейчас вырвет. Он поднял взгляд на облачное небо и погрозил ему сжатыми кулаками.

— ДЕРЬМОООООООО! — завопил он.

Ральф и Ларри наложили на ногу лубок. Глен достал пузырек того, что он называл «моими артритными таблетками», и дал Стью одну. Стью не знал, что содержится в артритных таблетках, и Глен отказывался ему сказать, но боль в ноге перешла в далекий ноющий зуд. Он чувствовал себя очень спокойно, почти безмятежно. Ему пришло в голову, что все они живут взаимны, и не только потому, что они идут в пасть к Флеггу, но и потому, что они пережили Капитана Шустрика. В любом случае, он знал, что должно быть сделано... и он позаботится о том, чтобы это *было сделано*. Ларри только что кончил говорить. Все обеспокоенно смотрели на него, ожидая, что он ответит.

Он ответил:

— Нет.

— Стью, — мягко сказал Глен, — ты просто на понимаешь...

— Я прекрасно понимаю. Я сказал нет. Никаких возвращений в Грин Ривер. Никаких веревок. Никакой машины. Это против правил игры.

— Это тебе не трахнутая *игра*! — закричал Ларри. — Ты здесь подохнешь!

— А вы почти наверняка подохнете там, в Неваде. Так что отправляйтесь в путь. У вас еще осталось четыре часа до темноты. Не стоит их тратить даром.

— Мы тебя не оставим, — сказал Ларри.

— Извините, но придется это сделать. Я вам приказываю.

— Нет. Теперь я главный. Матушка сказала, что если с тобой что-нибудь случится...

— ...то вам надо идти дальше.

— Нет. Нет. — Ларри обернулся к Глену и Ральфу в поисках поддержки. Они встревоженно посмотрели на него в ответ. Рядом сидел Коджак и наблюдал за всеми четверыми, аккуратно обернув хвост вокруг лап.

— Послушай меня, Ларри, — сказал Стью. — Все это путешествие основывается на предположении, что старая леди знала, о чем говорит. Если мы отступим от ее слов, то все пойдет насмарку.

— Это верно, — сказал Ральф.

— Нет, это *неверно*, пидор трахнутый, — сказал Ларри, яростно имитируя оклахомский выговор Ральфа. — Стью упал в овраг не по воле Бога, и даже не по воле темного человека. Причиной была скользкая грязь, вот и все, ОБЫЧНАЯ СКОЛЬЗКАЯ ГРЯЗЬ! Я не оставлю тебя, Стью. Я и так уже оставил слишком многих за свою жизнь.

— Мы оставим его, — тихо сказал Глен.

Ларри изумленно оглянулся, словно его предали.

— А я-то думал, что ты его друг!

— Я и есть его друг. Но это не имеет значения.

Ларри истерически рассмеялся и прошел немного вниз по оврагу.

— Ты сошел с ума! Кто бы мог подумать?

— Нет, я не сошел с ума. Мы заключили договор. Мы стояли вокруг смертного ложа Матушки Абагейл и вступили в соглашение. Оно почти неизбежно сулило смерть каждому из нас. Мы согласились с его условиями. А теперь мы будем их выполнять.

— Но я же не против, ради Бога. Я хочу сказать, не обязательно возвращаться в Грин Ривер. Мы можем раздобыть микроавтобус, уложить его сзади и ехать дальше...

— Мы должны идти пешком, — сказал Ральф и указал на Стью. — Он не может идти.

— Хорошо. Прекрасно. У него сломана нога. Что вы предлагаете делать? Пристрелить его, как загнанную лошадь?

— Ларри... — начал было Стью.

Прежде чем он смог продолжить, Глен схватил Ларри за рубашку и рванул его на себя.

— Кого ты хочешь спасти? — Голос его был холоден и суров. — Стью или себя?

Ларри посмотрел на него, беззвучно двигая губами.

— Все очень просто, — сказал Глен. — Мы не можем остаться, а он не может идти.

— Я отказываюсь примириться с этим, — прошептал Ларри. Лицо его было смертельно бледным.

— Это испытание, — неожиданно сказал Ральф. — Вот что это такое.

— Испытание на душевное здоровье, — сказал Ларри.

— Я голосую за то, чтобы вы шли, — сказал Стью с земли.

— Я тоже, — сказал Ральф. — Извини меня, Стью. Но если Бог будет заботиться о нас, то, может быть, он позаботится и о тебе...

— Я не согласен, — сказал Ларри.

— Ты думаешь не о Стью, — сказал Глен. — Ты пытаешься спасти что-то в самом себе, по-моему. Но пришло время идти вперед, не оглядываясь. Мы должны.

Ларри вытер губы тыльной стороной руки.

— Давайте останемся здесь на ночь, — сказал он. — Давайте обдумаем все хорошенько.

— Нет, — сказал Стью.

Ральф кивнул. Глен выудил из кармана пузырек «артритных таблеток» и вложил его в руку Стью.

— В их состав входит морфин, — сказал он. — Больше трех — четырех — уже почти смертельная доза. — Он встретился взглядом со Стью. — Ты меня понял, Восточный Техас?

— Да, понял.

— О чем вы говорите? — закричал Ларри. — Что вы такое предлагаете?

— А ты разве не понимаешь? — сказал Ральф с таким уничтожающим презрением, что на секунду Ларри замолчал. Перед глазами у него возникло лицо Риты с полным ртом зеленой рвоты.

— НЕТ! — завопил он и попытался выхватить бутылочку из руки Стью.

Ральф схватил его за плечи. Ларри попытался вырваться.

— Отпусти его, — сказал Стью. — Я хочу с ним поговорить. — Ральф не отпуская, неуверенно поглядывая на Стью. — Говорю тебе, отпусти.

Ральф разжал руки, но, судя по его виду, в любой момент готов был снова броситься на Ларри.

Стью сказал:

— Подойди сюда, Ларри. Садись на корточки.

Ларри подошел и сел на корточки рядом со Стью. С убитым видом он посмотрел Стью в лицо.

— Это несправедливо, парень. Когда кто-то падает и ломает ногу... ты не можешь просто уйти и оставить человека на верную смерть. Разве это не так? Эй, парень... — Он дотронулся до лица Стью. — Пожалуйста, *подумай*.

Стью взял Ларри за руку.

— Ты думаешь, я сошел с ума?

— Нет! Нет, но...

— А разве ты думаешь, что люди, находящиеся в здравом уме, имеют право решать самостоятельно, что им хочется, а чего нет?

— Эх, парень, — сказал Ларри и заплакал.

— Ларри, я хочу, чтобы ты шел дальше. Если ты выберешься из Лас-Вегаса, возвращайся

тем же путем. Может быть. Бог пошлет ворона, чтобы он кормил меня, ты ведь не знаешь этого. Я как-то читал, что человек может прожить без еды семь — десять дней, если у него есть вода.

— Гораздо раньше наступит зима. Ты умрешь от переохлаждения через три дня и без этих паршивых таблеток.

— Это тебя не касается. Ты к этому не имеешь никакого отношения.

— Не отсылай меня, Стью.

— Я отсылаю тебя, — сказал Стью мрачно.

— А что Фрэн скажет о нас? — спросил Ларри, вставая на ноги. — Когда она узнает, что мы оставили тебя на съедение стервятникам?

— Она вообще ничего не скажет, если вы не дойдете туда и не покончите с ним. И к Люси это тоже относится. И к Дику Эллису. И к Бреду. И ко всем остальным.

— Хорошо, — сказал Ларри. — Мы пойдем. Но завтра. Мы устроимся здесь на ночлег, и, может быть, нам приснится сон... что-нибудь...

— Никаких снов, — мягко сказал Стью. — Никаких знамений. Так не бывает. Вы останетесь на одну ночь, и вам ничего не приснится, потом на вторую, потом на третью... вам надо уходить прямо сейчас.

Ларри отошел в сторону с опущенной головой и повернулся к ним спиной.

— Хорошо, — сказал он так тихо, что его едва было слышно. — Мы сделаем, как ты хочешь. И да поможет нам Бог.

Ральф подошел к Стью и склонился над ним.

— Тебе что-нибудь нужно, Стью?

Стью улыбнулся.

— Да, все романы Гора Видала. О Линкольне, об Аароне Бере и этих ребятах. Мне всегда хотелось их прочитать. Похоже, теперь мне наконец представился подходящий случай.

Ральф криво усмехнулся.

— Извини, Стью. Похоже, у меня глаза на мокром месте.

Стью сжал его руку, и Ральф отошел в сторону. Подошел Глен. Он тоже плакал.

— Не плачь, крошка. Со мной все будет о'кей.

— Ларри прав. Это несправедливо. Так поступают с загнанными лошадьми.

— Ты знаешь, что другого выхода нет.

— Я, может, и знаю, но кто может утверждать наверняка? Как нога?

— Сейчас вообще не болит.

— О'кей, у тебя есть таблетки. — Глен вытер рукавом слезы. — До свидания, Восточный Техас. Чертовски было приятно с тобой познакомиться.

Стью отвернулся в сторону.

— Не говори до свидания, Глен. Скажи лучше прощай. А то упадешь с этого трахнутого откоса, и проведем зиму вместе, играя в криббедж.

— Прощай, — сказал Глен. Голос его упал до хриплого шепота. — Если будет надо, вытащи штепсель, Стюарт. Не копайся с отверткой.

— Не буду.

— Ну тогда счастливо.

— Счастливо, Глен.

Они стояли вместе на западной стороне оврага. Бросив взгляд через плечо, Глен начал подниматься. Стью следил за его продвижением с растущей тревогой. Он двигался небрежно, едва глядя себе под ноги. Грунт осыпался у него под ногой дважды. Оба раза он беспечно протягивал руку в поисках опоры, и оба раза опора оказалась как раз в нужном месте. Когда

он влез наверх, Стью облегченно вздохнул.

Вслед за ним полез Ральф, и когда он был на вершине, Стью подозвал Ларри в последний раз.

— Ты теперь главный, — сказал Стью. — Справишься?

— Не знаю. Попытаюсь.

— Ты будешь принимать решения.

— Мое первое решение было проигнорировано. — Он с упрёком посмотрел на Стью.

— Больше этого не случится. Слушай — его люди схватят вас.

— Ну да, уж наверняка. Схватят или пристрелят нас из засады, как бешеных собак.

— Нет, я думаю, вас возьмут в плен и приведут к нему. Мне кажется, это произойдет в ближайшие несколько дней. Когда окажешься в Вегасе, раскрой глаза пошире. Жди. Оно придет.

— Что, Стью? Что придет?

— Я не знаю. То, ради чего нас послали. Будь готов. Не пропусти.

— Мы вернемся к тебе, если сможем. Ты это знаешь.

— Да, о'кей.

Ларри быстро поднялся по откосу и присоединился к Глену и Ральфу. Они помахали Стью. Стью вскинул в ответ руку. Они ушли. Больше они никогда не видели Стюарта Редмана.

Когда Стью увидел приближающийся к нему по оврагу темный силуэт, он приподнялся, опираясь спиной на ближайший валун, и онемелой рукой нашарил увесистый камень. Он продрог до костей. Ларри был прав. Два или три дня при такой температуре его непременно убьют. Впрочем, похоже, эта тварь, кем бы она не была, избавит его от этой участи.

Он сильнее стиснул камень, и темный силуэт остановился в двадцати ярдах выше по оврагу. Потом он снова двинулся вперед.

— Давай-давай, — хрипло прошептал Стью.

Черная тень завилыла хвостом и подошла.

— КОДЖАК?

Это был он. И что-то было зажато у него в зубах, какой-то неясный предмет, который он уронил к ногам Стью. Он сел, виляя хвостом и ожидая комплиментов.

— Хороший пес, — ошеломленно сказал Стью. — Хороший пес!

Коджак принес ему кролика.

Стью достал карманный нож, открыл его и выпотрошил кролика тремя быстрыми движениями. Он подобрал часть внутренностей и швырнул их Коджаку.

— Хочешь?

Коджак хотел. Стью освежевал кролика. Идея съесть кролика живым пришлась не очень по душе его желудку.

— Дрова? — сказал он Коджаку без особой надежды. Вокруг валялось много хвороста и дров, но за пределами его досягаемости.

Коджак помахал хвостом и не двинулся с места.

— Принеси!

Коджак убежал. Он понесся к восточной части оврага и вернулся с большим сухим поленом в зубах. Он уронил его рядом со Стью и залаял.

— Хороший пес, — снова сказал Стью. — Тащи еще, Коджак!

Радостно лая, Коджак побежал снова. Через двадцать минут он собрал достаточно дров для большого костра. Стью аккуратно отщипнул несколько щепок для того, чтобы развести огонь. Потом он проверил свои запасы и выяснил, что у него осталось еще полтора коробка спичек. Щепки занялись со второй спички, и вскоре костер запылал. Стью подвинулся поближе. Коджак лег на противоположной от костра стороне и положил морду на передние лапы.

Когда часть дров прогорела, Стью насадил кролика на вертел и стал его жарить. Привлеченный вкусным запахом, Коджак сел рядом со Стью и стал наблюдать за кроликом с нескрываемым интересом.

— Половина тебе, половина мне, о'кей?

Через пятнадцать минут он снял кролика с огня и разорвал его пополам. Местами мясо подгорело, а местами было наполовину сырым, но консервированная ветчина от «Грейт Вестерн Маркетс» не шла с ним ни в какое сравнение. Они с Коджаком набросились на еду... а когда от кролика почти ничего уже не осталось, до них донесся леденящий душу вой.

— ГОСПОДИ! — проговорил Стью с набитым ртом.

Коджак вскочил на лапы, и шерсть у него на загривке встала дыбом. Он обежал вокруг костра и зарычал. Вой не повторился.

Стью лег спать, положив с одной стороны увесистый камень, а с другой

— открытый карманный нож. Звезды смотрели на него холодно и равнодушно. Мысли

его повернулись было к Фрэн, но он тут же запретил себе думать о ней. Это было слишком горько.

Он уснул с помощью одной из таблеток Глена. А когда угли костра превратились в золу, Коджак лег и уснул рядом с ним, согревая Стью своим теплом.

Вечером двадцать седьмого сентября они разбили лагерь в городе Фримонт Джанкшен, и наконец-то у них было вдоволь еды.

— Я все жду, когда это кончится, — сказал Ларри Глену в тот вечер. — И с каждым новым днем ожидание становится все более невыносимым.

Глен кивнул.

— Я чувствую то же самое. Забавно будет, если все это только мираж? Всего лишь кошмарный сон нашего коллективного подсознательного.

Ларри посмотрел на него удивленно и оценивающе. Потом он медленно покачал головой.

— Нет, вряд ли это только сон.

Глен улыбнулся.

— Да, и мне тоже так не кажется.

На следующий день им представилась возможность убедиться в собственной правоте.

После десяти часов следующего утра они поднялись на возвышение и на западе, милях в пяти, увидели запаркованные нос к носу машины, перегородившие шоссе. Все выглядело именно так, как Ларри и предполагал.

— Авария? — спросил Глен.

Ральф держал ладонь козырьком.

— Вряд ли. Тогда бы они так не стояли.

— *Его люди*, — сказал Ларри.

— Да, пожалуй, — согласился Ральф. — Что будем делать, Ларри?

Ларри вынул из заднего кармана яркий шейный платок и утер пот с лица. То ли лето вернулось в тот день, то ли до них дошел жар юго-западной пустыни. Температура была немного выше восьмидесяти.

— Мы пойдем вниз по шоссе, чтобы проверить, вправду ли с нами Бог. Правильно, Глен?

— Ты главный — тебе решать.

Они стали спускаться. Через полчаса они были уже достаточно близко, чтобы разглядеть, что две перегородивших дорогу машины когда-то принадлежали патрульной службе штата Юты. Их поджидало несколько вооруженных человек.

— Пристрелить они хотят нас, что ли? — светским тоном осведомился Ральф.

— Не знаю, — сказал Ларри.

— Часть винтовок с оптическим прицелом. Солнце сверкает на линзах. Так что если они хотят свалить нас, то могут сделать это в любой момент.

Они продолжали идти. Люди у машин разбились на две группы. Пятеро вышли вперед и нацелили свои винтовки на приближающуюся троицу, а трое укрылись за машинами.

— Восемь, Ларри? — спросил Глен.

— Я насчитал восемь. Как ты себя чувствуешь?

— Со мной все в порядке, — ответил Глен.

— Ральф?

— Я давно ждал этого момента.

До патрульных машин оставалось меньше мили.

— Похоже, они не собираются пристрелить нас сразу же, — сказал Ральф.

— А то бы они уже давно это сделали.

Теперь они могли различить лица. Один был с густой бородой. Другой был почти лысым, хотя и выглядел молодым. Еще на одном была надета шапочка с изображением верблюда. Один из людей имел вид бухгалтера. Он вертел в руках «Магnum-0.357» и нервничал в три раза больше, чем сам Ларри.

Они остановились в двадцати футах от патрульных машин. Некоторое время обе группы молча смотрели друг на друга.

— Доброе утро, — мягко произнес Ларри.

Похожий на бухгалтера маленький человечек сделал шаг вперед. Он по-прежнему вертел в руках свой «Магnum».

— Вы — Глендон Бэйтмен, Лоусон Андервуд, Стюарт Редман и Ральф Brentner?

— Послушай, болван, — сказал Ральф, — ты что, считать не умеешь?

Кто-то усмехнулся. Бухгалтер вспыхнул.

— Кого не хватает?

Ларри сказал:

— Стью попал в несчастный случай по пути сюда. А ты сейчас прострелишь себе ногу, если не прекратишь играть со своей пушкой.

Снова смешки. Бухгалтер засунул-таки револьвер за пояс своих серых слаксов.

— Меня зовут Пол Берлсон, — сказал он, — и силой данной мне власти я арестовываю вас и приказываю вам следовать за мной.

— Кто вам дал эту власть? — немедленно спросил Глен.

Берлсон окинул его презрительным взглядом... но к презрению примешивалось и что-то еще.

— Вы знаете, от чьего имени я говорю.

— Тогда скажите.

Берлсон промолчал.

— Вы боитесь? — спросил у него Глен. Он обвел взглядом всех восьмерых. — Неужели вы так боитесь его, что даже не можете произнести его *имя*? Ну что ж, тогда мне придется сделать это за вас. Его зовут Рэнделл Флегг, он также известен под кличками темного человека, высокого человека и Ходячего Хлыща.

— Хватайте их, — сказал Берлсон. — Хватайте их всех и пристрелите первого же, кто станет сопротивляться.

В течение одной загадочной секунды никто не двинулся, и Ларри подумал: «Они не сделают этого, они так же боятся нас, как и мы их, и даже больше, хотя они и вооружены...»

Он посмотрел на Берлсона и сказал:

— Кого ты пытаешься обмануть, ты, мешок с цыплячьим дерьмом? Мы хотим, чтобы вы арестовали нас и отвезли в Вегас. Поэтому мы и пришли.

Тогда они вышли из оцепенения, и это выглядело так, словно Ларри приказал им. Его с Ральфом запихнули в одну патрульную машину, Глена — в другую. От передней части салона их отделяла ячеистая сетка. Ручек на дверях не было.

«Мы арестованы», — подумал Ларри. Эта мысль показалась ему забавной.

Четверо человек втиснулись на переднее сиденье. Патрульная машина подалась назад, развернулась и поехала на запад. Ральф вздохнул.

— Боишься? — тихо спросил его Ларри.

— Черт меня побери, если я знаю. Так приятно отдохнуть после ходьбы.

Один из людей на переднем сиденье спросил:

— Старик с длинным языком — он у вас главный?

— Нет, я.

— Как тебя зовут?

— Ларри Андервуд. А это Ральф Brentner. А того парня зовут Глен Бэйтмен. — Он оглянулся назад. Другая патрульная машина ехала за ними.

— Что случилось с четвертым парнем?

— Он сломал ногу. Пришлось оставить его.

— Да, не повезло. Меня зовут Барри Дорган. Служба безопасности Вегаса.

Ларри почувствовал, как на язык ему просится абсурдная фраза: «Рад с вами познакомиться», и улыбнулся.

— Сколько отсюда ехать до Лас-Вегаса?

— Ну, мы не можем особо разгоняться из-за пробок на дорогах. Мы потихоньку расчищаем их, но работа двигается не очень быстро. Но часов через пять мы будем там.

— Вот это класс, — сказал Ральф, качая головой. — Мы-то шли по дорогам три недели, а тут тебя довозят за пять часов.

Дорган обернулся и посмотрел на них.

— Не понимаю, почему вы шли пешком. Если уж на то пошло, я вообще не понимаю, зачем вы сюда пришли. Вы же должны были понимать, чем все кончится.

— Нас послали, — сказал Ларри. — Чтобы убить Флегга, я полагаю.

— У вас на это мало шансов, дружок. Вы отправляетесь напрямик в вегасовскую тюрьму. Он вами особенно интересуется. Он знал, что вы идете.

— Он выдержал паузу. — Вам остается надеяться, что вы умрете быстро. Но вряд ли стоит на это рассчитывать. В последнее время он был в не очень хорошем расположении духа.

— С чего бы это? — спросил Ларри.

Но Дорган, похоже, решил, что и так уже сказал достаточно, возможно, даже слишком много. Он отвернулся от них, ничего не ответив. Ларри и Ральф смотрели по сторонам на пронесившуюся мимо пустыню. За три недели ходьбы скорость уже успела стать для них новостью.

До Лас-Вегаса они доехали за шесть часов. Он лежал посреди пустыни, как какая-то невероятная драгоценность. На улицах было много людей — рабочий день закончился, и они наслаждались вечерней прохладой. Они вертели шеями вслед патрульным машинам, а потом возвращались к своим разговорам.

Ларри задумчиво оглядывался вокруг. В городе было электричество, улицы были чистыми, следы мародерства во время эпидемии исчезли.

Они подъехали к тюрьме. Когда Ларри выбрался из машины, разминая застывшие мускулы, он увидел, что у Дергана в руках — пара наручников.

— Эй, посмотри-ка, — сказал он Ральфу.

— Мне очень жаль, но это его распоряжение.

Ральф сказал:

— На меня никогда не надевали наручников. Года за два до женитьбы меня подобрали на улице в стельку пьяным и отвезли в вытрезвитель, но наручников не надевали никогда. — Ральф говорил медленно, и его оклахомский выговор стал заметнее. Ларри понял, что он впал в полную ярость.

— У меня есть приказ, — сказал Дорган. — Не будем портить друг другу жизнь.

— Приказ, — сказал Ральф. — Знаю, кто отдал тебе этот приказ. Он убил моего друга

Ника. Какого черта ты связался с этим адским псом? Ты-то ведь, вроде, сам по себе парень ничего. — Ральф смотрел на Дергана с таким гневным недоумением, что тот вынужден был отвернуться.

— Это моя работа, — сказал он. — И я ее выполняю. Вот и все. Протяните руки, или мне придется попросить кого-нибудь сделать это за вас.

Ларри протянул руки, и Дорган надел на них наручники.

— Кем ты был? — спросил Ларри с любопытством. — В прежние времена?

— Полиция Санта-Моники. Помощник следователя.

— А теперь ты с *ним*. Прости меня, пожалуйста, но, ей-Богу, это забавно.

Из соседней машины вытолкнули Глена Бэйтмена.

— Какого черта вы его толкаете? — сердито спросил Дорган.

— Если бы тебе пришлось шесть часов подряд слушать его болтовню, ты б его и не так толкнул, — сказал один из сопровождавших Глена людей.

— Меня не волнует, сколько болтовни вам пришлось выслушать, но волю рукам давать нельзя. — Дорган посмотрел на Ларри. — Что такого забавного, в том, что я с ним? В течение десяти лет я был полицейским, пока не пришел Капитан Шустрик. И я видел, что происходит, когда во главе стоят парни вроде тебя.

— Молодой человек, — мягко сказал Глен, — ваше общение с несколькими избитыми детьми и наркоманами не оправдывает тот факт, что вы оказались в объятиях монстра.

— Уведите их, — ровно сказал Дорган. — Одиночные камеры, разные крылья.

— По-моему, ты не уживешься со своей новой ролью, — сказал Глен. — В тебе слишком мало от нациста.

На этот раз Дорган и сам толкнул Глена.

Ларри вели по пустому коридору. На стенах висели таблички: НЕ ПЛЕВАТЬ НА ПОЛ, ДУШ, ТЫ ЗДЕСЬ НЕ ГОСТЬ.

— Я бы не прочь принять душ, — сказал он.

— Может быть, — сказал Дорган, — посмотрим.

— Посмотрим на что?

— На твое поведение.

Дорган открыл камеру в конце коридора и ввел Ларри внутрь.

— Как насчет браслетов? — спросил Ларри, вытягивая вперед руки.

— Конечно. — Дорган снял наручники. — Так лучше?

— Гораздо.

— Все еще хочешь в душ?

— Очень. — Но дело было не только в этом. Больше всего на свете Ларри не хотелось остаться в одиночестве, прислушиваясь к звуку удаляющихся шагов. Если он останется один, к нему вернется страх.

Дорган достал небольшой блокнот.

— Сколько вас в Зоне?

— Шесть тысяч, — сказал Ларри. — Каждый вечер в четверг мы играем в бинго, а призом в общей игре является двадцатифунтовая индейка.

— Так ты хочешь в душ или нет?

— Хочу. — «Но, похоже, не попаду», — подумал он про себя.

— Так сколько вас?

— Двадцать пять тысяч, но из них тысяче — меньше двенадцати лет, и их пускают в кино бесплатно. С экономической точки зрения это просто разорение.

Дорган захлопнул блокнот и посмотрел на него.

— Я не могу, парень, — сказал Ларри. — Поставь себя на мое место.

Дорган покачал головой.

— Не могу этого сделать, потому что я пока не чокнулся. Зачем вы пришли сюда? Чего вы хотели добиться? Завтра или послезавтра вы будете мертвы, как кусок собачьего дерьма. А если ему понадобится, чтобы вы заговорили, то вы ему все выложите, как миленькие. Вы просто рехнулись.

— Нам велела идти старая женщина. Матушка Абагейл. Возможно, она тебе снилась.

Дорган покачал головой, но при этом отвел глаза в сторону.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь.

— Ну, тогда оставим эту тему.

— Стало быть, ты не хочешь говорить со мной? И в душ не хочешь?

Ларри засмеялся.

— Я так дешево не продаюсь. Пошлите к нам шпиона, если, конечно, среди вас найдется парень, который не превращается в ласку, едва только при нем упомянут Матушку Абагейл.

— Ну что ж, — сказал Дорган. — Как тебе будет угодно.

Он прошел по коридору в свете зарешеченных ламп и закрыл за собой стальные ворота.

«Завтра или послезавтра вы будете мертвы, как кусок собачьего дерьма.»

Но Ларри не верил этому. Этого просто не может быть.

— Я не испугаюсь зла, — сказал он в мертвую тишину коридора, и ему понравилось звучание этой фразы. Он повторил ее снова.

Он лег на койку, и ему пришло в голову, что он наконец-то почти вернулся на Западное Побережье, только путешествие это оказалось куда более долгим и необычным, чем кто бы то ни было мог предположить. К тому же, оно еще не закончилось.

— Я не испугаюсь зла, — снова произнес он. Он заснул. Выражение лица его было спокойным. Спал он мирно, без снов.

На следующий день в десять часов утра Рэнделл Флегг и Ллойд Хенрид подошли к камере Глена Бэйтмена.

Он сидел на полу, скрестив ноги. Под своей койкой он нашел кусок угля и только что закончил надпись на стене своей камеры среди изображений мужских и женских гениталий, имен, телефонных номеров и коротких непристойных стихотворений. Надпись гласила: «Я не гончар, и не гончарный круг, я — глина, но разве ценность достигнутой формы не зависит в той же степени от внутренних свойств глины, что и от гончарного круга и таланта Мастера?» Глен как раз восхищался этой пословицей — или это был афоризм? — в тот момент, когда ему показалось, что температура в камере неожиданно упала градусов на десять. Дверь в конце коридора с грохотом открылась. Во рту у Глена неожиданно пересохло, и кусок угля выпал у него из пальцев.

В коридоре раздалось щелканье каблуков, направлявшихся к нему.

Другие шаги, жалкие и тихие, поспешали за первыми, пытаясь попасть в такт.

«Ну вот, это он. Сейчас я увижу его лицо.»

Неожиданно артрит стал причинять ему больше страданий. Боль была непереносимой. Словно из него вынули все кости, а образовавшиеся пустоты заполнили битым стеклом. И все же, когда каблуки остановились напротив его камеры, он повернул голову, и на лице его играла заинтересованная, выжидательная улыбка.

— А, так вот вы какой, — сказал Глен. — Вовсе не такой уж бука, как мы думали.

По другую сторону решетки стояло двое человек. Флегг был справа. На нем были синие

джинсы и белая шелковая рубашка, мерцавшая в свете тусклых ламп. Он улыбался Глену. За ним стоял человек ниже его ростом и без улыбки на лице. На шее у него был надет черный камень с красной щелью.

— Хочу вам представить моего помощника, — сказал Флегг, хихикнув. — Ллойд Хенрид, познакомься с Гленом Бэйтменом, социологом, членом Комитета Свободной Зоны и последним оставшимся в живых представителем интеллектуального фонда Зоны, с тех пор, как Ник Андрос умер.

— Рад встретить вас, — пробормотал Ллойд.

— Как ваш артрит, Глен? — спросил Флегг. Тон его был соболезнующим, но в глазах сверкало открытое ликование.

Глен быстро сжал и разжал пальцы, улыбаясь Флеггу в ответ. Никто никогда не узнает, каких усилий стоила ему эта улыбка.

«Внутренние свойства глины!»

— Прекрасно, — сказал он. — Гораздо лучше, благодаря ночлегу под крышей. Спасибо вам.

Улыбка Флегга слегка потускнела. Глен уловил промелькнувшее по его лицу выражение удивления и гнева. Или страха?

— И я решил отпустить вас на свободу, — сказал он резко.

Сияющая улыбка вновь заиграла на его лице. Ллойд удивленно охнул, и Флегг повернулся к нему.

— Так ведь, Ллойд?

— Ну... конечно, — сказал Ллойд.

— Ну что ж, прекрасно, — весело сказал Глен. Он чувствовал, как артрит вгрызается в его суставы.

— Вам дадут небольшой мопед, и вы сможете отправиться обратно домой.

— Разумеется, я не могу отправиться домой без моих друзей.

— Разумеется, нет. Все, что от вас требуется, это попросить меня. Встать на колени и попросить.

Глен искренне расхохотался. Он откинул голову и смеялся долго и громко. Пока он смеялся, боль в суставах значительно уменьшилась. Он почувствовал себя лучше, сильнее и снова овладел собой.

— Ну, ты и кадр, — сказал он. — Я знаю, чем тебе помочь. Найди-ка ты большую кучу песка, возьми в руки молоток и набей весь этот песок прямиком себе в задницу, а?

Лицо Флегга потемнело. Улыбка исчезла. Глаза его, раньше напоминавшие своим цветом камень на шее Ллойда, теперь приобрели желтый оттенок. Он протянул руку к засову на двери камеры. Раздалось электрическое гудение. Искры засверкали у него между пальцев. Засов, черный и дымящийся, упал на пол. Ллойд Хенрид вскрикнул. Темный человек схватился за решетку и отодвинул дверь в сторону.

— Прекрати смеяться.

Глен засмеялся еще громче.

— ПРЕКРАТИ СМЕЯТЬСЯ НАДО МНОЙ!

— ДА ТЫ ЖЕ НИЧТОЖЕСТВО! — сказал Глен, утирая слезы и все еще хихикая. — Ой, извините меня... а мы-то так тебя боялись... придавали тебе такое значение... я смеюсь и над нашей глупостью, а не только над тобой...

— Пристрели его, Ллойд. — Флегг повернулся к своему соседу. Лицо его исказилось. Пальцы его скривились, как клыки хищника.

— Ну так убей меня сам, раз уж собрался, — сказал Глен. — Ты ведь можешь. Дотронься

до меня пальцем и останови мое сердце. Соверши перевернутое крестное знамение и награди меня мозговой эмболией. Извлеки молнию вон из той розетки и разруби меня пополам. Ой, Господи... Господи помилуй... я себе живот надорву...

Глен рухнул на койку и стал кататься из стороны в сторону, сотрясаемый неудержимым хохотом.

— ПРИСТРЕЛИ ЕГО! — прогреготал темный человек.

Бледный, трясущийся от страха, Ллойд вытащил из-за пояса револьвер, чуть не уронил его, а потом попытался прицелиться в Глена. Ему пришлось взять револьвер обеими руками.

Глен смотрел на Ллойда, по-прежнему улыбаясь.

— Раз уж вы собрались стрелять в кого-нибудь, мистер Хенрид, то пристрелите его.

— Давай же, Ллойд.

Ллойд спустил курок. В замкнутом пространстве выстрел прозвучал оглушительно. Пуля выбила кусок бетона в двух дюймах от плеча Глена, срикошетила и вылетела из камеры.

— Откуда у тебя руки растут? — завопил Флегг. — Пристрели его, идиот! Пристрели его! Он же стоит прямо перед тобой.

— Да я пытаюсь...

На лице у Глена по-прежнему играла улыбка. Он лишь слегка вздрогнул от звука выстрела.

— Повторяю, раз уж вы собрались стрелять, то пристрелите его. В нем ведь нет ничего человеческого. Как-то в разговоре с другом я назвал его последним волшебником рациональной мысли, мистер Хенрид. Это оказалось даже более справедливым, нежели я предполагал. Но сейчас его чары оставляют его. Они ускользают от него, и он знает об этом. И вы тоже об этом знаете. Пристрелите его сейчас и избавьте нас от массового кровопролития и убийства.

Лицо Флегга стало очень спокойным.

— Хорошо, пристрели одного из нас, Ллойд, — сказал он. — Я вызволил тебя из тюрьмы, когда ты умирал от голода. А такие парни, как он, хотят запихнуть тебя обратно. Маленькие человечки, которые много говорят.

Ллойд сказал:

— Мистер, вам меня не одурачить. Рэнди Флегг говорит правду.

— Но он лжет. И ты знаешь, что он лжет.

— Он сказал мне больше правды, чем кто бы то ни было за всю мою вшивую жизнь, — сказал Ллойд и трижды выстрелил в Глена. Глена отбросило назад и изогнуло, как тряпичную куклу. Кровь хлестнула из ран. Он ударился о койку, тело его подскочило и скатилось на пол. Он с трудом приподнялся на одном локте. — Все в порядке, мистер Хенрид! — прошептал он. — Вас нельзя за это винить.

— ЗАТКНИСЬ, СТАРЫЙ БОЛТУН! — закричал Ллойд. Он выстрелил еще раз, и лицо Глена Бэйтмена исчезло. Еще раз — и тело безжизненно подпрыгнуло. И еще раз. Ллойд плакал. Слезы катились по его сердитому, загорелому лицу. Он вспоминал кролика, который съел свои собственные лапы. Он вспоминал Поука и людей из «Конни». Он вспоминал Джорджа, которому они залепили рот скотчем. Он вспоминал тюрьму Феникса, крысу и Траска. Он вспоминал, как нога Траска показалась ему кентуккийской жареной курицей. Он снова спустил курок, но револьвер только щелкнул.

— Хорошо, — мягко сказал Флегг. — Хорошо. Отличная работа, Ллойд. Отличная работа. Ллойд уронил револьвер на пол и отшатнулся от Флегга.

— Не прикасайся ко мне! — закричал он. — Я не ради тебя это сделал!

— Нет, ради меня, — нежно сказал Флегг. — Ты можешь думать иначе, но на самом деле

это так. — Он протянул руку и сжал черный камень на шее у Ллойда. Когда он снова разжал руку, камня уже не было. На его месте висел маленький серебряный ключ.

— Кажется, я тебе обещал его, — сказал темный человек. — В другой тюрьме. Он лгал... а я держу свое слово, не так ли, Ллойд?

— Да.

— Другие уходят или собираются уходить. Я знаю, кто они. Я знаю все имена. Уитни... Кен... Дженни... о да, я знаю все имена.

— Тогда почему же вы...

— Почему я не положу этому конец, так? Я не знаю. Может быть, лучше, чтобы они ушли. Но ты, Ллойд... Ты мой преданный и верный слуга, правда?

— Да, — прошептал Ллойд. — Да. Наверное, это так.

— Без меня ты был бы способен только на мелкие проделки, даже если сумел бы выбраться из тюрьмы.

— Да.

— Этот парень Лаудер знал об этом. Он знал, что я могу сделать его сильнее. Выше. Вот почему он шел ко мне. Но он был слишком переполнен мыслями... слишком переполнен... — На лице его появилось недоумение, и он неожиданно стал выглядеть гораздо старше. Потом он махнул рукой, и улыбка снова расцвела у него на губах. — Возможно, дела действительно идут плохо. Возможно, это так, по причине, которую даже я не могу понять... но у старого волшебника есть еще в запасе несколько фокусов, Ллойд. Один или два. А теперь слушай меня. Мы не должны терять времени, если хотим остановить этот... этот кризис доверия. Если мы хотим убить его в зародыше. Завтра мы разберемся с Андервудом и Brentнером. А теперь слушай меня внимательно...

Ллойд лег в постель только после полуночи, а заснул уже под утро. Он говорил с Рэт-Меном. Он говорил с Полом Берлсоном. С Барри Дорганом, который согласился с тем, что распоряжение темного человека может — и должно быть — выполнено до рассвета. На парадной лужайке перед входом в «Гранд-Отель» в десять часов вечера началось строительство. Там работала бригада из десяти человек, вооруженная сварочными аппаратами, молотками и хорошим запасом стальных труб. Они сваривали трубы на двух автоплатформах напротив фонтана. Зрелище сварки вскоре привлекло целую толпу.

— Смотри, мама-Энджи! — закричал Динни. — Фейерверк!

— Да, но все хорошие мальчики в это время уже ложатся в постельку. — Энджи Хиршфилд уводила ребенка в сторону, и сердце ее было охвачено тайным страхом того, что творится что-то ужасное, возможно, даже более ужасное, чем супергрипп.

— Хочу посмотреть! Хочу посмотреть на *искорки*! — вопил Динни, но она быстро увела его прочь.

Джули Лори подошла к Рэт-Мену — единственному парню, который казался ей слишком жутким, чтобы спать с ним... — ну, разве что в случае крайней нужды. Его черная кожа мерцала в бело-голубом свертании сварочных аппаратов. Он был одет как пират — широкие шелковые штаны, красный пояс и ожерелье из серебряных долларов на жилистой шее.

— Что тут творится, Рэтти? — спросила она.

— Рэт-Мен ничего не знает, дорогая, но он предполагает. Да уж, это точно. Похоже, завтра предстоит черная работа, очень черная. Не хочешь на минутку отойти с Рэтти в сторонку, дорогуша?

— Может быть, — сказала Джули, — но только если ты знаешь, что тут происходит.

— Завтра весь Вегас будет об этом знать, — сказал Рэтти. — Пошли с Рэтти, дорогуша, и

он покажет тебе одну забавную штуку.

Но Джули, к великому неудовольствию Рэт-Мена, ускользнула прочь.

Когда Ллойд наконец заснул, работа была закончена, и толпа разошлась. На каждой из автоплатформ стояло по большой клетке. Справа и слева в каждой клетке были оставлены квадратные отверстия. Неподалеку стояли четыре машины с буксирными крюками. К каждому крюку была прикреплена тяжелая стальная цепь. Цепи змеились по лужайке перед «Гранд-Отелем», и каждая заканчивалась как раз у одного из четырех квадратных отверстий в клетках.

К концу каждой цепи был прикреплен стальной наручник.

Утром тридцатого сентября Ларри услышал звук открывающейся двери в дальнем конце коридора. Послышались быстро приближавшиеся шаги. Ларри лежал на тюремной койке и (думал? молился?) Это было одно и то же. Но что бы это ни было, застарелая рана внутри него наконец-то зажила, и он пребывал в мире с самим собой. Он ощутил, как два человека, которыми он был всю свою жизнь — реальный и идеальный, — слились в единое живое существо. Такой Ларри понравился бы своей матери. И Рите Блэкмор. Уэйну Стаки никогда бы не пришлось открывать такому Ларри глаза на ситуацию. Даже специалисту по оральной гигиене такой Ларри вполне мог бы приглянуться.

«Скоро я умру. Если есть Бог — а я начинаю думать, что Он есть, — то это Его воля. Мы умрем, и каким-то образом благодаря нашей смерти всему этому настанет конец.»

Он подозревал, что Глен Бэйтмен уже умер. Вчера из соседнего крыла до него донесся звук выстрелов. Именно в том направлении и уводили Глена. Ну что ж, он был стар, и его мучил артрит, а что бы там Флегг ни заготовил для них на сегодняшнее утро, вряд ли приходится ждать чего-нибудь приятного.

Шаги остановились рядом с его камерой.

— Вставай, сукин сын, — позвал его радостный голос. — Рэт-Мен пришел за твоей бледной задницей.

Ларри оглянулся. У двери камеры стоял ухмыляющийся чернокожий пират с ожерельем из серебряных долларов на шее и обнаженной саблей в руке. Из-за его спины выглядывал очкастый бухгалтер. Берлсон, так, кажется, его звали.

— Что такое? — спросил Ларри.

— Дорогой мой, — сказал пират. — Это конец. Самый-самый конец.

— Хорошо, — сказал Ларри и встал.

Берлсон быстро заговорил, и Ларри заметил, что он испуган.

— Я хочу, чтобы вы знали, что это не моя идея.

— Насколько я понимаю, ничто здесь не является вашей идеей, — сказал Ларри. — Кто был убит вчера?

— Бэйтмен, — ответил Берлсон, опустив глаза. — При попытке к бегству.

— При попытке к бегству, — пробормотал Ларри и расхохотался. Рэт-Мен присоединился к нему.

Дверь камеры открылась. Берлсон вошел внутрь с наручниками. Ларри не оказал никакого сопротивления; только вытянул руки. Берлсон надел наручники.

— При попытке к бегству, — сказал Ларри. — Когда-нибудь и вас застрелят при попытке к бегству, — сказал Ларри. — Когда-нибудь и вас застрелят при попытке к бегству, Берлсон. — Он перевел взгляд на пирата. — И тебя тоже, Рэтти. При попытке к бегству. — Он снова засмеялся, но на этот раз Рэт-Мен не поддержал его. Он хмуро посмотрел на Ларри и стал поднимать свой меч.

— Опустит эту штуку, чертов козел, — сказал Берлсон.

Втроем они вышли из камеры: Берлсон впереди, потом Ларри. Рэт-Мен замыкал шествие. Когда они вышли за пределы крыла, к ним присоединились еще пять человек. Одним из них был Ральф, тоже в наручниках.

— Эй, Ларри, — скорбно сказал Ральф. — Ты слышал? Они сказали тебе?

— Да.

— Ублюдки. Скоро им крышка, верно?

— Да.

— Заткните пасти! — прорычал один из охранников. — Это вам крышка. Сейчас посмотрите, что вас ожидает. Очень веселое развлечение.

— Да нет же, *вам* крышка, — настаивал Ральф. — Разве вы не знаете этого? Разве не чувствуете?

Рэтти толкнул Ральфа, и тот споткнулся.

— Заткнись! — закричал он. — Рэт-Мен больше не желает слушать эту поганую шаманскую болтовню!

— Как ты побледнел, Рэтти, — сказал Ларри с усмешкой.

Рэт-Мен снова вскинул свою саблю, но выглядело это совсем не угрожающе. Вид у него, да и у всех остальных, был испуганный. Они чувствовали, как их накрыла тень какого-то великого и непредотвратимого события. Запах его витал в воздухе.

На солнечном дворе стоял оливковый автофургон с надписью ТЮРЬМА ЛАС-ВЕГАСА. Ларри и Ральфа втолкнули внутрь. Дверь захлопнулась, двигатель заработал, и они тронулись. Ральф и Ларри сидели на жестких деревянных скамейках.

Ральф тихо произнес:

— Я слышал, весь Вегас соберется там? Думаешь, они распнут нас, Ларри?

— Это или что-нибудь в этом роде. — Он посмотрел на Ральфа. Шляпа его была помята, перо выглядело побитым и истерзанным, но по-прежнему задиристо торчало из-под ленты. — Ты боишься, Ральф?

— Чертовски, — прошептал Ральф. — Я не выношу боли. Я даже к доктору-то ходить боялся. Хотел бы я знать, зачем все это. Пока я только вижу, что он устроит с нашей помощью большой спектакль. Мы для этого здесь оказались?

— Я не знаю.

Ларри тоже был напуган, но внизу, под страхом, было безмятежное ощущение покоя. Все будет, как надо.

— Я не испугаюсь зла, — пробормотал он. Потом он закрыл глаза и подумал о Люси. О своей матери. Отрывочные воспоминания. Он встает в школу рано утром. Он перестал ходить в церковь. Вместе с Руди они нашли порнографический журнал в канаве и просмотрели его от корки до корки; им тогда было по девять лет. Он смотрит чемпионат США по бейсболу вместе с Ивонной Ветерлен.

Он не хотел умирать, он боялся смерти, но он обязан примириться с ней, насколько это возможно. В конце концов, выбор был сделан не им, и он начинал верить в то, что смерть — это всего лишь комната ожидания, артистическая уборная, где ты проводишь время перед выходом на сцену.

Фургон остановился, и дверь распахнулась. Снаружи хлынул яркий солнечный свет, и они изумленно заморгали. Рэт-Мен и Берлсон впрыгнули внутрь. Вместе с солнечным светом в фургон хлынул и звук — низкий, шелестящий шорох, услышав который, Ральф опасно склонил голову набок. Но Ларри знал, что это за звук.

В 1986 «Тэттерд Ремнантс» играли перед самой большой аудиторией в своей жизни — они предваряли выступление Ван Халена в Чевиз Рэвин. И звук, донесшийся до них перед выходом на сцену, был точно таким же. Так что когда он выходил из фургона, он знал, чего ему ожидать, и лицо его не изменилось, хотя Ральф позади него и охнул от изумления.

Они стояли на лужайке перед гигантским отелем-казино. Перед входом возвышались две золотые пирамиды. Прямо на траве стояли две автоплатформы. На каждой из них было по клетке, сваренной из стальных труб.

А вокруг стояли люди.

Они окружили лужайку не совсем правильным кругом. Они стояли на автомобильной стоянке казино, на ступеньках, ведущих к парадному входу, на подъездной дороге. Некоторые юноши помоложе посадили своих девушек себе на плечи, чтобы те могли лучше разглядеть предстоящую праздничную церемонию.

Ларри оглядел толпу, и все те, на кого устремлялся его взгляд, отворачивались в сторону. Казалось, на всех лицах застыло выражение обреченности.

Его и Ральфа подтолкнули к клеткам, и по пути Ларри заметил машины с буксирными крюками и цепями. Но первым понял их предназначение Ральф. В конце концов, именно он чуть ли не всю свою жизнь имел дело с техникой.

— Ларри, — сказал он. — Они собираются разорвать нас на части.

— Давайте, забирайтесь, — сказал Рэт-Мен,дохнув ему в лицо запахом чеснока. — Забирайся, сукин сын. Сейчас вы с дружкой прокатитесь на тиграх.

Ларри поднялся на автоплатформу.

— Давай свою рубашку, сукин сын.

Ларри снял рубашку, и утренний прохладный ветерок приласкал его кожу. Ральф снял свою. Шепот прошел по толпе. После многодневной ходьбы они очень сильно похудели; отчетливо было видно каждую косточку.

— Заходи в клетку, тощий зад.

Ларри повиновался.

Теперь распоряжения стал отдавать Барри Дорган. Он переходил с места на место, проверяя, все ли готово. На лице у него застыла гримаса отвращения.

Четверо водителей влезли в кабины и завели свои машины. Ральф схватил один из приваренных наручников и швырнул его в квадратное отверстие в стенке клетки. Наручник попал Полу Берлсону в голову, и по толпе пробежал нервный смешок.

Дорган сказал:

— Не стоит делать этого, парень. А то мне придется послать к тебе несколько ребят, чтобы они тебя усмирили.

— Пусть делают свое дело, — сказал Ларри Ральфу. Потом он бросил взгляд на Барри Дергана. — Эй, Барри, тебя этому научили в полиции Санта-Моники?

И снова рябь смеха пронеслась по толпе.

— Жестокое обращение с заключенным! — закричал какой-то смельчак. Дорган вспыхнул, но ничего не сказал. Он подтянул цепи поближе к клетке Ларри, и Ларри плюнул на них, удивившись, что у него хватило на это слюны. Негромкие звуки одобрения раздались где-то сзади, и Ларри подумал: «Может быть, вот оно, может быть, они взбунтуются...»

Но сердце его не верило в это. Слишком уж бледными и скрытными были их лица. Здесь никогда не произойдет открытого восстания.

Дорган, Рэт-Мен и еще один человек вошли в его клетку. Рэт-Мен открыл для Ларри приваренные к цепям наручники.

— Вытяни руки, — сказал Дорган.

— Удивительная штука — закон и порядок, да, Барри?

— Вытяни руки, черт тебя побери!

— Ты что-то плохо выглядишь, Дорган. Как твое сердечко в последние дни — не пошаливает?

— В последний раз говорю тебе, дружок. Вытяни руки.

Ларри повинился. Наручники скользнули на его запястья и защелкнулись. Все трое вышли из клетки и закрыли дверь.

— Люди, вы все знаете, что это несправедливо! — закричал Ларри, и его голос, натренированный долгими годами пения, прокатился над толпой с удивительной силой. — Я не жду от вас, чтобы вы помешали этому, но я хотел бы, чтобы вы это запомнили! Нас убивают, потому что Рэнделл Флегг боится нас! Он боится нас и тех людей, от которых мы пришли сюда! — Растущий ропот пробежал по толпе. — Запомните, как мы умрем! И знайте, что в следующий раз, возможно, настанет ваша очередь умереть так же, как мы.

Снова глухой, сердитый ропот, а потом — молчание.

— Ларри! — крикнул Ральф.

Со ступенек «Гранд-Отеля» спускался Рэнделл Флегг. Рядом с ним шел Ллойд Хенрид. Флегг был одет в джинсы, клетчатую рубашку, джинсовую куртку с двумя пуговицами на нагрудных карманах и стоптанные ковбойские ботинки. Единственным звуком во внезапно наступившей тишине было цоканье его каблуков.

Темный человек усмехался.

Ларри уставился на него. Флегг остановился перед клетками и поднял взгляд вверх. В его усмешке было какое-то черное очарование. Он полностью владел собой, и Ларри внезапно понял, что это — его звездный час, апофеоз всей его жизни.

Флегг отвернулся от них и оглядел толпу.

— Ллойд, — тихо сказал он, и Ллойд, выглядевший бледным, запуганным и больным, вручил Флеггу бумажный свиток.

Темный человек развернул свиток и стал говорить. Голос его был глубок, звучен и приятен. Он звучал в абсолютной тишине, подобно серебряной ряби, которая пробегает по черному пруду.

— Знайте о том, что я, Рэнделл Флегг, поставил свою подпись под этим правдивым документом в тридцатый день сентября тысяча девятьсот девяностого года, называемого ныне Годом Первым, годом эпидемии.

— Твое имя — не Флегг! — крикнул Ральф. Изумленный ропот пронесся по толпе. — Почему ты не скажешь им свое настоящее имя?

Флегг не подал виду, что слышал эти слова.

— Знайте о том, что эти люди, Лоусон Андервуд и Ральф Brentner, являются шпионами, которые пришли в Лас-Вегас не с добрыми намерениями, а с подрывными целями. Они прокрались в наше государство украдкой, и под покровом темноты...

— Неплохо, — сказал Ларри, — если учесть, что мы шли по шоссе *N70 при свете дня*. — Он перешел на крик. — Они арестовали нас в полдень на шоссе, так как насчет покрова темноты?

Флегг терпеливо дождался тишины, словно считал, что надо дать Ларри и Ральфу возможность ответить на представленные обвинения... что, впрочем, в итоге не будет иметь никакого значения.

Потом он продолжил:

— Знайте, что когорты этих людей ответственны за диверсионные взрывы вертолетов в Индиан Спрингс, а следовательно, и за гибель Карла Хоу, Билли Джеймисона и Клиффа

Бенсона. Они повинны в убийстве.

Глаза Ларри упали на лицо человека, стоявшего в первом ряду. Это был Стэн Бэйли, руководитель испытаний в Индиан Спрингс. Ларри не знал этого, но он заметил отразившееся на его лице недоумение и удивление и увидел, как он повернулся к соседу и сказал нечто вроде «Сорный Бак».

— Знайте, что когорты этих людей подослали к нам своих шпионов, и эти шпионы были убиты. Эти люди приговариваются к смертной казни и будут разорваны надвое. Долг и ответственность каждого из вас — быть свидетелями этой казни, чтобы вы могли запомнить и рассказать другим то, что вы увидели в этот день.

Усмешка Флегга на мгновение частично потухла, так как он, по всей видимости, пытался придать ей заботливый и сострадательный вид, но, несмотря на все усилия, она не стала более человеческой, чем оскал акулы.

— Те, у кого есть дети, могут идти.

Он повернулся к машинам, которые медлили, время от времени выпуская облачка выхлопов в утренний воздух. Когда он повернулся, в толпе произошло какое-то движение, и неожиданно сквозь нее прорвался какой-то человек. Он был смертельно бледен, так что лицо его по цвету почти не отличалось от надетого на нем поварского халата. Темный человек протянул свиток Ллойдю. Когда Уитни Дорган оказался перед толпой, руки Ллойда конвульсивно дернулись. Раздался отчетливый звук разрываемой бумаги.

— ЭЙ, ВЫ, ЛЮДИ! — закричал Уитни.

Смутный ропот пронесся над толпой. Уитни трясся с ног до головы, словно паралитик. Голова его то дергалась в сторону темного человека, то вновь отворачивалась. Флегг смотрел на Уитни с кровожадной усмешкой. Дорган направился было к повару, но Флегг жестом остановил его.

— ЭТО НЕСПРАВЕДЛИВО! — завопил Уитни. — ВЫ ЗНАЕТЕ, ЧТО ЭТО НЕСПРАВЕДЛИВО!

Воцарилась мертвая тишина. Кадык Уитни прыгал, как обезьяна на ветке.

— Мы когда-то были американцами! — наконец прокричал он. — Американцы так не поступают. Я был всего лишь поваром, но я знаю, что американцы так не поступают, они не станут слушать какого-то кровожадного мудака в ковбойских ботинках...

Толпа издала вздох ужаса. Ларри и Ральф обменялись недоуменными взглядами.

— Да-да, — настаивал Уитни. — Это именно о нем. — Пот стекал по его лицу, словно слезы. — И вы будете смотреть, как этих двух парней разорвут у вас на глазах на две части, а? Вы считаете, это подходящее начало для новой жизни? Думаете, это справедливо? Говорю вам, вам будут сниться кошмары до конца вашей жизни!

Толпа согласно зашумела.

— Мы должны остановить это, — сказал Уитни. — Настало время подумать о том, что... что...

— Уитни, — раздался этот голос, мягкий, как шелк, и едва слышный, но оказавшийся достаточно громким, чтобы повар немедленно замолчал. Он обернулся к Флеггу, губы его беззвучно двигались, а в глазах появилось рыбье выражение.

— Уитни, тебе надо было молчать. Голос был тихим, но без труда доносился до каждого. — Я бы отпустил тебя... да и зачем ты мне нужен?

Уитни шевелил губами, но с них по-прежнему не мог сорваться ни один звук.

— Подойди сюда, Уитни.

— Нет, — прошептал Уитни, но ноги его сами двинулись с места. Он шел к темному человеку, словно привидение.

— Я знал о твоих планах, — сказал темный человек. — Я знал о том, что ты собираешься сделать, даже раньше тебя самого. И я позволил бы тебе уползти от меня, чтобы вернуть тебя через год, в может быть, через десять. Но все это позади, Уитни.

В последний раз Уитни сумел обрести дар речи, и слова рванулись из него сдавленным криком.

— ТЫ ВООБЩЕ НЕ ЧЕЛОВЕК! ТЫ... ТЫ... ПРОСТО ДЬЯВОЛ!

Флегг вытянул вперед указательный палец левой руки, так что он почти коснулся подбородка Уитни.

— Да, ты прав, — сказал он так тихо, что никто, кроме Ллойда и Ларри Андервуда, не услышал его. — Я дьявол.

Шар голубого огня выскочил из указательного пальца Флегга с тихим озоновым треском. Осенний ветер вздохов пронесся над толпой.

Уитни вскрикнул, но не сдвинулся с места. Огненный шар коснулся его подбородка. Внезапно в воздухе разнесся приторный запах горелого мяса. Шар прошел по его губам, и крик Уитни прекратился. Потом он двинулся вдоль щеки, оставляя за собой глубокую обугленную борозду.

Потом шар прошел по его глазам.

Он застыл напротив его лба, и Ларри услышал, как Ральф повторяет без устали одну и ту же фразу. Ларри присоединил свой голос к голосу Ральфа:

— Я не испугаюсь зла... я не испугаюсь зла... я не испугаюсь зла...

Огненный шар поднялся выше, и теперь в воздухе разнесся жаркий запах горелых волос. Шар скатился ему на затылок, оставляя позади себя гротескную лысую полосу. Уитни закачался и рухнул на землю, слава Богу, лицом вниз.

Долгое «Аааааахххх» раздалось в толпе. Это был звук, который вырывается у людей, когда на праздник 4 июля демонстрируют особенно красивые фейерверки. Огненный шар повис в воздухе. Теперь он стал намного больше, и смотреть на него можно было только прищурившись. Темный человек указал на него пальцем, и он медленно двинулся на толпу. Стоявшие в первом ряду подались назад.

Громовым голосом Флегг спросил:

— ЕСТЬ ЛИ СРЕДИ ВАС ЕЩЕ КТО-НИБУДЬ, КТО НЕ СОГЛАСЕН С МОИМ ПРИГОВОРОМ? ЕСЛИ ДА, ТО ПУСТЬ ГОВОРIT!

Ответом было глубокое молчание.

Флегг выглядел удовлетворенным.

— Тогда позвольте...

Неожиданно люди в толпе стали оборачиваться назад. Раздался удивленный ропот, перешедший в громкий шум. Флегг выглядел так, будто его застали врасплох. Теперь люди начали кричать, и хотя слов разобрать было нельзя, в голосах слышалось удивление и недоумение.

До Ларри донесся гул электромотора. И снова он услышал это странное имя, передававшееся из уст в уста, но никто не произнес его ясно, полностью: Бак... Сорный Бак... Мусор... Мусорок...

Кто-то приближался сквозь толпу, словно в ответ на вызов темного человека.

Флегг почувствовал, как в сердце его просачивается ужас. Это был ужас перед неизвестным и неожиданным. Он предвидел все, даже глупую речь Уитни. Толпа — *его толпа* — *распалась*, подавалась назад. Раздался крик, высокий, звонкий и леденящий душу. Кто-то не выдержал и побежал. Потом кто-то еще. А потом вся толпа бросилась врассыпную.

— СТОЯТЬ! — закричал Флегг изо всех сил, но все было без толку. Толпа превратилась в ураган, а ураган не мог остановить даже темный человек. Ужасная, бессильная ярость захлестнула его. Снова все пошло вкривь и вкось. В самый последний момент, как с Джаджем в Орегоне, как с той женщиной, перерезавшей себе шею оконным стеклом... и как с Надин... с падающей вниз Надин...

Они разбегались. Они увидели опоздавшего гостя, прибывшего сюда, словно некое мрачное видение из сказки ужасов. Они увидели охристое лицо окончательного, ужасного возмездия.

И они увидели, что возвратившийся странник привез с собой.

Когда толпа поредела, это увидел и Рэнделл Флегг, а вместе с ним Ларри, Ральф и застывший от ужаса Ллойд Хенрид, который все еще держал в руках порванный свиток.

Это был Дональд Мервин Элберт, известный также под кличкой Мусорный Бак.

Он сидел за рулем длинного и грязного электрокара. Аккумуляторы электрокара уже почти сели. Электрокар гудел, жужжал и дергался. Мусорный Бак подскакивал на открытом сиденье, словно сумасшедшая марионетка.

Он страдал последней стадией лучевой болезни. Волосы его выпали, руки, торчавшие из лохмотьев рубашки, были покрыты кровоточащими язвами. Его лицо было похоже на бугристый кусок красного мыла, на котором светился один выцветший голубой глаз. Зубы его выпали, ногти выпали, а веки превратились в рваные клочья.

Он выглядел так, словно приехал на своем электрокаре из пасти ада.

Застыв от ужаса, Флегг следил за его приближением. Улыбка его исчезла. Яркий, насыщенный цвет его кожи внезапно потускнел. Лицо его стало похоже на матовое стекло.

Голос Мусорного Бака экстатически рвался на свободу из его узкой груди:

— Я принес... я принес тебе огонь... пожалуйста... прости меня...

Первым с места сдвинулся Ллойд. Он сделал вперед один шаг, потом второй.

— Мусорок... Мусор, мальчик мой... — Голос его звучал как карканье.

Единственный глаз двинулся, отчаянно выискивая Ллойда.

— Ллойд? Это ты?

— Это я, Мусор. — Ллойд дрожал с головы до ног, совсем как Уитни несколько минут назад. — Эй, что там у тебя такое? Это случайно не...

— Это Большая Штука, — счастливым голосом произнес Мусорный Бак. — Это атомная бомба. — Он стал раскачиваться на сиденье электрокара, как новообращенный на религиозном митинге. — Атомная бомба. Большая Штука, большой огонь, *жизньзатебя!*

— Убери ее, Мусор, — прошептал Ллойд. — Это опасно... убери ее...

— Пусть он уберет ее отсюда, Ллойд, — проскулил темный человек, превратившийся теперь в бледного человека. — Пусть он отвезет ее обратно. Пусть он...

В единственном глазу Мусорного Бака появилось изумление.

— Где он? — спросил он, и голос его поднялся до агонизирующего воя. — ГДЕ ОН? ЕГО БОЛЬШЕ НЕТ! ГДЕ ОН? ЧТО ВЫ С НИМ СДЕЛАЛИ?

Ллойд предпринял еще одно сверхусилие.

— Мусор, ты должен избавиться от этой штуки. Ты...

И неожиданно Ральф вскрикнул:

— ЛАРРИ! ЛАРРИ! РУКА БОГА!

Лицо Ральфа было охвачено безумной радостью. Глаза его сияли. Он указал в небо.

Ларри поднял голову. Он увидел электрический шар, который Флегг выпустил из своего пальца. Теперь шар вырос до огромных размеров. Он висел в небе, нервно подергиваясь в сторону Мусорного Бака, испуская искры, похожие на волоски. Ларри смутно ощутил, что

воздух до такой степени был полон электричеством, что каждый волосок на его теле стоял дыбом.

И ШАР В НЕБЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО БЫЛ ПОХОЖ НА РУКУ!

— НЕЕЕЕЕТ! — завопил темный человек.

Ларри посмотрел в его сторону... но Флегга там больше не было. Там стояла какая-то обмякшая, сгорбленная и почти бесформенная тварь — с огромными желтыми глазами, прорезанными темными щелями кошачьих зрачков.

Потом и она исчезла.

Ларри увидел висящую в воздухе одежду Флегга — куртку, джинсы, ботинки, — которая в течение краткого мига сохраняла форму его теле. Потом она рухнула на землю.

Трескучий голубой огонь ринулся к электрокару, на котором Мусорный Бак непостижимым образом умудрился довести атомную бомбу до Лас-Вегаса. Он терял свои волосы, истекал кровью и изрыгал из себя вместе с рвотой все свои зубы, по мере того как лучевая болезнь все глубже и глубже проникала в него, но ни разу он не поколебался в своей решимости привезти ее темному человеку.

Шар голубого огня заинтересованно рванулся к грузовому отсеку электрокара, пытаясь выяснить, что там такое.

— ТАК ТВОЮ МАТЬ, НАМ ВСЕМ КРЫШКА! — крикнул Ллойд Хенрид.

Он обхватил голову руками и упал на колени.

«О, Господи, слава Тебе, — подумал Ларри. — Я не испугаюсь зла, я не...»

Бесшумный белый свет заполнил весь мир.

И праведные, и неправедные были преданы этому святому огню.

Он проснулся, цепляясь в сонной панике за песчаный грунт. Что это было, кошмар? Если это так, то, похоже, он до сих пор продолжается. Земля дрожала под ним.

«Землетрясение?»

На мгновение он решил, что это бред, что жар возобновился, пока он спал. Но, посмотрев вокруг, он увидел, что грязь соскальзывает вниз небольшими пластинами. По склонам прыгали камешки. А потом раздался отдаленный, глухой звук — казалось, он *протолкнулся в уши*. Мгновение спустя у него перехватило дыхание, словно из оврага моментально выкачали весь воздух.

— Коджак! — в панике закричал Стью. Этот глухой удар испугал его — словно Бог топнул ногой в пустыне где-то неподалеку.

Коджак сбегал вниз по склону и присоединился к нему, скуля и повизгивая. Погладив его по спине, Стью почувствовал, как он дрожит. Он должен увидеть, он *должен*. Внезапно он почувствовал уверенность: то, что должно было случиться, случается. Прямо сейчас.

— Я полез наверх, парень, — пробормотал Стью.

Он подполз к восточному склону оврага. Он был немного круче, но там было больше опор. За последние три дня он не раз уже думал, что вполне мог бы подняться, но не было стимула.

На дне оврага он был укрыт от ветра, и у него была вода. Но теперь он должен подняться. Он должен увидеть. Он тащил за собой свою сломанную ногу как клюшку для гольфа. Он приподнялся на руках и посмотрел наверх. Склон уходил далеко-далеко ввысь.

— Не смогу, парень, — сказал он Коджаку и полез. С помощью обеих рук и левого колена он полз вверх, дюйм за дюймом. Он поднялся на двенадцать футов, а потом спустился на шесть, не успев схватиться за кварцевый выступ и остановить скольжение.

— Нет, ни за что не смогу, — сказал он, тяжело дыша.

Через десять минут отдыха он пополз снова и поднялся еще на десять ярдов. Коджак расхаживал рядом с ним, без сомнения удивляясь, зачем этот идиот лезет наверх, оставляя внизу воду и южный жаркий костер.

«Жарко. Слишком жарко.»

Должно быть, опять возвращается жар, хорошо хоть озноб прошел. Пот тек по его лицу. Волосы нависали на глаза.

«Господи, я сгораю заживо!»

Взгляд его упал на Коджака. Только через минуту он смог сделать выводы из того, что увидел. Коджак тяжело дышал, высунув язык. Это была не лихорадка или, по крайней мере, не только лихорадка, так как Коджаку тоже было жарко.

Он снова пополз, и страх придал ему дополнительную силу. Прошел час, второй. Он боролся за каждый фут, каждый дюйм. К часу дня он был всего лишь в шести футах от верха. Только шесть футов, но склон в этом месте был крутым и очень гладким.

— Застрял, — пробормотал он. — Интересное кино. Что теперь? — Что теперь — стало очевидно очень быстро. Тело его стало медленно соскальзывать вниз.

— КОДЖАК! — закричал он отчаянно, не ожидая никакой помощи. Но неожиданно Коджак оказался рядом. Стью слепо обнял его за шею, не рассчитывая на спасение, а просто хватаясь за то, что подвернулось под руку, как утопающий за соломинку. Коджак не сделал никаких усилий, чтобы его сбросить. Он стал взрывать землю лапами. Камешки полетели Стью в лицо, и он зажмурил глаза.

Коджак тащил его вверх, пыхтя как воздушный компрессор. Стью прикрыл глаза. Голова Коджака была опущена, а его задние ноги работали в бешеном темпе. Они были почти уже на вершине. С отчаянным криком Стью отпустил шею Коджака и схватился за асфальтовый выступ. Выступ немедленно обвалился. Он схватился за другой. Два ногтя сломались, и он закричал. Боль была очень сильной, гальванизирующей. Он рванулся вверх, оттолкнувшись здоровой ногой, и вот, непостижимым образом, он уже лежал на асфальте I-70.

Рядом с ним оказался Коджак. Он скулил и лизал его в лицо.

Стью медленно сел и посмотрел на запад. Он смотрел очень долго, забыв про жар, который по прежнему накатывал на его лицо горячими мощными волнами.

— О, Господи, — произнес он наконец тихим дрожащим голосом. — Посмотри туда, Коджак. Ларри. Глен. Их больше нет. Господи, *ничего* больше нет. Ничего.

На горизонте виднелось грибообразное облако, похожее на сжатый кулак на длинной, пыльной руке. Края его были нечеткими — оно уже начало рассеиваться.

«Радиоактивные осадки. В какую сторону подует ветер?»

Стоит ли об этом думать?

Он вспомнил о своем письме к Фрэн. Обязательно надо дописать о том, что случилось. Если ветер отнесет осадки на восток, у них могут возникнуть проблемы... и кроме того, они должны знать, что если Лас-Вегас и был базой темного человека, то теперь ее больше не существует. Люди вместе со смертельно опасными игрушками, которые только и ждали того, когда их подберут, превратились в пар. Обо всем этом обязательно надо написать.

Но не сейчас. Сейчас он слишком устал. Подъем истощил его силы, а вид рассеивающего гриба истощил их в еще большей степени. Он не чувствовал никакого ликования, только тупую усталость. Он лег на асфальт, и его последняя мысль перед тем, как он заснул, была: «Сколько мегатонн?» Впрочем, вряд ли когда-нибудь кто-то узнает или захочет узнать об этом.

На следующее утро жар был еще сильнее. Гланды распухли до размеров мячиков для гольфа.

«Я умираю... да, это очевидно.»

Он подозвал Коджака и вытащил свое письмо из пластикового окошечка на ошейнике, предназначенного для адреса владельца собаки. Аккуратными печатными буквами он дописал то, что видел вчера, и засунул письмо на прежнее место. Потом он лег и заснул. На обед Коджак принес ему суслика.

— И это все, на что ты годен?

Коджак завилял хвостом и смущенно усмехнулся.

Стью поджарил суслика, поделил его и умудрился съесть свою половину. Вкус был ужасный, и после еды у него случился отвратительный припадок желудочных судорог.

— Я хочу, чтобы ты вернулся в Боулдер, Когда я умру, — сказал он собаке. — Ты вернешься туда и найдешь Фрэн. Найди Фрэнни. Хорошо, жирная псина?

Коджак с сомнением помахал хвостом.

Спустя час желудок Стью вновь стал выворачиваться наизнанку. Он едва успел приподнять на одном локте, чтобы не запачкать свою одежду, когда его доля суслика рванулась наверх.

— Черт, — пробормотал он убитым голосом и задремал.

Он проснулся под утро и приподнялся на локтях. Голова его гудела от сильного жара. Он увидел, что костер погас. Но это не имело значения. Он и так сгорал изнутри.

Его разбудил какой-то звук, донесшийся из темноты. Посыпались камешки. Наверное,

просто Коджак поднимался по склону...

Вот только Коджак лежал рядом с ним и спал.

Как только Стью взглянул на него, пес проснулся. Морда его дернулась вверх, и через секунду он был уже на ногах и рычал в сторону оврага.

Шум осыпающихся камней. Кто-то — *что—то* — приближается к нему.

Стью сел. «Это он, — промелькнуло у него в голове. — Он был там, но каким-то образом он спасся. А теперь он здесь, и он собирается покончить со мной, прежде чем это сумеет сделать грипп.»

Рычание Коджака стало громче. Звук осыпающихся камней стал ближе. Стью услышал чье-то тяжелое дыхание. Потом наступила пауза, во время которой Стью успел вытереть пот со лба. А потом из оврага поднялся черный сгорбленный силуэт.

Коджак рванулся вперед.

— Эй, — произнес удивленный, но знакомый голос. — Эй, это Коджак? Да?

Рычание немедленно прекратилось. Коджак радостно бросился вперед, виляя хвостом.

— Нет! — закричал Стью. — Это обман! КОДЖАК!..

Но Коджак уже скакал вокруг фигуры, которая наконец-то вылезла на шоссе. И силуэт ее... что-то в ее силуэте было очень знакомым. Стью облизал губы и приготовился к сопротивлению.

— Кто это? — закричал он. — Кто там идет?

Темный силуэт остановился, а потом заговорил.

— Ну, это Том Каллен, вот это кто, ей-Богу, да. А кто *вы*?

— Стью, — ответил он, и ему показалось, что его собственный голос доносится откуда-то издали. — Хелло, Том, я рад встретить тебя.

Потом он потерял сознание.

Он очнулся около десяти часов утра второго октября.

Том развел большой костер и завернул Стью в одеяла и свой спальный мешок. Сам Том сидел у костра и жарил зайца. Коджак с довольным видом лежал на земле между ними.

— Том, — позвал Стью.

Том подошел к нему, Стью увидел, что у него отросла борода. Он очень мало напоминал человека, который покинул Боулдер пять недель назад. Его голубые глаза весело сверкали.

— Стью Редман! Ты проснулся, ей-Богу, да! Я рад. Господи, как приятно видеть тебя. Что ты сделал со своей ногой? Наверное, ушиб. Я тоже как-то ушиб себе ногу. Прыгнул со стога сена и сломал. Как ты думаешь, высек меня мой папаша? Ей-Богу, да!

— Моя тоже сломана. Да еще как. Том мне ужасно хочется пить...

— Ааа, так тут есть вода. На любой вкус! Вот здесь.

Он передал Стью пластиковую бутылку, в которой когда-то было молоко. Вода была чистой и очень вкусной. Стью жадно выпил ее, и его тут же вырвало.

— Медленно, но верно, — сказал Том. — Вот правило! Парень, как я рад видеть тебя. Ушиб ногу, правда?

— Да, я сломал ее. Неделю назад, а, может, и раньше. — Он выпил еще воды, и на этот раз она задержалась у него в желудке. — Но есть еще трудности, кроме ноги. Я сильно болен. Том. Слушай меня внимательно.

— О'кей! Том слушает. Ты только скажи мне, что делать. — Том склонился к нему, и Стью подумал: «Черт возьми, похоже, он поумнел. Неужели это было возможно?» Где был Том? Известно ли ему что-нибудь о Джадже? О Дайне? О стольких вещах надо поговорить, но сейчас нет времени. Ему становится все хуже и хуже. И этот хриплый звук в груди. Очень

похоже на супергрипп. Как это забавно!

— Мне надо сбить жар, — сказал он Тому. — Это самое главное. Мне нужен аспирин. Знаешь, что такое аспирин?

— Конечно.

— Ты пойдешь по дороге. Заглядывай в бардачок каждой машины, которая тебе попадается по пути. Попытайся найти аптечку — скорее всего, это будет коробка с красным крестом. Когда найдешь аспирин, возвращайся сюда. И если найдешь в какой-нибудь машине палатку, захвати ее с собой. О'кей?

— Ясное дело. — Том встал. — Аспирин и палатка. Тогда ты поправишься, так?

— Ну, для начала этого хватит.

— Скажи, — спросил Том, — а как Ник? Он мне снился. В снах он говорил мне, куда идти, потому что в снах он умеет разговаривать. Забавная штука — сны, правда? Но когда я пытаюсь заговорить с ним, он всегда уходит. С ним все в порядке? — Том обеспокоенно посмотрел на Стью.

— Не сейчас, — сказал Стью. — ...сейчас не могу говорить. Просто принеси мне аспирин. О'кей? А потом мы поговорим.

— О'кей... — Но на лицо Тома опустилось серое облако страха. — Коджак, пойдешь с Томом?

Коджак пошел. Они ушли вдвоем, направляясь на восток. Стью лег и закрыл глаза руками.

Когда Стью снова очнулся, были уже сумерки. Том тряс его за плечо.

— Стью, проснись!

Стью был напуган тем, что время ускользает в какие-то черные дыры, словно шестеренки на часовом механизме его индивидуальной реальности вконец стерлись.

— Что ты нашел, Том?

Том протянул ему аптечку. Внутри был большой пузырек с аспирином. Стью был изумлен тем, что ему оказалось не под силу отвернуть крышечку. Ему пришлось передать пузырек Тому, и тот в конце концов сумел с ним справиться. Стью выпил три таблетки.

— А еще я нашел вот это, — сказал Том. — Он был в машине, доверху набитой разным походным снаряжением, но палатки там не оказалось. — Он протянул Стью огромный пуховой двойной спальный мешок.

— Прекрасно. Это заменит нам палатку. Ты молодец, Том.

— А еще вот это. Это было в той машине. — Том полез в карман куртки и достал оттуда полдюжины пакетов из фольги. Стью не верил своим глазам. Сухие концентраты. Яйца, горох, напитки, сухая говядина. — Это еда, правда, Стью? На них ведь нарисована еда, ей-Богу, да.

— Это действительно еда, — благодарно произнес Стью. — И, наверное, это почти единственное, что я сейчас могу есть. Можем мы вскипятить немного воды? Только у нас нет ни кастрюли, ни чайника.

— Я что-нибудь найду.

— Прекрасно.

— Стью...

Стью посмотрел на это обеспокоенное, несчастное лицо и медленно покачал головой.

— Погиб, Том, — сказал он мягко. — Ник погиб. Почти месяц назад. Мне очень жаль.

Том опустил голову, и в свете только что разведенного костра Стью увидел, как капают его слезы. Наконец он снова поднял взгляд на Стью, и глаза его стали как никогда яркими.

— Я знал это, — сказал он хрипло. — Я не хотел себе признаваться в том, что я знаю, но я

знал. Ей-Богу, да. Он все время отворачивался и уходил. Он был моим лучшим другом. Стью, ты знаешь об этом?

Стью взял Тома за руку.

— Знаю, Том.

— Да, это так. Мне ужасно будет его не доставать. Но я увижу его на небесах. Том Каллен увидит его там. И он сможет говорить, а я смогу думать. Так?

— Я не удивлюсь этому. Том.

— Плохой человек убил Ника, я знаю об этом. Но Бог остановил плохого человека, и я это видел. Рука Бога спустилась с небес. Он остановил его за то, что он сделал с Ником и с бедным Джаджем.

— Что ты знаешь о Джадже, Том?

— Мертв! Его пристрелили в Орегоне!

Стью устало кивнул.

— А Дайна? Ты знаешь что-нибудь о ней?

— Том видел ее, но он не знает. Я подметал улицы. И однажды, когда я возвращался со своей работы, я увидел, как она меняла лампочку в фонаре. Она посмотрела на меня и... — Он на мгновение замолчал, а потом снова заговорил, но уже не со Стью, а с самим собой. — Видела ли она Тома? Узнала ли она Тома? Том этого не знает. Том... *думает...* что она узнала его. Но больше Том ее ни разу не видел.

Том отправился на промысел, а Стью задремал. Вернулся Том с большой консервной банкой и с огромной сковородкой, на которой можно было бы поджарить даже рождественскую индейку. Стью улыбнулся, несмотря на вспухшие у него на губах болезненные волдыри.

Через полчаса ужин был готов. Стью ел осторожно, в основном, овощи. Вскоре после еды они с Томом легли спать, а Коджак разместился между ними.

— Послушай меня, Том.

Том присел на корточки рядом со Стью. Было это на следующее утро. Стью смог съесть очень немного. Горло его воспалилось и очень болело. Кашель усилился, и аспирин не справлялся с усилившимся жаром.

— Мне надо оказаться под крышей и принять лекарство. Это должно произойти уже сегодня, или я умру. Ближайший город — Грин Ривер — находится отсюда в шестидесяти милях на восток. Нам придется ехать на машине.

— Том Каллен не умеет водить машину, Стью. Ей-Богу, нет!

— Да, я знаю. Это будет для меня серьезным испытанием. Но пока мы забудем об этом, потому что главная проблема — это ее завести. Большинство из них стояли на одном месте уже месяца три, если не больше. Аккумуляторы все сели. Так что для начала нам надо найти машину на вершине холма. Возможно, нам повезет. Здесь довольно холмистая местность.

Он поднял глаза на затянутое облаками небо.

— Самая трудная часть задачи ложится на тебя. Том. Ты должен стать моими ногами.

— Хорошо, Стью. Когда мы найдем машину, мы поедem в Боулдер? Том хочет обратно в Боулдер, а ты?

— Больше всего на свете. Том. — Он посмотрел в сторону Скалистых гор, тусклой тенью вытянувшихся на горизонте. Выпал ли снег на перевалах? Почти наверняка. А если еще и не выпал, то скоро выпадет. — Но это займет у нас довольно много времени.

Стью протянул Тому карманный нож.

— Тебе надо будет проделать дырки в дне этого спального мешка, по дырке с каждой

стороны.

Через час работа была закончена, и Стью сидел за спиной у Тома в самодельном рюкзаке.

— Тяжело?

— Не очень. Я смогу протащить тебя далеко-далеко.

Они отправились в путь. Овраг, в котором Стью сломал свою ногу и намеривался умереть, остался за спиной. Несмотря на слабость, Стью чувствовал безумное возбуждение. Во всяком случае, не здесь. Он умрет где-нибудь, и, возможно, очень скоро, но не в этой грязной канаве. Мерные покачивания спального мешка усыпили его. Коджак бежал рядом с ними.

Чтобы усесться за руль старого «Плимута» 1970 года выпуска, Стью понадобилось минут пять. Коджак устроился на заднем сиденье.

Стью повернул ключ. Старый «Плимут» потарахтел секунд двадцать, а потом заглох. Стью посигналил, и звук оказался очень слабым. У Тома был убитый вид.

— Мы еще ей покажем, — сказал Стью. Он радовался, что аккумулятор разрядился не до конца. Он нажал сцепление и переключился на вторую передачу. — Открой дверь и подтолкни нас. А потом заскакивай обратно в машину.

— Но ведь машина направлена в другую сторону, — с сомнением спросил Том.

— Пока да. Но если мы сумеем завести эту грудю старого дерьма, то развернуться проблем не будет.

Том вылез из машины и стал толкать «Плимут», упершись в дверную стойку. Когда стрелка спидометра указала на пять миль, Стью сказал:

— Заскакивай назад. Том.

Том вскочил в машину и захлопнул дверь. Стью повернул ключ и стал ждать. «Плимут» разогнался, съезжая по склону холма. Стрелка спидометра подползла к цифре 10, 15, потом 20. Они бесшумно катились вниз. 25 миль в час.

— Двигатель не работает, — обеспокоенно сказал Том.

30 миль. Достаточно.

— Да поможет нам Бог, — сказал Стью и отпустил сцепление. «Плимут» дернулся. Двигатель закашлял и заглох. Стью застонал.

— Так твою *мать!* — закричал он и снова нажал сцепление. — Нажми на педаль газа, Том! Рукой!

— На которую? — с сомнением спросил Том.

— На длинную!

Том опустил на пол и дважды нажал на газ. Машина снова набирала скорость, и Стью с трудом заставил себя повременить. Они проехали уже больше половины склона.

— ДАВАЙ! — закричал он и снова отпустил педаль сцепления.

Двигатель заработал. Коджак залаял. Из ржавой выхлопной трубы за клубился черный дым, который вскоре стал синим. Стью переключился на третью передачу.

— Мы едем, Том! — завопил он.

Том испустил крик ликования. Коджак залаял и завилял хвостом. В своей предыдущей жизни, когда он был еще Биг Стивом, Коджак часто ездил со своим хозяином на машине. Приятно было снова ехать на машине, с новыми хозяевами.

До Грин Ривера они добрались уже в сумерках. Стью запарковал машину напротив унылого трехэтажного здания с вывеской «Отель Юта».

Устал. Чувствовал ли он когда-нибудь себя таким усталым?

— Ну вот. Приехали, — пробормотал он. — Здесь мы остановимся на ночь. Ты меня отнесешь внутрь?

— Конечно. И как тебе удалось завести это старье?

— Я бы выпил пива, — сказал Стью. — А у тебя нет сигарет? Умираю — хочу курить.

Том вылез из машины и отнес Стью в отель. В вестибюле было темно и сыро, но Том обнаружил камин с запасом дров и развел в нем огонь. Стью сидел на обшарпанном диване под головой лося. Дыхание его было медленным и хриплым. Время от времени он бормотал себе под нос что-то невразумительное.

В два часа утра Коджак поднял голову и нервно заскулил. Том Каллен поднялся со своего дивана. Глаза его были широко раскрыты и ничего не выражали. Он подошел к двери и вышел на улицу.

Снаружи завыл ветер.

Том вернулся в четыре часа утра. Коджак приветственно залаял, и Стью открыл глаза. Том встал на колени рядом с ним.

— Стью?

— Том? Тяжело дышать.

— Я принес лекарства, Стью. Ник показал мне. Ты примешь лекарства и убьешь инфекцию. Ты должен сделать это прямо сейчас. — Ник достал из сумки четыре пузырька с таблетками и большую бутылку сока.

Стью внимательно посмотрел на лекарства.

— Том, где ты это взял?

— В аптеке. Мне дал их Ник.

— Да нет, серьезно...

— Серьезно! Серьезно! Сначала надо принять пенициллин и посмотреть, подействует ли он. Который из них пенициллин?

— Вот этот... но, Том...

— Нет. Ты должен. Так велел Ник. И тебе надо ходить.

— Я не могу ходить. У меня сломана нога. И я болен. — В голосе Стью появилось обиженные, капризные нотки.

— Ты должен. Или я буду тебя таскать.

Стью потерял контакт с реальностью. Том вложил ему в рот пенициллиновую капсулу, и Стью рефлекторно проглотил ее, запив соком. Он закашлялся, и Том похлопал его по спине. Потом он поднял Стью на его здоровую ногу и стал таскать его по вестибюлю. Коджак обеспокоенно следовал за ними.

— Прошу Тебя, Господи, — сказал Том. — Прошу Тебя, Господи, прошу тебя. Господи.

Никогда еще Боулдер не казался ему таким далеким, как в то унылое утро.

Борьба Стью с пневмонией продолжалась две недели.

Через два дня от пенициллина на коже выступила отвратительная красная сыпь, и Том стал давать ему ампициллин. Это дало лучший эффект, и утром седьмого октября Том проснулся и увидел, что Стью спит глубоко, а температура спала. Ночью жар возобновился. В течение следующих двух дней Стью непрерывно спал. Тому с трудом удавалось разбудить его, чтобы скормить ему таблетки и несколько кусочков сахара из гостиничного ресторана.

Одиннадцатого октября начался повторный приступ. Но на этот раз температура не была уже такой высокой, а хрипы стали тише.

Очнувшись тридцатого октября после недолгой дремоты в одном из кресел вестибюля. Том увидел, что Стью сидит на диване и оглядывается по сторонам.

— Том, — прошептал он. — Я жив.

— Да, — радостно воскликнул Том. — Ей-Богу, да!

— Я голоден. Не мог бы ты приготовить какой-нибудь суп, Том? С лапшой, например?

К восемнадцатому числу силы отчасти вернулись к Стью. Он уже мог в течение пяти минут ходить по вестибюлю отеля на костылях, которые Том принес ему из аптеки. Его постоянно терзал сводящий с ума зуд в срастающейся ноге. Двадцатого октября он впервые вышел на улицу, одевшись в теплое белье и закутавшись в огромную овечью шубу.

День был теплым и солнечным, но в воздухе чувствовалось приближение зимы.

— Даже не знаю, что делать. Том, — сказал Стью. — Мы сможем добраться до Грейт

Джанкшена, а дальше я просто не знаю. В горах будет много снега. А ходить я пока не могу.

— Когда ты снова сможешь ходить, Стью?

— Не знаю. Том. Поживем — увидим.

Двадцать восьмого октября Грин Ривер был занесен пятидюймовым слоем снега.

— Если скоро не выехать, — сказал Стью Тому, когда они смотрели в окно на снег, — то всю зиму придется провести здесь.

На следующий день они подъехали на своем «Плимуте» к заправочной станции на окраине города. Часто прерываясь для отдыха, они заменили облысевшие задние шины на новую шипованную резину. Стью поразмыслил о том, не стоит ли найти машину с двумя ведущими мостами, но потом принял иррациональное решение не искушать судьбу. Том погрузил в багажник четыре пятидесятифунтовых мешка с песком. Они выехали из Грин Ривера в день Хеллоуина и направились на восток.

Они приехали в Грейт Джанкшен в полдень второго ноября. Все утро небо было свинцово-серым, и когда они выехали на главную улицу города, первые снежные хлопья начали падать на капот «Плимута». Полдюжины раз по пути они попадали в короткие снегопады, но на этот раз небеса обещали нечто большее.

— Возможно, нам придется задержаться здесь ненадолго, — сказал Стью.

Том указал пальцем.

— Вон там! Мотель со звездой!

Мотель со звездой оказался «Праздничной гостиницей Великого Перевала».

— О'кей, — сказал Стью. — «Праздничная гостиница» нам подходит.

Он подъехал к зданию и выключил мотор «Плимута». Насколько им обоим было известно, он не заводился больше никогда. Снежные хлопья превратились в бесшумно опускающийся белый занавес. Снег шел всю ночь. Когда Стью и Том проснулись на следующее утро, они обнаружили, что Коджак сидит перед двойными дверьми парадного входа, уставившись в неподвижный мир белизны.

— Господи Иисусе Христе, — прошептал Том. — Весь путь завален снегом, так ведь, Стью?

Стью кивнул.

— Как же мы доберемся до Боулдера?

— Будем ждать весны, — сказал Стью.

— Так долго? — Том выглядел очень опечаленным, и Стью положил руку ему на плечо.

— Время пролетит быстро, — сказал он наконец.

Снова этот сон. Сон о Фрэнни. Кошмар.

Он всегда один и тот же. Фрэнни страдает от боли, лицо ее купается в поту. Ричардсон стоит между ее ног, а Лори Констебл помогает ему. Ноги Фрэнн вздернуты кверху на металлических подставках...

«Тужься, Фрэнни. Тужься. Все идет хорошо.»

Но, глядя на темные глаза Джорджа над марлевой повязкой, Стью понял, что все идет далеко не так хорошо, как он говорит. Что-то было не так. Лори вытерла губкой ее залитое потом лицо и откинула волосы со лба.

«Неправильное положение плода.»

Кто произнес эти слова? Голос был низким, протяжным, словно пластинку на сорок пять оборотов решили проиграть на 33.

«Неправильное положение плода.»

Голос Джорджа: «Позови Дика. Скажи ему, что, возможно, придется...»

Голос Лори: «Доктор, она потеряла много крови...»

Стью закурил. Вкус у сигареты был ужасный, но после такого сна сойдет любая. «Обычный кошмар, вот и все. Ты вбил себе в голову свойственную всем самцам истерическую идею, что если тебя там не будет, то может случиться беда. Брось, Стюарт, с ней все будет в порядке. Далеко не все сны сбываются.»

Но слишком много снов сбылось за последние полгода.

Он потушил недокуренную сигарету и уставился на огонь керосиновой лампы. Было двадцать девятое ноября. Они жили в гостинице уже четыре недели. Время проходило медленно, но они развлекались тем, что бродили по городу в поисках разных забавных безделушек.

На складе, расположенном на Грэнд авеню, Стью нашел генератор электроэнергии фирмы «Хонда». Вместе с Томом они на санках дотащили его до ратуши.

— Что мы будем делать с этой штукой? — спросил Том. — Подключим к мотелю электричество?

— Она для этого слишком мала, — ответил Стью.

— Тогда что же? Для чего она? — Том чуть ли не прыгал от нетерпения.

— Увидишь, — сказал Стью.

Они поставили генератор в комнатку для электрооборудования, соединенную с конференц-залом, и Том начисто забыл о нем, на что Стью и рассчитывал. На следующий день Стью один отправился на аэросанях в местный магазин фото— и кинотоваров и отыскал там тридцатипятимиллиметровый кинопроектор.

Нога его действовала уже неплохо, но все-таки ему потребовалось почти три часа, чтобы установить проектор в центре конференц-зала. Когда Том вернулся в гостиницу около пяти с раскрасневшимися щеками, сюрприз был уже готов.

Стью привез все шесть фильмов, которые нашлись в местном кинотеатре. После ужина Стью небрежно сказал:

— Пошли-ка сходим со мной в конференц-зал, Том.

— Для чего?

— Увидишь.

Ратуша была расположена напротив гостиницы. У входа Стью вручил Тому пакетик с попкорном.

— Зачем это? — спросил Том.

— Нельзя же смотреть кино без попкорна, — усмехнулся Стью.

— КИНО?

— Ну да.

Том рванулся в конференц-зал. Увидел посередине большой заряженный проектор. Увидел спущенный экран. Увидел два раскладных стула, установленных посреди пустынного помещения.

— Ну и ну, — прошептал он, и появившееся на его лице выражение откровенного изумления и было тем, о чем мечтал Стью.

Через пять минут они уже сидели бок о бок и следили за тем, как Сильвестр Сталлоне убивает несколько сотен дельцов наркобизнеса в «Рэмбо IV».

Вспоминая об этом позднее, Стью улыбался. Непонимающий мог бы обозвать его идиотом. И действительно, он мог бы подключить видео к гораздо более слабому генератору и просмотреть с Томом несколько сотен фильмов, даже не выходя из гостиницы.

Но, с его точки зрения, фильмы по видео — это было совсем не то. Но даже и не в этом дело. Дело было в том, что им надо было каким-то образом убить очень много времени... и бывали дни, когда оно оказывалось очень живучим.

В дополнение к фильмам, Стью собрал свыше двадцати моделей, в том числе и «Роллс-Ройс» из двухсот сорока деталей, который до эпидемии супергриппа продавался по цене шестьдесят пять долларов. Том соорудил странный, но в чем-то неотразимый ландшафт из папье-маше и гипса, раскрашенных пищевыми красителями. Он занял почти весь пол в комнате для торжественных приемов. Том назвал его Лунной Базой Альфа. Да, они развлекали себя, как могли, но...

«Не сходи с ума.»

Он разрабатывал свою ногу. Она была в гораздо лучшем состоянии, чем он рассчитывал, отчасти благодаря тренажерам в спортивном зале гостиницы. Нога все еще немного болела и плохо сгибалась, но он уже мог ковылять без костылей.

Он был абсолютно уверен, что сможет научить Тома управляться с аэросанями, которые стояли здесь почти в каждом гараже. Проезжать по двадцать миль в день, взять палатки, большие спальные мешки, побольше сухих концентратов...

«Да, а когда на перевале на вас двинется лавина, то вы можете помахать пакетиком сухой моркови и велеть ей, чтобы она ушла. Не сходи с ума.»

И все же...

За завтраком он спросил:

— Том, ты очень сильно хочешь вернуться в Боулдер?

— И увидеть Фрэн? Дика? Сэнди? Ей-Богу, я хочу вернуться в Боулдер больше всего на свете, Стью. Ты не думаешь, что они могли отдать кому-нибудь мой маленький домик, а?

— Уверен, что нет. Я просто хочу спросить тебя, не хочешь ли ты попытаться счастливый случай?

Том удивленно посмотрел на него. Стью уже собрался было объяснить ему, что он задумал, когда Том сказал:

— Ей-Богу, но ведь вся жизнь — это счастливый случай, так ведь?

Так все и решилось. Они выехали из Грейт Джанкшен в последний день ноября.

Тому не пришлось обучаться основам вождения аэросаней. В гараже Дорожного Департамента Колорадо, меньше, чем в миле от гостиницы, Стью отыскал настоящего монстра. У монстра был двигатель повышенной мощности, обтекатель на случай сильного ветра и, самое важное, большой открытый грузовой отсек, вполне способный вместить в себя приличного размера собаку. В местных магазинах они без труда нашли себе все необходимое для путешествия, включая даже две пары беговых лыж, хотя при мысли о том, что Тома, возможно, придется обучать основам лыжного спорта, кровь у Стью стыла в жилах.

К двум часам первого дня путешествия Стью убедился, что его страхи перед тем, что они могут застрять где-нибудь и умереть от голода, полностью безосновательны. Леса просто кишели крупной дичью. Ничего подобного за всю жизнь видеть ему не приходилось. Позже в тот же день он застрелил оленя.

Наевшись до отвала, Стью зажарил еще около тридцати фунтов восхитительного мягкого мяса и убрал его в аэросани. В первый день они проехали только шестнадцать миль.

В ту ночь сон изменился. Он снова был в родовой комнате. Все вокруг было залито

кровью. Простыня, которой была укрыта Фрэнни, промокла насквозь. Она пронзительно кричала.

«Он выходит, — выдохнул Джордж. — Время его наконец пришло, Фрэнни, и он ждет, так что тужься! ТУЖЬСЯ!»

И он появился, он появился в финальном потоке крови. Джордж вынул ребенка, держа его за бедра, так как он родился ножками вперед.

Лори стала кричать.

Это был волк с яростно усмехающимся человеческим лицом, его лицом, это Флегг, его время снова пришло, он не был мертв, он пока не умер, он продолжал расхаживать по миру, Фрэнни родила Рэнделла Флегга...

Стью проснулся, задыхаясь от волнения. Кричал ли он во сне?

Том крепко спал, так глубоко забравшись в спальный мешок, что Стью был виден только его чуб. Коджак свернулся рядом со Стью. Все было в порядке, это был только сон...

А потом в ночи раздался вой — растущий, протяжный звук серебряных колоколов ужаса и отчаянья... вой волка или, возможно, крик беспокойного духа убийцы.

Коджак поднял голову.

Руки, бедра, пах Стью покрылись гусиной кожей.

Вой не повторился.

Стью заснул. Утром они снова отправились в путь. Перед отъездом Том обратил внимание Стью на то, что все внутренности оленя куда-то исчезли.

За три дня до Нового Года хорошая погода кончилась, и они остановились в городке Киттередж. Они уже были так близко от Боулдера, что отсрочка стала для них горьким разочарованием. Даже Коджак был не в своей тарелке.

— Мы сможем скоро снова отправиться в путь? — с надеждой спросил Том.

— Не знаю, — ответил Стью. — Надеюсь, что сможем. Если б только выпало денька два хорошей погоды, мы бы успели добраться. Черт возьми!

Но это оказался самый сильный снегопад за всю зиму. Снег шел пять дней, и местами сугробы достигали высоты двенадцати и даже четырнадцати футов.

Когда снегопад закончился, они снова отправились в путь, но двигаться приходилось медленнее, чем когда-либо. Находить дорогу стало все труднее. Аэросани постоянно застревали, и им приходилось постоянно откапывать их. Во второй день 1991 года в отдалении вновь послышался грохот лавин.

Четвертого января они достигли места, где шоссе *№6* раздваивалось и уходило на *Голден*.

— О'кей, — сказал Стью, когда они остановились у поворота. — Во всяком случае, дорогу нам потерять уже не грозит. Она пробита сквозь скалы. Повезло же нам, однако, что мы не пропустили сворот.

И действительно, оставаться на дороге было очень просто, но про езду сквозь туннели этого сказать было нельзя. Чтобы найти вход в туннель, им иногда приходилось расчищать снежные завалы. Внутри же снега не было, и аэросани зловеще скрежетали по голому асфальту. Стью очень боялся, что однажды они наткнутся на туннель, который будет забит машинами настолько, что им просто не удастся проехать. Если это случится, им придется вернуться обратно на шоссе. Они потеряют по меньшей мере неделю. А бросить аэросани и пойти пешком — это не выход, а медленный способ самоубийства.

Боулдер был так близко.

Седьмого января, примерно часа через два после того, как они прокопали путь сквозь очередной туннель. Том приподнялся на сиденье и указал пальцем.

— Что это там такое, Стью?

Стью очень устал и был раздражен. Сны больше не приходили к нему, но, как ни странно, это еще больше пугало, чем сами сны.

— Не вставай, когда мы едем, Том! Сколько раз тебе об этом говорить? Ты опрокинешься назад, воткнешься в снег головой и...

— Да, но что это все-таки такое? Похоже на мост. Разве по дороге у нас должна быть река?

Стью посмотрел, увидел, заглушил двигатель и остановил аэросани.

— Что это такое? — обеспокоенно спросил Том.

— Эстакада, — пробормотал Стью. — Я... я просто не верю своим глазам...

— Эстакада? Эстакада?

Стью обернулся и сгреб Тома за плечи. — Это голденовская эстакада. Том! Там начинается шоссе N119! Дорога на Боулдер! До города осталось только двадцать миль! Может быть, даже меньше!

Том наконец-то понял. Рот его широко раскрылся, и, увидев появившееся на его лице комическое выражение, Стью засмеялся и похлопал его по спине.

— Мы уже почти дома, Стью?

— ДА, ДА, ДААААААА!

Потом они заключили друг друга в объятия и стали топтаться на месте в неуклюжем танце. В конце концов они упали, вздымая вверх облака снежной пыли. Коджак удивленно посмотрел на них... но спустя несколько секунд он уже принялся скакать, лаять и вилять хвостом.

В ту ночь они разбили лагерь в Голдене. На следующий день рано утром они выехали по шоссе N119 в сторону Боулдера. Предыдущую ночь оба почти не сомкнули глаз. Никогда еще за всю свою жизнь Стью не ощущал такого нетерпения... смешанного с ноющим беспокойством о Фрэнни и ее ребенке.

Около часа дня двигатель аэросаней стал глохнуть. Стью остановил аэросани и достал из грузового отсека канистру. Она оказалась пустой.

— О, Господи, — сказал он, почувствовав ее смертельную легкость.

— В чем дело, Стью?

— Дело во мне! Я знал, что эта трахнутая канистра пуста и забыл наполнить ее. Слишком волновался, наверное. Ну скажи, разве я не идиот?

— У нас кончился бензин?

Стью отшвырнул в сторону пустую канистру.

— Ей-Богу, да. Как я мог оказаться таким идиотом?

— Наверное, думал о Фрэнни? Что нам теперь делать, Стью?

— Попробуем идти пешком. Возьмем спальные мешки и консервы. Прости меня, Том. Я виноват.

— Все в порядке, не переживай.

В тот день они до Боулдера не добрались. Им пришлось заночевать прямо на дороге, и у них даже не было сил раскопать снег, чтобы найти топливо для костра.

Тревожная мысль посетила его, когда он вползал в свой спальный мешок. Они придут в Боулдер, и там никого не будет. Пустые дома, пустые магазины, дома с крышами, провалившимися под тяжестью снега. Все исчезли, как персонажи твоего сна, после того как ты проснулся. Потому что в мире никого больше не осталось, кроме Стюарта Редмана и Тома Каллена.

К двум часам следующего дня они проползли еще несколько миль. Стью начал уже думать, что и следующий день им придется провести в пути. Именно он замедлял продвижение вперед. Боль в ноге становилась сильнее с каждым шагом.

Через час после холодного консервированного ленча он, погруженный в мысли о Фрэнни, врезался в остановившегося Тома.

— В чем дело? — спросил он, потирая больную ногу.

— Дорога, — сказал Том, и Стью торопливо огляделся вокруг.

После долгой паузы Стью сказал:

— Если б не ты, я бы грохнулся вниз.

Они стояли на снежном обрыве футов в пять высотой. Он круто уходил вниз, туда, где виднелся голый асфальт дороги. Справа стоял указатель с простой надписью ГОРОД БОУЛДЕР.

Стью стал смеяться. Он сидел на снегу и оглушительно хохотал, не замечая озадаченного взгляда Тома. Наконец он произнес:

— Они расчистили дороги. Видишь? Мы дошли, Том! Мы дошли! Коджак! Иди сюда!

— Мы снова в Боулдере, — тихо пробормотал Том. — Мы пришли домой, ей-Богу, да.

Стью похлопал его по плечу.

— Пошли, Томми.

Около четырех снова пошел снег. К шести уже стемнело, и черный гудрон дороги стал призрачно белым. Стью очень сильно хромал. Том раз спросил его, не надо ли ему отдохнуть, но Стью только помотал головой.

К восьми часам вечера снег стал падать густой, непрерывной пеленой. Несколько раз они сбивались с дороги и увязали в придорожных сугробах.

Через двадцать минут в темноте раздался молодой нервный голос, от которого они застыли на месте.

— К-кто там идет?

Коджак зарычал, и шерсть у него на загривке встала дыбом. Том ахнул. В темноте, поверх непрерывного воя ветра, раздался звук, от которого кровь у Стью застыла в жилах: это был звук передернутого затвора.

«Часовые. Они поставили часовых. Забавно было бы проделать такой путь, а потом получить пулю в лоб в двух шагах от городского универмага. Действительно забавно. Даже Рэнделл Флегг смог бы это оценить.»

— Стью Редман! — закричал он в темноту. — Здесь Стью Редман! — Он сглотнул слюну. — Кто вы?

«Глупо. Ты наверняка его не знаешь...»

Но донесшийся до него голос действительно показался ему знакомым.

— Стью? Стью Редман?

— Со мной Том Каллен... ради Бога, не стреляйте в нас!

— Это шутка?

— Никакая не шутка! Том, скажи что-нибудь.

— Привет, — послушно произнес Том.

Наступила долгая пауза. Потом часовой сказал:

— У Стью на старой квартире висел плакат. Что это был за плакат?

Стью стал неистово рыться в своей памяти.

— Фредерик Ремингтон! — закричал он изо всех сил. — Там еще была надпись «Тропа

войны».

— Стью! — радостно закричал часовой. Из снежной пелены вышел им навстречу черный силуэт. — Я просто не верю своим глазам...

Когда он подошел к ним, Стью увидел, что это был Билли Геринджер.

— Стью! Том! И Коджак тут! А где Глен Бэйтмен и Ларри? Где Ральф?

Стью медленно покачал головой.

— Не знаю. Нам скорей надо в тепло, Билли. Мы замерзаем.

— Конечно, идите в универмаг — он справа по дороге. Я позову Норма Келлогга... Гарри Данбертона... Дика Эллиса... черт, да я разбужу весь город! Это же просто чудо! Я не верю своим глазам!

— Билли...

Билли обернулся, и Стью подошел к нему ковыляющей походкой.

— Билли, у Фрэн должен был быть ребенок...

Билли замер. После паузы он прошептал:

— Черт, я совсем забыл.

— Он родился?

— Джордж. Джордж Ричардсон все расскажет тебе. Или Дэн Лэтроп. Он наш новый доктор, мы заполучили его недели через четыре после того, как вы ушли. Он раньше был ухогорло-носом, но он здорово справляется...

Стью резко встряхнул Билли, прерывая его сумбурную болтовню.

— Что случилось? — спросил Том. — Что-то не так с Фрэнни?

— Скажи мне. Билли, — попросил Стью. — Пожалуйста.

— С Фрэн все в порядке, — сказал Билли. — Скоро она поправится.

— Ты только слышал об этом?

— Нет, я сам видел ее. Мы с Тони Донахью пришли к ней с цветами из оранжереи. Оранжерея — это его детище. Он там выращивает все, что угодно, не только цветы. Она в больнице только из-за того, что у нее были... как это там называется... римские роды?

— Кесарево сечение?

— Ага, точно, потому что ребенок был неправильно расположен. Мы навестили ее через три дня после родов, это было два дня назад. Мы принесли ей розы. Нам хотелось ее как-то подбодрить, потому что...

— Ребенок умер? — глухо спросил Стью.

— Он не умер, — сказал Билли и добавил с огромной неохотой: — Пока.

Стью неожиданно ощутил себя где-то далеко, в свистящей пустоте. Он услышал хохот... и волчий вой...

— У него грипп, — быстро произнес Билли. — Капитан Шустрик. Нам всем конец — так люди говорят. Фрэнни родила его четвертого. Мальчик, шесть фунтов девять унций, и сначала с ним было все в порядке. По-моему, абсолютно все в Зоне перепились, а потом, шестого числа, он... он подцепил эту дрянь. Вот так, парень, — сказал Билли, и голос его сорвался. — Он подцепил эту дрянь, черт возьми, мне так жаль, Стью...

Стью вытянул руку, нащупав плечо Билли и оперся на него.

— Сначала все говорили, что ему станет лучше, что, может быть, это обычный грипп... или бронхит... или воспаление легких... но доктора, они сказали, что у новорожденных почти никогда не бывает таких болезней. Что-то вроде естественного иммунитета. И Джордж, и Дэн... оба они вдоволь насмотрелись на супергрипп в прошлом году...

— Так что едва ли они могли ошибиться, — закончил Стью вместо него.

— Да, — сказал Билли. — Ты правильно понял.

- Что за черт, — пробормотал Стью. Он отвернулся от Билли и заковылял по дороге.
- Стью, куда ты идешь?
- В госпиталь, — ответил Стью. — Навестить мою жену.

Ее мысли парили где-то вдоль границы сна и яви, беспрестанно обращаясь к прошлому. Она думала о гостинной ее матери, где часы отмеряли секунды сухого времени. Она думала о глазах Стью. О том, как она в первый раз увидела своего ребенка, Питера Голдсмита-Редмана. Ей снилось, что Стью рядом с ней, в этой комнате.

— Фрэн?

Все рухнуло. Все надежды оказались фальшивыми, как искусственные звери в Диснейленде, просто горсть шестеренок, обман, ложь, ложная беременность...

— Эй, Фрэнни.

Ей снилось, что Стью вернулся. Он стоял в дверях ее палаты, и на нем была надета огромная эскимосская шуба. Еще один обман. Но она заметила, что во сне у Стью была борода. Ну разве это не забавно?

Когда за его спиной она разглядела Тома Каллена, она впервые задала себе вопрос: а сон ли это? И... не Коджак ли там сидит у ног Стью?

Рука ее неожиданно дернулась к лицу и ущипнула щеку, да так, что слезы выступили у нее из глаз. Ничего не изменилось.

— Стью? — прошептала она. — Господи, это ты, Стью?

Кожа на его лице сильно загорела, за исключением белых кругов вокруг глаз. Может быть, он носил солнцезащитные очки? Но такие подробности редко замечаешь во сне...

Она снова ущипнула себя.

— Это я, — сказал Стью, входя в комнату. — Кончай щипать себя, радость моя. — Он так сильно хромал, что чуть не растянулся на полу. — Фрэнни, я вернулся.

— Стью! — закричала она. — Ты *настоящий*? Если ты настоящий, подойди ко мне!

Он подошел и обнял ее.

Стью сидел на стуле рядом с постелью Фрэн, когда в палату вошли Джордж Ричардсон и Дэн Лэтроп. Фрэн немедленно схватила Стью за руку и сильно сжала ее. Лицевые мускулы ее напряглись, и на мгновение Стью увидел, как она будет выглядеть в старости. На мгновение она напомнила ему Матушку Абагейл.

— Стью, — сказал Джордж. — Я слышал о вашем возвращении. Это просто чудо. Не могу описать тебе, как я рад тебя видеть. Мы все рады.

Джордж пожал ему руку, а потом представил Дэна Лэтропа.

Дэн сказал:

— Мы слышали, что в Лас-Вегасе был взрыв. Вы видели его собственными глазами?

— Да.

— Люди тут думают, что это был взрыв ядерной бомбы. Это правда?

— Да.

Джордж кивнул и повернулся к Фрэн.

— Как вы себя чувствуете?

— Хорошо. Как мой ребенок?

— Собственно говоря, — сказал Лэтроп, — из-за этого мы и пришли.

Фрэн кивнула.

— Умер?

Джордж и Дэн переглянулись.

— Фрэн, — сказал Джордж, — я хочу, чтобы вы слушали нас внимательно и правильно поняли то, что мы вам сейчас скажем.

Тихо, подавляя истерику, Фрэн сказала:

— Если он умер, просто скажите мне и все!

— Фрэн, — сказал Стью.

— Похоже, Питер поправляется, — мягко произнес Дэн Лэтроп.

На мгновение в комнате воцарилось ошеломленное молчание. Фрэн посмотрела на Дэна, словно он нес какую-то несусветную бредовую чушь. Это мгновение Стью запомнил на всю жизнь.

— Что? — прошептала наконец Фрэн.

— Не надо радоваться раньше времени, — сказал Джордж.

— Вы сказали... он поправляется. — На лице Фрэн застыло выражение откровенного изумления. До этого момента она не понимала, насколько она уже успела смириться с его смертью.

— Слушайте меня внимательно, — сказал Джордж. — Капитан Шустрик, по нашим наблюдениям, является вирусом без фиксированного антигена. Так вот, у каждого нового вируса гриппа — обычного гриппа — был новый антиген. Вот почему эпидемии повторялись через каждые два-три года несмотря на прививки. Разразилась эпидемия гонконгского гриппа, и вам делали прививку. Но через два года появлялся новый тип вируса и вы заболевали, если, конечно, вам не успевали сделать новую прививку.

— Но вы выздоравливали, — вмешался Дэн, — потому что в конце концов ваш организм начинал вырабатывать свои антитела и побеждал грипп. Что же касается Капитана Шустрика, то он сам мутировал каждый раз, когда ваш организм занимал оборонительную позицию. В результате неизбежно наступала смерть.

— Почему же тогда мы не умерли? — спросил Стью.

— Мы не знаем, — ответил Джордж. — И вряд ли когда-нибудь знаем.

— Так вот, — продолжил Дэн, — люди, подхватившие Капитана Шустрика, иногда почти поправлялись, но никому не удалось победить болезнь до конца. Ваш ребенок заболел через сорок восемь часов после появления на свет. Никаких сомнений в том, что это Капитан Шустрик, не было — симптомы были классическими. Но темные пятна под нижней челюстью, которую мы с Томом связываем с четвертой и последней стадией болезни, ТАК И НЕ ПОЯВИЛИСЬ. Кроме того, периоды ремиссии становятся все дольше и дольше.

— Я не понимаю, — сказала Фрэн. — Что...

— Каждый раз, когда вирус мутирует, организм Питера начинает вырабатывать новые антитела, — сказал Джордж. — Существует техническая возможность рецидива, но ни разу за все это время он не вступал в четвертую, критическую фазу болезни. Вы передали ребенку по наследству половину своего иммунитета, Фрэн. Он заболел, но у него есть хороший шанс выздороветь.

— А как насчет других женщин, которые забеременели от мужчин, не обладавших иммунитетом? — спросил Стью.

— Мы полагаем, что их детям предстоит та же самая трудная борьба, — сказал Джордж, — и некоторые из них могут умереть. Но очень скоро у всех новорожденных в Свободной Зоне — да и ВО ВСЕМ МИРЕ — иммунитетом будут обладать и отец, и мать. Держу пари, что когда это случится, победа будет за нами.

— Я так хочу, чтобы Питер выжил, — прошептал Фрэн, — просто потому, что он мой, и я люблю его. — Она посмотрела на Стью. — И он — это моя связь со старым миром. Он похож больше на Джесса, чем на меня, и я рада этому. Так и должно быть. Ты понимаешь меня, Стью?

Стью кивнул, и ему в голову пришла странная мысль о том, как ему хотелось бы посидеть с Хэпом, Нормом Брюеттом и Виком Палфри, выпить и пива и посмотреть, как Вик сворачивает одну из своих дерьмовых сигарок.

Его маленькие ручки были сжаты в кулачки. Лицо его было красным. На лоб ему свисал забавный клоч темных волос. Глаза его были голубыми, и казалось, что он смотрел прямо на Стью, словно обвиняя его во всех своих несчастьях.

Лоб его пересекала глубокая вертикальная складка... линия «я-хочу».

Фрэнни снова плакала.

— Фрэнни, что с тобой?

— Все эти пустые кровати, — проговорила она сквозь слезы, обведя взглядом палату для новорожденных. — Он здесь совсем один. Неудивительно, что он плачет, Стью. Эти пустые кровати, о, Господи...

— Недолго ему придется быть одному, — сказал Стью и обнял ее за плечи. — И судя по его виду, мне кажется, что скоро он совсем выздоровеет. Как ты считаешь, Лори?

Но Лори уже ушла, оставив их одних перед стеклянным окном палаты.

Морщась от боли в ноге, Стью наклонился к Фрэнни и неуклюже обнял ее. Они смотрели на Питера с таким удивлением, словно это был первый родившийся на земле ребенок. Скоро Питер уснул, прижав ручки к груди, но они продолжали смотреть на него... и удивлялись тому, что он вообще появился на свет.

Зима наконец-то осталась позади.

Она была длинной, и для Стью с его восточно-техасским прошлым она показалась невероятно холодной. Через два дня после возвращения в Боулдер его неправильно сросшуюся ногу снова сломали и наложили на нее тяжелый гипс, который ему пришлось таскать на себе до начала апреля. К тому времени гипс стал похож на чрезвычайно сложную дорожную карту — казалось, каждый житель Боулдера считал своим долгом поставить на нем свой автограф. Хотя, разумеется, это было невозможно, так как к первому мая население Свободной Зоны достигло девятнадцати тысяч — во всяком случае, так утверждал возглавляемый Сэнди отдел переписи населения, который часто просто не успевал фиксировать всех новоприбывших.

На праздник Мэйдэй в двух милях над городом, на Амфитеатре Санрайз, был устроен гигантский пикник. Похоже, что это был последний массовый митинг в истории Зоны, разве что однажды все жители решат отправиться в Денвер и собраться на футбольном стадионе.

Питер лежал в манеже под одеялом. Неожиданно он громко заревел. Фрэн было двинулась к нему, но Люси, бывшая уже на восьмом месяце беременности, оказалась рядом с ним первой. Она положила его на другое одеяло и стала расстегивать синие вельветовые штанишки. Питер замахал ногами в воздухе.

— Почему бы вам не пойти прогуляться? — спросила Люси. Она улыбнулась Фрэн, но Стью показалось, что улыбка ее была немного грустной.

— Действительно, почему бы и нет? — согласилась Фрэн и взяла Стью под руку.

Стью позволил себя увести. Они перешли через дорогу и оказались на мягком зеленом лугу, который под крутым углом уходил вверх к белым облакам и голубому небу.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил Стью.

— Чем этим? — Но Фрэн выглядела как-то уж чересчур невинно.

— Своим видом.

— Присядем, Стью.

— Так вот, значит, как?

Они сели на траву и стали смотреть на восток. Где-то далеко, за голубой дымкой, была Небраска.

— Это очень серьезно. И я не знаю, как сказать тебе об этом, Стюарт.

— Скажи, как умешь.

Из глаза Фрэн выкатилась слезинка. Рот ее дрогнул.

— Фрэн...

— Нет, я не буду плакать, — сказала она сердито и разрыдалась. Стью положил ей руку на плечи и стал ждать.

Когда стало казаться, что худшее уже позади, он сказал:

— Ну а теперь расскажи мне все. В чем дело?

— Я грущу по дому, Стью. Я хочу вернуться назад в Мэн.

Где-то позади них радостно кричали дети. Стью посмотрел на Фрэн в полнейшем изумлении. Потом он неуверенно усмехнулся.

— И всего-то? А я то думал, что ты по меньшей мере решила со мной развестись.

— Я никуда не уеду без тебя, — сказала она. — Разве ты этого не знаешь?

— Да знаю, наверное.

— Я хочу вернуться в Мэн. Мне он снится. Тебе когда-нибудь снился твой Восточный

Техас, Стью?

— Нет, — ответил он честно. — Я вполне могу прожить и без своего Арнетта. А тебе хочется в Оганквит, Фрэнни?

— В конце концов, может быть, и да. Но не сразу. Я хочу поехать в западную часть Мэна, так называемый Озерный Район. Ты почти до него доехал, когда мы с Гарольдом встретили тебя в Нью-Хемпшире. Там есть такие красивые места, Стью. Брайтон, Суиден, Касл Рок... Озера, наверное, полны рыбой. Когда-нибудь мы поселимся на побережье. Но не в этот год. Слишком много воспоминаний. Море будет казаться слишком большим. — Она опустила глаза на свои беспокойные руки. — Если ты захочешь остаться здесь... помочь им наладить жизнь... я пойму это. Горы тоже очень красивы, но... я не чувствую себя здесь дома.

Он посмотрел на восток и обнаружил, что он наконец-то может назвать то беспокойное чувство, которое одолевало его с тех пор, как начал таять снег. Это была тяга к перемене мест. Слишком уж много стало людей в Боулдере. Нельзя сказать, что яблоку негде было упасть, пока нет. Но он уже начинал нервничать. Были жители Зоны, которые не обращали на это внимания, более того, им даже нравилось, что вокруг много людей. Таким был Джек Джексон, возглавивший новый состав комитета (теперь в него входило уже девять членов). Таким был и Бред Китченер. У Бреда была масса проектов, и именно ему принадлежала идея вернуть к жизни одну из телестанций Денвера. Каждый вечер с шести до часа ночи по ней показывали старые фильмы, а в девять передавали короткую сводку новостей.

Человек, который в отсутствие Стью стал судебным исполнителем, Хью Петрелла, был не очень-то ему по душе. Сам факт того, что Петрелла провел ПРЕДВЫБОРНУЮ КАМПАНИЮ, чтобы занять эту должность, внушал Стью недоверие. Он был суровым пуританином с топорными чертами лица. У него было семнадцать человек в подчинении, и на каждом заседании Комитета Свободной Зоны он пробивал себе дополнительное количество людей. Петрелла не был плохим человеком, но он был тяжелым человеком... и Стью предполагал, что со своей верой в то, что закон дает ответы на все вопросы, он стал гораздо лучшим судебным исполнителем, чем мог бы стать Стью.

— Я знаю, что тебе предложили место в комитете, — неуверенно сказала Фрэн.

— У меня такое чувство, что это нечто вроде почетного звания, не так ли?

На лице у Фрэн появилось облегчение.

— Ну...

— И еще у меня такое чувство, что они будут рады, если я откажусь. Я был бы единственным переизбранным на новый срок членом старого комитета. А ведь мы были комитетом кризиса. Теперь никакого кризиса уже нет. А что насчет Питера, Фрэнни?

— Я думаю, к июню он уже сможет путешествовать, — сказала она. — И я хотела бы дождаться, пока Люси родит.

Со дня рождения Питера — 4 января — в Зоне родилось еще восемнадцать детей. Четверо умерло, но с остальными было все в порядке. Очень скоро должны были начать рождаться дети от невосприимчивых к супергриппу родителей, и было весьма вероятно, что ребенок Люси окажется первым.

— Как насчет того, чтобы выехать первого июля? — спросил он.

Фрэн просияла.

— Ты согласен! Ты правда хочешь?

— Конечно.

— Ты говоришь это только для того, чтобы доставить мне удовольствие?

— Нет, — сказал он. — Другие люди тоже потихоньку начнут уезжать. Не все, но некоторые.

Она обвила руками его шею и прижалась к нему.

— Может быть, это будут просто каникулы, — сказала она. — А может быть... может быть, нам действительно там понравится. — Она посмотрела на него робко. — Может быть, мы захотим остаться.

Он кивнул, но в душе усомнился в том, что кто-то из них двоих сможет примириться с жизнью на одном месте в течение многих лет.

Он посмотрел в сторону Люси и Питера. Люси сидела на одеяле и подбрасывала его в воздух, как мячик. Он хохотал и пытался схватить ее за нос.

— А ты думала о том, что он может заболеть? И ты сама? Что, если ты снова забеременеешь?

Она улыбнулась.

— Но есть же книги. Мы с тобой можем прочитать их. Не можем же мы всю жизнь провести в страхе, правда?

— Да нет, конечно.

— Книги и хорошие лекарства. — Фрэнни взяла его за руки. Глаза ее сияли. — Мы испытаем нашу удачу и проживем нашу жизнь так, как нам хочется.

— О'кей. Мне нравятся твои слова.

— Я люблю тебя, Восточный Техас.

— Взаимно, мадам.

Питер снова расплакался.

— Пошли посмотрим, что там стряслось с императором, — сказала она, поднимаясь на ноги.

— Он попытался ползти и ушиб себе нос, — сказала Люси, передавая Питера Фрэн. — Бедняжка.

— Бедняжка, — согласилась Фрэн и положила Питера себе на плечо. Он прислонился головой к ее шее, посмотрел на Стью и улыбнулся.

Люси перевела взгляд с Фрэн на Стью, а потом вновь посмотрела на Фрэн.

— Вы уезжаете, так ведь? Ты уговорила его?

— По-моему, да, — ответил Стью. — Однако, мы поваландаемся тут, пока не увидим собственными глазами, кто там сидит у тебя в животе.

— Я рада, — сказала Люси.

Питер уснул. Втроем они стали подниматься к тому месту, где был накрыт общий ленч.

Они сидели на веранде и смотрели, как Питер с энтузиазмом ползает по пыльному двору. Стью сидел на стуле с плетеным камышовым сиденьем. От долгих лет службы сиденье сильно прогнулось. Слева от него в качалке сидела Фрэн. Во дворе, по левую сторону от Питера, в лучах заходящего солнца висели качели из старой шины.

— Она ведь здесь очень долго прожила, да? — тихо спросила Фрэн.

— Долго-долго, — согласился Стью и указал на Питера. — Он запачкается с головы до ног.

— Здесь есть вода. У нее был ручной насос. Так что все удобства к нашим услугам, Стюарт.

Он кивнул. Потом раскурил трубку. Питер оглянулся, чтобы проверить, на месте ли они.

— Эй, крошка, — сказал Стью и помахал ему рукой.

Питер упал. Потом он снова встал на колени и пополз, описывая по двору большой круг. В конце покрытой грязью дороги стоял небольшой домик на колесах. Спереди к нему была прикреплена лебедка. Они старались держаться подальше от главных дорог, но лебедка все

равно часто была кстати.

— Ты чувствуешь себя одиноко? — спросила Фрэн.

— Нет. Пока нет.

— Боишься за ребенка? — Она похлопала себя по животу, который пока был абсолютно плоским.

— Нет.

— Пит будет ревновать.

— Это скоро пройдет. А Люси родила двойню. — Он улыбнулся, глядя в небо. — Подумать только.

— Как ты думаешь, когда мы попадем в Мэн?

Он пожал плечами.

— Где-то в конце июля. У нас еще будет куча времени, чтобы подготовиться к зиме.

— Ты только посмотри на него, как он вымазался!

— Я же предупреждал.

Он наблюдал за тем, как она сошла с веранды и взяла ребенка на руки. Он сидел на том же самом месте, где так часто и долго сидела Магушка Абагейл, и думал о будущем. Ему казалось, что все должно быть в порядке. Со временем им надо будет поехать в Боулдер, чтобы их дети смогли познакомиться со своими сверстниками. Чтобы они нашли себе мужа или жену и смогли завести новых детей. А может быть, Боулдер приедет к ним. Были люди, которые подробно расспрашивали об их планах, чуть ли не устраивали им допрос... но в глаза их было не презрение, и не гнев, а нетерпение. Очевидно, не только Стью и Фрэн испытывали тягу к перемене мест. Гарри Данбертон, бывший продавец очков, часто разговаривал о Миннесоте. А Марк Зеллман темой для своих разговоров избрал — что бы вы думали? — Гавайи. Он собирался научиться водить самолет и улететь туда.

— Марк, ты же убьешь себя! — с негодованием воскликнула Фрэн.

— А ты на себя посмотри, Фрэнни, — с лукавой интонацией произнес Марк.

А Стэн Ноготни начал задумчиво поговаривать о путешествии на юг. Возможно, он остановится в Акапулько на несколько лет, а потом отправится в Перу.

— Вот что я тебе скажу, Стью, — сказал он. — Все эти люди раздражают меня до чертиков. Из дюжины я едва ли одного знаю в лицо. Люди запирают на ночь свои дома... не смотри на меня так, это *факт!* Я часто думаю об Акапулько. Если бы я только смог убедить Джени...

Не так уж будет плохо, — подумал Стью, наблюдая за тем, как Фрэн качает воду, — если Свободная Зона распадется. Глен Бэйтмен согласился бы с ним — он в этом абсолютно уверен. Свободная Зоны выполнила свое предназначение. Так что лучше разбежаться в разные стороны, пока...

Пока что?

На последнем заседании Комитета Свободной Зоны, когда Стью и Фрэн еще были в городе, Хью Петрелла попросил и получил право вооружить своих подчиненных. В начале июня один пьяный избил подчиненного Петреллы и швырнул его в окно бара на Перл Стрит. Пострадавшему пришлось наложить свыше тридцати швов и сделать переливание крови. Петрелла считал, что этого никогда бы не произошло, если бы блюститель порядка был вооружен. В городе вспыхнула полемика, к которой никто не остался равнодушен. Многие люди (и Стью среди них) считали, что если бы блюститель порядка был вооружен, то он бы, конечно, не был ранен, но пьяный был бы убит.

«Что происходит вслед за появлением вооруженной полиции? — спрашивал он себя. Каково следствие?» И ему показалось, что в ответ на его вопрос зазвучал ученый, немного

суховатый голос Глена Бэйтмена: «Вы вооружаете их более смертоносным оружием. Снабжаете их патрульными машинами. А когда где-нибудь в Чили или в Канаде обнаруживается еще одна Свободная Зона, вы назначаете Хью Петреллу министром обороны, просто на всякий случай, и, возможно, вы станете посылать шпионские отряды, потому что в конце-то концов...»

ОРУЖИЕ ЛЕЖИТ ВОКРУГ И ТОЛЬКО И ЖДЕТ, ЧТОБЫ ЕГО ПОДОБРАЛИ.

— Давай уложим его, — сказала Фрэн, поднимаясь по ступенькам.

— О'кей.

— Что это ты тут сидишь с таким кислым видом, а?

— С кислым видом?

— Ну да.

Двумя пальцами он раздвинул уголки рта в улыбке.

— Так лучше?

— Гораздо. Помогите мне уложить его.

— С удовольствием.

Следуя за ней в дом Матушки Абагейл, он думал о том, насколько было бы лучше, если бы все просто разошлось в разные стороны. Отложили бы создание общества на возможно более долгий срок. Именно с созданием общества начинают возникать проблемы. Именно тогда клетки сходятся вместе и начинают наливаться темной силой. Нет нужды раздавать полицейским оружие, до тех пор, пока они не перестанут помнить имена... лица...

Фрэн зажгла керосиновую лампу, и вокруг распространилось мягкое желтое сияние. Питер сонно наблюдал за ними. Он наигрался вдоволь. Фрэн надела на него ночную рубашку.

«Чего у нас вдоволь, так это времени, — думал Стю. — Время жизни Питера, время жизни его детей, а может быть, даже внуков. Примерно до 2100 года, но не больше. За это время бедная старушка земля успеет немного оправиться. Сезон отдыха.»

— Что? — спросила она, словно подслушав его мысли.

— Сезон отдыха, — повторил он.

— Что это значит? — спросила она.

— Все, — сказал он, взял ее за руку и посмотрел на Питера.

— Фрэнни, — сказал он после паузы и заглянул ей в глаза.

— Что, Стюарт?

— Как ты думаешь... люди научатся чему-нибудь?

Она открыла рот, чтобы что-то сказать, помедлила и так и не решилась заговорить. Керосиновая лампа мигала. Глаза ее казались невероятно голубыми.

— Я не знаю, — сказала она наконец.

Казалось, она была недовольна своим ответом, ей хотелось добавить что-то еще, как-то пояснить свои слова, но она смогла лишь повторить снова:

— Я НЕ ЗНАЮ.

ЭПИЛОГ. КРУГ ЗАМЫКАЕТСЯ

Нам нужна помощь, — считал Поэт.

Эдвард Дорн

Он проснулся рано, и был восход.

Высоко над ним голубел небосвод.

Тогда он сел, огляделся вокруг. Острый риф выступал из темнеющих вод. Он был на пляже, белом, как кость. Бирюзовое море вздымало странные лодки. Это были (каное, каное с выносными уключинами) Он знал это... но откуда?

Он поднялся на ноги и чуть не упал. Его трясло с ног до головы. Он чувствовал похмелье.

Он обернулся. Зеленые джунгли прыгнули к нему в глаза, темная мешанина деревьев, лиан, широких листьев и цветов, которые были (розовыми, как сосок девочки из церковного хора) Он снова почувствовал изумление.

Кто такая девочка из церковного хора?

И, если уж на то пошло, то что такое сосок?

Попугай ара вскрикнул при виде его, слепо рванулся вперед, врезался в толстый ствол старой индийской смоковницы и упал мертвым у ее подножия, задрал лапки кверху.

Мангуста посмотрела в его обожженное, поросшее щетиной лицо и умерла от мозговой эмболии.

Жучок, деловито взбиравшийся по стволу пальмы, почернел и превратился в черный остров. На мгновение между двумя его антеннами зашипела молния голубого электричества.

КТО Я?

Он не знал.

ГДЕ Я?

Какая разница.

Он пошел — заковылял — к краю джунглей. В ушах у него зазвенело от голода. Его мозг был пуст, как мозг новорожденного ребенка.

Он был уже на полпути к темной зелени, когда из нее появилось трое человек. Четверо. Полдюжины.

Коричневые, гладкокожие.

Они уставились на него.

Он уставился на них.

Он начал вспоминать.

Шесть человек превратились в восемь. Восемь — в дюжину. Все они сжимали копья. Они стали угрожающе потрясать ими. Обросший щетиной человек посмотрел на них. Нам нем были джинсы и старые потрескавшиеся ковбойские ботинки. Больше ничего. Его торс был белым, как брюхо карпа, и очень худым.

Копья поднялись вверх. Один из коричневых людей — вождь — сдавленным голосом выкрикивал одно и то же слово, которое звучало примерно так:

ЮН-НАХ!

Да, он начал вспоминать.

Теперь он знал свое имя.

Он улыбнулся.

Улыбка появилась на его лице, словно красное солнце, вышедшее из-за облака. Обнажившись ослепительно белые зубы, глаза засверкали. Он протянул им свои лишенные линий ладони в универсальном жесте мира.

Перед мощью этой усмешки они спасовали. Копья упали на песок.

— Вы говорите по-английски?

В ответ только взгляды.

— Habla espanol?

Едва ли. Едва ли эти мудаки хаблили на этом трахнутом эспаньоле.

Что это значит?

Где он?

Ну что ж, со временем это выяснится. Рим строился не в один день.

Место, где ты стоишь, не имеет никакого значения. Важно, чтобы ты был жив...

— Parlez-vous francais?

Нет ответа. Они зачарованно уставились на него.

Он заговорил с ними по-немецки, а потом расхохотался над глупым, овечьим выражением их лицам. Один из них беспомощно зарыдал, совсем как ребенок.

Простые парни. Примитивные, неграмотные. Но я могу использовать их. Да, я прекрасно могу это сделать.

Он двинулся к ним, все еще вытянув вперед свои лишенные линий ладони, все еще улыбаясь. В глазах его сверкала жаркое, безумное ликование.

— Меня зовут Расселл Фарадей, — сказал он медленным, чистым голосом. — Я пришел сюда с важной миссией.

Они смотрели на него испуганно и зачарованно.

— Я пришел, чтобы помочь вам.

Они стали опускаться на колени и склонять перед ним свои головы, и когда его темная, темная тень упала между них, его усмешка стала шире.

— Я пришел, чтобы сделать вас цивилизованными!

— ЮН-НАХ! — выдохнул вождь, объятый ликованием и ужасом. И когда он поцеловал ступни Рассела Фарадея, темный человек засмеялся, и казалось, что его хохот никогда не прекратился.

Жизнь — это карусель, на которой никому не дано удержаться надолго.

И она всегда, в конце концов, возвращается на то же самое место, замыкая круг.

notes

Note1

бестселлер американского писателя Джозефа Хеллера

Note2

герой мультфильмов о койоте и страусе американского продюсера Вальтера Ланца